

БОМ

БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ДЖОН РУССО

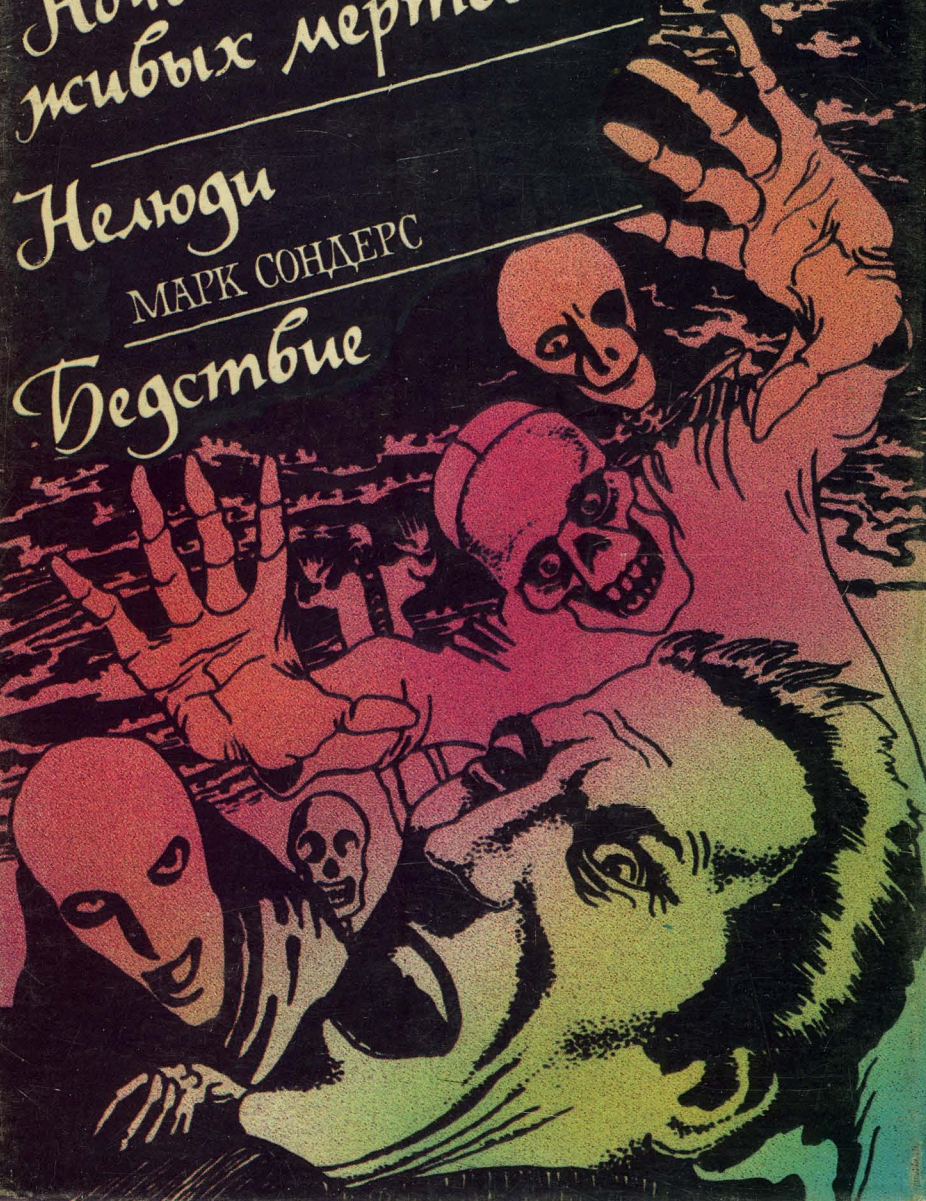
Ночь
живых мертвецов

Нелюди

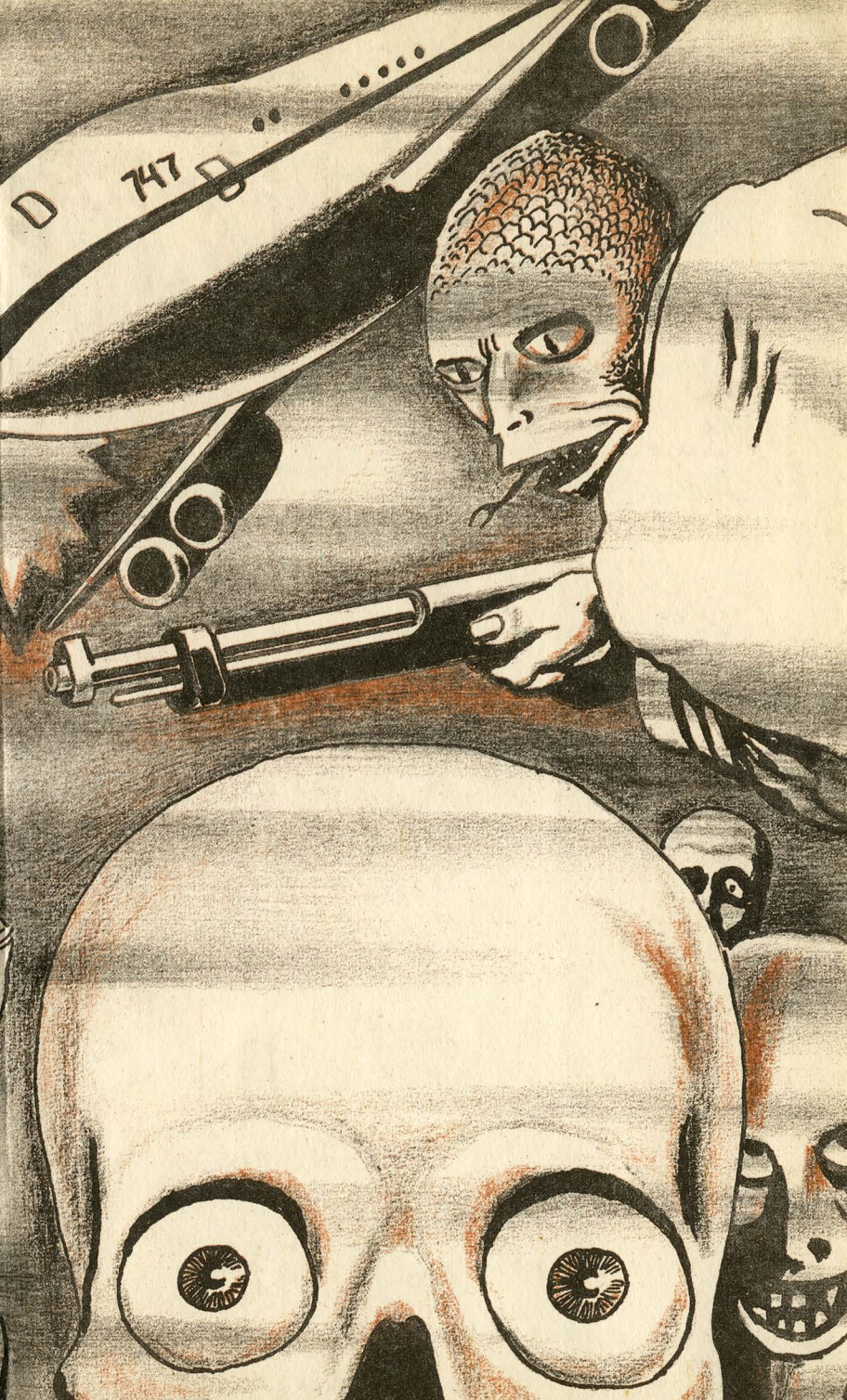
МАРК СОНДЕРС

Бегство

БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ДЖОН РУССО

Ночь
живых мертвецов

Нелюди

МАРК СОНДЕРС

Бегство

Москва
Компания «Ключ-С»
1992

Переводы с английского

С. Алукард

и

В. Терещенко

Составление

Т. Чичиной

Иллюстрации

Б. Сопина, Т. Сопинной

Лицензия ЛРН 070370

4703040100—2806

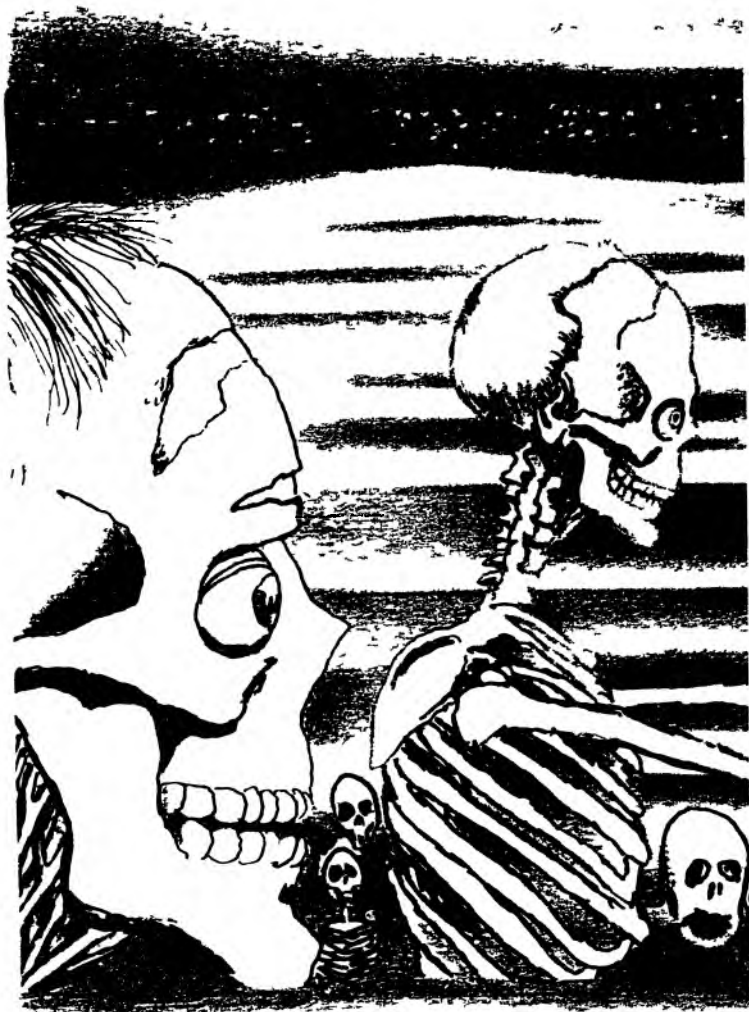
Р ————— 2806—92
ИЗ8(03)—92

ISBN 5—253—00633—8

- © Переводы С. Алукард
и В. Терещенко. 1991.
- © Составление Т. Чичиной.
- © Брылев Л. В.
Оформление. 1992.
- © Иллюстрации. 1992.

ДЖОН РУССО

Ночь живых мертвецов

Задумайтесь на минуту о тех, кто жил на свете и умер, чьи чувства не будет больше ласкать шелест листьев, пение птиц и нежные лучи утреннего солнца.

Все, что так дорого и так быстротечно, для них больше не существует. Прожить немного и затем умереть... Что может быть печальней, не так ли?

Однако, в некотором смысле, мертвым можно и позавидовать.

Для них позади уже и жизнь и сама смерть.

А разве не заманчиво оставить другим все жизненные невзгоды и, оказавшись под землей, обрести, наконец, долгожданный покой и забвение... Забыть и боль, и страдания, и вечный страх смерти.

Им не придется больше жить. И не придется умирать, чувствовать боль и задумываться о том, что предстоит испытать, когда настанет час смерти. Они не будут уже ломать голову над своими и чужими поступками, ждать и надеяться, любить и ненавидеть, заботиться, страдать и ежечасно думать о завтрашнем дне.

Вы никогда не задавались вопросом, почему жизнь кажется нам такой прекрасной или отвратительной, радостной или печальной, но все же значительной, пока мы живем, и оказывается столь пустой и банальной, когда все подходит к концу?

Жизнь тлеет какое-то время и потом угасает. А молчаливые могилы терпеливо ждут, когда их заполнят. Смерть венчает собой любую жизнь, и новым поколениям, занятым своими заботами, нет никакого дела до тех, кто жил раньше. Но затем и они, в свою очередь, уступают место потомкам.

Люди рождаются и умирают ежесекундно, а в промежутке между этим они живут иногда счастливо, иногда нет, но в конце концов смерть приводит всех к наименьшему общему знаменателю.

Но что заставляет людей так бояться смерти?

Не только боль. Не всегда. Ведь смерть может быть мгновенной и почти безболезненной; она сама по себе является концом всякой боли.

Так почему же все-таки люди боятся умирать?.. Кто знает ответ на этот вопрос?.. Может быть, мы смогли бы узнать об этом у тех, кто уже умер, если б им удалось хоть на минуту вновь оказаться с нами; если бы они воскресли из мертвых?.. Но кто скажет, друзей или врагов мы встретили бы в их лице? И смогли бы мы вообще иметь с ними дело — мы, кто никогда не был в силах преодолеть свой страх и прямо взглянуть в лицо смерти.

Глава первая

Были уже сумерки, когда они обнаружили, наконец, крошечную церковь, стоявшую в стороне от дороги и почти полностью скрытую в зарослях кленов. Если бы они не нашли ее до темноты, то, возможно, что не нашли бы и вовсе.

Целью их поездки было старое кладбище позади церкви. И они разыскивали его уже почти два часа, обследуя одну за другой длинные, извилистые проселочные дороги с такими глубокими колеями, что днище машины то и дело скребло по земле и им приходилось ползти со скоростью меньше пятнадцати миль в час, слушая душераздирающий стук летящего из-под колес гравия по крыльям и изнемогая от жары в облаке горячей желтой пыли.

Они ехали, чтобы положить вснок на могилу своего отца.

Наконец Джонни резко затормозил на обочине дороги у подножия поросшего высокой травой холма, и его сестра Барбара посмотрела на него со вздохом усталости и облегчения.

Джонни молчал. Он лишь рассерженно дернул узел своего и так уже слегка ослабленного галстука и уставился в лобовое стекло, ставшее почти непрозрачным от пыли.

Он все еще не выключал двигатель, и Барбара тотчас же догадалась, почему Джонни хотел заставить ее еще немного помучиться в духоте автомобиля, всем своим видом давая понять, что он не зря с самого начала был против этой поездки и теперь возлагает на нее всю ответственность за эти дьявольские неудобства. Он очень устал и был сильно раздражен, и сейчас хранил ледяное молчание, хотя на протяжении двух часов, пока продолжались их поиски, беспрестанно выплескивал на сестру всю свою обиду и гнев, постоянно огрызался и даже не пытался казаться бодрым. Машина жутко подпрыгивала на ухабах, и он с трудом сдерживался, чтобы не вдавить педаль газа до самого пола.

Джонни было уже двадцать шесть лет, а Барбаре только девятнадцать, но во многих отношениях она была гораздо более зрелой, чем он, и за годы их совместного взросления прекрасно научилась справляться с его настроениями.

Она просто вышла из машины, не сказав брату ни слова, и оставила его сидеть, уставившегося в ветровое стекло.

Неожиданно из приемника, который был включен, но не работал, донеслось несколько слов, которые Джонни не разобрал, и радио снова замолкло. Джонни посмотрел на приемник, затем ударил по нему и принялся яростно крутить ручку настройки взад и вперед, однако по радио больше не было произнесено ни единого слова. «Странно», — подумал он. Странно и так же необъяснимо, неудачно и досадно, как и все, случившееся с ним в этот совершенно отвратительный день. Все это уже приводило Джонни в тихую ярость. Если радио неисправно, то почему оно то и дело начинает говорить и тут же опять умолкает? Оно должно быть или исправно, или неисправно, а не сходить с ума.

Джонни еще несколько раз ударил по приемнику и снова покрутил ручку настройки. Ему показалось вдруг, что он услышал произнесенное кем-то слово «опасность» среди треска и мешанины полуслов, пробивавшихся сквозь свист и помехи. Но сколько Джонни ни старался, его усилия были тщетны; радио молчало.

— Черт побери! — громко сказал Джонни, выдернул ключи из замка зажигания, вылез из машины и ногой с силой захлопнул дверь.

Он поискал глазами Барбару, а затем вспомнил о венке, привезенном на могилу отца, открыл багажник и вытащил его на дорогу.

Венок был в коричневом бумажном пакете, и Джонни положил его прямо на землю, чтобы тот не мешал закрывать багажник. Потом он окликнул Барбару и испытал новый прилив гнева, поняв, что она решила не дожидаться его.

Барбара уже взбиралась вверх по холму, направляясь к маленькой церкви, прятавшейся между растущими на вершине высокими деревьями.

Не торопясь, стараясь не запачкать ботинки, Джонни двинулся за ней по поросшему травой склону и вскоре догнал сестру.

— Какая славная церковь! — сказала она. — И эти деревья вокруг... Замечательное место!

Это была самая обычная сельская церковь — деревянное строение, выкрашенное в белый цвет, с красным шпилем и длинными, узкими старомодными окнами из цветного стекла.

— Давай сделаем то, зачем приехали, и будем возвращаться, — раздраженно сказал Джонни. — Уже темнеет, а нам еще три часа добираться до дома.

Барбара с досадой пожала плечами, и Джонни молча последовал за ней в обход церкви.

На кладбище не было ни тропинок, ни ворот — лишь торчащие из высокой травы надгробия беспорядочно расположенных под столетними деревьями могил. Под ногами хрустели прошлогодние опавшие листья. Захоронения начинались уже в нескольких ярдах от церкви и простирались до самой опушки леса, подступающего к другой стороне холма.

Надгробные камни здесь сильно различались и по размеру и по степени своей ветхости и совсем не походили один на другой. Тут можно было встретить и скромный песчаный холмик с воткнутой в него жестяной табличкой, и тщательно выполненные монументы в виде францисканского распятия или высеченного из мрамора изображения ангела-хранителя. Самые старые из камней, потемневшие и растрескавшиеся от времени, почти не обнаруживали сходства с надгробиями а напоминали скорей лесные валуны, тускло блестящие в опускающемся на землю сумраке.

Последние лучи уходящего солнца мягким сиянием отражались на посеревшем небе, а деревья и длинные стебли травы, казалось, дрожали в сгущающейся темноте. И над всем этим царствовали спокойствие и тишина, которую скорее усиливал, чем нарушал, непрекращающийся стрекот сверчков и шорох опавших листьев, перешептывающихся о чем-то при каждом дуновении ветра.

Джонни остановился и с неприязнью посмотрел на Барбару, медленно идущую между могилами. Она двигалась не торопясь, очень осторожно, стараясь не наступить на чей-нибудь холмик, и наклонялась чуть ли не к каждому памятнику, стараясь отыскать принадлежащий ее отцу. Джонни подозревал, что мысль оказаться на кладбище после наступления темноты пугала ее, и это его забавляло, поскольку он все еще был зол на сестру и хотел заставить ее немного помучиться за то, что она вынудила его проехать две сотни миль только ради того, чтобы положить венок на могилу. По его мнению, это было поступком абсолютно глупым и бессмысленным.

— Ты не помнишь, в каком она ряду? — примирительно спросила его Барбара.

Но он и не думал отвечать. Вместо этого Джонни злобно улыбнулся и повернулся к сестре спиной. Она медленно переходила от камня к камню, останавливаясь возле каждого, на котором еще можно было прочесть имя умершего. Барбара знала, как выглядело надгробие ее отца, и могла даже вспомнить некоторые имена людей, похоро-

ненных рядом. Но с приближением темноты искать становилось все труднее.

— Мне кажется, мы смотрим не в том ряду, — сказала она наконец.

— Мы здесь одни на всем кладбище, — ответил Джонни, особенно подчеркнув слово «одни». Затем он добавил: — Если бы не эта крошечная темнота, мы бы нашли ее за пару минут.

— Да, если бы ты встал пораньше... — заворчала Барбара и, не договорив, стала двигаться вдоль следующего ряда могил.

— Последний раз я гроблю воскресенье на такое хреновое мероприятие, — с досадой сказал Джонни. — Или пусть мать сама сюда ездит, или нам надо перенести могилу поближе к дому.

— Иногда мне кажется, что ты жалуешься, только чтобы услышать свой собственный голос, — холодно ответила Барбара. — А кроме того, ты последнее время слишком часто говоришь глупости. Ты же прекрасно знаешь, что мама слишком слаба, чтобы совершать такие поездки самостоятельно.

Вдруг знакомое надгробие попало Джонни на глаза. Он внимательно рассмотрел его, узнал в нем могилу отца, но решил не говорить пока Барбаре, чтобы та поискала подольше. Однако желание поскорее отправиться домой вскоре одержало в нем верх над стремлением помучить сестру.

— Мне кажется, это здесь, — безразличным тоном сказал он и стал смотреть, как Барбара пробирается к нему, стараясь, по своему обыкновению, не наступить на чью-нибудь могилу.

— Да, это она, — с облегчением сказала Барбара, подойдя ближе. — Можешь быть доволен. Теперь мы уже скоро отправимся домой.

Джонни молча подошел к могиле и еще раз взглянул на надпись, прежде чем вынуть венок из коричневого бумажного пакета, который он все это время держал под мышкой.

— А я даже не помню, как выглядел отец, — задумчиво сказал он. — Двадцать пять долларов за эту штуку, а так его толком и не помню.

— А я помню, — с упреком ответила Барбара, — хотя я была гораздо меньше тебя, когда он умер.

Они оба посмотрели на стандартный пластмассовый венок, украшенный искусственными цветами. Внизу, на куске красного пластика, изогнутого в виде ленты, завя-

занной большим бантом, были написаны золотой краской следующие слова: «Мы тебя помним».

Джонни усмехнулся.

— Матушка, видите ли, на старости лет захотела помнить, и поэтому мы должны ехать за тридевять земель, чтобы положить на могилу этот вшивый венок. Как будто он смотрит оттуда сквозь землю и проверяет, насколько хороши все эти декорации.

— Джонни, как тебе не стыдно! — сердито сказала Барбара. — Это же займет пять минут. — А потом она опустилась на колени возле могилы и стала молиться, в то время как Джонни взял венок и, подойдя к самому надгробию, с усилием воткнул проволоочные ножки в плотную, утопанную землю.

Затем он встал, тщательно отряхнул одежду, как будто бы сильно испачкал ее, и снова начал ворчать:

— Это займет не пять минут. Это займет три часа и пять минут. Нет — шесть часов и пять минут! Три часа туда и три обратно. Плюс еще два часа, которые мы потратили на поиски этого проклятого места.

Барбара оторвалась от своей молитвы, гневно сверкнула на него глазами, и он замолчал.

От скуки Джонни зевнул и тупо уставился в землю. Затем начал нетерпеливо покачиваться взад-вперед, засунув руки в карманы. Барбара продолжала молиться, и, как ему казалось, это тянулось уже неоправданно долго. От нечего делать Джонни стал оглядываться по сторонам, всматриваясь в темноту и пытаясь различить туманные очертания отдаленных могил. Из-за сгустившихся сумерек уже не все надгробия было хорошо видно, и от этого казалось, что их здесь не так уж много — лишь самые крупные памятники были еще ясно видны. Звуки ночи казались особенно громкими из-за отсутствия человеческих голосов. Джонни молча вглядывался в темноту.

Вдруг вдали показалась странная движущаяся тень, похожая на пригнувшуюся фигуру, бредущую между могилами.

«Наверное, сторож или поздний посетитель», — подумал Джонни и нервно посмотрел на часы.

— Пойдем, Барб, ты уже была сегодня в церкви, — раздраженно сказал он.

Но Барбара не ответила и продолжала молиться, будто нарочно решив растянуть это подольше, чтобы только позлить его.

Джонни закурил, лениво выпустил первое облачко дыма и снова огляделся по сторонам.

Там, вдалеке, определенно кто-то двигался среди могил. Джонни прищурился, но было уже слишком темно, чтобы различить что-то, кроме неясного силуэта, который то и дело скрывался за деревьями и надгробиями, медленно продвигаясь по кладбищу.

Тогда он повернулся к сестре, намереваясь ей что-то сказать, но в этот момент она в последний раз перекрестилась и поднялась с колен. В молчании Барбара медленно отвернулась от могилы, и они зашагали прочь. Джонни курил и пиная ногой мелкие камешки.

— Молиться надо в церкви, — скучающим тоном сказал он.

— Как раз тебе бы церковь пошла на пользу, — ответила Барбара. — А то ты превращаешься в настоящего дикаря.

— Ну, дед же говорил мне, что я буду проклят. Помнишь? Как раз на этом самом месте, когда я прыгнул на тебя вон из-за того дерева. А он это заметил, вышел из себя и торжественно объявил мне своим замогильным голосом: «Ты будешь проклят навеки!»

Джонни весело рассмеялся.

— А ты ведь не на шутку перепугалась тогда, — утешающе сказал он. — Помнишь?

— Джонни! — Барбара улыбнулась, чтобы показать ему, что она совсем не боится, хотя и знала, что в темноте он все равно не сможет увидеть ее улыбку.

— Нет, мне кажется, ты и сейчас боишься, — настаивал он. — Я думаю, ты боишься людей, которые лежат в могилах. Мертвецов. Что, если они выйдут из своих гробов и погонятся за тобой? А, Барбара? Что ты тогда будешь делать? Убегать? Молиться?

Он обернулся и угрожающе посмотрел на нее, как будто собираясь наброситься.

— Джонни, перестань! — устало отмахнулась она.

— А ты ведь боишься! — не унимался он.

— Нет!

— Ты боишься мертвецов!

— Перестань, Джонни!

— Они уже выходят из могил, Барбара! Смотри — вон идет один из них... — И он указал пальцем на пригнувшуюся фигуру, медленно плетущуюся между могилами.

Сторож, или кто бы он ни был, остановился и, кажется, посмотрел в их сторону. Однако было слишком темно, чтобы сказать это с полной уверенностью.

— Вот он идет за тобой, Барбара! — продолжал издеваться Джонни. — И он мертв! Но он идет за тобой.

— Джонни, перестань, он услышит. Как же тебе не стыдно!

Но Джонни отбежал в сторону и спрятался за толстым высоким деревом.

— Слушай, ты...— начала Барбара, но в смущении оборвала себя на полуслове и опустила глаза, так как движущаяся в темноте фигура явно приближалась к ней, и уже стало ясно, что их пути пересекутся.

Барбаре казалось странным, что кто-то еще, кроме нее и ее придурковатого брата, оказался на кладбище в столь поздний час. «Наверное, запоздалый посетитель или ночной сторож»,— подумала она и улыбнулась, собираясь поздороваться. А Джонни в это время, смеясь, выглядывал из-за дерева.

Но вдруг человек схватил Барбару за горло и начал душить, другой рукой срывая с нее одежду. Она попыталась вырваться и закричать, но крепкие пальцы лишили ее дыхания, а нападение было столь неожиданным и жестоким, что испуг почти парализовал ее.

Джонни сразу же выскочил из-за дерева и набросился на человека, пытаясь остановить его, и все трое, потеряв равновесие, повалились на землю. Джонни изо всех сил колотил незнакомца кулаками, а Барбара отчаянно отбивалась ногами и своей сумочкой. Вскоре Джонни и незнакомец покатались по земле вдвоем, нещадно избивая друг друга, а Барбара, удачно вывернувшись, смогла вырваться на свободу.

В панике она едва не бросилась наутек.

Незнакомец без усталости бил Джонни по всем частям тела, а тот делал все, что мог, чтобы выстоять. Через несколько минут они с трудом поднялись на ноги, сжимая друг друга в стальных объятиях. Оба сражались изо всех сил, но напавший на них мужчина дрался подобно дикому животному — гораздо яростнее и ожесточеннее, чем это делает большинство людей: он безжалостно бил, душил, порой впивался зубами в руки и шею Джонни. В отчаянии Джонни обхватил его тело руками, и они снова повалились на землю.

В почти уже полной темноте их неясные очертания сливались в одну катающуюся по земле массу, и Барбара, опасавшаяся за исход, не имела никакой возможности определить, кто из них одерживает в этой схватке верх. Ею снова овладевало желание бежать и спастись самой, но в то же время она хотела спасти и своего брата, правда, не знала, как.

Тогда она начала отчаянно звать на помощь. Но крик только усиливал ее страх, поскольку частью своего разума она сознавала, что на много миль вокруг нет ни души и некому услышать ее зов.

Два человека с ревом катались по земле, переворачивались, били друг друга и издавали страшные животные звуки; и один из них уже одерживал верх. На тусклом фоне потемневшего неба Барбара видела, как он обрушивает кулаки на голову своего противника.

На всякий случай она нашла на земле палку и, зажав ее в руке, сделала шаг или два по направлению к дерущимся.

Снова послышался тяжелый глухой стук кулаков, но на этот раз он перешел уже в хруст ломающейся кости. Барбара в ужасе остановилась. Человек наверху сжимал в руке камень и старался размозжить им череп своего противника.

Наконец луна осветила лицо победителя, и Барбара с содроганием обнаружила, что это был не Джонни.

Тяжелый камень вновь и вновь обрушивался на голову ее брата, а Барбара, потрясенная и скованная ужасом, не могла двинуться с места. Наконец камень вывалился из рук убийцы и покатился по земле. Девушка крепче сжала в руках свою палку, приготовившись защищаться до конца, однако незнакомец продолжал неподвижно стоять на коленях над поверженным телом.

А затем Барбара услышала странные, неприятные звуки. Она не могла разглядеть, что именно делает этот маньяк, но звуки были такие, словно кто-то с остервенением разрывал на части мертвое тело Джонни.

Убийца, казалось, не обращал на Барбару никакого внимания. Сердце девушки бешено колотилось, страх сковал все ее существо, а ужасные звуки обволакивали потрясенное сознание и лишали ее рассудка. В состоянии крайнего шока, почти на грани обморока, Барбара не слышала ничего, кроме этого жуткого звука разрываемой плоти. А убийца с растущей жестокостью терзал тело ее брата, и — да, да! — в коротком проблеске лунного света она увидела, как он впивается зубами в мертвое лицо Джонни.

Медленно, с широко раскрытыми глазами, словно замороженная этим кошмаром, Барбара двинулась по направлению к незнакомцу. Ее губы раскрылись, и она невольно испустила громкий стон.

Убийца пристально посмотрел на нее. И тогда она с омерзением услышала его отвратительное свистящее дыхание — неестественный тяжелый скрежещущий звук. Он медленно встал, перешагнул через растерзанное тело

Джонни и двинулся к ней, пригнувшись, как зверь, готовый к прыжку.

Барбара издала душераздирающий крик, полный отчаянного животного ужаса, выронила свою палку и побежала. Человек сразу вздрогнул, как бы проснувшись, и стал преследовать ее, двигаясь медленно, с видимым усилием, словно был изуродован или покалечен.

Он с громким хрипом наступал на Барбару, прокладывая себе путь между могилами, а она все бежала и бежала, спотыкаясь и отчаянно хватая ртом воздух, а затем упала и покатилась по грязному заросшему сорняками склону по направлению к автомобилю.

Рванув на себя ручку дверцы водителя и очутившись внутри, Барбара слышала медленные приглушенные шаги своего преследователя, звучащие все ближе и ближе.

Ключей нет. Они остались в кармане Джонни.

Убийца двигался все быстрее и решительней, стремясь во что бы то ни стало добраться до девушки.

Барбара в ужасе вцепилась руками в руль, будто это могло сдвинуть с места машину. Она беспомощно всхлипывала. И едва ли не слишком поздно сообразила, что окна в машине открыты. Отчаянно вертя ручку, она подняла стекла, а потом заперла все двери.

Убийца с силой рванул ручку на себя и, поняв, что дверца закрыта, принялся яростно колотить кулаками по крыше автомобиля.

Барбара снова пронзительно закричала, но человек, казалось, не слышал ее и совершенно не боялся быть застигнутым на месте преступления.

Он подобрал на дороге крупный и острый камень и изо всех сил ударил им в стекло правой двери, отчего оно покрылось сплошной сеткой мелких трещин. Еще один мощный удар — и камень пробил стекло насквозь. Руки убийцы потянулись к Барбаре, стараясь схватить ее за волосы, за шею, за руки — за что угодно.

И тут она мельком увидела его лицо. Оно было мертвенно-бледным и одутловатым, а черты его искажало глубокое безумие или смертельная мука.

Ударив кулаком в это неопишемое лицо, она в тот же момент отпустила стояночный тормоз, и автомобиль начал медленно двигаться вниз по склону, а убийца преследовал его, колотя кулаками по крыше, дергая за ручки дверей и пытаясь ухватиться и повиснуть на них.

По мере того, как уклон становился круче, машина набирала скорость, и убийце пришлось отцепиться и рысью бежать рядом с ней. Автомобиль шел все быстрее, и вот

преследователь споткнулся, схватился сначала за крыло, потом за задний бампер, но наконец оторвался и тяжело грохнулся на дорогу. Однако он вскоре поднялся на ноги и продолжил свое решительное и бесстрастное преследование.

Автомобиль неся вниз по крутой извилистой дороге, а Барбара, застыв, сидела на месте водителя и судорожно сжимала руль, напуганная скоростью и темнотой. Но еще больше она боялась затормозить.

Фары! Она резко дернула выключатель, и свет фар заплесал между летящими навстречу деревьями. Барбара взяла крутой поворот и едва избежала столкновения с вековым дубом, а потом увидела, что дорога дальше сужается до ширины одного автомобиля. А впереди, примерно в двухстах футах, спуск уже кончился и плавно переходил в подъем.

И вот уже скорость начала падать, хотя еще какое-то время машина продолжала по инерции двигаться вверх. Тут только Барбара оглянулась, но поначалу ничего не увидела. Однако через пару секунд из-за поворота показался неясный силуэт ее преследователя, и она поняла, что тот все это время неотступно двигался вслед за ней.

На середине подъема машина бесшумно остановилась, и затем Барбара с ужасом почувствовала, как она начинает двигаться назад, неся ее прямо в лапы убийцы, который был уже совсем рядом. Автомобиль медленно набирал скорость, а девушка неподвижно сидела за рулем, парализованная страхом.

Наконец она справилась со сковывавшим ее оцепенением и, схватившись за стояночный тормоз, с силой дернула рычаг на себя. Резкий рывок отбросил ее на спинку сиденья.

Некоторое время Барбара боролась с дверной ручкой; дверь никак не открывалась, пока она не вспомнила, что надо выдернуть кнопку. Убийца уже приближался. Девушка распахнула дверцу, выскочила из машины и бросилась бежать.

Преследователь не отставал, стараясь двигаться все быстрее и быстрее своей шаркающей тяжелой походкой. Барбара бежала вверх по крутому склону холма так быстро, как только могли нести ее ноги. Несколько раз она спотыкалась, падала и сдирала кожу на коленях. Но потом опять поднималась и отчаянно бежала дальше, а страшный незнакомец продолжал неотступно двигаться по ее следу.

Достигнув вершины холма, она выбежала, наконец, на шоссе, скинула туфли и по гладкому асфальту побежала

уже быстрее, надеясь разглядеть на дороге хоть какую-нибудь машину. Но шоссе было совершенно пустым. Через несколько минут она добежала до какой-то низкой каменной ограды, плавно уходящей в сторону от дороги, и подумала, что, наверное, где-то за этим забором должен быть дом. Барбара с разбегу перепрыгнула ограждение и сперва хотела спрятаться за ним, но хриплое дыхание и тяжелые шаги преследователя слышались все ближе и ближе, и она поняла, что забор будет для нее слишком ненадежным укрытием.

Затем, оглядевшись по сторонам, она заметила вдалеке тусклый свет окна, пробивающийся сквозь густую листву растущих по другую сторону поля деревьев.

Спотыкаясь в темноте о камни, сухие ветки и торчащие из земли корни, Барбара рванулась через поле к освещенному окну.

Сперва на ее пути попался гараж, выстроенный на самом краю ведущей к дому грязной дороги. Возле гаража тускло поблескивали под единственной оголенной лампочкой два бензиновых насоса из тех, которыми фермеры пользуются для заправки своих тракторов и других машин. Барбара остановилась и на минуту спряталась за одним из насосов, но вскоре сообразила, что свет лампы выдает ее.

Обернувшись, она увидела, что убийца медленно приближается к ней, ковыляя через заброшенное поле, поросшее высокой травой и редкими деревьями.

Барбара подбежала к дому и принялась звать на помощь так громко, как только могла. Но никто не откликнулся. Никто не появился на крыльце. Дом был равнодушен и глух к ее просьбам, и ничто уже не оставляло надежды, за исключением тусклого света из одного единственного окна.

Она прижалась к неосвещенной стене и попыталась заглянуть в окно, но не увидела там никаких признаков жизни. По-видимому, здесь некому было услышать ее крики, никто не придет к ней на помощь.

В кругу света от лампы, горящей у гаража, появился приземистый силуэт человека. Это был он — убийца ее брата, и человек этот шел сейчас прямо на нее.

В панике она бросилась за угол дома — туда, где в тени виднелось маленькое крыльцо черного хода. Ее первым побуждением было вновь закричать о помощи, но Барбара сдержалась, надеясь остаться незамеченной. Она судорожно ловила ртом воздух, но, представив себе, как хорошо сейчас слышно ее тяжелое дыхание, попыталась

сдержать его. Тишина... ночные звуки... и бешеный стук ее готового выпрыгнуть из груди сердца, сквозь который она слышала постепенно замедляющиеся шаги своего преследователя. Наконец шаги стихли.

Барбара быстро осмотрелась по сторонам. Потом заглянула в заднее окно, но внутри была полная темнота. Шаги за углом возобновились и начали угрожающе приближаться. Девушка в отчаянии прижалась спиной к двери, и тут ее пальцы нащупали холодную стальную ручку. Она безо всякой надежды посмотрела на нее, будучи совершенно уверена в том, что дверь заперта, но на всякий случай сжала ее в руке и попробовала повернуть. Дверь открылась.

Глава вторая

Стараясь не издать ни единого звука, Барбара быстро проскользнула в дом и, плавно прикрыв за собой дверь, заперла ее на засов, а потом попыталась отыскать ключ. Она нашла его прямо в замке и осторожно повернула два раза с еле слышным сухим щелчком. Затем прислонилась к двери, прислушалась и смогла различить приближающиеся шаги убийцы, пытавшегося разыскать ее в темноте.

Пробираясь на ощупь по незнакомому помещению, Барбара испуганно вздрогнула, когда ее рука неожиданно прикоснулась к холодной конфорке электрической плиты. Кухня. Она находилась на кухне этого пустого старого дома. Барбара повернула регулятор, и плитка тускло засветилась, позволив ей сориентироваться здесь, не привлекая к себе внимания преследователя. Несколько секунд она молча оглядывалась по сторонам, затем осмелилась сделать первый шаг.

Барбара тихо пересекла кухню и оказалась в большой гостиной, тоже темной и лишенной признаков жизни. Ей снова захотелось позвать на помощь, но она сдержала себя, вернулась в кухню и стала рыться в огромном шкафу, в надежде отыскать что-нибудь пригодное для самозащиты. Наконец на глаза ей попался ящик со столовым серебром. Выбрав большой нож для мяса и зажав его в руке, она снова подошла к двери и прислушалась. Все спокойно. И тогда, крадучись, Барбара прошла обратно в гостиную. За ней она разглядела маленькую темную прихожую, в которую вела парадная дверь дома. Охваченная внезапным приливом ужаса, Барбара бросилась к этой двери и удостоверилась, что она заперта. Затем она осторожно отогнула занавески и выглянула на улицу. Ее взору открылась широкая лужайка перед домом, переходящая в по-

росшее сорняками поле, через которое она только что бежала сюда. Чуть дальше под тенистыми деревьями виднелся гараж и рядом с ним — блестящие под тусклой лампочкой бензонасосы. Никаких признаков своего преследователя Барбара не обнаружила.

Внезапно снаружи послышался шум — какой-то стук и треск дерева. Барбара выронила уголок занавески и напряглась. Звуки усилились. Она поспешила к боковому окну. В конце лужайки Барбара увидела человека, который яростно колотил чем-то в дверь гаража. С минуту она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Человек продолжал неистово колотить в запертую дощатую дверь. Затем оглянулся, поднял с земли огромный камень и с силой швырнул его в сторону дома. В панике Барбара отскочила от окна и прижалась всем телом к стене.

Вдруг на глаза ей попался телефон, стоявший на деревянной полочке в другом конце комнаты. Она сразу же бросилась к нему и схватила трубку. Послышался гудок. Слава Богу! Барбара принялась отчаянно крутить диск. Но гудок внезапно прервался и воцарилась мертвая тишина. Она снова и снова нажимала на рычажки аппарата, но гудок не возобновлялся. По какой-то причине телефон не работал. Сначала радио, теперь телефон...

Барбара швырнула трубку на рычаг и опять подбежала к окну, привлеченная неожиданным шорохом перед парадной дверью. Высокий сутулый мужчина медленно пересекал лужайку, направляясь к дому. Было похоже, что это другой человек. Ее сердце забилось одновременно с надеждой и страхом — она не знала, кто это мог быть, и поэтому не осмеливалась позвать его на помощь.

Барбара бросилась к двери и снова стала всматриваться через щель между занавесками, напряженно пытаясь разгадать, кто этот новый человек — друг или враг. Но кто бы он ни был, он явно шел по направлению к ней. Внезапно чья-то тень упала на занавеску окна, расположенного слева от входной двери. Барбара отогнула уголок занавески и от неожиданности вздрогнула и отскочила назад.

Она с ужасом увидела спину своего преследователя, который молча смотрел на человека, подходившего к дому. Убийца двинулся навстречу незнакомцу, и Барбара испуганно замерла, ожидая развития событий. Она застыла, прижавшись холодным лбом к двери, бросила полный отчаяния взгляд на свой нож, а затем снова уставилась на тех двоих во дворе.

Они встретились и, не обменявшись ни единым словом, неподвижно встали под темными ветвями деревьев, устремив взгляды в направлении кладбища. Барбара прищурилась, стараясь получше разглядеть, что происходит. Наконец убийца двинулся назад к дороге, а второй подошел к дому и встал в тени дерева, бесстрастно наблюдая за дверью.

Барбара напряженно вглядывалась в темноту, но смогла увидеть немного. Тогда она снова устремилась к телефону, подняла трубку, но та по-прежнему молчала. Она еле сдержалась, чтобы не швырнуть ее в стену.

И тут неожиданно послышался далекий звук приближающегося автомобиля. Барбара рванулась к окну и стала, затаив дыхание, смотреть на дорогу. Пока ничего не было видно. Но затем показался слабый свет фар, и наконец из-за поворота появились два желтых луча — машина, сильно подпрыгивая на ухабах, быстро приближалась к ферме. Барбара взялась за ручку и бесшумно приоткрыла дверь, позволив узкому лучику света упасть на лужайку. Невдалеке, под большим старым деревом, по-прежнему виднелся неподвижный силуэт второго неизвестного. Барбара в ужасе содрогнулась, и у нее перехватило дыхание при одной мысли о том, что ее может постичь неудача с автомобилем. Хотя человек под деревом сидел пока вполне спокойно, низко опустив голову и плечи, его взгляд ни на секунду не отрывался от дома.

Пока Барбара разглядывала ненавистную фигуру на лужайке, машина быстро проехала мимо, ее шанс спастись бегством был упущен. Она со слезами закрыла дверь и, вернувшись в темноту старого дома, подумала, что, наверное, первый убийца отправился за подкреплением и вернется скорее всего не один, чтобы вместе с друзьями взломать дверь, изнасиловать и убить ее.

В отчаянии она огляделась вокруг. Большая, мрачная комната была погружена в зловещую тишину. Между гостиной и кухней находился коридор, из которого на второй этаж вела узкая деревянная лестница. Барбара, крадучись, подошла к ней, и ее пальцы нащупали выключатель. На верхней площадке зажегся свет, и девушка начала подниматься по ступенькам, осторожно придерживаясь за перила и обшаривая глазами помещение в надежде найти наконец стоящее укрытие. Она тихо двигалась на цыпочках, крепко сжимая в руке нож, но, добравшись до верхней ступеньки, пронзительно закричала, и ее истошный вопль дважды повторило гуляющее в пустом доме эхо: там, наверху, на площадке лестницы, в свете одинокой

лампочки лежал труп с содранным с костей мясом, пустыми глазницами и обнаженными белыми зубами и костями черепа, на которых лишь кое-где болтались изорванные куски окровавленной кожи, будто бы тело было изъедено крысами, пока лежало там в луже засыхающей крови.

Не переставая кричать, Барбара выронила нож и, спотыкаясь, побежала вниз по лестнице. Окончательно потеряв голову от ужаса и давясь подступающей рвотой, она кинулась ко входной двери, влекомая единственным желанием — убраться поскорее из этого дома и никогда больше в него не возвращаться. Сознание Барбары металось на грани полного безумия, она трясущейся рукой отперла дверь и бросилась в темноту, уже не думая о последствиях.

Внезапно ее ослепил яркий свет — она инстинктивно вскинула руку, пытаясь защититься от него, — но тут раздался громкий скрип, и не успела она сообразить, что случилось, как прямо перед ней на лужайке вырос богатирского вида мужчина.

— Так ты одна из них? — злобно прокричал он.

Барбара, застыв от неожиданности, молча смотрела на него.

Стоявший перед ней человек только что выпрыгнул из небольшого грузовика, который за секунду до этого остановился посреди лужайки, заскрипев тормозами и ослепив ее светом фар.

Барбара продолжала молча смотреть на него.

— Ты одна из них? — опять закричал он. — Ты на них похожа! — Мужчина поднял руку, собираясь ударить ее, и Барбара испуганно вздрогнула.

Она никак не могла разглядеть его лица, поскольку тот стоял спиной к слепящему свету фар.

Вдруг человек, сидевший под деревом позади грузовика, поднялся и сделал несколько шагов в их сторону. Барбара пронзительно закричала и отшатнулась назад, а водитель резко повернулся навстречу приближающемуся незнакомцу, который тотчас же остановился и стал молча смотреть на них.

В конце концов приехавший на грузовике схватил Барбару за плечи и втолкнул обратно в дом с такой силой, что и сам не устоял на ногах и повалился на нее. Барбара закрыла глаза и приготовилась встретить свою смерть.

Однако мужчина тут же вскочил, захлопнул дверь и запер ее на замок. Затем приподнял занавески и выглянул наружу. Казалось, он не слишком интересовался Барбарой, и ее первоначальный испуг понемногу прошел; она открыла глаза и стала незаметно следить за ним.

В руке водитель держал монтировку. Он оказался чернокожим, на вид около тридцати лет, и был одет в широкие спортивные брюки и свитер. Но самое главное — он совсем не походил на ее преследователя. Хотя на лице его и застыло напряженное выражение, лицо это было на редкость добрым и приятным. Он выглядел настоящим Геркулесом, и роста в нем было не меньше двух метров.

Барбара медленно поднялась на ноги, все еще не спуская с водителя глаз.

— Все в порядке, — дружелюбно сказал он. — Все о'кей. Я не такой, как эти твари. Меня зовут Бен. И я не причиню тебе вреда.

Барбара без сил упала в глубокое кресло и тихо заплакала, а Бен начал деловито изучать окружающую обстановку. Первым делом он направился в соседнюю комнату и проверил запоры на окнах. Затем включил лампу и, убедившись, что она работает, опять погасил ее. И только потом, уже из кухни, заговорил с Барбарой:

— Да не бойся ты эту тварь снаружи! Я с ней в два счета управлюсь. Их, правда, может стать здесь гораздо больше, когда они все узнают про нас. А у меня, как назло, кончился бензин, и насосы во дворе заперты. Где тут у вас лежит ключ?

Барбара не отвечала.

— У тебя ключ есть? — повторил Бен, пытаясь сохранить дружелюбный тон.

Но Барбара снова ничего не ответила. События последних двух часов привели ее в состояние почти полного оцепенения.

Бен подумал, что она, может быть, не расслышала его, поэтому вернулся в гостиную и вновь обратился к ней:

— Я говорю, колонки во дворе заперты. А нам нужен бензин. И потом, тут есть что-нибудь съестное? Я бы приготовил сначала поесть, затем надо отбиться от той твари во дворе и попытаться найти бензин.

Барбара продолжала безутешно плакать, закрыв лицо руками.

— Я думаю, ты уже пробовала позвонить? — спросил Бен и, не ожидая больше ответа, снял телефонную трубку. Но аппарат молчал. С минуту он вертел трубку в руках, потряс ее, а потом бросил на место. Посмотрев на Барбару, он увидел, что та дрожит.

— Телефон не работает, — грустно и даже как-то виновато улыбнулся он. — С таким же успехом мы могли бы испробовать две консервные банки и веревку. А ты вообще-то здесь живешь?

Девушка молчала, со страдальческим видом уставившись на верхнюю площадку лестницы. Бен проследил за ее взглядом и, решив посмотреть, в чем там дело, зашагал по ступенькам, но уже на половине пути увидел труп — мгновение он смотрел на него, а потом отвернулся и стал медленно спускаться назад в гостиную.

Взглянув на Барбару, он понял, что ее состояние граничит с глубоким шоком, но ему не оставалось ничего другого, как только снова приняться за дело.

— Нам обязательно надо выбраться отсюда, — постарался как можно мягче сказать он. — Мы должны найти других людей — кого-нибудь с ружьями или с чем-нибудь еще.

Потом он отправился на кухню и принялся что-то там искать, раскрыв настежь холодильник и оба кухонных шкафа. Затем достал откуда-то большой пластиковый пакет и начал торопливо наполнять его припасами из холодильника, подгребая все, что только попадалось под руку.

Неожиданно подняв глаза, Бен увидел, что Барбара стоит рядом с ним.

— Что происходит? — спросила она слабым шепотом, так тихо, что он еле расслышал. Барбара стояла, широко раскрыв глаза, как ребенок, ждущий ответа.

Бен с удивлением посмотрел на нее.

— Что происходит? — еще тише повторила она, порывисто повертев головой в испуге и замешательстве.

Внезапно оба вздрогнули от звука бьющегося стекла. Бен выронил свои припасы, схватил монтировку, подбежал ко входной двери и выглянул сквозь имевшееся в ней маленькое оконце. Звук повторился. Оказалось, что первый убийца уже вернулся и, присоединившись ко второму, вместе с ним только что разбил обе передние фары грузовика.

— Уже двое... — тихо выругавшись, пробормотал Бен. Два человека во дворе начали беспорядочно колотить камнями по кузову грузовика. Однако их удары не имели, казалось, конкретной цели; это больше походило на какое-то бессмысленное разрушение. В действительности они не причиняли машине большого вреда.

Но Бен обернулся с выражением беспокойства на лице.

— Они могут повредить мотор, — озабоченно сказал он Барбаре. — Сколько их там снаружи? Ты знаешь?

Барбара недоуменно отшатнулась от него, и тогда Бен подскочил к ней, схватил девушку за запястья и сильно встряхнул, пытаясь вернуть ее к действительности.

— Сколько? Ну?.. Я знаю, что ты сильно напугана. Но ты не волнуйся — я смогу справиться с теми двумя, которые сейчас во дворе. Но сколько их там еще?.. Этот грузовик — наш единственный шанс отсюда выбраться. Надо только знать, сколько их будет всего. Так сколько же?

— Я не знаю! Я не знаю! — закричала Барбара. — Что происходит? Я не понимаю, что происходит!

И, пытаясь высвободить свои руки, она разразилась истерическими рыданиями.

Бен отпустил ее, подошел к двери и, подняв занавеску, выглянул наружу. Двое возле грузовика продолжали яростно колотить по нему, явно пытаясь разнести радиатор.

Бен распахнул дверь, спрыгнул с крыльца и начал медленно приближаться к ним, но когда они повернулись к нему, он испытал неожиданный приступ тошноты от того, что увидел в свете, падавшем из открытой двери дома.

Опухшие лица нападавших были лицами мертвецов. Плоть на них разлагалась и местами стала уже расплзаться. Глаза почти вывалились из глазниц, а кожа была бескровной и мертвенно-бледной. Они двигались с видимым усилием, как будто та неведомая сила, что вернула их к жизни, по какой-то причине не смогла довести свою работу до конца. Но несмотря на это, они были настолько мерзкими и жуткими тварями, что вызвали у Бена бурю чувств, потребовавшей всей его способности испытывать страх. Холодный пот струился по его щекам, пока он шел им навстречу, сжимая в руках монтировку.

— Ну давайте, подходите, сейчас получите, — бормотал он себе под нос, сосредоточившись на предстоящей атаке и двигаясь сперва медленным шагом, а затем уже почти побежав им навстречу.

Но двое вместо того, чтобы отступить, ринулись прямо на него, словно влекомые какой-то магической внутренней силой. Бен начал наносить удары, изо всех сил размахивая своей монтировкой. Но его сокрушительные выпады, как бы сильны они ни были, не приносили ожидаемого результата. Они не могли ни остановить этих тварей, ни причинить им ощутимую боль. Это было все равно, что выбивать ковер. Вновь и вновь Бен отбрасывал их назад, но они приближались опять с каким-то яростным звериным упорством. Однако в конце концов Бен сумел сбить их с ног и долго еще бил по головам и обмякшим телам поверженных, пока не почувствовал нечеловеческую усталость.

Потрясенная Барбара стояла на крыльце с широко раскрытыми от страха глазами и молча наблюдала за этим

жутким побоищем. Бен работал, как автомат; раз за разом он с уханьем обрушивал увесистый инструмент на мертвые головы, разбивая черепа распростертых на земле существ. И в конце концов Барбара, не в силах больше вынести жестокости этого зрелища, отчаянно закричала и, обхватив голову руками, в ужасе закрыла глаза. Снова и снова ее крики пронзали ночную тишину, смешиваясь с тяжелым дыханием Бена и звуками монтировки, пробивающей череп мертвых тварей.

Наконец Бену удалось совладать с собой и остановиться. Шумно дыша, он стоял посреди лужайки, замороженный спокойствием теплой лунной ночи.

Перестав кричать, девушка безвольно опустилась на порог дома и отсутствующим взглядом уставилась на него. Или сквозь него — он уже не мог понять, куда. Бен хотел сказать что-нибудь ободряющее, но никак не мог перевести дыхание.

Внезапно он услышал за спиной Барбары какой-то шум и, вскочив на крыльцо, увидел, что из кухни к ней направляется еще одна из этих ужасных мертвых тварей. Каким-то образом ей, вероятно, удалось сломать замок на задней двери.

— Запри эту дверь! — закричал Бен, и Барбара, каким-то чудом взяв себя в руки, закрыла дверь гостиной и заперла ее на ключ, в то время как в кухне последовала еще одна жестокая схватка.

Мертвец, с которым на этот раз начал сражаться Бен, выглядел еще хуже, чем двое предыдущих, как если бы он пролежал в земле дольше них или умер более страшной смертью. Рваные клочья кожи и мяса повсеместно свисали с его лица, а кости рук просвечивали сквозь кожу, как тело просвечивает сквозь протертые рукава. Единственный мертвый глаз существа висел, наполовину вывалившись из глазницы, а рот был перекошен и забит грязью и спекшейся кровью.

Бен попытался нанести удар, но мертвец повис на его руке, и монтировка с громким стуком упала на пол. Бен судорожно шарил рукой в надежде поднять свое оружие, и одновременно борясь с этим жутким монстром, сумел наконец опрокинуть его на ковер. Из глотки твари исходило страшное зловоние и какие-то хриплые скрежещающие звуки, очень похожие на те, что издавал убийца брата Барбары. Мертвец почти уже дотянулся своими трясуцимися костлявыми руками до горла Бена, однако тот схватил монтировку и с размаху вонзил ее острие в прогнивший череп.

Пошатываясь, Бен тяжело поднялся. Ему пришлось упереться ногой в лицо твари, чтобы вытащить свой инструмент, и мертвая голова глухо ударилась о пол гостиной. Тонкая струйка белой и совсем не похожей на кровь жидкости брызнула из образовавшейся в черепе раны.

Но Бен не успел подумать о том, что это могло означать, поскольку звуки, доносившиеся из кухни, говорили ему, что еще одно существо проникло в дом. Он встретил его в коридоре и несколькими мощными ударами вытолкнул на заднее крыльцо, с силой захлопнул дверь и прислонился к ней плечом, удерживая ее закрытой и пытаясь перевести дыхание.

После длительного молчания Бен сказал:

— Теперь они знают, что мы здесь. Это для них больше не секрет. И они убьют нас, если мы себя не защитим.

Он говорил это, обращаясь прямо к Барбаре, в надежде увидеть хоть какие-то признаки понимания и готовности помочь ему в их совместной борьбе за жизнь. Но Барбара не слышала его. Ее лицо нервно подергивалось, а широко раскрытые глаза, не мигая, смотрели мимо него.

Взгляд девушки был устремлен на то место, где в коридоре между гостиной и кухней распростерся на полу мертвый гуманоид. Неестественно изогнувшись, он лежал на спине с застывшей в воздухе правой рукой, пальцы которой были хищно скрючены как бы в попытке что-то схватить.

Вдруг Барбара с ужасом заметила слабое движение этой мертвой руки. Рука чуть заметно приподнялась. И все тело твари тоже слегка шевелилось. А голова на вывернутой, сломанной шее смотрела в потолок остановившимся взглядом единственного остекленевшего глаза.

В каком-то трансе Барбара сделала несколько шагов по направлению к этой лежащей твари. Страх и отвращение исказили лицо девушки напряженной болезненной гримасой. Рука мертвеца снова дернулась. Барбара медленно приближалась к нему, не отводя глаз, влекомая каким-то непреодолимым любопытством.

Мертвая тварь, со следами глубокого разложения на лице, лежала, подергиваясь и бессмысленно глядя вверх своим вывалившимся глазом. Но Барбара подходила все ближе, не обращая внимания на конвульсивную дрожь мертвеца и его отвратительный остекленевший и бесцветный глаз с мутным неровным зрачком.

Барбару охватывало дикое желание закричать и бежать отсюда, не разбирая дороги, но вместо этого она, как под

гипнозом, продолжала пристально смотреть в единственный мертвый глаз отвратительного существа.

И вдруг с громким шорохом тварь сдвинулась с места. Барбара, очнувшись от транса, отпрыгнула и закричала, не успев сообразить, что это Бен схватил мертвое тело за ноги и потащил его к выходу.

— Закрой глаза, детка, я сейчас вытащу эту штуку отсюда,— спокойным голосом сказал Бен, но пока он тащил труп через кухню, на его лице отразилась невыразимая мука и страшное отвращение.

Глаз мертвеца продолжал дергаться. А Барбара стояла, зажав обеими руками рот, боролась с подступившей тошнотой и слушала звуки тяжелого дыхания Бена и его борьбы с мертвым телом. Наконец он подтащил труп к двери кухни, отпустил его ноги, которые тут же глухо стукнулись об пол, и остановился, чтобы передохнуть и подумать.

Даже в тусклом свете, исходившем от включенной плитки, Барбара видела на лице Бена обильную россыпь блестящих капель пота, а шум его тяжелого дыхания, казалось, заполнял всю комнату. Глаза Бена смотрели тревожно и настороженно. Он торопливо повернулся и выглянул на улицу через маленькое окошко в двери. Мертвец все еще лежал, подергиваясь у его ног.

А снаружи, в тени развесистых деревьев, Бен разглядел еще троих, которые жадно смотрели на дом, свесив свои костлявые руки и устремив неподвижные взгляды выпученных глаз на приоткрытую парадную дверь.

Быстрым движением Бен распахнул дверь настежь и наклонился, чтобы спихнуть с крыльца тело, лежавшее у его ног. Три мерзких создания, ждавших под деревьями, издали отвратительный клокочущий хрип и сделали несколько медленных тяжелых шагов по направлению к дому. Не став дожидаться их приближения, Бен одним мощным движением вытолкнул труп за порог.

Твари на лужайке продолжали наступать, и стрекот сверчков сливался с хрипом и свистом из мертвых легких, который почти заглушал уже все остальные ночные звуки.

Еще одним усилием Бен подтолкнул мертвое тело к краю крыльца.

Изнутри дома Барбара не могла разглядеть, что делает Бен, поэтому она подошла к двери и, пытаясь унять охватившую ее дрожь отвращения, стала ждать, пока Бен вернется на кухню.

Отвратительные создания подходили все ближе, протягивая к дому свои гниющие руки с растопыренными паль-

дами в желании схватить и разорвать Бена на части. Он нахмурился и порылся в нагрудном кармане. Нащупав коробок спичек, он зажег одну и прикоснулся ею к грязной, оборванной одежде мертвеца. Тряпье тут же вспыхнуло.

Твари на дворе остановились. Поначалу пламя разгоралось медленно, и Бен тронул одежду спичкой еще в нескольких местах. Но так как внимание его было полностью приковано к приближавшимся тварям, он обжег пальцы и со злостью швырнул спичку прямо в лицо упорно не желающего гореть гуманоида. Тяжело дыша, Бен ногой спихнул горящий труп с крыльца, глядя, как тот скатился по трем невысоким ступенькам на траву и замер, объятый низким шипящим пламенем.

И тут Бен увидел, что три мертвеца во дворе резко пятились назад, пытаясь закрыть лица своими негнущимися руками, словно боясь огня. И тогда его пальцы победно сжались в кулак, стиснув узкие алюминиевые перила крыльца, а лицо ощущало уже жар горящего пламени.

— Я еще доберусь до вас,— тихо сказал Бен сам себе, и голос его задрожал. А затем он громко закричал в тишину ночи:

— Я доберусь до вас, суки! До всех! Проклятые выродки!

Бен вызывающе стоял на крыльце, а объятый пламенем труп медленно горел у его ног, источая невыносимое злое воню. Однако твари на лужайке больше не пятились и теперь стояли на безопасном расстоянии, хищно таращась на Бена.

Услышав за спиной внезапный шум, Бен резко обернулся и в дверях кухни увидел Барбару. Встретив ее взгляд, он с горечью отметил пустое и бессмысленное выражение, застывшее на ее лице. Постояв немного у входа, Барбара снова скрылась за дверью. Уверенным шагом Бен вернулся на кухню, захлопнул за собой дверь черного хода и хотел было запереть ее, но запор оказался сломан.

Тогда Бен обхватил руками тяжелый обеденный стол, подтащил его к двери и с грохотом загородил им проход. Его громкое дыхание стало еще чаще. А взгляд метался взад-вперед по комнате, как бы в поисках чего-то. Но Барбара не могла понять, чего именно.

Потом он бросился к кухонным шкафам, распахнул настежь дверцы и принялся рыться в содержимом полок. Они были полны обычной кухонной утвари и всяких съестных припасов. Довольно долгое время Бен молчал, а Барбара, не отрывая глаз, следила за его поисками.

— Посмотри, где-то там должен быть выключатель,— сказал он так неожиданно, что Барбара вздрогнула и отшатнулась к стене. Ее рука нащупала выключатель. Кухня наполнилась ярким светом, который тут же ослепил ее и заставил моргать и прищуриваться, а Бен с громким топотом продолжал энергично носиться по помещению. Девушка все еще стояла, прижавшись спиной к стене и держа руку на выключателе, и не осмеливалась пошевелиться. Она молча смотрела, как Бен вытаскивает из шкафов ящики и вываливает из них содержимое на стол или просто на пол.

Наконец он добрался до ящика со столовым серебром, открытого еще с тех пор, как его обнаружила Барбара, и с громким треском рывком выдвинул ящик до упора. Оттуда Бен вытащил большой хлебный нож и, с шумом втянув в себя воздух, подобрал живот и засунул нож за пояс. Затем он снова порывлся в ящике и вынул из него еще один нож. К удивлению Барбары, Бен резко шагнул в ее сторону и рукояткой вперед сунул нож прямо ей в руку. Она испуганно отшатнулась, и это слегка остудило пыл Бена. Он попытался успокоиться и, с трудом переводя дыхание, мягко, но настойчиво произнес:

— Держи-ка вот это. Может, еще пригодится...

Она поколебалась немного, но в конце концов нож взяла, и Бен вздохнул с облегчением. Барбара выглядела безвольной и апатичной, как будто полностью потеряла контроль над собой или просто решила сдаться без дальнейшей борьбы. Она непонимающе посмотрела на оружие в своей руке, затем ее глаза встретили напряженный взгляд Бена.

— Все хорошо,— сказал он.— Все нормально. Ты только слушай меня, и все будет в порядке. Мы должны защитить себя. А для этого нужно не пускать их сюда, пока мы не найдем способ выбраться из этого проклятого места.

Он не знал, дошли ли до Барбары его слова, но надеялся, что она поняла все правильно. Бен отошел от нее и продолжил свои поиски, разговаривая лишь иногда, в перерывах между тяжелыми вздохами и теми короткими моментами, когда его внимание было целиком поглощено какой-либо находкой — чем-то, что могло оказаться полезным в их борьбе за жизнь.

Его поиски вовсе не были беспорядочными, как это могло показаться на первый взгляд; на самом деле они велись очень избирательно и преследовали конкретную, осмысленную цель — он искал гвозди и доски или подходящие куски дерева, которыми можно было бы заколотить

окна и двери. Бен пришел к выводу, что на случай возможной решительной атаки тварей они должны укрепить этот дом как можно надежнее. Опасность такой атаки становилась все более угрожающей, так как число жертвцов вокруг дома непрерывно увеличивалось, и поэтому Бен торопился. Поначалу поглощавшие все его внимание поиски подстигивались только растущим чувством тревоги. Однако постепенно, по мере того, как он находил какие-то важные, необходимые предметы, его действия становились все более обдуманными и последовательными.

Бен стал пододвигать тяжелые столы и другие предметы обстановки к дверям и окнам, чтобы загородить ими наиболее уязвимые участки.

По мере того, как эти баррикады придавали их убежищу надежный вид, состояние Бена становилось все менее напряженным, а разум — более спокойным и хладнокровным. Сознание того, что предпринимаются какие-то усилия в направлении безопасности, стало овладевать и Барбарой, постепенно выводя ее из состояния оцепенения и безразличия.

— Все будет в порядке! — подмигнул ей Бен, стараясь, чтобы голос его звучал бодро и убедительно.

А Барбара, по-прежнему не двигаясь, смотрела, как он носится по комнате и, разбрасывая по полу свои находки, вываливает все из ящиков и скидывает с полок. Однако Бен все еще не мог найти ничего такого, что было бы ему действительно необходимо. На пол летели катушки ниток, пуговицы, крем для обуви, маникюрные принадлежности. И постепенно поиски Бена вновь стали лихорадочно торопливыми.

Наконец в деревянной коробке под раковиной он обнаружил то, что так долго искал. Вывалив содержимое на пол, Бен радостно подпрыгнул и издал победный крик, поскольку из ящика с глухим стуком выпал большой молоток-гвоздодер. Кроме него там нашелся топор и старая жестяная банка из-под табака, в которой оказались гвозди, шурупы и прочая мелочь. Несколько гвоздей со звоном скатились на пол, но Бен наклонился и бережно подобрал их. Он порывался в образовавшейся кучке железок, выбрал самые длинные гвозди и засунул их в карман своего свитера. Тут же он снова сорвался с места и вновь принялся искать что-либо подходящее.

Пробегая мимо, он бросил взгляд на Барбару.

— Посмотри, нет ли там, у камина, каких-нибудь деревяшек покрупнее! — прокричал Бен и отвернулся, чтобы

исследовать содержимое картонной коробки, стоящей на холодильнике. По ее весу он понял, что коробка пуста, и сразу отбросил ее в сторону, лишь мельком заглянув внутрь, а ноги уже несли его по направлению к шкафчику в углу комнаты, в котором скорее всего не было ничего, кроме продуктов. Но в этот момент Бен заметил, что Барбара все еще стоит без движения, и внезапно его гнев прорвался наружу; он в ярости закричал на нее:

— Послушай, ты...— Но тут же снова взял себя в руки, улыбнулся и заговорил уже не так грубо: — Послушай... Я знаю, ты боишься. Я тоже боюсь. И боюсь не меньше тебя. Но мы не сможем уцелеть, если будем сидеть сложа руки. Я собираюсь заколотить все двери и окна. Но ты должна мне помочь. Нам надо помогать друг другу, потому что больше помощи ждать не от кого... И тогда все будет в порядке. О'кей? А сейчас я хочу, чтобы ты пошла и посмотрела, нет ли там каких-нибудь досок возле камина.

Он замолчал, все еще тяжело дыша. Барбара виновато смотрела на него и, спустя несколько секунд, начала медленно двигаться, оторвавшись от стены.

— О'кей? — снова спросил Бен, глядя ей прямо в глаза.

После долгой паузы Барбара слабо кивнула.

— О'кей,— успокоившись, полушепотом повторил Бен и посмотрел вслед девушке, а затем продолжил свои поиски.

Барбара вошла в гостиную, где темнота заставила ее замедлить шаг. Из кухни продолжал доноситься производимый Беном шум. Барбара с опаской оглядела комнату, в которой каждая тень казалась ей подозрительной, и инстинктивно сжала рукоятку своего ножа. Что угодно могло скрываться в этих темных углах, прятаться за мебелью или в больших шкафах.

Неожиданно Барбара вздрогнула.

На обеденном столе, стоявшем в дальнем конце гостиной, виднелся темный силуэт вазы с крупными, округлой формы, цветами. И эти цветы зашевелились вдруг от дуновения ветра из открытого окна. В ужасе Барбара бросилась к окну, захлопнула его, заперла на задвижку и остановилась, тяжело дыша от испуга. Она заметила, что, закрывая окно, защемила край белой кружевной гардины. Но уже ничто на свете не заставило бы ее снова открыть это окно. Вздрогнув, она обернулась и увидела появившегося в дверях Бена, который заглянул в комнату, чтобы узнать, что здесь произошло. Барбара понадеялась было, что он останется, но в ту же секунду Бен повернулся и отправился назад в кухню искать дальше.

Снова оставшись одна, Барбара протянула руку и зажгла настольную лампу. Тусклый желтоватый свет озарил окружающее пространство. Комната была почти пуста. Девушка медленно двинулась по направлению к камину. Возле него лежали сложенные штабелем дрова и несколько досок, достаточно крупных, чтобы заколотить ими окна. Все еще сжимая в руке нож, она стала подбирать с пола доски, но неожиданно из дров выскочил паук и побежал по ее руке. И Барбара, пронзительно вскрикнув, с грохотом выронила весь свой груз.

Она подождала немного, надеясь, что Бен придет ей на помощь, но на этот раз он не появился на ее шум. С кухни доносился громкий стук молотка, и Барбара поняла, почему Бен не расслышал грохот рассыпанных ею досок. Она опустила на колени и аккуратно подобрала все, убедив себя больше не пугаться пауков.

Попытавшись со своей неудобной ношей, Барбара поспешила в кухню и, протиснувшись в дверь, увидела Бена, который молотком отбивал петли с высокой двери стенного шкафа. Заключительный удар, сильный рывок — и со скрежетом выдираемых из дерева шурупов дверь сорвалась с петель. Бен прислонил ее к стене рядом со шкафом, в глубине которого он обнаружил и другие полезные вещи — гладильную доску, три срединные доски от раздвижного обеденного стола и еще какой-то старый хлам.

Он тепло улыбнулся Барбаре, когда, подняв глаза, увидел принесенные ею доски, которые она осторожно сложила в углу. Сделав ей знак следовать за ним, Бен подхватил дверь стенного шкафа и понес ее через кухню к черному ходу, на котором был сломан запор. Он пристроил оторванную дверцу шкафа поперек проема черного хода и, прикинув, решил, что с помощью этой же доски можно будет заколотить и небольшое окно рядом с дверью. Подперев доску плечом, Бен стал искать в кармане свитера гвозди. Доска медленно поползла вниз. Она не закрывала полностью окно возле двери, оставляя небольшие просветы сверху и снизу, однако позволяла достаточно надежно укрепить саму дверь и закрывала имевшееся в ней маленькое окошко. Тяжелая доска снова поехала вниз, и Бен поправил ее локтем, продолжая искать гвозди. Неожиданно Барбара пришла ему на помощь, поддерживав сползающую доску и удерживая ее в нужном положении. Бен принял эту помощь автоматически, кажется, даже не заметив и никак не отреагировав, и быстрым точным взглядом окинул дверной проем, определяя, куда забивать гвозди.

Затем, вынув из кармана несколько длинных гвоздей, он вогнал их в дерево быстрыми и мощными ударами молотка. Бен вбил два гвоздя на своей стороне, прихватив доску к косяку у двери, затем быстро перешел на сторону Барбары и вбил еще два. Теперь, когда доска уже прочно держалась, он вогнал гвозди по самые шляпки, затем отступил назад, чтобы посмотреть, и принялся забивать еще. Бен старался расходовать гвозди экономно, вбивая их только там, где они могли бы принести наибольшую пользу, поскольку не располагал неограниченным запасом.

Потом он подергал за укрепленную дверь, и она показала ему достаточно прочной. А как только эта первая мера безопасности была предпринята, к Бену стали возвращаться уверенность и относительное спокойствие. И хотя он по-прежнему был встревожен и продолжал работать весьма торопливо, но тот факт, что он имел все необходимые для работы инструменты и план действий в случае опасности, давал ему ощущение не совсем уж полной беспомощности. Теперь он почти не сомневался, что сможет позаботиться должным образом о себе и об этой девушке.

— Готово! Ей-Богу! — наконец воскликнул он в приливе оптимистической радости. — Здесь они не проберутся. На это у них сил не хватит — так-то вот!

И он вогнал еще пару гвоздей в оконную раму, снова испытал укрепление на прочность и остался вполне доволен.

— Сквозь это они не пройдут, — произнес Бен, заключительными ударами утопив шляпки гвоздей в дереве.

Он внимательно осмотрел те части окна, которые остались незакрытыми, и пришел к выводу, что они не настолько велики, чтобы в них смог пролезть человек.

— У меня не так уж много гвоздей, — объяснил он Барбаре. — И я оставляю это так. Гораздо важнее укрепить другие места, где они могут пролезть.

Барбара ничего не ответила, не высказав ни одобрения, ни своего мнения на этот счет, и Бен бросил в ее сторону сердитый взгляд. Потом еще раз осмотрел кухню. Там больше не было ни дверей, ни окон, кроме единственной внутренней двери, ведущей в гостиную.

— Ну ладно... здесь уже вполне безопасно, — сказал он после тщательного осмотра и снова взглянул на Барбару, ожидая хоть какого-то знака одобрения или поддержки, но она по-прежнему молчала, и тогда Бен продолжил, немного повысив голос, чтобы смысл его слов лучше дошел до девушки. — Теперь... если что и случится...

Барбара неподвижно стояла на месте и смотрела на него безо всяких признаков понимания.

— Если что случится... мы побежим отсюда. И без промедления, иначе останешься там и будешь сама с ними разбираться. Если они вдруг прорвутся в дом, мы закроемся на кухне и забаррикадируем эту дверь.— Он указал на дверь между гостиной и кухней, которая в это время была открыта.

Барбара наблюдала, как он закрыл ее, проверил на прочность, затем открыл снова. Потом Бен отобрал несколько толстых досок и прислонил их к стене рядом с дверью, чтобы в случае опасности можно было быстро заколотить ими вход в гостиную.

Ощупав свой карман, он обнаружил, что запас гвоздей быстро уменьшается, и отправился к полке, на которую было высыпано содержимое банки из-под табака. Бен полностью опустошил банку, разыскал в куче самые длинные гвозди и только их сложил обратно. После этого протянул банку Барбаре.

— А ты держи вот это,— сказал он тоном, не допускающим возражений.

Барбара мгновенно среагировала и взяла банку из рук Бена. Она подождала, пока он собрал огромную охапку досок — сколько мог унести — и направился в комнату. Ей не хотелось пребывать в одиночестве и, поскольку Бен не сказал, чтобы она оставалась на кухне, Барбара молча пошла вслед за ним, держа банку с гвоздями перед собой.

Они прошли в гостиную.

— Это долго не продлится,— тяжело дыша, сказал Бен.— Они обязательно попытаются прорваться сюда. Но пока они боятся, мне так кажется... или, может быть, еще не проголодались...

Он сбросил свою ношу посреди комнаты и направился к большим фасадным окнам, разговаривая на ходу. Речь Бена стала вдруг напряженной и торопливой.

— Они боятся огня. Я знаю это.

Барбара по-прежнему молча стояла в середине комнаты, держа в одной руке нож, в другой банку, и смотрела, как Бен, подойдя к окнам, на глаз пытается оценить их размеры. Он внимательно осмотрел комнату, и наконец его взгляд упал на широкий обеденный стол. Бен быстрым шагом направился к нему, продолжая вслух вспоминать:

— Их было пятьдесят, а может, и целых сто, этих тварей, там, в Кабрии, когда первый раз объявили об опасности.

Барбара смотрела на него, пораженная. При упоминании о числе этих существ в ее глазах отразился испуг и изумление, смешанные с любопытством. Бен с видимым усилием оттащил массивный стол от стены, обошел вокруг него, прикидывая размер, а затем, приподняв стол за край, перевернул его набок. Ухватившись за одну из ножек, он попытался выломать ее. Это потребовало больших усилий, но наконец с громким хрустом ножка отломилась. Бен бросил ее на ковер и продолжал говорить, тяжело дыша от напряжения и время от времени прерывая свой рассказ, чтобы выместить весь гнев на столе, выламывая одну за другой его ножки.

— Я увидел большой бензовоз, там... возле закусочной Бикмана. А я как раз слушал радио — у меня в машине есть приемник...

Бен принялся выламывать вторую ножку. Она громко хрустнула, но не поддалась. Тогда он пошел за молотком, продолжая на ходу свой рассказ:

— Этот бензовоз выскочил на дорогу со стоянки возле закусочной. И его преследовали, должно быть, десять... или пятнадцать этих упырей... Но в тот момент я их еще не видел — они были с другой его стороны. И это выглядело очень странно — то, что он вылетел на такой скорости, вместо того, чтобы не спеша выехать со стоянки.

Двумя мощными ударами молотка Бен отбил вторую ножку, и она со стуком упала на пол. Отбросив ее в угол, он сразу же принялся за третью.

— Сначала я увидел только этот большой бензовоз. И мне показалось смешным, что он ехал так быстро, — продолжал Бен, натужно кряхтя. — А потом уже я заметил и кучу тварей — тот грузовик немного замедлил ход, и они уцепились за него... старались залезть, запрыгивали... Они хватали водителя за горло.

Еще одна ножка, упав, стукнулась о ковер. Бен тяжело дышал. А Барбара слушала его рассказ, одновременно напуганная и завороженная.

— И бензовоз поехал поперек дороги — прямо на тротуар. Мне пришлось изо всех сил ударить по тормозам, так что шины завизжали, а бензовоз врезался в большую вывеску, а потом в колонки заправочной станции. Я слышал звук столкновения. И эта огромная машина загорелась... Но она все еще продолжала двигаться в сторону здания станции — я в ужасе остановился. И тогда все эти твари... они стали отступать... некоторые побежали... или пытались бежать... Но они и бежали-то как бы ползком. Во всяком случае, они отступали. Было похоже... было похоже,

что они бегут от огня. А парень в бензовозе так и не смог выбраться — его cabina до половины ушла в стену станции. И он начал гореть там живьем — его крик до сих пор стоит у меня в ушах...

Глаза Барбары потемнели, а лицо тревожно нахмурилось. Продолжающийся кошмар становился для нее все более запутанным.

Бен с треском выломал последнюю ножку, и крышка стола начала падать. Она оказалась довольно тяжелой. Но он удержал ее и с трудом поволок через комнату. Барбара подошла к нему и тоже взялась за край, однако доска была слишком тяжелой, чтобы девушка могла оказать заметную помощь.

— Я не знал, что произойдет, — продолжал Бен. — Или заправочная станция взорвется... и разлетится на куски. Или еще что-то случится. И я просто поехал прочь, стараясь оказаться подальше от этого места на случай взрыва... а парень в бензовозе все кричал и кричал... и через некоторое время затих.

Бен опустил на пол крышку стола и стер со лба капли пота, а потом вытер руку о рубашку. Он все еще тяжело дышал от напряжения. В его широко раскрытых глазах застыл гнев, вызванный воспоминанием о событиях, которые он только что описывал, и в то же время казалось, что он вот-вот заплачет.

— И повсюду там были эти существа, — говорил Бен. — Они толпами стояли на обочинах дороги и глядели так... будто только что вышли из могилы. Их было полно и возле закусочной, а на стоянке рядом стояло много машин и автобусов с выбитыми стеклами. И я подумал, что они, должно быть, прикончили в закусочной всех людей. И тогда я погнал свой грузовик прямо на них, и тут-то мне удалось их как следует рассмотреть: я впервые увидел их в свете своих фар, а затем... я начал давить их своими колесами, стараясь сбить, уничтожить как можно больше этих грязных, мерзких уродов. И двое из них от удара отлетели по воздуху футов на пятьдесят. Но остальные продолжали стоять. Они даже не пытались бежать. Они не захотели даже сойти с дороги. А некоторые из них, наоборот, стали приближаться, как будто бы могли схватить меня. И мой грузовик давил их и давил, как сборище клопов...

Увидев в глазах Барбары сильный страх, Бен замолчал. Ее глаза были широко раскрыты, на лице написано отвращение, а руки все еще держались за крышку стола.

Бен переключил свое внимание на эту крышку и принялся поднимать ее к окну. Барбара осталась практически неподвижной, и когда Бен потянул стол на себя, ее руки безвольно упали. Он с трудом подтащил стол к окну, которое хотел заколотить. А Барбара молча смотрела в сторону безо всякого выражения на лице.

— Я... у меня есть дети,— сказал Бен, вытирая рукавом мокрый лоб.— И я надеюсь, что с ними ничего не случится. Они уже большие и могут позаботиться о себе. Но они ведь всего лишь дети... а я уехал, и...

Он оборвал себя на полуслове, поскольку Барбара не отвечала, а он не знал, что сказать дальше. Бен опять взялся за крышку стола и прислонил ее к стене.

— Я собираюсь сделать все, что в моих силах,— сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал уверенно.— Я сделаю все, что могу, и я вернусь. Я снова увижу моих ребят. И все будет хорошо. Мы выберемся отсюда...

Бен стал повторяться и, почувствовав, что начинает бормотать уже совсем бессвязно, замолчал. Девушка выжидательно смотрела на него. Бен сделал над собой усилие и стал говорить немного медленнее. Его голос стал принужденно-спокойным и монотонным. Ведь невзирая на свой страх и усталость, он был смелым человеком, и поэтому решил, несмотря ни на что, не терять веру в свои силы. Бен знал, что девушке сейчас очень нужна его поддержка, чтобы совладать с ситуацией. И, хочет он этого или нет, его жизнь в какой-то мере зависит от нее и от того, насколько хорошо он сможет помочь ей преодолеть страх.

— С нами тоже теперь все будет в порядке,— убежденно сказал он.— Мы их не пропустим. Я имею в виду... с ними вполне можно справиться. Нужно только не терять голову и не слишком пугаться. Ты сама посмотри — мы двигаемся быстрее них, и они гораздо слабее взрослого мужчины. Так что мы с ними справимся. О'кей?

Девушка не отвечала.

— Все, что нам нужно,— это не терять головы,— добавил Бен.

Какое-то время они смотрели друг на друга, затем Бен повернулся и снова взялся за стол. Но как только он начал поднимать его, Барбара заговорила тихим, слабым голосом:

— Кто они такие?

Бен остановился, все еще держа тяжелую крышку в руках, и с удивлением посмотрел в обеспокоенное лицо Барбары. Постепенно до него дошло, что девушка еще практически ничего не знает о том, что произошло. Она

совершенно не представляет себе ни степени опасности, ни ее причины. Она не слышала никаких объявлений по радио, никаких сводок, а все это время находилась в состоянии непроходящего шока.

И Бен недоверчиво вскрикнул:

— Так ты ничего не слышала?!

Барбара беспомощно посмотрела ему в глаза. Ответом было ее молчание.

— Ты хочешь сказать, что не имеешь даже никакого представления о том, что происходит?

Барбара хотела кивнуть в ответ, но вместо этого у нее начался приступ нервной дрожи. Она дрожала все сильнее, ее уже стало трясти, и тогда она обхватила голову руками и разразилась громкими рыданиями. В панике она начала кругами ходить по комнате, отчаянно и бесцельно.

— Нет... нет... нет... Я не... что происходит... что происходит с нами... Почему? Скажите мне! Скажите! — рыдала Барбара.

Выведенный из себя этой истерикой, Бен схватил ее за плечи и сильно встряхнул, пытаясь привести в чувство. Рыдания прекратились, однако Барбара продолжала бессмысленно смотреть куда-то сквозь него. Казалось, что ее взгляд направлен в какую-то отдаленную точку позади Бена. Но речь, по-прежнему беспорядочная и отрывистая, стала все же более связной:

— Мы были на кладбище... я... и Джонни... мой брат, Джонни... Мы привезли цветы для... А этот... человек... он бросился на меня... И Джонни... сражался с ним... а теперь он... он...

— Ладно! Ладно! — прокричал Бен прямо в лицо ей. Его не оставляло чувство, что если он немедленно не выведет ее из этого состояния, она может решиться на необдуманный поступок — попытаться убить себя или сделает что-нибудь еще, что в конечном итоге будет стоить жизни им обоим. Он крепче сжал ее запястья, и Барбара начала вырываться.

— Убери свои руки! — закричала она.

Улучив удобный момент, девушка вывернулась и бросилась от него. По пути она споткнулась об одну из валившихся на полу ножек стола и едва удержалась на ногах. Оказавшись возле входной двери, Барбара остановилась, готовая в любой момент кинуться в темноту.

Она заговорила вконец бессвязно, потеряв уже всякое ощущение реальности:

— Мы должны помочь ему... помочь Джонни... мы должны пойти и разыскать его... принести сюда...

Обеими руками поддерживая Барбару, Бен молча оглядел комнату и увидел у противоположной стены диван. Он осторожно подхватил девушку за талию, подвел к дивану и уложил на него ее обмякшее, безвольное тело, поудобнее устроив голову на подушке.

Затем, отступив на шаг, Бен посмотрел на нее, и ему стало ужасно стыдно за то, что он только что сделал. Барбара лежала так тихо и спокойно, будто и не было вовсе никакой опасности. Ее светлые волосы, однако, были в полном беспорядке, а лицо — мокрым от слез. На скуле, в том месте, куда пришелся удар, образовался синяк.

Бен поежился. Ему страшно хотелось верить, что ради них обоих он сумеет найти правильный выход. Но это было очень непросто.

Да, это было совсем непросто.

Г л а в а т р е т ь я

Рядом с диваном, на котором лежала Барбара, стоял большой радиоприемник, из тех, что выпускались еще в тридцатые годы. Бен нажал кнопку, и желтоватая шкала за помутневшим от времени стеклом сразу же засветилась. Бен поискал глазами банку с гвоздями, которую передал недавно Барбаре. Банка лежала на полу, в том месте, где девушка уронила ее. Он отобрал несколько крупных гвоздей и положил их в карман. В этот момент из приемника послышалось громкое шипение и треск. Бен принялся крутить ручку настройки. Поначалу не было ничего, кроме помех, но затем его слух уловил что-то, похожее на обрывок фразы, и Бен попытался точнее настроиться на эту станцию. Наконец из приемника донесся монотонный металлический голос:

«...Аварийной радиосети. Передачи регулярного вещания временно прекращены. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на эту волну. Органы охраны правопорядка призывают вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты и по возможности заколочены. Экономно используйте пищу, воду и медицинские препараты. Силы Гражданской обороны пытаются овладеть ситуацией. Оставайтесь возле приемников, настроенных на эту волну. Не пытайтесь пользоваться автомобилями и не покидайте свое жилище. Все двери и окна должны быть закрыты».

Затем наступила долгая пауза, в течение которой слышалось лишь мерное сухое потрескивание, но спустя какое-то время сообщение начало повторяться:

«Через несколько минут наши дикторы будут в прямом эфире передавать информацию из штаба Гражданской обороны. Вы слушаете трансляцию аварийной радиосети. Передачи регулярного вещания временно прекращены. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на эту волну...»

Услышав повторение текста, Бен раздраженно махнул рукой и отошел от бесполезного приемника к тяжелой крышке стола, стоявшей у стены возле окна гостиной. Стараясь держаться в тени, он осторожно отогнул уголок занавески и выглянул наружу, напряженно всматриваясь в темноту.

Там, в тени деревьев, Бен насчитал уже четыре злобующих фигуры. А металлический голос диктора продолжал неустанно повторять одно и то же сообщение.

Темные неподвижные силуэты за окном походили на изваяния, но, приглядевшись получше, можно было различить и изорванную в клочья одежду, и спутанные косматые волосы этих бесчувственных мертвых тварей. Вдруг какое-то непонятное движение заставило Бена вздрогнуть. От дороги к дому направлялась еще одна тварь. Мерзкие создания прибывали с каждым часом. Конечно, это не было для Бена полной неожиданностью, однако при каждом новом подтверждении его опасений сердце у него начинало бешено колотиться.

Если число этих уродов будет постоянно расти, то рано или поздно они наверняка нападут на дом, попытаются сломать все преграды и проникнуть внутрь.

Бен отвернулся от окна, шагнул к камину и достал из кармана коробок спичек. На маленьком столике рядом с диваном, на котором лежала Барбара, он заметил стопку старых журналов. Бен сгреб их, вырвал с десятков страниц и, скомкав, бросил в камин. Туда же он положил щепу для растопки и несколько крупных поленьев, затем чиркнул спичкой и поджег скомканную бумагу. Пламя начало неохотно поедать отсыревшие страницы.

На камине стояла небольшая баночка с керосином. Бен тут же схватил ее и побрызгал в огонь. Пламя тотчас же ярко вспыхнуло, едва не опалив ему лицо. Крупные поленья медленно занялись, и только тогда Бен вернулся к окну, уже не обращая внимания на надоевшее радио:

«...охраны правопорядка вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты и по возможности заколочены. Экономно используйте пищу, воду и медицинские препараты. Силы Гражданской обороны пытаются...»

Бен взгромоздил крышку стола на подоконник, прислонил к окну и, с трудом удерживая ее в таком положении, принялся вбивать гвозди. Им двигала сила отчаяния. Еще один гвоздь... еще один... Наконец крышка укреплена, и Бен, наскоро проверив ее прочность, бросился к соседнему окну. Он снова приподнял край занавески и выглянул на улицу.

На лужайке стояло уже пятеро тварей.

Бен отвернулся, опустил занавеску и двинулся назад к камину, в котором ярко горели даже самые крупные поленья. Он сорвал с заколоченного окна занавески, схватил с пола две выломанные ножки стола и накрутил на них концы полоски материи. Затем смочил ткань керосином и сунул в огонь, получив таким образом два жарко горящих факела. Взяв их в обе руки, Бен направился к выходу, одновременно толкая перед собой коленом большое мягкое кресло. Потом он переложил оба факела в одну руку, а другой чуть отодвинул занавеску и посмотрел через маленькое окошко в двери.

Темные фигуры на лужайке стояли по-прежнему неподвижно, молча уставившись на дом.

Бен обрызгал керосином кресло и тронул его факелом. Обивка моментально вспыхнула и языки пламени принялись жадно лизать ее, озаряя зловещим багровым светом бледные стены комнаты. Лицо Бена обдавало почти нестерпимым жаром, но он не оставлял попыток одной рукой открыть замок и наконец справился с ним и распахнул дверь настежь.

Горящее кресло бросило на лужайку жутковатый мерцающий свет, и твари в темноте попятились и насторожились.

Бен вытолкнул кресло за дверь, пододвинул его к краю крыльца, а потом ногой спихнул вниз, и горящая масса скатилась со ступенек на траву. Заметались высокие языки пламени, тысячи искр взвились в воздух вместе с горящими кусками обивки и, светясь, полетели прочь, подхваченные ночным ветром.

Огромный костер с треском запылал в высокой траве.

Какое-то время Бен с удовольствием наблюдал, как твари под деревьями испуганно пятятся назад, а потом вернулся в дом, захлопнул дверь и запер ее на замок.

В гостиной по-прежнему звучал монотонный голос диктора:

«...силы Гражданской обороны пытаются овладеть ситуацией. Оставайтесь возле приемников, настроенных на эту волну. Не пытайтесь пользоваться автомобилями...»

Поспешив к окну, Бен забил еще несколько гвоздей в крышку стола, понадежнее укрепив ее, затем отступил назад и медленно оглядел комнату, отмечая про себя наиболее уязвимые места — еще не заколоченное большое окно слева от двери, другое — поменьше — в боковой стене, еще одно — выходящее на другую сторону дома, в столовой, и входная дверь — она была заперта, но никак не укреплена.

Бен повернулся, продолжая свой осмотр, и вдруг его глаза широко раскрылись от удивления.

Девушка сидела на диване. Но встревожило Бена не то, что она пришла наконец в сознание, а ее странное поведение. На лице у Барбары образовался огромный синяк, но она, не обращая на это никакого внимания, молча смотрела в пол остановившимся взглядом. Радио продолжало однообразно бубнить все то же сообщение, отблески пламени играли на лице Барбары и отражались в ее глазах, которые смотрели в одну точку и почти не мигали.

Бен снял с себя свитер и, подойдя к ней, накинул его на плечи девушки и с сочувствием посмотрел ей в глаза. Она продолжала молча глядеть в пол. Бен почувствовал себя глупым и беспомощным, ему вновь стало нестерпимо стыдно за то, что он сделал, желая прекратить ее истерику, хотя в тот момент это, может быть, и действительно было необходимо. Несколько минут он ждал от Барбары какой-то реакции, возможно, вспышки гнева или обиды, но та по-прежнему никак не проявила себя. Тогда он с несчастным видом направился к куче деревянного хлама в центре комнаты, выбрал доску побольше и потащил ее к тому из окон, которое оставалось еще незаколоченным.

Бен не обращал уже никакого внимания на несмолкающий металлический голос:

«...будут в прямом эфире передавать информацию из штаба Гражданской обороны. Вы слушаете трансляцию аварийной радиосети. Передачи регулярного вещания временно...»

Он надежно укрепил два оставшихся окна в гостиной, а затем подошел ко входной двери, держа в руках гладиль-

ную доску. Бен прислонил доску горизонтально поперек дверного проема, прибил ее несколькими гвоздями к косяку и проверил на прочность. Укрепление казалось довольно надежным, чтобы сдерживать неминуемый натиск тварей. Однако Бен на этом не успокоился и продолжал упорно работать, стремясь сделать дом как можно более надежным укрытием.

В столовой он заметил две закрытых двери. Проверив одну из них, Бен обнаружил, что она заперта.

На двери не было наружной щеколды, и Бен решил, что кто-то, должно быть, запер ее ключом. «По-видимому, это вход в чулан», — подумал Бен, дернул несколько раз за ручку, но дверь так и не поддавалась. Поэтому он счел ее не представляющей опасности и оставил в покое, решив, что она, очевидно, заперта хозяйкой дома, которая теперь лежит мертвая на верхней площадке лестницы.

Вторая дверь оказалась открытой, и, распахнув ее, Бен обнаружил за ней рабочий кабинет с несколькими окнами. Огорченный этим дополнительным источником угрозы, Бен глубоко вздохнул и задумался, оглядываясь по сторонам. Наконец он вышел из кабинета, закрыв его за собой и заперев с помощью ключа, найденного в замке с внутренней стороны. Он решил попросту забить эту дверь вместо того, чтобы укреплять в кабинете каждое окно.

Но ключ, торчавший в двери кабинета, навел Бена на мысль, и он вытащил его из замка с намерением им же попробовать открыть и ту дверь в столовой, которой он интересовался несколько минут назад. Но его ждало разочарование — основательно повозившись с замком, Бен понял, что ключ явно не тот. Тогда он оставил свою затею и положил ключ в карман.

Вернувшись в гостиную, Бен бросил взгляд на неподвижную, унылую фигуру девушки. Та даже не пошевелилась, когда он вошел. Бен снова склонился над кучей дровишек и с трудом выбрал подходящую, чтобы забить дверь кабинета. Запасы досок на глазах уменьшались. Но в тот момент, когда Бен уже поднял молоток, чтобы вбить первый гвоздь в косяк двери, ему в голову пришла еще одна мысль; он вновь открыл кабинет и вошел внутрь. Там оказалось несколько стульев, большой письменный стол и комод. Бен подошел к столу и стал рыться в ящиках. Он вытаскивал бумаги, ручки, карандаши, а также множество всевозможных случайных предметов и ненужных безделушек. Еще один ящик — и новая сотня практически бесполезных вещей. В комодке оказалась в основном одежда. Бен выдвинул два больших ящика, вывалил их содержимое на

пол, а сами ящики с грохотом выбросил через открытую дверь в столовую. Затем он задумчиво осмотрел комод и, внезапно найдя ему применение, обхватил руками и принялся толкать вперед, пытаясь протиснуть этот огромный и тяжелый предмет в проем двери. С трудом Бену все же удалось это сделать, отчего на дверном косяке остались полосы содранной краски. За комодом последовал и тяжелый старомодный письменный стол. Это потребовало новых усилий, но Бен хотел сохранить все, что могло бы ему пригодиться, прежде чем начать окончательно забивать дверь кабинета.

В стенном шкафу он обнаружил массу старой одежды, отыскал для себя куртку и пальто для девушки и перекинул их через плечо. На верхних полках шкафа виднелось нагромождение старых коробок, чемоданов и даже зонтов. Бен поколебался немного, прикидывая, какую ценность могут представлять для него эти вещи, и что полезного может оказаться в коробках и чемоданах. Затем посмотрел вниз — беспорядка там было еще больше: в огромную кучу кто-то свалил покрытые пылью щетки, жестянки, рваные ботинки и тапочки. Бен взял в руки пару женских туфель без каблуков, осмотрел их и, подумав о босоногой девушке, сидящей на диване, зажал туфли под мышкой.

Когда он уже поворачивался, чтобы уйти, что-то блестящее в глубине шкафа привлекло его внимание — в куче старого тряпья лежал какой-то предмет из полированного дерева. Бен с нетерпением протянул руку и вытащил именно то, что так надеялся найти с самого начала, — винтовку. Он бросил все, что уже держал в руках, и с еще большим нетерпением стал рыться в шкафу, разбрасывая ненужные вещи по всей комнате. В картонной коробке от ботинок он обнаружил старые письма и открытки. Зато в жестянке из-под сигар вместе со щеточкой и жидкостью для прочистки курительных трубок лежало руководство по эксплуатации винтовки и упаковка патронов.

Бен раскрыл ее и с удовольствием обнаружил, что она почти наполовину полна. Он аккуратно пересчитал патроны — их было двадцать семь.

Винтовка оказалась «Винчестером» 32-го калибра. Хорошее, мощное оружие. Бен передернул затвор, чтобы освободить магазин, один за другим на пол выпали еще семь патронов и, тихо звеня, покатались к окну. Бен торопливо подобрал их, сложил в коробку вместе с остальными, а инструкцию сунул в задний карман брюк. Затем, зажав под мышкой жестянку с патронами, взял одежду и туфли и вышел из кабинета.

Оказавшись в столовой, он сложил свои находки на комод и через открытую дверь посмотрел на Барбару, сидевшую в соседней комнате. Она по-прежнему оставалась неподвижной, пребывая в той же позе, что и десять минут назад. Это слегка расстроило Бена.

Он с улыбкой обратился к ней:

— Ну, теперь все в порядке. Здесь стало уже вполне безопасно. К тому же я нашел тут ружье и немного патронов к нему.

Бен с ожиданием смотрел на Барбару, но она, казалось, не слышала его слов. Тогда он повернулся, поднял молоток и доску, которой намеревался заколотить дверь кабинета, и продолжал говорить, надеясь хотя бы случайно найти те слова, которые вызовут со стороны девушки хоть какой-нибудь отклик.

— Теперь у нас и радио есть,— сказал он.— А рано или поздно кто-нибудь обязательно появится и вытащит нас отсюда. К тому же у нас тут полно еды — по крайней мере на несколько дней. А еще я нашел тебе туфли — сейчас мы посмотрим, подойдут ли они — и кое-что из теплых вещей...

Бен приложил доску поперек двери кабинета и начал вбивать гвозди. Некоторое время единственными звуками в доме были удары молотка да скрипучий металлический голос из приемника, повторяющий то же самое записанное на пленку сообщение. Последний гвоздь, проверка на прочность, и Бен снова повернулся к девушке.

«...органы охраны порядка призывают вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты и по возможности заколочены...»

— вещал диктор.

Барбара не подавала никаких признаков жизни. Ее широко раскрытые глаза пристально смотрели куда-то в пол, и лишь изредка она переводила взгляд в какую-то бесконечно удаленную точку.

— Эй, слышишь? Это про нас,— заметил Бен.— Наши окна уже заколочены. Так что мы все делаем правильно.

Он попытался улыбнуться, но так как девушка не смотрела на него, эта улыбка не произвела никакого эффекта. Тогда он сгреб винтовку, коробку из-под сигар, пальто и туфли, найденные для Барбары, в одну охапку и, присев перед девушкой на корточки, выложил все эти находки к ее ногам. Взяв в руки туфли, Бен протянул их ей и сказал:

— Конечно, они не слишком красивы, но ноги все же согреют.

Но, посмотрев на Барбару, он поймал себя на мысли, что ему все труднее продолжать говорить, не получая никакого ответа. Бен не представлял себе, как вывести девушку из этого оцепенения. Он старался обращаться с ней как можно мягче, но она никак не реагировала, и это одновременно и озадачивало Бена и расстраивало его.

Бен подержал одну туфлю возле ее ступни, ожидая, что Барбара наденет ее. Наконец, взяв девушку за лодыжку, он стал сам аккуратно обувать ее. Это оказалось непростым делом, отчасти из-за того, что туфли были слегка малы, но в основном из-за ее безвольного, расслабленного состояния. Изрядно помучившись, он все же надел одну туфлю, осторожно поставил ногу Барбары на пол и принялся надевать вторую.

Когда наконец с обуванием было покончено, Бен поднял голову и выжидательно заглянул ей в глаза. Девушка рассеянно смотрела на свои туфли и молчала.

— Как в той сказке про Золушку,— сказал он, пытаясь пошутить.

Никакой реакции. Бен потянулся было к карману за сигаретами, но вспомнил, что отдал свой свитер Барбаре.

— Эй, ты знаешь, у тебя мои сигареты,— виновато улыбнулся он и еще раз наклонился к ее лицу, но опять не получил никакого ответа.

Тогда он молча протянул руку к девушке и нащупал пачку сигарет в кармане свитера, висевшего на ее плечах. Тут только Барбара посмотрела на него, но от этого взгляда Бену стало не по себе.

— У тебя мои сигареты,— еще раз произнес он таким мягким тоном, словно объяснял что-то несмышленому ребенку, и с этими словами осторожно вытащил пачку сигарет из кармана свитера. А потом, отступив немного назад, снова опустился на корточки, вынул сигарету и закурил, стараясь не смотреть на Барбару.

Ее отсутствующий взгляд был все еще прикован к его лицу.

Радио продолжало монотонно бубнить, и от этого молчание Барбары угнетало Бена еще сильнее. Он был бы счастлив услышать сейчас нормальный человеческий голос, который хоть на время заглушил бы эти лишенные всякого выражения металлические звуки.

«...оставайтесь настроенными на эту волну. Органы охраны правопорядка призывают вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты...»

Бен сделал первую затяжку и выпустил дым через нос. — Мы все делаем правильно, — повторил он. — Все двери и окна укреплены. А теперь, может быть, ты приляжешь? Кстати, ты не куришь? — С надеждой он протянул ей сигарету.

Но взгляд Барбары снова уперся в пол. Бен еще раз затянулся и быстро выпустил дым.

— Может быть, тебе...

Он оборвал себя на полуслове. Это было все равно, что говорить в пустоту. Лучше потратить время на то, чтобы как следует укрепить старый дом на случай атаки.

Бен поднял с пола винтовку и боеприпасы, сел в кресло напротив Барбары и начал методично заряжать патроны в магазин.

— Я не знаю, слышишь ты меня или нет. Но я собираюсь на второй этаж. О'кей? Здесь, внизу, уже все укреплено. И сюда никто не прорвется... По крайней мере сразу. Я хочу сказать, что они, конечно, способны прорваться, но на это им потребуется много времени, я успею услышать шум и, надеюсь, смогу их удержать. Попозже я укреплю все еще лучше, и тогда уже они вообще никак не смогут проникнуть в дом, но пока и этого вполне достаточно, так что тебе здесь ничего не грозит.

Говоря это, он продолжал заряжать винтовку, а сигарета свисала с его нижней губы, и дым, попадая в глаза, заставлял Бена прищуриваться.

— Теперь они могут проникнуть сюда только через второй этаж. Поэтому я поднимусь туда, чтобы как следует его укрепить.

Бен вложил последний патрон в магазин и собирался уже вставать, когда его взгляд снова упал на девушку, и он в последний раз попытался добиться от нее какого-нибудь ответа.

— С тобой все в порядке? — спросил он уже безо всякой надежды в голосе.

Барбара молчала. Бен встал, подхватил винтовку, сгреб в охапку столько досок, сколько мог унести, и направился к лестнице. Напоследок он обернулся и заметил, что Барбара мельком взглянула на него, но не остановилась, и ее взгляд последовал за ним.

— Я пошел наверх. С тобой все будет в порядке. Как только я что-нибудь услышу, сразу же прибегу.

И Бен начал медленно подниматься по лестнице.

На верхней ступеньке он опять увидел изуродованный труп с обезображенным лицом. Бен задержал дыхание.

Труп этот принадлежал, судя по остаткам одежды, довольно пожилой женщине, все тело которой было изодрано и покрыто толстой коркой застывшей крови. Почти все мясо было буквально обглодано с костей. Голова едва держалась на прогрызенной до позвоночника шее.

Бен выронил свою ношу, и его чуть не стошнило при виде обезображенного тела. Он попытался не смотреть на него. Труп лежал на насквозь пропитанном кровью покрывале, а в нескольких футах от него валялось еще одно покрывало с вышитыми шелком восточными узорами и бахромой. Бен схватил этот второй коврик и оторвал от него кусок бахромы. Затем, взяв винтовку, обвязал один конец бахромы вокруг ствола, а другой — вокруг узкой части приклада. Сделав это, он перекинул винтовку через плечо и почувствовал себя увереннее, поскольку теперь он все время мог носить оружие с собой.

Затем он склонился над трупом, взялся за край покрывала, на котором тот лежал, и потащил его по полу, временами давясь и задерживая дыхание от невыносимой вони гниющего покойника. Задышавшись, он упорно тащил это жуткое, изуродованное тело по затемненному коридору, в котором оказалось несколько закрытых дверей.

Оставив свою отвратительную ношу возле одной из них, Бен резким ударом ноги распахнул эту дверь и отскочил назад, вскинув винтовку, в ожидании, что кто-нибудь обязательно бросится на него из этой темной комнаты. Дверь громко ударилась о стену и замерла.

Но никто не выскочил ему навстречу.

Тогда Бен осторожно шагнул внутрь, держа винтовку наготове.

Комната была пуста, по-видимому, уже очень долгое время. На полу валялись пожелтевшие от времени газеты, по углам висела паутина.

Здесь стоял большой шкаф, и Бен медленно открыл его, держа дверцу шкафа на прицеле, чтобы в любой момент иметь возможность выстрелить.

Однако и в шкафу ничего не было, кроме пыли, которая, свалившись большими комками, перекатывалась по пустым полкам и заставила Бена несколько раз чихнуть.

Потом он подошел к окну и выглянул наружу, осмотрев с высоты лужайку перед домом. Сквозь густую листву окружающих дом кленов он смог разглядеть злобещие фигуры дьявольских тварей, которые по-прежнему стояли под ветвями деревьев, смотрели и ждали, лишь изредка переминаясь с ноги на ногу. Но теперь их было уже шесть, насколько он смог подсчитать в темноте.

Стояли они рядом с грузовиком, однако больше не обращали на него никакого внимания. Наверное, теперь, когда фары были разбиты, они решили, что машина им больше не угрожает. Грузовик просто перестал для них существовать, и они реагировали на него не сильнее, чем на деревья или кучу кирпичей.

С содроганием Бен вдруг осознал, что для этих проклятых тварей уже ничто в мире не имеет ровно никакого значения, кроме самих человеческих существ, которыми они интересуются, только чтоб убить их, разорвать на куски и превратить в таких же мертвецов, как и они сами.

Бену внезапно захотелось разбить окно, выставить наружу ствол винтовки и начать стрелять по этим мерзким созданиям, тупо стоящим на лужайке перед домом. Но, сделав над собой усилие, он все же взял себя в руки. Не было никакого смысла столь безрассудно расходовать патроны. Бен очень хорошо представлял себе, как необходимы они будут в случае решительного наступления мертвецов.

Он отошел от окна и вернулся к труп, лежавшему у порога комнаты. Взявшись за покрывало и вновь задержав дыхание, он втащил тело внутрь. После этого вышел из комнаты и с силой захлопнул дверь, намереваясь позже заколотить ее. Бен подумал было о дверце стоящего в комнате шкафа, которую можно снять и использовать для этой цели. Но он не мог заставить себя вернуться за ней. Он не хотел больше никогда входить в эту комнату.

В запачканном кровью коридоре оставалось еще три двери: одна в самом конце и две — напротив пустой комнаты с трупом. Та, что в конце, вероятно, вела в ванную. Бен открыл ее и убедился, что так оно и есть. Остальные две комнаты, по-видимому, были спальнями.

С винтовкой наперевес, готовый в любой момент выстрелить, Бен приоткрыл одну из этих дверей, и тут же отскочил назад, успевшись собственного отражения в высоком, в полный рост, зеркале, висевшем напротив двери. Успокоившись, он пошарил рукой по стене и нашел выключатель. Комната оказалась детской. Простыни на кровати были скомканы и покрыты пятнами крови. Было похоже, что ребенок цеплялся за них, пытаясь удержаться, когда его стаскивали с кровати. Однако тела в комнате не обнаружилось. С тревогой думая о том, что он может найти, Бен поискал вокруг кровати и под ней, заглянул в шкаф и увидел там одежду мальчика лет десяти или двенадцати. Кроме одежды, в шкафу нашлась пара бейсболь-

ных бит, а на нижней полке — потертый и ободранный футбольный мяч.

Бен решил, что мальчик наверняка уже мертв. Скорее всего его тело вытащили из дома те же самые твари, которые стояли теперь и ждали снаружи. А мертвая женщина, лежавшая в коридоре, безусловно, была его бабушкой.

Мысль об этом заставила Бена вновь осознать весь ужас происходящего и обострила чувство опасности, которое ему удавалось слегка приглушить, пока он был занят работой.

Бен с тревогой подумал о своих детях — двух мальчиках, девяти и тринадцати лет. Жены у него больше не было. Она умерла несколько лет назад, оставив его воспитывать детей в одиночку. Это было не так-то легко. Он всем сердцем любил своих сыновей, но работа то и дело заставляла его уезжать из города, и очень часто Бену приходилось надолго оставлять их на попечении бабушки, пока сам он старался заработать достаточно денег, чтобы содержать всю семью. Он как раз возвращался домой из очередной поездки, когда все это началось. Из-за срывов в работе транспорта, вызванных начавшимся бедствием, его поезд был отменен, и Бену пришлось выйти голосовать на шоссе, чтобы на попутках поскорее попасть домой.

Но никто не останавливался, ни один водитель не захотел подвезти его, и пока Бен уныло брел по предместьям маленького городка, ему на глаза стали попадаться первые признаки смерти и разрушения. Поначалу это озадачило его и даже привело в замешательство. Он почувствовал нешуточную тревогу. А потом в закусочной Бен услышал последнюю сводку новостей и понял, что ему необходимо немедленно возвращаться домой. Но он не смог ни дождаться автобуса, ни поймать такси. Бен пытался даже взять напрокат машину или заплатить кому-нибудь, кто довез бы его до места. Наконец, когда он снова голосовал на шоссе, его подобрал какой-то одинокий фермер и подбросил достаточно далеко, но потом высадил где-то на краю света, посреди незнакомой Бену сельской местности. На лужайке возле одного из домов Бен увидел небольшой грузовик, водитель которого был уже мертв — он лежал здесь же, на краю грязной проселочной дороги. И Бен решил воспользоваться этой машиной.

Сидя за рулем угнанного таким образом грузовика, Бен всю дорогу продолжал слушать радиосводки новостей, и теперь знал о происходящем ровно столько же, сколько и все остальные. То есть, в сущности, очень мало. Но он хорошо понимал одно: он хочет выжить и вернуться к сво-

им сыновьям и их бабушке. Хотя что-то подсказывало ему, что они скорей всего находятся сейчас в гораздо лучшем положении, чем он сам. По крайней мере они в городе, где вокруг много людей, полиция, запасы продовольствия и, если потребуется, медицинская помощь. А бабушка была человеком, на которого вполне можно положиться. Так что парни, видимо, будут в порядке. Бен изо всех сил пытался убедить себя в этом, но сделать это было очень непросто, глядя на пропитанные кровью простыни и матрас ребенка, который был тут убит всего несколько часов назад. И старый деревенский дом начал теперь ему казаться скорее тюрьмой, чем убежищем для него и для девушки, имени которой он даже не знал, и, кажется, ничем больше не мог ей помочь, а она не хотела или не могла позаботиться о себе сама.

Бен покинул детскую и открыл другую дверь. Здесь находилась спальня старой женщины. Еще не включив свет, Бен увидел край застеленной кровати и различил в полутьме смутные очертания громоздкой мебели. Он щелкнул выключателем и, оглядевшись вокруг, не увидел в комнате ничего необычного. Тут была лишь кровать да пара шкафов для одежды. Сложенное стеганое одеяло лежало поверх простыней, и было видно, что в постели еще никто не спал. Видимо, женщина сперва уложила ребенка и уже готовилась ко сну сама в тот момент, когда на них обоих напали.

Бен вошел в комнату и принялся вытаскивать мебель в коридор. Он собирался вытащить из обеих спален все вещи, которые могли бы представлять для них с Барбарой хоть малейшую ценность, а потом уже заколотить все двери на втором этаже.

Бен не знал, лазают ли мертвецы по стенам и могут ли они вообще проникать в дома через окна вторых этажей. Но он не хотел ни в чем полагаться на судьбу. А кроме того, работа придавала ему уверенность и не оставляла времени ни на волнения, ни на жалость к самому себе.

И звуки молотка вновь наполнили старый дом.

Глава четвертая

Барбара по-прежнему сидела на диване в состоянии глубокого оцепенения.

Отблески пламени освещали ее лицо. Дрова в камине громко потрескивали и шипели, но Барбара, казалось, не замечала вокруг себя ничего. Из полумрака выступали очертания окружающих предметов, на полу дрожали

длинные тени, и вся атмосфера в комнате словно застыла и омертвела. Но если раньше Барбара в такой обстановке почувствовала бы беспокойство или тревогу, то сейчас ей было уже все равно. События нескольких последних часов отбили у нее всякую способность реагировать. По сути, мертвые твари уже сделали Барбару своей жертвой, поскольку они ввергли ее в состояние шока и таким образом лишили возможности думать и чувствовать.

«...передачи регулярного вещания временно прекращены. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на эту волну...»

Внезапно передача прервалась, и из приемника послышался шорох и треск помех. Затем в эфир прорвалась какая-то мешанина звуков студии, подобная той, что слышал брат Барбары, пытаясь настроить радио в автомобиле. Но на этот раз в шуме и свисте уже можно было отчетливо разобрать стук пишущих машинок, телеграфных аппаратов и приглушенные голоса где-то вдалеке.

Однако Барбара даже не шелохнулась, будто вовсе не заметила никаких изменений в передаче, хотя радио прекратило прежнее объявление, и в студии явно должно было что-то произойти.

Неожиданно из приемника раздался громкий голос:

«Э... леди и джентльмены... Да, да... Да, я получил... Что?.. Еще одно?.. Передай по центральному... О'кей, Чарли, я уже в эфире... Так вот:

Леди и джентльмены, прошу внимания. Мы только что получили последние сводки...»

Голос диктора звучал устало, он начал читать сообщение без всяких эмоций, передавая только факты, с выражением профессионального комментатора, который освещал события в течение последних сорока восьми часов и уже не интересовался их дальнейшим развитием.

«...по самым последним сообщениям... нашествие... первые признаки которого были зарегистрированы в районах среднего Запада, распространилось по всей стране, и, по некоторым данным, носит всемирный характер. Медицинские и научные консультанты были приглашены на совещание в Белый дом, и наши корреспонденты в Вашингтоне передают, что президент намеревается обнародовать результаты этого совещания в своем обращении, которое будет передано через аварийную радиосеть службы Гражданской обороны...»

Ничто из сказанного не вызвало у Барбары никакой реакции. Она не сдвинулась с места, не встала, чтобы позвать Бена, который мог бы услышать сейчас что-нибудь полезное для них обоих, возможно, какой-то совет, который помог бы ему эффективнее защищать себя и ее.

«...странные... существа, которые появились в большинстве областей страны, по нашим сведениям, имеют вполне предсказуемые особенности поведения. За те несколько часов, что прошли со времени первых сообщений о случаях насилия, убийств и жестоких нападений на застигнутых врасплох мирных граждан, было установлено, что эти пришельцы подобны людям во многих физических и поведенческих аспектах, гипотезы об их происхождении и целях, которые они преследуют, к настоящему времени столь различны и столь многочисленны, что мы можем лишь сообщить, что пока ответы на эти вопросы неизвестны. В распоряжении врачей и ученых уже имеются трупы нескольких агрессоров. И эти трупы сейчас тщательно изучаются в поисках фактов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть существующие теории. Самый ошеломляющий факт состоит в том, что эти существа силами различной численности проникают в города и сельские районы буквально по всей стране. И если они еще не обнаружили себя в вашей местности, это ни в коей мере не говорит об отсутствии опасности подобного нападения. Поэтому мы просим вас принять все возможные меры предосторожности. Нападение может произойти в любое время, в любом месте, без всякого предупреждения. Повторю основные факты из предыдущих сообщений: существует агрессивная сила... армия... человекообразных существ неизвестного происхождения, которые появились во всех уголках земного шара... и эти существа абсолютно агрессивны... они иррациональны в своей жестокости. В настоящий момент подразделениями Гражданской обороны принимаются все необходимые меры по обеспечению безопасности населения, а ученые проводят исследования с целью выяснить происхождение и намерения этих существ. Всех граждан мы призываем быть крайне внимательными и принимать все возможные меры предосторожности, чтобы защитить себя от коварной чужеродной силы. Эти существа сравнительно слабы в физическом отношении и легко отличимы от людей благодаря своей уродливой внешности. Они, как правило, не вооружены, но, по-видимому, способны держать оружие. По имеющимся сведениям они не представляют собой какой-либо организованной армии и не имеют никакой видимой цели и плана действий. По всем признакам эти существа пребывают в состоянии постоянной одержимости или транса и, по-видимому, абсолютно не способны мыслить, их можно... я повторяю, их можно остановить, только лишив способности двигаться, то есть ослепив или расчленив, они, в сред-

нем физически слабее, чем взрослый мужчина, но их сила — в их числе и в той неожиданности и жестокости, с которой они нападают, а также в том, что их поведение совершенно не укладывается в рамки наших привычных представлений. Существа, о которых идет речь, по всей видимости, полностью лишены разума и способности к общению... и должны, безусловно, считаться нашими врагами в данной ситуации, которая может быть охарактеризована как состояние... национального бедствия. При встрече их нужно избегать или уничтожать. Ни при каких обстоятельствах не допускайте, чтобы вы или ваши близкие оставались в опасной близости от преобладающих сил агрессоров. Эти существа плотоядны. Они пожирают плоть убитых ими людей. И главной чертой этого нашествия является именно их безумный, извращенный поиск человеческой плоти. Я повторяю: пришельцы пожирают плоть своих жертв...»

И тут Барбара с пронзительным криком вскочила с дивана, будто бы слова комментатора проникли наконец в ее оцепеневший мозг и заставили осознать, что же в действительности произошло с ее братом. Она, как наяву, вновь услышала звуки разрываемой плоти и увидела перед собой зловещую фигуру твари, которая убила Джонни, и диким, исступленным криком Барбара отчаянно пыталась стереть из памяти весь этот невероятный кошмар. Она в ужасе бросилась через комнату и всем телом с силой ударилась о входную дверь.

Вздрогнув и схватив винтовку, Бен ринулся по лестнице вниз. Девушка, вцепившись руками в доски, пыталась прорваться сквозь них наружу и рыдала в неистовом, безумном отчаянии. Бен бросился к ней, но она вывернулась из его рук и побежала назад — туда, где в столовой, возле двери, которую Бен так и не смог открыть, виднелось беспорядочное нагромождение всевозможной мебели.

Неожиданно эта дверь открылась, и оттуда — из-за скопления мебели — чьи-то сильные руки схватили Барбару за живот. Она в ужасе завизжала, а Бен мгновенно оказался возле нее и замахнулся прикладом «Винчестера».

Тот, кто схватил Барбару, сразу же отпустил ее и ловко увернулся от удара. Приклад с грохотом ударился о старый комод. Бен тут же вскинул винтовку, и его палец лег на спусковой крючок.

— Нет! Не стреляйте! — раздался испуганный голос, и Бен едва успел удержаться от выстрела.

— Мы из города, мы не... — произнес человек.

— Мы не из этих тварей, — проговорил второй голос,

и Бен увидел, что еще один незнакомец появился из приоткрытой двери, которая раньше была заперта.

Человек, прятаясь за комодом, медленно встал, будто бы опасаясь, что Бен все еще может выстрелить. Он оказался совсем молодым парнем — лет примерно шестнадцати, в синих джинсах и такой же куртке. Второй был вполне уже зрелым мужчиной, около сорока лет на вид. Он был лыс и одет в белую рубашку и брюки. На шее у этого типа болтался измятый галстук со слегка ослабленным узлом. Мужчина держал в руке тяжелую металлическую трубу.

— Мы не пришельцы, — повторил лысый. — Мы попали в такую же переделку, как и вы.

Барбара снова опустилась на диван и время от времени тихо всхлипывала. Трое мужчин молча смотрели на нее, как будто она была тем объектом общей заботы, который мог убедить их в добрых намерениях друг друга. Наконец юноша подошел к Барбаре и с сочувственной улыбкой заглянул ей в глаза.

Бен стоял, ошеломленный внезапным появлением чужаков.

Голос по радио продолжал передавать информацию о нашествии.

Лысый мужчина нервно попятился, не сводя глаз с винтовки Бена, присел на корточки возле приемника и стал жадно слушать, продолжая сжимать в руке свою трубу.

«...Периодические сводки по мере того, как информация будет поступать в нашу студию, а также рекомендации по выживанию и список пунктов неотложной помощи, которые примут столько людей, сколько будет возможно с имеющимся оборудованием и персоналом...»

Бен все стоял, молча глядя на двух незнакомцев. На его лице начала проступать обида и раздражение, как будто эти непрошенные гости вторглись в его маленькую личную крепость. Однако обижало Бена не столько их присутствие, как тот факт, что они, по-видимому, все это время были в доме и не сделали ничего, чтобы помочь ему или Барбаре. Он не знал, почему они решили обнаружить себя именно сейчас, и не был уверен, что им можно вообще доверять.

Наконец лысый оторвался от радиоприемника.

— Незачем на нас так смотреть, — сказал он Бену. — Мы не мертвецы, как те, во дворе. Меня зовут Гарри Купер. А парня — Том. Мы прятались в подвале.

— Между прочим, я бы не отказался от чьей-нибудь помощи,— с плохо скрываемым раздражением сказал Бен.— И как же давно вы, ребята, сидите там?

— Это же подвал! Там самое безопасное место в доме,— ответил Гарри Купер таким тоном, будто каждый, кто не желает в подобной ситуации прятаться в подвале,— просто круглый идиот.

Том, сидевший на корточках возле дивана и пытавшийся как-то утешить Барбару, поднялся и подошел к двум мужчинам, вступая в их не слишком любезный разговор.

— Похоже, вы здесь неплохо все укрепили,— обратился он к Бену дружеским тоном.

Тогда Бен набросился на него.

— Послушай, парень, ты хочешь сказать, что вы не слышали шума, который мы тут подняли?

Купер гаденько усмехнулся.

— А как нам было узнать, что здесь творится? — начал защищаться он.— Шум могли производить и эти твари, пытаясь проникнуть в дом. Ничего другого нам и в голову не приходило.

— Но ведь девушка же кричала,— с гневом и негодованием произнес Бен.— Ее-то крики вы должны были различить! Ведь эти сволочи не издают таких звуков. Каждый порядочный человек догадался бы, что здесь кому-то нужна помощь.

Том попытался оправдаться:

— Оттуда очень трудно понять, что здесь происходит. Стены очень толстые. Почти ничего расслышать нельзя.

— Да, один раз нам показалось, что наверху кто-то кричит,— добавил Купер.— Но ведь это могло означать, что твари ворвались в дом вслед за нею.

— И вы не вышли, чтоб ей помочь?! — Бен презрительно повернулся к нему спиной.

Парню, казалось, было стыдно, но Купера презрение Бена не тронуло. Видимо, за свою жизнь он привык находить оправдания собственной трусости.

— Ну... если бы... нас было побольше...— сказал юноша и, покраснев, отвернулся, не найдя, что еще придумать в свое оправдание.

А Купер продолжал упорствовать.

— По звуку было похоже, что дом пытаются взломать. Как же мы могли в такой ситуации...

Но Бен оборвал его:

— Сначала вы сказали, что ничего не слышали. А те-

перь говорите, что подумали, будто дом взламывают. Лучше уж скажите все прямо, мистер.

Купер взорвался.

— К черту! Я вам тут не обязан давать отчет и выслушивать всю эту чушь и ваши оскорбления. Мы нашли безопасное место в подвале. И ни вы, ни кто другой не заставит меня рисковать моей жизнью, когда я нашел себе надежное убежище.

— Ладно... Почему бы нам не присесть?..— начал Том. Но Купер не дал ему договорить. Он продолжал, правда, теперь уже более спокойным тоном, настаивать на своей точке зрения.

— Как видите, мы все-таки вышли. А теперь я предлагаю всем нам спуститься вниз, пока кто-нибудь из этих тварей не обнаружил, что мы здесь.

— Они не могут сюда проникнуть,— сказал Бен таким безапелляционным тоном, будто был в этом совершенно уверен. В действительности, у него было множество сомнений, но ему не хотелось обсуждать их с этими двумя незнакомцами, один из которых был совсем еще мальчиком, а другой, как убедился Бен,— трусом.

— Неужели вы все здесь заколотили? — изумился Том. Он был настроен немного скептически, но старался не проявлять свой скепсис, чтобы найти с Беном общий язык.

— Почти,— хмуро ответил Бен, стараясь говорить ровным, рассудительным тоном.— Все, кроме второго этажа. Местами, правда, слабовато, но будет нетрудно укрепить все как следует. У меня достаточно материала, и я...

Купер опять перебил Бена. Его голос вновь зазвучал на высокой ноте:

— Да вы с ума сошли! Здесь вы никогда не будете в безопасности. Подвал — единственное надежное место во всем этом чертовом доме!

— Я же сказал, что они сюда не прорвутся! — закричал на него Бен.

— А я вам говорю, что эти твари перевернули нашу машину! Нам чертовски повезло еще, что мы сумели унести ноги; и теперь вы пытаетесь убедить меня, что они не сломают какие-то вшивые деревянные?

Некоторое время Бен смотрел на него не зная, что сказать. Он понимал, что подвал имеет некоторые преимущества. Но он не мог допустить, чтобы ему говорил об этом кто-то вроде Купера, проявившего себя самым обыкновенным трусом. Бен знал, что пока он и сам справлялся неплохо, и ему не хотелось связывать свою судьбу с чело-

веком, который в случае опасности может поддаться панике.

Том воспользовался паузой в разговоре, чтобы сообщить еще один факт, который, как он надеялся, мог смягчить Бена и прекратить ссору между ним и Купером:

— Там, внизу, жена и ребенок Гарри. Причем ребенок ранен, и довольно серьезно. И Гарри не хочет подвергать их какой-либо опасности и риску снова подвергнуться нападению.

Эта новость оказалась для Бена неожиданной. Он немного смягчился и глубоко вздохнул. Какое-то время все трое молчали, затем Бен шумно сглотнул слюну и произнес:

— Ну ладно... Но мне все же кажется, что нам будет лучше здесь, наверху.

Внимательно оглядев баррикады, Том осторожно поддержал его:

— Мы действительно могли бы укрепить здесь все как следует, мистер Купер.— И посмотрел на него с надеждой, ожидая, что тот согласится хотя бы немного помочь Бену.

Бен продолжал убеждать их, делая упор на сильные стороны своей позиции:

— Если мы немедленно и все вместе примемся за работу, то сможем укрепить этот дом так, что ни одна тварь сюда в жизни не проберется. У нас есть продукты. Кухонная плита, холодильник, камин. И еще у нас есть радио.

Купер гневно сверкнул на него глазами.

— Парень, да ты спятил! Все, что здесь есть, мы можем взять с собой вниз. А здесь у тебя миллион окон. И ты надеешься, что все они выдержат?

— Эти твари слабы, как дети,— сквозь зубы отвечал Бен, едва сдерживая свой гнев.— Я уже прикончил троих и еще одного вытолкнул за дверь. И поэтому не хуже вас знаю, с кем мы имеем дело!

— Я же говорю тебе, что они перевернули нашу машину вверх колесами! — фыркнул Купер.

— О, черт! Да любые пятеро мужчин смогли бы это сделать! — взорвался Бен.

— Я об этом и говорю! Только их будет не пятеро — их будет двадцать... тридцать... может быть, сотня! Как только они узнают, что мы здесь, это место будет просто кишеть ими! — истерично завершил Купер.

На это Бен спокойно ответил:

— Ну, если их так много, то они доберутся до нас, где бы мы ни были.

— Дверь в подвал запирается и закрывается изнутри на засов,— сказал Том.— Она очень прочная. Я не думаю, что кто-то сможет ее сломать.

— И кроме того, это будет единственная дверь, которую нам придется защищать,— добавил Купер уже не таким визгливым тоном.— А все эти окна и двери... Да мы просто не будем знать, с какой стороны ожидать их нападения в следующий раз.

— Однако у подвала есть один большой недостаток,— заметил Том.— Оттуда нельзя убежать. Я имею в виду, что если уж они прорвутся туда, отступать нам будет уже некуда. И тогда можно считать нас всех покойниками.

Купер посмотрел на него, широко раскрыв от удивления рот. Он не мог поверить, что Том согласится покинуть их убежище, поскольку сам он больше всего хотел оставаться там, где, как ему казалось, его никто не мог тронуть, как крыса в своей норе.

— Я думаю, сперва мы должны как можно лучше укрепить весь дом, а подвал оставить на всякий случай, как последний вариант,— сказал Бен, подводя черту.— Тогда мы сможем укрыться в подвале, если все другие преграды будут уже сломаны. Но зато до самого последнего момента мы будем знать, что происходит вокруг.

— А что? Пожалуй, в этом есть смысл,— сказал Том.— Я, конечно, не знаю, мистер Купер, но мне кажется, он прав. Я думаю, мы и правда должны остаться здесь.

— Второй этаж — такая же ловушка, как и подвал,— продолжал свои рассуждения Бен.— Там три комнаты, и все их тоже надо забить. А твари эти довольно слабы. Мы вполне сможем их удержать. К тому же теперь у меня есть винтовка... А ведь раньше ее не было, и то я справился с троими. И кроме того,— тут Бен на секунду задумался,— со временем мы должны будем попытаться выбраться отсюда самостоятельно, поскольку нет никакой гарантии, что кто-нибудь придет к нам на помощь... Скорее всего никто и не знает, что мы здесь. А если даже кто и придет, а дом будет полон этих тварей, то мы все равно не сможем открыть дверь подвала, чтобы дать о себе знать спасательному отряду.

— Сколько их сейчас возле дома? — спросил Том.

— Я думаю, шесть или семь,— ответил Бен.— Точнее сосчитать невозможно из-за темноты и деревьев.

— Ладно, вы двое можете делать, что хотите,— мрачно сказал Купер.— А я отправляюсь обратно в подвал, так что вы лучше решайте сразу, потому что я собираюсь закрыть дверь, и я не сумасшедший, чтобы открывать ее снова, что бы там ни случилось.

— Подождите немного, мистер Купер,— воскликнул Том.— Давайте подумаем хотя бы минуту. Ведь жизнь каждого из нас зависит от того, что мы сейчас решим.

— Нет. Я уже принял свое решение. А вы принимайте свое. И если вы решите остаться здесь — можете вариться в собственном соку сколько вам будет угодно.

Встревоженный этим заявлением, Том принялся отчаянно спорить:

— Да подождите же вы, черт возьми, давайте подумаем хоть немного: мы же можем в любую минуту спуститься в подвал. А если мы решим там остаться, то нам понадобятся кое-какие вещи отсюда. Давайте хоть об этом подумаем...

Бен добавил:

— Если вы запретесь в подвале, а дом будет полон этих тварей — всем вам крышка. А здесь по крайней мере у вас есть шанс... Вы ведь уже убежали от них однажды, иначе бы вас здесь сейчас не было...

Взволнованный и все еще не принявший окончательного решения, Том подошел к окну и выглянул наружу сквозь просвет между прибитыми к раме досками.

— Да, вроде шесть или, может быть, восемь их там стоят,— сказал он, и после этой попытки подсчета в его голосе зазвучала возросшая тревога.

— Это больше, чем было час назад,— согласился Бен.— Но тогда еще несколько тварей стояли на заднем дворе, если, конечно, это не те же самые, которых ты только что видел.

С этими словами он устремился в кухню, но тут импровизированный ремень из полоски бахромы, на котором висела винтовка, оборвался. Бен нагнулся, пытаясь удержать сползающий «Винчестер» на спине и перехватить его рукой. Сосредоточив все внимание на винтовке, он не видел окна, к которому приближался. Когда же, поймав, наконец, приклад, Бен поднял глаза, сердце его похолодело: через широкую щель между досками, которыми было заколочено окно, сквозь разбитое стекло, к нему тянулись две руки — посеревшие, со следами гниения на мертвой коже — они скребли доски, вытягивались, пытаясь его схватить. А позади этих рук видне-

лось безобразное, нечеловеческое лицо. Заграждение, однако, выдерживало нагрузку достаточно хорошо.

Бен размахнулся и изо всех сил ударил прикладом винтовки по омерзительным конечностям. Раз, другой... Приклад с глухим стуком ударил по полуразложившимся кистям. Одна из рук соскользнула и отдернулась назад, со звоном выбив стекла, другая же, не чувствуя боли, продолжала судорожно цепляться за раму.

Бен перевернул винтовку и просунул в щель между досками ствол. Его палец лег на спусковой крючок. И в тот же момент еще две мерзких синюшных руки ухватились за ствол, а позади этих рук появилось распухшее землистое лицо мертвой твари. Гниющая плоть на его скулах свисала, отслоившись от костей. Глядя сквозь прорезь прицела, Бен встретил взгляд мертвых помутневших глаз, и ему стало плохо. Он отчаянно пытался прицелиться, а зомби с другой стороны окна стремился вырвать винтовку из его рук. На короткий момент дуло «Винчестера» оказалось направленным прямо в эту мерзкую рожу, и в тот же миг звук выстрела разорвал воздух. Безжизненная тварь отлетела далеко назад, и ее тело со снесенным наполовину черепом и вытянутыми вверх руками тяжело рухнуло на землю.

Но новые руки мертвецов тут же уцепились за доски взамен отброшенных.

Том вбежал в кухню на звук выстрела, а через минуту и Гарри осторожно приблизился к двери. Вдруг издали послышался голос. Это жена Гарри, Элен, звала его из подвала:

— Гарри! Гарри! С тобой ничего не случилось?

— Все хорошо, Элен. С нами все в порядке! — отозвался Купер слегка дрожащим голосом, который с головой выдавал весь его страх и тревогу и вряд ли мог кого-нибудь успокоить.

Том сразу же ринулся на помощь Бену, который изо всех сил колотил прикладом по мертвой руке, пытавшейся подлезть снизу под доски. Но эти мощные удары не приносили почти никаких результатов — рука, не обращая на них внимания, продолжала упорно тянуться вперед. Том подскочил к заколоченному окну, схватил полуразложившееся запястье обеими руками и стал с силой выворачивать его, пытаясь сломать, однако оно было каким-то раскисшим и омерзительно податливым. Лицо Тома перевернуло от отвращения. Он полоснул холодную мертвую конечность о край разбитого стекла, и его неприятно поразило полное отсутствие крови, когда острый длинный

осколок глубоко врезался в зеленоватую зловонную плоть. Внезапно другая рука схватила Тома за кисть и стала сильно тянуть наружу. Он громко вскрикнул, и Бен сразу же повернул ствол винтовки в направлении твари, с которой боролся Том. Но в этот момент еще одна рука дотянулась до Бена и схватила его — пальцы судорожно вцепились в рукав и разорвали рубашку, но Бен освободился и отступил назад, пытаясь прицелиться. Еще один точный выстрел — и руки, державшие Тома, отдернулись и исчезли в темноте. Потрясенный, Том смотрел сквозь широкую щель между досками. Бен тщательно прицелился и снова нажал на спуск. Пуля разорвала грудь мертвеца, оставив огромную зияющую дыру, однако тварь продолжала стоять на ногах и вновь стала медленно приближаться.

— О, Боже праведный! — воскликнул Том, напуганный тем, что винтовка оказалась неэффективной.

А кошмарная тварь, источая невыносимую вонь, вплотную подошла к окну, не обращая никакого внимания на то, что почти половина ее торса была только что снесена мощным выстрелом.

Бен поднял винтовку и выстрелил снова. На этот раз пуля угодила в бедро мертвеца чуть ниже таза. Тварь отшатнулась и, попытавшись перенести вес тела на другую ногу, рухнула на землю, потеряв равновесие. Том и Бен смотрели, не веря своим глазам. Зомби продолжал двигаться к окну, загибая руками и отталкиваясь своей единственной здоровой ногой.

— Матерь Божья! Да кто же они такие?! — вырвалось у Тома.

Он отшатнулся к стене, взглянул на Гарри и увидел на его лице плохо скрываемое выражение ужаса.

Бен вытер губы, глубоко вдохнул и задержал воздух в легких, еще раз старательно прицеливаясь. Грянул выстрел, и пуля снесла череп ползущего мертвеца, опрокинув его навзничь.

— Проклятые чертовы твари! — выдохнул Бен. Голос его слегка дрожал.

Распростертое на лужайке тело, лишившись вместе с половиной черепа обоих глаз, продолжало делать руками беспорядочные движения, все еще пытаясь ползти.

Из подвала снова слышалось:

— Гарри! Гарри!

С трудом переведя дыхание, Бен отвернулся от заколоченного окна.

— Нам придется получше укрепить это место,— сказал он и собрался уже приняться за работу, как вдруг заговорил Гарри:

— Вы сошли с ума! Через минуту они будут уже возле каждого окна и каждой двери! Надо срочно спускаться в подвал!

Бен резко повернулся в его сторону и посмотрел на Купера глазами, полными нескрываемой ярости. В приступе гнева он буквально взревел решительным, не допускающим возражений голосом:

— Убирайтесь к чертовой матери в свой проклятый подвал! И чтоб я вас тут больше не видел!

Крик на мгновение остановил Гарри, но затем страх снова взял над ним верх. Купер знал, что, приняв свое решение, он, если придется, спустится в подвал один, но на этот случай хорошо бы взять с собой кое-какие припасы, если ему не помешают. «Возможно, в этом замешательстве,— подумал он,— удастся прихватить с собой кучу вещей без всякого спроса». Он направился к холодильнику, но Бен остановил его.

— Даже не прикасайтесь к этим продуктам,— предупредил Бен.

Он крепче сжал в руке винтовку, и хотя ее ствол не был направлен на Гарри, тот со всей ясностью почувствовал мощь этого оружия.

Гарри боязливо отдернул руку от дверцы холодильника.

— Раз уж я остаюсь здесь,— сказал Бен,— я буду драться за все, что тут есть — за эти продукты, за радио и все остальное. А вы совершаете большую ошибку, вы поняли? Но если вы все-таки собираетесь в свой подвал — скактертью дорога, убирайтесь отсюда и не попадайтесь мне больше на глаза.

Купер повернулся к Тому, ища в нем поддержки.

— Том, этот человек сумасшедший! Он просто спятил! А продукты понадобятся и нам внизу. Мы тоже имеем на них право!

Бен посмотрел Тому прямо в лицо.

— Ты тоже собираешься с ним? Хватит ходить вокруг да около! Говори прямо — ты остаешься или нет? Это твой последний шанс.

После долгого молчания Том повернулся и, неловко улыбнувшись, извиняющимся взглядом посмотрел на Гарри Купера, поскольку его выбор был в пользу Бена.

— Гарри, мне кажется, он прав...

— Значит, ты тоже сошел с ума,— был ответ.

— Но мне правда кажется, что здесь будет лучше.

— Вы все тут рехнулись! — заорал Купер. — А у меня там дочь. Она не вынесет всего этого шума и вида чудовищ, лезущих через окна. Мы будем счастливы, если она вообще выживет.

— О кей, — сказал Бен. — Вы отец ребенка. И если вы настолько глупы, чтобы пойти и умереть в этой западне, это ваше дело. Но я не такой идиот, чтобы пойти вместе с вами, жаль только вашу дочь, что ей достался такой глупый отец. А теперь можете убираться в свой чертов подвал и хозяйничать там. А здесь главный я! И вы не притронетесь к этим продуктам, ни ко всему остальному, что здесь лежит.

— Гарри, мы дадим вам еды, — сказал Том. — Если вы хотите остаться внизу, то мы...

— Вы ублюдки! — прервал его Гарри.

Из подвала продолжали доноситься крики его жены:

— Гарри! Гарри! Что происходит, Гарри?

Купер направился в подвал, но Том остановил его.

— Позовите сюда Джуди, — сказал он. — Ей лучше остаться здесь со мной.

Бен с удивлением посмотрел на Тома. Никто не говорил ему, что в подвале есть еще кто-то, кроме жены и дочери Гарри.

— Это моя девушка, — объяснил Том. — Джуди — моя девушка.

— Ты должен был сказать мне, что она там, — покачал головой Бен.

Тем временем Купер повернулся и начал спускаться по лестнице, а затем послышался звук более легких шагов, и вскоре из двери подвала появилась девушка.

Она обняла Тома и робко посмотрела на Бена. Девушка была примерно того же возраста, что и ее друг, и одета так же, как он: в синие джинсы и куртку. Она оказалась довольно хорошенькой блондинкой, и Бен подумал, что вскоре она, по всей видимости, станет для них такой же проблемой, как и Барбара. Вместе с Томом она подошла к закрывшейся двери подвала, сквозь которую было слышно, как Гарри запирает ее изнутри.

— Знайте, что я не открою эту дверь снова! — прокричал он. — Я ведь предупреждал!

— Но мы можем неплохо устроиться и здесь, наверху! — крикнул в ответ Том. — С вашей помощью, Гарри, мы могли бы...

— Оставь его, — тихо сказал Бен. — Он уже принял свое решение. Тебе будет лучше забыть о нем.

— Здесь намного удобнее! — еще раз крикнул Том. — Отсюда по крайней мере есть куда бежать.

Но из-за двери не последовало больше никакого ответа. Только звук удаляющихся вниз по лестнице шагов Купера.

Бен привязал оборванный кусок бахромы к винтовке и принялся перезаряжать ее, заменяя использованные патроны. Когда магазин был полон, Бен перекинул «Винчестер» через плечо, повернулся и пошел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Проходя мимо Барбары, он мельком взглянул на нее, поставил ногу на первую ступеньку лестницы, но вдруг передумал и снова подошел к девушке.

Радио опять передавало ту же самую монотонную запись.

Том все еще продолжал упрашивать Гарри, крича в закрытую дверь подвала.

— Гарри, мы бы лучше справились, если бы принялись за дело все вместе! Мы дадим вам продукты, когда понадобится... — Том опасливо покосился на Бена, ожидая порицания за то, что он начал без спроса распоряжаться продуктами. — А когда мы постучим в дверь, если нас будут преследовать твари, вы бы могли и впустить нас...

Гарри по-прежнему не отвечал.

Том подождал еще немного, а потом отошел от двери, настороженный и обеспокоенный происшедшим расколом. Он прекрасно понимал, что если случится худшее, то жизнь каждого из них будет самым непосредственным образом зависеть от действий всех остальных.

Джуди, молча сидевшая в кресле, вопросительно посмотрела на Тома. Но тот ничего не ответил, подошел и погладил ее по щеке.

Бен присел на диван рядом с Барбарой и участливо склонился над ней. Она невидящим взглядом смотрела куда-то в пространство перед собой. Бен был полон сочувствия к девушке, но всякий раз, когда он пытался помочь ей, он ощущал свою полную беспомощность и бессилие.

— Эй... Эй! Ты слышишь меня? — позвал Бен.

Барбара не отвечала. Он откинул с лица девушки волосы, упавшие ей на глаза. Неожиданно она вздрогнула. На мгновение Бену показалось, что девушка готова откликнуться на его заботу, но этого не произошло. И он почувствовал к ней такую же жалость и сострадание, как, бывало, к своим собственным детям, когда тем случалось заболеть. Бен потер ладонью лоб и глаза, ощущая невыносимую усталость от напряжения и страха последних часов. Затем он укрыл девушку лежавшим рядом пальто,

поднялся с дивана и подошел к камину. Подбросив в огонь еще пару поленьев, он пошевелил кочергой угли, чтобы пламя разгорелось ярче. Делая это, он прежде всего заботился о Барбаре. Том подошел к нему сзади, и, обернувшись, Бен прочел в его глазах беспокойство по поводу решения Гарри Купера.

— Он просто не прав,— с сожалением развел руками Бен.

Том промолчал.

— Я не собираюсь торчать в подвале,— добавил Бен.— Ведь не исключено, что мы пробудем здесь несколько дней. Так что лучше мы устроим все как следует, а тогда уж он выйдет и присоединится к нам. Он не сможет там долго просидеть. Ему захочется посмотреть, что здесь происходит Или, может быть, если мы решим выбираться отсюда сами, он выйдет и как-то поможет нам. У меня ведь здесь грузовик.. Но нужен бензин. Если бы я мог добраться до тех колонок возле сарая, то, может быть, у нас появилась бы еще одна возможность спастись.

Сказав это, Бен повернулся и начал подниматься по лестнице, чтобы продолжить начатую на втором этаже работу. Он не сомневался, что Том сможет управиться внизу и один.

Глава пятая

В подвале, с серыми бетонными стенами, пылью и беспорядком, было сыро и холодно. Связанные веревкой картонные коробки и старые радиаторы парового отопления грязными пятнами проступали из густой тени по углам, в которые не доходил свет одинокой лампочки без абажура. Коробки занимали почти все свободное место; они различались по размеру от маленьких упаковок из-под продуктов, названия которых уже невозможно было прочесть на выцветших этикетках, до огромных ящиков, в которых когда-то, должно быть, была привезена в дом мебель. В единственном свободном углу подвала, рядом с модельной стойкой душа, стояла старая стиральная машина. Веревки для просушки белья были натянуты так низко, что Гарри пришлось пригнуться, пробираясь от лестницы в противоположный конец тесного помещения.

Возле одной из стен стояла пара ржавых баков с водой и старый металлический шкаф. Жена Гарри, Элен, склонившись над краном одного из баков, смачивала холодной водой кусок светлой материи. Когда Гарри вошел, она

мельком взглянула на него и продолжила заниматься своим делом. Элен отжала тряпицу, убедилась, что та осталась достаточно влажной, и понесла ее туда, где на достаточном верстаке лежала без движения маленькая девочка — их дочь. На стене над верстаком были развешаны инструменты, а на полу под ним стояли ящики для мелких принадлежностей — шурупов, гвоздей, гаек и прочего. Холод подвала сковывал движения Элен и делал их напряженными и порывистыми. Жена Гарри была одета в легкое платье и свитер, а свое теплое пальто она расстелила на верстаке, и на нем теперь лежала девочка. Полы пальто были заботливо обернуты вокруг ее тела и укрывали ноги и грудь ребенка. Женщина склонилась над своей дочерью и протерла ее лоб влажной прохладной тканью.

Гарри тихо подошел сзади и встал за спиной Элен, наблюдая, как та сосредоточенно ухаживает за их дочерью, стараясь поплотнее обернуть вокруг нее пальто. Даже не посмотрев на мужа, Элен сказала:

— У Карен сильный жар.

Гарри вздохнул, помолчал немного, а потом ответил:

— Там наверху еще двое.

— Двое? — рассеянно спросила Элен.

— Да, — подтвердил Гарри. Затем, как будто оправдываясь, добавил: — Я не хотел рисковать без надобности. Я решил, что мы останемся здесь.

Элен промолчала, хотя прекрасно поняла, что Гарри ждет сейчас какого-нибудь знака одобрения с ее стороны.

— Как мы могли знать, что там, наверху, происходит? — наконец сказал он, пожав плечами и разведя руки в стороны.

Затем он нервно потянулся к нагрудному карману за сигаретами, вытащил пачку, которая оказалась пустой, смял ее в руке и отбросил в сторону. Потом подошел к верстаку, на котором лежала другая пачка, схватил ее, но и она была пустая; Гарри смял и ее и яростно швырнул на пол. Затем он снова посмотрел на свою жену и дочь. Элен продолжала спокойно протирать лоб девочки влажной тканью.

— Ну, как она? — спросил наконец Гарри.

Элен не ответила. Карен лежала без сознания.

На лице Гарри выступили мелкие капли пота. Он подождет немного и, не услышав ответа, переменял тему.

— Они все остались наверху... идиоты! Я говорил им, что мы должны держаться все вместе. А здесь самое безопасное место.

Он взял сумочку Элен, порылся в ней и нашел еще одну пачку сигарет. Надорвав ее, Гарри вытащил сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Дым заставил его слегка закашляться.

— У них там нет никаких шансов,— продолжал он.— Они не смогут сдерживать этих тварей вечно. Там слишком много мест, через которые можно прорваться в дом

Элен по-прежнему не отвечала, словно потеряв всякий интерес и уважение к идеям своего мужа.

На полу рядом с некрашенной табуреткой стоял маленький транзисторный приемник. Увидев его, Гарри тотчас же наклонился и щелкнул выключателем.

— У них наверху тоже есть радио,— сказал он.— Передавали сводки Гражданской обороны или что-то вроде этого... Я думаю, это не только у нас, это происходит повсюду.

Но как Гарри ни старался, крошечный приемник не мог поймать ничего, кроме помех. Он вертел ручку настройки вперед и назад, чертыхался, напряженно вслушивался, но по всему диапазону слышался хруст и шипение. Гарри поднимал аппарат вверх, поворачивал его вокруг оси, пытаясь добиться приема, непрерывно вращал настройку, но, кроме шороха и свиста помех не слышал ничего. Он начал ходить взад-вперед по подвалу, надеясь найти подходящую точку, но все было безрезультатно.

— Проклятая штуковина...— ворчал Купер.

Но из пластмассовой коробочки по-прежнему доносился лишь монотонный пульсирующий шум.

Элен перестала протирать лицо своей дочери, аккуратно сложила кусок ткани и накрыла им лоб и глаза неподвижно лежащей девочки. Нежно положив руку на грудь Карен, она подняла голову и посмотрела на Гарри, который возбужденно вышагивал взад-вперед вокруг верстака и размахивал транзистором, позабыв про потухшую сигарету, свисающую с его нижней губы.

Из приемника с переменной громкостью слышался треск и заунывное посвистывание.

— Гарри...— тихо позвала Элен.

Но он упорно продолжал возиться со своей игрушкой, не обращая на жену никакого внимания, как будто это стало его навязчивой идеей. Купер подошел к стене у подножия лестницы, поднял приемник над головой и снова принялся с сопением крутить ручку настройки.

— Послушай! Мы же под землей; здесь все равно ничего невозможно поймать! — не выдержала Элен.

Ее повышенный голос привлек, наконец, внимание Гарри. Он повернулся и посмотрел на жену. Элен, готовая заплакать, закрыла лицо руками. Затем, встряхнув головой, закусил губу и опустила глаза.

При взгляде на жену Гарри почувствовал прилив гнева, который долго копился в его душе и теперь окончательно овладел им, на какое-то время даже лишив его дара речи. Лицо Гарри начало нервно дергаться — переполняющие его эмоции искали выход. Наконец он резко развернулся, с силой швырнул приемник через всю комнату в стену и разразился яростным криком:

— Я что, по-твоему, ненавижу тебя, да? Или, может быть, я ненавижу свою дочь? Ты думаешь, я хочу, чтобы вы здесь умерли — в этом вонючем месте?! Господи, Элен, да ты даже не понимаешь, что происходит! Эти твари повсюду — стоит только высунуться, и они всех нас прикончат! Ты думаешь, мне доставляет удовольствие смотреть, как наш ребенок страдает? Мне что, по-твоему, приятно смотреть на все это?

Элен резко повернула голову и посмотрела на него с выражением страдания и мольбы на лице.

— Карен нужна помощь, Гарри... Ей нужен врач... Она... Она может умереть здесь. Нам нужно выбраться отсюда. Мы должны...

— Ну да, давай просто поднимемся и выйдем наружу. Мы можем прямо сейчас собирать вещи, а я возьму и скажу этим тварям: «Извините, но моей жене и ребенку здесь неудобно, мы отправляемся в город». Ради Бога!.. Там, наверное, уже штук двадцать этих мертвецов возле дома. И с каждой минутой их становится все больше.

Но сарказм не помог Гарри убедить жену. Наоборот, это только усилило ее отвращение к нему и ожесточило Элен. Однако она прекрасно знала, что отвечать ему тем же не имеет никакого смысла. Был только один способ уговорить Гарри — это постараться внушить ему, что он сам пришел к какой-то новой мысли, тем самым дав ему возможность достойно оставить свою прежнюю позицию.

— Там наверху люди, — начала Элен. — И мы должны держаться все вместе, ты же сам это сказал!.. А эти люди не являются нашими врагами, не так ли? Вверху, внизу — не все ли равно? Зато они, может быть, смогут нам помочь. Давай выйдем отсюда...

Внезапный стук прервал ее уговоры.

Они с Гарри затаили дыхание и прислушались. Звук повторился — это были удары по двери подвала. Элен с тревогой посмотрела на свою беспомощную дочь. Довольно долгое время они были полностью убеждены, что их уже атакуют. Но затем послышался голос Тома.

— Гарри! — крикнул он.

И снова раздался стук. Но Гарри лишь молча смотрел на дверь и не отвечал на зов. Он был верен своему решению не открывать больше дверь, что бы ни случилось, и не иметь никаких дел с теми, кто остался наверху. Глаза Элен наполнились слезами. Ее переполняло отчаяние и горькое разочарование в своем муже. Стук повторился. Элен с отвращением посмотрела на Гарри. Она поняла, что он трус. Опять стук, затем пауза. Может быть, Том отказался от мысли достучаться до них? Подумав об этом, Элен вскочила и бросилась к лестнице.

— Да-да, Том!

Гарри, кинувшись вслед за ней, схватил Элен сзади за плечи и попытался остановить. Но она принялась вырываться, отчаянно и упорно.

— Гарри,пусти меня!Пусти!

Ее решительность обескуражила Купера и заставила его остановиться. Он отпустил жену и в недоумении посмотрел на нее — она никогда еще не отказывалась подчиниться ему столь открыто и вызывающе.

Сквозь запертую дверь вновь послышался голос Тома:

— Гарри!.. Элен!.. У нас есть продукты, кое-что из лекарств и другие вещи...

Гарри тупо смотрел на дверь, по-прежнему не говоря ни слова. Он неторопливо достал спички и зажег все еще торчащий изо рта окурок.

— Через десять минут по радио будет сообщение,— продолжал Том.— Сводки Гражданской обороны. Там скажут, что мы должны делать!

Глядя на дверь, Элен прокричала:

— Мы выходим, Том! Мы будем через минуту!

Гарри резко повернулся и сверкнул на нее глазами.

— Ты не в своем уме, Элен. Этим тварям и минуты не понадобится, чтобы схватить тебя и прикончить. Если они ворвутся туда, то передумывать будет уже поздно — тебе разве это не ясно? Неужели ты не понимаешь, что мы в безопасности, только пока держим эту дверь на замке?!

— А мне наплевать,— презрительно фыркнула Элен.— Мне наплевать, Гарри! Я больше не боюсь. Я хочу выйти отсюда, подняться наверх и посмотреть, не сможет ли ко-

нибудь нам помочь. И тогда, может быть, с Карен все будет в порядке.

Внезапно успокоившись, она перестала кричать, взяла себя в руки, подошла к Гарри и заговорила уже более мягким голосом:

— Гарри... пожалуйста... всего на минуту! Мы выйдем и посмотрим, как там наверху. Мы послушаем радио и, может быть, найдем какой-нибудь способ выбраться отсюда. Что если мы все вместе сможем это сделать?..

Гарри, чья непреклонность немного ослабла, глубоко затаился, вытащил изо рта сигарету, бросил ее на пол и раздавил каблуком ботинка, тонкой струйкой выпустив дым сквозь плотно сжатые губы.

Неожиданно из-за двери вновь послышался голос Тома и заставил его вздрогнуть.

— Гарри! Эй, Гарри! Бен нашел на втором этаже телевизор! Поднимайтесь — там прямой эфир из штаба Гражданской обороны.

Гарри все еще колебался. А Элен говорила ласково и успокаивающе, пытаясь своим мирным тоном смягчить то неприятное ощущение, которое он испытывал, отказываясь от своего прежнего решения.

— Ну пойдем...— сдался Гарри.— Хорошо. Но это твое решение. И если мы поднимемся и нас всех прикончат, то ты будешь виновата.

Элен, облегченно вздохнув, повернулась к лестнице и начала подниматься по ступенькам, идя впереди мужа, чтобы люди наверху могли понять, что они выходят по ее инициативе.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, Элен без помощи Гарри начала отпирать тяжелую дверь подвала.

Глава шестая

Наконец Купер соизволил помочь жене, вытащил тяжелую доску засова, и дверь со скрипом раскрылась. Элен выглянула наружу и окинула взглядом столовую, за которой виднелась полутемная гостиная. Гарри, стоявший позади жены, испытывал острое чувство враждебности ко всем и был зол на себя за то, что отступил от своего решения остаться в подвале. Элен тоже была возбуждена и взволнована — отчасти после напряженного спора с мужем, но в основном из-за того, что ей предстояло встретить совершенно незнакомых людей в этих не слишком приятных обстоятельствах.

Однако в гостиной оказались только Том и Барбара, причем Барбара, обессиленная от нервного напряжения и шока, беспокойно спала на диване напротив камина.

Стараясь держаться по-дружески, Том сказал:

— Я думаю, мы сможем сейчас посмотреть новости — если, конечно, телевизор работает. Мне надо пойти помочь Бену принести его вниз. Джуди на кухне. Я позову ее, и она посидит с Карен, пока вы будете смотреть телевизор.

Элен изобразила на лице благодарную улыбку, и Том сразу же отправился на кухню за своей подружкой.

Элен подошла к камину, желая согреться, и сочувственно посмотрела на Барбару. Потом откинула волосы, упавшие на ее лицо, и получше укрыла девушку, натянув пальто ей на плечи.

— Бедняжка... Ей, должно быть, много пришлось пережить, — сказала Элен, ни к кому конкретно не обращаясь.

Гарри в это время бродил по всему дому — от двери к окну, из кухни в гостиную, — проверяя степень надежности всех укреплений, которая, по его мнению, практически равнялась нулю. Он ожидал нападения тварей в любой момент.

Том и Джуди появились в дверях кухни. Том сказал Элен:

— Мне кажется, они убили ее брата. — И кивнул головой в сторону Барбары, которая тихонько простонала во сне, словно услышав его слова.

На верхней площадке лестницы показался Бен и крикнул:

— Том! Эй, Том! Так ты поможешь мне с этой штуковиной или нет?

Том вздрогнул и, почувствовав, что он действительно уже слишком замешкался, бросился вверх по лестнице помогать Бену. А Джуди открыла дверь подвала и пошла вниз, чтобы посмотреть за Карен.

Гарри, до сих пор озабоченно бродивший по дому, решительно направился к Элен, которая склонилась над лежащей на диване девушкой.

— Ее брата убили, — тихо сказала Элен, как будто эти слова могли смягчить Гарри и поубавить его эгоизм.

— Это так называемое укрытие — просто курам на смех, — презрительно скривился Купер. — Здесь миллион слабых мест.

Но вдруг, испуганный внезапным шумом, Гарри замолчал и прислушался. К счастью, это оказались всего

лишь Том и Бен, которые с трудом стаскивали вниз по лестнице тяжелый ламповый телевизор.

Элен с нескрываемым отвращением посмотрела на Гарри.

— Может быть, ты замолчишь наконец? — гневно спросила она. — У тебя что, шило в одном месте? Почему бы тебе не попытаться помочь кому-нибудь вместо того, чтобы все время жаловаться?

Гарри не слышал ее, всматривался сквозь просвет между досками, которыми было заколочено окно, в пугающую темноту снаружи.

— Я ни черта не вижу! — воскликнул он. — Там, может быть, уже целый миллион этих тварей, а я ничего не могу разглядеть — вот сколько пользы нам от этих окон!

Бен, который вместе с Томом достиг уже нижней ступеньки лестницы, услышал последнюю часть фразы. Двигаясь под тяжестью своей ноши, он с ненавистью сверкнул на Гарри глазами, но ничего не сказал. Бен и Том сдвинули вместе два стула в самом центре комнаты и осторожно водрузили на них телевизор. Они поискали розетку и, обнаружив ее, пододвинули телевизор так, чтобы шнур доставал до сети.

Когда Бен наклонился, чтобы воткнуть вилку, Гарри нахально потребовал:

— Разбудите девушку. Если по телевизору будет что-нибудь важное, то она должна услышать это сама. Я не хочу брать на себя никакую ответственность за нее.

Элен с возмущением воскликнула:

— Гарри, немедленно прекрати так себя вести!

Бен поднялся на ноги, в глазах его светилась ярость.

— Я не желаю вас больше слушать, мистер, — ледяным голосом сказал он Куперу. — Если вы остаетесь здесь, то будете слушаться меня! А я вам говорю, чтобы вы оставили девушку в покое. Ей нужен отдых — она чуть не сошла с ума от всего этого. И теперь ей нужно хорошенько выспаться, чтобы все забыть. Поэтому никто не посмеет тронуть ее, пока я не скажу.

Бен пристально посмотрел в глаза Гарри, чтобы убедиться, что тот хотя бы на время стушевался и замолчал. Затем протянул руку к телевизору и включил его. Все, кто был в комнате, расположились перед экраном, заняв наиболее удобные для себя места, и на несколько секунд в комнате воцарилась мертвая тишина — все ждали, действительно телевизор прогреется и заработает. Четыре пары глаз были прикованы к экрану. Послышалось нарастаю-

щее шипение, и Бен повернул регулятор громкости до отказа. На экране появилась светящаяся полоса, которая стала медленно расширяться, заполняя собой весь экран.

— Он работает! Работает! — воскликнула Элен.

По гостиной прокатилась волна возбужденного шепота, однако телевизор ничего не показывал. Не было ни изображения, ни звука. Лишь матовое свечение экрана и глухой шум. Бен пощелкал переключателем программ.

Гарри беспокойно вскочил со своего места.

— Нужно подправить антенну. Мы должны что-нибудь поймать...

Бен беспорядочно крутил регуляторы яркости, контрастности, гетеродина. И вот на одной из программ он обнаружил, наконец, звук и подстроил изображение. Картинка прыгала. Бен повозился еще немного и через некоторое время добился желаемого результата. Во весь экран возникло лицо комментатора, шел выпуск новостей.

Все, кто находился в комнате, напряженно затихли и стали всматриваться в экран, стараясь не пропустить ни слова.

«...считают недостаточно правдоподобной теорию, согласно которой нашествие является результатом массовой истерии...» —

говорил ведущий.

— Массовая истерия! — проворчал Гарри. — Они что, думают, нам все это приснилось?

— Заткнись! — рявкнул Бен. — Мы хотим слушать, что скажут дальше!

«...власти рекомендуют соблюдать чрезвычайную осторожность до тех пор, пока ситуация не будет полностью взята под контроль. Все сообщения непосредственных очевидцев событий были тщательно изучены и задокументированы. Останки уничтоженных агрессоров в настоящее время исследуются патологоанатомами. Однако эти исследования сильно затруднены изувеченным состоянием трупов. В городах приняты все необходимые меры безопасности, включая комендантский час и усиленное вооруженное патрулирование. Гражданам настоятельно рекомендуется не покидать свои дома. Те, кто пренебрегает этим предупреждением, подвергают себя серьезной опасности как со стороны агрессоров, так и со стороны вооруженных людей, которые в создавшейся обстановке зачастую сперва стреляют, а уж потом задают вопросы. Сельские и другие отдельно стоящие здания наиболее часто являются объектом интенсивных, ожесточенных атак. Находящиеся в них семьи подвергаются крайней опасности. Попытки прорыва из окружения должны предприниматься только хорошо вооруженными группами и, по

возможности, на автомобиле или другом транспортном средстве. Необходимо тщательно оценить ситуацию, прежде чем решаться предпринять такую попытку. Прорвавшиеся группы должны направляться к ближайшему городу. На главных транспортных артериях, ведущих во все города, организованы дежурные посты для защиты беженцев, где им может быть оказана неотложная медицинская помощь. Полиция и вооруженные патрули национальной гвардии в настоящий момент прочесывают все отдаленные районы, проводя рейды по розыску и полному уничтожению агрессоров. Они стараются эвакуировать все изолированные семьи, однако действия по спасению людей существенно замедляются наступившей темнотой и крайней необычностью решаемой задачи. Поэтому помощь оказавшимся в окружении чрезвычайно ненадежна. Не стоит ждать прихода спасателей, если у вас есть хоть какая-то возможность вырваться из окружения самостоятельно. Однако необходимо помнить, что в случае численного превосходства агрессоров вам почти наверняка грозит гибель, если вы будете длительное время оставаться в одном месте. Нападающие существа абсолютно иррациональны и безумны. Их единственным побуждением является жажда человеческой плоти.

Час назад нами было взято интервью у шерифа Конана Макеллана, возглавившего отдел защиты населения округа. Он беседовал с нашим корреспондентом через несколько минут после того, как им и его отрядом было уничтожено более двух десятков агрессоров. Сейчас мы представляем вам запись этого интервью...

Изображение комментатора сменилось кадрами репортажа, который был снят ранее этим же вечером. На экране показался густой лес, грязная дорога, лучи прожекторов, пляшущие между деревьями, и люди, которые переходили с места на место и всматривались в темноту. Все это сопровождалось отдаленными звуками выстрелов. Затем камера показала стоявших на посту часовых, охраняющих этот небольшой участок леса. Издалека по-прежнему доносилась беспорядочная стрельба. Некоторые из мужчин курили, другие пили кофе из бумажных стаканчиков или разговаривали, собравшись небольшими группами. Пространство освещал огромный костер. Затем крупным планом появился шериф Макеллан, который выкрикивал команды, руководя действиями своего отряда, и в то же время пытался отвечать на вопросы корреспондента, расхаживая взад-вперед перед костром, насколько позволял шнур прикрепленного к его груди микрофона.

Макеллан был крупным грубоватым мужчиной, привыкшим командовать людьми. Одет он был в штатское,

однако в руках держал большую винтовку с оптическим прицелом и был опоясан лентой патронов очень внушительного калибра.

На протяжении всего интервью несколько человек из его группы непрерывно подтаскивали к костру трупы и бросали их в огонь. Треск костра, выкрики вооруженных мужчин и другие звуки активной деятельности служили постоянным фоном к комментариям Макеллана, который добросовестно старался ответить на все вопросы, хотя основной его задачей было руководство своей спасательной группой.

— Дела не так уж плохи,— сказал Макеллан.— Парни справляются хорошо. Мы только что убили на нашем участке еще девятнадцать тварей; троих последних мы обнаружили, когда они пытались ворваться в заброшенный угольный склад: внутри никого не было, но эти существа колотили в дверь, пытались выломать ее. Должно быть, они думали, что там внутри люди. Мы подкрались и пристрелили их.

— В таком случае, каково ваше мнение, шериф? Удастся ли остановить этих тварей?

— В этом нет никакой проблемы, нужно лишь успеть вовремя, пока они не прикончили всех людей, оказавшихся в окружении. Но мои парни справляются с ними отлично. Мы никого не потеряли, никто не ранен. Все, что нужно,— это стрелять им в голову. Можете так всем и передать — все, что нужно сделать, это хорошенько прицелиться и выстрелить прямо в голову или сбить их на землю и обезглавить. И тогда они больше не поднимутся. Затем лучше всего их сжечь.

— Что нужно делать человеку, которого окружили два или три таких существа?

— Если у вас есть хорошая дубинка или факел, вы запросто сможете отбиться или поджечь их. Они превосходно горят — загораются как воощеная бумага. Но лучше всего все-таки стрелять им в голову. Вы ведь не захотите подходить к ним слишком близко, если в этом не будет крайней необходимости. И вот еще что: не нужно дожидаться, пока мы придем к вам на помощь. Потому что, если их соберется слишком много, вам крышка. Их сила — в числе. Мы, разумеется, делаем все, что можем, но у нас не так уж много людей, а мы должны еще прочесать сегодня огромное пространство.

— Как вы считаете, удастся ли вам в ближайшее время взять ситуацию под контроль?

— Я думаю — да, по крайней мере в нашем округе. Теперь они уже у нас в руках. Остальное — это вопрос времени. Мы не знаем, правда, сколько их еще осталось... зато мы точно знаем, что, когда нам удастся повстречать их, мы можем без особого труда их прикончить. Так что это уже вопрос только времени. Они слабы, но их чертовски много. И все же я советую жителям не дожидаться никакого спасательного отряда. Лучше вооружитесь до зубов, соберитесь группой и пытайтесь добраться до ближайшего пункта неотложной помощи — это самый наилучший выход. Но если вы один, то вам остается лишь спокойно сидеть и ждать нашей помощи. И мы сделаем все возможное, чтобы добраться до вас раньше, чем это сделают они.

— Так кто же такие эти твари? Как, по-вашему, — кто они?

— Они... Это мертвецы. Просто мертвые люди. И больше ничего. А вот что заставило их воскреснуть и действовать подобным образом — одному Богу известно.

На экране вновь появился диктор и начал говорить сухим, лишенным выражения голосом:

«Вы только что слышали интервью с шерифом Макелланом из отдела защиты населения округа. Вы смотрите передачи резервного телецентра службы информации Управления Гражданской обороны. Мы передаем наши сообщения круглосуточно в начале каждого часа. Пока продолжается бедствие, не покидайте ваши дома. Все двери и окна должны быть закрыты. Ни при каких обстоятельствах...»

Бен протянул руку и выключил телевизор.

— Зачем вы его выключили? — взволнованно воскликнул Том.

Бен пожал плечами.

— Диктор сказал, что сообщения передаются только в начале каждого часа. Мы уже услышали все, что нам необходимо знать. А теперь мы должны попытаться выбраться отсюда.

Элен согласилась:

— Они ведь сказали, что в пунктах помощи есть врачи и медикаменты... Если бы мы добрались туда, то они помогли бы, наверное, моей дочери.

Гарри презрительно рассмеялся.

— Ну и как же мы, по-твоему, отсюда выберемся? Среди нас ведь больной ребенок, женщина, потерявшая голову, а вокруг все так и кишит этими тварями.

— Ближайший город отсюда — Уиллард, — сказал Том, не обращая внимания на возражения Гарри. — У них там наверняка есть пункт Неотложной помощи. Это примерно в семнадцать миль отсюда.

— Так ты здешний? — возбужденно спросил Бен. — Ты знаешь этот район?

— Конечно, — улыбнулся Том. — Мы с Джуди как раз шли купаться. И тут услышали новости по ее карманному приемнику и решили зайти сюда, чтобы разузнать все по-подробнее. Но здесь мы нашли наверху мертвую женщину, испугались и спрятались в подвале. А вскоре после этого появился Гарри со своей женой и ребенком. Я сначала боялся, но потом открыл дверь и впустил их в подвал.

— Ладно, я думаю, мы должны тихо сидеть здесь и ждать спасателей, — сказал Гарри. — Тот парень по телевизору не зря ведь говорил, что если вас мало, то у вас нет против них никаких шансов. Мы же не можем тащиться пешком семнадцать миль мимо целой армии тварей...

— Нам не придется идти пешком, — ответил Бен. — Мой грузовик стоит прямо перед домом.

Это заставило Гарри замолчать. Все остальные тоже притихли, в комнате наступила полная тишина, в которой мысль о грузовике дошла до сознания каждого.

— Но у меня почти нет бензина, — добавил Бен. — Правда, на заднем дворе у сарая есть пара бензоколонок, но обе они заперты.

— Ключ должен быть где-то здесь, — уверенно сказал Том. — Там в подвале висит большое кольцо с ключами. Я пойду посмотрю.

В порыве энтузиазма, окрыленный мыслью о возможном близком спасении, он стремительно рванулся к двери подвала и в три прыжка сбежал вниз по длинной лестнице.

Бен повернулся к Гарри.

— Там что — овощной погреб внизу? — спросил он.

— Да, а что?

— Нам понадобится много стеклянных банок. Мы будем делать зажигательную смесь, чтобы отпугнуть этих тварей... Потом мы пробьемся к бензоколонке и заправим грузовик.

— Значит, нам потребуется керосин, — заключил Гарри. — Я, кажется, видел внизу канистру.

— Я и Джуди можем помочь, — откликнулась Элен. — Мы нарвем простыней и тряпок. — Затем она добавила, понизив голос: — К сожалению, Барбара, наверное, пока ничем не сможет быть нам полезной...

— Откуда вы знаете ее имя? — вздрогнув, спросил Бен.

— Она бормотала его во сне. Ей, кажется, снилось что-то о брате, который все время повторял: «Барбара, ты боишься?..» Должно быть, это случилось перед самой его гибелью...

Внезапно послышался шум, и из подвальной двери выскочил Том.

— Вот ключи, — радостно выкрикнул он. — Те, что от колонки, помечены ленточкой — на них было написано... Я поговорил с Джуди. Она тоже за то, чтобы попробовать бежать отсюда.

— Хорошо, — сказал Бен. — Значит, больше нас ничто не удерживает. Но каждый, у кого есть хоть какие-то сомнения, пусть лучше решает прямо сейчас. Если это действительно тот самый ключ, можно считать, что мы уже наполовину выбрались. Однако в любом случае надо будет взять лом — вдруг ключ не подойдет. Лом также будет оружием для того, кто пойдет со мной. Но я не хочу, проделав весь этот путь, обнаружить, что мы не сможем открыть колонку.

— Я пойду, — вызвался Том. — Вдвоем мы наверняка сможем пробиться. А женщины могут остаться в подвале и позаботиться пока о ребенке. Нам ведь еще понадобятся носилки для Карен — так вот пусть Элен и Джуди ими там и займутся.

Бен повернулся к Гарри и заговорил твердым командным голосом, делая ударение на каждом слове:

— Гарри, ты сперва должен будешь караулить на втором этаже и прикрывать наш отход к грузовику бутылками с зажигательной смесью. После того как мы разбаррикадируем входную дверь, эти твари легко смогут проникнуть в дом. Однако дверь должна все время оставаться незапертой, чтобы Том и я смогли быстро войти обратно, когда мы приедем с заправки. Поэтому, как только мы сядем в машину и тронемся, ты сразу же спустишься вниз и будешь охранять эту дверь и при необходимости отпугивать их огнем. Когда мы вернемся, ты должен будешь немедленно открыть дверь и впустить нас, так как, возможно, за нами будет гнаться целая свора этих уродов. Как только мы снова окажемся в доме, мы тут же как можно скорее забаррикадируем дверь. Если же мы не вернемся — ты увидишь все сверху и сможешь сам заколотить дверь, а затем спуститься в подвал, где вы и будете тихо сидеть и дожидаться спасательного отряда, как ты и хотел.

Глядя на Бена, Гарри сказал:

— Тогда мне нужна винтовка. Мне она будет полезнее. У тебя все равно не останется времени, чтобы останавливаться и целиться.

Бен в весьма недвусмысленных выражениях оборвал его:

— Черта с два! Это моя винтовка! И никто другой к ней не прикаснется. Я нашел ее, и поэтому она моя!

Гарри криво усмехнулся:

— А откуда нам знать, что вы с Томом не смаетесь, заправив свой грузовик?

Бен пронзил его гневным взглядом, пытаясь сдержать свою ярость.

— Это тот риск, на который вам придется пойти,— ледяным тоном сказал он.— Если мы смоемся, у вас останется еще ваш проклятый подвал, о котором вы тут столько кричали.

— Мы все погибнем, если не будем помогать друг другу,— умоляюще сказала Элен.

Бен оценивающим взглядом посмотрел на нее и вполне убедился, что она совсем не трусиха в отличие от своего мужа. Он предпочел бы, чтобы Элен охраняла входную дверь, если бы только она могла сравняться с Гарри по силе.

Бен громко обратился ко всем присутствующим:

— Пора приниматься за дело. Этих тварей вокруг становится все больше с каждой минутой. А нам еще многое нужно успеть, раз мы хотим вырваться отсюда. Если все пойдет хорошо, то через час или два мы уже будем принимать горячий душ в отеле города Уилларда.

Никто не засмеялся

Все разошлись, и каждый принялся выполнять поставленную перед ним задачу.

Бен снова включил радио. Оно по-прежнему повторяло записанное на пленку объявление. Было около половины двенадцатого. Оставалось полчаса до полуночи и до начала очередной передачи аварийного телецентра.

Бен рассчитывал, что это будет примерно в середине их приготовлений. Они смогут уделить время просмотру передачи, и, может быть, там сообщат еще какую-нибудь полезную информацию.

А пока им оставалось только усердно трудиться... и надеяться.

Глава седьмая

Элен и Гарри Купер спустились в подвал и увидели Джуди, дежурившую возле больной девочки, которая теперь уже, казалось, немного бредила. Она беспокойно металась и вертелась на верстаке, то и дело тихо постанывая.

— Она не звала меня? — с тревогой спросила Элен. — Она вообще что-нибудь говорила?

Гарри наклонился и получше укрыл свою дочь, обернув вокруг нее пальто там, где она в бреду сбросила его.

— Она все время стонала и плакала, — сказала Джуди. Лицо ее выражало тревогу и беспокойство за девочку.

— Бедная крошка! — вздохнула Элен, потрогала рукой мокрый лоб дочери и отметила повышение температуры.

— Сделай еще один влажный компресс, — сказал Гарри, — пока я буду заниматься носилками. А ты, Джуди, возьми вон ту коробку с пустыми банками и отнеси их наверх Тому. И пусть он спустится сюда за керосином. Нам нужно готовить зажигательную смесь.

Мысль делать что-либо в этом роде показалась Джуди немного таинственной, так как подобные вещи она видела только в кино и представляла себе достаточно смутно. Она знала, что бутылки с зажигательной смесью загораются, когда их бросают в танк, но не могла и предположить, как их можно сделать. Она терпеливо ждала, пока Гарри вытащил старую, пыльную коробку с поллитровыми стеклянными банками и передал ей из рук в руки. Коробка была не тяжелой, однако слишком большой, чтобы Джуди могла унести что-нибудь еще.

— Ты должна прислать сюда Тома за керосином, — повторил Гарри. — А мы с Элен будем смотреть за Карен и начнем делать носилки. И скажи Тому, чтобы он заодно принес нам какие-нибудь старые простыни или одеяла.

Гарри проследил, как Джуди поднимается со своей носшей по лестнице, будто она не смогла бы сделать это как следует, если бы он за ней не смотрел.

— Нам чертовски повезет, если у них действительно все получится, — сказал он, повернувшись к Элен. — Но даже для дюжины мужчин было бы очень непросто пробиться через такое окружение.

Элен, которая прикладывала как раз мокрый компресс ко лбу Карен, подняла голову и молча посмотрела на Гарри. Ей нечем было рассеять его пессимизм. Она лишь

тихо дрожала. Взглянув на искаженное мукой, пылающее лицо своей маленькой дочки, Элен задержала дыхание и не решалась даже надеяться, что им действительно повезет.

— Помоги нам, Господи,— тихо прошептала она, прерывисто вздохнув.

Гарри, склонившись над скамейкой, принялся стучать молотком, пытаясь соорудить что-нибудь наподобие носилок.

Глава восьмая

Бен вошел в комнату, где лежал обезображенный труп старой женщины, которая когда-то жила здесь. Это была единственная комната, окна которой выходили на лужайку перед домом, и Гарри должен был расположиться именно здесь, чтобы швырять из окна банки с керосином.

Бен задержал дыхание и старался не смотреть на покойницу, однако он понимал, что ему придется вытащить тело из комнаты. Зрелище, подобное этому, могло стать той последней каплей, которая переполнит чашу терпения Гарри и заставит его страх выплеснуться наружу — и тогда уже он не сможет выполнить поставленной перед ним задачи.

Комнату наполнял кошмарный сладковатый запах разлагающегося трупа, который пролежал здесь уже более двух часов. Бен вышел на время в коридор, чтобы дать помещению проветриться. Он вошел в ванную и, слегка приоткрыв окно, вдохнул прохладный ночной воздух. Однако к естественным ароматам леса, свежескошенной травы и вспаханного поля примешивался все тот же едва заметный гнилостный запах стоящих под деревьями мертвых существ. Бен закрыл окно и вернулся в ненавистную ему комнату.

Он вытащил труп за дверь и поволок его по коридору к комнате мальчика. Покрытое коркой запекшейся крови покрывало, на котором лежало тело, довольно легко скользило по крашеному деревянному полу, однако тащить его по ковру в детской оказалось намного труднее. Бен едва не подавился, нечаянно вздохнув полной грудью липкое тошнотворное зловоние, и отчаянным рывком втащил тело в комнату, затем перешагнул через него и торопливо вышел в коридор, захлопнув за собой дверь.

Он снова вошел в ванную, приоткрыл окно и жадно втянул в себя «свежий» уличный воздух.

Когда он вернулся в пустую комнату, запах еще сохранился, но был уже не такой острый, как прежде. Он подошел к окну, стараясь держаться поближе к стене, где его прятала глубокая тень, протер рукой грязное, запыленное стекло и выглянул наружу.

Внизу на лужайке стояло еще не меньше тридцати мертвецов. А вдалеке, у дороги, можно было разглядеть еще пятерых, и они медленно двигались по направлению к дому.

Глава девятая

Барбара проснулась, поднялась и теперь сидела на своем диване возле камина. На ее лице застыло отсутствующее, безучастное выражение, как будто ей было уже все равно, что с ней дальше произойдет.

В углу той комнаты, что была когда-то столовой, Том и Джуди готовили банки с зажигательной смесью. Джуди ножницами разрезала на полосы старую простыню, а Том наполнял банки керосином из канистры. Затем они вдвоем принялись смачивать горючим полоски ткани, окуная их в глубокую тарелку, и вставлять получившиеся фитили в отверстия, которые Том проделал в крышках банок.

Долгое время они работали в тишине, но когда Джуди посмотрела на Барбару, неподвижно сидевшую с болезненно-безразличным видом, она решила заговорить, чтобы хоть как-то нарушить тягостное молчание.

— Том... Как ты думаешь, мы правильно поступаем? — неожиданно спросила она, оторвавшись на секунду от работы и посмотрев на свои пахнущие керосином руки.

Том взглянул на нее и улыбнулся — напряженно, но ободряюще.

— Конечно, дорогая. Я не думаю, что у нас будет много шансов, если мы останемся здесь. А пока ты сидела с Карен, по телевизору советовали всем, кто оказался в такой ситуации, попытаться бежать.

— Но... А как же спасательные отряды?

— Мы не можем рисковать, дожидаясь их помощи. Может быть, никто и не придет, чтобы выручить нас. Подумай, сколько людей, должно быть, оказались в такой же ловушке, как и мы.

Джуди замолчала и снова принялась за работу.

— Я думаю, нам удастся это сделать, — уверенно сказал Том. — Мы не так уж далеко от бензоколонок. И потом

Бен говорил, что он уже прикончил сегодня троих таких тварей, а ведь тогда у него еще не было винтовки!..

Том пристально посмотрел на нее, заметив на лице Джуди выражение беспокойства и тревоги, которое ему не так уж часто доводилось видеть за то короткое время, что они были знакомы.

— Но почему именно ты должен идти туда? — наконец спросила она.

— Дорогая, ты сейчас говоришь, как Гарри Купер. Кто-то же должен пойти. Мы ведь не можем просто так сидеть здесь и ждать, пока эти твари прикончат нас. И потом, все будет в порядке — вот увидишь! Мы обязательно прорвемся

Джуди наклонилась и неловко обняла его, стараясь не дотрагиваться до Тома испачканными керосином руками.

Они уже собирались поцеловаться, когда громкие шаги поднимавшегося из подвала Гарри заставили их вздрогнуть. С хмурым лицом он вошел в комнату и раздраженно спросил:

— В чем дело? У кого-нибудь здесь есть голова на плечах? Сейчас начнется передача!

— Еще пять минут, — тихо сказал Том, посмотрев на свои наручные часы.

— Эта чертова хреновина должна еще прогреться, — огрызнулся Гарри, подошел к телевизору и включил его как раз в тот момент, когда Бен начал спускаться по лестнице.

— Что происходит? — спросил Бен, входя в гостиную.

— Следующая передача, — ответил Том и, чтобы показать Бену, что он не бездельничает, снова взялся за свои фитили, которые они с Джуди смачивали керосином и вставляли в банки.

Бен подошел к Барбаре и посмотрел на нее, печально покачивая головой.

— Черт бы побрал этот телевизор, — проворчал Гарри. — Он будет прогреваться еще сто лет.

Он нервно чиркнул спичкой и зажег сигарету, ожидая, пока экран засветится и появится звук.

— Надо отвести эту девушку в подвал, — добавил Купер, взглянув в сторону Барбары. — От того, что она здесь находится, нет никакого толку ни ей, ни всем остальным.

Никто не ответил на это замечание Гарри. Все затихло, стараясь не пропустить начало новостей. По-

явившийся на экране комментатор был уже не тот, что час назад, но студия осталась прежней — со множеством настенных часов, показывающих время в разных областях страны, звуками телетайпных аппаратов и приглушенными голосами на заднем плане.

«Добрый вечер, леди и джентльмены. Сейчас полночь по Единному Восточному времени. Вы смотрите передачи резервного телецентра службы информации Управления Гражданской обороны. Мы передаем наши регулярные сообщения круглосуточно, в начале каждого часа, пока продолжается бедствие. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на нашу волну.

Леди и джентльмены!. Как это ни покажется невероятным, но последние выводы президентской исследовательской группы, работающей в госпитале Уолтера Рида, подтверждают то, что многие из нас уже приняли как факт, не дожидаясь официального сообщения. Армия агрессоров, которая оккупировала большинство восточных и центральных районов нашей страны, состоит из мертвых человеческих существ».

Джуди вздрогнула, когда диктор сделал паузу, чтобы смысл этого утверждения дошел до слушателей, хотя выражение на лице комментатора показывало, что он и сам с трудом в это верит.

— Я вовсе не нуждался в том, чтобы он мне об этом сообщал,— разозлился Бен, ожидавший более содержательной информации и новых конкретных инструкций.

— Тише! — закричал на него Гарри.

«Недавно умершие вновь возвращаются к жизни и начинают пожирать человеческую плоть, мертвые из моргов, госпиталей... а также многие из тех, кто погиб уже во время нынешнего бедствия, каким-то непостижимым образом вернулись к жизни в искаленном, неполноценном виде и преследуют теперь единственную цель — убивать других людей и пожирать их плоть.

Белый дом и представители военных властей пока хранят молчание относительно возможных причин этого невероятного явления, однако все предположения на этот счет сконцентрированы вокруг оказавшегося неудачным недавнего запуска космического зонда в сторону Венеры. Этот аппарат, как вы помните, был запущен более недели назад, но не достиг своей цели. Вместо этого он возвратился на Землю, принеся с собой таинственное излучение высокой интенсивности. Ученые ведущих лабораторий страны в данный момент пытаются установить, могло ли это излучение стать причиной тех массовых убийств, свидетелями которых мы являемся в настоящее время. В попытках ответить на этот вопрос высказываются са-

мые невероятные предположения, в то время как официальные власти воздерживаются от комментариев и пытаются бороться с нашествием чисто силовыми методами — организацией рейдов по розыску и уничтожению агрессоров. Совещания в Пентагоне и Белом доме проходят при закрытых дверях, а все гражданские и военные специалисты после таких совещаний отказываются давать интервью и отвечать на какие-либо вопросы журналистов.

Однако последние официальные сообщения из Пентагона также подтверждают, что агрессоры являются мертвыми людьми. Они не пришельцы с другой планеты, они люди, недавно умершие здесь, на Земле. Но не все из тех, кто умер в последнее время, вернулись к жизни, хотя в некоторых областях страны, особенно на востоке и среднем Западе, это явление распространилось шире, чем в других местах. Почему именно средний запад подвергся столь интенсивному нашествию, не могут объяснить даже самые проработанные теории. Космический зонд, как вы помните, разбился в Атлантическом океане, неподалеку от восточного побережья США.

Возможно, мы так никогда и не узнаем точных причин этого ужасного феномена, свидетелями которого мы с вами являемся.

Появилась, однако, некоторая надежда, что ситуация будет, наконец, взята под контроль... в течение ближайших дней или недель. Уже установлено, что агрессоры могут быть уничтожены выстрелом или сильным ударом в голову. Они также боятся огня и легко горят. Все признаки позволяют узнать в этих созданиях мертвых людей... за исключением того, что они не мертвы в обычном понимании этого слова — по неизвестной нам до сих пор причине их мозг был приведен в активное состояние и подчинен навязчивой идее каннибализма

И последнее: каждый, кто погиб от ран, нанесенных мертвыми каннибалами может сам затем вернуться к жизни, превратившись в такое же агрессивное, лишенное разума существо. Болезнь, которую несут эти твари, может передаваться через открытые раны или царапины и проявляется через несколько минут после кажущейся смерти раненого человека. Каждый, кто погибает во время этого бедствия, должен быть немедленно обезглавлен или кремирован. Данные меры следует принимать в обязательном порядке при всех случаях насильственной смерти ваших близких, как бы тяжело это ни было. Если вы не в состоянии сделать это сами, вам необходимо срочно обратиться к представителям власти, чтобы указанные действия были предприняты за вас. Погибшие от физического контакта с агрессорами не являются мертвыми в обычном смысле этого слова, хотя и представляют собой мертвую плоть. Они чрезвычайно опасны и угрожают всему живому на нашей планете. Повторяю: они должны быть незамедлительно сожжены или обезглавлены...»

Дрожь пробежала по телу Гарри, и все, кто был в комнате, посмотрели на него.

— Как был ранен ваш ребенок? — спросил Бен.

— Одна из этих тварей схватила ее, когда мы от них убегали. Я не уверен, но мне кажется, что она укусила Карен за руку.

Все молча с сочувствием смотрели на Гарри, в то же время осознавая, какую угрозу будет представлять для них Карен, если она умрет.

— Пусть лучше кто-то из вас с Элен остается все время с ней, — предупредил Бен. — Если она не выкарабкается... тогда... — Его голос оборвался.

Гарри закрыл лицо руками, пытаясь смириться с мыслью о том, что ему, возможно, предстоит сделать. Сознание того, что его дочь может умереть, уже само по себе было очень тяжелым, но теперь...

Его снова пробрала дрожь.

Все, кто находился в гостиной, избегали теперь смотреть в сторону Гарри, обратив свои взгляды к экрану телевизора.

— Вам придется сказать Элен, чего нужно ждать, — сказал Бен. — Иначе она не будет знать, что делать, если это случится.

Бен подумал о своих собственных детях, и его вновь охватило беспокойство и мучительная тоска по дому. Он попытался переключить все внимание на телевизор в надежде, что тот подскажет ему что-нибудь ценное для решения стоящей перед ним непростой задачи.

Но изображение на экране погасло.

Передача закончилась.

Громыхнув стулом, Том поднялся на ноги.

— Надо начинать собираться, — сказал он. — Нам здесь больше делать нечего.

Бен перекинул через плечо винтовку, наклонился и подобрал с пола молоток и лом. Посмотрев на Гарри, он сказал:

— Ты должен расположиться в пустой комнате наверху. Все женщины останутся в подвале. Как только мы с Томом откроем входную дверь, ты начнешь бросать из окна банки с керосином. Поджигай их как следует и убедись, что они загорелись, а потом кидай их все до одной, но не попади в грузовик. Если тебе удастся поджечь парочку этих тварей — тем лучше. Когда мы услышим твои шаги на лестнице, мы с Томом выйдем наружу. И с этого момента ты должен будешь охранять входную дверь. У тебя остался тот кусок трубы?

— У меня есть вилы.

— Вот и хорошо...

Пока Бен инструктировал Купера, Том сделал себе огромный факел, обернув тканью ножку стола и смочив ее керосином.

После недолгих уговоров Джуди убедила Барбару подняться с дивана и проводила ее до двери в подвал. Однако Том услышал на лестнице шаги лишь одного человека и обернулся. Джуди стояла, глядя на него из-за полуоткрытой двери подвала, и на лице ее читалась боль и тревога.

Гарри вышел из комнаты со своими банками, а Том начал помогать Бену разбирать укрепление у входной двери.

Джуди с тревогой молча наблюдала, как они принялись за кропотливую работу по разборке баррикады, которую нужно было проделать так, чтобы этого не заметили окружающие мертвецы. Ломом и гвоздодером Том с Беном медленно и осторожно отдирали одну доску за другой.

Каждый скрип вытаскиваемого гвоздя угрожал привлечь внимание притаившихся за дверью существ. Поэтому приходилось постоянно быть начеку, чтобы не пропустить возможную опасность.

Том зажег факел, передал его Бену, и они встали наготове возле двери, ожидая, когда Гарри начнет бросать банки.

Бен приподнял занавеску и выглянул наружу, оценивая обстановку, в которой они должны будут оказаться через несколько секунд. На лужайке под деревьями виднелось множество неподвижных темных фигур, готовых в любой момент начать наступление. Несколько мертвецов обосновались возле грузовика, что дополнительно усложняло и без того нелегкую задачу для Тома и Бена. А в поле, вдоль всего пути, который грузовику предстояло проделать до бензоколонок, стояло и дожидалось еще больше омерзительных бесчувственных каннибалов.

Малейшая ошибка — и защитникам дома уже не удастся вернуться в него живыми.

Джуди по-прежнему стояла в дверях подвала. Ее полный нежности и тревоги взгляд был прикован к Тому — она хотела видеть его как можно дольше, до самого последнего момента — ведь как только он выйдет наружу, они могут никогда уже больше не встретиться.

Внезапно с верхнего этажа послышался крик. Окно распахнулось, и первая вспышка огня осветила двор.

Бен распахнул входную дверь и в свете керосиновых сполохов увидел, как твари, издавая отвратительный свистящий хрип, стали медленно пятиться назад, закрывая руками свои обезображенные лица, в попытке защитить их от огня. А сверху одна за другой летели новые банки, со звоном разбиваясь о землю, и языки пламени подпрыгивали и освещали старый грузовик и стоящих вокруг него мерзких тварей.

Некоторые из мертвецов загорелись и продолжали двигаться, уже объятые пламенем. Их прогнившая плоть горела, зловеще потрескивая и испуская невыносимое злобное. С громкими хлопками лопалась пропитанная трупным воском кожа на сгибах конечностей, и пламя постепенно пожирало их. Твари падали, лишённые возможности двигаться дальше, и продолжали корчиться и хрипеть на земле до тех пор, пока не оставалось уже больше плоти, которая могла бы шевелиться...

Самодельные зажигательные бомбы продолжали падать. Поле, простиравшееся позади лужайки, освещалось теперь тусклым желтым огнем, тени деревьев и кустов тревожно вздрагивали и меняли свой цвет с каждой новой вспышкой пламени во дворе.

Бен и Том стояли на крыльце, глядя, как мертвые твари горят и отходят прочь, и держали наготове свое оружие на случай, если кто-то из мертвецов решит атаковать их до того, как они будут готовы совершить свой рывок к машине.

— Это все Бен, бегите! — прокричал сверху Гарри, хлопнул дверью комнаты и побежал вниз по лестнице.

Не успело еще затихнуть эхо его голоса, как Том и Бен выскочили во двор и рванулись к грузовику мимо луж горящего керосина и зловещих фигур, некоторые из которых снова начали приближаться, словно их животная боязнь отступила перед жаждой человеческой плоти.

Том ударил одного из нападавших ломом и сбил его с ног, однако тварь продолжала цепляться за него, извиваясь и хрипя на земле. Бен ткнул в лицо мертвеца факелом, тот вспыхнул ярким пламенем и стал издыхать, обхватив голову руками.

Гарри подбежал к входной двери, но было уже слишком поздно, чтобы остановить Джуди, кинувшуюся к выходу.

— Я иду с ними! — прокричала она, когда Гарри попытался перехватить ее. Девушка вырвалась и бросилась наружу, на секунду остановившись на крыльце, когда Гарри захлопнул за ней входную дверь.

Двое упырей сразу же повернулись в ее сторону и начали медленно приближаться. Она уже не могла вернуться в дом, а путь к грузовику был отрезан.

Джуди закричала, и Бен обернулся. Он увидел ее в тот момент, когда Том уже запрыгивал на водительское сиденье грузовика. Одна из тварей успела вцепиться в него, но Тому удалось освободиться, с силой ударив ее ногой в грудь.

Бен развернулся и ринулся к двум мертвецам, которые уже почти вплотную приблизились к Джуди. Он изо всех сил размахнулся, и приклад «Винчестера» обрушился на головы тварей с леденящим кровь хрустом ломающейся кости. Бен сбил обоих зомби наземь и двумя мощными ударами разможил их мертвые черепа.

Схватив перепуганную девушку и втолкнув ее в кабину грузовика, он махнул рукой Тому и уже на ходу запрыгнул на правое сиденье. Машина резко рванула вперед и на повороте при выезде на дорогу, ведущую к старому сараю, накренилась, и ее занесло. Несколько тварей, прицепившихся к грузовику и неистово колотящих по кабине, оторвались и упали. Еще одного мертвеца Бен поджег своим факелом, однако тот продолжал лезть в кабину, заполняя ее едким дымом и невыносимой вонью. Бен сильным ударом столкнул тварь с подножки, и зомби, упав, наконец, на дорогу, был тут же раздавлен задним колесом автомобиля.

Оторвавшись на время от преследователей, Том напрямую погнал грузовик через поле, а мертвые твари, пошатываясь, медленно, но непреклонно брели вслед. Выставив из окна ствол винтовки, Бен аккуратно прицелился и сделал подряд несколько выстрелов, но сразу же осознал свою ошибку — почти все выпущенные им пули не достигли цели, поскольку машина нещадно подпрыгивала, тряслась и раскачивалась на неровностях разбитой грунтовой дороги. Лишь одна тварь упала на землю со снесенным наполовину черепом.

Остальные продолжали упорно двигаться вслед за грузовиком. Когда тот затормозил возле бензоколонки и Бен с Томом выпрыгнули из кабины, уже больше десяти тварей окружали их со всех сторон, а отдельные группы хищников приближались к машине с другой стороны поля. Том принялся возиться с ключами возле запертой на висячий замок колонки, но Бен нетерпеливо оттолкнул его и, торопливо прицелившись, одним выстрелом разнес замок на куски. Однако пуля пробила бензопровод, брызнуло горячее.

Широко раскрытыми от ужаса глазами Джуди смотрела сквозь ветровое стекло на поле за спиной Тома, откуда продолжали надвигаться злоеющие мертвецы. Некоторые из них были уже на расстоянии менее тридцати ярдов от машины.

Тугая струя бензина продолжала хлестать из пробоины, пока Том отчаянно пытался вставить заправочный шланг в горловину бака. И вдруг факел выпал из его рук на пропитанную горючим землю. Ослепительные языки пламени с гулом взметнулись вверх, и тотчас же огонь перекинулся на грузовик.

Заднее крыло и часть борта загорелись. Бен краем глаза заметил это в тот самый момент, когда, присев на корточки, взял на прицел ближайшего мертвеца. Отвратительная тварь упала, но уже через секунду вновь встала на ноги, хотя в груди ее, чуть ниже шеи, зияла огромная дыра.

Озверевшие от близости людей каннибалы с громким хрипом стремительно приближались, загребая водянисто-распухшими и блестящими от зеленоватого трупного гноя руками.

Том, оцепенев от страха и неожиданности, смотрел, как языки пламени лижут грузовики, поднимаясь все выше и выше. Бен тоже в ужасе глядел на машину, не зная, что делать. И вдруг Том запрыгнул в объятую пламенем кабину и, пригнувшись к рулю, запустил мотор. Бен с криком бросился к автомобилю, но тот уже резко сорвался с места и помчался через кишашее мертвецами поле, сбив на своем пути нескольких тварей. Том хотел увести грузовик подальше от бензоколонок, чтобы предотвратить разрушительный взрыв зарытой в землю цистерны. Бен иступленно закричал ему вслед, но безрезультатно: пылающий грузовик продолжал уноситься прочь с Томом и Джуди в кабине. **Девушка, потеряв от ужаса дар речи, неподвижно сидела, прижавшись к Тому, на дымящемся под ней сиденье.**

Некоторые из тварей были уже совсем рядом с Беном. Он отчаянно отбивался винтовкой и факелом. С ужасом сознавая, что он ничем уже не сможет помочь Тому и Джуди, Бен понимал также, что теперь ему самому предстоит в одиночку пробиваться назад к дому.

После недолгой, но жестокой борьбы Бену удалось поджечь двух атаковавших его упырей и прикладом сбить наземь третьего.

Он побежал через поле, размахивая факелом и винтовкой и ежесекундно оборачиваясь во все стороны, чтобы не быть неожиданно атакованным сзади. Адское зловоние собравшихся толпой зомби становилось просто невыносимым по мере того, как они приближались к Бену, желая схватить его и разорвать на части.

Изнутри дома Гарри не мог ясно видеть происходящее, хотя он беспрестанно метался от двери к окну и, прищуриваясь, вглядывался в темноту через щели в досках, пытаясь точно понять, что происходит снаружи. С его точки зрения, их попытка побега потерпела уже полное поражение; а раз так, то ему хотелось поскорее заделать дверь и бежать в подвал.

Гарри видел, как загорелся грузовик и Том повел его прочь. Что же касается Бена, то, по мнению Купера, твари давно уже одолели его. Гарри подбежал к другому окну.

Грузовик, почти полностью охваченный пламенем, быстро удалялся от дома по направлению к небольшому холму за дорогой. Зловещим сиянием он освещал свой собственный путь, неистово подпрыгивая и раскачиваясь на ухабах в темном поле. Внезапно машина затормозила. Гарри увидел, как Том выскочил из кабины со стороны сиденья водителя, и, оббежав автомобиль вокруг, стал помогать Джуди выбраться наружу через правую дверь. И вдруг раздался оглушительной силы взрыв. Искореженный корпус грузовика подбросило в воздух, и он тут же утонул в ослепительном огненном шаре. Тяжелый грохот разорвал тишину ночи и обвальным эхом застонал в кронах деревьев.

Бен поднял голову и содрогнулся, поняв, что случилось с Джуди и Томом. Пламя взорвавшегося автомобиля осветило ему дорогу и позволило еще на десять ярдов приблизиться к дому. Мощными ударами приклада и факела Бен продолжал отбиваться от нападающих на него тварей.

Несколько мертвецов были уже у входной двери и пытались прорваться в дом. Внутри Гарри пребывал в состоянии полнейшего ужаса. Наконец, забыв обо всем на свете, он в панике бросился ко входу в подвал.

Однако Бену удалось уже пробиться к крыльцу, и теперь он отчаянно колотил во входную дверь. Резко развернувшись, Бен ногой сбил последнюю тварь с крыльца, затем сильно ударил плечом в дверь. Она с треском распахнулась, и Бен ворвался в дом как раз вовремя, чтобы успеть схватить Купера возле двери подвала.

Однако у него сейчас не было времени, чтобы отплатить Гарри сполна. Требовалось срочно заделать входную дверь. Бен поймал на себе заискивающий трусливый взгляд Купера, презрительно сплюнул, и оба они принялись за работу. Гарри изо всех сил пытался продемонстрировать свое рвение, будто надеялся сохранить хоть какой-то остаток уважения со стороны Бена, помогая ему сейчас. Наконец им удалось забить дверь. На какое-то время дом вновь стал безопасным убежищем.

Они повернулись друг к другу, и Бен посмотрел Гарри прямо в глаза. Тот мелко дрожал от страха. Холодный пот струился по его лицу. Они оба знали, что сейчас произойдет.

Тяжелый кулак настиг Гарри несмотря на то, что тот пытался увернуться и отдернуть голову. Купер пятился назад, пока Бен, нанося ему удар за ударом, не загнал его в угол. Гарри испуганно прижался к стене и втянул голову в плечи. Бен пристально посмотрел ему в глаза и затем заговорил, как бы выплевывая слова прямо в лицо, и при каждом слове ощутимо ударял Гарри головой о стену:

— Ты... грязный подонок!.. Если еще раз... ты сделаешь... что-нибудь... подобное... я вытащу тебя на улицу... и скормлю... тем тварям!

Бен последний раз силой припечатал Гарри к стене, тот начал сползать вниз и через секунду рухнул на пол. Лицо его было сплошным синяком, а из носа текла густая темная кровь.

Бен медленно приблизился к двери подвала.

— Выходите! Это мы... Все кончено... Том и Джуди погибли.

Потом он повернулся и подошел к окну в другом конце комнаты. Выглянув наружу, Бен увидел, что твари подходят к дому все ближе и ближе, и содрогнулся от бесильного гнева и отвращения.

Бог знает, что им теперь оставалось делать...

Глава десятая

К полуночи шериф Макеллан и его люди разбили лагерь, в котором и собирались провести ночь. Они находились на марше до тех пор, пока не село солнце и не стало невозможным идти дальше. И тогда, по команде Макеллана, они организовали привал прямо в открытом поле, где любой приближающийся враг мог быть легко обнаружен

ввиду полного отсутствия маскирующей растительности. Чтобы быть вдвойне уверенными в своей безопасности, спасатели выставили часовых по всему периметру лагеря.

К счастью, ночь выдалась теплой и без малейшей угрозы дождя. У большинства людей были с собой одеяла или спальные мешки, однако палаток на всех не хватило. Отряд собирали в большой спешке, многие из людей были неопытны и не имели даже необходимого для походной жизни снаряжения. Поэтому к обычным трудностям по снабжению группы продовольствием и припасами добавились еще и бесчисленные досадные проблемы, характерные для новичков, вроде натертых ног или ожогов ядовитыми растениями.

Макеллану все время приходилось то подгонять, то притормаживать людей, чтобы поддерживать упорядоченное и равномерное движение отряда, который цепью прочесывал сельские районы в поиске тех, кто нуждался в помощи. Но приход ночи сделал дальнейшее движение совершенно бессмысленным. И только тогда, с большой неохотой, шериф отдал приказ разбить лагерь и принялся руководить его устройством, следя за соблюдением всех мыслимых мер безопасности.

Люди были уже порядком измотаны. Однако тепло костров и горячего кофе в значительной мере восстановило подорванную бодрость духа. А вскоре после полуночи к лагерю подъехал фургон, нагруженный готовыми обедами для всего отряда, чтобы людям не пришлось ложиться спать на голодный желудок. По всему лагерю зажглись свечи и карманные фонари, придавая ему хаотичный, но бодрый вид. Кое-где началась игра в карты, хотя все прекрасно знали, что с рассветом им предстоит уже быть на ногах и без всякого завтрака отправляться дальше.

Макеллан в одиночестве сидел возле своей палатки, слушая приглушенный шум голосов, к которому время от времени примешивался стук ложек и вилок и другие мерные звуки. На складном столике перед ним были разложены карты местности, освещенные висящим на коньке палатки фонарем, возле которого роилась туча надоедливых комаров. Насекомые раздражали шерифа, и ему не терпелось поскорее закончить с картами, потушить свой фонарь и лечь спать. Однако следовало по всем правилам спланировать операцию на завтрашний день.

Красным карандашом он отметил на карте точку, в которой отряд находился сейчас,— привал был устроен в пятнадцати милях севернее маленького городка под названием Уиллард. Еще дальше к северу на протяжении нескольких

миль были раскиданы отдельно стоящие фермы и парочка небольших деревень, обитатели которых находились в относительной изоляции и, по-видимому, остро нуждались в помощи, хотя о положении любой изолированной семьи в районе, который предстояло прочесать отряду Макеллана, можно было только гадать из-за полного отказа в системе связи, происшедшего еще на самых ранних этапах бедствия.

Весь округ был разбит на сектора, в каждом из которых патрулирование осуществлялось отрядами добровольцев совместно с подразделениями национальной гвардии. В их задачи входило: восстановить связь в тех районах, где телефонные линии были повреждены или источники электроэнергии вышли из строя; обеспечить безопасность, порядок и законность в деревнях и более крупных населенных пунктах, где гражданам угрожали не только бесчинствующие каннибалы, но и простые грабители, насильники и уличные хулиганы, решившие воспользоваться возникшим хаосом; и наконец — организовать спасательные рейды в отдаленные сельские районы, где люди могли оказаться в ловушке в своих собственных домах, не имея возможности защитить себя или позвать на помощь.

Сектор, доставшийся Макеллану, оказался особенно трудным. В дополнение к обычному числу недавно умерших из больниц, моргов и домов, где должны были состояться похороны, здесь разбился полный людей автобус — шофер, испугавшись нескольких зомби, внезапно появившихся на дороге, не смог справиться с управлением, и автобус, не вписавшись в поворот, пробил ограждение и скатился с высокой дорожной насыпи, перевернувшись не менее пяти раз. Все, кто находился внутри, неминуемо должны были погибнуть, однако, когда Макеллан со своим отрядом нашел автобус, он был пуст, и лишь несколько тварей бесцельно бродили вокруг и были тут же подстрелены и сожжены. Один из них, из груди которого торчало с десяток сломанных ребер, был в форме водителя автобуса. Поэтому Макеллан мог с полной уверенностью сказать, что то же самое произошло и с другими пассажирами. Еще задолго до официального объявления шериф и его люди, работавшие в зоне бедствия, поняли, что агрессоры являются обычными мертвецами и что каждый, кто умер, может вскоре превратиться в точно такое же существо. Хотя многие спасатели имели при себе ножи и мачете, они старались избегать прямых столкновений с каннибалами, предпочитая подстреливать их издалека, чтобы избежать ран и возможного заражения от физического контак-

та. Затем с помощью крюков для мяса они стаскивали убитых зомби в кучу, поливали их керосином и поджигали. Каждый, кто прикасался к крюку или другому предмету, имевшему контакт с тварями, должен был тщательно вымыть руки сперва водой с большим количеством мыла, а затем чистым спиртом. Никто не знал, были ли эти меры абсолютно эффективными, но по крайней мере они таковыми казались. Да никто и не мог придумать ничего лучшего, что можно было бы сделать в подобных обстоятельствах.

Но, как говорил Макеллан в своем телеинтервью, в его отряде не было ни погибших, ни раненых за те восемь часов, что они совершали свой рейд.

По пути, который они прошли за весь этот нелегкий день, разбиваясь временами на отдельные группы, люди Макеллана обследовали довольно большое количество одиноких сельских домов и ферм, сумели помочь многим их обитателям, других же нашли уже мертвыми с обглоданным с костей мясом. Некоторых из них пришлось сразу же застрелить, поскольку, хоть они и не казались мертвыми, было совершенно очевидно, что это уже не нормальные живые люди.

Теперь, имея за плечами опыт целого дня, шериф мог трезво оценить стоящую перед ним задачу. Изучая по карте ту обширную территорию, которую оставалось прочесть его отряду, Макеллан прикинул, что это можно будет сделать за трое или четверо суток, если, конечно, людей как следует поторопить. Он ненавидел подгонять, командовать и понукать подчиненными, однако умел это делать, и в некоторых ситуациях, как, например, в нынешней, это бывало абсолютно необходимым — жизнь слишком многих людей зависела сейчас от того, насколько быстро до них смогут добраться спасатели.

В тот момент, когда шериф хлопнул себя по лбу, чтобы убить комара, на его складной столик упала тяжелая тень. Он поднял глаза и увидел своего помощника Джорджа Хендерсона.

Джордж был сильным, жилистым мужчиной среднего роста и носил грубый охотничий костюм, который выглядел изрядно поношенным и сидел на нем так, как может сидеть только очень привычная одежда. Он снял с плеча винтовку и почесал заросший густой щетиной подбородок.

— Ты загораживаешь мне свет,— проворчал Макеллан и еще ниже склонился над картой, будто бы продолжая изучать ее.

Джордж фыркнул, что должно было означать добродушную усмешку, и отошел в сторону, огорченный тем, что не может придумать в ответ никакой подходящей остроты. Помолчав с минуту, он сказал:

— Я проверил часовых. Пятеро ублюдков спало.

— Врешь! — взвился Макеллан, чуть не опрокинув стол. В эту секунду он готов был пойти и казнить всех пятерых на месте.

— Конечно, — лучезарно расплылся Джордж.

Это означало, что, конечно, он врет. Помощник довольно захихикал, и на этот раз фыркнул уже Макеллан.

— Все часовые на своих постах, — улыбнулся Джордж. — Я заставил их выпить крепкого кофе, чтобы они не уснули.

— Если хоть одна тварь проберется в лагерь, ко всем этим людям в спальных мешках... — покачал головой шериф, не закончив фразы.

— Большинство из них спит, не выпуская пистолетов из рук. А у кого нет пистолетов, держат поблизости свои винтовки или мачете.

— Мы не должны гасить костры, — сказал Макеллан. — Скажи следующей смене часовых, чтобы всю ночь поддерживали огонь.

— Я уж и без тебя об этом давно позаботился, — усмехнулся Хендерсон. — Так что спи спокойно.

Макеллан снова фыркнул, будто бы сомневаясь в том, что его помощник мог сам до такого додуматься.

— Не можешь смириться, что не тебе первому пришла в голову эта мысль? — ехидно спросил Джордж, придвинул к себе складной стул и сел на него в нескольких футах от стола. — Я не загораживаю тебе свет? — насмешливо осведомился он.

— Почему бы тебе не пойти выпить чашечку кофе? — был единственный ответ Макеллана, словно он предлагал это лишь затем, чтобы как-то отделаться от Джорджа.

— А ты сам-то уже пил? — «заботливо» спросил Джордж.

— Нет. А то буду потом всю ночь таращить глаза.

— Ясно. Значит, ты собираешься храпеть, как медведь, пока эти парни будут стоять на часах, а я должен полночи проверять посты, да?

— Если бы ты мог выполнять умственную работу, я с удовольствием уступил бы ее тебе, — ангельским голосом ответил Макеллан. — И тогда спать должен был бы

ты. Но пока именно мне нужно держать голову свежей, чтобы вся эта организация завтра не развалилась.

— Ха! Неплохо!— воскликнул Джордж.— Но если бы я не тащил на себе всю эту грязную работу, твои часовые сейчас вовсю бы уже резались в карты или давали храпака.

— Я хочу, чтобы все были на ногах к половине пятого,— уже серьезным тоном прервал его Макеллан.

— Во сколько?

— В полпятого. С рассветом мы должны сняться и двигаться дальше. Каждая минута, что мы здесь торчим, может стоить кому-то жизни.

— Сколько ты наметил на завтра?

— Здесь десять домов, которые я хотел бы обойти еще до полудня. Можешь посмотреть на карту и увидишь, какие именно. Когда мы это сделаем — прервемся на ленч. Но надо будет заранее передать по радио, где мы остановимся, чтобы уже туда подъехал фургон с едой.

Джордж склонился над картой. Дома, о которых говорил шериф, были отмечены красным карандашом и находились в стороне от дороги, обозначенной, как двухполосное асфальтовое шоссе. Поле, в котором стоял сейчас лагерем отряд, лежало в двух или трех милях южнее дороги. Весь предыдущий день они двигались по направлению к ней с небольшими отклонениями, когда отдельные поисковые группы уходили в стороны, чтобы проверить стоящие на отшибе жилища, а затем вновь примкнуть к основному отряду.

Макеллан зажег сигарету и глубоко затянулся, пока Джордж изучал пройденный за день маршрут и оценивал то, что им предстоит сделать завтра.

Последним домом на предполагаемом пути была старая ферма Миллеров, где миссис Миллер — если она еще жива — живет со своим одиннадцатилетним внуком Джимми

— Надо бы сразу послать туда отдельный патруль,— сказал Джордж, указывая на красный крестик, которым была отмечена на карте старая ферма.— Я знаю миссис Миллер. Она наверняка окажется совершенно беспомощной. Ведь они с внуком совсем там одни.

— Мы прибудем туда до полудня,— уверенно сказал Макеллан.— И если они еще живы, с ними все будет в порядке.

— Пойду налью себе кофе,— ответил Джордж.— А потом разбужу вторую смену караула.

Несмотря на огромную силу взрыва, грузовик на удивление перестал гореть. После того, как пары бензина превратились в смертоносный огненный столб, в баке оставалось уже совсем немного горячего, и когда оно кончилось, пищи для пламени в машине почти уже не было; лишь обивка сидений и два человеческих тела — внутри и возле кабины.

Металл со вздувшейся и обугленной краской быстро остывал в прохладном ночном воздухе.

И постепенно зомби начали приближаться — сперва медленно и осторожно, — плотным кольцом собираясь вокруг грузовика. Запах горелого мяса с неодолимой силой притягивал их к машине. Однако ее раскаленный корпус поначалу не позволял тварям завладеть тем, что так влекло их и было теперь совсем уже близко.

Когда же металл остыл, а дым и смерть перестали клубиться над обгорелым остовом автомобиля, хищные твари, как ястребы, набросились на добычу.

Но Том и Джуди уже не могли почувствовать, как их руки и ноги отрывают от мертвых тел. Они не могли слышать, как с хрустом ломаются хрящи и рвутся белесые сухожилия, когда их конечности выкручивают и разламывают в суставах. Они не могли закричать, когда зомби вырывали из их тел сердце и легкие, а сочащиеся зловонной гнойной слизью зияющие провалы почерневших мертвых ртов высасывают их глаза и мозг.

Твари неуклюже дрались друг с другом за обладание еще теплыми человеческими органами. Завладев добычей, они сразу же отходили в сторону, и каждый в уединении склонялся над своим куском, с чавканьем и утробным стоном пожирая то, что ему посчастливилось ухватить. Они напоминали собак, которые с рычанием уносят свою кость в угол, чтобы там долго грызть и обгладывать ее, пока другие животные стоят вокруг и завистливо смотрят голыми глазами.

Некоторые из упырей в поисках удобного места для трапезы, где им не пришлось бы защищать свою добычу от других, нашли прибежище на затемненной лужайке перед домом, спрятавшись в тени высоких старых деревьев.

Оттуда они алчно поглядывали на дом и терпеливо ждали, пожирая свою жуткую добычу. Лязг мертвых челюстей, разрывающих кровавую человеческую плоть, наполнял ночной воздух. У самых разложившихся мертвецов только что проглоченная пища тут же вываливалась через

дыры в прогнивших желудках, и они с жадностью набрасывались на новый кусок. А стрекот сверчков по-прежнему раздавался в ночи, смешиваясь с тяжелым, хриплым дыханием мертвых легких, почти заглушавшим все остальные ночные звуки.

Глава двенадцатая

В доме царила атмосфера отчаяния и обреченности. Барбара снова сидела на диване, ее отсутствующий бессмысленный взгляд был устремлён в пространство. Гарри с мрачным видом устроился в кресле-качалке в углу комнаты, откинув готовую лопнуть от боли голову на плетеную спинку, и кресло негромко поскрипывало всякий раз, когда он шевелился, что, впрочем, случалось не так уж часто; лицо Гарри распухло, и к закрывшемуся левому глазу он прикладывал завернутый в тряпечку лед из холодильника. Другой его глаз, подобно часовому, взад-вперед бродящему по своему посту, неотрывно следовал за Беном, который нервно расхаживал по комнате. Когда Бен исчезал из поля зрения Купера, его здоровый глаз делал передышку. Шаги Бена были единственным звуком в гостиной, не считая редкого поскрипывания кресла-качалки.

Бен методично проверял укрепления, но скорее уже в силу привычки, нежели из-за надежды на их особую пользу, винтовка по-прежнему висела на его плече. После того, как попытка вырваться из западни провалилась, он позволил себе впасть в состояние почти полного уныния. Бен чувствовал себя таким же беспомощным, как и все остальные, кто оказался вместе с ним заточенным в этом сумрачном доме. Он не мог найти больше никакого пути к спасению. И в то же время понимал, что, оставаясь здесь, они подписывают себе смертный приговор. Гарри продолжал молча следить своим здоровым глазом за тем, как Бен переходит от одного окна к другому и проверяет по очереди все забитые досками двери.

Завершив проверку первого этажа, Бен направился к лестнице, но, уже начав подниматься, передумал, остановился и снова пошел к входной двери.

Вдруг со стороны подвала послышались шаги, и в комнату вошла Элен.

— Уже без десяти три,— сказала она, обращаясь сразу ко всем.— Через десять минут начнется следующая передача.

Никто не ответил ей.

— Может быть, ситуация, наконец, немного улучшится, — сказала Элен без особой надежды в голосе.

— Вы или Гарри лучше спуститесь вниз и продолжайте смотреть за своим ребенком, — посоветовал Бен.

— Немного погодя, — ответила Элен после долгой паузы. — Я хочу сперва посмотреть новости.

Бен взглянул на нее, собираясь возразить, но так и не сказал ни слова — он был слишком измотан и подавлен, чтобы еще с кем-то спорить. Он лишь надеялся, что девочка не умрет, пока все они будут смотреть телевизор.

Повернувшись спиной к собравшимся, Бен молча приподнял занавеску и выглянул наружу через окно возле входной двери. Внезапно его глаза расширились от ужаса и отвращения, которые внушала открывшаяся перед ним картина. В тени деревьев перед окном пряталось множество тварей. Некоторые из них вышли на середину лужайки и находились теперь гораздо ближе к дому, чем раньше. Обгорелые останки зомби, уничтоженных во время попытки бегства, грязными кучами чернели в траве. По какой-то необъяснимой причине эти существа никогда не пожирали друг друга — они предпочитали свежее человеческое мясо.

И теперь многие из них дорвались до вожака ланкомства. Полный ужаса взгляд Бена был прикован к поистине отвратительной сцене: на краю лужайки несколько тварей, освещенные лунным светом, пожирали то, что когда-то было Томми и Джуди. Они грызли и разрывали на части изуродованные останки человеческих тел. Их вурдачьи зубы впивались в мертвые ладони и плечи, с хлопком разжевывали сочащиеся кровью внутренности. Бен смотрел как загипнотизированный, не в силах оторвать взгляд от этого невыносимого зрелища.

Наконец, содрогнувшись от омерзения, он выпустил уголок занавески и, потрясенный, обернулся к остальным находившимся в комнате. На лбу его выступили капли холодного пота.

— Не смейте... не смейте туда смотреть, — сказал Бен, с трудом сдерживая подступившую тошноту. — Ничего хорошего вы там не увидите.

Здоровый глаз Гарри по-прежнему был устремлен на Бена, и сейчас в нем светилось нескрываемое злорадство — Купер радовался минутной слабостью этого мужественного человека. Бен подошел к телевизору и щелкнул выключателем.

И вдруг тишину разорвал иступленный крик Барбары. Бен вздрогнул и отскочил от телевизора. Барбара была уже на ногах и кричала пронзительно и отчаянно.

— Мы никогда отсюда не выберемся... Никто из нас! Нам не выйти отсюда живыми!.. Джонни-и-и!.. О-о-о!.. Боже мой!.. Никто из нас... Никто... О, Господи... Помогите!..

Но прежде чем Бен успел сделать к ней шаг, крики Барбары прекратились так же внезапно, как начались, и девушка, снова упав на диван, закрыла лицо руками и разрылась безудержными рыданиями. Элен пыталась успокоить ее, но громкий плач словно сам по себе продолжал вырываться откуда-то из глубины ее тела, над которым Барбара потеряла уже всякий контроль. По мере того как она успокаивалась, рыдания постепенно стихали и наконец прекратились совсем, однако девушка продолжала сидеть на диване, сильно ссутулившись и скорбно закрыв руками лицо. Элен заботливо накинула ей на плечи пальто, но Барбара уже ни на что вокруг не реагировала.

Наконец Бен позволил себе медленно опуститься в кресло перед телевизором. Гарри украдкой перевел свой взгляд с Барбары на Бена. Его глаз следил за винтовкой, которую тот поставил прикладом на пол и прислонил к ногам.

Элен наклонилась к Барбаре и нежно положила руку ей на плечо.

— Поговори со мной, дорогая... Тебе станет легче.

Но Барбара не отвечала. И Элен пересела на другой край дивана.

Бен неподвижно сидел перед телевизором, молча уставившись в мутный экран. Он чувствовал себя совершенно разбитым и потерянным, мучительно обдумывая сложившееся положение: у них больше не было керосина, не было никакого транспорта и кончились патроны для винтовки. Телевизор еще ничего не показывал — Бен включил его слишком рано.

Взгляд Гарри был прикован к винтовке. Бахрому, на которой Бен носил ее, он обмотал теперь вокруг запястья.

— А где ваш автомобиль? — спросил Бен, и звук его голоса, раздавшийся в полной тишине, заставил всех вздрогнуть.

Гарри поспешно отвел взгляд, как будто и не смотрел в сторону Бена.

— Мы хотели еще засветло добраться до мотеля, — ответила Элен, — и остановились на обочине, чтобы посмо-

треть карту... И тогда эти твари напали на нас... Мы бежали... бежали...

— Машина не меньше чем в полутора милях отсюда,— ехидно заметил Гарри, будто ему доставляло удовольствие сознавать, что очередная идея Бена обречена на провал, пусть даже ценой его, Гарри, собственной жизни.

— Мы насилу добрались до этого дома и больше ничего уже не могли сделать, чтобы спасти Карен,— скорбно вздохнула Элен.

— Как вы думаете, смогли бы мы добраться до машины? — спросил Бен как бы у самого себя.— Есть ли хоть один шанс, что путь к ней будет свободен, если мы сможем вырваться из этого дома?

— Абсолютно никакого,— безразлично ответил Гарри. И тут Бен взорвался:

— Ты слишком легко сдаешься, парень! Ты хочешь сдохнуть в этом вонючем клоповнике?

— Я уже говорил тебе, идиот, что эти твари перевернули нашу машину вверх дном! — вызверился Купер, на секунду потеряв страх перед Беном.

— Она лежит вверх колесами в кювете у дороги,— подтвердила Элен.

— Но... если бы мы добрались до нее, то, может быть, мы смогли бы что-нибудь сделать...— предположил Бен.

— Ты собираешься сам ее переворачивать? — гаденько усмехнулся Гарри.

— Ключи остались у Джонни... ключи...— тихо бормотала Барбара.

Однако никто не слышал ее, поскольку из телевизора вдруг послышался громкий треск, а затем появились изображение и звук.

«Доброе утро, леди и джентльмены. Вы смотрите передачу резервного телецентра службы информации управления Гражданской обороны. Сейчас три часа пополудни по единому восточному времени.

В большинстве областей, охваченных за истекшие сутки этим ужасным явлением, наметились первые признаки того, что ситуация, возможно, вскоре будет взята под контроль. Гражданские власти, действующие рука об руку с национальной гвардией, уже восстановили порядок в ряде пострадавших районов, и хотя действие комендантского часа все еще сохраняется, интенсивность нападений на жителей уже заметно снизилась. Органы охраны общественного порядка предсказывают нормализацию обстановки в самом бли-

жайшем будущем. Возможно, в течение следующей недели жизнь войдет в привычное русло.

Однако, несмотря на эти слова ободрения, власти призывают по-прежнему поддерживать высокую бдительность и принимать все необходимые меры предосторожности. Пока никто еще не может с уверенностью сказать, как долго мертвые будут продолжать воскресать и каковы были в действительности причины этого необычного явления. Каждый убитый или раненый при нападении мертвецов-каннибалов представляет серьезную угрозу для живых людей. Мы должны по-прежнему сжигать или обезглавливать все свежие трупы. Доктор Льюис Стэнфорд из медицинского управления округа в своем интервью, которое он дал сегодня в нашей телевизионной студии, постоянно подчеркивает, что это абсолютно необходимо.

Изображение диктора исчезло, и после короткой паузы на экране возникли первые кадры записи. Доктор Льюис Стэнфорд, сидевший за большим письменным столом, отвечал на вопросы ведущего, в руке у которого был микрофон, а на голове — наушники.

«— Доктор, можете ли вы или ваши коллеги пролить хоть какой-нибудь свет на причины этого явления?»

Доктор нервно поерзал в своем кресле и встряхнул головой.

«— Боюсь, что пока еще рано говорить о даче однозначных и исчерпывающих объяснений. Я не хочу сказать, что мы вообще не сможем ответить на этот вопрос, но на данный момент наши исследования не принесли еще окончательных результатов.

— А что вы думаете насчет упавшего космического корабля?

— Космического корабля?

— Да, сэр.

— Я не специалист в этой области.

— Но именно с ним ученые связывают большинство своих предположений.

— Прежде всего, я не являюсь специалистом в области аэрокосмических исследований. Я также не знаком с этим конкретным экспериментом. Я — врач-патологоанатом...

— Так что же вы все-таки можете сообщить нам, доктор?

— Ну... я чувствую, что наши усилия направлены в нужную сторону. Мы делаем именно то, что хорошо умеем делать... то есть пытаемся обнаружить биологические причины этого явления, которое до сих пор не имело прецедентов в медицинской практике. Мы рассматриваем то, что произошло с этими... умершими... людьми...

ми, как болезнь, которая с большей долей вероятности имеет чисто биологическое происхождение; другими словами, она скорее всего вызвана определенными микробами или вирусами, которые ранее были нам неизвестны или не представляли опасности до тех пор, пока не случилось что-то, пробудившее их активность. Связано ли это каким-то образом с космическим зондом или нет, мы сможем установить лишь тогда, когда сперва выделим данный вирус или микроб, а затем отправимся в космос и обнаружим, что он там действительно существует.

— Есть ли вероятность того, что микроорганизм, вызывающий эту болезнь, начнет размножаться и станет преследовать нас постоянно? Будем ли мы и дальше сжигать трупы наших близких?

— Я не знаю... не знаю. Однако возможно, что организмы, вызвавшие это явление, окажутся недолгоживущими — то есть все они вымрут в течение короткого времени; они могут оказаться поколением мутантов, не способных к размножению. Мы очень надеемся, что так оно и будет в нашем случае.

— Какие нити к разгадке этой тайны вам уже удалось обнаружить, доктор Стэнфорд?

— Наши исследования еще только начинаются. Вот, например... Сегодня, некоторое время назад, мы стали свидетелями такого факта: в морге нашей университетской клиники в холодильной камере находился труп, все четыре конечности которого были ампутированы. Вскоре после того, как его извлекли из холодильника, он открыл глаза. Этот человек был мертв, однако он открыл глаза и начал шевелиться. И теперь наша проблема состоит в том, чтобы получить как можно больше таких необычных трупов для исследований и экспериментов; мы должны просить военных и гражданские патрули не сжигать всех этих тварей до единой, а доставлять некоторых из них к нам живыми, чтобы мы могли изучать их. Пока же нам не удалось получить достаточного количества таких существ...

— Тогда как это соотносится с вашими словами о необходимости сжигать или обезглавливать каждого, кто умер во время этого бедствия, будь это даже близкий родственник?

— Данная рекомендация остается в силе для всех граждан. Если мы говорим о намерении получить трупы для наших исследований, то при этом имеем в виду, что это будет делаться организованным порядком, то есть так, чтобы они были доставлены к нам в стерильных условиях и с наименьшим возможным риском как для занятых этим людей, так и в смысле предотвращения продления состояния бедствия. Рядовые же граждане должны по-прежнему продолжать сжигать все трупы. Для этого нужно просто вытащить их на улицу и поджечь. Необходимо помнить, что это всего лишь мертвая плоть, но они крайне опасны...»

После этих слов доктора Стэнфорда на экране вновь появился диктор.

«Репортаж, который вы только что видели, был записан несколько часов назад в этой студии. Повторю вкратце указания доктора Стэнфорда: по-прежнему для всех граждан является обязательным сжигать или обезглавливать трупы тех, кто умирает во время происходящего бедствия. Это нелегко сделать, но власти предписывают во всех без исключения случаях поступать именно так. Если вы не можете решиться на это сами, вам следует обратиться в местное полицейское управление, и компетентные специалисты сделают это за вас.

А теперь наши камеры переносят вас в Вашингтон, где вчера поздно вечером нашим корреспондентам удалось взять интервью у генерала Осгуда, когда он возвращался с совещания на высшем уровне в Пентагоне...»

И вновь изображение комментатора сменили кадры репортажа...

Но внезапно снаружи раздался оглушительный грохот, и свет погас. Экран телевизора потемнел, и весь дом погрузился в зловещий полумрак.

— Есть там пробки в подвале? — прозвучал голос Бена.

— Это... это не пробки, — заикаясь, проговорил Гарри. — Должно быть, повреждена линия электропередачи!

Бен схватил со стола баночку с керосином и выплеснул содержимое в камин, где догорали последние красные угольки. Пламя сразу же с шумом взметнулось вверх. Он бросил в огонь пачку старых газет, затем, в полутьме, пошире раскрыл дверь в подвал и начал осторожно спускаться по лестнице.

Гарри схватил Элен за руку и, приблизив ее лицо к своему, зашептал:

— Элен, мне нужно это ружье. Мы тогда сможем спуститься в подвал. Ты должна мне помочь!

Он отнял от своего глаза сверток со льдом, и в мерцающем свете камина Элен увидела на перекошенном от страха лице мужа огромный припухший кровоподтек.

— Я не буду помогать тебе, — тихо прошептала она. — Разве тебе недостаточно? Он убьет нас обоих.

— Этот человек сумасшедший! — спорил с ней Гарри, стараясь при этом говорить шепотом. — На его совести уже двое погибших; я должен завладеть винтовкой...

Звуки приближающихся шагов Бена оборвали Гарри на полуслове.

— Это не пробки,—с безнадежностью в голосе объявил Бен, входя в комнату.— Мне пришлось пробираться на ощупь, но там внизу я нашел карманный фонарик. Все пробки в порядке. Я оставил фонарь на верхней ступеньке, чтобы мы могли осветить себе, когда будем спускаться в подвал. А вы лучше прямо сейчас идите вниз и смотрите за своей дочерью. Она...

Внезапно из кухни раздался звон бьющегося стекла. За ним последовал нарастающий шум, громкий натужный хрип, и начались тяжелые ухающие удары. Стены дома угрожающе затряслись. Мертвые твари снаружи перешли в массированную атаку. Некоторые из них уже пробрались в кабинет и теперь с оглушительным грохотом колотили в забитую дверь столовой.

Бен моментально вскочил на ноги и бросился укреплять свои баррикады. Молотком и ломом он сквозь разбитое окно отбивался от тварей, одновременно пытаясь укрепить те доски, которые уже стали шататься под напором агрессоров.

— Гарри! Гарри! Помоги же мне! — стиснув зубы, прорычал Бен. Лицо его исказила гримаса непосильного напряжения.

Купер подбежал к Бену сзади, но вместо того, чтобы помочь, резким движением сорвал винтовку с его плеча. Направив ствол прямо на Бена, Гарри медленно попятился к двери подвала. Бен рванулся было к нему, но в ту же секунду остановился — он не мог сейчас отойти от окна, через которое твари уже влезали в дом.

— Что ты задумал, придурок? Они же вот-вот ворвутся сюда! — перекрывая дьявольский грохот, яростно заорал он.

— Теперь посмотрим, кто кого пристрелит,— мстительно усмехнулся Гарри, пятаясь к подвалу и не переставая целиться в живот Бена.— Я отправляюсь вниз и беру с собой этих двух женщин, а ты можешь подышать здесь, сумасшедший ублюдок!

Игнорируя слова Гарри, Бен всем телом привалился к окну, пытаясь удержать доски, которые уже начали поддаваться. За окном было по меньшей мере полдюжины мертвецов, которые остервенело рвались внутрь, сминая на своем пути все преграды.

Гарри на секунду остановился, пораженный звериной яростью атаки и полным безразличием Бена к тому факту, что он не является больше обладателем винтовки. Он ожидал, что Бен начнет умолять пустить его вместе со всеми в подвал.

Намеренно Бен позволил тварям выломать одну из самых больших досок, которая была прибита поперек ближайшего к нему окна гостиной. Когда доска отвалилась, Бен подхватил ее, развернулся и с силой метнул в сторону Гарри. Удар пришелся в приклад винтовки, и ее ствол отклонился в сторону, так что прозвучавший выстрел не причинил Бену никакого вреда. Одним прыжком он настиг Гарри возле двери и после короткой, но жестокой схватки вырвал оружие из его трясущихся рук.

Элен, застыв на месте от ужаса, молча смотрела на своего мужа.

Жутко лязгая зубами, Гарри пытался к подвальной двери, оставляя на полу блестящие мокрые следы,— из его брюк текло.

Бен через силу поднял винтовку и, скривившись от отвращения, выстрелил. Гарри вскрикнул. Большое красное пятно проступило на его рубашке, и, схватившись обеими руками за грудь, он начал медленно оседать. Сделав несколько нетвердых шагов по направлению к лестнице, Купер судорожно вцепился в перила, но его слабеющие ноги беспомощно подкосились, и он рухнул головой вниз на каменные ступеньки.

В следующий миг несколько тварей ворвались в комнату через окно и схватили Элен за шею и волосы, царапая и впинаясь в нее своими когтями. Бен сшиб одного из мертвецов прикладом винтовки, затем прицелился и выстрелил двоим прямо в лицо. Освободившись, Элен с криком бросилась в подвал, но по дороге споткнулась и кубарем покатилась вниз по лестнице. Она закричала еще громче, когда почувствовала, что упала на что-то большое и мягкое. Это было мертвое тело ее мужа; ладонь Элен стала мокрой и скользкой от его еще не остывшей крови. Затем из темноты кто-то с тихим стоном шагнул к ней и крепко сжал ее руку выше локтя.

— Карен?

Да, это была Карен. Но уже мертвая. Помутневшие глаза девочки злоеще поблескивали в темноте. Она отпустила запястье своего отца, которое только что держала возле губ, обглаживая нежное мясо с внутренней стороны его предплечья.

Элен пыталась разглядеть ее в темноте.

— Карен, доченька!

В руках у мертвой девочки была острая садовая лопатка. Не говоря ни слова, она глубоко вонзила ее в грудь своей матери. Элен упала на спину, истощно крича и зажимая руками рану, из которой хлынул мощный поток го-

рячей крови. А ее мертвая дочь продолжала наносить все новые и новые удары. Леденящие душу вопли Элен, смешанные с другими звуками разрушения, громким эхом разнеслись по старому дому.

Но вскоре крики прекратились. А лопатка продолжала методично вонзаться в тело женщины, разрубая его на куски и кромсая ее окровавленную плоть. Когда орудие наконец выпало из мертвых, испачканных кровью рук девочки, Карен, обнажив зубы, склонилась над своей матерью и глубоко погрузила руки в ее зияющие, сочащиеся раны...

Наверху Бен продолжал изо всех сил сражаться, пытаясь выгнать тварей из дома.

И вдруг в истерическом припадке жажды мщения Барбара с пронзительным визгом тоже бросилась в атаку. Она швырнула стул в одного из мертвецов, и тот упал. Тогда девушка, не задумываясь о последствиях, оседлала его и стала бить кулаками в лицо. В следующую секунду тварь крепко схватила ее за руки, и они покатались по полу, сжимая друг друга в неравной борьбе. Легко преодолев сопротивление Барбары, мертвец сомкнул свои зубы на ее шее. Бен подскочил к ним и, направив ствол «Винчестера» в лицо твари, выстрелил. Удар выпущенной в упор пули отбросил мертвеца на несколько футов назад, гнойная слизь и осколки раздробленной кости брызнули Барбаре прямо в лицо. Но уже полностью лишившись рассудка, она с криком вскочила на ноги и, истекая кровью, бросилась в самую гущу зомби, прорвавшихся через сломанную входную дверь.

Мертвецы схватили Барбару и потащили ее на улицу. Она оглянулась и, увидев, что с каждой секундой все больше тварей врывается в дом, принялась плевать в них и кусать впившиеся в нее смердящие мертвые руки. Одним из нападавших был ее брат Джонни, уже восставший из мертвых. Его зубы были выбиты, а лицо покрыто коркой запекшейся крови и грязи. Зловеще сверкая немигающими глазами, он подбирался все ближе к Барбаре, и, наконец, его пальцы сомкнулись на горле сестры. Она безумно захотела и потеряла сознание. Озверевшие твари тащили Барбару в ночную темноту, на ходу впиваясь зубами в мягкие части тела, а некоторые из хищников уже ломали и выкручивали в суставах ее конечности, пытаясь разорвать добычу на части.

Внутри дома Бен продолжал давать бой обступившим его мертвецам. Но в гостиной находились уже по меньшей мере двадцать или тридцать кровожадных созданий. Все

укрепления были смяты, и у Бена не оставалось больше никаких шансов победить в этой схватке.

Он медленно отступал вдоль стены к двери подвала. И вдруг Карен набросилась на него сзади, с силой вцепившись в ноги, и потащила Бена вниз по лестнице. Он развернулся, схватил ее за горло и, приподняв щуплое тельце над ступеньками, сильным движением швырнул его через дверь на самую середину комнаты, сбив им с ног сразу нескольких мертвецов. Однако она тут же встала и вновь начала приближаться к нему, хищно протянув руки вперед. Лицо девочки было испачкано кровью ее матери. Остальные твари тоже неумолимо надвигались.

Бен ловко скользнул в дверь подвала, захлопнул ее за собой и одним точным толчком вогнал в кованые стальные петли крепкий засов. Зомби принялись яростно биться о дверь и стены вокруг нее. Бен с трепетом прислушивался к их хриплому дыханию и звукам ожесточенной атаки. Но хотя оглушительный стук продолжался уже довольно долгое время, дверь выдержала удары, не ослабевая. Тварям оказалось не под силу ее сломать. Бен в изнеможении опустился на верхнюю ступеньку лестницы, совершенно подавленный безнадежностью своего положения и сознанием того, что все, кто находился с ним в этом доме, уже погибли — все, кроме него.

Затем его пальцы нащупали карманный фонарь, который он оставил здесь, когда приходил проверить пробки. Включив его и направив луч перед собой, Бен начал медленно спускаться в подвал.

В свете фонаря он бросил взгляд на свою левую руку и с ужасом заметил, что она кровоточит. Девочка, Карен, — это она укусила его во время схватки.

Застыв на середине лестницы, Бен с содроганием смотрел на глубокие отметины зубов на своей руке. Если он умрет, то превратится...

Он не позволил себе закончить эту кошмарную мысль о том, какая участь может его ожидать.

Удары в дверь подвала постепенно становились слабее и реже.

Хищники, пожиравшие останки убитой ими Барбары и дерущиеся друг с другом за каждый кусок, уходили из дома во двор, где другие упыри уже рвали зубами еще теплое мясо и обглаживали обнажившиеся тонкие кости.

У подножия лестницы луч фонаря выхватил из темноты мертвенно-бледное лицо Гарри Купера и его неестест-

венно вывернутую руку, которая была прогрызена возле локтя почти до самой кости.

И в этот момент веки Гарри начали едва заметно дрожать... и его мертвые глаза приоткрылись...

Глава тринадцатая

Тишину и спокойствие утреннего леса нарушили звуки проснувшегося лагеря. Холодный туман повис над полем, в котором ночевал отряд, и пока люди, разминая затекшие со сна и натруженные за вчерашний день ноги, медленно сходились к указанной Макелланом поляне, из их ртов при дыхании вырывался белесый пар. Они почти не разговаривали, однако держались вместе, собравшись в маленькие группы на тот случай, если зомби неожиданно нападут на них из тумана.

Джордж Хендерсон сплюнул на землю и, недовольно поморщившись, сказал, обращаясь к шерифу:

— Просто удивительно, как могло быть так жарко вчера и так холодно сейчас. Того и гляди пойдет дождь.

— Нет, — ответил Макеллан. — Я слышал метеосводку. Солнце взойдет и рассеет этот туман за несколько часов.

— Будет очень хреново, если начнется дождь и ребятам придется весь день тащиться по грязи, — сказал Джордж. — Тогда кто-то может и не дожидаться помощи...

Пока двое мужчин негромко разговаривали, большой белый джип, натужно рыча, двигался кругами по полю, медленно пробираясь сквозь высокую мокрую траву, а двое парней шли за ним и время от времени останавливались, подбирали сложенные спальные мешки и палатки и бросали их в кузов.

Все костры были уже потушены, и на их месте по всему полю виднелись теперь мокрые от утренней росы черные круги остывшей золы, возле которых лежали снятые палатки и свернутые спальные мешки.

— Поторапливайтесь, парни! — крикнул Макеллан. — Как бы вам понравилось, если бы ваши жены или дочери дожидались сейчас, пока вы оторвете свои задницы и придете к ним на помощь?

Люди стали двигаться быстрее.

Вскоре все они собрались на широкой поляне, где еще совсем недавно стояла палатка Макеллана.

По мере того, как Бен осторожно спускался по лестнице, пятно света на лице Гарри Купера становилось все ярче. Бен пошевелил фонариком, чтобы осветить всю картину. Гарри лежал мертвый в луже густеющей крови с прогрызенной насквозь рукой. Элен тоже была мертва и лежала неподалеку от него, и из ее искромсанный груди торчала садовая лопатка.

Вдруг веки Гарри напряженно вздрогнули, и он широко раскрыл глаза. Затем начал садиться. Держа фонарь в одной руке, а винтовку в другой, Бен подошел почти вплотную к нему и, тщательно прицелившись, с дрожью от вращения нажал курок. Его всего передернуло, когда пуля снесла верхнюю часть головы Гарри, и оглушительное эхо выстрела ударило в бетонные стены подвала.

Бен опустил взгляд, направив луч фонаря себе под ноги, и испуганно вздрогнул, заметив пятна крови на штанинах своих брюк.

Но затем он вспомнил про Элен и решил посмотреть на нее.

Все тело женщины было покрыто огромными сгустками крови, которая все еще сочилась из ее раскрытого рта, ноздрей и трещин в черепе. Волосы слиплись в сплошную кровавую массу, а одного глаза не доставало. На боках — там, где мясо было обглодано, — в свете фонаря белели обнаженные кости. Спусти некоторое время она тоже открыла глаза — и Бен выстрелил. Ее тело судорожно выгнулось и передернулось резким конвульсивным движением, когда пуля прошла через мозг.

В безысходном отчаянии Бен отшвырнул винтовку и закрыл ладонями глаза. Горькие слезы катились по его дрожащим щекам, когда он перешагивал через изуродованные трупы. Он обвел вокруг себя лучом фонаря, и невыносимое одиночество навалилось на него всей своей непомерной тяжестью, отнимая и без того скудный остаток душевных сил. Взгляд Бена упал на дощатый верстак, послуживший смертным одром для бедной Карен. В приступе ярости он с грохотом опрокинул его и начал бесцельно слоняться взад-вперед по подвалу, спотыкаясь в темноте о предметы, на которые не падал свет фонаря. Мучительно гнетущая атмосфера этого мрачного подземелья заставила Бена почувствовать себя заживо погребенным.

Наверное, это справедливо. Ведь Том, Джуди, Барбара, Гарри, Элен, Карен — все мертвы.

Все они умерли.

Все.

Если бы только грузовик не загорелся тогда...

Если бы...

Если бы...

Взяв себя в руки, Бен подобрал винтовку и уже более внимательно огляделся вокруг, одновременно направляя в темноту луч фонаря и ствол «винчестера». Его глаза искали возможные очаги опасности и уязвимые места подвала. Двигаясь медленно и осторожно, он заглядывал за картонные коробки и в темные углы помещения.

Но никого вокруг не было. Никто не прятался в темноте. Лишь отвратительные останки Элен и Гарри Купера лежали на холодных ступеньках лестницы.

Бен опустился на пол в углу, прижался плечом к бетонной стене и тихо заплакал.

Потом посмотрел на рану в своей руке и пятна крови на штанинах брюк.

Шум тварей наверху полностью прекратился. Но, возможно, некоторые из них еще находились в доме, притаившись где-нибудь в темных комнатах.

От непомерной усталости Бен уронил наконец голову на грудь и провалился в глубокий, тяжелый сон.

Его последние мысли были о детях.

Глава пятнадцатая

Раннее утро.

Пение птиц. Вдалеке слышны голоса и лай собак.

Поднимающееся все выше солнце светит ярко и горячо. Роса сверкает в густой траве на опушке леса.

Голоса приближаются.

Шум вертолета.

Люди с ружьями и собаками на поводках выходят из леса на луг. Крики... Приглушенные разговоры... Собаки с лаем рвутся вперед и натягивают поводки. Отряд шерифа Макеллана снова двинулся в путь.

Глава шестнадцатая

Бен вздрогнул и открыл глаза, с тревогой оглядываясь вокруг.

Ему показалось, что он слышал шум вертолета. Хотя, возможно, это ему приснилось.

Он напряженно прислушался.

Тишина.

Но затем вдалеке послышался едва различимый звук мотора и биение металлических лопастей.

Вертолет. Точно.

Бен сжал в руках винтовку и весь обратился в слух. Вокруг больше не было той крошечной темноты, что несколько часов назад, но и по-настоящему светло тоже не стало. Подвал оставался неприветливо-сумрачным и сырým. Те немногие лучи солнца, что проникали сюда через крошечные окошки под потолком, окрашивали все в унылые серые тона.

Шум вертолета приближался... Но затем снова начал стихать. Бен изо всех сил напряг свой слух, однако не мог уловить больше никаких признаков человеческой деятельности.

В конце концов, осторожно ступая по залитому кровью полу, он с содроганием перешагнул через растерзанные тела Элен и Гарри Купера и начал крадучись подниматься по лестнице.

Скрипнула ступенька, и Бен вздрогнул, но остановился лишь на секунду, а затем продолжил свое движение к запертой дубовой двери.

Глава семнадцатая

Группа вооруженных мужчин, двое из которых вели на длинных поводках немецких овчарок, вышли из леса на край залитого солнцем росистого луга. Они остановились и внимательно огляделись вокруг, изучая луг в поисках возможной опасности. Их ботинки и штанины были мокрыми от ходьбы по высокой влажной траве.

Вслед за ними, с трудом переводя дыхание, из зарослей появился шериф Макеллан. При его солидной комплекции ему было не так-то легко вести людей через чащу, особенно если учесть, что ни у кого из них еще не было сегодня времени, чтобы поесть или передохнуть. Он был вооружен карабином и пистолетом, а его мощную грудь стягивали тяжелые ленты патронташей. Шериф остановился, глянул через плечо в сторону леса и грязным скомканным носовым платком вытер со лба крупный пот.

Остальные люди все еще пробирались сквозь заросли к опушке. Макеллан прикрикнул на них.

— Эй, вы! Подтянитесь! Неизвестно еще, что нас тут...

Он замолчал, оборвав себя на полуслове, когда его помощник Джордж Хендерсон подошел к нему и раскрыл рот, чтобы что-то сказать.

Но шериф заговорил первым:

— Ты поддерживаешь связь с дежурными машинами? — спросил он.

Джордж держал в руках автомат, на поясе у него болталась кобура револьвера, а лоб перетягивала широкая повязка от пота. За спиной Хендерсона висела переносная полевая рация. Тяжело дыша, он наклонился вперед и, слегка подпрыгнув, поправил ремни своей увесистой ноши.

— Да... они знают, где мы. Они перехватят нас возле фермы Миллеров.

— Хорошо, — кивнул Макеллан. — Ребята устали, как собаки. Им бы не помешало передохнуть и выпить горячего кофе... — Затем, обернувшись к лесу, он крикнул тем, кто отстал и только еще подтягивался к поляне:

— Давайте-ка поторопимся! Возле дома нас будут ждать машины с кофе и сэндвичами!

Мужчины, ускорив шаг, пересекли широкий луг и через несколько минут уже начали осторожно прокладывать путь сквозь узкую полосу леса на другой его стороне.

Глава восемнадцатая

Стоя на верхней ступеньке лестницы, Бен напряженно вслушивался сквозь дверь в звуки, доносящиеся снаружи.

Уже долгое время ему не удавалось вновь расслышать шум вертолета. Возможно, он приземлился где-то или улетел совсем. Бен подумал, что если бы он был наверху, то смог бы, наверное, выбежать на лужайку и как-то привлечь к себе внимание.

Затем откуда-то издалека до его слуха донесся отчетливый звук — это был лай собаки.

Он долго прислушивался, но больше ничего различить не мог.

Постепенно им начало овладевать сильнейшее искушение отпереть дверь и выйти наружу, чтобы как следует разобраться в обстановке.

Когда люди Макеллана миновали узкую полосу деревьев на противоположной стороне луга, их взору открылось сельское кладбище — то самое, куда приехали Барбара и Джонни, чтобы возложить венок на могилу своего отца. Отряд продолжал двигаться дальше, прочесывая густые заросли высоких сорняков между надгробиями.

Подойдя к тому месту, где спуск ведущей к кладбищу грязной проселочной дороги сменялся невысоким подъемом, спасатели нашли автомобиль Барбары с выбитым боковым стеклом. Фары его были включены, но аккумулятор давно уже разрядился. Удивило всех то, что в машине не обнаружилось следов крови и нигде поблизости не было видно трупов.

— Возможно, тому, кто здесь был, удалось спастись, — с надеждой сказал Макеллан. — Ну, пошли ребята. Нам здесь нечего делать.

Отряд миновал кладбище и вышел на двухрядное асфальтовое шоссе, где уже стояли в ожидании машины обеспечения. Возле них находились двое полицейских на мотоциклах, один из которых спешил и помахал рукой, приветствуя Макеллана.

— Привет, шериф! Как идут дела?

Макеллан, вытирая со лба пот, подошел и протянул полисмену руку. Его люди тем временем продолжали подтягиваться и собирались вокруг машин.

— Чертовски рад тебя видеть, Чарли! — улыбнулся Макеллан. — Мы всю ночь были неподалеку отсюда, но я все равно не хочу останавливаться, пока мы не доберемся до фермы Миллеров. Пока мы тут крутимся, кто-то там может ждать помощи, так что мы сначала осмотрим дом, а уж затем сделаем привал и выпьем кофе.

— Конечно, шериф, — понимающе кивнул полицейский.

Двое мужчин посмотрели на собирающихся вокруг людей, которые уже заполнили почти все полотно дороги.

— Перебирайтесь через этот забор и идите полем! — скомандовал Джордж Хендерсон. — За ним и увидите старую ферму.

Сам он, не торопясь, снял со спины тяжелую рацию и передал ее одному из полицейских, сидевших в машине сопровождения. А потом во главе группы стрелков направился через поле к дому Миллеров.

Почти сразу же зазвучали выстрелы.

— Твари! Они повсюду вокруг дома! — раздался чей-то взволнованный голос, и грохот стрельбы разорвал утреннюю тишину.

Все больше людей постепенно подтягивались к дому, и тоже открывали огонь.

Почуввав трупы, полицейские собаки зарычали и натянули поводки.

Отряд плотной цепью двигался через поле, охватывая кольцом старый дом и гараж с бензоколонками, возле которых тщетно пытались спрятаться несколько зомби, — они были сразу же обнаружены и пристрелены.

Ближе к дому тварей стало еще больше, но стрелки продолжали организованно продвигаться вперед, осыпая мертвецов-каннибалов градом пуль.

Несколько тварей попытались укрыться в кабине сгоревшего грузовика, но и там их настиг сокрушительный шквал свинца. Те из них, кому сразу не попали в голову, пробовали бежать, но несколько метких выстрелов тут же вышибли их смердящие гнилые мозги.

Каждый раз, когда поверженный зомби падал, кто-нибудь из спасателей подходил к нему и с помощью мачете одним ударом отделял простреленную голову от мертвого тела. И тогда уже можно было точно сказать, что поганая тварь никогда больше не поднимется на ноги.

Более получаса эхо выстрелов непрерывно носилось над полем, распугивая птиц в лесу, окружавшем старый дом Миллеров.

Глава двадцатая

Бен, все еще стоявший на верхней ступеньке лестницы, теперь уже наверняка знал, что снаружи есть люди. Грохот стрельбы не оставлял в этом никаких сомнений. И Бену показалось даже, что он слышал шум подъехавшего к дому автомобиля. Однако он все еще опасался открывать дверь, поскольку несколько тварей могло до сих пор оставаться в доме. И тем не менее он знал, что открыть дверь ему все же придется...

Медленно, стараясь не шуметь, он начал вынимать из петель тяжелый засов.

Глава двадцать первая

Шериф выстрелил, и зомби, стоявший в пятидесяти футах от него, судорожным движением прижав руки к

лицу, рухнул на землю с глухим стуком, как мешок с картошкой.

Прозвучали еще два выстрела, и пара других тварей тоже упала наземь.

— Эй, ребята! Давайте сюда! — прокричал Макеллан. — Тут еще трое захотели в костер.

Несколько человек с мачете в руках подошли к шерифу и молниеносно обезглавили поверженных хищников.

Макеллан и его люди были уже на лужайке перед самым домом. Они почти непрерывно стреляли, уничтожая обступивших дом многочисленных мертвецов.

— Стреляйте между глаз! — крикнул шериф. — Как я вас учил... всегда цельтесь прямо между глаз!

Частый треск выстрелов не прекращался до тех пор, пока отряд не окружил дом со всех сторон.

Затем, когда уже все твари в поле зрения спасателей были уничтожены, наступила звенящая тишина, и люди медленно стали оглядываться вокруг, изучая окрестности в поисках новых мишеней для стрельбы.

Внезапно из дома раздался громкий шум, словно что-то тяжелое и громоздкое упало с большой высоты. Джордж Хендерсон инстинктивно вскинул автомат и приблизился к Макеллану, начав вместе с ним напряженно прислушиваться и вглядываться в окна.

— Там внутри кто-то есть, — тихо сказал Хендерсон, хотя в этом не было никакой необходимости. — Я слышал шум.

В доме, приготовившись отбиваться до последнего, Бен резким ударом плеча распахнул дверь подвала. Сила инерции вынесла его на середину гостиной, которая оказалась совершенно пустой, — тварей в комнате не было. Вокруг виднелись лишь следы тяжелой борьбы и разрушений после недавнего штурма. Бен стал осторожно пробираться ко входной двери, ежесекундно переступая через обломки своих укреплений и перевернутую мебель. В комнате было тихо и сумрачно. Несмотря на то, что солнце давно уже встало, его лучи почти не проникали сюда сквозь густую листву окружающих дом деревьев. Отдельные доски, болтавшиеся на расшатанных, наполовину выдернутых гвоздях, все еще закрывали окна. Бен протянул руку к тому, что осталось от занавески. Он осторожно приподнял ткань и выглянул наружу, но увидеть ничего не успел — в этот момент совсем рядом раздался сухой щелчок, и Бен отшатнулся от не-

ожиданного удара. На его лбу, прямо между глаз, появилось маленькое отверстие.

В ту же секунду Макеллан свирепо крикнул:

— Какого ты черта стреляешь?! Я же сказал всем быть осторожнее — в доме могут быть люди!

Но человек, опускавший дымящийся револьвер, равнодушно ответил:

— Да нет, вы же видите — твари уже проникли в дом. Значит, каждый, кто был внутри, должен быть мертв. А если он мертв...

Несколько человек во главе с Джорджем Хендерсоном направились ко входной двери. Распахнув ее ударом ноги, они резко отпрыгнули назад, выставив перед собой оружие, и с опаской заглянули вовнутрь. Напряженные взгляды внимательно исследовали комнату. Полоса света, проникавшего через открытую дверь, падала на неподвижно лежащего Бена. Он был мертв. Вошедшие без особого сожаления посмотрели на него и прошли дальше, к двери подвала. Они не знали, что еще минуту назад он был человеком.

Вслед за группой Хендерсона в дом вошли и другие стрелки, и вместе с ребятами Джорджа принялись тщательно обследовать каждую комнату в поисках прячущихся по углам мертвецов. Два человека с мачете в руках подошли к Бену и с безразличным видом стали отрубать его голову.

— Кто-то устроил здесь хорошую драку, — сказал Макеллан Джорджу Хендерсону, когда они уже потягивали кофе на лужайке перед домом. — Чертовски жаль, что они не смогли продержаться еще немного.

— Я только никак не пойму, кто бы это мог быть... — задумчиво ответил Хендерсон, откусывая свой сандвич. — Уж, во всяком случае, не миссис Миллер. Мы нашли все, что от нее осталось, в комнате наверху. Но внука ее так и не удалось найти.

— Я думаю, мы никогда этого не узнаем, — тяжело вздохнул шериф. — Как, впрочем, и многого другого об этом чертовом деле...

Глава двадцать вторая

Тело и голова Бена были брошены в костер вместе с другими останками. И руки в резиновых перчатках с усилием выдернули мясной крюк из его груди.

Затем куча мертвых тел и деревянного хлама была обильно полита керосином, и прикосновение факела заставило ярко вспыхнуть все это жуткое нагромождение.

Люди смотрели на пылающий жаром костер, наблюдая, как мясо с шипением морщится, обугливается и исчезает, обнажая белые кости, подобно тому, как морщатся и исчезают буквы на чернеющей в пламени странице. Наконец они отошли от огня и направились туда, где можно было освободиться от своих крюков и перчаток и вымыть руки в чистом спирте.

Но невыносимое зловоние горячей плоти еще долго преследовало их...

ДЖОН РУССО

Нелюди

«Человек находится ровно посередине между богами и зверями».

Плотин

«Вот уже многие годы я сражаюсь с древней рептилией, сидящей в моем хребте».

Дэвид Боттомс

Глава первая

— Придут змеи... огромные змеи... Они придут, чтобы погубить нас,— пробормотала Мэри Монохэн.

Ее дочь Сара как раз направлялась к ней в спальню, чтобы из ложечки покормить несчастную прикованную к постели старуху овсянкой и гороховой кашей. Едва услышав эти слова, Сара остановилась, не дойдя до двери. Она ждала, что теперь ее мать, как это обычно бывало, начнет цитировать Библию, а именно восемнадцатый стих из шестнадцатой главы Евангелия от Марка: «...Будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». Но, к счастью, на этот раз старуха молчала.

Мэри Монохэн было уже семьдесят три года, из которых шесть последних лет она провела в постели, став инвалидом в тот памятный злополучный день, когда ей понадобилось зайти в их старый крытый толем сарай. Не успела она сделать и шага по скрипучему дощатому полу, как на голову ей неожиданно свалилась тяжелая толстая змея не меньше шести футов длиной. Черная скользкая тварь обвилась вокруг шеи бедной женщины, а потом сползла на пол и с шипением спряталась в щель между досками. Мэри зашла в сарай за мотыгой — в это время они с дочерью как раз работали в саду. Услышав истошные вопли матери, Сара сразу же бросилась ей на помощь. В тот день шестилетняя дочь Сары — Джейни — ни на шаг не отходила от бзбушки, и поэтому Сара особенно испугалась, решив, что случилось что-то страшное. Когда Сара вбежала в сарай, Мэри уже не кричала. Джейни на трясущихся от страха ножках, громко всхлипывая, нетвердой походкой направлялась к двери. Лицо ее побледнело, руки сильно дрожали. Потом вышла и сама Мэри с мотыгой в руке. В тот момент

она походила больше на зомби с пустым взглядом и нездоровым блеском в глазах.

Сара взяла у матери мотыгу и спросила, что с ними произошло. Но та упорно молчала. Однако на теле ни у нее, ни у дочери Сара не заметила никаких повреждений. И наконец заговорила девочка:

— Большая черная змея... упала на бабушку... Такая страшная!.. Я боюсь!..

В тот день Мэри не произнесла ни слова. Она молчала даже за ужином, когда вся их семья обычно оживленно обсуждала последние новости и обменивалась мнениями по поводу происшедших за день событий. Вечером старушка прошла в свою комнату и больше оттуда не выходила. С тех пор Сара потеряла покой. Она кормила мать из ложечки, протирала ее тело влажной губкой, умывала и даже помогала ей садиться на горшок.

Муж Сары, Джордж Стоун, хотел было отправить тещу в клинику Мэйвью неподалеку от Карсонвилла. Но Сара твердо решила, что ни при каких обстоятельствах не отдаст свою мать в сумасшедший дом. И пока Господь не лишил ее сил и мужества, она будет смиренно исполнять по отношению к ней свой христианский долг.

«...Будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им...»

Отец Сары, преподобный Брэди Монохэн, много раз цитировал этот стих из Евангелия от Марка. Он проповедовал истину, заложенную в этих строках, сам свято верил в их правоту и был убежден, что любой праведный и богобоязненный человек способен одержать победу над силами зла. Он погиб от смертельного яда гремучей змеи, которую нес в голых руках перед собранием прихожан. И даже умирая, Брэди Монохэн славил Господа Иисуса Христа. Мэри, тогда еще молодая и полная сил, рыдая, бросилась к мужу. Она хотела разрезать ножом ранку от укуса и умоляла его дать ей высосать яд, но Брэди гордо отстранил ее. При всем этом присутствовала и маленькая Сара — тогда ей было всего восемь лет. Она в страхе молилась, плакала и с ужасом наблюдала, как почернела и распухла рука отца, а потом посинели и губы. Через пять часов он скончался.

С тех пор мать частенько говорила Саре, что отца погубил сатана, явившийся в облике змеи. Надо сказать, что

Мэри всю свою жизнь безумно боялась змей. Но после смерти мужа страх этот перешел все разумные границы. Если ей где-нибудь попадался на глаза даже безобидный крошечный уж, она убегала в свою комнату и, потрясенная, сидела там до вечера, боясь даже выглянуть в окно. Но постепенно отходила и на другое утро была уже в полном порядке. И так было всегда вплоть до того рокового дня, когда в сарае на нее свалилась со стропил огромная черная змея. Видимо, ей показалось, что она встретилась лицом к лицу с самым дьяволом, и от этого душа ее сжалась и спряталась от мира, на этот раз навсегда.

С тех пор прошло уже целых шесть лет. И вот сейчас Сара стояла в дверях спальни, пораженная словами матери «придут змеи...» Дело в том, что за все это время Мэри произнесла всего несколько фраз. Иногда Сара начинала даже думать, что у нее пропал дар речи. Но каждый раз, когда Мэри открывала рот, чтобы заговорить — а за эти шесть лет такое происходило не более десяти раз — она обязательно предсказывала какое-нибудь страшное событие, которое неизбежно должно было произойти. И не было ни единого случая, чтобы ее слова не оказались пророческими. Как-то Мэри сказала, что Том — сводный брат Сары — умрет у себя дома на кухне. И на следующее же утро его действительно нашли мертвым. Бедняга споткнулся, сильно ударился и умер от сердечного приступа.

Сара верила в то, что Святой Дух наделил ее мать ясновидением взамен утраченной способности двигаться и говорить, как другие люди. Ведь этот дар начал проявляться лишь после того случая в сарае. «Пути Господни неисповедимы, — думала она. — Наверное, всемогущий Бог таким образом хочет смягчить для мамы горечь от потери здоровья». Сара считала, что именно по этой причине для несчастной приоткрывается иногда занавес времени, и она видит, что должно произойти с ее близкими. Насколько Саре было известно, этим даром обладали все христианские святые и пророки Ветхого Завета.

А сейчас Сара тщетно пыталась накормить мать. Она несколько раз подносила ложку к ее губам, но старушка упорно отказывалась есть и овсянку, и гороховую кашу. Она стискивала зубы и каждый раз решительно отворачивала голову. Все, что удалось Саре, — это заставить ее выпить несколько глотков горячего чая, настоянного на американском лавре.

— Ну, пожалуйста, мама, поешь чего-нибудь, — умоляла Сара. — Если ты не будешь есть, то не наберешься сил, и тогда не скоро поправишься.

— Придут огромные змеи. Придут, чтобы погубить нас! — еще раз с пафосом произнесла Мэри. И в этот миг ее запавшие глаза озарились вдруг священным пророческим огнем.

Сара вздрогнула, вспомнив своего сводного брата, так нелепо погибшего на кухне. Бедный Том! Его смерть потрясла все селение.

Том был на редкость крепким и энергичным мужчиной. Никто не мог припомнить, чтобы он хоть когда-нибудь заболел. И в дождь, и в летний зной он усердно трудился в поле или же хлопотал по дому и работал в саду. И все же Мэри предрекла его смерть. Она сказала, что Том умрет, и при этом именно на кухне. Господь явно одарил ее способностью видеть то, о чем другим людям не следовало знать.

А вдруг и на этот раз ее заявление исполнено глубокого смысла? Что если она и теперь прорицает истину?

Слова звучали убедительно и зловеще. Мэри выговаривала их с какой-то торжественной уверенностью и было похоже, что сама она знает гораздо больше, чем говорит, и весь жуткий смысл этой фразы не является для нее загадкой.

— Придут огромные змеи... Они придут, чтобы погубить нас.

Саре вдруг показалось, что она заметила через окно какое-то шевеление на опушке, словно из леса начали выползать огромные ядовитые гадюки. Бедная женщина попыталась представить себе, что может случиться дальше, и затряслась от страха, подумав о том, как они пробираются в комнату, и их холодные и скользкие длинные тела обвиняют ее саму и всех домашних.

Глава вторая

В тот же день, когда Мэри Монохэн изрекла свое страшное предсказание, супружеская чета психиатров Чарльз и Анита Уолш отдыхали в тени плюща на широкой каменной веранде своего особняка в поместье Карсон. Это был роскошный старинный дом на десять комнат, украшенный изящными белыми колоннами, высокие окна которого на ночь прикрывались белоснежными ставнями. Супруги обедали. Еду подавала чернокожая Бренда Мичам, исполнявшая одновременно обязанности экономки и поварихи. Сама Бренда и ее двадцатилетняя дочь Мередит питались на кухне, отказавшись разделять с хозяевами трапезу на веранде. С самого начала и Чарльз, и Анита чувствовали се-

бя неуютно от того, что им приходилось содержать прислугу, и всячески пытались обращаться с Брендой, как с равной. Но мало-помалу они начали понимать, что и слугам непривычно такое обращение. Им гораздо удобнее просто подчиняться хозяйской воле и не вносить в свою жизнь дополнительных сложностей, и поэтому теперь Бренда и Мередит только и ждали, когда же Уолшам надоеет такая демократия, вопрос будет закрыт и к ним начнут относиться, как и подобает к слугам, и не более того.

Оба супруга Уолш работали в психиатрической клинике в Ричмонде, довольно далеко от своего поместья. Чарльз Уолш в свои сорок пять лет сохранил прекрасную атлетическую фигуру, хотя для своего роста и казался, возможно, несколько худоватым. Он постоянно поддерживал себя в отличной спортивной форме, для чего, будучи в городе, трижды в неделю ходил играть в гандбол, хоть это и требовало от него тщательного расчета времени, чтобы хобби не повредило его работе с пациентами. У него были густые белоснежные волосы — черноволосый в юности Чарльз поседел сравнительно рано, к тридцати годам, но несмотря на эту седину лицо его выглядело на удивление молодым и свежим — на нем не было ни одной морщинки, а в глазах светился почти что мальчишеский задор.

Анита Уолш была на шесть лет младше мужа и могла бы выглядеть еще моложе, если бы не лишний вес, хотя именно эта полнота и придавала ей солидность. Свои длинные черные волосы Анита укладывала в пучок и носила летом простую одежду — белую кофту и коричневые брюки. пышная грудь и округлые формы придавали ей вид весьма привлекательной, хотя и крупной дамы. Однако одним из пунктов программы, которую Анита наметила для себя на лето, было как раз снижение веса. И пока Чарльз с аппетитом уплетал жареного цыпленка с бобами под соусом, несчастная Анита со страдальческим видом жевала кусочек пресного домашнего сыра, запивая его диетической кока-колой.

— Как мне хочется быть такой же, как ты, — жаловалась она мужу. — Сколько бы ты ни ел, все равно в весе не прибавляешь.

— Это потому, что я постоянно сжигаю избыток калорий, — отвечал обычно Чарльз. — А если бы я не занимался спортом, то и у меня все калории начали бы автоматически превращаться в жир.

Вот и сейчас у них шел примерно такой же разговор.

— Я тоже каждый день делаю гимнастику, — сокрушенно вздыхала Анита. — Но у меня совершенно другой

обмен веществ. Если бы у тебя был такой организм, как мой, ты бы понял, как тяжело все время сидеть на диете и при этом не получать почти никаких результатов.

— Ничего страшного. У тебя вполне нормальный вес.— При этих словах Чарльз недвусмысленно подмигнул ей и соблазнительно облизнулся — Если хочешь знать, то твоя полнота мне даже нравится. Ты просто идеал викторианской эпохи — настоящая хозяйка патриархального поместья Карсон.

— Да, я, пожалуй, пришлось бы по вкусу джентльменам из прошлого века, — сказала Анита и притворно надула губы, будто бы комплимент мужа только обидел ее. И хотя глаза ее улыбались, Анита с тяжелым вздохом принялась допивать свою кока-колу, наблюдая, как Чарльз в это время с наслаждением приступил к самому вкусному лакомству — мятному коктейлю с коньяком. В такие минуты он обычно представлял себя в роли хозяина бескрайних хлопковых или табачных плантаций.

Они молча любовались цветущими лугами, простирающимися за каменной оградой усадьбы, и огромными раскидистыми платанами и плакучими ивами, со всех сторон наступавшими на их обширные владения, но до сих пор не могли еще свыкнуться с мыслью, что вся эта красота принадлежит им. Земли Карсон представлялись им волшебным сном, ставшим явью. Поместье, расположенное у подножия живописных гор Шенандоа, давало Уолшам мир и покой вдали от суеты и забот шумного города. Дядя Аниты, Горацкий, был состоятельным владельцем сети антикварных магазинов, однако торговал он не только предметами старины, но и недвижимостью, и оставил эти владения в наследство любимой племяннице. Чарльзу и Аните сразу понравились и дом, и земельные угодья, но они поначалу плохо представляли себе, как можно управлять таким огромным имением и при этом не разориться на выплате годовых налогов. Но в конце концов они решились оставить усадьбу себе, рассчитывая, что именно здесь у них появятся дополнительные доходы, а налог на недвижимость из-за амортизации постепенно снизится. Зато каждое лето им будут обеспечены интересная работа и прекрасный отдых. Доходы на содержание усадьбы им давали теперь так называемые «встречи поссорившихся супругов», то есть сеансы психотерапии. В течение всего июня и июля на четыре дня в неделю к ним съезжались супружеские пары, у которых в семейных отношениях возникали какие-либо серьезные проблемы, и Уолши вместе со своими пациентами в тихой приятной обстановке устраняли их разногла-

сия и разрешали всевозможные противоречия. В результате у них каждую неделю оставалось еще по три свободных дня, и они полностью посвящали их работе над статьями и книгами по психиатрии, которые публиковали в соавторстве. Август же целиком отводился для отдыха и развлечений. Все остальное время они работали в больнице в Ричмонде.

Анита приходила в восторг от того, как преображался Чарльз, приезжая в поместье. На все лето он сам становился похожим на этот образец антикварной редкости — этакий попивающий мятные коктейли джентльмен времен Гражданской войны или какой-нибудь еще более древней эпохи. Казалось, он только что вернулся с собственной плантации — в высоких сапогах, галифе и стетсоне с неимоверно широкими полями. При этом он непременно повязывал на шею цветастый платочек и носил белые рубашки с длинным рукавом и очень узкими манжетами. Чарльз обожал верховую езду и даже убедил Аниту брать у него уроки, а потом они купили себе двух прекрасных лошадок породы «паломино» и выстроили для них небольшую конюшню позади дома.

Чарльз давно уже интересовался историей рабовладельческого Юга и Конфедеративных Штатов Америки¹, хотя сам был уроженцем Севера и воспитывался в Кливленде. Он яростно осуждал рабство и искренне ненавидел его, но в то же время восхищался аристократами, которых во время войны зачастую поддерживали даже их собственные рабы. Романтический идеал доблестного рыцаря прошедшей эпохи был для Чарльза настолько привлекателен, что современники с их расчетливостью и цинизмом казались ему просто жалкими и ничтожными по сравнению с героями минувших дней. Впервые Чарльз и Анита встретились в Ричмонде в клинике, куда его направили работать интерном. В то время Анита Бледсо была еще студенткой и училась на медицинском факультете Виргинского университета. Может быть, именно потому, что Анита с детства росла в окружении «наследия Юга», она не слишком восхищалась его традициями и не разделяла восторгов Чарльза. Еще девочкой она не раз навещала дядюшку Горация в этом имении, и оно всегда казалось ей унылым и даже гнетущим. В доме повсюду были наставлены какие-то древние и никому не нужные вещи, вместо современных — простых и красивых. Теперь же, когда поместье

¹ В 1861—1865 гг. объединение 11 южных рабовладельческих штатов США, отделившихся от Союза и развязавших в США Гражданскую войну 1861—1865 гг. (Примеч. пер.).

Карсон целиком перешло во владение семьи Уолш, она по-настоящему оценила эту самобытную красоту. Дядя Гораций был на редкость скупым человеком, и хотя он питал к племяннице самые сентиментальные чувства, Анита все же была сильно удивлена, узнав, что он завещал все именно ей, хотя намного разумнее было бы передать этот дом во владение штата в качестве музея.

— Представляешь,— рассказывала она Чарльзу,— когда я была еще девочкой, это место казалось мне хуже преисподней!.. Тоска, скукотища!.. Когда родители брали меня с собой в гости к дяде Горацию, это была самая настоящая пытка. Я только и ждала того момента, когда снова приеду в Ричмонд, встречу с друзьями и вновь окунусь в водоворот бесконечных танцев, вечеринок и походов по кинотеатрам. Но теперь я взрослый человек и не могу даже представить себе, как можно было жить в таком бешеном ритме. Невероятно, как я могла не замечать тогда всей этой умиротворяющей прелести

— А молодежь никогда не стремится к умиротворению,— сказал Чарльз, и глаза его заблестели.— У юных— вечный жар в крови. Им нужны острые ощущения, постоянное возбуждение и дикий необузданный секс.

— Нет, я вовсе не хочу сказать, что уже совершенно отошла от всего этого,— попыталась оправдаться Анита.— Время от времени и мне хочется чего-то необычного и интересного. А тебе?..— Она с ожиданием и надеждой кокетливо посмотрела на мужа.

— Если бы Бренда сделала этот коктейль немного покрепче, то единственно, чего бы мне сейчас захотелось, так это хорошенько вздремнуть.

С этими словами Чарльз покончил с остатками мятного напитка, который в самом деле оказался на этот раз довольно водянистым. Он поставил стакан на стол и сладко потянулся. И в это время послышался скрип шин старого пикапа. Это возвращались с обеда Джордж Стоун и его маленькая дочка Джейни.

— Сегодня они прибыли на целый час раньше,— заметила Анита, взглянув на свои часы.— Интересно, почему?

— Мы с тобой такие приятные люди, что все так и рвутся к нам на работу,— улыбнулся Чарльз.— И не могут прожить без нас ни минуты.

— Скорее всего они рвались подальше от своей ворчливой Сары,— засмеялась Анита.— Наверное, она уже успела порядком допечь их за сегодняшний день.

Супруги приветливо помахали Джорджу и Джейни, когда те вышли из машины и направились к ним. Джордж

Стоун имел вид человека, смертельно уставшего от жизни и окончательно разочаровавшегося во всех ее прелестях. Это был высокий костлявый мужчина средних лет с великолепной рыжей шевелюрой, носил всегда старые истрепанные башмаки, клетчатую рубашку, а поверх нее — грубый синий комбинезон. В свое время он начинал фермером, потом решил стать шахтером, но вскоре шахты закрыли как невыгодное предприятие. И тогда Джордж начал подрабатывать в поместье Карсон в качестве управляющего и при этом не считал нужным сообщать о своих доходах налоговой инспекции.

Этим летом, как только закончились занятия в школе, Джейни стала по крайней мере дважды в неделю ездить в поместье вместе с отцом и, помогая Уолшам по хозяйству, начала зарабатывать свои собственные деньги. Ей уже исполнилось двенадцать лет, и она очень походила на своего отца — была такая же рыжеволосая и веснушчатая и даже одевалась в точности как отец — в такую же клетчатую рубашку и комбинезон из грубой синей ткани. Только лицо ее всегда светилось радостью, и она была полна энергии и жизненных сил, которые давным-давно уже покинули тело и душу ее несчастного забитого родителя.

Джордж снял заляпанную машинным маслом красную теннисную кепку и, неловко теребя ее в руках, ссутулившись, поплелся вверх на веранду по широкой каменной лестнице. Через минуту он в самом жалком виде предстал перед своими работодателями. Джейни же повела себя значительно проще: ловко перепрыгивая через две ступеньки сразу, она широко улыбнулась и прокричала:

— Привет, доктор Чак! Привет, доктор Анита!

При этом девочка даже не обратила внимания на укоризненный взгляд отца, который всем своим видом пытался дать ей понять, что нельзя вести себя так развязно с настоящими «господами».

— Садитесь, пожалуйста. Устраивайтесь поудобнее, — сказал Чарльз, стараясь быть с Джорджем как можно дружелюбнее. — Мы сегодня успели уже переделать уйму дел, так что ближе к вечеру, наверное, поедem кататься.

— Хорошо, — сдержанно ответил Джордж и снова искоса посмотрел на дочь. — Я уже говорил Джейни, что первое, что она должна сейчас сделать, — это пойти в конюшню и как следует почистить Пулю и Молнию.

— Я уже бегу! — радостно закричала девочка, счастливая оттого, что ей доверили самостоятельно почистить лошадей.

— И поторапливайся! Ты помнишь, где лежат щетки?.. Только не вздумай там дурачиться или играть с ними. Работай добросовестно. И помни: только когда у тебя руки начнут отваливаться от усталости — вот тогда работа сделана как надо. А потом можешь дать им корма.

— Правда? Ты мне разрешаешь? — Джейни не верила своим ушам.

— Да,— подтвердил Джордж.— И давай поживее...

Но он напрасно поторапливал дочь — последние его слова Джейни уже не слышала; она вовсю мчалась вниз по лестнице и, одолев одним прыжком три нижних ступеньки, бегом понеслась вокруг дома и вскоре скрылась за поворотом.

Чарльз и Анита весело рассмеялись. Но Джордж по-прежнему оставался серьезным и каким-то мрачным. Очевидно, он хотел рассказать что-то врачам, но не знал, с чего начать. Наконец он прокашлялся и заговорил:

— Если верить словам Сары, то моя теща сегодня вновь обрела дар речи. Утром, вернее, уже около полудня, она пробормотала что-то насчет змей, которые придут, чтобы погубить всех нас. Какая-то бессмыслица... Но Сара говорит, что старуха повторила эти слова три или даже четыре раза.

— А больше она ничего не говорила,— забеспокоился Чарльз.

— Нет. Только про змей... Что огромные змеи придут и погубят нас.— Джордж вздохнул и покачал головой, как бы извиняясь за то, что его теща находится в таком состоянии.

— Может быть, мне поехать к вам и попытаться ее разговорить? — предложил Чарльз.

— Я был бы вам крайне признателен, если, конечно, это вас не затруднит.

Они поехали к дому Стоунов в «лендровере» Чарльза. Путь длиною в три мили пролегал через поля и леса долины Карсон. Дорога была грязная и ухабистая, и машину сильно трясло на поворотах. Почти все в этом округе носило имя Карсонов — в честь первых владельцев здешних мест. С самых давних времен и до конца Гражданской войны Карсонам принадлежало тут буквально все: долина Карсон, поместье Карсон, ручей Карсон, церковь Христа-Спасителя имения Карсон. Ближайший город с населением чуть более тысячи человек находился в восемнадцати милях от поместья и назывался, естественно, Карсонвилл.

Усадьба, принадлежавшая сейчас Уолшам, составляла лишь малую часть некогда огромных фамильных владений плантаторов, чье хозяйство велось по классическим феодальным законам. После отмены рабства семья Карсонов окончательно разорилась, лишившись последних средств в тщетных попытках сохранить единство Конфедеративных Штатов, и впоследствии была вынуждена продать все свои земли одному из «саквояжников»¹, который незамедлительно раздробил владения на маленькие участки и сдал их в аренду всем желающим. В настоящее время долина Карсон пребывала почти в полном запустении, кое-где на пути встречались старые пепелища и полуразрушенные дома и амбары. Поля повсеместно заросли высокими сорняками — их никто не засеивал уже много лет. Те же, кто еще оставался здесь, подобно семье Стоунов, больше не занимались фермерским хозяйством, а старались найти себе хоть какую-нибудь работу на ближайших шахтах и заводах.

По дороге доктор Уолш предупредил Джорджа, что у Мэри Монохэн все-таки мало шансов на полное выздоровление. То, что она снова заговорила, было очень странным и с большой вероятностью могло закончиться только этими словами.

— И все же,— пояснил Чарльз,— самое время навесить ее именно сейчас, когда она захотела передать вам что-то по собственному желанию, без всякого принуждения. Возможно, что у нее наконец возникла потребность в общении. Конечно, я постараюсь сделать все, что в моих силах, но не хочу ничего заранее обещать и тем более обнадеживать ни вас, ни Сару.

— Я все понимаю, доктор Чак,— мрачно кивнул Джордж.— Что же касается моей жены, то она давно уже оставила всякие надежды насчет выздоровления своей матери, и даже сейчас она уговаривала меня не ехать, так как считает, что ваши хлопоты все равно окажутся бесполезными.

Они остановились у старого обветшалого дома и вышли из машины. Краска на стенах здания потемнела от времени и местами облупилась, на крыше виднелись большие пятна ржавчины. За домом яростно залаяла цепная собака. На пороге появилась Сара. Чарльз переложил свой черный кожаный саквояж из правой руки в левую и приподнял шляпу, здороваясь с хозяйкой. Доктор прекрасно понимал лю-

¹ «Саквояжники» (ист.) — северяне, добившиеся влияния и богатства на Юге после Гражданской войны 1861—1865 гг. (Примеч. пер.).

дей и знал, что за приветливыми словами Сары скрывается совсем другое. Женщина держалась напряженно и скованно, и хотя она без конца благодарила доктора за приезд, чувствовалось, что она крайне недовольна его появлением в своем доме.

— Такова воля Господа,— сказала она, теребя костлявыми пальцами свой изношенный передник, надетый поверх вылинявшего ситцевого платья.— Такова воля Господа, и не нам, грешным, пытаться что-либо изменить. Проходите наверх, пожалуйста. Попробуйте поговорить с мамой. Хотя мне почему-то кажется, что вы не выжмете из нее больше того, что уже удалось мне. В конце концов, я ее плоть и кровь, и мне-то она доверяет куда больше, чем кому бы то ни было...

Чарльз был удивлен ее словами. Иногда ему даже начинало казаться, что Сара вовсе не хочет, чтобы ее мать выздоровела. У него в практике уже были подобные случаи: здесь главную роль играл страх потерять свою неповторимость и исключительность. Сейчас Мэри полностью зависела от своей дочери, и поэтому они стали особенно необходимы друг другу. Весь смысл жизни для Сары теперь сводился к этой целиком зависящей от нее беспомощной старушке. И если эта зависимость неожиданно перестанет существовать, то вместо нее может наступить пустота и ощущение собственной ненужности, а не облегчение от того, что бремя забот наконец-таки спало.

Они прошли в гостиную, до отказа заполненную старой поломанной мебелью, а оттуда Джордж провел Чарльза по шаткой скрипучей лестнице наверх в спальню Мэри Монохэн. Воздух в комнате был настолько спертый, что доктор невольно отшатнулся. Окна спальни и днем и ночью оставались закрытыми, от батареи включенного газового отопления исходил жар, и кроме того, безжалостное июньское солнце своими отвесными лучами раскаляло крышу дома, но, несмотря на это, старая женщина лежала под несколькими одеялами, голова ее утопала в огромных пуховых подушках, а тело покоилось на толстой, пропитанной потом перине, и создавалось впечатление, что женщина уже находится за пределами жизни.

— Добрый день, Мэри,— сказал Чарльз.— Как вы себя чувствуете?

Старуха не отвечала, но доктор не обращал на это никакого внимания. Он осторожно откинул толстый слой одеял, чтобы осмотреть хрупкое иссушенное тело больной.

— Меня зовут Чак, доктор Чак... Вы меня помните? Я просто хочу убедиться, что у вас нет пролежней.

— Никаких пролежней у нее и быть не может!— злобно рывкнула Сара, доктор от неожиданности вздрогнул и оглянулся. Ему почему-то казалось, что она осталась внизу. Очевидно, он был так озабочен состоянием Мэри, что даже не услышал, как она подкралась сзади и встала у него за спиной.

— Я постоянно ее мою,— не унималась Сара.— А еще я покупаю для нее мази и тальк и не забываю переворачивать ее каждые два часа, как и положено.

— Хорошо-хорошо...— примирительным тоном произнес Чарльз и снова обратился к Мэри: — Видите, Мэри, какая у вас заботливая дочь! Вам просто повезло. Она вас очень любит.— Из чемоданчика он достал прибор для измерения давления крови.— Ну, а теперь давайте посмотрим, можно ли нам выходить на улицу. Вы ведь не отказались бы выйти сейчас прогуляться немного, а?

Мэри дернулась, и все ее тело напряглось, когда Чарльз начал обматывать иссохшую дряблую руку надувным манжетом. Старуха задрожала так, что затрепетали кружева на ее протертой до дыр ночной рубашке. Бывшие когда-то черными, а теперь блеклые и подернутые мутной пеленой глаза Мэри, запавшие под огромные морщинистые мешки век и почти невидимые на бледном лице с раздутыми склерозом сосудами, вдруг выпучились до предела и, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Старушечий рот раскрылся, слюнявые губы затряслись, и заплетающимся языком она хрипло прошептала:

— Огромные змеи... Огромные змеи... придут, чтобы погубить нас...

— Какие именно змеи? — спросил тут же Чарльз, чтобы заставить ее говорить дальше.

Но Мэри больше ничего не сказала. Чарльз пробовал выжать из нее хоть одно-единственное слово, задавая разные вопросы и провоцируя на разговор самыми неожиданными замечаниями, но все было тщетно.

— Оставьте ее в покое! — наконец не выдержала Сара.— Неужели до вас еще не дошло, доктор Чак, что от вас сейчас, кроме вреда, уже ничего больше не будет?!

— Простите,— сказал Чарльз. Он и сам постепенно начинал раздражаться.

— Спасибо вам за то, что вы приехали,— пробормотал Джордж.— И сделали все возможное.

— Вы не против, если я хотя бы измерю ей давление и прослушаю сердце? — предложил Чарльз.

Сара бросила на него холодный взгляд, резко повернулась и вышла из комнаты, громко стуча башмаками по лестнице.

— Делайте все, что считаете нужным,— согласился Джордж.

Чарльз достал фонендоскоп, прослушал сердце и легкие, осмотрел полость рта. Затем проверил кожные рефлексы и обнаружил, что они стали еще более вялыми, чем прошлым летом, когда он последний раз был у Стоунов. И давление тоже оказалось пониженным.

— В принципе она чувствует себя неплохо,— сказал он Джорджу после осмотра.— Конечно, общее состояние слабое, но этого и следовало ожидать — ведь она постоянно находится в постели без движения. Ей было бы лучше в больнице — по крайней мере там она была бы под постоянным врачебным контролем, ей могли бы каждый день делать все необходимые процедуры...

— Сара не разрешит забрать ее,— угрюмо ответил Джордж.

— Понимаю,— посочувствовал Чарльз и грустно покачал головой.— И знаете... Может быть, она и права в чем-то. Ведь нет никаких гарантий, что в больнице Мэри выздоровеет. А иногда бывает и так, что пациенты буквально гаснут на глазах только из-за того, что не видят своих близких; особенно если они уже привыкли к тому, что за ними ухаживают их родные.

— Сара тоже так говорит.

— Да, она очень мужественный человек. Вряд ли кто-нибудь сможет сделать для своей матери больше, чем она.

Когда Джордж и доктор уже садились в «лендровер», собираясь в обратный путь, Сара вышла на крыльцо и молча посмотрела на них, а когда машина тронулась, она громко прокричала им вслед:

— Такова воля Господа!

По дороге в поместье Чарльз вспомнил о необычных способностях Мэри и о том, как реагировали на них местные жители. О ней буквально ходили легенды. И каждый раз, когда она произносила какие-нибудь слова, все в округе считали, что в них скрыт какой-то ужасный тайный смысл, и ожидали несчастья. Чарльзу припомнился Том Стоун, который умер в собственной кухне от сердечного приступа буквально на следующий день после того, как Мэри предсказала это. Потом старуха заговорила о некой «кровавой руке», настойчиво повторяя это несколько раз. А через три дня местный почтальон Джек Уайз полез под

косилку, чтобы извлечь из механизма попавшую туда виноградную лозу, и ему оторвало три пальца на правой руке. Что это — легенды? Совпадения? А может быть, предчувствие? Чарльз не мог ответить на эти вопросы. Однако он был склонен считать, что здесь имеет место нечто, напоминающее ясновидение или телепатию. Ведь если у человека сознание затуманено уже несколько лет, то, вероятнее всего, начинает активнее работать подкорка мозга, и от этого развивается сверхчувственное восприятие.

И тем не менее, даже если предположить, что Мэри Монохэн и обладает таким даром предвидения, все равно остаются непонятными ее слова насчет огромных змей. Скорее всего это просто маразматический бред сумасшедшей старухи, которая всю свою сознательную жизнь как огня боялась ядовитых змей и жила в вечном страхе перед рептилиями. Но, несмотря на то, что ее собственный муж умер на ее глазах от укуса гремучей змеи во время культовой церемонии секты змееносцев в церкви Христа-Спасителя имени Карсон, Мэри продолжала посещать эту церковь вплоть до того самого дня, когда она окончательно слегла после шока в сарае. Остальные же члены семьи — Джордж, Сара и Джейни — и до сих пор не пропускали ни единой службы. А прошлым летом и сам Чарльз как-то пришел на молебен, чтобы потом описать его в психиатрическом журнале.

По его мнению, члены секты змееносцев были движимы гораздо большим, нежели просто буквальной трактовкой восемнадцатого стиха из шестнадцатой главы Евангелия от Марка — они были патологически одержимы своей христианской чистотой и праведностью, и змеи нужны были им для доказательства того, что их преданность Христу гораздо сильнее, чем у всех остальных верующих.

— Если вы не веруете в Господа Бога, — нараспев предупреждал суровый проповедник с лошадиными зубами, — то вам лучше держаться подальше от ящика со змеями. Если вы не веруете в Спасителя нашего Иисуса Христа — отойдите прочь от ящика со змеями.

— Аминь! Восславим Господа! — хором отзывались прихожане.

А в это время проповедник продолжал:

— Если слова ваши наполнены ложью, если грехи легли на вашу душу — отойдите подальше от ящика со змеями!

Прихожане начали нараспев повторять: «Иисус Христос! Иисус Христос! Иисус Христос!» — а проповедник встал на колени и висевшим у него на шее ключом открыл

большой деревянный ящик, в котором сверху были просверлены отверстия для того, чтобы змеи могли дышать. Те, кто осмелился взять змей в руки — а их оказалось пятнадцать человек из полусотни присутствующих в маленькой сельской церкви, — вышли вперед и встали в круг. Джейни и Сара остались на своих местах, а Джордж вышел вперед и присоединился к кругу избранных. Проповедник приподнял крышку и вынул оттуда целый клубок блестящих извивающихся ядовитых змей. Голоса зазвучали громче:

— Иисус Христос! Иисус Христос!..

Чарльз Уолш перепугался сильнее, чем мог ожидать. Ему почему-то казалось, что каждый желающий возьмет в руки только по одной змее. Он легонько толкнул локтем Сару и шепотом поделился с ней своими мыслями.

— Ну, одну змею!.. Это было бы слишком просто! — самодовольно усмехнулась она. — Неверующие только начали бы смеяться над нами. А вот если кто сможет держать сразу много змей, то тогда никто уже не скажет про него, что в нем нет священной силы!

На всякий случай Чарльз захватил с собой противоядие, но оставил коробку с ампулами в машине. Он подумал, что ему вряд ли разрешат принести лекарство в церковь — ведь это было бы прямым оскорблением религиозных чувств змееносцев и знаком неуважения по отношению к самой их вере. Но только что если кого-нибудь из них и в самом деле укусит змея? Как тогда должен реагировать Чарльз? Попытаться насильно ввести лекарство, даже если жертва будет сопротивляться этому? Или ему придется стоять поблизости и беспомощно наблюдать за предсмертной агонией несчастного?

Чарльз прекрасно понимал, что если любая из этих тварей вонзит свои зубы в человека и попадет в одну из центральных артерий, то у него не останется даже времени, чтобы добежать до машины и достать свой спасительный чемоданчик. Большая доза яда моментально достигнет сердца, и человек умрет за считанные секунды. Если же яд попадет в мелкие кровеносные сосуды, то у него будет шанс ввести сыворотку, и тогда, может быть, противоядие успеет подействовать. Конечно, можно уповать на то, что не у всех змей в данный момент мешочки до отказа наполнены ядом, или на то, что укус может быть не очень глубоким — и тогда, если несчастье все же произойдет, человек сможет выжить и без всяких лекарств, но в этом случае все прихожане будут убеждены в том, что от смерти жертву спасла только глубокая истинная вера.

— Восславим же Господа! — не унимался проповедник. — Уверуйте в Иисуса Христа! И пусть те, у кого душа запятнана грехом, убоятся этих змей!

С этими словами он передал извивающийся клубок стоящему по правую сторону от него худощавому парню, одетому точно так же, как Джордж Стоун, — в клетчатую рубашку и комбинезон из грубого полотна. Тот осторожно принял змей обеими руками и молча наблюдал, как они кольцами обвивают его запястья и предплечья. Потом он приподнял их повыше и поднес к лицу. На лбу у парня выступили капли пота, но с губ не сходила блаженная улыбка. Затем он опустил руки и передал змей стоящей по соседству с ним бледной полной даме.

Она взяла их дрожащими руками, подержала несколько секунд и вручила светловолосой девушке, которой на вид было не более десяти лет. Казалось, этот невинный ребенок даже не осознает всей опасности происходящего. Она держала змей до тех пор, пока руки у нее не устали от тяжести извивающихся скользких тел. Змеи лениво ползали по рукам девочки, не делая ни малейшей попытки укусить ее.

— И ребенок поведет их! — выкрикнул проповедник, обнажив свои лошадиные зубы. Его громкий голос перекрыл даже общее пение прихожан.

Девочка передала клубок ядовитых тварей Джорджу Стоуну. Чарльз осторожно покосился на Сару и Джейни, наблюдая за их реакцией. Джейни сперва нервно закусила губу и прищурилась, а потом выпучила от страха глаза и сжала руки так, что костяшки пальцев у нее побелели. Сара грохнулась на колени и, глядя на мужа безумными остекленевшими глазами, не переставала зычно голосить:

— Иисус Христос! Иисус Христос!..

Неожиданно Джейни пронзительно взвизгнула, а потом зашлась в диком завывании — одна змея вырвалась из плотного клубка и ползла теперь прямо к горлу ее отца.

— Господи, я готов умереть, если ты хочешь забрать меня! — в экстазе выкрикнул Джордж.

Змея подползла к его шее и хищно разинула пасть, показывая острые ядовитые зубы, но через несколько секунд отползла назад и вновь нырнула в клубок, слившись с остальными гадами в единое целое. Джордж опустил руки и передал свою ношу стройной симпатичной девушке.

Спустя некоторое время круг замкнулся. На этот раз ни одного из храбрецов змей не тронули.

После церемонии Джордж Стоун признался Чарльзу:

— Когда на меня снисходит Святой Дух, во мне исче-

зает всякий страх перед змеями. А они каким-то образом чувствуют этот страх и кусают именно тех, кто боится.

— Да? — недоверчиво спросила Сара. — Мой отец никогда их не боялся, а его змея все равно укусила.

— Твой отец — преподобный Брэди Монохэн — умер, исполняя Божью волю. На него в тот момент снизошла благодать Господня, — объяснил проповедник. — Это слово Божье, и мы должны выполнять его. Нам надо делать все так, как сказано в Библии. А Бог приказал нам брать змей в руки.

— Змеи — это сам сатана, — с пониманием подтвердила Сара, — сатана и его приспешники. И только тот, на ком нет греха, не боится близости лукавого.

Вспомнив это замечание Сары, Чарльз подумал сейчас: «А не может ли сегодняшнее предсказание Мэри нести в себе какую-то аллгорию? Ведь вполне вероятно, что им еще предстоит пережить из-за змей какое-нибудь несчастье. Может быть, именно его и предчувствует подсознание старухи? Скорее всего она и имела в виду опасность змей, говоря, что они придут, дабы погубить нас».

Глава третья

Джейни Стоун каждый раз становилось грустно, когда кончался рабочий день и надо было ехать домой. Позади оставались и веселье, и свобода. Но то, что она делала для Уолшей, даже нельзя было назвать настоящей работой — ведь кроме того, что она таким образом помогала родителям зарабатывать деньги, девочка исполняла все поручения с огромным удовольствием. Сейчас в кармане ее комбинезона лежала пятидолларовая бумажка, и всю дорогу до дома она осторожно гладила ее сквозь грубую синюю ткань, подпрыгивая на жестком сиденье отцовского пикапа. Разумеется, мать сразу же отберет деньги, но и это не очень расстраивало ее — все равно ей было приятно провести в поместье такой интересный день.

Джейни вычистила лошадей — Пулю и Молнию — и сама напоила и накормила их. Потом помогла Чарльзу и Аните оседлать скакунов и надеть уздечки, чтобы вечером можно было ехать кататься. И отец даже разрешил ей сесть на Молнию и немного пройтись легкой рысью внутри загона.

Джейни всегда удивлялась тому, что когда они с отцом оставались одни, уезжая в поместье — подальше от мамы и бабушки, — им сразу же становилось так хорошо и свободно, как, наверное, бывает лошадям без привязи. Джейни

казалось, что примерно так почувствовали бы себя Пуля и Молния, если бы им разрешили перепрыгнуть через ограду и вдоволь носиться по полям и лугам вокруг усадьбы. Но она тут же решила, что думать так — грех, и отбросила прочь эти мысли.

Джейни очень хотелось, чтобы ее мать стала похожей на доктора Аниту, чтобы она была такой же веселой, часто шутила и смеялась. Тогда отец не так сильно грустил бы, когда наступало время уезжать домой. Садясь в пикап, она каждый раз замечала, как потухает огонек в его глазах, а сам он как будто становится меньше, и при этом плечи его сами собой опускаются, а нижняя челюсть безвольно отвисает. И все это происходит буквально за те несколько минут, которые требуются, чтобы добраться на машине до дома. Ведь до поместья Уолшей ехать всего три мили.

Как только Джейни с отцом открыли тяжелую скрипучую дверь и вошли в кухню, Сара бросила на них такой холодный, полный ненависти взгляд, что они в испуге переглянулись, а потом виновато посмотрели на свои ноги. Но все было в порядке — оба они стояли в носках. Может быть, Сара просто не заметила этого? И хотя их башмаки почти не запылились в дороге, они все равно оставили их у крыльца. Отец и дочь молча умылись и аккуратно вытерли руки длинным полотенцем, причем делали они это исключительно осторожно, все время переживая, как бы капля воды не упала случайно на пол.

— Я только что натерла полы! — рывкнула Сара. — Не дай Бог, вы их забрызгаете!

Потом вся семья в молчании уселась за обшарпанным круглым деревянным столом в захлавленной полутемной кухне, напоминавшей большой пыльный ящик. Обои здесь давно уже выгорели и обтрепались, и теперь свисали со стен грязными лохмотьями, расшатанные стулья громко скрипели, зато под ногами сверкал натертый мастикой линолеум, который был, пожалуй, их единственным приобретением за долгие годы. Сара и Джейни прочитали молитву. Затем приступили к еде. На ужин Сара приготовила свиные отбивные, жареную картошку и яблочную подливку. После работы в поместье у Джейни всегда разыгрывался волчий аппетит, и она ела очень много — наверное, не меньше отца. Сара же, напротив, едва прикоснулась к пище, а потом отложила вилку и сидела молча, критически оглядывая дочь.

— Джейни! — вдруг крикнула она. — Не смей больше носить рубашки, понятно? В сентябре тебе уже будет тринадцать лет. Хватит вести себя, как мальчишка. Ты уже

почти женщина, и это становится заметно! Придется покупать тебе нижнее белье, чтобы ты одевалась, как подобает женщинам.

Джейни покраснела, догадавшись, что мать имеет в виду бюстгальтер. Она с ужасом подумала, что ей действительно придется когда-нибудь носить его. Что можно испытывать, кроме отвращения и неудобства, когда тебя облачают в такую штукювину из ткани, металлических застёжек и резинок? Бедная девочка не успела еще как следует почувствовать всех прелестей беззаботного детства, как вдруг ее растущий организм, по мнению матери, начал требовать, чтобы она уже одевалась как взрослая. А Джейни к этому совсем не была готова. Она вздохнула и, вопросительно посмотрев на мать, пролепетала:

— Можно я завтра поеду с папой в поместье?

— Нет! Могла бы даже не спрашивать. Ты и так уже на этой неделе была там два раза. У меня и дома есть для тебя кое-какая работа. Я не могу одна и кормить бабушку, и торчать на кухне, и возиться в огороде.

— Но, мамочка, завтра же к ним съезжаются гости!..

— Тем более тебе лучше остаться дома. Если тебе разрешить, так ты там и вовсе жить останешься.

— Но доктор Чарльз и доктор Анита не против, чтобы я к ним приезжала. Они говорят, что из меня получится отличный работник. Сегодня я сама заработала целых пять долларов, и...

— После ужина отдашь эти деньги мне. А какой ты работник, мы посмотрим завтра с утра. Как проснешься — сразу же в огород пропалывать грядки!

— Ну Сара, пусть она поедет со мной, — умоляющим тоном начал Джордж. — Завтра в поместье как раз будет очень интересно. А Джейни так этого ждала! У нее и без того каникулы получаются не такие, как у других детей.

Сара смерила мужа мрачным презрительным взглядом.

— По-моему, тебе уже наплевать на то, что эти Уолши постепенно становятся для нее дороже собственных родителей, что они забивают ее детскую голову всяким вздором! Смотри, скоро она станет язычницей! И не думай даже вставать у меня на дороге, Джордж. То, что я сказала, — для нее закон. Я еще не простила тебе того, что ты без моего согласия притащил сюда этого докторишку. Ни один врач в мире не в состоянии уже помочь маме; теперь она во власти Господа. Помни об этом!

— Знаешь, что мне иногда кажется, Сара? — осмелев, заговорил Джордж. — Мне кажется, что тебе просто не

очень хочется, чтобы твоя мать выздоровела. Ведь тогда ты лишишься своей любимой роли великомученицы.

Услышав такую тираду, Сара оцепенела от неожиданности. Вот уже много лет Джордж не смел перечить ни одному ее слову. Она была так возмущена, что вся аж побелела от ярости и стиснула губы так, что со стороны могло показаться, будто у нее их и вовсе нет. Но когда она пришла в себя, голос ее стал на удивление спокойным и ровным:

— Я полагаю, что такая бессмыслица тоже идет из уст твоих дрожайших докторов. Я уверена, что за моей спиной они только и твердят про меня всякие гадости. Самому тебе и в голову не пришло бы нести подобную чушь. И если я не права, и это не слово в слово высказывание Уолшей, значит, сам сатана внушил тебе эти грешные мысли.

Джордж схватился руками за край стола, будто хотел раздавить его, и, не мигая, уставился на Сару. Очень медленно, с напряжением в голосе он произнес:

— Ну, это мы увидим не позднее чем в воскресенье.

И Джейни знала, что отец докажет свою правоту. Если сатана действительно управляет его душой, как это утверждает мать, то он больше никогда не осмелится брать в руки змей.

— А раз ты такая праведница,— язвительно усмехнулся Джордж,— то что же ты ни разу еще не вошла в круг змееносцев?

Сара замерла. Ей нечего было на это ответить. Она злобно посмотрела на него, но Джордж спокойно выдержал этот взгляд, который, как ему показалось, длился целую вечность. Она встала, собрала остатки поджарок в пустую консервную банку и передала ее Джейни.

Девочка добавила туда то, что не доела сама, и крошки с тарелки отца и пошла во двор кормить лохматую черную дворняжку по кличке Блэки, привязанную на длинную цепь за домом. Завидев маленькую хозяйку, пес выскочил из конуры и начал нетерпеливо повизгивать, отчаянно размахивая хвостом и поскуливая от радостного предвкушения пищи. Ржавая цепь при этом не переставала противно громыкать. Джейни подошла к собаке и осторожно погладила, надеясь, что Блэки немного успокоится, но он не смог сдерживать переполнявших его чувств и прыгнул на нее, чуть не выбив из руки банку с лакомством, прежде чем девочка успела поставить ее на землю. Затем Джейни подтащила садовый шланг и налила своему питомцу полную миску свежей воды. Потом села рядом с собакой на корточки и стала ласкать ее, разговаривая о чем-то своим и с удовольст-

нием наблюдая, как Блэки жадно заглатывает шкварки от отбивных. Девочке совсем не хотелось возвращаться в дом. Гораздо лучше было слушать, как Блэки хрустит поджарками и хрящами, чем присутствовать при ругани родителей. А Блэки — настоящий друг и, кстати, прекрасный сторожевой пес. Когда кто-нибудь проходил мимо их дома, он каждый раз начинал звонко лаять, а если прохожий не топилился уходить, то и рычать.

Но в этот момент открылась дверь черного хода, и послышался разъяренный крик матери:

— Прекрати торчать без дела возле собаки! Пойди лучше полей грядки! Дождя уже три дня не было; ты погляди — вся почва разохлась!

— Хорошо, мамочка! — крикнула Джейни, стараясь произнести это как можно ласковей.

Но на Сару это не подействовало:

— Похоже, Уолши не слишком загружают тебя работой. А ты для них все равно, наверное, из кожи вон лезешь, только чтоб угодить! Тебе уже все равно, что я должна здесь крутиться одна и вдобавок еще ухаживать за твоей бабушкой!

Она раздраженно нахмурилась, резко развернулась и, хлопнув дверью, скрылась в доме.

После упреков матери Джейни всегда чувствовала себя виноватой. Она сразу же включила воду и направила шланг вертикально вверх, чтобы струя походила на фонтан, и вода нежно падала на только что проклюнувшиеся ростки. Конечно, сорняки на грядках росли очень быстро — они были неприхотливые и подолгу могли обходиться без воды — но все равно, критически оглядев их, Джейни пришла к выводу, что огород еще не в таком плачевном состоянии, чтобы нужна была немедленная прополка.

Но все же и на этот раз чувство вины после слов матери имело под собой вполне конкретную почву: Джейни постоянно ловила себя на том, что она и в самом деле не очень-то любит проводить время рядом с бабушкой, хотя девочка хорошо еще помнила, что раньше старушка была очень милой и веселой, и с ней никогда не приходилось скучать. Правда, когда это счастливое время кончилось, Джейни еще не было и семи лет. Бабушка всегда ухаживала за ней, придумывала всякие игры, кормила и даже меняла пеленки, когда Джейни была совсем еще маленькой. Девочка вспомнила, как на День Всех Святых и День Благодарения бабушка пекла вкусные тыквенные пироги, а у пустых тыкв вырезала глаза и смешные пасти. А на Рождество Джейни помогала ей делать для елки бусы из

воздушной кукурузы. Бабушка всегда просила Джейни остерегаться змей, а когда родители были далеко и не могли слышать их разговоров, советовала внучке не ходить в церковь к змееносцам и никогда не брать в руки змей. Пусть лучше это делают другие, кого заставляет и уговаривает этот противный священник с лошадиными зубами.

Однако по воскресеньям, когда вся семья отправлялась в церковь, Джейни иногда чувствовала в себе неодолимое желание встать в круг смельчаков, чтобы доказать всем, что она такая же храбрая, как они. Она гордилась отцом, который часто принимал участие в этой священной церемонии, а когда все уже было позади — испытывала легкое головокружение и безудержную радость, хотя в те секунды, когда извивающийся клубок еще находился в отцовских руках, сердце ее замирало, и Джейни казалось, что она вот-вот умрет от страха.

Доктор Чак как-то спрашивал ее, что она испытывает в такие минуты, и она честно рассказала ему обо всем. Он, как и бабушка, попытался убедить ее никогда не поддаваться таким порывам и даже не пробовать брать в руки ядовитых змей. Но если об этом написано в Библии, то как это может быть неправильно?..

Сара же, наоборот, никогда не отговаривала Джейни от участия в церемонии и не запрещала дочери брать в руки змей, хотя сама она ни разу этого не сделала, потому что на ее глазах от змеиного укуса умер ее собственный отец. Однако если бы она узнала, что доктор Чак просил Джейни не участвовать в змеилищах, она лишь еще сильнее укрепилась бы в мысли, что он самый настоящий язычник. Девочке непонятно было только одно: если Уолши такие жуткие люди и не ходят не только в церковь Христа-Спасителя имения Карсон, но и ни в какую другую церковь, и вообще по воскресеньям сидят дома, то почему же с ними так интересно и весело, и почему тогда они такие счастливые и добрые, а Сара, наоборот, злая и неприветливая? Джейни очень трудно было поверить в то объяснение, которое ей пытались вдолбить с детства: что грешные и злые люди получают все на этом свете, а праведникам воздастся лишь после смерти. Тем более что доктор Чак и доктор Анита вовсе не казались злыми и грешными. Они были простыми и милыми.

К этому времени солнце стало уже склоняться над горизонтом, и Джейни увидела, как над потемневшей опушкой леса, где-то далеко-далеко в небе расплылась широкая багряно-красная полоса. Яркий закат по всем приметам предвещал погожий завтрашний день. И как раз завтра в по-

месте Карсон съедутся гости. А она останется здесь и вместо развлечений будет все утро пропалывать огород. Единственной радостью в жизни Джейни было общение с Уолшами, и когда строгая мать лишала ее удовольствия поехать в поместье, ей становилось невыносимо тоскливо и одиноко.

Но Джейни боялась открыто спорить с матерью. С детства ее воспитывали в духе покорности и подчинения старшим. И поэтому сейчас ей было особенно стыдно за то, что она втайне мечтает стать такой же, как Анита и Чак, а не как ее родители. Джейни хорошо училась в школе. Особенно ей удавались сочинения, и как-то раз ее пригласили принять участие в выпуске школьной газеты. Но, узнав об этом, Сара строго-настрого запретила дочери даже думать о подобных вещах. Девочка сильно переживала это, и Уолши были на ее стороне. Они посоветовали ей усердно заниматься, и тогда она сможет получить стипендию и поступить в колледж. Иногда фантазии заводили Джейни еще дальше: ей уже мерещилось, будто она живет с Анитой и Чаком в Ричмонде и ходит в университет, при этом Уолши во всем помогают ей, как родные, и поэтому ей совсем не одиноко и не страшно в таком большом городе...

Джейни перестала водить шлангом вдоль грядки, и теперь вода полилась в одну точку. Девочка посмотрела на свою грудь и поняла, что мать говорила правду: постепенно она действительно превращалась в женщину. В сентябре ей исполнится тринадцать, и она пойдет уже в восьмой класс. А потом еще долгих пять лет учебы в школе и только после этого, если получится, можно будет попытаться поступить в колледж.

А это так трудно — жить здесь, учиться и считать дни, когда, наконец, она сможет вырваться из ненавистной долины Карсон.

Глава четвертая

Уже стало смеркаться, когда Чарльз и Анита Уолш доехали до ручья Карсон и там, спутав лошадям ноги, отпустили их попасться. Ручей одновременно являлся и границей их пятидесятиакрового поместья. Прозрачная вода бурлила, сверкая, у самого берега, и можно было разглядеть все камушки на дне. Сквозь густые кроны деревьев нежно розовело закатное небо. Супруги сидели на берегу и наслаждались прохладным июньским вечером. Неподалеку слышалось довольное похрапывание коней, жующих сочную траву.

— Жаль, что не удастся посидеть здесь подольше,— грустно заметила Анита.— Скоро уже будет темно.

— Ну и что? — бодро отозвался Чарльз.— Совсем не обязательно возвращаться через лес. Поедем вдоль ручья, а там лошади сами выйдут на дорогу

Анита нежно прижалась к мужу, и он крепко обнял ее, отчего ей сразу же стало тепло и уютно.

— Все равно, надо приехать пораньше. Завтра к обеду уже соберутся пациенты, и у нас снова будет миллион проблем... Так что если у тебя есть какие-то планы относительно моего пышного тела, перед которым не устоял бы ни один джентльмен прошлого века, то...

В ответ Чарльз поцеловал ее так страстно, что не осталось уже никаких сомнений в том, что некоторые планы у него действительно есть. А потом они долго еще молча любовались закатом и наслаждались тишиной и покоем своего райского уголка.

— И все-таки, это нечестно,— тихо сказала Анита.

— Что именно?

— Мы получаем гораздо больше от этих мест, чем те, кто здесь вырос и трудится всю свою жизнь. Никто из них просто не в состоянии оценить всей этой красоты. Они живут в постоянной нищете и выбиваются из сил на своих заброшенных фермах за ежедневный кусок хлеба. А мы с тобой просто какие-то узурпаторы. Мы ведь не прикладываем рук к этой земле, зато пользуемся всеми ее плодами.

— Как настоящие аристократы,— улыбнулся Чарльз, но потом заговорил серьезно: — Не думаю, чтобы у местных жителей все было так уж плохо. Тогда бы они просто уехали отсюда. А они остаются здесь и, мне кажется, именно из-за того, что безумно любят эту землю. Эта долина с годами стала их плотью и кровью. И они замечают ее красоту не хуже нас с тобой, но просто, помимо этого, они еще и работают на земле, которая как может платит им за их труд.

— А Джейни Стоун только и мечтает о том, как бы вырваться отсюда и уехать в Ричмонд,— заметила Анита.

— И она тоже по-своему права,— согласился Чарльз.— Ей нужно побывать в большом городе, узнать для себя много нового, и тогда ей, может быть, самой снова захочется вернуться в родные места.

— Да, чтобы вступить в секту змееносцев...— усмехнулась Анита

— И стать верховной жрицей змеинного культа,— с улыбкой поддержал ее муж.

— Что-то я сомневаюсь, чтобы у Джейнни возникло желание вернуться в долину, если, конечно, она нормально устроится в городе.

— Трудно сказать. В детстве, как ты помнишь, эти места и на тебя наводили тоску, а теперь..

— Одно дело — жить в поместье Карсон, и совсем другое — ютиться в жалкой лачуге с дырявой крышей. И кроме того, я же не росла здесь, а только несколько раз приезжала в гости. Для меня это были лишь краткие визиты к дяде, а не вечное заточение, как у бедняжки Джейнни. Она очень сообразительная и способная девочка, но если ее мать и тупые проповедники будут так же усердно вбивать ей в голову всякую религиозную чушь, то все в ее жизни может кончиться весьма плачевно. Я считаю, что Джордж Стоун во многих отношениях неплохой парень, но какой пример он подает дочери? Она уже начинает верить, что держать в руках ядовитых змей не только почетно, правильно и необходимо, а должно быть просто целью жизни всякого порядочного человека. Неужели ему хочется, чтобы его дочь погибла так же, как ее дед?

— Я уже высказал ей свое мнение на этот счет, — заметил Чарльз. — И объяснил, что бесполезно пытаться доказать что-либо этим людям. Ведь во время ритуала они находятся в трансе и плохо соображают, что делают и что происходит вокруг.

— А ведь девочка относится к ним с большим уважением. Надо постараться оказать на нее влияние и разубедить насчет этих змей, — согласилась Анита. — Но следует быть предельно осторожными, иначе Сара Стоун сочтет нас посланниками дьявола.

— По-моему, она уже в этом убеждена, — рассмеялся Чарльз.

— Я думаю, нам будет не до смеха, если в одну прекрасную ночь местные жители вооружатся факелами, ворвутся в наш дом и спалят все дотла.

— Да, над этим стоит подумать.

Когда супруги оседлали лошадей и направились к дороге, небо уже совсем потемнело, и лишь над вершинами гор Шенандоа серебрились подсвеченные закатившимся солнцем облака. Ярко светила луна, пробиваясь сквозь густую листву деревьев, и ее света вполне хватало, чтобы не сбиться с пути. Они доехали до усадьбы без всяких приключений, отвели лошадей в загон, сняли седла и сбрую и на ночь оставили животных пастись под открытым небом.

В доме было уютно и тихо, несколько окон светились. Очевидно, Бренда и Мередит еще не спали. Уолши выде-

лили им две комнаты на весь летний сезон. В остальное время года мать и дочь жили в Карсонвилле и работали в детском кафе.

Чарльз с удовольствием прошелся по кухне, столовой, библиотеке, потом заглянул в кабинет. Повсюду стояла добротная старинная мебель, от которой веяло непередаваемым романтизмом. Ему было приятно еще раз осмотреть свои владения и вновь осознать себя их истинным хозяином. А завтра сюда съедутся пациенты, и дом оживет, наполнится весельем и надеждами приехавших на возвращение их утраченного семейного счастья. Поднявшись в спальню, Чарльз услышал за дверью ванной шум воды: Анита принимала душ. Тогда он сел в кресло и включил телевизор. Это был один из тех аппаратов, которые хуже всего вписывались в старинную обстановку комнат, несмотря даже на то, что Чарльз вставил его в корпус самого старого образца. Показывали новости, и Чарльз отметил про себя, что сейчас это очень кстати. С четверга до воскресенья он будет полностью занят своими сеансами психотерапии, и времени на телевизор уже не останется. Он откинулся на спинку кресла и приготовился узнать обо всем, что происходит во внешнем мире.

Большая часть эфирного времени была посвящена главному событию в жизни восточных штатов — жестокому террористическому акту в Нью-Йорке. Банда ультралевых радикалов, именующая себя Зеленой бригадой, ворвалась в Манхэттенский национальный банк и захватила четырнадцать заложников. Репортер сообщал, что преступникам удалось также похитить из сейфов банка более двух миллионов долларов, и теперь они требуют освобождения из тюрьмы Аттика всех своих сподвижников, и в первую очередь — главаря банды, известного под прозвищем «генерал Кинтей». В данный момент группой руководила любовница Кинтея — грубая горластая фанатичка, называющая себя полковником Мао. Один раз ее показали крупным планом как раз в тот момент, когда она приставила огромный автоматический пистолет к виску одного из служащих банка. При этом она произнесла какую-то совершенно несуразную речь, напичканную бредовой марксистской фразеологией, и несколько раз предрекала «полное поражение и крушение загнивших империалистических Соединенных Штатов».

Чарльз сокрушенно покачал головой, прослушав ее яростное визгливое заявление. Эта брызжащая слюной высокая и жилистая прыщавая блондинка была одета в защитную пятнистую военную форму и зеленый берет. Но

Чарльза поразило совсем другое — на руке у Мао имелась белая повязка с эмблемой Зеленой бригады: на фоне красного флага была изображена свившаяся кольцами и обнажившая ядовитые зубы темно-зеленая змея.

Чарльз мысленно поблагодарил своих родителей за то, что они вырастили его не суеверным, и теперь его не слишком пугают разные предсказания, хотя справедливости ради все же стоит отметить, что в последнее время змеи действительно начали слишком активно вмешиваться в его жизнь.

Когда шум воды в ванной стих, Чарльз быстро подошел к телевизору и выключил его. Ему не хотелось в такой приятный вечер портить жене настроение тревожными новостями. И еще он подумал, что лучше уж иметь дело с настоящими змеями и даже держать их в руках, чем с теми сумасшедшими, которых только что показывали на экране. После этого он еще раз оценил по достоинству поместье Карсон — такое уютное, безопасное и далекое от всего зла, творящегося в этом мире.

Но в ту ночь — после того, как они насладились любовью — Чарльз не сразу смог спокойно заснуть. Несколько часов он проворочался в кровати, пока, наконец, измученный не погрузился в тревожный сон, и этот сон моментально превратился в настоящий кошмар...

Ему приснилось, будто он откидывает в сторону прогнившие зловонные одеяла с постели Мэри Монохэн и рассматривает ее иссушенное болезнью дряблое тело, сплошь покрытое омерзительной слизью и кровоточащими пролежнями. И вот старуха поднимается с кровати, берет доктора за руку и куда-то ведет за собой. Он нехотя идет вслед за ней, поминутно наступая на гнойную слизь, капавшую из ее открытых ран. Мэри приводит его в кишашую змеями церковь. Скользкие тела клубками извиваются по полу, свисают со шпиль и карнизов, образуя живую сеть. Когда Чарльз разглядел их повнимательнее, то с ужасом понял, что это люди — местные прихожане: фермеры, шахтеры, дети и домохозяйки. Но вместо шей из их плеч росли длинные зеленые змеиные тела, и у некоторых эти жирные чешуйчатые шеи достигали такой длины, что головы уже волочились по полу, издавая непрерывное хищное шипение. Они то и дело приподнимались, раскрывали свои кровожадные пасти и показывали желтоватые ядовитые зубы, а раздвоенные языки трепетали, распространяя по церкви зловещий шелест и свист.

Чарльз испуганно вскрикнул, хотел повернуться и убежать. Но ноги его словно вросли в пол — он не мог даже пошевелиться, а Мэри Монохэн пристально смотрела на него своими желтыми змеиными глазами и крепко держала за руку.

Чарльз снова закричал и проснулся, обливаясь холодным потом. Когда он понял, что это был всего-навсего страшный сон, он удивился, что Анита не проснулась от его истошного вопля; она мирно спала, и на губах ее играла едва заметная улыбка. Наверное, его собственный крик ему тоже только приснился.

Он попытался выбросить сон из головы, но это оказалось не так-то просто. Чарльз пролежал с открытыми глазами целый час, но в конце концов все же заснул — на сей раз безо всяких сновидений — и проспал до самого утра, пока не прозвенел будильник. Он любезно пропустил Аниту в ванную первой, а сам остался в постели, все еще переживая свой недавний кошмар. Когда же она ушла вниз готовить завтрак, Чарльз почувствовал, что сейчас ему просто необходимо включить телевизор и посмотреть утренний выпуск новостей.

Ситуация в нью-йоркском банке продолжала оставаться тяжелой, хотя в душе Чарльз все-таки надеялся, что к утру с террористами уже будет покончено и заложники при этом останутся невредимыми. Он всегда сильно переживал, если где-то начинало торжествовать явное зло, и теперь расценил свой сон как проявление подсознательного страха за жизнь заложников. Если бы власти к этому времени уже расправились с бандой и все кончилось бы не так мрачно, как в его сне, Чарльз наверняка почувствовал бы сейчас огромное облегчение. Но, к сожалению, положение заложников пока оставляло желать лучшего.

Диктор сообщил, что некоторые из требований Зеленой бригады уже удовлетворены: к зданию Манхэттенского национального бана подогнан автобус для террористов и их заложников, а в аэропорту их ждет Боинг-747, который по приказу полковника Мао должен будет лететь на Кубу. Но ни генерал Кинтей, ни его сподвижники до сих пор еще не были освобождены из тюрьмы Аттика. Очевидно, власти разрешили полковнику Мао лететь в Гавану с двумя миллионами долларов, но отказывались выпустить Кинтея. И теперь Мао должна была дать ответ по телевидению.

С напряжением и отвращением одновременно Чарльз наблюдал, как оператор с камерой приблизился к дверям банка и на экране вновь показалась полковник Мао: как

и в прошлый раз, она вела перед собой одного из захваченных служащих, приставив к его голове свой ужасный пистолет. Крупным планом показали ее прыщавое худое лицо, перекошенное гримасой ярости и презрения. Она объявила, что после того, как пробьет десять часов, ее товарищи по борьбе не намерены ждать ни минуты: начиная с этого времени, через каждые полчаса они будут казнить по одному заложнику, и это будет продолжаться до тех пор, пока генерал Кинтей и его «соратники, скованные цепями империализма», не будут освобождены и в целости и сохранности доставлены к зданию банка. Затем солдаты Зеленой бригады и их оставшиеся в живых «военнопленные» проследуют в аэропорт Ла-Гуардия, чтобы сесть в реактивный самолет и взять курс на Кубу, где у них произойдет «историческая встреча с верным ленинцем товарищем Фиделем».

Снизу раздался звонкий голос Аниты. Она звала мужа завтракать и при этом просила поторопиться, потому что яичница уже остывала. Чарльз тут же выключил телевизор и с камнем на сердце спустился на первый этаж. Собравшись с духом, он надел дежурную улыбку, нежно поцеловал жену и обменялся шутками с Брендой и Мередит Мичам. Негритянки уже с раннего утра суетились на кухне — месили тесто для печенья и резали овощи на салат. Готовился праздничный ужин для прибывающих к вечеру гостей-пациентов. Обычно Чарльз с радостным возбуждением ожидал их приезда. Но сегодня все было иначе, и он даже не мог понять поначалу, почему. Он тщетно пытался убедить себя, что новости не могли так сильно расстроить его. Ведь что-то ужасное каждую минуту происходит в каком-нибудь уголке планеты, и надо просто не так близко принимать все к сердцу, тем более что все это так далеко от их дома. А поместье Карсон — как раз идеальное место для того, чтобы хоть на время выбросить из головы все тревоги и заботы.

После завтрака Уолши прошли в свой кабинет и там еще раз внимательно изучили истории болезни тех пациентов, которые сегодня должны были приехать сюда, чтобы до самого воскресенья жить в поместье вместе с ними. И все равно Чарльз поймал себя на том, что ему трудно сосредоточиться.

— Что это сегодня с тобой? — наконец спросила Анита, снимая очки и озабоченно поглядывая на мужа.

— Ничего. Просто я ночью неважно спал.

— Ты что, шутишь? Когда прозвенел будильник, я даже подумала, что ты его не услышишь — настолько ты крепко спал.

— Да, но я заснул только под утро, а всю ночь проворочался. Я думаю, перед обедом мне стоит совершить небольшую прогулку верхом, чтобы немного взбодриться.

Он даже подумал, не рассказать ли жене этот страшный сон, чтобы побыстрее отделаться от воспоминаний о нем? Но, с другой стороны, зачем беспокоить ее такими жуткими рассказами? Она, разумеется, посоветует ему выкинуть из головы всякий вздор, и больше ничего. Потому что никакого психологического подтекста в этом сне явно нет. А приснился он оттого, что они вчера слишком много говорили про змей.

Глава пятая

Джим Спенсер, командир группы захвата, окружившей Манхэттенский национальный банк,— крупный мужчина с заостренными чертами продолговатого лица и с вечными мешками под глазами из-за бессонных ночей,— нервно теребил свои коротко стриженные седые волосы, разговаривая по телефону с полковником Мао. Он находился в аптеке напротив банка, где был развернут оперативный командный пункт ФБР. С того момента, как Мао обнародовала по телевидению свой ультиматум, Спенсер постоянно вел телефонные переговоры то с ней, то с губернатором штата Нью-Йорк. На протяжении всей этой ночи губернатор неоднократно заявлял, что он никогда не согласится на освобождение осужденных из тюрьмы Аттика. Теперь он, наконец, изменил свое мнение. Но Мао уже не верила этому. И если через пять минут Спенсер не сумеет убедить ее в реальности уступок власгей, она отдаст приказ убить одного из заложников.

Спенсер кипел от негодования. Он с огромной радостью отправил бы на тот свет и эту Зеленую бригаду и всех тех, кто с ней связан. У него не было ни малейшего желания вести с этими ублюдками дальнейшие переговоры, так как это не просто действовало ему на нервы, но и заставляло его чувствовать себя последним трусом и моллосом. Однако именно этого и добивалась полковник Мао.

Захватив вчера в три часа дня Манхэттенский банк, она первым делом позвонила в местное отделение ФБР и четко дала понять, что будет вести переговоры только с Джимом Спенсером, своим заклятым врагом. В течение долгих девяти месяцев он беспрестанно пытался накрыть ее, но ей все же удалось избежать ловушки, в которую попался лишь ее менее удачливый любовник генерал Кинтей,

отбывающий теперь пожизненное заключение. И сейчас она всячески унижала сотрудников ФБР, заставляя их удовлетворить все ее безумные требования.

В течение последних девятнадцати часов Спенсер только и делал, что пункт за пунктом соглашался на любые условия, сперва предоставив Мао возможность выступить по телевидению, затем обеспечив ее группу продовольствием, потом пообещав террористам автобус, который доставит их вместе с заложниками в аэропорт, и наконец — самолет и еще одно выступление в прямом телеэфире. Он всячески старался выиграть время и склонить руководство ФБР и губернатора штата Нью-Йорк дать разрешение на применение группы захвата. Если же террористам и заложникам предстояло погибнуть, что ж, так тому и быть. Конечно, это слишком большая цена. Но Спенсер был готов заплатить ее, так как ни секунды не сомневался, что подобного рода террористические выходы прекратятся только тогда, когда преступникам убедительно покажут, что никто не собирается идти у них на поводу и выполнять их наглые требования.

Спенсер искренне верил, что разрешение атаковать террористов будет получено сразу же после угрозы Мао начать уничтожение заложников. Если губернатор твердо решил не освобождать заключенных, вступление в бой с Зеленой бригадой будет единственным выходом из создавшегося положения. И Спенсер осознал это с горечью и надеждой. Но в конце концов губернатор пошел на попятную и уступил террористам. Директор ФБР отдал Спенсеру приказание не начинать операцию до тех пор, пока останется хоть малейшая возможность спасти заложников. Поднятый по тревоге вертолет уже находился на пути к тюрьме Аттика и должен был забрать оттуда Кинтея и его товарищей по Зеленой бригаде. Часы уже показывали десять. А полковник Мао, судя по всему, была настроена решительно и не собиралась отступать от намеченной программы.

Спенсер судорожно сжимал телефонную трубку. Он курил сигареты одну за другой, и пепел рассыпался по его мокрой от пота рубашке. На секунду оторвав трубку от уха, он выплюнул окуроч, и в сердцах растер его каблуком по блестящему мраморному полу аптеки. Но в разговоре Джим изо всех сил старался не проявить своего панического настроения.

— Вы должны понять, полковник... Я ведь не сам принимаю все решения. Я должен ждать указаний от губернатора штата. Даже если Кинтей и все остальные были арес-

тованы Федеральным Бюро, то осудили их за убийство по законам штата Нью-Йорк, а не за преступления перед федеральными властями... Кроме того, губернатору потребуется время, чтобы договориться насчет вертолета, и...

— Свинья! — прокричала в трубку полковник Мао. — Не корми меня этим дерьмом! Меня блевать тянет от твоего трепа!

Спенсер отнял трубку от зудящего уха. Его язва давала о себе знать еще сильнее, чем тогда, когда он пытался беседовать со своей неисправимой шестнадцатилетней дочерью. Временами он просто поражался тому, до чего же смогла докатиться его Кэролайн в своем явном стремлении опозорить родного отца, и только надеялся, что она не пойдет так далеко, как эта сумасшедшая сучка, с которой он сейчас говорит по телефону.

Как и его собственная дочь, о которой Джим так беспокоился, полковник Мао происходила из простой американской семьи. Ее настоящее имя было Дениз Шеффер. Когда она училась в Калифорнийском университете в Беркли, ее вызов родителям постепенно перерос в вызов обществу. Она примкнула к Симбионезской Освободительной Армии (СОА), завела дружбу с Нэнси Перри и Патрицией Солтисик, больше известными под кличками Фахиза и Зоя, и стала распространять брошюры, в которых восхвалялось похищение Патриции Херст и требование баснословного выкупа за нее под предлогом обеспечения «хлеба для масс». Когда СОА была фактически уничтожена в результате кровопролитной схватки в Лос-Анжелесе, Дениз Шеффер превратилась из человека, сочувствующего марксизму, в его закоренелого фанатика. Она бросила своего мужа, которому не было и двадцати лет, и младенца-сына и стала любовницей чернокожего Уилсона Вудрафа, известного также под прозвищем генерал Кинтей, который в свое время сидел с тюрьме вместе с Дональдом де Фризом (или генералом Синком, впоследствии убитым руководителем СОА). Дениз отказался от семьи, от церкви, от родины, чтобы стать «солдатом революции» в Зеленой бригаде Вудрафа, одной из недобитых групп Симбионезской Армии. Ее разыскивали ФБР и полиция штата Нью-Йорк за соучастие в тех же самых преступлениях, за которые ее товарищи отбывали сейчас срок в тюрьме: за попытку захвата инкассаторской автомашины и убийство из огнестрельного оружия двух полицейских.

— Время уходит, свинья, — предупредила Мао. — Через три минуты я отдам приказ казнить первого заложника.

— Полковник, не надо этого делать,— как можно мягче сказал Спенсер, специально называя Мао самочинно присвоенным ею воинским званием и тем самым пытаясь польстить ее нездоровому самолюбию. Он старался говорить спокойно и уверенно, а сам в это время лихорадочно вытаскивал из пачки очередную сигарету.— Как я уже сказал вам, полковник, губернатор согласился освободить ваших людей. Но это требует времени. Переговоры должны идти по соответствующим каналам. Вы же не можете...

— Не говори мне, чего я могу, а чего нет! — прорычала полковник Мао.— Здесь командую я! Я говорю от имени всего угнетенного народа! И очень хорошо знаю, что все попытки нанести удар по вашей гнилой системе провалились только потому, что раньше люди не были стойкими и до конца последовательными в борьбе за нашу святую идею. Но теперь-то мне ясно, что пока я с тобой разговариваю спокойно, ты меня уважать не начнешь. Так что через три минуты я перехожу к действиям. Ровно в десять мы казним одного из наших военнопленных.

— Разве вы не уважаете Женевскую конвенцию? Как же вы можете называть себя борцом за дело народа, если похищаете людей и убиваете их наобум, не принимая во внимание ни их достоинства, ни даже невинности?

— В этом мире нет полностью невинных людей,— убежденно заявила Мао.— Мы провели опрос пленных и выбрали первого, кому предстоит умереть. За ним последуют и другие. Каждые полчаса мы будем казнить их по одному, и это продлится до тех пор, пока генерал Кинтей и другие наши товарищи не будут доставлены к нам в целости и сохранности.

— Но они уже находятся на пути к вам! Пожалуйста, не принимайте скоропалительных решений! Я заверяю вас, что...

Раздался громкий щелчок и связь прервалась. Спенсер понял, что все его уговоры были напрасны, и это привело его в глубокое уныние. Он долго еще тупо смотрел на умолкнувший телефон, потом медленно положил трубку. Порывшись в карманах, Джим достал спички и жадно закурил очередную сигарету, часто и глубоко затягиваясь. Затем снова снял трубку и начал набирать номер банка в надежде вновь установить связь с полковником Мао, прежде чем начнется исполнение приговора, которое она только что обещала. Одновременно он прислушивался, не раздастся ли звук выстрела с той стороны улицы, но пока

все было тихо. Вместо этого наблюдатель из группы захвата закричал:

— Они открывают входную дверь! Один из заложников выходит на улицу!

Спенсер бросил трубку на рычаг, кинулся к выходу и через секунду уже стоял на улице возле широкой распахнутой двери аптеки. За укрытием из мешков с песком находились люди из его команды с автоматами и винтовками наготове. Осторожно выглянув из-за укрытия, Спенсер сразу заметил выпущенного заложника — это был пожилой мужчина в коричневом костюме-тройке. Он неуверенно шел через улицу с высоко поднятыми руками и часто мигал и щурился от яркого утреннего света. Было видно, как он дрожит. Затем парадная дверь банка слегка приоткрылась, в воздухе блеснуло что-то металлическое, и раздался звук спущенной тетивы. Мужчина громко вскрикнул, согнулся и упал.

— Не стрелять! — выкрикнул Спенсер, и в ту же секунду дверь банка захлопнулась.

Если бы бойцы из его ударной команды послушались и открыли огонь, остальные заложники могли бы погибнуть за считанные секунды. Но в душе Спенсер все же только и мечтал о том, чтобы его люди не подчинились приказу, и пусть потом хоть сам дьявол отвечает за последствия. Однако выстрелов не последовало.

Корчась от боли, мужчина в костюме-тройке беспомощно пытался поползти до тротуара. Спенсер послал двух бойцов помочь заложнику добраться до безопасного места. Его волоком втащили за укрытие из мешков, где он сразу же упал, издавая громкие стоны. Из его ягодицы торчала блестящая стальная стрела, с которой стекала струйка крови.

— Эта стрела из арбалета! — воскликнул один из агентов.

— Они промахнулись! — с облегчением сказал другой. — Он будет жить.

Но Спенсер сильно сомневался в этом. Он помнил «фирменный стиль» СОА — пули, отравленные цианистым калием.

— Носилки! Скорей носилки! — крикнул он полицейским и санитарам, которые устроили за зданием аптеки пункт неотложной медицинской помощи.

Но прежде чем врачи успели подбежать к несчастному, он сильно затрясся в судорожных конвульсиях и через несколько секунд умер. Спенсер нагнулся к труп и вытащил

стрелу. Она оказалась изнутри полой. Когда он перевернул ее, из отверстия вытекло несколько капель мутной желтоватой жидкости. Но характерного запаха горького миндаля Джим не ощутил. Значит, это не цианистый калий, а что-то совсем другое.

В аптеке зазвонил телефон, и Спенсер бросился туда. Из трубки послышался истерический хохот полковника Мао:

— Это яд гремучей змеи! — весело сообщила она, будто речь шла о какой-нибудь совершенно невинной шутке.

Глава шестая

Джейни Стоун старательно пропалывала огород и одновременно прислушивалась, не подъезжает ли отцовский пикап. Она уже порядком вспотела под палящим солнцем, которое стояло сейчас почти в зените, и это означало, что приближается полдень. А значит, скоро придет на обед папа.

Джейни отложила в сторону мотыгу и подошла к Блэки, чтобы немного поиграть с ним. На полпути она воровато оглянулась в сторону дома: ей совсем не хотелось, чтобы мать увидела, как она тайком устраивает себе перерыв. Джейни было очень обидно, что вместо настоящего праздника в поместье Карсон ей сейчас приходится заниматься таким скучным и надоедливым делом, как прополка грядок.

— К черту! — громко сказала девочка и вытерла со лба пот.

С сегодняшнего дня мать запретила ей носить просторные ковбойки, в которых было гораздо удобней, да и намного прохладнее. С утра на нее напялили узкую клетчатую блузку и простые джинсы вместо любимого холщового комбинезона. Как ни странно, но из-за этой старомодной блузки Джейни еще больше стала похожа на маленькую девочку, потому что блузка сидела на ней как мешок, не оставляя никаких признаков того, что под тканью скрывается растущая грудь.

Джейни погладила пса, и он, как заведенный, завертелся возле нее, а потом бросился к дому, с громким звоном натянув свою длинную цепь, которая вскоре остановила его и даже отбросила немного назад. Блэки проголодался. Он раньше всех чувствовал приближение обеденного времени и начинал вести себя так, будто его вообще никогда не кормили.

Входная дверь дома открылась, и девочка, позабыв о собаке, бросилась назад к грядкам и схватила мотыгу. Но на этот раз мать почему-то не стала ругать ее, а медленно подошла к огороду сама.

— Джейни! — нахмурилась Сара Стоун. — Бабушка опять ничего не ест. Я приготовила кукурузные лепешки и суп из чечевицы — все, что она так любит, но она из моих рук ничего не берет. Ты должна пойти к ней и попробовать ее накормить.

— Но... — начала было Джейни, указав рукой на еще непрополотые грядки и втайне надеясь, что мать оставит ее в покое и позволит закончить работу в огороде вместо не очень приятной процедуры кормления бабушки.

— Никаких «но», — строго перебила мать. — Бабушка тратила на тебя все свое время, пока была здорова; она даже со мной так не возилась, когда я была маленькой. Может быть, у тебя получится накормить ее, и если она с этим смирится, то с сегодняшнего дня это станет твоей постоянной обязанностью.

Вытерев руки о джинсы, девочка нехотя побрела к дому. Если ей придется кормить бабушку каждый день, то она больше никогда — никогда в жизни! — не попадет в поместье Карсон. Кормление занимало уйму времени и на самом деле было еще сложнее, чем кормление из ложечки грудного ребенка. Каша и суп постоянно стекали с подбородка старухи, и надо было каждую минуту вытирать ей рот. А когда она раскрывала его, то становились видны ее гнилые желтые зубы и густая вязкая слюна между ними, похожая на блестящую паутину.

Джейни неоправданно долго мыла руки, пытаясь хоть немного потянуть время, но при этом старалась, чтобы ни одна капля воды не упала на натертый линолеум. Потом очень медленно, как преступник, поднимающийся на эшафот, зашагала вверх по лестнице в бабушкину спальню, приготовившись погрузиться в затхлую атмосферу этой душной каморки, где всегда так противно пахло, что ей иногда казалось, будто бабушка уже умерла.

Воздух в комнате был неимоверно спертый, но несмотря на это, Мэри Монохэн лежала под толстым стеганым одеялом. Она молча смотрела в сторону двери, и как только завидела внучку, ее бледные тонкие губы чуть-чуть приоткрылись, и на морщинистом лице появилась призрачная улыбка, от которой Джейни стало не по себе.

Девочка поставила поднос с лепешками, супом и чаем на старый шаткий стул возле кровати, после чего сама пристроилась на краешке периллы рядом со старухой и взяла ложку.

— Привет, бабуля! — звонко сказала она, стараясь казаться веселой и жизнерадостной. — Мама сварила суп из чечевицы, он так вкусно пахнет! Хочешь, я тебя покормлю немного?

Бабушка с трудом открыла рот, и ее впалые щеки задрожали. Джейни опустила глаза и зачерпнула ложкой несколько зерен чечевицы, плавающих в густом коричневом бульоне.

— Слишком поздно... дитя мое... Слишком поздно...

Услышав слабый бабушкин голос, Джейни от неожиданности выронила ложку, и та со звоном упала на поднос. Девочка уставилась в подернутые пеленой мутные старушечьи глаза, загоревшиеся вдруг каким-то зловещим огнем. Потом, вспомнив, что доктор Чак велел им сразу же начинать говорить с бабушкой, как только она сама произнесет добровольно хоть одно слово, Джейни заплетающимся языком пролепетала:

— Ч-что поздно, б-бабушка?

Неожиданно старуха энергично подалась вперед и яростно схватила девочку за обе руки, опрокинув поднос с тарелками на пол.

— Слишком ПОЗДНО, дитя мое! Беги! БЕГИ! Огромные змеи! Они уже на пути... чтобы погубить нас!

Глава седьмая

Доктор Чарльз распряг в загоне Молнию и пошел в дом умываться после верховой прогулки. Он мог бы сделать это и на кухне, но Бренда и Мередит были так заняты предстоящим ужином, что завалили посудой все столы и обе раковины, и Чарльз решил не мешать им. Поэтому он пошел наверх в ванную и заодно решил переодеться в чистую рубашку.

Войдя в спальню, он не удержался и включил телевизор. Обычно перед приездом пациентов Чарльз обходилась без последних известий, но теперь телевизор тянул его к себе, как магнит. Он никак не мог выкинуть из головы инцидент с заложниками, будто его исход был каким-то тайным образом связан с его собственной жизнью, хотя по трезвому размышлению Уолш пришел к выводу, что это не так. «Нет тут никакой связи, — убеждал себя измученный доктор. — Даже если принять во внимание мой дурацкий сон». Но все равно любопытство взяло верх, и он не смог отказать себе в просмотре выпуска новостей.

К своему ужасу Чарльз узнал, что один из заложников уже убит из арбалета стрелой, отравленной ядом гремучей змеи. Ровно через полчаса после этого другому пленнику террористы выстрелили прямо в живот. Переделанная разрывная пуля была запроважена цианистым калием, что послужило причиной долгой и мучительной агонии несчастного. Уже готовился к смерти третий заложник, но за полторы минуты до истечения получасового срока ожидания прибыл вертолет, доставивший к зданию банка генерала Кинтея и его сподвижников.

Не веря своим глазам, Чарльз наблюдал за тем, как прямо в Манхэттене приземляется вертолет, и из него выходят бандиты; ни много ни мало — двадцать четыре человека. А ударные отряды ФБР и полиции, засевшие на крышах домов и за баррикадами, совершенно беспомощны перед ними. Освобожденные преступники гордо и спокойно проследовали в банк и встретились там со своими товарищами из Зеленой бригады. Чарльз ждал, что сейчас начнется кровавое побоище, но ничего подобного не произошло. Никто не стрелял.

Репортерская камера поймала Уилсона Вудрафа и несколько секунд показывала его крупным планом. Словно звезда эстрады и всеобщий любимец, которому стоит опасаться разве что восторженных эмоций своих собственных поклонников, Кинтей остановился возле самого входа в банк, обернулся и помахал рукой, в знак приветствия сжатой в кулак. Потом действие снова перенеслось в телестудию, и диктор сообщил, что генерал Кинтей после освобождения из тюремной камеры потребовал, чтобы ему была предоставлена возможность выступить по телевидению перед «порабощенными массами загнившей империи Соединенных Штатов». При этом его устраивал только центральный канал, ведущий трансляцию на всю страну. Одна из трех национальных телекомпаний решила помочь властям удовлетворить это требование Кинтея, надеясь тем самым спасти жизнь остальным заложникам, и примерно в три часа дня главарь террористической группы должен был выступить с речью.

Чарльз покачал головой. Его всегда поражало то, с какой настойчивостью все современные маньяки стремятся к публичным выступлениям. Видимо, они не могут в полной мере ощутить свою значимость и даже сам факт своего существования, если не дать им возможности покрасоваться перед миллионами телезрителей. Наверное, все это потому, что именно телевидение формирует их взгляды и со-

ставляет наиболее существенную часть их жизни. И поэтому то, что происходило там, в «ящике», кажется им куда реальней их собственных мыслей и чувств.

Но сейчас Кинтей получил даже больше, чем могло потребовать его больное воображение. Используя дикий коктейль из школьных и университетских фотографий, кадров судебно-оперативной хроники, полицейских регистрационных снимков и карточек из семейного альбома, телекомментатор начал во всех подробностях рассказывать его биографию.

Уилсон Вудраф, он же «генерал Кинтей», родился в негритянских трущобах Лос-Анджелеса в 1952 году. В шестьдесят пятом, когда ему исполнилось всего лишь тринадцать лет, он, по его собственному признанию, всю уже грабил и мародерствовал во время знаменитых негритянских волнений в Калифорнии. Однако во времена отрочества политика не слишком привлекала Уилсона. Он воровал, хулиганил и занимался торговлей наркотиками. За наркотики же в 1972 году он был приговорен к трем годам тюремного заключения и, отбывая срок, сблизился с Дональдом де Фризом, или, как называли его друзья, генералом Синком, и другими чернокожими марксистами. Они-то и вразумили Вудрафа, убедив в полной неправильности его прежнего пути и в том, что теперь он обязан, пройдя суровые жизненные испытания, в корне трансформировать свою личность. Уилсон с раскаянием осознал, что раньше он вел себя, как паразит и эксплуататор. И теперь ему захотелось стать спасителем человечества. В тюрьме будущий генерал Кинтей заделался большим любителем книг, хотя читал он весьма избирательно. И в итоге ему удалось даже разработать свою собственную идеологию борьбы, которая, по существу, была невероятнейшей смесью из учений Карла Маркса, Хью Ньютона, Малькольма Икса и понятий поп-культуры. Вскоре у него появились последователи и почитатели, которых Уилсон объединил в группу под названием «Зеленая бригада», решив посвятить себя «озеленению Америки». Свое боевое имя Кинтей он позаимствовал из книги Алекса Хейли «Корни», где одним из героев был некий Кунта Кинте, непокорный воинствующий африканец. Возможно, Вудраф считал, что он и сам в прошлом был неукротимым рабом, не позволявшим никому поставить себя на колени.

Сразу же после биографии «генерала» началось интервью с Джимом Спенсером, командиром специального подразделения ФБР, который все это время вел переговоры с террористами. Перед камерой Спенсеру пришлось уни-

женно оправдываться, поскольку главной своей задачей он считал обеспечение безопасности заложников, а все остальное отходило на второй план. Он заявил, что при данных обстоятельствах придется разрешить Зеленой бригаде вылететь на Кубу вместе со всеми заложниками, и в аэропорту Ла-Гуардия их уже ждет реактивный самолет.

Чарльз невольно вспомнил о вчерашнем предсказании Мэри Монохэн. Террористы Зеленой бригады, образно говоря, вели себя, как самые настоящие «огромные змеи». Но они находились сейчас в Нью-Йорке и собирались лететь на Кубу, а ведь это так далеко от поместья!.. Хотя, вероятно, по пути им и придется пролетать над Вирджинией. Может быть, именно это почувствовала несчастная старуха?.. Однако Чарльз не мог в такое поверить, хотя в глубине души он готов уже был допустить, что временами Мэри Монохэн действительно становилась яснослышательницей. Но все равно было совершенно невероятным, чтобы старуха-инвалид смогла почувствовать, что когда-то над ними пролетит самолет с террористами, даже если ее прежние предсказания и сбывались, пусть даже и часто. Это все равно, что мысленно двигать блюдечко на сеансах спиритизма, не прикасаясь к нему руками.

Сразу после интервью с Джимом Спенсером началась реклама консервов для кошек. Три толстых сиамских кота распевали какую-то песенку. Этого Чарльз уже не смог вынести. Он выключил телевизор и отправился на веранду к Аните. Приближалось время обеда.

Глава восьмая

К обоюдному удивлению Чарльза и Аниты первым в этот день на сеансы психотерапии прибыли Марк и Хитэр Пирсон. Уолши только что закончили свой обед, как буквально через минуту к усадьбе подъехала щегольская красная спортивная машина Пирсонов. За рулем была Хитэр. Зная недоверие Марка к психиатрам, Уолши ожидали увидеть их здесь последними, а то еще Марк мог заупрямиться и не приехать вообще.

Марк Пирсон был сегодня единственным новичком, остальные пациенты уже бывали у Уолшей. Сама Хитэр посещала кабинет Чарльза в Ричмонде, но ее муж всякий раз оставался дома. Марк, очевидно, считал себя выше того, чтобы признать, что и ему, и его жене необходима посторонняя профессиональная помощь. И тогда Чарльзу пришла в голову неплохая мысль. Он рассказал Хитэр про

поместье Карсон и попытался убедить ее привезти с собой Марка, причем сказать ему, что это будет просто отдых, а не лечение. И если здесь его отрицательное отношение к психотерапии хоть немного ослабнет, то в дальнейшем они вполне могли бы вместе приходить на прием в Ричмонде.

Уолши были настолько влюблены в свое поместье, что не допускали и мысли о том, будто у кого-то может создаться о нем не такое же благоприятное впечатление. На их взгляд, не любить эти места было просто невозможно. И они не ошиблись. Как только супруги Пирсон вышли из машины, Хитэр огляделась и в восторге воскликнула:

— Бог ты мой! Как же здесь мило!

Марк пока что воздерживался от высказываний, оценивая рассматривая подходящих к ним Чарльза и Аниту.

На первый взгляд Пирсоны казались симпатичной молодой парой. Но, приглядевшись к ним повнимательней, можно было заметить и чрезмерную мрачность, и какую-то отрешенность Марка, и грустную озабоченность в голубых глазах у симпатичной блондинки Хитэр. Марк был скульптором и художником, он много работал, но признание неумолимо обходило его стороной. Хитэр же, наоборот, была слишком известна как художница, потому что писала исключительно коммерческие картины. Она каждый раз говорила, что муж гораздо талантливее ее, но тем не менее деньги в семье зарабатывала именно она, работая по заказам рекламных агентств, в то время как Марк со своими «серьезными» произведениями тщетно пытался найти себе спонсора, чтобы выставляться в известных галереях.

Ему было бесконечно стыдно сидеть на шее у жены и обидно на весь мир, который не торопился признавать в нем гения. И вот в последнее время неудачи в искусстве начали отражаться на состоянии его здоровья: резко понизилась половая потенция, он начал сильно сомневаться в себе. Напрасно Хитэр уверяла мужа, что его работы настолько прекрасны, что в скором времени их обязательно оценят и начнут раскупать, а даже если этого и не случится, она все равно не перестанет искренне любить его. Очевидно, Марк все же опасался, что его жена — удачливая и обеспеченная женщина — рано или поздно решит порвать с неудачником-мужем.

Пытаясь держаться как можно свободнее, Хитэр представила своего супруга Аните и Чарльзу. Марк был одет в потертые джинсы, кеды на босу ногу и желтую легкую рубашку, на которой печатными буквами было вышито «БАРДЖО». Хитэр, загорелая и стройная, была в красных шор-

тах и белой с красным футболке. Пожимая крепкую широкую ладонь Марка, Чарльз с улыбкой сказал:

— Да! У вас настоящая хватка скульптора! Хитэр много говорила мне о ваших замечательных работах.

— Пока мало кто считает их замечательными,— мрачно заметил Марк, пиная носком кеда пучок травы, пробившейся между двумя булыжниками на мощеной дорожке перед домом. А потом совершенно серьезно, даже с какой-то напыщенностью, добавил: — Но скоро я заставлю их переменить свое мнение.

— Ну конечно же, дорогой! — поддержала его Хитэр и ласково положила руку мужу на плечо.

Но тот раздраженно одернул ее:

— Ты что это? Тебе уже надоело быть единственным светилом в нашей семье?

Казалось, Хитэр вот-вот расплачется от обиды. Но тут в разговор вступила Анита, быстро разрядив возникшее напряжение:

— Как же вы быстро доехали! У нас с Чарльзом на дороге отсюда до Ричмонда уходит как минимум пять часов.

В этот момент на веранду вышла Мередит Мичам — полная молоденькая негритянка. В последнее время она стала быстро поправляться и, очевидно, в будущем собиралась догнать в весе мать. Как и Бренда, она постоянно носила белую униформу, которую им выдавали в детском кафе. Высунувшись из-за колонны, она звонко крикнула:

— Доктор Чак! Может быть, нужно помочь с багажом?

— Нет-нет, мы сами управимся,— улыбнулся Чарльз, на что Мередит лишь недовольно покачала головой: он опять не дает ей выполнять ее прямые обязанности...

Девушка повернулась и начала убирать со стола.

Увидев накрытый на веранде стол, Хитэр смутилась:

— Боже мой! Мы, наверное, слишком рано приехали? Вы обедали, а мы, видимо, помешали...

— Ничего подобного,— добродушно ответил Чарльз. Он опасался, что Марк тоже может почувствовать себя не в своей тарелке, и тогда контакт будет навсегда потерян.

— Мне так неловко,— виновато произнесла Хитэр.— Но мне помнится, вы говорили, что можно приезжать днем в любое время. А так как для нас с Марком это что-то вроде небольшого отпуска, мы выехали еще вчера и на ночь остановились в Шарлотсвилле. Вы представляете, мы всю жизнь прожили в Вирджинии и ни разу не были в Мон-

тиселло! А ведь это совсем рядом с Шарлотсвиллем, вот мы и решили сперва заехать туда. Вчера мы объехали кучу исторических мест, а потом пообедали в ресторане, который работал еще до Гражданской войны, представляете? А сегодня мы прямо после завтрака отправились в путь, потому что боялись не сразу найти дорогу, но вы так подробно все описали и нарисовали такой хороший план, что мы не потеряли в итоге ни единой минуты. И вот мы здесь...

— Вот и чудесно! — обрадовалась Анита. — Давайте мы вам поможем донести сумки и проводим в комнату. А потом можно выпить на веранде по чашечке кофе или, если хотите, мятного коктейля — Чарльз от него просто с ума сходит. И у нас останется еще уйма времени, прежде чем съедутся все остальные. Так что вы успеете даже немного вздремнуть.

— Ну и как, Марк, вам понравился Монтиселло? — поинтересовался Чарльз, пока они все вместе дружно разгружали багажник.

— Удивительно красив! — восхищался художник. — Теперь понятно, почему Томасу Джефферсону так не хотелось уезжать оттуда в Вашингтон, когда он стал президентом. Жаль, что мы не всегда можем жить там, где нам больше нравится... А сейчас это и вовсе становится для многих непозволительной роскошью.

— Поэтому мы и приобрели поместье Карсон, — с гордостью сказал Чарльз. — Я думаю, Марк, вы здесь прекрасно отдохнете. Мы с Анитой очень рады, что вы к нам все же приехали.

Чарльз всегда принимал близко к сердцу все высказывания своих пациентов. И сейчас ему было приятно, что Марк по достоинству оценил красоту Монтиселло. Это значило, что у него действительно тонкая душа и способность видеть прекрасное еще жива. Возможно, у него и в самом деле возникли серьезные проблемы в семье, но теперь, вспоминая некоторые высказывания Хитэр, он все больше убеждался, что этот случай не такой уж и безнадежный.

Хотя, если бы Чарльз присутствовал в комнате, когда Пирсоны остались одни, его оптимизму, возможно, суждено было бы несколько поугаснуть. Супругам отвели роскошную спальню на втором этаже в задней части дома. Солнечный свет заливал комнату через огромные окна, а легкий ветерок раздувал белые тюлевые занавески. Ощущение света и простора усиливалось еще и оттого, что сте-

ны и потолок были девственно-белого цвета. Между окнами стоял большой секретер из красного дерева с литыми медными ручками, удачно сочетавшийся с таким же шкафом у противоположной стены. Возле камина уютно расположились два удобных кресла, а рядом с ними — невысокий старинный столик. Но самым замечательным предметом в комнате, разумеется, была кровать — просторная, с пологом на четырех столбиках и балдахином. Причем и балдахин, и покрывало были сделаны из расшитого золотом зеленого шелка и обрамлены тяжелой золотой бахромой — такая ткань раньше использовалась для портьер.

Уолши пришли к единодушному заключению, что эта комната идеально подходит для молодой супружеской пары, которой в лечебных целях нужно пережить романтический подъем, и вполне годится для «второго медового месяца». Как и вся обстановка в поместье, эта спальня мало чем напоминала двадцатый век. И находясь в ней, можно было легко почувствовать, как уходят в сторону все нелепые проблемы современности.

— Какая чудесная комната! Тебе нравится, дорогой? — спросила Хитэр, раскладывая по ящикам привезенные вещи.

Марк хмуро посмотрел на нее, лежа на кровати поверх покрывала. Хитэр невозмутимо продолжала одну за другой распаковывать сумки.

— Уж такая чудесная! — злобно передразнил Марк. — Ты что же, как и твои психиатры, считаешь, будто здесь все заботы сразу же сами собой растворяются? Заблуждаешься. Можно подумать, что стоит лишь потереть волшебную лампу — и все готово, да? Черта с два! Можно изменить обстановку, но не нас самих.

У Хитэр все похолодело внутри. Неужели он намекает на то, что больше не любит ее? Потерять его любовь — вот чего она боялась больше всего на свете. Остальное она могла пережить — и его мрачное настроение, и злость, и отчаяние. Только бы он не начал относиться к ней так, как к самому себе.

— А ты говорил доктору Уолшу, что комната тебе понравилась, — напомнила Хитэр и сильно закусилла нижнюю губу.

— Просто из вежливости, — проворчал в ответ Марк, — перед нашим ВЕСЬМА богатым хозяином. Конечно, комната чудесная, иначе и быть не могло — нам ведь пришлось за это неплохо раскошелиться. Тысяча долларов — и полный кайф на целых четыре дня! Да мы просто помогаем им разбогатеть за наш счет, и не больше. Но раз

уж мы позволили обращаться с собой, как с сепливыми щенками в летнем школьном лагере, то нам действительно не помешает проверить свои головы.

— Мы вполне можем позволить себе такую роскошь, — возразила Хитэр. — В этом году мне невероятно везет. А на прошлой неделе я получила еще один чек...

— Мне уже надоело слушать, сколько ты зарабатываешь! — огрызнулся Марк.

— Но я считаю, что это НАШИ деньги, а не только мои, — попыталась оправдаться она.

— Тогда почему ты все время напоминаешь мне об этих деньгах? — разозлился Марк, спустил ноги и сел на кровати, исподлобья уставившись на жену.

Хитэр подошла и села рядом, не зная, какие еще подыскать слова, чтобы успокоить его и самой успокоиться вместе с ним.

— Мне совсем не важно, кто из нас зарабатывает деньги, — начала она. — Лишь бы мы оба были счастливы. Марк, ты мне должен верить, так было и будет всегда. Наоборот, я считаю, что я должна снять с тебя все финансовые заботы, чтобы ты полностью мог отдаться своему любимому делу. Я же никогда ни в чем не упрекала тебя, разве не так?

— На словах — нет.

— И на деле — тоже нет.

— Ты что, действительно считаешь меня ненормальным? — закричал он. — Значит, я все это сам выдумал?

— Нет, я просто думаю, все твои переживания происходят оттого, что тебя пока не хотят признавать. Но, пожалуйста, Марк, не надо срывать зло на своих близких. Я тебя никогда не брошу, но только прошу: не надо обвинять меня в своих неудачах.

Марк ничего не ответил. Он даже не пытался найти для жены какие-то слова ободрения. Хитэр медленно встала с кровати и вернулась к сумкам. Занятие было не из веселых, к тому же ее постоянно преследовала мысль, будто Марк ее разлюбил.

Последней надеждой на восстановление нормальных отношений для нее оставались психотерапевтические сеансы в этом поместье. Конечно, она не считала, что после посещения усадьбы все их проблемы сразу же окончательно развеются, как язвительно «полагал» Марк, но все же он мог бы по-новому взглянуть на их отношения, и временная размолвка перестала бы угрожать их любви.

Вчера ночью, хотя Марк и занимался с ней любовью, он все же давал понять, что Хитэр ему не совсем безраз-

лична. А сегодня опять цепляется по мелочам. И ее надежда, и так уже потрепанная судьбой, теперь буквально расплзалась по швам. Хитэр с ужасом думала, что их пятилетний брак, так прекрасно начавшийся, может вот-вот закончиться разводом.

Может, это из-за того, что уж слишком гладко идут дела у нее самой? Неужели это судьба всех женщин, которые зарабатывают больше своих мужей?..

За все время их совместной жизни она действительно приносила домой гораздо больше денег, чем он. Но это никогда его особенно не волновало, все тихо шло своим чередом. Поэтому так и повелось, что пока Марк не сделал свою карьеру, обеспечивала семью Хитэр, а рано или поздно у него обязательно должно было все получиться, просто еще не представился удобный случай. Для Марка Хитэр была не только верной супругой, но и надежным другом и помощником. Она готова была пойти на все, лишь бы проложить дорогу его несомненному таланту.

В самом начале их знакомства он казался таким энергичным и жизнерадостным — настоящий свободный художник, изо дня в день усердно трудившийся над камнем или холстом. Деньги никогда не были для него целью номер один. Самое главное — искусство. Но иногда ему все же приходилось брать коммерческие заказы, чтобы прокормить себя. В один из таких моментов он и встретился с Хитэр в небольшой рекламной компании в Ричмонде, где она к тому времени работала уже третий год после окончания художественного колледжа. У нее и тогда уже было много заказчиков, которые почему-то предпочитали именно ее и для разработки рекламных проектов, и для их исполнения. И Хитэр даже подумывала о том, чтобы бросить свою работу «с девяти до пяти» и перейти на разовые договоры, но смогла претворить этот замысел в жизнь лишь после того, как поняла, что окончательно влюбилась в Марка Пирсона. Именно Марк раздражил ее прелестями настоящей свободы и убедил в том, что и заказчики будут относиться к ней лучше, если она выберет именно такой путь.

Благодаря его уговорам Хитэр действительно ушла с постоянной работы и добилась успеха, несмотря ни на какие трудности. Она достигла совершенства в коммерческой живописи, чего нельзя было сказать о ее отношениях с людьми.

И этот успех положил начало ее провалу в личном плане. Марк стыдился того, что не поспевает за женой, и постепенно это все больше омрачало их безоблачное семей-

ное счастье. Они мечтали, что поднимутся на вершину славы вдвоем, и вот теперь оказалось, что он остался внизу. Но сама Хитэр осталась прежней. Она, как и раньше, готова была день и ночь работать над рекламными проектами и зарабатывать на жизнь, только бы он продолжал трудиться ради высшего искусства. Ей даже нравилось быть для Марка ломовой лошадей, снимая все его тревоги о работах. Даже если в ее голове и возникали иногда мысли о том, будто она талантливей его, Хитэр сразу же отгоняла их прочь.

Надо заметить, что она никогда не гордилась своими работами, может быть, потому, что все давалось ей чрезвычайно легко. Еще в школе она умела за несколько минут изобразить привлекательную мордашку или мультипликационных зверюшек, любила рисовать яркие сюжетные картинки. И хотя сейчас это приносило ей немалые доходы, все же такая работа не требовала затраты больших творческих сил. Хитэр повторялась, иногда даже заимствовала персонажи у других художников и делала все очень быстро. Временами она брала свой старый рисунок, добавляла несколько деталей, меняла цвета — и он уже выглядел как совершенно новый и неповторимый. За это ее очень ценили — фантазия у Хитэр была действительно неиссякаемая. И еще у нее было исключительное чутье на рыночный спрос продукции, и все, что она бралась рекламировать, впоследствии хорошо продавалось. Конечно, особого таланта на это не требовалось, но тем не менее сейчас Хитэр была буквально нарасхват.

У Марка же, как она считала, наоборот, был огромный талант, настолько потрясающий, что когда она впервые увидела его картины и скульптуры, то была буквально ошеломлена. Рано или поздно эти работы обязательно должны были привлечь к себе внимание известных критиков и меценатов. Только бы Марк не потерял веру в самого себя.

Хитэр часто грустила, размышляя над тем, что ведь именно Марк убедил ее заняться таким суетным делом, как реклама, и теперь она оказалась на высоте, а сам он со своими изумительными произведениями до сих пор оставался непонятым и непризнанным. От этого она постоянно чувствовала себя виноватой, будто именно из-за нее он начал сомневаться в своих силах. Все труднее и труднее становилось для Марка писать и ваять, потому что на чердаке и так уже скопилось немало созданных шедевров, при виде которых его надежда, что они когда-нибудь увидят свет в лучших галереях страны, постепенно угасала. За по-

следний месяц он не начал ни одной новой работы, оправдываясь тем, что его творческий подъем временно прошел. Как-то Хитэр попробовала вывести его из состояния депрессии, заявив, что лично ей приходится работать каждый день, не считаясь со своим настроением. Но это только вызвало у него новый приступ ярости. Марк в довольно резких выражениях объяснил ей, что такие замыслы, как у него, рождаются не сразу, их надо вынашивать, и что он вообще не автомат, у которого все должно получаться, как только нажмешь на кнопку.

Хитэр молча проглотила и эти обидные слова.

Но надолго ли хватит ее терпения?

Сколько еще времени собирается Марк издеваться над ней? Ведь может получиться так, что возникшее между ними напряжение приведет, наконец, к разрушению даже самых свежлых и нежных чувств.

А сколько уже раз Марк пытался заняться с ней любовью и у него ничего не получалось! Значит, и сама их любовь теперь тоже в опасности. Ведь она легко могла перерасти в нем в ненависть к «виновнице» всех его неудач.

Глава девятая

К половине третьего съехались почти все приглашенные пары. Не хватало только Вернона и Розы Херн. Анита оживленно беседовала с гостями на веранде, как вдруг вошла Бренда Мичам и доложила, что хозяйку просят к телефону. Звонила Роза. Она сообщила, что находится сейчас на заправочной станции в сотне миль от поместья. Роза предупредила Аниту, что она и Вернон запаздывают, но причина для этого была уж слишком дурацкая — она не поделила что-то со своим парикмахером и на выяснение отношений у нее ушло целых два часа.

— И вдобавок у нас кончился бензин, — сокрушалась Роза, будто весь мир сегодня повернулся против нее. — И Вернон говорит, что раньше шести мы не успеем, даже если не придется долго плутать.

— Хорошо, приезжайте в шесть или даже позже, только пусть он ведет машину поосторожней. Не торопитесь, — успокоила ее Анита. — Но мне все же хотелось бы, чтобы вы успели до ужина познакомиться с остальными гостями и как следует устроиться в своей комнате.

Повесив трубку, Анита почувствовала легкое раздражение, хотя по телефону ее голос звучал как всегда любезно. Херны вечно опаздывали и на прием в Ричмонде, поэтому совсем неудивительно, что и теперь с ними что-то прои-

зошло. Им обоим было уже за сорок, но вели они себя безответственно, как подростки. Страх перед старостью привел их к тому, что они так и не повзрослели окончательно. Они одевались и делали все не по возрасту, и иногда это доходило до полного абсурда. Анита не раз пыталась настроить их на серьезный подход к жизни, но привить им хоть какое-то чувство ответственности было попросту невозможно. Поэтому она лишь покачала головой и горько вздохнула, вспоминая этих на редкость незадачливых пациентов по дороге назад на веранду. Но там уже никого не было. Выглянув во двор, она увидела, что Чарльз, который так и не переоделся после верховой прогулки, в узких кожаных брюках и высоких сапогах, организовал сейчас что-то вроде ознакомительной экскурсии по поместью, показывая гостям дом со всех сторон и таким образом пытаясь снять у приехавших первоначальное напряжение. Анита догнала группу и передала ему разговор с Розой.

— Ну что ж, — ответил Чарльз, — в конце концов, они заплатили нам, и если их деньги пропадают зря, то это их личное дело.

— Но тогда они будут жаловаться, что мы уделили им мало внимания, — сказала Анита так, чтобы услышали и все остальные. Главным образом, эта фраза предназначалась для Марка Пирсона.

Почему-то сейчас Марк казался еще более замкнутым и мрачным, чем в первые минуты после приезда. Хитэр хотела взять его за руку, но он только грубо оттолкнул ее.

Среди гостей выделялась и еще одна молодая пара — Гарви и Андри Уорнак, у которых дела были тоже плохи. Андри ни на шаг не отходила от Чарльза, а Гарви, наоборот, плелся позади всех, как будто вообще был с ними не знаком. Им обоим исполнилось уже по двадцать пять лет. Гарви работал техником по компьютерам, а Андри преподавала историю. Первое время все у них шло нормально, как в любой американской семье. Неприятности начались два года назад, когда у Андри стали случаться приступы головокружения и резко ухудшилось зрение. Причиной оказалась опухоль мозга. Она была доброкачественная, но таких размеров и формы, что не оставалось никакой надежды на удачный исход операции. И тем не менее произошло чудо — она не только осталась жива, но и сохранила в норме все свои умственные способности и двигательные функции. Андри вернулась домой и должна была радоваться этому, как никогда, но все вышло наоборот. Гарви настолько уже подготовил себя к утрате любимой

жены и весь предался скорби, что фактически вычеркнул ее из своей жизни. Он слишком хорошо настроил свое сознание на то, что Андри больше нет, и когда узнал, что она выжила, впал в состояние, близкое к шоку. Со временем его жизнь осложнилась еще и обидой на неоправданные страдания, а потом чувством вины за эту обиду. И теперь Уорнакам было необходимо научиться правильно реагировать на окружающую действительность и разобраться в своих противоречивых чувствах, чтобы восстановить и укрепить прежнюю любовь и уважение друг к другу.

Анита решила проверить, не пропустил ли Чарльз чего-то важного в отношениях этой пары, хотя оба они были в Ричмонде его постоянными пациентами. Похоже, что между Андри и Чарльзом наметилась некая симпатия. Это было вполне естественно и встречалось во врачебной практике довольно часто. Пациенты нередко влюблялись в своих докторов, которые сочувствовали им и интересовались их жизнью, пусть даже из чисто профессиональных соображений. Но психотерапевты очень редко становились причиной таких увлечений, поскольку больные, обращающиеся к ним за помощью, как правило, находятся в эмоционально взвинченном состоянии. Однако нельзя и отталкивать от себя таких пациентов, потому что если не принять самого искреннего участия во всех их делах, то можно потерять и свой авторитет, и доверие больного, и тогда уже ему будет очень трудно помочь.

Анита была хорошо знакома с таким явлением и поэтому не испытывала ни малейших намеков на ревность, наблюдая, как Андри ходит по пятам за Чарльзом, бросая на него нежные и восторженные взгляды. Анита прекрасно понимала, что сейчас происходит, знала по опыту, что так бывает со многими, и к тому же была абсолютно уверена в любви и преданности Чарльза. Поэтому повода для беспокойства в создавшейся ситуации она не находила. Но совсем иначе воспринимал поведение супруги Гарви Уорнак. Он уныло тащился в хвосте группы, опустив глаза к земле, и изредка бросал злобные взгляды на Чарльза, когда тот отворачивался в сторону.

Но Чарльз, казалось, не замечал этих колких взглядов. Сейчас он вел гостей к маленькому кирпичному строению, бывшей кухне. Здесь в давние времена, еще до Гражданской войны, готовили летом еду для владельцев плантации и их работников. Андри слушала Чарльза, затаив дыхание, ведь она сама была учительницей истории. Внезапно она остановилась, тронула его за руку и с восхищением в голосе заговорила:

— Это просто великолепно, Чарльз! Скажите, а ваш дядя Гораций сам занимался реставрацией поместья, или это уже вы приложили к нему руку?

— Это дядя Аниты,— поправил ее Чарльз, отступая немного назад.— И здесь вы видите все именно так, как он нам оставил. Он был замечательным человеком и часто говорил, что наш век — эпоха упадка. Наверное, в чем-то он оказался прав. Во всяком случае, ему было бы лучше в восемнадцатом веке. Или, на худой конец, в девятнадцатом. Кстати, мне тоже.

— И мне,— поддержала его Андри.— Все тогда было намного проще.

— И многие болезни казались неизлечимыми,— донесся откуда-то издали голос Гарви Уорнака. Таким образом он, очевидно, пытался вернуть Андри в реальность из ее фантастического полета в прошлые века вместе с Чарльзом, явно намекая, что тогда бы она точно умерла от мозговой опухоли. Но она не оценила этой стратегии, а только вновь почувствовала себя обиженной и, едва оправившись от услышанной грубости, поспешила за Чарльзом в летнюю кухню.

Анита подумала, что эта ревность может даже пойти Гарви на пользу. Хотя он и свикся с мыслью, что должен отдать свою жену в объятия смерти, тем не менее — и теперь это было совершенно ясно — он вовсе не собирался отдавать ее другому мужчине.

Анита осталась на лужайке вместе с Беном и Софи Харрис. Эта пара не пошла внутрь домика, потому что для такой многочисленной компании он был явно маловат. Супруги Харрис — симпатичные круглолицые седые бабуля с дедулей — тоже имели свои проблемы, но положение у них было, пожалуй, самое завидное среди всех приехавших в поместье на этот уик-энд. Они по-прежнему хорошо относились друг к другу. Беда заключалась в том, что Бен, бывший инженер в какой-то промышленности, недавно вышел на пенсию, и теперь большую часть времени супругам приходилось проводить вместе, а это сказывалось на их нервной системе. Все их дети давно уже выросли, пережились и разъехались по разным городам, где в настоящее время благополучно воспитывали своих собственных детей. Дом Харрисов был громадный, но для Бена и Софи он неожиданно оказался тесным. Вместо того, чтобы найти какое-то новое хобби и вместе заняться им, они постоянно нарушали внутренние «границы» в доме, придирались друг к другу и без конца ссорились по пустякам. Однако, увидев эту милую парочку, никто бы не догадался, что у них

бывают какие-то раздоры в семье. И это лишний раз доказывало, что им просто не хватает интересных занятий, чтобы хотя бы искусственно убивать вместе лишнее время.

Кроме того, Анита прекрасно понимала, как тяжело было супруге Бена сражаться с ним двадцать четыре часа в сутки. Даже здесь, на отдыхе, он без конца вносил всякие предложения по «улучшению» оборудования дома. Инженерная мысль не давала ему покоя. То ему хотелось изменить форму водосточных труб, то поменять выключатели и по-другому освещать комнаты — даже если это шло в ущерб старинной обстановке всего поместья. Выйдя на пенсию, он никак не мог успокоиться и все пытался переделать в своем вкусе и стиле. Наверное, именно это и имела в виду Софи, когда впервые обратилась к Уолшам, жалуясь на своего мужа. Произошло это месяца полтора назад.

— Он постоянно учит меня, как надо готовить, стирать, гладить и чистить одежду, — возмущалась бедная женщина. — Теперь у него нет ни одного подчиненного, кроме, конечно, меня. И он начал с утра до вечера командовать мной и указывать, как надо вести хозяйство, хотя я прекрасно справлялась со всем этим сама в течение вот уже сорока трех лет совместной жизни. Конечно, такое было и раньше, но тогда он пил меня только по вечерам и в выходные дни, с чем я еще вполне могла смириться. Теперь же он посвятил этому абсолютно все свое время, как будто ему больше нечем заняться.

Сейчас Софи вместе с мужем осматривала поместье и, слушая его предложения, только крепче сжимала губы и недовольно покачивала головой. Бен посоветовал часть коюшни переделать под гараж, потому что тогда отпадала необходимость строить его отдельно. Анита вежливо кивала головой и улыбалась, отчего создавалось впечатление, что они с Чарльзом только и ждали такого совета, и непременно сейчас же пойдут звонить строителям, чтобы те начали работу прямо завтра с утра. Софи, как всегда, приготовилась скорчить за спиной мужа недовольную гримасу, но как раз в эту минуту Сэнфорд и Джоан Берман вышли из кухни, и Софи, подхватив Бена под руку, силой втащила его вовнутрь.

Очевидно, Берманы не особенно восторгались историческими ценностями. Они промямлили что-то невнятное вроде «занятные вещицы», имея в виду старинные плиты и разную кухонную утварь, и вдруг увидели Пулю и Мол-

нию, которых Джордж Стоун как раз выводил из загона на прогулку.

— Вот это да! Превосходные лошади! — в восхищении произнес Сэнфорд. Джоан тоже не сводила глаз с холеных упитанных коней.

Берманы были постоянными пациентами Аниты — так же, как Херны и Харрисы — и регулярно ходили к ней на прием в Ричмонде. Кроме того, Сэнфорд являлся членом Общества Анонимных Алкоголиков. Он воздерживался от спиртного почти уже год и сейчас выглядел просто великолепно — крепкий мускулистый сорокалетний мужчина с копной густых рыжих волос. Когда он впервые пришел за помощью и советом, на него было страшно смотреть — до того он казался забитым и измученным. Джоан, наоборот, была тогда чересчур полная, а из-за своего невысокого роста казалась еще толще. Но она была любящей и послушной женой и собиралась во всем помогать мужу, особенно в его борьбе с алкоголизмом, чтобы наладить семейные отношения.

Когда все гости во главе с Чарльзом вышли наконец из домика, Гарви незаметно оказался рядом с Андри, но она снова не оценила его попытки примирения и демонстративно отошла от мужа подальше. Возможно, она действительно была слишком уж очарована рассказами Чарльза, а может, ей просто хотелось, чтобы Гарви считал так. Анита сразу же вспомнила, что многие женщины именно таким образом и добиваются внимания мужчины — притворяясь, что им нравится кто-то другой. Эта теория была для Аниты более приятна, чем вероятность того, что Андри и Чарльза связывает симпатия по схеме «пациент — врач». Анита вполне могла бы понять Андри и даже хотела помочь ей, но только при условии, что та не положила глаз на Чарльза и не пытается завладеть им.

Сейчас Чарльз показывал гостям сарай, где у них находился трактор, и объяснял, что в былые времена здесь жили слуги.

— Вы хотите сказать, что здесь держали рабов? — уточнил Марк Пирсон.

— Да, но это были слуги, работающие только по дому, а не на плантации. В те годы и домашние слуги, и полевые рабочие были рабами, но у домашней прислуги было гораздо больше привилегий, и относились к ним намного снисходительней. После отмены рабства и те и другие официально получили свободу, и за труд им стали платить, но в действительности их положение мало в чем изменилось к лучшему. Свобода оставалась только на бумаге. Правда,

теперь их нельзя было продавать с аукциона, и, наверное, это было единственной переменной в их жизни.

— А сколько рабов здесь жило? — поинтересовалась Хитэр Пирсон.

— Самое большее — триста человек, — охотно пояснил Чарльз. — Семье Карсон принадлежала тогда вся долина — свыше ста тысяч акров земли. Основной культурой здесь был табак, он шел на продажу в Англию. Но подобно другим крупным поместьям, в Карсоне производились и все продукты, необходимые для обеспечения живущих здесь людей. Тут были своя маслодельня, сыроварня, кузнечные и столярные мастерские и многое, многое другое.

— Уму непостижимо! — Бен Харрис завистливо облизнулся, представив себе, сколько людей было в подчинении у владельцев поместья в те времена. — Это же просто замечательно!

— Ну, для рабов, я думаю, это было не так уж и замечательно, — попыталась охладить его пыл Софи.

Чарльз провел гостей мимо конюшен туда, где раньше находились домики полевых рабочих. Сейчас они были полностью разрушены, и лишь кое-где сохранились еще фундаменты в форме аккуратных каменных прямоугольников, до которых не успел добраться бульдозер. Местами валялись старые расколотые кирпичи.

— Кирпичи тоже делались здесь, в поместье, прямо из местной глины, — объяснил Чарльз. — Одной из причин того, что дома в Вирджинии строились с такой основательностью, были постоянные нападения индейцев. Даже срубы для рабов напоминали полевые укрепления с надежными дверьми, толстыми стенами и маленькими окнами с железными ставнями. А беспорядок здесь остался еще от дядюшки. Незадолго до кончины он решил восстановить некоторые из этих хижин, но не успел... Мы с Анитой думаем возобновить эти работы в самом ближайшем будущем.

— Как это прекрасно! — восторженно вздохнула Андри Уорнак, с восхищением глядя на Чарльза, и только на него одного, будто он и не упоминал вовсе свою жену, рассказывая о планах реставрации домов.

— Знаете, — неожиданно начал Сэнфорд Берман, — а вы могли бы устроить здесь исторический музей и грести с посетителям неплохие деньги. — Он говорил бойко и с огоньком, впервые за все время проявляя интерес к происходящему, под влиянием великолепной мысли превратить историческую ценность в финансовую. — Жилой дом у вас уже полностью готов, но этого недостаточно. Вы

меня понимаете? Надо восстановить и кузнечные мастерские, и сыроварню, и все остальное. Может быть, даже расставить манекены, одетые под рабов и надсмотрщиков. И можно смело заламывать любую цену, а назвать это как-нибудь вроде «Плантация Карсон былых времен»...

— Видите ли, мы сейчас не ставим себе целью сделать поместье достоянием туристов,— как можно дипломатичней ответил Чарльз.— Нам с Анитой оно нравится таким, как есть.

На обратном пути, проходя мимо конюшен, Анита дождалась Джорджа Стоуна и обратилась к нему:

— Не забудьте, Джордж, вам сегодня обязательно надо съездить в Карсонвилл к бакалейщику и закупить для нас продукты. Список у Мередит, перед отъездом возьмите его.

— Хорошо, мэм,— ответил Джордж.— Я поеду через часок-другой, когда выпасу лошадей и отведу их назад в загон. Я уже предупредил Сару, что сегодня приеду на ужин попозже. Что-нибудь еще?

— Нет, пока больше ничего не приходит в голову. Послушайте, а почему сегодня Джейнни не приехала?

— Сара оставила ее дома помогать по хозяйству.

Они с Джорджем обменялись понимающими взглядами. Оба знали, что «помощь по хозяйству» была всего лишь предлогом, лишь бы девочка не появлялась здесь.

Все гости расселись на веранде. Чарльз раздал каждому по блокноту и фломастеру. Анита устроилась на каменных ступеньках, а он в это время рассказывал пациентам, с чего начнутся их сеансы:

— Первое задание — написать письмо. Для этого надо всем разойтись по разным местам так, чтобы остаться в полном одиночестве. И там, наедине с собой, доверить бумаге самые сокровенные мысли и пожелания относительно ваших семейных отношений. При этом каждый пишет письмо своей жене или своему мужу. Вы должны сказать вашей половине все то, что боитесь произнести вслух,— продолжал Чарльз.— Поделитесь своими надеждами, переживаниями и тайными желаниями. Пишите обо всем — и о хорошем, и о том, что омрачает вашу жизнь. Расскажите в письме, от чего у вас бывают приливы нежности, а от чего — болит сердце. И, конечно, о том, чего бы вы хотели от своего мужа или жены, как он или она смогли бы вам помочь.

— Не стесняйтесь раскрыться,— добавила Анита.— Такие письма помогают лучше увидеть все ваши проблемы, и тогда вам самим станут более понятными ваши соб-

ственные мысли и чувства Вы все увидите в новом свете.

— А куда потом отдавать эти письма? — с дрожью в голосе спросила Хитэр Пирсон.

— Эти письма останутся у вас, — успокоила ее Анита. — Не волнуйтесь, мы не будем их собирать. Никто, кроме вас, никогда их не прочитает. Если вы, конечно, сами этого не захотите. И мы специально сообщаем об этом заранее, чтобы вы писали искренне, ничего не скрывая.

Но Анита рассказала не все. И это тоже было частью их плана. Немного позже супругам будет предложено по их собственному желанию обменяться этими письмами и узнать друг о друге, может быть, немного больше, чем когда бы то ни было.

Глава десятая

В то же самое время Джим Спенсер разрабатывал план своей последней попытки не дать Зеленой бригаде возможности добраться до Кубы; пока он разговаривал по телефону или ждал ответных звонков от каких-нибудь важных людей, Спенсер смотрел портативный цветной телевизор, установленный на аптечном прилавке.

То, что он видел на экране, вызывало у него нестерпимую боль и гнев. Это был печальный для Америки день, когда преступному коммунистическому сопляку вроде Уилсона Вудрафа предоставлялась возможность выступать по национальному телевидению с «обращением к народу».

Внутри Манхэттенского национального банка телевизионная камера в панорамном изображении показывала торжествующие лица террористов с автоматами, направленными на шестерых из двенадцати оставшихся в живых заложников. Полковник Мао сообщила Спенсеру, что шесть остальных заложников будут содержаться в отдельной комнате за закрытой дверью с приставленным к их шее оружием, с тем чтобы все знали, что они погибнут, если Спенсер выкинет какой-нибудь трюк. Например, пришлет людей из группы захвата под видом телеоператоров.

Движущаяся телекамера остановилась и крупным планом показала генерала Кинтея при полных регалиях Зеленой бигады, включая золотую змею на его берете и грудь, самочинно увешанную медалями. Одетый в форму цвета хаки, он был высок, узкоплеч, с довольно светлой для негра кожей. Черты лица у него были скорее кавказские, чем негроидные. Спенсер с сожалением вынужден был признать,

что Кинтей обладает какой-то порочной привлекательностью и благодаря этой непостижимой притягательной силе наверняка способен легко повелевать другими людьми. Не было никаких сомнений в том, что его черные как смоль, излучающие фанатизм глаза и чуть заметная садистская ухмылка на губах здорово притягивают к нему определенного сорта людей.

Кинтей стоял за импровизированной трибуной, по бокам — его любовница полковник Мао и близкий друг по тюрьме, худой белый человечек со злобным взглядом, которого товарищи по бригаде называли полковник Чу. Позади этой ужасающей троицы на стене висело огромное знамя Зеленой бригады. Оно являло собой пародию на американский флаг. На полотнище были изображены тринадцать зеленых и белых полос и свернувшаяся кольцами зеленая змея на прямоугольном красном поле у древка.

У Джима Спенсера вызвало отвращение и то, что в голосе телекомментатора, представляющего главарей террористов, чувствовалось какое-то уважение и даже благоговение, будто бы перед ним были не отпетые уголовники, а высшие офицеры армии иностранного государства-завоевателя. Наконец Кинтей заговорил, и голос у него оказался на удивление высоким и мягким, почти женским, что никак не вязалось с насилием, которое он так яростно пропагандировал, и несколько снижало производимое впечатление.

— Сердечно приветствую вас, — начал Кинтей. — Приветствую и передаю наши искренние чувства глубокой любви ко всем угнетенным массам, всем товарищам по оружию и всем томящимся в кровавых застенках фашистской Америки. Я генерал Кинтей. И сегодня я выступаю в память о погибших — Синке, Фахизе, Габи, Зое, Коджо и Джелайне. Я выступаю за объединение всех верящих в Симбионезскую Освободительную Армию, в Освободительный Фронт Нового Света, в Черную Освободительную Армию и во все другие легионы славной народной борьбы против империализма в Соединенных Штатах. Как бы вы ни называли себя, под каким бы знаменем вы ни сражались, все вы духовно являетесь солдатами Зеленой бригады!

При этом возгласе полковник Мао и полковник Чу выбросили вперед правые руки со сжатыми в приветственном салюте кулаками.

— Товарищи, мы горячо приветствуем вас! — закричали они в один голос.

Джим Спенсер с негодованием выставил вверх средний палец перед экраном телевизора. В это время зазвонил те-

лефон, и он снял трубку. Говорили из штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне. Ему сообщили, что сейчас с ним свяжется сам директор ФБР, и попросили подождать. Спенсер попытался с предельной четкостью и ясностью сформулировать все свои соображения, чтобы представить их шефу в наиболее выгодном свете. Он не мог вынести даже мысли о том, что ему не позволят предпринять что-нибудь такое, что раз и навсегда положит конец тем бредовым идеям, которые генерал Кинтей вбивает сейчас с экранов телевизоров в головы миллионов наивных и доверчивых американцев.

— ...Правящий класс и все его продажные агенты не смогут уничтожить нас, если мы объединимся, — продолжал Кинтей. — Они не смогут продолжать эксплуатировать, убивать и сажать в тюрьмы единую сплоченную армию. Сегодня мы доказали, что ФБР, ЦРУ и другие фашистские псы не так уж непобедимы. Сегодня мы выиграли эту битву, но настоящая война еще ждет своего часа. Вооружение и мощь этих свиней огромны, их стремление к зверству и угнетению безгранично, потому что они навечно хотят оставить нас в своем империалистическом рабстве. Но мы должны помнить слова нашего дорогого товарища Хо Ши Мина: «Сегодня саранча сражается со слоном, а завтра слон будет выпотрошен!»

Директор ФБР подошел к телефону, и Джим Спенсер начал излагать ему свой план, объясняя, почему, на его взгляд, он должен удался. Он ясно дал понять, что уже побеседовал с некоторыми экспертами и другими сведущими людьми и получил их одобрение и согласие сотрудничать. Занятый изложением своего плана, Спенсер почти не слышал слов Кинтея, который в это время подходил уже к заключительной части своей речи:

— Эти свиньи считают, что мы — безумные самоубийцы, потому что оказываем сопротивление с оружием в руках. Но я говорю им: как и наши убитые братья из СОА, мы, если нужно, пойдем на смерть за наше правое дело. Мы добьемся того, что Америка будет зеленеть, даже если сами и не доживем до того времени, чтобы увидеть это.

Краем уха Спенсер уловил в речи Кинтея слова о решимости пойти на смерть. Если директор одобрит сейчас его план, то он сможет помочь Кинтею и всей его банде осуществить это намерение.

— Вся власть народу! Вся власть народу! — дружно проскандировали Мао и Чу перед тем, как Кинтей продолжил свое выступление:

— Наше прошлое — постыдное прошлое послушных бедных и средних американцев — было бессмысленно, полно несбывшихся надежд, неиспользованных возможностей и отчаянного пессимизма, потому что все мы чувствовали пагубную пустоту капиталистической Америки еще задолго до того, как осознали ее. Но теперь наши глаза широко раскрыты, и наши взгляды устремлены в будущее. Сегодня мы улетаем на Кубу, где у нас произойдет историческая встреча с нашим великим и мудрым товарищем Фиделем Кастро. На Кубе мы начнем вести боевую подготовку всех, кто пожелает присоединиться к нам, всех, кто захочет стать таким же борцом за свободу, как мы. Мы будем набирать в свои ряды новых людей, вооружать их и усиливать мощь Зеленой бригады и постепенно готовить решительное вторжение в прогнившую империю Соединенных Штатов и ее полное и окончательное уничтожение. Мы доживем до того дня, когда из нашей искры возгорится пламя большого пожара. И в этом очистительном огне свободы сгорят дотла все империалистические свиньи. И тогда вековое угнетение народа превратится в дым, а злой дух эксплуататоров развеется пеплом!

Кинтей, Мао и Чу стиснули кулаки и в приступе фанатической ярости заорали:

— Смерть фашистскому зверю, который пирует на загубленных душах народа!

По вопросам директора ФБР Джим Спенсер почувствовал, что его план произвел благоприятное впечатление, и снова пригрозил средним пальцем экрану телевизора.

Глава одиннадцатая

Чарльз Уолш немного опоздал к ужину, потому что не смог пересилить себя и пропустить новости в шесть часов.

Комментатор сообщил, что примерно час тому назад Боинг-747 с членами Зеленой бригады и заложниками на борту взял курс на Кубу. Потом показали и сам самолет на взлетной полосе аэропорта Ла-Гуардия. Затем на экране вновь появился Кинтей, и началось повторение заключительной части его «обращения к народу».

Чарльз надеялся, что сейчас Кинтей развернет всю свою философию — пусть даже и не очень верную, — из которой можно будет понять его намерения и предугадать возможные дальнейшие действия этого психопата. Но звук заглушили, а по губам понять ничего уже было невозможно. И вместо этого диктор громко зачитал биографи-

ческую справку, которую Чарльз слышал еще днем. Затем промелькнули уже знакомые кадры: баррикады из мешков с песком, полиция и развернутые силы группы захвата, умирающие и уже мертвые заложники, после чего комментатор вкратце пересказал все события, начиная с захвата Манхэттенского национального банка вчера в три часа дня.

«Благодаря чудесам телевидения,— с горькой усмешкой подумал Чарльз,— все несчастья, кровь и страдания легко переносятся прямо в мой дом». И надевая праздничный вечерний костюм, он подумал, что скорее всего теперь настроение у него будет надолго испорчено, не говоря уже об аппетите.

Но винить было некого. Он сам добровольно нажал кнопку и сел перед экраном. Чарльз никак не мог успокоиться. В памяти сразу же всплыли страшные персонажи его ночного видения. Теперь он понял одно: надо дожидаться ночного выпуска новостей, чтобы убедиться в том, что самолет с террористами уже пролетел над Вирджинией и направился дальше в сторону Кубы. Иначе ему покоя не видеть.

Глава двенадцатая

В то время, как Зеленая бригада летела к товарищу Кастро на захваченном ими Боинге-747, Джим Спенсер направлялся в Шарлотсвилл, штат Вирджиния, на борту реактивного транспортного самолета ФБР. Все бойцы его ударной команды летели вместе с ним — сорок хорошо вооруженных и тщательно отобранных людей, специально подготовленных для борьбы с партизанами и террористами.

С одобрения директора ФБР Спенсер начал приводить в действие свой хитроумный, но рискованный план не выпустить террористов за пределы Соединенных Штатов. Директор напутствовал его так:

— Этот план — ваше детище от начала и до конца, Джим. Вы должны рассчитывать во всем только на себя. Если что-нибудь пойдет не так, вы несете за все полную персональную ответственность. Но что бы ни случилось, репутация ФБР не должна пострадать в результате этой операции.

Спенсер принял такие условия. И теперь ему не терпелось лицом к лицу встретиться в Шарлотсвилле с Кинтеем и бандой его никчемных фанатиков.

Командир и второй пилот Боинга — Ларри Уорнер и

Дэйв Райс — были агентами ФБР, переодетыми в форму сотрудников гражданской авиации. Райс выполнял также обязанности штурмана, поэтому он с Уорнером вполне могли управлять самолетом вдвоем. Нельзя было рисковать полным составом экипажа, ведь предусмотреть заранее все неожиданности в таком деле попросту невозможно. Поэтому в игру со смертью вступили только двое: Уорнер и Райс добровольно согласились участвовать в этой операции после того, как им объяснили план Джима Спенсера. Они знали, как был оборудован самолет, и понимали, что им предстояло сделать.

Система аварийного снабжения кислородом пассажирских салонов сейчас не работала. По указанию Спенсера она была отключена бригадой по обслуживанию самолетов. Имелись только кислородные маски и баллоны для Уорнера и Райса. План заключался в том, чтобы подняться на максимально возможную высоту — около 13 000 метров, — где атмосфера настолько разрежена, что в случае разгерметизации самолета все начнут задыхаться от недостатка воздуха. И когда Уорнер и Райс искусственно создадут эту чрезвычайную ситуацию, все наденут кислородные маски, но дыхательная смесь будет подана только в кабину экипажа, да и то лишь к местам командира и второго пилота, поэтому все пассажиры — как террористы, так и заложники — подвергнутся острому кислородному голоданию и вскоре потеряют сознание. Когда же они придут в себя и смогут нормально дышать, что произойдет на более низкой высоте, Дэйв Райс уже будет стоять с автоматом в руках, который он заберет у кого-нибудь из террористов, пока те будут лежать без сознания. Затем предстоит посадить самолет на небольшом военном аэродроме в Шарлотсвилле, где их уже будет ждать Спенсер и его бойцы из группы захвата, чтобы отправить террористов в тюрьму. При этом Спенсер очень надеялся, что Кинтей как-нибудь спровоцирует применение оружия, и тогда Джим получил бы большое удовольствие, наблюдая, как враги общества разлетаются на куски и сгорают, как это было в Лос-Анджелесе с «солдатами» СОА. Это было для Спенсера несравненно приятней, чем просто видеть, как их сажают на несколько лет за решетку, где они будут преспокойно убивать время и мечтать о том, чтобы снова начать уничтожение честных граждан после выхода на свободу.

Два заложника, казненных по приказу полковника Мао, были сотрудниками кредитного отдела Манхэттенского национального банка. Это и сделало их в ее глазах

«капиталистическими свиньями», а их «вина в ростовщичестве» послужила причиной вынесения смертного приговора. Оба были женаты и имели маленьких детей, которых надо было растить. Но теперь уже они не будут воспитывать своих малышей, и их дети никогда не восстанут против своих отцов, как это принято сейчас у молодежи, хотя родители работают и жертвуют собой только ради того, чтобы потом отдать им, своим детям, все самое лучшее.

Спенсер с грустью подумал о своей дочери Кэролайн и с содроганием представил себе, в какую беду она может попасть сегодня же ночью. Перед самым вылетом из Нью-Йорка он позвонил ей, чтобы сообщить, что задержится на работе и, возможно, не придет домой ночевать. Он насчитал тринадцать гудков, прежде чем Кэролайн подошла к телефону. Ему следовало бы сразу же бросить трубку, но он не сделал этого, хотя и сам не мог понять почему. Ему казалось непостижимым, странным и даже противоестественным, что его дочь умудряется крепко спать в такое время (а день уже клонился к вечеру), зная, что по телефону могут в любой момент сообщить, что отца уже нет в живых. Разве она не представляет себе той опасности, в которой он сейчас находится? Неужели она так прочно отгородилась от этого, не желая иметь к нему никакого отношения? Или ей просто на все наплевать? Может быть, в этом есть и его вина? Может, он зря все это время, пока она росла, оберегал ее от всяких тревог и забот? Не затронутая в детстве неприглядностью жизни, она казалась теперь малочувствительной к реальности вообще — и к отвратительной, и к прекрасной. Теперь ей надо было постоянно принимать наркотики, чтобы голова была «в нормальном состоянии», другими словами, чтобы она была способна хоть что-то еще чувствовать и понимать.

Разговаривая с дочерью по телефону, все, что он услышал в ее голосе, было раздражение и недовольство из-за того, что он нарушил ее сон. Кэролайн даже не попросила его быть осторожней. А услышать слова «я люблю тебя, папа» было для Спенсера просто несбыточной мечтой.

Он с горечью подумал, что если бы была жива его жена, которая умерла от рака восемь лет назад, то, возможно, дочь и не оказалась бы такой испорченной. Или, может быть, стоило тогда вновь жениться на какой-нибудь достойной женщине, чтобы дела снова пошли на лад?.. Но никто не может сказать, какое чудодейственное средство дало бы сейчас нужный результат. И где лежит ключ к

успеху в воспитании детей. И может ли быть какая-то безошибочная формула в этом больном, гниющем обществе, которое развращает и отравляет свою собственную молодежь наркотиками, порнографией и насилием...

Зажигая новую сигарету от только что выкуренной, Джим Спенсер скривился, вспомнив о своей недавней беседе с дочерью, когда он пытался популярно объяснить ей все опасности потребления марихуаны, а она грубо оборвала его, заявив: «Вы тоже употребляете наркотики, только они узаконены обществом. Это алкоголь и никотин». А когда он начал обсуждать с ней тему секса и его связь с любовью, доказывая, что люди должны нести ответственность друг перед другом, а не просто предаваться бесконечным половым наслаждениям, она лишь ехидно ухмыльнулась: «Только потому, что после смерти мамы ты так и остался девственником, теперь все должны вести себя по-твоему?» Тогда он влепил ей пощечину, и они не разговаривали целых три недели. Джим пытался убедить себя в том, что дочь стала ему абсолютно безразлична. Он бы мог еще стерпеть обвинение в том, что действительно имел привычку выкуривать в день по три пачки сигарет и каждый вечер выпивал три-четыре рюмки martinis, чтобы полностью расслабиться. Но он не мог простить Кэролайн дерзости в отношении ее покойной матери и намеков на отсутствие у него влечения к другим женщинам.

После смерти жены Спенсером овладело отчаянное стремление сделать Америку более подходящим местом для того, чтобы растить свою дочь. И только оно сейчас поддерживало его силы, поэтому Джим был особенно огорчен и даже поражен, поняв, что Кэролайн презирает его работу. Она видела в отце лишь одержимого тирана, пытающегося направлять и контролировать все общество, так же, как он контролировал ее личную жизнь. И судя по всему, в последнее время она вознамерилась доказать ему, что он больше не имеет над ней никакой власти, и она, если захочет, сможет запросто погубить и свой рассудок, и свое тело. И как Спенсер ни старался, он не мог остановить дочь, которая постепенно превращалась в пустое место.

Втайне Спенсер даже желал, чтобы она хоть как-то проявила внешне свое недовольство и протест, как это случилось с членами Зеленой бригады. Может быть, тогда она начала бы испытывать какие-нибудь эмоции, пусть даже ненависть к тому делу, за которое он стоял. Но вместо этого Кэролайн по-прежнему не желала ничего знать и не видела разве что его самого.

Глава тринадцатая

У Ларри Уорнера и Дэйва Райса были свои сомнения по поводу осуществимости затеи Спенсера. В кабине Боинга их постоянно охраняли два террориста — Микки Хольц и Жанет Фейган, которые неплохо разбирались в показаниях компаса и других навигационных приборов и могли безошибочно определять курс полета. Когда самолет оторвался от земли в аэропорту Ла-Гуардия, они крепко поцеловались и начали возбужденно обсуждать план своей предстоящей женитьбы на Кубе. Им очень хотелось, чтобы свадьба была сыграна по всем правилам коммунистической обрядности. Их совершенно не устраивало ни церковное, ни светское бракосочетание в США. Если бы можно было мысленно отбросить все их вооружение, то Жанет и Микки легко было бы принять за самую обыкновенную влюбленную пару. В отличие от большинства других террористов, эти были одеты не в военную форму, а в простые джинсы из плотной синей ткани и серые хлопчатобумажные рубашки — обычную одежду пролетариата.

Ларри Уорнеру было тридцать восемь лет, Дэйву Райсу — тридцать шесть. Оба отличались умом и находчивостью и держали себя в отличной физической форме. Уорнер был плотным, но не полным, с крупным квадратным лицом и темно-каштановыми седеющими у висков волосами. Райс обладал тонкими чертами лица и казался по-юношески хрупким, отчего создавалось впечатление, что он лет на десять моложе Уорнера. Но так можно было думать лишь до тех пор, пока оба не сняли свои форменные фуражки. И тогда оказалось, что Райс совершенно лыс. В прошлом оба были военными летчиками и в свое время совершили немало боевых вылетов на бомбардировщиках во Вьетнаме и Лаосе. После этого Уорнер пробовал работать в гражданской авиации, но нашел это занятие слишком скучным. Райс был привлечен на работу в ФБР еще до истечения срока своей службы в ВВС. К тому моменту, как они согласились доставить Зеленую бригаду на Кубу (и на полпути прервать этот полет), в их послужных списках уже значилось выполнение заданий ЦРУ по бомбардировке лагерей сандинистов в Центральной Америке. Поэтому ни у Уорнера, ни у Райса не было никаких сомнений в том, что если генерал Кинтей или кто-нибудь из его приспешников узнают об их военной деятельности, то их ни за что не оставят в живых, когда они перестанут быть для террористов полезными.

Точно так же не было никаких гарантий того, что Кинтей, Мао и Чу оставят жизнь заложникам после приземления их самолета в Гаване. Но Уорнер и Райс ничего не могли пока противопоставить этим безумцам с автоматами. Поэтому твердо решили следовать намеченному плану и поднять Боинг до предельной высоты, даже если Фейган и Хольц это заметят. Теперь надо было найти способ отвлечь их внимание от показаний высотомера.

Кроме командира и второго пилота на борту самолета находилось двенадцать заложников и сорок три террориста. Генерал Кинтей и полковники Мао и Чу сидели в расположенном за кабиной пилотов верхнем салоне первого класса на самом первом ряду кресел. За ними разместились остальные солдаты, за исключением двоих, оставшихся на нижней палубе охранять заложников в туристском салоне. У всех были пристегнуты привязные ремни на тот случай, если пилоты вздумают предпринять какой-нибудь резкий маневр или на самолет будет совершено нападение в воздухе. Кинтей предупредил своих людей, что «враги народа» могут решиться сбить самолет в воздухе, а затем сфабриковать убедительное объяснение, почему это было сделано, и общественность не слишком будет возмущаться по поводу того, что заложники тоже принесены в жертву.

В туристском классе одиннадцать заложников сидели по соседству друг с другом, а один — в стороне от остальных, через два ряда кресел.

Заложницу звали Элизабет Стоддарт. Это была красивая надменная женщина, привыкшая сама управлять своей судьбой и никогда не думавшая, что кто-то может поступить с ней так дурно. Ей было двадцать девять лет, но она уже успела дважды побывать замужем и дважды развестись, при каждом разводе увеличивая свое состояние. В настоящее время она была замужем за председателем правления корпорации «Фортуна-500». Когда террористы захватили Манхэттенский национальный банк, они увидели данные компьютера по ее различным счетам, заставили Элизабет открыть личный сейф и теперь знали все о ее финансах и положении. Но это, пожалуй, был единственный в ее жизни случай, когда общественное положение никак не смогло ей помочь. В их глазах она оказалась всего-навсего одним из «эксплуататоров масс», которых Зеленая бригада так ненавидела. Она была смертельно напугана и всячески старалась расположить к себе полковника Чу во время допроса. Элизабет указала на те выгоды, ко-

торые получит Зеленая бригада, если ее оставят в живых, в частности на выкуп. Стараясь доказать свою близость к пролетариату, она рассказала ему о многочисленных пожертвованиях в пользу рабочих. Но полковник Чу лишь презрительно рассмеялся ей прямо в лицо, протянул вперед руки и грубо разорвал блузку на ее груди. Готовая расплакаться от отчаяния, Элизабет стояла тихо и не сопротивлялась, пока он играл ее грудью. Потом, дрожа всем телом, помогла террористу раздеть себя.

— Пожалуйста,— робко прошептала Элизабет,— пожалуйста, попросите других уйти.

Что-то вроде улыбки скользнуло по его губам, когда он уставился на ее обнаженное тело. Тем не менее Чу приказал двум вооруженным охранникам покинуть кабинет управляющего банком и закрыл за ними дверь. В течение нескольких следующих часов — от прибытия вертолета из тюрьмы Аттика и до установки телевизионной аппаратуры в вестибюле банка — Элизабет старалась доставить полковнику Чу такое удовольствие, какое еще не приходилось испытывать ни одному из ее мужчин. Но сначала он был слишком нетерпелив, чтобы оценить ее сексуальное искусство. Лишенный половых связей в течение всего тюремного заключения и изголодавшийся по женщинам, теперь, оказавшись внутри нее, Чу никак не мог остановиться. И после первого оргазма он захотел еще... Тогда она смогла уже успокоить его и делать все, что хотела и что было необходимо. Теперь ей надо было как можно сильнее привязать его к себе узами секса, чтобы получить хоть какой-то шанс на спасение.

Уже в самолете у нее вновь вспыхнула надежда на то, что пока животные аппетиты Чу не будут удовлетворены до конца, он оставит ее в живых. И она будет среди заложников его любимицей. В сущности, Элизабет верила, что ее выделили для какой-то особой роли, посадив отдельно от других пленников, которых согнали в одну кучу.

Захваченные сидели в оцепенении, неестественно тихо, боясь сделать лишнее движение или издать какой-нибудь звук, который мог бы привлечь внимание охранников. Некоторые про себя молились. Несмотря на обещание отпустить их в Гаване, многие сильно сомневались в том, что когда-нибудь вновь увидят своих родных и друзей. Они с ужасом сознавали, что каждая секунда полета приближает момент окончательного определения их судьбы.

Двое охранников — солдаты из Зеленой бригады, одетые в рубашки с короткими рукавами и выцветшие джинсы,— расположились друг против друга на расстоянии се-

ми рядов кресел так, чтобы в случае чего могли легко перестрелять всех заложников перекрестным огнем из автоматов. Кроме того, они были вооружены автоматическими пистолетами 45-го калибра, которые держали на поясе в зеленых брезентовых кобурах, и обвешаны патронташами и ручными гранатами. Оба выглядели очень усталыми и раздраженными. Накануне они не спали целую ночь, их постоянно беспокоили полицейские и ФБР. От такого напряжения глаза их припухли и налились кровью, а пальцы прямо-таки чесались на спусковых крючках.

Элизабет Стоддард провела языком по пересохшим губам. Она всегда испытывала недоверие к людям ниже нее по положению. И теперь ее беспокоило, что кто-нибудь из заложников может сделать какую-то глупость, в результате которой в беде окажутся все, и она в том числе. Она сидела прямо, не решаясь повернуть голову и посмотреть через плечо или по сторонам. Элизабет давно уже поняла, что сейчас надо вести себя как можно послушнее. Ей вовсе не хотелось оказаться в пределах зоны перекрестного огня стражников в том случае, если чье-нибудь неосторожное движение спровоцирует стрельбу.

Голубые шторы над левым проходом салона раздвинулись, и все заложники затаили дыхание. К ним направлялся полковник Чу. Со змейкой на рукаве и золотым орлом на берете, этот худощавый человек, одетый в форму защитного цвета, сейчас расхаживал с такой наглой ухмылкой, будто это не он еще совсем недавно сам сидел в тюрьме и испытывал на себе все «преlestи» пребывания в роли жертвы.

Элизабет Стоддард подняла глаза и соблазнительно улыбнулась, когда он медленно проходил мимо нее. Ведь всего лишь несколько часов тому назад она сделала все возможное, чтобы наилучшим образом угодить ему в сексе. И теперь Элизабет старалась поверить в то, что полковнику и сейчас еще хочется близости с ней, хотя бы немного. В конце концов десятки мужчин, гораздо богаче и могущественнее этого Чу, влюблялись в нее до потери разума.

Он остановился возле нее и вынул из кобуры пистолет.

— Пойдем со мной, Элизабет,— тихо приказал он.

Во рту у нее пересохло. Подбородок задрожал, и улыбка разом сошла с лица. Элизабет попыталась встать, но колени ее ослабли, и она упала назад, однако быстро поднялась, ухватившись за спинку переднего кресла.

— Не бойся,— сказал Чу странным и неприятным тоном.— Мы решили поместить одного из заложников в ка-

бине пилотов, на тот случай, если они попытаются выкинуть какой-нибудь фокус.

Нетвердой походкой Элизабет направилась по проходу впереди Чу, его пистолет упирался ей в спину каждый раз, когда она спотыкалась на своих ватных ногах и отшатывалась назад. Ей очень хотелось думать, что она все еще находится в безопасности. Объяснение Чу насчет заложника в кабине у летчиков казалось ей вполне разумным. Но она также знала, что людям, отправляющимся в газовые камеры, нацисты часто говорили, что их ведут принимать душ.

Чу подтолкнул Элизабет вперед к лестнице в верхний салон первого класса и повел мимо рядов солдат Зеленой бригады. Некоторые из них тихим шепотом беседовали, другие играли в карты, используя вместо столов подносы, а некоторые просто спали, устав от всего. Когда Элизабет поравнялась с генералом Кинтеем и полковником Мао, те даже не подняли на нее глаза, может быть, они не обращают на нее внимания, потому что она уже обречена? Может, она просто перестала для них существовать, раз приговор уже вынесен? Несмотря на то, что в спину ей упирался холодный пистолет Чу, Элизабет повернулась к ним лицом. Ей хотелось заговорить с ними смело и спокойно, но вместо этого из горла у нее вырвался лишь сухой, хриплый шепот:

— Мой муж заплатит за меня миллионы. Вам было бы разумней выбрать кого-то другого. Какая польза от меня мертвой?

Кинтей лишь мрачно посмотрел на нее и криво усмехнулся.

— А ваш муж ничего и не узнает, — злорадно улыbnулась полковник Мао. — Мы ему скажем, что вы живы.

Полковник Чу протолкнул ее вперед через открытую дверь пилотской кабины. Ее отчаяние было теперь безграничным. Наконец она поняла, что никакая сила не может уже ее спасти. Ни красота, ни сексуальная привлекательность, ни даже деньги. Раз эти люди задумали что-то с ней сделать, то непременно приведут свой план в исполнение.

Глаза Элизабет были полны слез, сквозь которые она разглядела затылки командира и второго пилота, бесчисленные приборы, кнопки и рычаги управления и двух охранников — Фейган и Хольца. А потом ее взору предстал сказочный вид синего неба с пушистыми белыми облаками, которых она, может быть, никогда уже больше не увидит с земли. Элизабет безвольно опустилась на колени и обхватила руками ноги Чу, умоляя его:

— Спасите меня... пожалуйста... спасите меня...— Она громко рыдала.— Я сделаю все, что вы захотите... Я буду вашей женщиной.

— Ты должна понять, крошка,— произнес полковник Чу с некоторым оттенком сочувствия,— что ты хороша в постели, но вряд ли годишься в сестры революции.

С этими словами он поднял руку с пистолетом вверх и с размаху ударил ее ручкой по голове. Элизабет потеряла сознание.

Ларри Уорнер и Дэйв Райс наблюдали за этим с внешним спокойствием, но внутренне они были напряжены до предела и ожидали начала какого-нибудь замешательства, которым смогли бы воспользоваться. Если внимание террористов, особенно Фейган и Хольца, будет отвлечено, они смогут незаметно начать набор высоты.

В кабину вошел генерал Кинтей. Он посмотрел на женщину, лежащую лицом вниз у ног полковника Чу. Ее светлые волосы были запачканы кровью, вытекающей из того места, куда пришелся удар.

Окинув мрачным взглядом Уорнера и Райса, Кинтей произнес:

— Мы не испытываем угрызений совести, приговаривая наших врагов к смертной казни. Но, может быть, вы сомневаетесь в этом?

— Нет, мы в этом не сомневаемся,— спокойно ответил Уорнер.— Мы знаем, что вы уже убили двух заложников в банке.

— А может, вы считаете, что самолет — это совсем другое дело?

— Почему же? — удивился Уорнер.— Вовсе нет. Но только в дальнейшем у вас не будет необходимости убивать людей. Я обещаю вам, что уже через пару часов вы благополучно ступите на кубинскую землю.

— Ваши слова для меня ничего не значат,— оборвал пилота Кинтей.— Я думаю, вам надо своими глазами увидеть, что произойдет, если вы вызовете у нас хоть малейшее подозрение в том, что самолет отклонится от указанного курса.

— Но ведь Фейган и Хольц разбираются в показаниях приборов,— продолжал Уорнер.— Разве не так? Или вы не уверены в их опытности?

— Показания приборов можно искусственно изменить,— ухмыльнулся Кинтей и кивнул полковнику Чу, который уже наклонился к Элизабет Стоддарт и направил пистолет на ее голову.

— Нет! Не надо! — воскликнул Дэйв Райс. — Если вы промахнетесь, то можете пробить отверстие в фюзеляже, и кабина разгерметизируется!

Но Чу уже нажал на спусковой крючок. Грохнул оглушительный выстрел, и голова женщины разлетелась на куски, как арбуз. Чу отскочил назад, чтобы не испачкаться.

— Каждый раз, когда у нас будут возникать сомнения в вашем послушании, мы будем убивать по одному заложнику, — предупредил Кинтей обоих пилотов. Затем он повернулся и вместе с полковником Чу отправился назад на свое место в салоне первого класса.

Уорнер украдкой взглянул на Фейган и Хольца, которые стояли у задней панели с приборами. Было видно, что молодых террористов потрясла эта кровавая сцена. Их лица побелели от ужаса. Вероятно, им все же было чуждо насилие, и они раньше не представляли себе, что их побег вызовет столько человеческих смертей. Теперь же они стали свидетелями настоящего убийства и были ошеломлены этим. И хотя внешне они старались придать себе решительный вид, внутри у них все клокотало и решимость уступала место растерянности.

Разумеется, в таком состоянии им уже было трудно все время помнить о том, что необходимо проверять показания высотомера. Тем более что Кинтей сам только что подчеркнул, что надо прежде всего следить за курсом на Кубу. За курсом, а не за высотой. Террористов главным образом интересовало направление и скорость полета. Они хотели увериться только в том, что летят на юг и при этом летят быстро. Поэтому оставалась надежда, что они вряд ли заметят, как самолет отклонился вверх.

Уорнер решил, что попытается использовать эту возможность, как только они подлетят к зоне Шарлотсвилла в Вирджинии.

Глава четырнадцатая

Ужин в поместье Карсон походил на старинное праздничное торжество. Анита наконец-то могла передохнуть от своей диеты. А Чарльз с удовольствием принял на себя роль гостеприимного хозяина-плантатора в духе лучших традиций прошлого.

Столовая во времена Карсонов, по всей видимости, служила одновременно и музыкальным холлом и танцевальным залом. Она была на редкость просторной и элегантной. В противоположных концах комнаты располагались высокие готические каминные, отделанные настоящим итальян-

янским мрамором. На сервантах и шкафах вдоль стен стояли фарфоровые статуэтки, изображающие красиво одетых мужчин и женщин — очевидно, тоже владельцев плантаций — и декоративные вазы с засушенными цветами. На стенах были развешаны огромные написанные маслом картины — классические пейзажи и портреты именитых всадников — а между полотнами поблескивали начищенные серебряные канделябры.

На столе выстроилась целая армия старинных хрустальных бокалов, фарфоровых сервизов и антикварных оловянных приборов. На ужин подали жареных фазанов, фаршированных устрицами, вирджинскую ветчину, и потомаскую сельдь под лимонным соусом. Кроме этого, было множество второстепенных блюд, как-то: салаты из пастернака и репы, сладкий картофель, горячее овощное рагу и индийский пудинг. На десерт предлагались взбитые сливки, ликер, сухое вино и лимонный сок с сахаром.

Во время ужина Чарльз не забыл сообщить гостям, что все блюда приготовлены по старинным рецептам. Еду чинно вносили Бренда и Мередит Мичам, и это произвело такое сильное впечатление, что гости дружно зааплодировали, а кто-то даже предложил за них тост.

Андри Уорнак каким-то образом ухитрилась сесть по левую руку от Чарльза, а Анита заняла место справа. Андри щебетала, не умолкая, восторженно восхищаясь всем, что видела на столе, а если она вдруг почему-то все же прерывалась, то лишь для того, чтобы собраться с мыслями и начать очередной монолог. Когда ужин уже подходил к концу и гости пили кофе со взбитыми сливками, она вдруг заявила, что чувствует в этой комнате призраков. А потом подробно расписала привидевшийся ей в этом зале бал, мысленно сдвинув стол и скатав огромный ковер. Она до того увлеклась, что уже почти видела офицеров, кружащихся под звуки скрипок и клавикордов в вальсе с дамами в длинных кринолиновых платьях.

Закончив свое красочное описание, Андри уставилась на Чарльза, ожидая услышать от него похвалу. Все гости молчали, и сам хозяин тоже.

Первым опомнился и заговорил Сэнфорд Берман:

— Бог ты мой, теперь сразу стало видно, что вы учительница истории.

— А что в этом плохого? — холодно спросила Андри, сверкнув на него своими зелеными глазами.

— Просто вы не можете существовать в современности, и фантазии постоянно заносят вас в прошлое. А я-то думал, что все эти училки истории только и знают, что за-

ставляют детей зубрить даты и запоминать всякие вещи, которые давно уже канули в Лету.

Но тут на выручку пришел Чарльз:

— Прошрое не только не умерло, но оно само по себе не прошрое. Я не помню, кому принадлежат эти слова, но, по-моему, сказано очень точно.

— А я что-то ничего из этой фразы не понял,— отозвался Сэнфорд, будто он только и делал, что искал во всем особый глубокий смысл.

— Ладно, не думайте больше об этом,— снисходительно посоветовала Андри, счастливая оттого, что Чарльз перешел на ее сторону.— Но где же тогда провести черту, отделяющую нас от наших предков? Если прошрое, как вы утверждаете, кануло в вечность, то должен быть известный момент, когда оно кончилось и началось настоящее...

— Вот Римская империя была, да вся вышла,— язвительно заметил Берман.— И нет ее больше.

— Не совсем так,— огрызнулась Андри, чувствуя, что начинает раздражаться.— Все равно остались законы этой империи, обычаи, язык, дороги и даже акведуки. Ничто в мире не уходит бесследно.

— Но зачем это так подробно изучать? — не унимался Сэнфорд.— Для чего мне запоминать целую кучу никому не нужных дат? Я в школе прямо-таки ненавижу эту историю.

— Если из истории вы помните только то, что вас заставляли зубрить даты, то вам можно лишь посочувствовать,— снова вступил в разговор Чарльз.— История нужна прежде всего для того, чтобы расширять наш кругозор и развивать интеллект. Время течет постоянно и нигде не обрывается. А человек или целая нация, которые не знают своего прошлого, похожи на больных, страдающих потерей памяти. Надо точно знать, что было до нас, чтобы лучше представлять себе, куда мы идем сейчас.

— Вот именно! — радостно воскликнула Андри.— А я никак не могу заставить своих восьмиклассников выучить даты. Я тоже все время пытаюсь объяснить им, как важно запомнить весь поток предыдущих событий, чтобы легче было проследить, как человечество постепенно меняло свою собственную судьбу.

— Вот поэтому тебя и считают отличным педагогом,— похвалил жену Гарви Уорнак и осторожно прикоснулся к ее руке.

Но она не обратила внимания на его жалкую попытку вернуть утраченное расположение к себе, будто и не по-

чувствовала этого прикосновения вовсе. Она, казалось, никого не замечала теперь, кроме Чарльза.

— Спасибо, что вы встали на мою сторону. Я вами просто восхищена. Вы такой очаровательный и чувствительный мужчина.

— Что само собой предполагает, будто я лишен этих качеств,— шутливо заметил Сэнфорд, однако в голосе его уже сквозило легкое раздражение.— Да, я не какой-нибудь там «умник», и готов первым это признать. И я счастлив оттого, что живу в двадцатом веке, и считаю, что вся ваша древняя шелуха — это сплошная тоска и чушь. Если, конечно, не начать выкачивать из нее деньги, как я уже предполагал. Ну, в смысле, восстановить кое-что...

— Правильно. А у каждого восстановленного домика поставить по турникету, куда надо будет бросать монетки,— усмехнулась Андри.— Как вам нравится такая перспектива, Анита?

Анита вздрогнула. Она не предполагала, что Андри будет обращаться к кому-то еще, кроме Чарльза. К тому же она не особенно прислушивалась к этому никчемному спору и поэтому теперь была застигнута врасплох.

— Извините,— начала она.— Я немного отвлеклась. Я все смотрю на пустующие места Вернона и Розы Херн и думаю: почему же они до сих пор не приехали?.. Будем надеяться все же, что с ними не случилось в пути ничего неприятного.

— Я думаю, с ними все в порядке,— улыбнулся Чарльз.— Насколько я помню, они постоянно опаздывают.

— Да, но не настолько же. Я уже начинаю волноваться.

— Давайте перейдем в гостиную,— предложил Чарльз,— и выпьем по бокалу хереса. Я думаю, к тому времени, как мы разольем вино, Херны как раз подспеют и присоединятся к нашей компании.

Глава пятнадцатая

На борту реквизированного Зеленой бригадой Боинга-747 один из заложников — бледный лысый человек небольшого роста с худым лицом, пухлыми губами и в очках с толстыми стеклами — думал не только о том, пощадят его жизнь или нет, когда самолет приземлится в Гаване. Он думал и о деньгах, которые находились сейчас в руках террористов. Два миллиона долларов. Это была достаточная сумма, чтобы начать новую жизнь и жить так, как ему захочется.

Фред Паймен Курбат работал киномехаником в небольшом частном кинотеатре и был очень недоволен тем положением, которое отвело ему общество. Вчера во второй половине дня он зашел в Манхэттенский национальный банк, чтобы положить на свой счет скудное жалование. Угрюмый и нелюдимый холостяк, Фред в свои тридцать семь лет все еще жил с властной, страдающей ипохондрией матерью и уже второй десяток лет работал в этом старом кинотеатре на Сорок второй улице, где обычный репертуар состоял из порнографических фильмов и лент о супружеской жизни, о которой сам Курбат имел весьма приблизительное представление, хоть и видел ее на экране каждый день с утра до вечера без перерыва.

Его страстным увлечением было коллекционирование оружия, тренировка в стрельбе и занятия карате. И хотя все это его мать считала бессмысленной и глупой тратой денег и времени, она, по мнению Курбата, просто не понимала, что скоро в Америке начнется гражданская война, в чем Фред был непоколебимо убежден и чувствовал ее приближение всем своим сердцем. Поэтому его совсем не удивило появление в банке вооруженных людей со змеями на руках. Последние шесть лет он жадно читал книги и журналы по выживанию в экстремальных условиях, обучался самообороне и методично делал, насколько позволяли его финансовые возможности, запасы всевозможного оружия и продовольствия, которые ему понадобятся в то время, когда закон и порядок в стране будут полностью нарушены. А мать лишь постоянно ворчала и жаловалась на то, что он устроил свалку в одной из пустующих комнат их квартиры. Боже мой! Она пожалела пустую комнату, в то время как он мечтал иметь собственную крепость в труднодоступной местности, с артиллерийскими орудиями и заминированными подходами и даже с забором, по которому пропущен электрический ток. Но только богатым была по карману такая защита. Курбату же приходилось выкраивать из своей зарплаты каждый доллар и всячески экономить, чтобы купить себе самое необходимое, что даст ему возможность остаться в живых во время предстоящего побоища в Манхэттене.

Но теперь, на этом самолете, были достаточные средства, чтобы спасти его. Два миллиона долларов. Кинтей и его шайка охраняли в салоне первого класса мешки, туго набитые хрустящими зелененькими банкнотами.

Каждый день, когда Фред выходил из дома, он брал с собой одно из своих тайных орудий, которое придавало ему чувство уверенности и силы. Иногда это был прикреплен-

ный к ноге стилет, иногда — плоский мелкокалиберный автоматический пистолет, пристегнутый к плечу под рубашкой.

По счастливой случайности вчера утром он не взял с собой ни того, ни другого. Такие предметы были бы слишком заметны, и террористы наверняка отобрали бы их во время обыска. Хотя выглядел он настолько безобидным, что они даже и не обыскали его как следует. Если бы на нем в этот день оказались сапоги, они могли бы проверить, нет ли в голенище ножа, но он был в ботинках, и бандиты даже не заставили его снять их. А если бы и заставили, то вряд ли заметили, что у правого ботинка нижняя половинка каблука была съемной, а под ней в небольшом углублении находилась ручка короткого, но очень острого ножа, узкий клинок которого был спрятан в толстой кожаной подошве.

И вот теперь у Фреда Курбата, летевшего на захваченном самолете с бандой террористов, двумя миллионами украденных долларов и с тайным оружием в ботинке, появилась страшная и почти нереальная возможность бросить вызов судьбе. Ему уже начинало казаться, будто вся эта история произошла лишь потому, что некие высшие силы хотят испытать сейчас на прочность его самого. Сможет ли он доказать свою решимость действовать? Достаточно ли сильна его подготовка и воля к выживанию? Как он использует свой шанс укрепиться в обществе, которое вот-вот будет охвачено войной? Ведь еще никто никогда в жизни не считал его победителем. А мать пусть сама защищает себя, если сможет. Раз уж она такая умная, то пусть тонет или выплывает без его помощи. Курбат сообразил, что ему удастся осуществить свой план лишь в том случае, если он сможет приставить свой нож к горлу одного из руководителей террористов — Мао, Чу или, что еще предпочтительнее, самого Кинтея. Тогда он сможет требовать от остальной банды выполнения всех своих приказов. Можно будет заставить их посадить где-нибудь самолет и отпустить его с двумя миллионами. Затем он позволит им снова взлететь. И пусть эта Зеленая бригада отправляется ко всем чертям на свою хреновую Кубу. Ему на это будет уже наплевать, раз у него в руках окажутся целых два миллиона.

Когда полковник Чу зашел в туристский салон, чтобы забрать Элизабет Стоддарт, он остановился слишком далеко от Курбата, и наброситься на него было сложно, ведь Элизабет сидела в стороне от остальных заложников. Что же касается самого Курбата, то он считал, что эта сучка

вполне заслуживает смерти. Когда Чу передергивал затвор своего пистолета, Фред отчетливо услышал этот тихий щелчок несмотря на вибрацию и гул четырех моторов. Другие заложники, видя, что происходит, начали рыдать и молиться. Курбат тоже обмяк, задрожал всем телом и закрыл лицо руками. Но он поступил так лишь для того, чтобы не привлечь к себе раньше времени внимания охранников. Пусть лучше они думают, что он такой же трус, как и все остальные. На самом деле он просто дожидался подходящего момента, всем сердцем надеясь на удобный случай. Он уже принял свое решение. Если один из главарей Зеленой бригады подойдет к нему достаточно близко, он нанесет свой удар.

Захваченный Боинг находился сейчас на расстоянии одного часа лета до Шарлотсвилла. Ларри Уорнер и Дэйв Райс незаметно обменялись многозначительными взглядами.

Окровавленное тело Элизабет Стоддарт все еще лежало на полу их кабины. Фейган и Хольц, притихнув, сидели в противоположных углах позади кресел командира корабля и второго пилота с автоматами «Узи» на коленях и старались сохранять внешнее спокойствие. Но было заметно, что они утомлены, раздражены и напуганы. Временами они проверяли показания навигационных приборов, чтобы убедиться, что самолет направляется прямым курсом на Кубу. Но они не обращали внимания на высотомер и старались не глядеть на труп — очевидно, они не выносили вида мертвецов.

Играя на этой слабости, Дэйв Райс спросил:

— А нельзя ли как-нибудь убрать отсюда эту мертвую женщину? Или хотя бы накрыть ее чем-то?

Микки Хольц притворно ухмыльнулся, услышав такую просьбу, будто бы труп вовсе не беспокоил его. Затем с показным безразличием обратился к своей подружке:

— Жанет, может, ты попросишь полковника Чу обменять эту женщину на какого-нибудь живого заложника? Ведь если нам придется убивать летчиков в случае всяких выходов с их стороны, то это, пожалуй, ни к чему хорошему не приведет. Лучше сделать ставку на жизнь третьего лица.

— Хорошая идея, — твердо сказала Фейган, изо всех сил стараясь походить на достойную спутницу бандита. Затем нажала кнопку переговорного устройства и на весь самолет передала по громкоговорителям просьбу летчиков к полковнику Чу.

Райс и Уорнер надеялись, что, желая избавиться от трупа, она сама уйдет из кабины, чтобы договориться со своим командиром. Но, очевидно, Жанет боялась без разрешения оставить свой пост.

В кабину вошел Чу с пистолетом наготове. Убедившись, что там ничего непредвиденного не произошло, он нехотя убрал оружие. На секунду в его глазах блеснула садистская усмешка, потом он надменно произнес:

— Ваше предложение с удовольствием принимается. Будет другой живой заложник. Я сам сейчас лично выберу его и попрошу двух наших товарищей вытащить Элизабет в салон туристского класса. Там она будет для остальных пленных хорошим примером того, что может случиться с каждым из них, кому придет в голову вести себя неподобающим образом.

— Спасибо, полковник, — ответил Микки Хольц.

И Чу вышел из кабины, чтобы выполнить свою приятную миссию.

Ларри Уорнер посчитал, что принятые им меры по избавлению от мертвого тела и замене его новым заложником будут достаточны, чтобы отвлечь внимание террористов от приборной доски, и начал осторожно набирать высоту, достигая зоны, бедной кислородом.

Когда Фред Курбат увидел полковника Чу, входящего в салон со своим пистолетом, он был уже готов к нападению. Услышав по громкоговорящей связи объявление о том, что должно произойти, он положил правую ногу на левое колено и незаметно достал из каблука правого ботинка свой «городской резак». Теперь нож находился у него в правой руке: ручка была в ладони, а клинок прижился к запястью.

Чу не спеша шел по проходу, сверля своими глазами-бусинками бледные лица заложников, как бы играя с ними в кошки-мышки и держа в постоянном напряжении: кого же из них выберут на этот раз?.. Он презрительно усмехнулся, взглянув на Фреда Курбата, который весь сжался на своем кресле и мелко дрожал. Но стоило Чу отвернуться, как тот резко вскочил со своего места, приемом карате вышиб из руки полковника пистолет, заломил его правую руку за спину и приставил к горлу «городской резак».

— Не двигаться! — крикнул Курбат обоим охранникам. — Или я прирежу вашего полковника, как свинью на бойне!

Пользуясь вызванным внезапностью преимуществом своего положения, Курбат подтолкнул беспомощного Чу к

одному из растерявшихся охранников, схватил того за пояс и сорвал с него одну гранату.

— Всем выполнять, что я прикажу! Иначе я вытащу из гранаты кольцо и взорву вашего полковника к чертям собачьим!

Крепко сжимая свой нож, Курбат обеими руками обхватил Чу со спины на уровне его живота и просунул указательный палец в кольцо гранаты.

— Немедленно убейте его! — крикнул вдруг Чу. — Я приказываю вам убить его!

Курбат не ожидал от руководителя террористов такого приказа. Он не учел его страсти к самопожертвованию и поэтому на мгновение замер от нахлынувших противоречивых чувств. Воспользовавшись замешательством Фреда, Чу изловчился и, согнув ногу в колене, резко ударил его пяткой в пах. Но острое лезвие резака в тот же миг распорол полковнику живот, и тот, присев с широко раскрытым ртом, завертелся волчком в проходе. Задыхаясь от боли. Курбат выронил нож и гранату, но при этом кольцо осталось на его судорожно скрюченном пальце. Как только он упал на колени, один из охранников тут же размозжил ему лицо прикладом автомата. Точным ударом ноги Чу отбросил гранату в сторону. Долетев до середины салона, она закатилась под кресла. Истекая кровью, хлеставшей из вспоротого живота, Чу выхватил из рук охранника автомат и изрешетил Курбата пулями. В ту же секунду с оглушительным грохотом разорвалась граната, но так как она лежала под креслами у самого борта, никто из пассажиров не пострадал от ее осколков. Сила взрыва была направлена таким образом, что повреждения коснулись лишь самого самолета. В фюзеляже образовалась огромная рваная дыра, через которую с громким шипением воздух из салона стал выходить в разреженную атмосферу, и скоро в самолете стало нечем дышать.

В кабине пилотов Уорнер и Райс сразу же надели свои кислородные маски. То же сделали Хольц и Фейган, но в их маски кислород не поступал. Они только зря теряли время, пытаясь дышать через эти приборы, а потом сорвали их и бросились в пассажирский салон, жадно ловя ртами воздух. Там они достали маски, предназначенные для пассажиров и, задыхаясь, крикнули товарищам, чтобы те сделали то же самое. Внезапно полковник Мао истерично заорала, что горит левое крыло. Отовсюду слышались все усиливающиеся панические вопли, а когда и террористы, и заложники обнаружили, что дышать уже нечем, а кислородные маски не помогают, началась сущая свалка.

Уорнер и Райс не успели еще поднять самолет на запланированную Джимом Спенсером высоту. Автоматные выстрелы и взрыв гранаты заставили их прекратить дальнейшее выполнение этого плана. Пока они не знали точно, что произошло, но были уже уверены в том, что им грозит неминуемая катастрофа. Все левое крыло Боинга было объято ярким пламенем. А на борту лишь они двое могли нормально дышать.

Но они были еще слишком далеко от аэродрома в Шарлотсвилле, чтобы попытаться дотянуть до него. Если они не найдут место для немедленной вынужденной посадки, то вполне вероятно, что Боинг просто взорвется в воздухе. Но даже если этого не случится, то, оставаясь слишком долго на большой высоте, все пассажиры либо погибнут от кислородного голодания, либо в их мозгу произойдут необратимые изменения. Однако такой тяжелый самолет нельзя слишком быстро опустить до высоты, на которой все смогут свободно дышать. Это надо делать медленно и осторожно, при этом все время сбывая скорость, иначе лайнер начнет просто пикировать.

Постепенно снижаясь над вечерней землей, Уорнер и Райс с беспокойством следили за горящим крылом и в то же время лихорадочно искали глазами место, где они могли бы безопасно приземлиться, но видели под собой лишь поросшие густым лесом вершины гор Шенандоа.

Им нужна была большая открытая площадка, но пока ничего подобного не встречалось. Уорнер нервно посмотрел на часы. Слишком долго уже горит крыло. И слишком еще высоко. Несколько минут они пробивались сквозь облака.

И тут Ларри увидел широкую просеку — полосу отчуждения газовой компании. Сейчас по ней проходила трасса для джипов и тракторов, а впоследствии здесь должны были проложить газопровод. Уорнер выпустил шасси, они вышли и с громким щелчком зафиксировались, встав на замки. Он был бесконечно благодарен судьбе, что хотя бы шасси не повреждены. По мере снижения он старался выбрать относительно ровный участок просеки и надеялся, что тот окажется достаточно широким, чтобы при посадке деревьями не оторвало крылья.

Выравнивая самолет возле самой земли, Уорнер успел подумать, что, очевидно, уже слишком поздно, чтобы пытаться спасти пассажиров. Со времени взрыва прошло уже более десяти минут.

Глава шестнадцатая

В седьмом часу того самого злополучного вечера Вернон и Роза Херн безуспешно пытались добраться до поместья Карсон.

— Этот план ни к черту не годится! — злилась Роза, цапая по бумаге длинными накрашенными ногтями.

Чарльз и Анита Уолш снабдили всех своих гостей подробными картами местности с указанием кратчайшего пути в поместье. На схеме четко был указан поворот на гравиевую дорожку, ведущую к самым воротам владений Уолшей. Но именно этот поворот они и прозевали. И теперь вот уже целый час безуспешно пытались вернуться на знакомое место и возобновить обозначенный на карте маршрут. Однако вместо этого они постоянно петляли по каким-то грязным и узким проселкам, где колеи были настолько глубокими, что временами их машина двигалась со скоростью не более пятнадцати миль в час. Оба супруга были раздражены и издерганы бесконечными поисками. Кроме того, по дну их новенького «кадиллака» постоянно скребли камни и сухие комья глины, и это тоже действовало им на нервы.

Роза вынула из сумочки пудру, раскрыла ее и начала вертеть в разные стороны зеркальце, рассматривая свою новую прическу.

— Слава Богу, у нас хоть кондиционер теперь есть! — проблеяла она. — Если бы мне пришлось всю дорогу дышать этой пылью и смотреть, как портится мой новый перманент, я бы, наверное, просто не выдержала!

— Если бы не твой перманент, — огрызнулся Вернон, — мы бы выехали из дома вовремя и были бы на месте уже три часа назад. Теперь же остается только надеяться, что мы попадем туда до темноты, а иначе мы вообще никогда не найдем это проклятое поместье.

— Давай, вали теперь все на меня! — разозлилась Роза. — Ты сам все время говоришь, что я должна хорошо выглядеть, а когда я начинаю заниматься своей внешностью, ты на меня сразу набрасываешься. Этому когда-нибудь придет конец?

— Я не собираюсь с тобой ругаться. — Вернон попытался настроиться на мирный лад. — Я только хочу сказать, что если бы ты сегодня утром занялась упаковыванием наших вещей, а не удрала в свой клуб «Наутилус», то у тебя осталось бы еще достаточно времени и на парикмахера.

— Так! Теперь ты прицепился к моим занятиям. Вернон, я собственным ушам не могу поверить! Ты, по-моему, должен быть просто счастлив, что твоя жена умудряется еще и спортом заниматься. Кстати, тренер из «Наутилуса» считает, что мне всего двадцать семь лет.

— А зачем ему знать твой возраст? Он что, собирается залезть тебе под юбку?

— Между прочим, мой тренер — женщина.

— Ну и что тут странного? Она тоже вполне может захотеть залезть тебе в трусы. Если хочешь знать, то большинство этих дамочек, которые только и делают, что качают мышцы, — просто-напросто лесбиянки. Да они даже и на женщин-то не похожи — сплошные мускулы. Я представляю себе, каково с ними в постели! Все равно, что с парнем переспать, наверное.

Роза почувствовала себя оскорбленной и поэтому обиженно произнесла:

— Ты что же, хочешь сказать, что я выгляжу старше?

Вернон вовсе не хотел наступать жене на любимую мозоль. Это было их общее больное место, потому что супруги изо всех сил старались выглядеть как можно моложе и вести себя соответственно.

— Ну, конечно, тебе не дашь твоих лет, — совершенно искренне начал он. — Я ничего такого не имел в виду. Но двадцать семь — это уже слишком. Если бы я не знал тебя, то дал бы тебе где-нибудь тридцать два — тридцать три.

— Правда?

— Да. Ты на больше не тянешь.

— Кристине Бринкли уже двадцать девять, — подсчитала Роза. — Пожалуй, тридцать два не так уж и плохо. — Казалось, Роза навсегда теперь запомнила эту цифру, будто это и был ее настоящий возраст.

— Ну, а на сколько я выгляжу, как ты считаешь? — спросил Вернон, выпрямившись и широко улыбнувшись, словно от этого его молодость сразу же бросится в глаза. Но как раз в этот момент под колеса попал большой камень. Вернон стиснул зубы, скривился и выругался:

— Черт! Не хватало нам еще загубить машину! Того и гляди, останемся здесь навсегда, в этом Богом забытом лесу!

— Тридцать пять, — соврала Роза, только чтобы польстить своему мужу. Она знала, что это ему понравится и покажется правдоподобным. На самом же деле Вернону было уже сорок четыре года. Конечно, Роза вполне справедливо считала, что на вид ему можно было дать где-то

сорок. У него не было никакого брюшка, а грудь от постоянных физических упражнений казалась прямо-таки молодецкой. Но волосы на голове уже заметно поредели, и он частенько подкрашивал проступающую на висках седину.

— На днях одна девица за обедом сказала, что мне можно дать двадцать девять,— похвастался Вернон.

— Что ты говоришь? — Роза удивленно приподняла накрашенные брови.— И давно ты начал приглашать на обеды девиц?

— Не кипятись. Она из рекламного отдела, ее наш шеф нанял. Малышке всего только двадцать три. И знаешь, мне кажется, что я ей очень даже понравился.

— Можешь о ней забыть. Она тебе в дочери годится.

— Ну и что? — рассмеялся Вернон. Ему хотелось похвалить жену.— Я же не виноват, что ко мне молодежь так и липнет.

— Лишь бы ты к ней не лип,— пошутила Роза,— иначе мне придется свратить инструктора из «Наутилуса».

И они оба расхохотались. В действительности они любили пофлиртовать с теми, кто помоложе. И хотя иногда это давало им пищу для взаимной ревности, главное для Хернов было как можно моложе выглядеть. Поэтому они смотрели сквозь пальцы на подобный флирт. Представляя друг другу полную свободу, они таким образом стремились показать, что никаких подозрений в неверности у них и быть не может.

— Раз уж мы вспомнили про молодежь,— сказала вдруг Роза,— то как ты считаешь, Сандра одна справится с Билли, пока нас не будет?

Сандра была дочерью Хернов и в свои шестнадцать лет уже успела нагулять ребенка. Недавно ему исполнился год. Сейчас за внуком ухаживали в основном Вернон и Роза, потому что Сандра заканчивала курсы менеджеров и в скором времени собиралась пойти на работу.

— Конечно. Подумаешь, всего четыре дня. Пора ей привыкать к самостоятельности.

— Хоть бы она не забыла его выкупать,— заволновалась Роза.— Мало того что у мальчика нет отца, так у него еще и мать — сама ребенок. Мне до сих пор приходится за ней все убирать. А вчера она начала мыть Билли, а потом вдруг вспомнила, что ей надо еще готовиться к занятиям, и домывать его досталось уже мне, представляешь?

— Да, у нее сейчас большая нагрузка,— заметил Вернон.

— Не защищай ее, сама виновата. Могла бы хоть пару лет еще не так широко расставлять ноги.

— Все это понятно, но...

— Но она просто решила свести нас с ума, и ты это прекрасно понимаешь. Если бы не Сандра, никакие психиатры нам сейчас не были бы нужны. А теперь мы не знаем, как смириться с тем, что уже произошло, и проявить к ней любовь и всяческую поддержку, как советует доктор Уолш. Что же это получается? Как раз теперь, когда нам пора уже оставить все заботы и начать жить в свое удовольствие, когда дочь уже выросла, вдруг получается, что у нас на руках не один, а целых два ребенка!

— Ну, это ненадолго. Она ведь скоро заканчивает свои курсы...

— Да, если ей удастся найти работу. Если кто-нибудь еще согласится платить ей как следует. Нет, по-моему, она крепко висит у нас на шее. Остается только надеяться, что Сандре удастся все же подцепить какого-нибудь парня, который мечтает приобрести уже полную семью.

Вернон прокашлялся и замолчал. Ему было неприятно вести такие разговоры, и теперь он думал о том, как бы переменить тему.

Роза стала рассматривать в маленьком зеркальце свою шею в поисках новых морщин. Она пока ничего еще не говорила мужу, но втайне уже начала понемногу откладывать деньги на косметическую операцию — через год или два ей придется прибегнуть к помощи хирургов, чтобы избавиться от надвигающейся старости, подтянув на лице кожу.

— Ну вот, я наконец понял, где мы находимся, — обрадовался Вернон. — Сейчас пошла прямая дорога, а за следующим поворотом — вон там, у заброшенного амбара — немного в стороне будет видна полоса отчуждения газовой компании. Помнишь, на карте?

— Да... Да, есть, — сказала Роза, водя ногтем по плану. — Полоса отчуждения... А дальше — каменный карьер.

С обеих сторон дорогу окружали густые непроходимые леса. «Кадилак» плавно прошел поворот, и в стороне, ярдах в ста, они действительно увидели полосу отчуждения, врезающуюся прямо в лес и уходящую вверх по холму. Вдруг посреди дороги возник непонятный предмет, и Вернон чуть не наехал на него, едва успев вовремя нажать на тормоз. Шины закрипели, и автомобиль резко остановился.

— Боже мой! — закричала Роза, чуть не стукнувшись головой о стекло. — Что там такое?

— Человек, — пробормотал Вернон. — Или труп...

— Что?!

— Не знаю. Надо посмотреть. Может быть, ему нужна помощь.

— Нельзя оставлять машину на дороге.

— Придется. Тут некуда отъехать. Да никто здесь и не ездит...

Вернон прищурился, пытаясь разглядеть тело, но оно лежало слишком близко к машине, почти под передними колесами. Он все же надеялся, что не наехал на человека, потому что не слышал звука удара.

Херн открыл дверцу и хотел уже выйти, как вдруг «труп» ожил и, цепляясь обеими руками за бампер и решетку радиатора, поднялся во весь рост. Вернон и Роза застыли на месте. Зрелище было потрясающим. Перед ними возник бородатый молодой человек в джинсах и летней рубашке. Из ушей и носа его струилась кровь и медленно растекалась по плечам и груди. Он пошатнулся и чуть было не упал, но ухватился рукой за капот и устоял на ногах.

— Вернон! — в испуге вскрикнула Роза.

Херн хотел что-нибудь предпринять, но не знал, что именно делают в таких ситуациях.

Израненный юноша проковылял еще немного, одной рукой опираясь на машину, а потом вдруг достал пистолет и направил его на Вернона. Тот даже не успел сообразить, что произошло, как грянул выстрел и ему снесло поллица.

Роза закрыла голову руками и истошно завопила. Убийца просунул внутрь машины руку, не обращая никакого внимания на обмякшее тело водителя, и два раза выстрелил в голову женщины. Пули пробили насквозь ее руки и череп. Она ударилась об окошко правой двери, а потом медленно сползла по сиденью, и ее новая прическа пошла насмарку...

Юноша пустыми глазами смотрел на автомобиль. Затем залез внутрь и, отпихнув тело Вернона на середину переднего сиденья, сел за руль. Немного поковырявшись с рычагом переключения скоростей, он медленно нажал на педаль газа, и машина стала постепенно набирать скорость. Под колесами хрустели мелкие камешки, сзади поднималось облако пыли. Впереди дорога делала крутой поворот, но юноша, казалось, не замечал этого. Машина продолжала разгоняться.

На скорости семьдесят миль в час «кадиллак» съехал с дороги, сминая под собой высокие сорняки и молодые деревца. Человек, сидящий за рулем, бесстрастно наблюдал за всем этим, не снимая ноги с педали газа. И вот машина

подпрыгнула, оторвалась от земли, медленно перевернулась в воздухе и вверх колесами полетела в глубокий карьер. Через секунду раздался страшный грохот, и языки пламени взметнулись вверх.

Водитель сильно ударился грудью о руль. Крыша вмялась, и разбитым ветровым стеклом ему отрезало голову. Двое его пассажиров тоже были мертвы и никак не реагировали на огонь, начавший пожирать их тела.

Глава семнадцатая

В семь часов вечера Джейни Стоун, как и накануне, поливала грядки. На ужин мать приготовила бобы с ветчиной, и девочка покормила Блэки остатками пищи.

У нее было на редкость плохое настроение. Она еще раз попросила, чтобы ей разрешили поехать в поместье, но снова получила отказ. Дело в том, что в четыре часа дня отец неожиданно вернулся домой, наскоро перекусил и предложил забрать Джейни с собой, объяснив Саре, что ему надо срочно ехать за продуктами в Карсонвилл, а дочка как раз могла бы помочь ему подносить пакеты, а потом разгружать их в поместье.

— Для этого у них там есть Бренда и Мередит, вот пусть они и помогут тебе с пакетами, — перебила его Сара. — А ты лучше посмотри на небо — дождя сегодня не будет. Поэтому Джейни нужна мне здесь. Она будет поливать огород.

Джейни очень любила выезжать в город, и запрет побывать там только усилил ее расстройство. Подумать только — не пускали даже в магазин! А ей так хотелось посмотреть на сказочные витрины больших универмагов, поглазеть на наряды вечно спешащих куда-то городских жителей.

И кроме того, ее совсем не радовало то, что она опять остается рядом с бабушкой. Джейни была сильно напугана тем случаем, когда бабушка неожиданно схватила ее своими костлявыми пальцами и начала выкрикивать что-то страшное насчет огромных змей, которые должны прийти и погубить всех в округе. Когда она со слезами на глазах побежала к матери и рассказала ей все, что случилось, Сара только злобно зашипела на нее: «Ш-ш-ш! Тише! — а потом объяснила: — Ты ведь знаешь, что бабушка никак не может оправиться после того, как на нее упала в сарае та черная змея».

Но Джейни прекрасно понимала, что то, о чем предупреждает ее бабушка, в любой момент может стать реаль-

ностью. Так говорили все. А вдруг, когда настанет воскресенье и папа пойдет на службу в церковь, он снова захочет взять змею, а та укусит его, и он умрет? Весь день Джейни была предельно осторожна, и каждый раз внимательно смотрела, куда опускается ее мотыга: что если на грядке окажется гремучая змея? Теперь она была уверена, что ей придется следить за каждым своим шагом в течение долгих недель, а то и до конца жизни. Потому что никто не знает, когда кончится срок этого страшного предсказания и можно будет о нем забыть.

Но только если она доживет до воскресенья, она уж точно не будет брать в руки никаких змей. Никогда. Она и раньше хотела дать себе такой зарок, но лишь теперь, после бабушкиных слов, набралась смелости решить для себя все окончательно. Надо будет убедить отца, чтобы и он держался подальше от ящика со змеями. Но он скорее всего не станет ее слушать. Он ведь такой упрямый и гордый! И должен обязательно каждый раз доказывать маме, что она не права, и дьявол вовсе не управляет его душой.

Неожиданно Блэки оставил большой хрящ, с которым возился уже несколько минут, прислушался и громко залаял, а потом вскочил и бросился в сторону леса, насколько позволяла его цепь. Джейни огляделась по сторонам. Никого не было видно, но Блэки продолжал отчаянно лаять и рычать, дергая цепь, будто хотел разорвать ее на куски и броситься на того, кто скрывался в кустах. Но даже если там кто-то и был, девочка все равно ничего не могла слышать из-за шума, поднятого псом. Потом листва зашевелилась, и из кустов вышло, пошатываясь, большое косматое чудище и направилось прямо к ней. Незнакомец сделал несколько шагов и остановился. Джейни выронила шланг, из которого струей хлестала вода, и приготовилась бежать. Но потом увидела, что человек сильно ранен. Он походил на солдата, только без винтовки. Рукава рубашки были оторваны, отчего стали видны его большие крепкие руки, сплошь покрытые татуировкой. Из ушей и носа шла кровь, капая в густую траву. Он снова шагнул к Джейни, протянул вперед руки и заплетающимся языком произнес:

— П-прошу тебя... не убегай... н-не убегай... п-помоги мне...

Девочка хотела было подойти к несчастному, но неожиданно ей на глаза попала крупная цветная татуировка: свернутая в кольца зеленая змея, обнажившая длинные острые зубы. Она испуганно замерла, а незнакомец снова двинулся к ней. Джейни попятилась назад, но он продол-

жал наступать, как зомби. Глаза его сверкали нездоровым блеском, а кровь, не переставая, капала в траву. Девочка подбежала к Блэки, ища в нем защиты. Но человек, казалось, не замечал собаки. Однако когда он подошел ближе, Блэки бесстрашно рванулся вперед и впился зубами в его запястье. Мужчина закричал и повалился на землю, а пес, яростно рыча, продолжал терзать его руку, словно хотел разорвать своего врага на части.

— Блэки! Блэки! — завизжала насмерть перепуганная девочка. Незнакомец показался ей теперь таким беззащитным, что страх тут же уступил место жалости. Джейни схватила цепь и с силой потянула ее на себя, надеясь, что собака отпустит руку, но Блэки не слушался. Он уперся лапами в землю и не хотел отступать. Тогда она изо всех сил натянула цепь так, что пес начал задыхаться, и вновь закричала:

— Блэки! Блэки! Назад!

В этот момент незнакомец свободной рукой нанес собаке сильный удар по морде. Блэки взвизгнул и разжал челюсти, и Джейни, схватившись за цепь, сразу же подтянула его к себе, стараясь убрать от жертвы.

Мужчина отполз в сторону, куда уже не дотягивалась собачья цепь, и упал без чувств. Теперь кровь лилась еще и из прокушенной руки.

— Блэки, на место! — приказала девочка. Но собака продолжала яростно лаять. Джейни выпустила цепь, и Блэки снова рванулся к незнакомцу, пытаясь вонзить клыки во врага. Пес захлебывался в злобном лае, рычал и брызгал слюной.

Услышав шум, Сара вышла из дома. Вытирая руки о фартук, она вглядывалась вдаль, пытаясь понять, что случилось во дворе.

— Мама! Помоги мне! — крикнула Джейни. Задыхаясь, она подбежала к Саре. — Там... человек какой-то... он ранен...

Сара пошла вслед за дочерью туда, где возле грядок лежал окровавленный мужчина. По всей вероятности, он еще не пришел в себя.

— Он вышел из леса, — объяснила девочка. — И у него текла кровь. А потом Блэки набросился на него и прокусил руку.

— Бог ты мой! — ужаснулась Сара.

Все это время пес продолжал отчаянно лаять и дергать цепь, не сводя своих желтых глаз с незнакомца. Ему явно не терпелось перегрызть горло этому чужаку.

— Надо промыть ему раны и перебинтовать,— сказала Сара.— Как ты думаешь, вдвоем мы дотащим его отсюда до дома?

— Если только волоком...— предположила Джейни.— Только боюсь, как бы Блэки не сорвался с цепи.

Они ухватились за большие военные ботинки лежащего без сознания мужчины и начали тянуть его к дому. Росту в нем было не меньше шести футов, а весил он, наверное, фунтов триста. Мать и дочь с трудом дотащили его до тенистого вяза возле крыльца и остановились передохнуть.

— Нет, в дом нам его не поднять,— раздраженно сказала Сара.— Пусть лежит здесь. А я пойду и принесу сюда аптечку.

Вытирая со лба пот, Джейни бросила испуганный взгляд туда, где стояла собачья конура. Ей казалось, что Блэки вот-вот выпрыгнет из нее. Но, как ни странно, он, все еще недовольно ворча, забрался внутрь и теперь, казалось, успокоился.

Джейни посмотрела на раненого, испытывая одновременно и страх, и жалость к нему. Его левая рука была изодрана в клочья. Возле носа и ушей виднелись толстые корки запекшейся крови. Татуировка со змеей была у него на правой руке, но сейчас Джейни не могла ее видеть, потому что, когда они с матерью тащили его по траве, эта рука закинулась назад, за голову. В такой позе он и лежал сейчас перед ней.

Джейни несколько не удивило, что мужчина одет в военную форму. Вероятно, он был браконьером. В эти края многие наведываются поохотиться, когда еще нет охотничьего сезона. И тогда лучше надевать не яркие комбинезоны, как это принято у спортсменов-охотников, а как раз военную форму— зеленую с пятнами, похожую на листву, чтобы их не заметили егеря. Джейни подумала, что если этот человек и в самом деле браконьер, то, наверное, Бог наказал его, и с ним приключилось какое-то несчастье.

У Стоунов не было специальных пакетов первой медицинской помощи, а все лекарства и предметы ухода за больными были сложены в коробку из-под ботинок. Здесь можно было найти йод, марлю, бинты, ватные тампоны и спирт для очистки ран. Сара вышла из дома с коробкой в руках и склонилась над раненым.

— Он еще живой? — спросила она Джейни.— А то мне показалось, что уже...

Но она не стала произносить вслух слово «умер», а вместо этого поставила коробку на землю и приложила

ухо к волосатой груди незнакомца, чтобы послушать, бьется ли у него сердце.

Неожиданно мужчина открыл глаза и схватил Сару за горло. С безумным выражением на лице он начал яростно душить ее, отчего глаза женщины округлились, а язык вывалился наружу. Потом он с силой схватил Сару руками и перекатился на бок, подмяв ее под себя, и кровь из его носа и ушей закапала ей прямо на лицо.

— Мама! Мама! — в ужасе закричала Джейни.

Но мужчина продолжал невозмутимо душить Сару, борючая при этом:

— Фашисты!.. Империалисты!.. Проклятые свиньи!..

Его толстые волосатые пальцы все сильнее сжимали ей горло, глаза горели безумным огнем. Сара попыталась вцепиться ногтями ему в руки, но нападение было таким неожиданным и жестоким, что силы сразу же оставили ее, и она потеряла сознание.

Джейни несколько секунд стояла, как вкопанная, а потом с визгом бросилась на незнакомца, колотя его по рукам, царапая и кусая в отчаянной попытке спасти мать. Однако он не обращал на нее никакого внимания, сосредоточившись на шее несчастной женщины, будто бы больше для него ничего не существовало вокруг.

— Блэки! Блэки! Взять его! — отчаянно закричала девочка. Но прикованная к будке собака не могла дотянуться до своего врага. Блэки рвался с цепи, рычал и лаял, но крепкий ошейник надежно удерживал его.

Джейни впилась ногтями в глаза мужчины и процарапала глубокие бороздки на его лице, но и это не остановило его.

— Фашисты!.. Проклятые свиньи! — продолжал выкрикивать раненый, брызгая кровавой слюной. Руки Сары безвольно повисли, вывалившийся язык побагровел, а он все не отпускал ее горло. А потом неожиданно приподнял женщину и скрутил ей голову, будто перед ним была всего лишь тряпичная кукла.

Джейни услышала хруст костей и в ужасе отшатнулась — она поняла, что убийца сломал матери шею. В следующее мгновение она увидела, как незнакомец отпустил наконец мертвое тело, и голова Сары с глухим стуком ударилась о землю.

Пятясь на ватных ногах, Джейни испустила душераздирающий вопль. Теперь убийца повернулся к ней. Глаза его горели, а все лицо было исполосовано кровавыми следами ногтей. От ужаса Джейни была не в силах пошевелить-

ся, и эти секунды показались ей вечностью. Мужчина начал медленно двигаться в ее сторону. И только тогда она опомнилась и бросилась наутек.

«Блэки!» — мелькнуло у нее в голове. Только он мог сейчас защитить ее.

Поминутно спотыкаясь и падая на бегу, она бросилась во весь дух через двор. Блэки сразу же радостно выскочил ей навстречу, и Джейнни поспешно схватила его за ошейник. Пальцы тряслись, ей никак не удавалось отстегнуть карабин цепи.

— Взять его! — наконец приказала она перепуганным, охрипшим от крика голосом.

Грозно зарывчав, собака бросилась на грудь трехсотфунтового великана, намереваясь впиться ему в горло. Мужчина едва успел поднять руки, чтобы закрыть свою шею, как под тяжестью пса потерял равновесие, и они оба повалились на землю. Джейнни увидела, как Блэки повис на руке чужака, и тот, взыв от боли, принялся кулаком бить собаку, но та не разжимала челюстей.

— Взять его, Блэки! Взять!! — кричала девочка.

Но великан был чертовски силен и, казалось, уже не чувствовал никакой боли. Он медленно встал на колени, словно висевшая на руке собака не причиняла ему никаких неудобств. Блэки перехватил его кисть зубами, вновь и вновь вонзая в тело клыки. Но у незнакомца будто открылось второе дыхание. Он прижал руку к груди, подтащив к себе отчаянно сопротивлявшегося и пытавшегося разорвать его пса, потом пригнул морду Блэки к земле, а другой рукой со всего размаха ударил его по голове и, немного приподнявшись, обоими коленями насел на него, переламывая животному ребра.

— Блэки!! — в ужасе заорала девочка и бросилась бежать прочь от этого жуткого места.

Заскулив, пес отпустил руку незнакомца и попытался освободиться из-под него. Мужчина поднялся на ноги и ударом ноги сломал ему шею. Животное дернулось последний раз и затихло.

Убийца неторопливо огляделся, ища глазами Джейнни, и успел заметить, как та проскользнула в дом мимо труп матери.

Девочка вбежала на крыльцо и трясущимися от страха руками заперла дверь черного хода на засов. Со двора раздавались тяжелые шаги ее преследователя. В доме оставалась еще входная парадная дверь. Она тоже могла быть открыта, и Джейнни решила немедленно запереть ее. Но потом передумала, вбежала в кухню и достала из ящика

большой острый нож для резки мяса. В ту же секунду убийца одним ударом ноги разнес в щепки только что закрытую ветхую дверь и двинулся ей навстречу.

Очевидно, он не видел в руке девочки ножа, а если и видел, то совсем не боялся его. Он схватил ее и начал душить, так же, как Сару. Мужчина приподнял девочку с пола и приблизил ее лицо к себе — будто хотел увидеть в ее глазах огонек смерти — тот самый, который уже сверкал в его собственном взгляде. Из всех оставшихся сил Джейни вонзила свой нож ему в живот и дернула вверх — податливая плоть тут же разошлась, и незнакомец с присвистом выпустил воздух. Хрипло зарывчав, он разжал руки, и Джейни упала на пол, но тут же поднялась на ноги и отбежала в сторону, с ужасом наблюдая, как мужчина взялся за нож, выдернул его из живота и отбросил в сторону, будто это была всего лишь какая-то заноза.

Девочка повернулась и очертя голову бросилась через гостиную вон из дома, а он, с трудом волоча ноги, двинулся вслед за ней.

На пороге мужчина остановился, недоуменно вертя головой по сторонам. Наконец он самодовольно закричал, выследив Джейни, — она вбежала в стоящий на задворках старый полуразвалившийся сарай. Убийца сошел с крыльца и медленно зашагал к сараю; кровь хлестала из его вспоротого живота, обеих рук, носа и ушей.

Джейни судорожно пыталась закрыть тяжелую дверь сарая, с ужасом сознавая, что незнакомец вот-вот настигнет ее. Дверь висела на одной петле и за долгие годы успела прочно врасти в землю. Девочка всем телом налегала на нее, но дверь даже не шевелилась. Она еще раз бросила взгляд на приближающегося убийцу. На его окровавленном лице играла довольная садистская усмешка. Теперь он был уже настолько близко к сараю, что она никак не могла спастись бегством. Ему оставалось всего несколько шагов до сарая, а девочка все дергала и дергала дверь. И в конце концов та скрипнула и нехотя поддалась. В этот момент незнакомец как раз подошел вплотную, и тяжелая дубовая створка ударила его по жирному ухмыляющемуся лицу. Джейни успела заметить, что единственная петля настолько слаба, что сорвать ее будет делом нескольких секунд: шляпки всех четырех болтов угрожающе выходили наружу из прогнившего дерева. Оставалось только надеяться, что дверь хоть на какое-то время все же сдержит натиск этого сумасшедшего. Джейни нашла старый деревянный засов, подняла его и вставила в железные скобы по обе стороны от двери. Потом щелкнула выключателем, и в свете одино-

кой тусклой лампочки побежала мимо старых вязанок соломы и прочего хлама в дальний угол, чтобы убедиться, что и маленькая боковая дверь тоже надежно закрыта.

Сердце ее бешено колотилось и, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Девочка в отчаянии оглядела набитый всяческим барахлом сарай, стараясь найти себе подходящее убежище. Но она понимала, что в сарае ей не отыскать такого укромного уголка, где убийца, который рано или поздно ворвется внутрь, не сможет ее заметить. А он в это время яростно колотил по двери, и ржавые болты, на которых держались скобы засова, уже начали поддаваться и вот-вот должны были вывалиться из трухлявого дерева.

Джейни беспомощно посмотрела на лампочку, и тут взгляд ее упал на заброшенный сеновал в дальнем углу. Подхватив с пола какую-то железяку, она бросилась к ведущей на него лестнице, по дороге подпрыгнула и ударила железякой по лампочке. Стекло разбилось, и в сарае стало темно.

Прижавшись к пыльной стене в глубине сеновала, Джейни сразу же вспомнила свою убитую мать и бабушку, которая осталась сейчас в доме совсем одна. А еще она вспомнила страшную татуировку на руке незнакомца в виде большой зеленой змеи. Да, бабушка была права, когда говорила про змей, которые придут, чтобы погубить всех.

Звуки ударов не прекращались. Выглянув из своего укрытия, Джейни увидела, что щель в двери постоянно растет. Она испуганно отпрянула назад. Ей захотелось зарыться в старое сено и раствориться в нем, чтобы убийца никогда ее не нашел. Все это походило на страшный сон — уж если за тобой кто-то гонится, то ничто не спасет тебя от ужасного чудовища, кроме разве что пробуждения. Но от этого кошмара нельзя было пробудиться, потому что сейчас все происходило на самом деле.

Единственным оружием девочки оставалась старая железка. «Если убийца войдет сюда и полезет к ней на сеновал, то она, конечно, ударит его этой железкой по голове. Только вряд ли его так остановишь», — подумала Джейни, вспомнив про то, с какой легкостью он справился с кухонным ножом

Неожиданно раздался громкий треск, дверь распахнулась, и сарай залили яркие лучи заходящего солнца, осветившие все внутри, включая ее убежище. Джейни выронила свою железку. Но тут в соломе она заметила другой блестящий предмет. Схватив его, девочка, затаив дыхание,

стала прислушиваться к приближающимся шагам преследователя.

— Фашисты,— бормотал незнакомец.— Свиньи... Эксплуататоры...

Когда он остановился посреди сарая и замолчал, стало слышно, как капает кровь из его свежих ран. Этот звук, видимо, разозлил его, и мужчина начал яростно пинать ногами все, что попадалось ему на пути. Когда эта вспышка гнева немного угасла, дыхание его стало прерывистым и свистящим. Потом он довольно хрюкнул, словно зверь, который наконец-то выследил свою добычу.

— Фашистские свиньи...— снова невнятно пробормотал он, карабкаясь на сеновал. И вот уже окровавленная рука схватилась за верхнюю ступеньку лестницы, за ней показалась сплошь израненная голова, и убийца начал своими безумными глазами обшаривать скомканную солому.

Но тут в воздухе сверкнули найденные девочкой вилы и три острых зубца глубоко вошли в его шею. Мужчина закричал и упал с лестницы на пол сарая, судорожно сжимая руками черенок вил. Несколько секунд он безуспешно пытался выдернуть их из своего горла. Алая кровь из пробитой артерии тремя фонтанами хлынула во все стороны, а Джейни проворно спустилась вниз и, проскочив мимо него, бросилась к выходу. Постепенно пульсирующие струи крови стали ослабевать, и мужчина замер, подняв ноги к животу, в густеющей луже потемневшей липкой жидкости.

Джейни со всех ног неслась к дому, громко крича:

— Бабушка! Бабушка!

И в этот момент автоматная очередь прошла деревянную стену чуть выше окон первого этажа. Во все стороны полетели щепки. Джейни остановилась на половине пути. Несколько пуль попали в землю совсем рядом с ней, оставив за собой глубокие борозды. Девочка круто развернулась и побежала в противоположную сторону. Она слышала, как хлопают в доме ставни и звенит бьющееся стекло. И вдруг раздался оглушительный взрыв — Джейни закрыла голову руками, чтобы обломки дерева не попали ей в лицо, и ничком повалилась на траву.

«Гранаты»,— догадалась девочка. Она часто видела по телевизору, как солдаты взрывают гранаты. Но почему? Что случилось? Лежа на земле, она испуганно смотрела на дом. Бабушка, конечно, уже умерла после такого взрыва. И тут Джейни увидела ее — в густом облаке дыма на пороге появилась старуха, которая не вставала с постели вот

уже шесть лет. Вместо левой руки у нее виднелась окровавленная культя.

— Змеи! Змеи! — пронзительно закричала Мэри Монохэн. Ее изорванный в клочья длинный белый пеньюар развевался на ветру, и, стоя в дверном проеме, она вытянула вперед указательный палец, отчего стала похожа на небесного пророка, спустившегося на Землю.

Джейни увидела, что бабушка пристально смотрит на трех солдат, которые только что разрушили гранатами ее дом. На руках у них виднелись повязки с изображением зеленых змей. Глаза солдат были такими же пустыми, как и у того незнакомца, который убил маму и Блэки.

— Змеи! — снова выкрикнула бабушка и шагнула вперед, угодив ногой в дыру, зияющую на месте крыльца. Кровь так и хлестала из обрубка руки. Она упала и издала громкий жалобный стон, тщетно пытаясь выкарабкаться из-под обломков. Еще несколько раз бабушка выкрикнула что-то про змей, а потом исчезла в пыли и дыму, и больше уже не появилась.

Джейни пронзительно закричала. Трое солдат удивленно повернули головы в ее сторону, а потом начали целиться. Девочка бросилась бежать. Она была уверена, что теперь ей живой не уйти, но пули почему-то свистели рядом, и ни одна не задела ее — видимо, эти люди были слишком медлительны или что-то еще не позволяло им держать на мушке подвижную цель.

Не веря своему счастью, Джейни добежала до леса и нырнула в кусты. Потом споткнулась о корень дерева, упала, снова поднялась и, увидев неподалеку большой пенек, спряталась за ним.

Долго еще до нее доносились беспорядочные выстрелы со двора. Она низко пригнулась, почти вжавшись в землю, готовая в любую секунду распрощаться с жизнью. А солдаты все стреляли и стреляли, и, даже когда магазины их автоматов опустели, они продолжали с громким щелканьем машинально нажимать на спусковые крючки.

Глава восемнадцатая

Джим Спенсер знал, что Боинг-747 находится уже на земле. Он следил за экраном радара на командно-диспетчерском пункте аэродрома в Шарлотсвилле. В 18.15, когда самолет был примерно в ста милях от аэродрома, он начал набирать высоту — все шло по плану. Спенсер почувствовал прилив возбуждения, считая, что Ларри Уорнер и Дэйв Райс смогут довести его план до конца. Но затем

что-то произошло. Боинг начал резко снижаться и круто изменил курс. На запросы земли борт не отвечал. А затем светящееся пятнышко и вовсе исчезло с экрана радара. Самолет сел или разбился где-то в горах Шенандоа, к северо-западу от Шарлотсвилла. Но Спенсер не знал точно, где и почему. Логически это можно было объяснить так: очевидно, Уорнер и Райс вызвали у Зеленой бригады подозрение, когда стали набирать высоту. Возможно, кто-то из террористов, обнаружив отсутствие кислорода в аварийной сети, запаниковал и открыл стрельбу. Но, что бы там ни было, сейчас самолет уже на земле. И Спенсер должен был обязательно найти его. Если лайнер разбился, то в живых, очевидно, никого не осталось. Но все же не исключена возможность, что он совершил вынужденную посадку, и если это так, то террористы могут находиться сейчас на свободе в этой глухой и почти непроходимой местности. Но даже в том случае, если от самолета ничего не осталось, кроме обломков и изувеченных трупов, Спенсер должен был добраться до места происшествия раньше гражданских властей, с тем, чтобы те не дознались о его плане, который так неожиданно провалился. Часы уже показывали 19.28. Джим Спенсер и Сэм Бернарди — агент ФБР, пилотировавший самолет, на котором Спенсер и его ударная группа прибыли в Шарлотсвилл, — сидели в предоставленном им кабинете на командно-диспетчерском пункте аэродрома. В скупой обставленной комнате, несмотря на работающий кондиционер, плавало плотное голубоватое облако табачного дыма.

За одним из сборных металлических столов Спенсер допивал уже пятую чашку кофе, который он набирал в автомате диспетчерского зала, и курил уже двенадцатую за последний час сигарету. За другим таким же столом Сэм Бернарди — смуглый круглолицый человек с большим носом, глубоко посаженными карими глазами и коротко стриженными черными волосами — с угрюмым видом пил четвертую банку лимонада. Он совсем не курил и не употреблял ни кофе, ни другие стимулирующие напитки, когда выполнял полетные задания. В зависимости от того, как сложатся обстоятельства, ему, возможно, еще предстоит сегодня подняться в воздух, хотя в данный момент это казалось маловероятным.

Военно-транспортный самолет, на котором они прилетели, был практически бесполезен для разведывательных полетов над поросшей густым лесом гористой местностью. Поскольку он не мог низко и медленно летать над поверхностью земли, обнаружить с его помощью обломки разби-

того Бейнга в таких трудных топографических условиях можно было лишь в том случае, если бы место крушения удалось хотя бы приблизительно установить заранее. Но записи показаний радара было совсем недостаточно, чтобы точно определить, куда делся сам самолет после того, как исчезла его отметка на экране К тому же обломки Бейнга вполне могли быть скрыты густой растительностью. Но даже если что-то и удалось бы заметить с воздуха, то вряд ли там нашлась бы открытая ровная площадка, подходящая для безопасной посадки их самолета. Однако нужен был не просто легкий воздушный разведчик, а такой летательный аппарат, на котором смогли бы разместиться люди, и для исследования обстановки, и для выполнения операции по захвату террористов, если кто-то из них остался в живых. Сэм Бернарди предложил использовать для этого вертолеты, и Спенсер запросил четыре машины из ангара ФБР в Вашингтонском аэропорту Даллас. Теперь бойцов из группы захвата нужно было разбить на четыре команды и разместить в вертолетах. А затем им предстояло обследовать покрытые лесом горы в поисках самолета Уорнера и Райса.

— Если бы они потерпели крушение поблизости от какой-нибудь фермы, то мы бы уже получили сообщение от местных властей,— задумчиво сказал Спенсер.— Хотя, если бы Уорнер и Райс были живы, они бы и сами связались с нами по телефону.

— Не обязательно,— ответил Бернарди.— Один из местных парней говорил мне, что у некоторых бедных фермеров и горняков в этом районе до сих пор нет даже электричества, не то что телефона.

— А что если ребят просто застукали при выполнении нашего маленького трюка? — предположил Спенсер.— Тогда Кинтей мог заставить их посадить самолет где-нибудь в поле, а потом пристрелить.

— Я не верю в то, что он способен отрезать себе нос, лишь бы досадить своему лицу,— заявил Бернарди.— Что бы ни случилось, он захочет продолжить полет. У него ведь смысл всей жизни состоит в том, чтобы добраться до Кубы и там обнять и расцеловать своего любимого Фиделя.

— Вы рассуждаете, как если бы этот Кинтей был здравомыслящим человеком! — недовольно фыркнул Спенсер.— От этого ублюдка всего можно ожидать. К тому же вполне могло стать, что он потерял контроль над своими солдатами. И тогда власть могла перейти к Мао или Чу, а

если что-нибудь случится, они проявят еще больше безрас-
судства, чем он.

— Да... Сорок три идиота с автоматами и гранатами
могут наломать кучу дров в этом Богом забытом районе.
Правительство долго еще будет потом расплачиваться с
местными фермерами,— рассуждал Бернарди.

— Похоже на то,— согласился Спенсер, откидываясь
на спинку кресла и выпуская очередное облако табачного
дыма.— Но, слава Богу, этого, судя по всему, не произой-
дет. У меня такое предчувствие, что все в самолете по-
гибли.

— Вероятно, так оно и есть,— со вздохом ответил
Сэм.

Спенсер все время думал о том, что, как бы они ни со-
жалели о гибели Уорнера, Райса и двенадцати заложни-
ков, все же эта потеря вполне окупалась уничтожением
всех террористов при крушении Боинга. Правда, это не
совсем походило на то, что он надеялся осуществить.
Спенсер ожидал, что в результате кислородного голодания
все бандиты из Зеленой бригады заснут, как младенцы, а
когда Боинг спокойно приземлится в Шарлотсвилле, их
торжественно передадут в его руки. А как бы об этом за-
говорила пресса! Спенсер стал бы настоящим героем. Не
то, чтобы ему очень нужны были такие лавры, хотя в дан-
ном случае они могли бы вызвать хоть каплю уважения со
стороны его дочери Кэролайн. Но этого не произойдет.
В зависимости от конкретного исхода всей этой ситуации,
он может в большей или меньшей степени оказаться лишь
козлом отпущения, а никак не героем. Однако хуже всего
было то, что его неудавшаяся попытка обезвредить Кинтея
может обернуться неприятностями не только для него са-
мого, но и для ФБР в целом.

— Когда же, черт возьми, прилетят наконец эти верто-
леты? — рявкнул Джим в приступе раздражения.

— В любой момент,— спокойно ответил Сэм Бернар-
ди.— Я ожидаю их приземления с минуты на минуту. Мне
сообщили, что они вылетели в 18.45, а до Далласа меньше
часа пути.

Бернарди был закаленным стойком, и, несмотря на то,
что Спенсер производил на него далеко не самое благопри-
ятное впечатление, внешне это никак не проявлялось. Сэм
много летал на вертолетах еще во Вьетнаме, выполняя
сложнейшие задания по поиску и уничтожению объектов
противника, и там он научился давать безошибочные оцен-
ки боевым командирам. Большинство из них были хорошо
знающими свое дело умными людьми, при выполнении за-

даний сознающими всю меру ответственности как за выбор цели, которую предстояло поразить, так и за жизнь своих подчиненных и мирного населения. Другие отличались безрассудством, а то и просто глупостью. А некоторые были безжалостно расчетливы и настолько рьяны в выполнении приказов начальства, что при решении боевых задач всегда стремились уничтожить как можно больше людей.

По мнению Бернарди, Джим Спенсер принадлежал именно к такому типу командиров. Поэтому Сэм не верил в способность Спенсера принимать мудрые или просто хотя бы этически верные решения. Этот человек употреблял слишком много кофеина и никотина, а также постоянно недосыпал. Что касается недосыпания, то тут уж ничего нельзя было поделать, а вот в отношении первых двух факторов Спенсеру не помешало бы умерить свой аппетит. В голове человека, который разрушает свой организм такими огромными дозами кофе и сигарет, должно быть полным-полно демонов, которых не всегда удается утихомирить. И этих демонов невозможно так просто изгнать, даже если бы Спенсер, следуя своей излюбленной тактике выжженной земли, захотел попросту уничтожить их, чтобы выбраться из этой безнадежной ситуации.

Во многих отношениях вся эта операция против Зеленой бригады напоминала Сэму Бернарди боевые действия во Вьетнаме. Там он точно так же боролся против партизан-коммунистов, но на этот раз они находились на американской земле. Однако тогда — управлял ли он вертолетом или летел на реактивном самолете — его задачей было лишь доставлять боевые подразделения к месту назначения и в назначенный час забирать их обратно. И его совершенно не заботило то, чем они занимаются на земле в промежутках между полетами. Он был главным образом наблюдателем, а не участником событий. Ни тогда, ни теперь Сэм не собирался ни в кого стрелять; от него требовалось лишь как следует управлять воздушным судном. А за то, что творят после посадки его пассажиры, он не нес никакой моральной ответственности. Во всяком случае, так он убеждал себя несколько раз во Вьетнаме, когда видел детей и женщин, разорванных на куски пулями или сожженных напалмом.

— Послушайте, Сэм, — произнес вдруг Спенсер, отрывая Бернарди от воспоминаний. — Я не хочу, чтобы в средства массовой информации просочились сведения о нашей затее с разгерметизацией. Поднимется вонь, нас обвинят в искусственном создании на борту гражданского самолета

аварийной ситуации, в предпосылке к летному происшествию, еще черт знает в чем, потребуют проведения расследования, и тогда все мы окажемся под сильным ударом. Эти чертовы сердобольные души сразу же попытаются распять нас за то, что мы играли с жизнью заложников. Они начнут скулить о том, что наши действия аморальны, неэтичны и в них вообще не было необходимости. Что нам следовало бы тихо сидеть и ждать, пока этот Кинтей соблаговолит отпустить заложников в своей вонючей Гаване.

— Может, и следовало бы...— покачал головой Бернardi.

— Ни в коем случае! — с жаром возразил Спенсер, закуривая новую сигарету. Его холодные глаза сузились, а в голое зазвучала твердая решимость. — Ни в коем случае, — повторил он. — Я не могу допустить, чтобы Кинтей и его банда краснопузых фанатиков выскользнули от нас с уловом в два миллиона долларов. Чтобы эти ублюдки осели на Кубе и начали готовить там армию таких же безмозглых убийц, как они сами, которые потом угрожали бы нам еще много лет.

Глава девятнадцатая

В половине восьмого Джордж Стоун передал, наконец, все купленные в Карсонвилле продукты Бренде Мичам. Она принялась аккуратно разбирать их и вычеркивать из длинного списка пункт за пунктом, пока Джордж деловито вынимал бесчисленные свертки из больших бумажных мешков и рассовывал их по полкам. Затем Бренда предложила ему поесть, и хотя Джордж поначалу отказывался, потом все же сдался и устроился на кухне перед большой тарелкой с праздничными закусками.

— Мне помнится, Бренда, ты говорила, что еще не все гости съехались, — забеспокоился Джордж. — Я их, случайно, не объем?

— Бог ты мой! Да тут еще на десятерых хватит! — рассмеялась негритянка. — А ты, по-моему, уже несколько часов ничего не ел. И кроме того, после всей той работы, которую ты сегодня для нас сделал, я просто не имею права отпускать тебя домой на голодный желудок.

Некоторые блюда показались Джорджу настолько странными с виду, что какое-то время он лишь молча косился на них, не решаясь попробовать. Особенно удивлял его пудинг по-индийски. Но потом, когда он наконец осмелился проглотить маленький кусочек зеленой желеоб-

разной массы, лицо его расплылось в широкой улыбке, обнажившей кривые желтые зубы.

— Ты, Бренда, таких тут яств понаделала, — засмеялся он, — что для меня почти все в диковинку. Я человек простой и привык к скромной пище. А здесь — что ни попробуешь — просто пальчики оближешь! И вкусно и наверняка полезно. Правда, выглядит твоя стряпня чуток странно, но будем надеяться, что меня не пронесет.

Бренда прекрасно понимала, что Джордж просто подшучивает над ней, но притворилась, будто он ее смертельно обидел.

— Кушай-кушай и не забудь потом спасибо сказать. Дома тебе такого в жизни не предложат. Ты это не хуже меня знаешь. Я, конечно, не хвастунья, но все гости за столом час тому назад буквально аплодировали нам с Мереди.

Уолши вместе со своими пациентами все еще отдыхали после сытного ужина в просторной гостиной, не спеша попивая вино. Все, кроме Берманов, которые не притрагивались к спиртному, уже дважды наполняли свои бокалы.

Завязался оживленный разговор, основное участие в котором принимали Уолши, Пирсоны и Андри Уорнак. Остальные гости с интересом слушали. Говорили в основном о старом Юге и о тогдашних плантаторах. Изысканная гостинная как нельзя лучше располагала к такой беседе, и Чарльз с удовольствием рассказывал присутствующим все, что знал сам:

— Земля в те времена была высшей формой собственности. Чем больше было у человека земли, тем выше его социальный статус. Поэтому каждый состоятельный гражданин мечтал стать плантатором. Они имели в обществе примерно такой же вес, как джентри¹ в Англии.

— А за что же их так уважали? — спросила Андри Уорнак.

— Они этого вполне заслуживали. Они доказали, что способны не только успешно вести дела, но и быть достойным примером для других. Они знали все о земле, о культурах, которые на ней выращивали, о том, как ухаживать за растениями и как бороться с болезнями. И не только это. Каждый плантатор мог запросто починить любой

¹ Джентри (англ. — *gentry*) — мелкопоместное и среднее нетитулованное дворянство в Англии XVI—XVII вв., сумевшее приспособиться к развитию капитализма после буржуазной революции XVII в. Впоследствии — основная часть так называемого «нового дворянства». (Примеч. пер.)

сельскохозяйственный инструмент, разбирался в метеорологии, мог правильно назначить цену за товар, выгодно продать и вовремя поставить его. Кроме того, чтобы не обанкротиться, плантаторам самим приходилось вести бухгалтерский учет и все банковские дела.

— Теперь я понимаю, почему самые способные из них становились настоящими знаменитостями,— заметил Марк Пирсон.— Как, например, Томас Джефферсон.

— Вот именно,— согласился Чарльз, улыбнулся и отпил глоток хереса.

Анита всегда радовалась, видя, с каким наслаждением ее муж предается приятному разговору. Ведь это именно он предложил начинать психотерапевтические сеансы издалека — с сытного ужина и непринужденной беседы о делах давно минувших дней. Сейчас было очень важно дать всем этим людям почувствовать, что можно получать истинное наслаждение от простого общения друг с другом.

Даже Марк Пирсон постепенно стал расслабляться. В нем пропала прежняя скованность и настороженность в отношении к хозяевам поместья. Это заметила и Хитэр, и сейчас она довольно улыбалась каждому его замечанию.

Единственным из гостей, кто не испытывал никакого удовольствия от всех этих разговоров, оставался Гарви Уорнак. Он даже не пытался вникнуть в суть беседы, и, когда Чарльз отвечал на очередной вопрос Андри об укладе жизни в феодальном поместье, Гарви неожиданно перебил его и заявил, что лично он сейчас лучше отправится подышать свежим воздухом. При этом Гарви умышленно не стал просить никого составить ему компанию, и хотя голос его звучал спокойно, все почувствовали, что внутренне он напряжен:

— По-моему, я ничего не потеряю, прогулявшись немного перед сном. Если, конечно, мы не перейдем сейчас непосредственно к тому, за чем мы, собственно, сюда и приехали. Я имею в виду сеансы психотерапии. А после плотного ужина очень полезны пешие прогулки.

— Разумеется,— с улыбкой ответил Чарльз.

— Может, нам тоже присоединиться к вам? — спросил Бен Харрис, не замечая, что супруга толкает его локтем в бок. Бен никак не хотел понять, что Гарви необходимо сейчас побыть одному.

— Знаете, мне хотелось бы какое-то время побыть наедине с собой,— отклонил его предложение Гарви.— Дело в том, что я должен как следует продумать то самое пись-

мо, которое нам предстоит писать своим спутницам жизни.— Гарви язвительно усмехнулся.

— Ну, конечно же, как вам будет угодно,— развела руками Софи Харрис.— А мы с Беном просто посидим на веранде. Мы ведь живем в Ричмонде в высотном доме, так что не очень-то часто доводится гулять по вечерам. Мы больше привыкли сидеть на балконе.

Гарви молча покинул гостиную, а через несколько минут Харрисы допили вино и последовали за ним.

Анита Уолш уже в сотый раз посмотрела на часы, напряженно раздумывая, что же могло так серьезно задерживать в пути Вернона и Розу. Они звонили в поместье с заправочной станции, которая была отсюда всего в ста милях. С их стороны было бы верхом глупости повернуть назад и поехать домой, даже если допустить, что в тот момент супруги окончательно разругались. Может быть, у них сломалась машина? Но тогда почему они не позвонят еще раз?

Аните только и оставалось надеяться, что с Хернами не произошло по дороге ничего страшного. Но вслух она не решалась выражать своих опасений. Зачем понапрасну беспокоить остальных? Тем более что Вернон и Роза могут подъехать в любую минуту. Анита попыталась представить себе самый простой и естественный вариант: Херны проезжали мимо какого-нибудь дискоклуба и, решив еще раз доказать себе, что они по-прежнему «молоды духом и телом», заехали туда и задержались дольше, чем предполагали.

Джоан Берман считала, что стаканчик хереса ей бы сейчас не повредил, но тем не менее продолжала пить кофе. Таким образом она морально поддерживала своего мужа, которому алкоголь был строго противопоказан. Иногда она мечтала о том, что в один прекрасный день Сэнфорд оценит ее самопожертвование и в знак солидарности перестанет уплетать все, что попадется ему под руку,— ведь сама Джоан почти уже год сидела на диете и от этого очень страдала. Хотя на сей раз она, в отличие от супруга, не удержалась и попробовала все, что было на столе. Пища действительно оказалась прекрасной, а всяческие лакомства с детства были ее настоящей слабостью. Сэнфорд же никогда не поддерживал жену и не отказывал себе в еде, да еще вечно подшучивал над ней, заявляя: «Если я алкоголик, то ты пищеголик, а это ничуть не лучше». С этим Джоан никак не могла согласиться. Она слишком

хорошо еще помнила все ужасы, связанные с его пьянками, и теперь страстно молила Бога, чтобы он не начал пить вновь.

Джоан знала о том, что Сэнфорд не дурак выпить, еще до свадьбы, но наивно полагала, что семейная жизнь все изменит. Однако они прожили вместе уже тринадцать лет, но на него ничего не действовало. Его не останавливало даже присутствие детей, а их у Берманов было четверо. В конце концов он однажды допился до такого состояния, что и сам потом горько жалел об этом. Зато с того дня начался долгожданный поворот в его жизни. Джоан тоже не могла забыть этого случая и каждый раз вздрагивала, когда перед ее мысленным взором всплывали подробности того инцидента...

В тот день Берманов пригласили на собрание акционеров страховой компании в Нашвилле, где чествовали Сэнфорда как одного из выдающихся работников фирмы. Джоан понимала, что одной из причин пьянства ее мужа было его стремление каким угодно образом сбросить напряжение и усталость от деловой жизни, — ведь ему всегда хотелось быть первым буквально во всем, и он стремился любыми средствами добиться признания и успеха. А понимая все это, Джоан уже не могла, как прежде, бесечно радоваться постоянным удачам своего мужа и принимала его продвижение по службе и бесконечные награждения со смешанными чувствами — временами ей даже казалось, что именно из-за них и начались в семье первые разногласия. Сэнфорд частенько сердился на нее за то, что она не рада его успехам и не поддерживает его в трудной борьбе с конкурентами.

Прямо в день приезда во время банкета Сэнфорд умудрился нализаться так, что у него начались галлюцинации. Ему показалось, что у всех официантов спрятаны под одеждой пистолеты и ножи, и они незаметно достают их за спинами гостей. После первого замечания о том, что будто бы он лично видел, как взметнулся клинок кинжала за спиной у одного из его коллег, окружающие нервно рассмеялись, приняв это за неудачную шутку. Но Сэнфорд не успокоился. Теперь он вообразил, что если официантам не удастся застрелить или зарезать его, то они обязательно подмешают в угощение яд. Поэтому, когда подали горячее, он вскочил со стула, сбросив при этом на пол свою тарелку и стакан, и, шатаясь, вышел из зала.

Уговорами и мольбами Джоан удалось затащить его в ближайший мотель и уложить в постель. Но буквально через пять минут Сэнфорд вскочил и заявил, что чувствует,

будто именно в этой кровати совсем недавно кого-то задушили, и если они с Джоан немедленно не убегут из номера, то убийца обязательно вернется и прикончит их обоих. Джоан тщетно пыталась успокоить мужа. Но в его глазах появился уже нездоровый блеск, и теперь он в открытую пил водку прямо из горлышка бутылки, которую каким-то образом успел прихватить со стола. Сэнфорд начал настаивать на том, что им надо срочно позвонить в полицию, и тогда она решила, что это единственный способ избавиться от него, — сама Джоан уже не могла справиться с разбушевавшимся мужем. Прибывшие полицейские обнаружили в номере весьма неприглядную картину: Сэнфорд в одних трусах кругами бегал по комнате и громко выкрикивал какую-то чушь. При этом от него нестерпимо разило водкой. Заметив стражей порядка, он завопил что-то про убийцу-душителя, а потом и их обвинил в тайном заговоре против него самого. Полицейским не оставалось ничего другого, как только оштрафовать его за нарушение общественного порядка и забрать в участок для протрезвления. До утра Сэнфорда заперли в камере. Что он там испытал и какие видения приходили в ту ночь в его безумную голову, Джоан не знала, но именно с этого момента в нем произошли перемены. Сэнфорд говорил только, что это были самые страшные часы в его жизни. Очевидно, демоны, рожденные воспаленным мозгом пьяницы, и в самом деле не на шутку перепугали Сэнфорда и сделали с ним то, чего не смогла сделать Джоан за долгие годы их совместной жизни. Теперь он больше не стремился быть первым всегда и во всем. И Джоан считала, что это даже к лучшему. Она была очень довольна его неожиданным преобразованием, хотя и боялась, что оно может оказаться временным. Сэнфорд начал ходить на собрания Общества Анонимных Алкоголиков, а кроме того, Джоан вместе с ним посещала Аниту Уолш, надеясь, что та поможет ее мужу вскрыть корни своей болезни и навсегда избавиться от пристрастия к спиртному.

Сэнфорд Берман мрачно рассматривал всех присутствующих. «Умники! — рассуждал он. — Куда ни ткнешься — везде находится куча умников. Даже на этих сеансах, черт бы их побрал». Сейчас в категорию «умников» попали сами Уолши, Пирсоны и Андри Уорнак. Всех остальных — то есть Берманов и Харрисов — Сэнфорд классифицировал как «простаков». Туда же он причислил и Гарви Уорнака за то, что тот все время отмалчивался.

Сэнфорд всю свою жизнь делил людей на «умников» и «простаков». «Умники» — это те, кто всегда старается быть правильным и сдержанным. Иногда даже создается впечатление, что эти люди никогда не ходят в туалет. Остальные — «простаки» — это обычные люди со всеми нормальными свойствами и недостатками.

В страховом бизнесе «умники» всегда ведут переговоры с крупными компаниями, а «простаки», к которым относился и сам Сэнфорд, занимаются страхованием личного имущества.

Уже много лет Сэнфорд втайне мечтал прибиться к «умникам», но те будто и не замечали его, хотя по результатам работы его показатели были ничуть не хуже. Но сколько бы премий ни получал Сэнфорд за свои выдающиеся достижения, «умники» продолжали смотреть на него свысока. Для них он был черной костью. Ведь «умнику» достаточно заключить за год один-единственный договор с какой-нибудь крупной фирмой и сорвать себе приличный процент комиссионных, в то время как Берману приходилось обежать не одну сотню клиентов, чтобы заработать такую же сумму. И поэтому он находил утешение в бутылке. Вино придавало ему уверенности в себе, и после нескольких рюмок Сэнфорд прочно укреплялся во мнении, что никто не посмеет усомниться в том, что он такой же полноценный член общества, как и все остальные.

Сегодня ему снова захотелось снискать к себе расположение «умников». И это была большая ошибка. Уолши только посмеялись над его предложением превратить их усадьбу в доходное место, а Андри Уорнак даже обозвала его грубияном и невежей.

Но вот уже почти целый год никто не смел критиковать Бермана, и теперь он проклинал про себя всех этих «умников» и посылал их ко всем чертям.

Всякий раз, когда Сэнфорда тянуло к бутылке, он вспоминал ужас той ночи в полицейской камере и останавливался. Об этом он и написал в письме к жене, но, разумеется, не собирался его никому показывать. Он доверил бумаге всю правду о том, что случилось с ним тогда в полицейском участке. Об этом он не рассказывал даже на собраниях Анонимных Алкоголиков и теперь поклялся, что ни Джоан, ни тем более Уолши не должны никогда узнать его тайных страхов.

Психиатры любят выворачивать человеческую душу наизнанку. Они обожают гной. И чтобы увидеть его, внушают пациенту, будто он обязан сам вскрыть свои раны и обнажить перед всеми больные места. Но Сэнфорд Берман

не покупается на их дешевую приманку и лживые разглашательства. Он выше их на голову. У него все в полном порядке. Он не пьет почти целый год и спокойно держит все свои тайны при себе.

Самым страшным в камере были, конечно, не галлюцинации. Ему и раньше в приступах белой горячки приходилось сражаться с зелеными крысами и малиновыми змеями. Правда, сейчас вместо этого Берману виделись убийцы в человеческом облике. Но это не меняло сути дела. Хуже всего было то, что Сэнфорд, наконец, понял: все его ночные и горячечные кошмары на самом деле были проявлением страха оказаться неудачником, и именно этот страх заставлял его восставать против всего белого света, будто все вокруг только и хотят задушить его и строят против него тайные планы. Он просто не мог смириться с тем, что кто-то считает его ниже себя.

Вот с такими невеселыми мыслями Сэнфорд заснул в камере в ту самую ночь. А когда проснулся, то увидел, что лежит в луже собственной рвоты на холодном полу, за решеткой, куда брезгают заползать даже подвальные крысы. Осознав свое жалкое положение, он почувствовал себя таким отвратительным ничтожеством, что даже презрение «умников» показалось бы ему сейчас незаслуженно высокой оценкой. Он был наимерзейшим и никчемнейшим существом на земле. После этой выходки было бы вполне логичным, если бы даже жена и дети начали относиться к нему с презрением.

Осознав все свое ничтожество, Сэнфорд пришел к страшному выводу: ему больше не имеет смысла продолжать жить. Жена и дети ничего не потеряют, если такой муж и отец уйдет из жизни. Все, ради чего он трудился, теперь потеряло для него всякую ценность. Он соорудил из своей заблеванной рубашки петлю и привязал ее к решетке камеры. Потом оторвал несколько узких полосок материи от майки и попытался связать ими ноги и руки в запястьях, чтобы не оставалось уже никакой надежды пойти на попятную. И только после этого взобрался на железную койку, просунул голову в петлю и прыгнул. Сэнфорд надеялся тут же сломать себе шею или хотя бы сразу потерять сознание, но вместо этого лишь нелепо повис на петле, касаясь пальцами ног холодного пола, и начал медленно задыхаться. Это никак не входило в его планы. В смертельном испуге он попробовал закричать и позвать на помощь, но из горла вырвался только тихий глухой хрип. Он вертелся и бился об решетку, но так как руки и ноги его были связаны, это не приводило к желаемому результату;

наоборот, при каждом отчаянном броске петля затягивалась все туже. В конце концов измученный неудачник потерял сознание.

И вновь Сэнфорд очнулся в луже собственной рвоты на том же самом холодном полу затхлой камеры. Шея нестерпимо болела, все тело ныло от ушибов о решетку и стены.

Дежурный полицейский, в обязанности которого входил ежечасный обход камер, нашел Сэнфорда уже в бессознательном состоянии висящим на самодельной петле и сразу же перерезал ее и путы на конечностях. К ужасу Бермана он заявил, что обязан сообщить по команде о попытке самоубийства. Это означало, что не позднее завтрашнего утра информация об этом позорном факте просочится в печать. Сэнфорд сразу же предложил взятку, и они сошлись на тысяче долларов, гарантирующих полное молчание дежурного.

— Черт с тобой, приятель,— устало проворчал полицейский.— Это твое личное дело, но мне очень не хотелось бы, чтобы такое происходило именно здесь, да еще в мою смену.

После этого случая Сэнфорд понял, как силен его инстинкт самосохранения и как на самом деле ему хочется жить, пусть даже он этого и не заслуживает. Теперь оставалось лишь усердно работать, растить детей, женить их и на старости лет нянчить внуков.

Он боялся, что жена и дети бросят его, если узнают, каким трусом он оказался. И теперь он намеренно посмеивался над Джоан, постоянно напоминая ей о лишнем весе и полной фигуре. Но в действительности он совсем не хотел, чтобы Джоан похудела. Пусть лучше она осознает свои недостатки, и лишний вес будет для нее постоянным напоминанием о ее неполноценности. Иначе она еще вздумает считать себя достойной лучшего мужа, нежели Сэнфорд с его пагубным пристрастием к спиртному.

Берман прекрасно понимал, почему по отношению к жене он ведет себя именно так, но ничего уже не мог изменить. К тому же он не надеялся на то, что, рассказав Джоан или кому бы то ни было о своей попытке самоубийства, он как-то исправит положение. Вполне достаточно и того, что об этом знает он сам. Ведь после той ночи он бросил пить и держался почти уже год.

Обиженный на весь белый свет, чуть не плача, Гарви Уорнак направлялся к конюшне. Ему не хотелось маячить перед домом, поскольку он помнил, что Харрисы собирались перед сном посидеть на веранде. А сейчас он не хотел

ни видеть кого-либо, ни тем более разговаривать. Ему требовалось побыть одному — чтобы никто не приставал со своими расспросами и не пытался его утешать.

Гарви прошел мимо загона, в котором тихо стояли лошади, но даже не взглянул на них. Ограда загона давно уже кончилась, а он все шел и шел безо всякой цели туда, где виднелись свежевырытые котлованы для реставраций разрушенных хижин. С досады Гарви пнул ногой крепко засевший в земле кусок кирпича, хотя рассудок и подсказывал ему, что следует быть более уважительным к хозяевам этих мест. Но хотя (только ради Андри) он и делал вид, что его интересует вся эта археологическая чушь, на самом деле ему было глубоко наплевать на все, что здесь происходит. Другое дело — мир современности со всеми его приспособлениями, из-за которых время не стоит на месте: компьютеры, программы, да мало ли что еще!.. Какого черта копать в этих пыльных обломках давно прошедших эпох? Их все равно уже не вернуть...

Терзаемый сознанием того, какими разными они с Андри оказались, Гарви тем не менее сурово осуждал себя за то, что не смог полюбить ее так же сильно, как она его. А теперь еще его раздражал этот очевидный роман его собственной жены с Чарльзом Уолшем. Самое парадоксальное заключалось в том, что он не хотел окончательно рвать с Андри, хоть надежда на восстановление добрых отношений с ней таяла в его сердце с каждой секундой.

Он размышлял о том, что, возможно, ее тяжелая болезнь и его изменившееся отношение к ней накануне операции вовсе и не были настоящими причинами разлада. Что если сама их свадьба была ошибкой, и дело все равно пришло бы к печальному финалу — разводу, даже если бы и не обнаружилась эта опухоль, потребовавшая операции? Что если эта болезнь была специально подготовлена злодейкой-судьбой, чтобы только испытать на прочность его любовь? А он не выдержал и от этого чувствовал еще большие угрызения совести.

А может быть, они просто не подходят друг другу, будучи совершенно разными людьми, не созданными для совместной жизни? Все сильнее и сильнее Гарви убеждал себя в том, что Андри была бы намного счастливее, если бы вышла замуж за такого человека, как, например, этот Уолш. За того, кто смог бы по-настоящему оценить ее любовь к искусству и литературе.

Сначала они лишь подшучивали над тем, что два таких непохожих человека связали свою судьбу. Что ж, противоположности всегда притягиваются. Да, некоторое время

это было даже забавно, но так не могло длиться вечно. Главное в семейной жизни все-таки совсем другое — супруги должны быть похожими. И если этого нет, то такие пары в конце концов распадаются — рано или поздно противоположности восстают друг против друга.

Гарви нащупал адресованное жене письмо в кармане куртки. В нем он беспорядочно и почти бессвязно попытался изложить все свои опасения и сомнения, которые до сих пор роем вились у него в голове. Внезапно под ноги ему попался крупный ком грязи. Гарви с силой пнул его ногой, свернул в сторону и зашагал по деревянному настилу, ведущему прочь от бывших рабских хижин. Сейчас он почти уже решился показать это письмо Андри. Да, именно сегодня, когда они останутся наедине. Дальше тянуть нельзя.

Но когда он проходил мимо огромного старого вяза, тоже погруженного в свои невеселые мысли, чья-то волосатая рука высунулась из-за ствола и крепко зажала ему рот. От неожиданности Гарви широко раскрыл глаза и прямо перед собой увидел блестящую сталь штыка. В тот же миг незнакомец проткнул ему шею, перерезав сонную артерию. Кровь фонтаном хлынула из рта и из раны и горячей волной потекла по куртке.

Микки Хольц и Жанет Фейган — два террориста из Зеленой бригады, которые стерегли пилотов в кабине Боинга-747, — опустились на колени возле умирающего Гарви Уорнака и, как заведенные, принялись кромсать его шею штыками. Их глаза излучали зловещий звериный блеск, а руки продолжали методично вонзать клинки в уже мертвое тело Уорнака.

— Общество старого Юга, — объяснял Чарльз Уолш, — было основано на самой жестокой несправедливости и неравенстве — на рабстве человека. Но, как ни парадоксально это звучит, плантаторы-аристократы довольно активно участвовали в общественной жизни и были преданы идеалам демократии. И Вашингтон, и Джефферсон — оба были рабовладельцами. И в то же время Джефферсон писал, что «все люди созданы равными», а Вашингтон сражался за этот принцип на поле боя и одержал победу.

— Да, но дело в том, что из четырех семей только одна в то время владела рабами, — вставила Андри.

— Это неважно, — вступил в разговор Марк Пирсон. — Чарльз просто имел в виду, что...

И в этот момент с веранды раздался душераздирающий вопль.

Чарльз непонимающим взглядом окинул присутствующих и направился к входной двери. Крик повторился. Это был голос Софи Харрис. Уолш открыл дверь и увидел, что супруги Харрис, прижавшись друг к другу, пытаются спрятаться за толстой белой колонной. Но лишь через секунду он понял, что же так сильно напугало их.

На нижней ступеньке широкой лестницы парадного входа собственной персоной стоял генерал Кинтей, главарь Зеленой бригады, которого Чарльз всего несколько часов назад видел по телевизору и сейчас мгновенно узнал. Террорист держал в руках черный автоматический пистолет 45-го калибра, наставив дуло на Харрисов, а теперь начал медленно переводить оружие на хозяина поместья.

— Бог ты мой! — только и смог проговорить Чарльз. В голове его путались самые разные мысли — перед глазами проплывали обрывки телепередач, какие-то картины из недавнего страшного сна, и тут всплыло в памяти зловещее предсказание Мэри Монохэн.

Из носа Кинтея тонкой струйкой вытекала кровь. Глаза были злыми и совершенно пустыми. Казалось, что он прикладывает неимоверные усилия, пытаясь удержать пистолет в вытянутой руке. Так и не успев нажать на курок, террорист споткнулся о мраморную ступеньку и с глухим стуком повалился на вымощенный булыжниками двор.

К этому времени все, находившиеся в доме, уже высыпали на веранду. Чарльз сделал шаг по направлению к Кинтею и тут услышал произительный крик Аниты:

— Чарльз! Не подходи к нему!

Но он все же нагнулся и хладнокровно вынул пистолет из разжатых пальцев бандита. Потом приподнял веки главаря террористов и заглянул в его пустые бессмысленные глаза.

— Он потерял сознание. Анита, я присмотрю здесь за ним, его оружие уже у меня. А ты позови Джорджа Стоуна, пусть он поможет перетащить его в дом.

— Но ведь он собирался **ЗАСТРЕЛИТЬ** нас! — завизжала Софи Харрис, все еще не решаясь выйти из-за колонны.

— К-кто он? — заикаясь от страха, спросила Джоан Берман. — Солдат?

— Террорист, — коротко ответил Чарльз. — Он называет себя «генерал Кинтей».

— Не может быть! — ужаснулся Сэнфорд Берман. — Я вчера смотрел про него новости по телевизору. Это же

главарь Зеленой бригады! Они ограбили банк в Нью-Йорке и потребовали, чтобы их отправили самолетом на Кубу.

— Совершенно верно,— подтвердил Чарльз.— Я тоже следил за событиями. Наверное, их самолет потерпел катастрофу где-то в этих местах. Анита, позови Джорджа. Надо поскорее затащить его в дом. Сначала окажем Кинтею посильную медицинскую помощь, а потом передадим его полиции.

— Я могу вам помочь,— предложил Марк Пирсон.

— Он очень тяжелый,— отозвался Чарльз.— Боюсь, что нам и вдвоем не справиться. Подождем Джорджа и тогда попробуем.

Андри Уорнак, молчавшая до сих пор, вдруг заговорила с перекошенным от страха лицом:

— Гарви!..— Ее голос дрожал.— Он же ушел гулять...

Чарльз проверил пистолет Кинтея.

— Возможно, с ним все в порядке,— сказал он, хотя в голосе его не чувствовалось особой уверенности.— Из этого пистолета еще не стреляли.

— Я тоже не слышал никаких выстрелов,— подтвердил Сэнфорд Берман.

— Но... если я вас правильно поняла, то поблизости могут быть и другие террористы,— едва слышно произнесла Андри.

С кухни примчался Джордж Стоун, и вместе с Чарльзом они приподняли Кинтея за руки, а Марк Пирсон и Сэнфорд Берман ухватили террориста за ноги.

— Осторожнее, Марк,— волновалась Хитэр, вслед за остальными женщинами входя в дом.

Бен Харрис держал входную дверь открытой, и наконец четверо мужчин внесли Кинтея наверх по ступенькам веранды.

В эти минуты полковник Мао, медленно ковылявшая мимо дома, неожиданно заметила, что ее любовника «взяли в плен». Не раздумывая ни секунды, она открыла огонь, даже не соображая, что может убить именно того, кого пыталась таким безумным образом спасти. Но она действовала настолько неуклюже и медленно, что в результате ее выстрелы не причинили никому никакого вреда. Правда, несколько пуль все же попало в мраморные колонны, и мужчины ускорили шаг, скрываясь за тяжелой дверью усадьбы.

Рядом с Мао появились еще двое террористов и, следуя ее примеру, начали беспорядочно стрелять по стенам и ок-

нам дома, вышибая из фасада куски кирпичей, штукатурки и мрамора.

— Всем лечь на пол! Никому не вставать! — приказал Чарльз Уолш, под свист пуль закрывая дверь на засов. Джоан Берман не могла пошевелиться от ужаса, тогда Чарльз с силой схватил ее за руку и швырнул за диван. Все остальные, пригнувшись, искали убежище. Марк Пирсон накрыл собой Хитэр, рискуя при этом своей собственной жизнью. Анита вытянула руку и дотронулась до пальцев Чарльза, показав таким образом, что она цела и невредима. Увидев ее, неподвижно и беспомощно лежащую на полу, Чарльз почувствовал, что у него обрывается сердце. Сейчас же, ощутив ее прикосновение, он немного успокоился и крикнул:

— Мередит! Бренда! Запирайте все окна и двери!

Пригнувшись как можно ниже, он торопливо выбрался из гостиной, собираясь по возможности обезопасить и другие комнаты.

Съежившись на полу от страха, Сэнфорд Берман наблюдал, как Чарльз, ловко изгибаясь, проползает мимо него, подобно заправскому солдату на полосе препятствий, которому нужно пролезть под колючей проволокой. Сам же Сэнфорд от ужаса не мог и пошевелиться. Ему казалось, что даже если бы он был абсолютно уверен, что в то место, где он сейчас лежит, вот-вот попадет пуля, то и тогда он не смог бы предпринять ничего для своего спасения. Когда Чарльз по-пластунски покинул гостиную, Сэнфорду открылось нечто, чего раньше он каким-то образом не замечал, а именно — старинный сервант, уставленный бутылками со спиртным. Вот что ему было просто необходимо сейчас. Вино манило Бермана как никогда. Но он знал, что если сдвинется с места, то первая же пуля попадет в него. А если нет — то тогда его убьет вино.

Обстрел усадьбы продолжался, время от времени слышался звон бьющегося стекла, от стен отлетали куски штукатурки, образуя в воздухе маленькие облачка пыли. Бесценные предметы старины — вазы, сервизы, хрусталь — все разлеталось вдребезги.

Джоан Берман и Софи Харрис горько плакали.

Сэнфорд Берман медленно протянул руку к серванту со спиртным, но нечеловеческим усилием воли заставил себя отдернуть ее.

В это время Кинтей пришел наконец в себя и начал выкрикивать какую-то бессмыслицу насчет «фашистских зверей» и «истребления свиней». Марк Пирсон и Джордж Стоун с трудом удерживали его, а потом связали ему руки

и ноги при помощи его же собственных нейлоновых шнурков. Собрав все свои силы, Кинтей завопил:

— Фашисты! Свиньи! Сгорите в огне свободы!!!

Его бредовые выкрики, очевидно, вдохновили полоумных террористов, и стрельба усилилась.

Это было последней каплей терпения для Сэнфорда Бермана. Больше он выдержать не мог. Он широко распахнул дверцы серванта и выхватил бутылку бурбонского виски, поднес ее поближе к лицу и с восхищением посмотрел на янтарную жидкость и искусно оформленную этикетку в старинном стиле. Сэнфорд уговаривал себя не делать этого, потом даже произнес несколько дежурных заклинаний и молитв, сочиненных специально для лечащихся алкоголиков. Но одно дело — хором давать обещания не прикасаться к спиртному, сидя в уютном кабинете на заседании Анонимных Алкоголиков, и совсем другое — слышать рядом с собой свист пуль. Он открутил пробку и жадно присосался к горлышку.

Кинтей тем временем бился в истерике, не переставая вопить:

— Свиньи фашистские! Горите в пламени свободы!

— Надо заткнуть ему кляпом рот! — выкрикнул Марк Пирсон.

Джордж Стоун достал из кармана комбинезона красную повязку на голову, скомкал ее и с силой впихнул в рот самозванного генерала.

Сэнфорд Берман отхлебнул из бутылки еще пару глотков.

Чарльз Уолш дополз до столовой и сразу же понял, что с этой стороны дома стрельба идет намного активнее. Во многих картинах зияли дыры. Настенные блюда и украшения из фарфора превратились в груды мелких осколков. В тот момент, когда он проползал мимо одной из них, раздалась автоматная очередь, и великолепная огромная хрустальная люстра рухнула на изрешеченный пулями антикварный дубовый стол. «Даже если я выживу, — подумал Чарльз, — сердце мое вряд ли все это выдержит». Но то, что он увидел минуту спустя, потрясло владельца усадьбы еще сильнее.

На кухне в лужах густеющей крови лежали Меридит и Бренда Мичам, бессмысленно глядя в потолок широко открытыми остекленевшими глазами. Рты их были беспомощно раскрыты, будто перед самой смертью они пытались позвать на помощь своего хозяина. Все это казалось странным еще и потому, что в кухне почти не было никаких следов разрушений. Здесь было разбито только одно

окно, и несколько пуль засели в холодильнике и плите. Казалось, что смерть негритянок была случайной, что они погибли от рук каких-то вооруженных сумасшедших, которым, по всей вероятности, гораздо приятней наносить ущерб неодушевленным предметам.

Почему они даже не пытаются проникнуть в дом? Эти твари продолжают стрелять, почти не целясь.

Захватив с собой пистолет Кинтея, Чарльз пробрался к задней двери, захлопнул ее и запер на засов. Хотя он прекрасно понимал, что если члены Зеленой бригады начнут организованное наступление, то эта дверь, безусловно, не сдержит их натиск.

С той минуты, как Джейни Стоун до конца осознала, что ее мать и бабушка погибли, она решила бежать в поместье. Ей предстоял нелегкий путь длиною в три мили по ухабистой пыльной дороге. Слыша за спиной выстрелы, она каждый раз пригибалась к земле или пряталась в кювете, а потом снова бросалась вперед, стремясь скорее попасть в поместье — ведь там был ее отец. Только одно пугало ее теперь — а вдруг они его тоже убили? Добежав до опушки, Джейни осторожно выглянула из-за деревьев и обнаружила, что усадьба тоже окружена солдатами. Их было не меньше десятка, и все они беспрерывно стреляли по дому. Приглядевшись получше, Джейни заметила отцовский пикап, стоявший перед домом вместе с другими машинами, принадлежавшими, очевидно, гостям Уолшей. Девочка не знала, что делать. Ей обязательно надо пробраться к отцу. Но как?

Одна из нападающих — худенькая длинноволосая девушка в джинсах и ковбойке — подошла совсем близко к дому и, медленно пошатываясь, будто плохо соображая, что делает, достала гранату и неуклюже метнула ее. Граната ударилась о колонну и отлетела назад, попав прямо в голову девушке. Но та лишь тупо наблюдала, как снаряд скатился к ее ногам и взорвался, разнося на куски ее собственное тело и поднимая в воздух столб дыма и огня.

Этот эпизод на некоторое время прервал стрельбу. Террористы, как одурманенные, собрались вокруг дымящейся воронки, явно не понимая, что же все-таки произошло. Только что их товарищ по оружию стоял рядом, а после взрыва каким-то непонятным образом испарился.

Не теряя ни секунды, Джейни рванулась к дому, изо всех сил начав звать отца.

— Папа! Папа! — почти неузнаваемым надорванным голосом кричала она.

Увидев движущуюся цель, бандиты очнулись от транса и начали стрелять по ней. Но Джейни удалось юркнуть за поленницу, сложенную из толстых дров для растопки камина в зимние холода. Это еще сильнее озадачило нападающих. Им и в голову не приходило, как можно попасть в девочку, спрятавшуюся за таким надежным укрытием. Поэтому они оставались на местах, продолжая настойчиво всаживать пули в дрова. У некоторых патроны давно уже кончились, но они, не замечая этого, продолжали нажимать на курки.

Джейни вся съежилась, боясь пошевелиться или снова позвать на помощь. Девочка не понимала, почему эти люди ведут себя так глупо и необычно. Они были похожи на живых мертвецов — она как-то даже смотрела такое кино по телевизору в доме у Уолшей. Но если они снова услышат ее голос, то могут догадаться, что надо просто обойти поленницу вокруг — и она окажется у них в руках.

Однако из-за того, что все окна в доме были уже перебиты, а в пальбе наступило временное затишье, Джордж Стоун все же успел расслышать голос собственной дочери. Он прополз по изуродованным комнатам усадьбы, пока не нашел Чарльза, который в этот момент как раз пытался забаррикадировать кухонную дверь огромным холодильником.

— Доктор Чак... прошу вас... дайте мне ваш пистолет, — взмолился Джордж. — Там во дворе Джейни.

— Где? Откуда вам это известно? — изумился Чарльз.

— Она только что кричала мне. Я на секунду высунулся из окна и успел заметить, как она спряталась за поленницу.

Чарльз порылся в ящике кухонного стола, вынул оттуда большой нож для разделки мясных туш и сказал:

— Возьмите вот это. Мы пойдем туда вместе.

— Нет. Дайте мне пистолет, — не соглашался Джордж. — Если мы выйдем вместе, то некому будет охранять дверь.

Чарльзу пришлось согласиться на это. Нехотя он передал пистолет Джорджу. Оба мужчины осторожно осмотрели через разбитые окна двор. Казалось, что возле самого дома террористов нет. Джордж незаметно выскользнул из задней двери, а Чарльз остался за ней с кухонным ножом.

Едва нападающие заметили Джорджа, как снова открыли стрельбу. Но они так неловко прицеливались, что могли попасть в него разве что чудом. Однако риск был

все же велик. Но Джорджу не оставалось ничего другого, как только идти ва-банк. Он собрался с силами и, мысленно благословясь, рванул через двор. Террористы стреляли наугад, пули свистели над его головой и врезались в деревья и землю. Джордж добежал до опушки и там на некоторое время припал к земле. Но после короткой передышки он снова вскочил и бросился к пленнице под ураганным огнем преступников.

— Папа! Папочка! — со слезами воскликнула Джейни, как только отец свалился рядом с ней за дровами и нежно обнял ее. Однако оставаться здесь было все опаснее с каждой минутой. Потерявшие разум бандиты в конце концов могли догадаться, что все, что им надо сделать, — это просто обойти пленницу с другой стороны.

— Пошли, крошка! — крикнул Джордж и схватил дочку за руку.

Сперва они бросились в противоположную сторону, затем лесом срезали угол и оказались на расстоянии одной перебежки от заднего крыльца. Выждав пару минут, они снова вскочили на ноги и одолели почти тридцать ярдов, прежде чем безумные твари догадались, в чем дело, и начали стрелять. Деревянные ступеньки крыльца превратились в щепки, но Чарльз Уолш уже отпер дверь и широко распахнул ее перед дочерью и отцом, чтобы они без поддержки смогли вбежать в дом. Джордж с силой толкнул Джейни внутрь, а сам успел повернуться и, прицелившись прямо в лоб ближайшему террористу, нажал на спусковой крючок. На лбу у врага появилось маленькое красное пятнышко, и он медленно осел. Джордж огляделся в поисках очередной жертвы.

— Скорей сюда! Джордж! Скорее! — кричал Чарльз.

Поймав на мушку следующего террориста, Джордж выстрелил еще раз, но промахнулся. Потом он повернулся и почти уже вошел в дом, как вдруг в воздухе что-то просвистело. Нет, это была не пуля, но Джордж застонал и упал, как подкошенный, сильно ударившись лицом о крыльцо. Чарльз быстро втащил его внутрь, захлопнул дверь и запер ее на тяжелый засов. Он сразу заметил, что из лопатки Джорджа торчит маленький стальной цилиндр. Ему тут же припомнились недавние передачи по телевизору. Чарльз даже не сомневался, что этот выпущенный из арбалета полый цилиндр внутри был заполнен ядом, и вполне возможно, что именно ядом гремучей змеи. Он моментально извлек его из тела раненого, надеясь, что сделал это

не слишком поздно, однако небольшая доза яда успела проникнуть в кровь. Джордж, стиснув зубы, стонал от боли, прислонившись к кухонной плите. Джейни обняла его и заплакала, бормоча что-то бессвязное, из чего можно было понять только одно — ее мать и бабушка убиты.

Дерзкая вылазка Джорджа вызвала у бандитов очередной приступ ярости, и они вновь с остервенением принялись обстреливать дом. Все находящиеся внутри прятались, кто за чем мог, а пули с грохотом разбивали в щепки мебель, посуду и украшения.

Чарльз выполз из кухни и осторожно поднялся наверх в свою спальню за чемоданчиком, с которым не расставался никогда, выезжая по вызову. В этом саквояже он хранил достаточное количество противоядия, поскольку знал, что недалеко от поместья собирается секта змееносцев, каждое воскресенье совершающая свои дикие обряды. Когда он начал спускаться по лестнице назад в кухню, стрельба постепенно стала стихать, слышались лишь одиночные выстрелы, а потом огонь и совсем прекратился.

И как раз в этот момент зазвонил телефон. Впрочем, он мог звонить уже достаточно долго — просто из-за грохота выстрелов его вряд ли кто слышал. Теперь же Чарльз начал осторожно пробираться к аппарату.

Но так как все стекла в доме были разбиты, и звонок разносился до самого леса, то не услышать его снаружи было попросту невозможно. Один из террористов, стоявший ближе других к дому, медленно вынул из ножен длинный блестящий тесак. Это был прыщавый молодой человек с жиденькой бородачкой и пустыми бесцветными глазами. Он медленно и неуклюже, но все же довольно решительно приблизился к проводам, соединяющим усадьбу электричеством и телефонной связью с внешним миром. Подойдя к незапертому щитку кабельного ввода, он открыл небольшую стальную дверцу, бесстрашно взмахнул тесаком и принялся перерезать им линию передач. Ослепительные голубые искры с треском полетели в разные стороны, террорист несколько раз дернулся, вскрикнул, послышалось шипение обугливаемой кожи, затем его тело еще несколько раз вздрогнуло и затихло. Совершилась электрическая казнь. Потом вспыхнула одежда, труп свалился на землю и стал медленно догорать.

Поместье лишилось электричества и связи. Телефонный звонок оборвался прежде, чем Чарльз успел дотянуться до трубки. Схватив спасительный чемоданчик, он почти бегом вернулся на кухню, склонился над Джорджем Стоуном и ввел ему солидную дозу противоядия. Пока он обра-

батывал рану и перевязывал Джорджа, из гостиной появился Марк Пирсон.

— Нам надо срочно принять все меры, чтобы противостоять возможной атаке на дом, — сразу же шепотом начал он. — Нельзя терять ни секунды. Если террористы двинутся цепью и начнут бросать в окна гранаты, нас уже ничто не спасет. Мы все до одного погибнем.

— Странно только, почему они до сих пор этого не сделали, — заметил Чарльз.

— Ума не приложу, — ответил Марк. — Создается такое впечатление, что они все или одновременно рехнулись, или находятся под воздействием какого-то наркотика.

Чарльз в задумчивости кивнул. До того как Кинтей потерял сознание, он тоже передвигался с трудом и вел себя очень нелогично. Но, вполне вероятно, что он получил травму во время крушения Боинга. Такое поведение довольно часто наблюдается у больных при повреждении центральной нервной системы. Но странным казалось то, что и все остальные его товарищи вели себя точно так же. Если у всех у них были одинаковые симптомы и одинаковые повреждения мозга — то что могло стать причиной этого?!

— Где самое надежное место в вашем доме? — спросил Марк Пирсон.

— В подвале, — не задумываясь, ответил Чарльз. — Его выстроили в старые добрые времена именно на тот случай, если там придется прятаться от нападения индейцев. В полу есть люк, и, спустившись вниз, его можно сразу же надежно закрыть, используя специальные засовы.

— Это и будет местом нашего окончательного укрытия, — решил Марк. — Я пойду и попытаюсь объяснить это всем остальным.

Он начал переползать от одного человека к другому, объясняя каждому его конкретную задачу. В середине семидесятых Марку довелось служить в мотострелковых войсках, где он получил неплохую военную подготовку, но с тех пор он ни разу не участвовал в боевых действиях. К его великой радости как раз в это время США закончили вывод своих войск из Вьетнама, и ему не пришлось воевать там. Однако сейчас он все равно очень живо вспомнил все то, чему его обучали в армии, и действовал быстро и, как ему казалось, достаточно компетентно. Кроме того, сознание собственной важности притупляло в нем чувство страха.

Дойдя до Сэнфорда Бермана, Марк сильно расстроился. Берман уже почти наполовину опустошил бутылку бур-

бона, и теперь пользы от него было мало. С отвращением Марк отобрал ненавистную бутылку и вылил остатки виски в раковину. Пьяный протест Сэнфорда был сейчас очень некстати — любые звуки могли привлечь внимание террористов и спровоцировать их на новое наступление. Джоан забилась в дальний угол и тихо всхлипывала, а ее муж начал во всеуслышание разглагольствовать о том, что если уж ему суждено умереть, то он не собирается погибать в трезвом виде. Успокоить Сэнфорда оказалось делом крайне нелегким, и в конце концов было решено поступить с ним следующим образом: Марк повалил его на пол и надел сверху, удерживая за руки, а доктор Анита, изловчившись, ввела ему максимальную суточную дозу валиума, после чего он сразу же обмяк и заснул.

Все в доме были напуганы — некоторые почти до истерики. Но Марк все же старался, как мог, успокоить их и добиться того, чтобы все начали действовать сообща. Они переползали из комнаты в комнату, собирая оружие и другие вещи, которые могли пригодиться в подвале, при этом стараясь делать все очень тихо — ведь любой шум или возглас мог легко спровоцировать новый обстрел.

Время от времени кто-нибудь выглядывал из окна, чтобы проверить, не готовится ли организованная атака террористов: ведь сами они еще не до конца были подготовлены к тому, чтобы укрыться в подвале в случае их наступления. Потом стали аккуратно сносить все собранное вниз, постепенно превращая подвал в настоящую крепость. Они запаслись свечами, самодельными факелами, продовольствием и водой. Захватили с собой радио и даже переносную газовую плитку для приготовления пищи. Но сюда они спустятся только в самый последний момент — когда вся остальная часть дома уже будет захвачена Зеленой бригадой. В подвале не было окна, его свод был выложен из крупных камней и подперт толстыми дубовыми сваями, между которыми на полу лежала солома. Сюда можно было попасть через единственный потайной люк по деревянной лестнице, ведущей на первый этаж.

Но все-таки даже такая крепость не могла быть идеальным убежищем. Если террористам удастся ворваться в дом, то они подорвут гранатами и тяжелую дубовую дверь столовой и вход в кладовую, откуда и начиналась ведущая в подвал лестница. В те давние времена, когда строился этот дом, никаких гранат у индейцев и в помине не было. А от их взрывов теперь вполне могут расшататься эти старые каменные своды, и тогда уже ни у кого из спрятавшихся под ними не останется ни единого шанса. Но даже

если они и переживут взрывы гранат, то автоматная очередь первого же ворвавшегося в подвал бандита наверняка решит все.

Марк Пирсон надеялся только, что у террористов не хватит ума так продуманно довести дело до конца. До сих пор они действовали несогласованно и нелогично. Оставалось лишь надеяться, что так будет продолжаться и впредь.

Проверяя надежность дверей, Марк несколько раз встретился взглядом с Хитэр, и взгляд этот его ободрил. Она явно гордилась им. Он почувствовал это и, проходя очередной раз мимо жены, даже поцеловал ее. Это был легкий мимолетный поцелуй, но Хитэр поняла — ее супруг сможет постоять за них обоих.

Просто невероятно! Ему показалось, что он снова влюбился в свою жену. Именно сейчас, благодаря его находчивости, самообладанию и изобретательности, он почувствовал, как он был нужен ей все эти годы, всю их совместную жизнь, а особенно — в эти минуты...

Глава двадцатая

Вертолеты ФБР приземлились на аэродроме Шарлотсвилла в 19.35. Но снова они смогли подняться в воздух только в 20.00. На командирском вертолете вместе с Джимом Спенсером и Сэмом Бернарди летели еще десять бойцов из группы захвата. На остальных трех машинах также разместилось по десять солдат. Вертолеты шли низко, едва не касаясь друг друга, и направлялись в тот самый район, где Боинг-747 был последний раз замечен радаром — примерно в ста милях к северо-западу от Шарлотсвилла. Прибыв на место, они разбили территорию на четыре квадрата, и каждый экипаж стал концентрическими кругами летать над своим участком, стараясь обнаружить упавший самолет.

— Нам очень сильно повезет, если удастся обнаружить его до заката, — сказал Спенсеру Сэм Бернарди. — Через полчаса станет уже темно. Придется возвращаться.

— Уорнер и Райс не стали бы и пытаться посадить самолет в лесу, — ответил Спенсер. — Это ведь верная смерть. Если только у них была другая возможность, они наверняка стали бы искать более подходящее открытое место. Будем надеяться, что они нашли его.

— Не похоже, — возразил Бернарди, грустно глядя вниз на море непроницаемой листвы. С воздуха казалось, что кроны деревьев слились в сплошной зеленый ковер.

— Мы должны вести поиск до самой темноты, пока еще можно хоть что-то там разобрать,— мрачно сказал Спенсер, выпуская табачный дым одновременно изо рта и ноздрей.— Нам нельзя упускать ни одного шанса поскорее прикрыть это дело.

Бернарди только моргнул несколько раз подряд. В остальном его смуглое лицо осталось непроницаемым. Он подумал про себя: «Если кто-нибудь из террористов или заложников после катастрофы остался в живых, каким же, интересно, образом Джим Спенсер сможет скрыть подробности своего плана с кислородным голоданием?»

Вертолет, работавший в юго-западном секторе зоны поисков, обнаружил обломки Боинга в 20.45, когда солнце почти уже скрылось за чернеющими вершинами гор.

— Вижу часть фюзеляжа и оторвавшееся крыло,— по радио сообщил пилот вертолета Джиму Спенсеру.— Похоже на то, что они хотели использовать для вынужденной посадки полосу отчуждения местной газовой компании.

Спенсер передал координаты обнаруженных обломков пилотам других вертолетов, и вскоре уже все четыре машины кружились над местом аварии.

— Не вижу внизу никакого движения,— передал Спенсер.— Мы садим первыми. Остальным экипажам оставаться в воздухе и прикрывать нас до особой команды.

Выбирая пятачок для безопасной посадки, они успели заметить, что большая часть полосы отчуждения была недостаточно широкой — местами чуть ли не вдвое меньше, чем размах крыльев Боинга-747. На травянистой поверхности просеки, в том месте, где шасси гигантского лайнера первый раз коснулось земли, остались два больших углубления, а далее извилистые борозды следов шли вверх по склону горы. Оба крыла оторвались уже во время движения самолета по земле. Вероятно, это значительно снизило его скорость, но по той же причине самолет начал резко вилять из стороны в сторону. Обгорелая концевая часть левого крыла все еще дымилась на земле, а правое перевернулось и прислонилось к стволам деревьев. Фюзеляж самолета занесло вбок, и он врезался в лес под углом примерно в тридцать градусов к просеке — передняя часть была скрыта густой листвой, а хвост находился на виду на открытом участке местности.

— Ничего себе посадочная полоса,— без особых эмоций процедил Спенсер.

Качая головой в знак сочувствия к пилотам Боинга, Сэм Бернарди сказал:

— Они хорошо поработали, проявив такую сообразительность. И удача почти улыбнулась им. Похоже на то, что фюзеляж не очень-то пострадал. Может, кто-то еще и остался в живых.

Спенсер никак не поддержал такой оптимизм Сэма, и это молчание лишь сильнее укрепило Бернарди в мысли, что Джим вовсе не молится за то, чтобы хоть кто-нибудь из террористов или заложников был еще жив.

Командирский вертолет опустился на землю без происшествий, бойцы группы захвата выскочили из него и заняли боевые позиции, готовясь к штурму поврежденного самолета. Однако никаких выстрелов не последовало. Район оказался покинутым людьми. Пока дежурившие в воздухе вертолеты с выставленными из них стволами автоматов разлетались по периметру для прикрытия Спенсера перекрестным огнем, находящаяся на земле группа бойцов приблизилась к самолету, не встречая никакого сопротивления.

Спенсер и Бернарди, вооруженные автоматическими пистолетами 45 калибра, сразу поняли, что все, кто находился в момент посадки в пилотской кабине, вероятно, погибли. Нос самолета врезался в высокий платан, разбив в щепки его толстый ствол, причем верхняя часть дерева, обрушившись на фюзеляж, пробила остекление и оказалась в кабине пилотов.

Левая передняя дверь бескрылого самолета была широко раскрыта. На земле под ней — а зияющий проем находился на высоте почти двадцати футов — валялась куча брезентовых денежных мешков из Манхэттенского национального банка. Некоторые из них были открыты, и ветер разносил по округе смятые зеленые банкноты. Подойдя к мешкам ближе, Спенсер и Бернарди заметили на них пятна крови и следы грязных сапог. Было похоже, что эти сумки с деньгами использовали для смягчения ударов о землю, когда люди выпрыгивали из самолета и затем уходили, не обращая на деньги никакого внимания, словно те перестали иметь для них какое-либо значение.

— Здесь находится ФБР, — громко крикнул Спенсер. — Вы окружены! Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками!

Он не ожидал услышать ответа, и, естественно, никакого ответа не получил.

По его распоряжению два бойца были подняты в самолет. Держа оружие наготове, они заглянули сперва в раз-

битую кабину пилотов, а затем спустились на нижнюю палубу и направились в противоположную сторону — в пассажирские салоны. И опять никаких выстрелов не последовало. Через несколько минут из двери показался один из бойцов со странным выражением на лице.

— Поднимитесь сюда, сэр,— обратился он к Спенсеру.— Вы не поверите этому.

— Там все в порядке?

— Да. Ну... вроде того.

Спенсер приказал радисту передать на остальные вертолеты, чтобы те приземлились, а находящиеся на них группы бойцов быстро прочесали окружающий лес. В это время из люка спустили на землю нейлоновую веревочную лестницу, и Спенсер с Бернарди поднялись на борт. Двигаясь по проходу между пустыми рядами кресел, они увидели, что почти над каждым сиденьем висит кислородная маска. Через разбитые иллюминаторы в салон попало множество веток и сучьев. По всему самолету была разбросана листва и хвоя, битое стекло и предметы военного снаряжения.

Наконец они заметили в фюзеляже огромную дыру от взрыва гранаты, возле которой в проходе лежало изрешеченное пулями тело Фреда Курбата. В салоне чувствовался сладковато-вяжущий запах гари и свернувшейся крови.

Полковник Чу был мертв. Он сидел в одном из кресел, на его лице все еще была надета кислородная маска, а руки сжимали края огромной раны в животе, нанесенной резком Фреда Курбата.

В нескольких ярдах от этого места они увидели молодого человека с резкими чертами лица и квадратной челюстью, совершенно голого. На полу возле его ног валялся темный костюм-тройка. Юноша рассеянно занимался мастурбацией и глупо улыбался, глядя на Спенсера, Бернарди и двух бойцов, будто бы такое поведение не только считалось нормальным в обществе, но даже и поощрялось.

— Фу, дерьмо! — вырвалось у Спенсера.— Может, нам следует прекратить жалкое существование этого несчастного ублюдка?

— Подождите минутку,— ответил Бернарди.— Кажется, это его костюм лежит на полу. Похоже, это заложник, а не террорист.

— Какое это имеет значение? — перебил его Спенсер.— Большая часть его мозга уже разрушена из-за недостатка кислорода. Он теперь никому не нужен.

Не осознавая того, что речь идет о его судьбе, голый молодой человек невозмутимо продолжал мастурбировать.

У Спенсера это зрелище вызвало прилив глубочайшего отращения. Он сжал в руке свой пистолет с большим желанием немедленно пустить его в ход.

Но в этот момент со стороны кабины пилотов послышался слабый стон. Спенсер обернулся, и тут молодой человек, член которого все еще находился в возбужденном состоянии, с диким ревом набросился на него, стараясь схватить руками за горло. Спенсер ловко отпрыгнул назад и без колебаний нажал на спусковой крючок. Выстрелом юноше снесло половину черепа. Потом все какое-то время стояли, молча уставившись на мертвое тело, застывшее на осколках разбитых иллюминаторов. И вдруг опять из пилотской кабины послышался стон. Спенсер набросился на бойцов:

— Почему вы не проверили, остался ли там кто-нибудь в живых?

— Сэр,— заговорил один из них.— Было непохоже на то, чтобы там кто-то мог уцелеть. У входа на полу лежит женщина, убитая выстрелом в голову, а командир и второй пилот раздавлены толстым деревом. Никто из них не двигался, когда мы осматривали кабину.

Спенсер быстро зашагал по проходу вперед, остальные последовали за ним. Войдя в кабину мимо мертвого тела Элизабет Стоддард, Спенсер громко позвал:

— Уорнер! Райс! — Потом просунул голову через обломки и заполняющую кабину листву платана, но не смог продвинуться дальше, чтобы выяснить, кто же здесь мог стонать.

— Спенсер... это ты? — еле слышно прохрипел Ларри Уорнер.

— Да! Держись, Ларри! Мы вытащим тебя отсюда! — возбужденно прокричал Джим.

Им пришлось применить автоген и гидравлический домкрат, чтобы вырезать куски искореженного металла и убрать ствол дерева, придавивший командира и второго пилота. Дэйв Райс был мертв, его тело насквозь пронзил обломок дерева толщиной в добрых три дюйма. Ларри Уорнер был тоже зажат при крушении обломками, но чудом остался жив. Обе его ноги, очевидно, были перебиты, сломано несколько ребер и, возможно, имелись еще какие-то внутренние повреждения. Однако еще до того, как ему сделали противошоковую инъекцию морфия, он успел рассказать Джиму Спенсеру все, что сам знал о случившейся катастрофе — он поведал о взрыве и последовавшей де-

компрессии в пассажирских салонах, о загоревшемся левом крыле и вынужденной посадке, которую, к сожалению, удалось совершить слишком поздно, чтобы предотвратить разрушение мозга пассажиров. А кислородные маски по известным причинам на самолете не работали.

— Все-таки, это большая удача,— сказал Спенсеру Сэм Бернарди,— что горящее крыло оторвалось, иначе взорвался бы весь самолет.

— Что и решило бы все наши проблемы,— мрачно заметил Спенсер.— И сейчас нам оставалось бы только собрать куски трупов и разложить их по пластиковым мешкам.

— Но Уорнер тоже тогда был бы мертв. Вы считаете это нормальной ценой?

Спенсер криво усмехнулся, как усмехается завзятый реалист, глядя на мечтателя-идеалиста.

— Уорнер прекрасно знал о предстоящем риске, когда принимал наше предложение. Он, Райс и я дали директору ФБР слово, что мы сделаем все, чтобы не поставить репутацию Бюро под удар.

Бернарди почувствовал себя неудобно и даже смутился, поскольку в этот момент ощутил себя сообщником дьявола.

— А как же насчет заложников? — услышал он словно со стороны свой собственный голос.— Уж они-то не знали ничего о том риске, которому им предстояло подвергнуться.

— У нас просто не было возможности сообщить им об этом,— цинично улыбнулся Спенсер.— Но мы сделали то, что, по нашему мнению, они бы и сами попросили нас сделать. Таким образом мы пытались спасти их от коммунистов. И теперь не можем нести никакой ответственности за то, что с ними случилось, потому что это произошло не по нашей вине. Я имею в виду взрыв... Вы разве не понимаете, что общественный скандал приведет к закрытию ФБР? Ведь оно окажется не в лучшем положении, чем ЦРУ после утергейтского дела. Если вы помните, доверие к ЦРУ тогда упало настолько, что его чуть не ликвидировали.

Бернарди с нескрываемым удивлением посмотрел на Спенсера.

— Вот вы говорили, что мы не можем нести никакой ответственности... Вы, конечно, не имеете в виду...— Он специально не закончил вопроса — оба прекрасно знали, о чем именно Бернарди хотел спросить: не имеет ли Спенсер в виду преднамеренного убийства заложников?

Тем не менее Джим уклонился от прямого ответа на этот незаконченный, но очевидный вопрос.

— Я могу лишь сказать вам, что уже принял ряд твердых решений, и теперь намерен последовательно выполнять их на благо ФБР. Вы должны понять, Бернарди, что именно я руковожу этой операцией, и если вы собираетесь принимать в ней участие, то вам следует проявить лояльность и добрую волю к сотрудничеству.

— Допустим все же, что мы еще можем спасти кого-нибудь из заложников,— начал Сэм, отчаянно пытаясь предложить Спенсеру альтернативу его крайним мерам.— Для печати и радио мы можем дать сообщение, в котором возложим всю вину на Зеленую бригаду. Мы скажем, что с пилотом все в полном порядке, но некоторые из заложников и террористов могут иметь повреждения мозга из-за того, что кислородное снабжение пассажирских салонов было нарушено в результате взрыва гранаты.

— Это неплохая идея,— кивнул Спенсер, обдумывая предложение и зажигая новую сигарету.

Бернарди почувствовал облегчение, но в то же время его настораживала та легкость, с которой Спенсер с ним согласился.

Но затем Джим уточнил:

— Я имею в виду, что это хорошая идея на тот случай, если мы не переловим их всех до единого. Сделав такого рода заявление, мы неплохо прикроем свой зад, если вдруг кому-то из этих людей с поврежденными мозгами удастся от нас ускользнуть, и они попадут в руки гражданских властей. Вы хорошо соображаете, Бернарди, о чем идет речь?

Сэм Бернарди пристально посмотрел на него, а потом отвернулся, чувствуя свое поражение, но все еще не веря в услышанное. Зачем он отправился сюда, в эти горы? Почему он не остался на аэродроме? Ведь когда он служил во Вьетнаме, он никогда не участвовал в той грязной работе, которую выполняли боевые подразделения, а делал только то, что от него требовалось. Он доставлял солдат к месту операции и потом забирал их обратно. Сэм не принимал личного участия ни в какой стрельбе. Это делали находившиеся в вертолетах снайперы или доставленные им ударные команды уже на земле. А он выполнял только то, что ему полагалось — и не более. Так зачем же он сейчас высовывает голову? Все равно руководит всем Спенсер. И что бы ни случилось, вся ответственность ляжет именно на него — как с моральной, так и с юридической стороны.

Тогда почему же Бернарди сейчас чувствует, что ему необходимо вмешаться? Почему именно он должен предотвращать ненужное кровопролитие? Может ли быть такое, что подсознательно он — стойк и очевидный циник — ищет возможность искупить свою вину во всех тех делах, которые творились при его молчаливом попустительстве и одобрении в джунглях и на рисовых полях Вьетнама пятнадцать лет тому назад?

Глава двадцать первая

Стрельба прекратилась примерно час тому назад. Некоторые из нападающих вели огонь до тех пор, пока у них не кончились патроны, но все же у многих еще оставались запасные обоймы.

Солнце село, но теплая июньская ночь была ясной и лунной, и этот свет от звезд и луны оказался настолько ярким, что террористов, окруживших усадьбу Карсон, было прекрасно видно, когда они передвигались вокруг дома в тени платанов и плакучих ив.

Чарльз Уолш, Марк и Хитэр Пирсоны и Бен Харрис продолжали вести наблюдение из четырех окон первого этажа, прикрывая все четыре стороны дома. Но никто из них не был как следует вооружен. Марк имел при себе отобранный у Кинтея автоматический пистолет 45-го калибра с достаточным количеством патронов, но у него была небольшая прицельная дальность. Чарльз, Хитэр и Бен захватили с собой старое оружие времен Гражданской войны, в котором еще применялся черный дымный порох — заряжающийся со ствола ричмондский мушкет, старый морской кольт и еще один револьвер времен Южной Конфедерации. Все эти реликвии раньше висели на стене в кабинете Уолша. Еще у них были ножи и топорики для разделки мяса. Все, обороняющие дом, знали, что ничего не смогут сделать, если террористы начнут вести прицельный огонь с большого расстояния. Их задачей было дать отпор нападающим, если те попытаются поодиночке или группами ворваться в дом или подойти достаточно близко, чтобы забросать его гранатами.

Если же бандитам удастся прорвать оборону, то защитникам усадьбы придется бежать к люку подвала и условленным образом стучать по нему. Кто-нибудь из уже спрятавшихся внизу отодвинет засов и откроет люк. И тогда они спустятся в подвал и присоединятся ко всем остальным. Сейчас там уже находились четыре женщины — Джоан Берман, Софи Харрис, Анита Уолш и Андри Уорнак.

Все они были здоровы, хотя и напуганы, обеспокоены и охвачены горем. Кроме них, в подвале было и несколько не совсем здоровых людей. Джордж Стоун с приступом лихорадки лежал на старом диване, над ним деловито хлопотала Джейни. Сэнфорд Берман раскинулся в алюминиевом шезлонге с холщовой обивкой и громко храпел. От него сильно разило виски. Генерал Кинтей, все еще связанный и с кляпом во рту, тихо постанывал на матрасе на твердом земляном полу.

Портативный радиоприемник в подвале был настроен на станцию, передающую новости. Все укрывшиеся здесь от нападения террористов, кто только был в состоянии трезво оценивать обстановку, надеялись, что по радио передадут какое-нибудь специальное сообщение о том, что власти знают о приземлении самолета с Зеленой бригадой в их районе и к ним уже спешат на помощь. Но пока ничего подобного не было слышно. Передавались лишь обычные новости о каких-то далеких бедствиях, о политике, спорте и сообщения о погоде.

Наверху, на посту, занятом доктором Чарльзом Уолшем, у одного из окон гостиной, был другой портативный приемник, настроенный на эту же станцию. Он слушал его через наушник. В руках Чарльза держал свой ричмондский мушкет времен Гражданской войны между Севером и Югом. Вот прошлое и столкнулось с настоящим — современное зло уничтожило то, что он так бережно лелеял, и что было ему так бесконечно дорого.

Погрузившись в ностальгию по прошлому, Чарльз научился заряжать старые пистолеты и ружья и стрелять из них. И вот теперь он использовал их для своей защиты. Он частенько стрелял по бумажным мишеням и картонным силуэтам оленей и медведей гризли, потому что был слишком мягким и добросердечным, чтобы ходить на настоящую охоту. Но все-таки ему хотелось испытать чувство солдата или охотника прошлых времен. Подумать только! Когда-то людям приходилось полагаться на это оружие в своей борьбе за выживание. А ему никогда еще не приходило в голову, что однажды он будет вынужден убит в нем человеческое существо.

По иронии судьбы, насколько стало известно Чарльзу во время проводимых им исторических изысканий, усадьбе Карсон ни разу не приходилось отбивать нападений индейцев, однако, когда ее строили, были приняты все меры защиты на такой случай. Большинство юго-восточных индейских племен погибли от пуль белых завоевателей и болезней еще за несколько десятилетий до того, как стало

процветать поместье Карсон. Теперь же пришлось столкнуться с опасностью гораздо худшей, чем нападение вооруженных луками дикарей, но сражаться при этом приходится с оружием, годным разве что для защиты от стрел и томагавков.

Выглядывая из окна на лужайку перед своим обожаемым домом, Чарльз видел, как его противники, словно привидения, кружатся под деревьями, то выходя из тени, то снова скрываясь в ней. Казалось, они бродят здесь без определенной цели. Видимо, эти люди делают зло ради зла. Но Чарльз не понимал, почему. Что сделало их такими? Как первобытный человек, он испытывал сейчас смертельный страх перед тем, чего не мог объяснить и понять.

Чарльз и сам всегда был человеком рассудка, и всю жизнь интересовался тонкостями и нюансами человеческого интеллекта. Он привык абстрактно анализировать эмоциональные и умственные проблемы своих пациентов. Но сейчас ему предстояло действовать, а не просто наблюдать, иначе он не сможет помочь никому спасти свою жизнь.

Тем временем Джим Спенсер уже летел на вертолете в Ричмонд, где располагалось региональное управление ФБР. В Шарлотсвилле такого управления не было. Спенсер договорился о том, что через ричмондское управление он будет держать связь с директором ФБР в Вашингтоне и контролировать содержание и распространение своего заявления для печати и радио. Кроме Спенсера и пилота, в вертолете никого не было.

Три других экипажа были отосланы назад в Шарлотсвилл. Один из них вез с собой в больницу Ларри Уорнера. На остальных вертолетах бойцы группы захвата направлялись на аэродром для ночлега. На рассвете Спенсер присоединится к ним. Сейчас же было слишком темно, чтобы прочесывать леса в поисках террористов, но при дневном свете все будет совсем иначе. На них начнется настоящая охота, и все будут уничтожены, как и мечтал Спенсер еще в Нью-Йорке, когда Зеленая бригада только начинала свою дерзкую акцию.

Спенсер решил, что живущие в горах люди, которые могут оказаться в опасности, подождут своего спасения до утра. Для средств массовой информации эта задержка будет объяснена тем, что к моменту обнаружения места крушения Боинга стало уже слишком темно, чтобы начинать операцию. Действительной же причиной было неже-

ление Спенсера допускать посторонних к ликвидации последствий его провалившегося мероприятия. Он и не думал обращаться к местной полиции или полиции штата с просьбой проверить дома местных жителей. Ведь если бы они начали шарить по округе, то могли бы легко обнаружить такое, что поставило бы в неловкое положение не только его самого, но и ФБР в целом. А если ему удастся довести всю операцию до конца под своим единоличным контролем, он сможет потом представить это дело таким образом, чтобы накал страстей очень быстро прошел.

По прибытии в управление ФБР в Ричмонде Спенсер собирался подготовить сообщение для радио и печати. В нем говорилось бы, что захваченный самолет уже находится на земле, и пилот остался в живых, совершив вынужденную посадку после взрыва террористами гранаты в пассажирском салоне. В результате завязавшейся борьбы некоторые заложники и террористы были убиты, а другие, вероятно, получили повреждения мозга из-за того, что снабжение кислородом пассажирских салонов было нарушено вследствие взрыва гранаты. В этом сообщении ничего не будет говориться об операции ФБР по ликвидации всех последствий аварии, которая начнется лишь завтра утром. Спенсер умолчит и о точном месте падения Боинга, чтобы не вызвать панику у людей, проживающих в этом районе, и чтобы местные слуги закона не совали свой нос, куда не следует.

* * *

Хитэр Пирсон была, конечно, напугана, но все же гордилась и мужем, и собой. Ведь она нашла в себе мужество отстоять первую вахту вместе с ним. Ее пост был на кухне, а Марк находился рядом в столовой. Добросовестно выполняя советы мужа, она стояла возле самого окна, чтобы было удобней вести наблюдение, но одновременно старалась не выходить из тени, чтобы никто не заметил ее снаружи. Хитэр заткнула за пояс большой нож для разделки мяса, а рукой время от времени ощупывала тяжелый большой револьвер времен Гражданской войны, который лежал неподалеку на раковине. Если только они с Марком выберутся отсюда живыми...

Она с самого начала сказала себе, что если хоть кто-нибудь останется цел, то это будет, главным образом, благодаря ее мужу. Он сумел сейчас показать, из какого теста он сделан на самом деле. В такой чрезвычайной обстановке проявились его лучшие качества — мужество, деловитость, сообразительность. Он нашел занятие каждо-

му, даже тем, кто был настолько запуган, что боялся пошевелиться. Хитэр тоже пришлось нелегко. Она не могла и предполагать, что ей придется когда-нибудь делать нечто подобное. Самым ужасным и печальным из всего того, что произошло было перенесение окровавленных тел Бренды и Мередит Мичам наверх, чтобы уложить их в кровати и накрыть простынями, так как стоять на вахте здесь, в кухне, зная, что их трупы лежат совсем рядом, было просто невыносимо.

Но в расположении кухни имелось одно важное преимущество: она являлась отличным наблюдательным пунктом, который, кроме того, находился ближе всех остальных к подвалу. Тут же была и кладовая с продуктами — прямо позади Хитэр. А всего в десяти футах — люк в подвал. Она сообразила, что Марк умышленно поставил ее именно здесь, стараясь тем самым как можно лучше обезопасить ее и находиться, по возможности, рядом. Может быть, для того, чтобы понять, как он действительно любит ее и заботится о ней, и потребовалась именно такая кризисная ситуация. И кто знает, может, теперь любовь с новой силой вспыхнет в их сердцах и для них начнется совсем другая, счастливая жизнь? Только бы выбраться отсюда живыми...

Хитэр поняла, почему Марк стал снова самим собой — таким, каким он был раньше, хотя он тоже в какой-то степени был сейчас и напуган, и подавлен. Сейчас он делал нечто жизненно важное и необходимое всем. От его правильных действий зависело очень многое. Если бы он не взял бразды правления в свои руки, кто бы сделал это вместо него? Кто бы сумел так безошибочно расставить посты и определить каждому задание? На карту было поставлено слишком многое. Может быть, это неведомое раньше чувство собственной неповторимости и необходимости для других зажжет в нем новый огонь надежды? И когда все будет уже позади, вдруг он поверит в себя не только, как в настоящего мужчину и стратега, но и как в художника?

Или же, наоборот, как только адреналин перестанет в избытке поступать в его кровь, он вновь превратится в прежнее отчаявшееся и жалкое существо?

Хитэр не знала ответа на этот вопрос, но сердце ее наполнилось надеждой. Неожиданно вдалеке тихо заржала одна из лошадей. Хитэр вздрогнула — через разбитые окна звук казался неестественно звонким и резким. Она шагнула вперед и осторожно выглянула наружу, пытаясь понять, что творится возле загона. Пуля и Молния заржа-

ли еще громче, явно напуганные присутствием кого-то постороннего. Потом они стали бить копытами по деревянной изгороди, пытаясь разбить ограждение и вырваться на волю. И только тогда Хитэр увидела, что так сильно испугало коней. В ту же секунду она схватила с раковины старинный револьвер и крепко сжала его в руке. К загону медленно ковыляли трое террористов. Один из них нервно захихикал, увидев животных.

— Что там происходит? — раздался из столовой шепот Марка.

— Лошади! — так же тихо ответила Хитэр. — Они напуганы!

— А с тобой все в порядке?

И тут раздалось сразу несколько выстрелов.

Хитэр отпрянула назад и бросилась на пол. Но террористы стреляли не в нее. Ни одна пуля не влетела в дом. Они безжалостно расстреливали великолепных скакунов.

Стрельба продолжалась до тех пор, пока не опустели магазины их автоматов и не послышались противные глухие щелчки — патроны кончились.

— Хитэр! — громким шепотом позвал Марк.

Она осторожно приподняла голову и увидела в загоне трупы лошадей. Террористы стреляли настолько беспорядочно, что часть изгороди разлетелась в щепки.

— Лошади погибли! — сообщила она. — Они застрелили Пулю и Молнию!

— Тише! — Марк не хотел, чтобы их услышали.

Хитэр чуть не забыла, что разговаривать громко было сейчас большой глупостью. Слезы безудержно катились по ее щекам, и она еще крепче сжала свой револьвер, ожидая, что шквал огня обрушится сейчас и на дом. Но ничего подобного не произошло. Только возле загона продолжали раздаваться щелчки уже разряженного оружия.

Собравшись с духом, Хитэр снова прильнула к окну и увидела за ним жуткую картину: трое террористов по-прежнему стояли возле загона и пустыми глазами созерцали разбитую изгородь и окровавленные трупы Пули и Молнии. Они не шевелились, а только продолжали нажимать на курки, будто бы в этом сохранялся какой-то смысл. Постепенно из леса вышло еще с полдюжины таких же зомбиобразных существ, они присоединились к своим товарищам, но не предпринимали никаких действий, а просто стояли у загона и тупо смотрели перед собой. Тогда до Хитэр дошло, что у этих новых пришельцев просто нет оружия — вот почему они не стреляют. Она прищурилась, чтобы получше разглядеть их. Среди новичков оказались

две неплохо одетые женщины, у одной из которых на ногах были туфли на высоком каблуке. Еще один солидного вида джентльмен был одет, как директор какой-нибудь крупной фирмы. И тогда Хитэр догадалась, что это — бывшие заложники Зеленой бригады. Оставалось только неясным, почему они больше не боятся террористов и подходят к ним на такое близкое расстояние, не опасаясь расправы, да еще без присмотра разгуливают по двору и вообще бродят, где им только вздумается. Потом новички медленно повернулись в сторону дома, и в их глазах Хитэр, едва успевшая спрятаться за занавеской, увидела ту же пустоту и звериную ненависть. Они ничем не отличались от террористов. Правда, у них не было оружия.

* * *

В тот самый момент, когда Хитэр, заслышав выстрелы по лошадям, бросилась на пол кухни, один из бывших заложников подошел к заднему крыльцу дома. Он встал между дверью и окном таким образом, что Хитэр никак не могла его видеть. Это был совсем еще молодой человек с ярко-оранжевыми крашеными волосами, торчащими вверх по последней панковской моде. На нем была надета красная блестящая водолазка и такого же цвета облегающие плотные брюки. Запекшаяся кровь залепила ему обе ноздри, и теперь парень тяжело дышал ртом, обнажая при этом сломанные кривые передние зубы.

В отличие от других бывших заложников этот молодчик имел при себе оружие — винтовку того несчастного террориста, который вздумал перерезать тесаком проводку и таким образом устроил себе казнь. Но эту винтовку юноша нес совсем не так, как это принято у военных. Он волочил ее по земле, ухватившись за ремень, будто ненужную, но забавную вещицу, которую только что нашел, гуляя в лесу, и теперь раздумывал: вроде и вещь никчемная, и бросить жалко.

Неожиданно он заметил в окне лицо Хитэр и сразу же понял, что ему непременно надлежит овладеть ею. Ему давно уже грезилось, что он когда-нибудь трахнет именно такую вот симпатичную чистенькую блондинку. И теперь его поврежденный мозг уже не мог переключиться ни на что другое. Он приставил винтовку к перилам крыльца, тихо, но очень быстро расстегнул «молнию» на брюках и вынул свой член.

Но как же схватить эту женщину? Она, пожалуй, стоит далековато от него.

И тут его взгляд упал на ремень винтовки. Для него это было все равно, что веревка, привязанная к совершенно ненужной палке. Но вдруг откуда-то из глубины подсознания всплыли кадры какого-то документального фильма: такими палками с веревкой собачники отлавливают бездомных дворняг, накидывая им на шею петлю.

Парень пригнулся, кровь в его члене отчаянно стучала, а он все стоял и ждал, когда же наконец эта женщина подойдет достаточно близко, чтобы он смог накинуть на ее шею свою удавку.

«Смена караула» должна была произойти через пятнадцать минут, ровно в одиннадцать часов. Софи разрывали противоречивые чувства: с одной стороны, ей страстно хотелось, чтобы это время поскорее прошло и Бен вернулся в подвал живым и невредимым, а с другой — ей было страшно подниматься туда, наверх. Она сидела на нижней ступеньке подвальной лестницы и поминутно бросала взгляды на люк над своей головой. Несколько минут назад она услышала автоматную очередь и приготовилась открыть вход в подвал тем, кто уцелел после этого нападения и теперь нуждался в убежище. Но никто не постучался, и ей не пришлось отодвигать тяжелый засов. И все равно она сидела и дрожала, постоянно думая о Бене. И даже зазвучавший под сводами мягкий и ровный голос Аниты испугал ее, хотя доктор Уолш хорошо знала, как надо успокаивать нервных людей в момент стрессовой ситуации:

— Не волнуйтесь... это случайные выстрелы. Если там наверху начнется что-то серьезное, они сразу же дадут нам знать.

— А вдруг они уже все погибли? — всхлипнула Софи. — Откуда вы знаете, что их не убили той самой очередью, которую мы недавно слышали? Может, они уже лежат там в крови, а террористы тем временем подходят к дому...

— Нет, я в такое не верю, — спокойно ответила Анита. — Все эти выстрелы звучали на заднем дворе, а наши посты расположены по всем четырем сторонам. Так что, стреляя лишь с одного места, невозможно убить сразу четырех часовых.

Такое простое логическое объяснение поставило Софи в тупик. Она всегда хорошо относилась к доктору Аните, но теперь ее уважение к ней возросло сразу в несколько раз. Она чувствовала прямо-таки благоговение перед этой отважной женщиной, которая способна еще разумно рас-

суждать в такие трудные минуты. Но женское сердце все равно не поддавалось никаким логическим доводам, и Софи проволочилась все оставшееся время, пока наконец Бен, здоровый и невредимый, не показался на ступеньках подвала.

С тех пор, как Бен вышел на пенсию, он стал настоящим занудой, день и ночь пристававшим к ней со всевозможными советами и наставлениями. Сорок лет он проработал инженером на фабрике, и за эти долгие годы у него, естественно, сформировался свой стиль и подход к работе. Он привык делать все по расписанию и считал себя «непревзойденным руководителем», хотя теперь у него остался всего один подчиненный — его собственная супруга. И это в конце концов так надоело бедной женщине, что в последние месяцы она всерьез начала подумывать о разводе.

Но теперь Софи просто мечтала о том, чтобы утром проснуться от его придирок по пустякам, от его постоянных надоедливых указаний, как лучше сделать то или это. Ей так было необходимо это обычное занудное утро. Каждый раз на завтрак — неизменный кофе с осточертевшими булочками. А потом садиться с ним и смотреть, как солнце поднимается над горизонтом из небоскребов, с балкона их квартиры в таком же высотном доме. Потом выслушивать целую лекцию о том, как именно нужно стирать его рубашки и при какой температуре их сушить, и как складывать после глажки. Она поняла, что прекрасно может смириться с его старческим занудством, и даже начать по-своему любить его, если только они будут живы.

Анита Уолш осматривала Джорджа Стоуна. Он лежал на боку и все еще находился под воздействием укола. Сразу после того, как в него попала отравленная стрела, его пульс стал сбиваться, началось сильное головокружение, тошнота и рвота. Пока Чарльз перебинтовывал его в кухне, Джордж успел запачкать рвотой весь пол. Но сейчас он уже чувствовал себя значительно лучше, хотя еще сильно потел, а края ранки побагровели и отекли из-за повреждения кровеносных сосудов и действия яда. Это был яд, вызывающий свертывание крови, как, например, у гремучих змей, а не нервно-паралитического типа, как у кобр.

— Доктор Анита,— спросила вдруг Джейни каким-то слабым и далеким голосом.— Мой папа умрет?

— Нет. Думаю, что нет,— Анита ласково прижала девочку к себе.— По-моему, мы как раз вовремя ввели ему

противоядие. Наверное, эта стрела не очень глубоко вошла в тело твоего папы; видишь, какие у него крепкие мускулы на спине? И кроме того, она попала в лопатку. Наверное, только несколько капель яда успело проникнуть внутрь. И, как видишь, противоядие уже успешно действует.

Анита прекрасно понимала, что если бы стрела была заправлена ядом нервно-паралитического действия, то Джордж Стоун был бы уже мертв: Уолши хранили в доме противоядия только от таких змей, которые водились в этих местах. К счастью для Джорджа, яды, вызывающие свертывание крови, всасываются очень медленно. Но самое страшное было в том, что он мог получить и изрядную дозу этого яда, а не две-три капли, как сказала Анита, чтобы не испугать девочку. Кто знает, сколько отравы может влить полоумный фанатик-террорист в свою дьявольскую стрелу? Может быть, у них всего несколько таких стрел, но с большим количеством яда, а может — целая сотня, но со считанными каплями смертоносной жидкости.

— А как срабатывает противоядие? — спросила Джейни, в смущении опуская глаза.

— Это похоже на прививку. Как вакцина, знаешь? — объяснила Анита. — Можно делать лошади уколы ядом, понемногу увеличивая дозу, и в конце концов такая лошадь становится нечувствительной к укусам змей. Вот из крови таких лошадей и делают лекарство, чтобы лечить им людей.

— Я никогда не слышала о таком лекарстве, — просто-душно призналась Джейни. — В нашей деревне про него даже не говорят. Мы ведь считаем, что от укуса змеи можно вылечиться только молитвами.

— Ну, тогда садись к папе поближе и помолись за него, — нежно сказала Анита и погладила девочку по голове.

Андри Уорнак сжалась в комок в алюминиевом шезлонге, стоявшем в самом дальнем и темном углу подвала. Она мысленно представляла себе, что могло случиться с Гарви, и от этого ее горе становилось еще сильнее. В глубине души она понимала, что ее мужа больше нет в живых, и виной этому — она сама.

Когда днем, оставшись вдвоем в своей комнате, чтобы переодеться к ужину, супруги обменялись первыми впечатлениями, то сразу же рассорились.

Гарви приревновал ее к Чарльзу, заявив, что она «флиртует с ним прямо в открытую», на что Андри мо-

ментально отреагировала буквально следующими словами: «Не понимаю, какое это имеет к тебе отношение. По-моему, после моей операции ты только и мечтаешь о том, как бы побыстрее от меня избавиться».

Она, конечно, и в самом деле флиртовала с доктором. Но вовсе не из-за того, что хотела завести с ним нечто вроде романа: просто ей было интересно, сумеет ли она заинтересовать его своей персоной. Ей было необходимо почувствовать, что она все еще привлекательна, и если не муж, то хоть кто-то другой может пусть не полюбить, но хотя бы испытать к ней определенную симпатию.

Когда Андри начала выздоравливать после длительной и тяжелой болезни, которая чуть не свела ее в гроб, у нее не осталось почти никаких положительных эмоций — даже поддержки собственного мужа. Но потерять его любовь в такой страшный период жизни было для нее просто невыносимо. И по этой причине уже из одного только чувства самосохранения она в тот момент не могла поверить, что теряет его, вернее — не хотела поверить, и всеми средствами заставляла себя думать, что никаких проблем между ними не существует. Но теперь, спустя многие месяцы, когда она набралась уже и физических, и моральных сил, Андри готова была оказать ему достойное сопротивление и сполна отомстить за свою разрушенную жизнь и загубленную любовь.

Однако постоянные сражения с его гневом, недовольством и постепенным отчуждением быстро вымотали ее саму. И Андри пришла к выводу, что в ближайшее время ее замужество должно завершиться разводом. Такой союз просто не имел права на существование. А ее роковая болезнь лишь ускорила естественный ход событий. Видимо, они так никогда по-настоящему и не любили друг друга, но если бы не эта операция, то Андри, может быть, и до сих пор бы еще не чувствовала, что Гарви она безразлична.

Осознав этот прискорбный факт, она стала смотреть на мужчин по-другому, оценивать их сильные стороны и сравнивать с достоинствами мужа, которых у Гарви на поверку оказалось не так-то уж много.

Для Андри такой человек, как Чарльз Уолш, казался просто воплощением идеала, потому что совершенно не походил на ее собственного супруга. Чарльз был образован, благороден и умен. Но когда Гарви обвинил ее в том, что она слишком уж внимательно посматривает на доктора, она лишь демонстративно разозлилась:

— Неужели ты вообразил, что я влюбилась в нашего психиатра? И как только у тебя язык поворачивается нести подобную чушь?!

Она не утешила мужа, не успокоила и не рассеяла его сомнения, как советовали Уолши во время ее визитов в Ричмонде. Наоборот, она лишь сильнее распалая его, и чтобы завести окончательно, продолжала уже открыто кокетничать с Чарльзом и во время ужина, и потом, в гостинной. Именно из-за этого Гарви в полном одиночестве и отправился на прогулку. В этот раз он не смог защититься от нее — довольной, торжествующей, смешавшей его с грязью на глазах у всех.

Но если бы она вела себя хоть чуть-чуть по-другому, он сейчас был бы снова рядом, целый и невредимый...

Хотя теперь все это казалось таким чужим и далеким... Словно чувство вины, которое постоянно приходит во сне и не исчезает, пока окончательно не проснешься. Было невозможно поверить в то, что еще несколько часов назад они ужинали вместе за одним столом, а потом пили херес и разговаривали с простыми и милыми людьми в красивых костюмах и вечерних платьях, перемежая непринужденную беседу своими колкими замечаниями в адрес друг друга. Теперь все переоделись в джинсы и простые рубашки, так как платья были запачканы кровью и грязью.

И всех поглотили страх, горе и неизвестность. А кое-кого — еще чувство вины и раскаяния вдобавок ко всему прочему. А Гарви все равно не было... И может быть, его уже не было в живых. Как ей хотелось сейчас, чтобы он вернулся! Андри бы сделала для него все, что угодно, даже если потом они и не будут жить вместе. Но только бы он не умирал...

Размышляя об этих несчастных, запуганных людях, сидящих рядом с ней в тусклом свете керосиновых ламп, Андри понимала, что не одна она хотела бы повернуть время вспять и вернуться на несколько часов назад. По сравнению с тем почти безвыходным положением, в котором они сейчас оказались, все семейные проблемы, которые, собственно, и привели их сюда, теперь выглядели банальными и даже смешными.

Андри подняла глаза и увидела, что Анита приготовила на переносной плитке кофе, разлила его в чашки и несла одну из них к ней.

— Выпейте горячего кофе, — предложила она. — Надо взбодриться немного. Через пять минут — наша очередь заступать в караул.

— Благодарю вас,— как-то неестественно вежливо произнесла Андри. При одной только мысли о том, что ей скоро придется подняться туда, наверх, в ее кровь поступило столько адреналина, что никакого кофе уже не требовалось для поддержания ее в бодром состоянии.

— Как вы себя чувствуете? — заботливо спросила Анита.

— Нормально... Попробую пережить и это...— мрачно ответила Андри.

— Не думайте ни о чем плохом. Может быть, Гарви заметил, что дом окружен, и сейчас прячется где-то в лесу. Возможно, он нашел себе неплохое убежище... И не исключено также, что скоро он вернется с подмогой из ближайших селений.

— Именно об этом я и думала,— солгала Андри. Внутренний голос подсказывал ей, что Гарви никогда уже не вернется. Сейчас же ей просто хотелось, чтобы Анита поскорее ушла и оставила ее в покое, наедине со своими невеселыми мыслями. Наедине со страхом и чувством вины.

Как и Гарви тогда, ей сейчас нужно было побыть одной.

Как раз в этот момент застонал Сэнфорд Берман, и Анита пошла его проверить.

— Кончается действие препарата,— шепотом сказала она Джоан, которая сидела возле мужа на стуле.— Он скоро проснется, и, скорее всего, у него начнутся сильные головные боли и невыносимая тошнота, но этим все неприятности и ограничатся.

— Если только он не доберется до очередной бутылки,— прошептала Джоан.

— Это вряд ли возможно,— ответила Анита.— Все бутылки разбиты пулями, кроме той, которую он успел выпить. Весь бар после этого превратился в щепки.

— Как мне ему помочь? — еле слышно спросила Джоан.

— Попробуйте напоить его черным кофе. Чем больше, тем лучше. Если он окончательно придет в себя, то сможет быть нам весьма полезен.

В этот момент Сэнфорд приоткрыл налитые кровью глаза. В тусклом свете керосиновых ламп его опухшее с перепоя лицо приобрело зловещий оранжевый оттенок и напоминало теперь рожу людоеда, или человека, прибывшего на костюмированный бал в самой страшной маске. Джоан встала возле мужа на колени и, заботливо поддерживая его голову, помогла ему встать.

— Сейчас я принесу тебе кофе,— нежным голосом пропела она.

— Что тут происходит? Где я? — хрипло спросил Сэнфорд, но тут же вспомнил все сам и, откинув голову назад, застонал:

— Ах, черт!.. Есть раненые?

— Тише! — зашипела на него Софи Харрис. Она вскочила и указала на маленький приемник, стоявший на старой трехногой табуретке.— Передают новости о Зеленой бригаде. Им стало известно, что самолет не долетел до Кубы.

В подвале воцарилась полная тишина. Все прислушивались к голосу диктора, боясь пропустить хоть одно слово.

Бывший заложник-панк с оранжевыми волосами продолжал стоять возле дома без штанов с торчащим под прямым углом членом. Крепко сжимая в руке самодельную удавку, он прижимался спиной к стене, чтобы его нельзя было заметить изнутри. Временами слегка наклоняясь вперед, он старался оценить ситуацию. Достаточно ли близко желанная блондинка стоит к разбитому окну, чтобы можно было накинуть ей на шею петлю? Пока что она бродила в полутьме где-то примерно посередине комнаты. От ее недоступности желание юноши разгоралось еще сильнее. Яички его нестерпимо ныли, а пульсирующий пенис готов был оторваться от тела, влететь в окно и вонзиться глубоко в эту вожаделенную женскую плоть. И пенис, и мозг хотели теперь одного и того же — поскорее удовлетворить примитивный половой инстинкт.

И еще у него имелась петля...

Эта петля задушит ее, как бездомную дворнягу, как грязную течную суку. Пусть только она подойдет к окну чуть поближе!..

Глава двадцать вторая

— Теперь понятно, почему бывшие заложники действуют заодно с террористами,— сказал Марк Пирсон.— У них у всех поврежден мозг. И я думаю, что заложники для нас не менее опасны, чем сами члены Зеленой бригады.

Хитэр принесла чашку черного кофе и передала ее Марку. Караул сменился, и теперь отдежурившие отдыхали в подвале, а те, кто сидел здесь раньше, заняли их

места у окон — все, кроме Джорджа и Джейни Стоун, Сэнфорда Бермана и, разумеется, Кинтея.

Воткнув в ухо крошечный наушник, Чарльз Уолш слушал очередной выпуск новостей — дикую смесь горькой правды и чудовищной лжи, сочиненной сотрудником ФБР Джимом Спенсером. Через несколько минут он сделал свое заключение:

— Вы абсолютно правы, Марк. По поведению Кинтея было вполне очевидно, что в коре его головного мозга произошли необратимые изменения. И то, что я сейчас слышал по радио, только подтвердило мои самые худшие догадки.

— Что вы имеете в виду? — подал голос очнувшийся с похмелья Сэнфорд Берман.

Хитэр присела на нижнюю ступеньку лестницы рядом с Марком. Их смена закончилась, и от этого она испытывала некоторое облегчение. Убийство лошадей сильно подействовало на ее расшатанные нервы. Да еще несколько раз ей казалось, что она слышит какие-то странные звуки — словно кто-то тихо покашливал невдалеке. Хотя это, возможно, ей только мерещилось. Когда на смену пришла Андри, Хитэр еще раз взгляделась в темный двор, но не заметила там ничего подозрительного — ни человека, ни животного. Однако чувство тревоги так и не покинуло ее до конца, когда она передала свой пост Андри. Если кто-то и прятался возле стены, он должен был подойти к дому почти вплотную и прямо-таки слиться с камнем, а это казалось практически невозможным.

— При кислородной недостаточности, — рассказывал Чарльз Уолш, — в первую очередь страдает самая нежная часть головного мозга — верхний слой коры. Именно эти клетки отвечают за логическое мышление и разумное поведение, они и делают нас людьми в широком смысле этого слова. Когда же они повреждаются — например, в результате кислородного голодания, — то человек как бы превращается в животное, и поведение его становится непредсказуемым.

— О, Господи! — в ужасе воскликнул Бен Харрис. — Выходит, вокруг нас бродят самые настоящие безмозглые чудовища, и их никак не меньше пятидесяти?

— Вот именно. Но чтобы быть более точным, надо добавить, что здесь мы имеем дело с так называемым «комплексом рептилии», — продолжал Чарльз. — Я долго размышлял над тем, что рассказала мне Джейни о нападении на ее семью, наблюдал за Кинтеем. Но то, что

я услышал по радио, развеяло последние остатки моих сомнений. Просто я не мог понять, что такое большое количество людей могло одновременно получить идентичные повреждения мозга.

— Повреждения мозга! Что это еще за чертовщина? — взревел окончательно проснувшийся Сэнфорд Берман. Он вскочил на ноги и нервно зашагал взад-вперед по пыльному помещению. Чарльз с опаской посмотрел в его сторону. Видимо, во время похмелья Сэнфорд вел себя достаточно агрессивно. Это был один из тех типов, которые готовы проклинать все и вся, не касаясь при этом только своей персоны. И чем больше он злился, тем сильнее ему хотелось еще выпить. Теперь он тоже становился опасным для окружающих.

— Расскажите нам поподробней об этом комплексе рептилии, — попросил Марк Пирсон.

— Чушь все это собачья! Ни черта он не знает, — усмехнулся Сэнфорд.

Но Чарльз даже не обратил внимания на этот выпад Бермана, а продолжал:

— Сначала представьте себе, как развивался мозг человека в процессе эволюции. От наших древнейших предков-ящеров мы унаследовали ту часть мозга, которая обеспечивает основные жизненные функции организма. Она так и осталась неизменной и находится сейчас в самой его глубине. Потом мозг стал расти в период превращения ящеров в млекопитающих и, наконец, в человека. Появилась лимбическая система — эти клетки отвечают за вскармливание потомства и заботу о себе подобных. Такие качества, как вы знаете, начисто отсутствуют у рептилий. И наконец, возник самый верхний слой клеток — кора головного мозга. Именно благодаря этим клеткам мы с вами мыслим разумно и можем оценивать свои поступки и даже предсказывать их. Если погибают эти самые клетки, мы, грубо говоря, снова становимся рептилиями и начинаем жить по их диким законам. И никакие этические нормы для нас больше не существуют.

— Не верю я ни в какую эволюцию! — заорал Сэнфорд Берман. — У этих проклятых террористов с самого начала мозгов не было. А сейчас они просто озверели, вот и все.

— А вот вам и еще одно мнение, — спокойно продолжал рассказывать Чарльз. — Вспомните Библию. Кто был искусителем в саду Эдема? Змей. То есть, рептилия. Другими словами — змея, змеиное поведение символизирует в человеке начало любого зла. Дьявола, если хотите.

— Дерьмо! — не унимался Сэнфорд. — Не верю я ни единому вашему слову, как не верю и в черта с рогами, копытами и хвостом!

— При комплексе рептилии в первую очередь проявляются такие качества, как лживость, хитрость и обязательно агрессивность, — с грустью констатировал Чарльз. Он старался говорить твердо и убедительно. — Люди, которые окружили наш дом, ведут себя, как настоящие звери — их потребности сводятся теперь лишь к тому, чтобы есть, спариваться и убивать — в зависимости от того, какое из этих трех желаний в данный момент преобладает.

— Мне кажется, что все-таки остатки разумного поведения у них еще наблюдаются, — осторожно заметил Марк Пирсон.

— Да, так и есть, — согласился Чарльз. — Это результат того, что существуют особые группы клеток, как бы защищающие мозг в целом, и поэтому не вся кора погибает даже при длительном отсутствии кислорода. Но теперь все равно уже никто не сможет с уверенностью сказать, что придет в голову этим полулюдям-полурептилиям, и чего им захочется в следующий момент.

— Ирония судьбы! — воскликнул Бен Харрис. — Они превратились в змей — в свой собственный партийный символ.

— Бабушка сказала правду, — пробормотала Джейни, но так тихо, что никто ее не услышал. Она продолжала молиться за отца. Девочка понимала, что опасность умереть от змеиного яда могла скрываться не только в том ящике, который их проповедник каждое воскресенье выносит на двор церкви.

— В каком-то смысле, — рассуждал Чарльз, — наши противники слабее нас. В эволюционном отношении они отброшены на миллионы лет назад. И их поведение можно сравнить разве что с поведением ящеров.

Хитэр передернуло от отвращения.

— Как это понимать? — спросила она, еще крепче прижимаясь к Марку.

— Ящеры могут долго выслеживать добычу, они хитры и изворотливы, очень терпеливы и настойчивы, когда дело касается их потребностей. Если им попадется совсем уж беспомощная жертва, они могут напасть на нее и стаей, но обычно они никогда не действуют сообща, не вырабатывают планов совместного поведения.

— Наверное, поэтому они до сих пор и не предприняли никаких попыток организованно напасть на дом и за-

хватить его, а просто ходят вокруг, ожидая, когда мы первыми выйдем им навстречу,— предположил Марк.

— Именно так,— подтвердил Чарльз.— И теперь, когда мы разобрались в их повадках, мы сами можем кое-что против них предпринять.

— Не желаю я разбираться в этих чертовых тварях! — взревел Сэнфорд Берман.— Единственное, чего я хочу — так это убраться отсюда куда подальше!

— Понимание действий врага — залог успеха в любой ситуации,— продолжал рассуждать вслух Чарльз.— В какой-то мере наши противники — это такие же люди, как мы... но только у них нарушено равновесие между добром и злом. Я всегда считал, что в эволюции есть большой промах: дело в том, что относительно новые слои мозга слабее, чем старые — времен ящеров, которые в случае гибели коры начинают доминировать, и остается как бы лишь «злая» часть человеческого существа. А если учесть еще, что все это происходит в наш безумный ядерный век, то страшно даже подумать, что может произойти, если эта наиболее устойчивая часть мозга возьмет верх в результате какой-нибудь катастрофы... Человек просто перестанет существовать как биологический вид...

— Выживание биологического вида будет интересовать меня гораздо позднее,— вставил Берман.— А сейчас я хочу выжить, как отдельно взятый человек, а именно — как Сэнфорд Берман.

Андри Уорнак стояла у окна кухни и нервно посматривала на зловещие темные фигуры, медленно бродящие в глубине двора. В ее сознании вертелись услышанные по радио страшные новости и объяснения Аниты, которые она дала всем женщинам, выходящим на посты. В голове Андри была настоящая каша. Она не могла даже представить себе, что сделали с ее мужем эти безмозглые чудовища. Ведь если бы ее собственная операция на мозг прошла не настолько удачно, она и сама могла бы превратиться в такого же монстра... Либо опухоль, либо неверно направленный лазерный луч запросто могли сделать из нее такое же опасное существо. И что тогда?

Ее опухоль размером со сливу образовалась на левом зрительном нерве и уже начинала переплетаться с другими нервами и опутывать кровеносные сосуды. Когда ее обнаружили при компьютерной томографии, Андри потеряла уже часть зрения на левый глаз, и правый глаз тоже постепенно начал слабеть. Врачи объяснили ей и Гарви,

что операция позади глазного яблока — там, где зрительные нервы соединяются с мозгом — наиболее трудная и чуть ли не самая опасная во всей нейрохирургии. Хирургический лазер мог только повредить здоровую ткань и вместо того, чтобы разрушить опухоль, лишь осложнить положение больной. Но взвесив все за и против, Андри все же решилась на операцию, и после трепанации черепа врачи удалили ее опухоль, расположенную между глаз.

Тогда Андри была смелой, поэтому и теперь она решила про себя оставаться такой же бесстрашной в данной ситуации. Если верить словам Аниты, эти существа вряд ли перейдут к согласованным действиям и сознательно начнут наступление на усадьбу. Они походили на ящериц, выжидающих свою добычу возле мышиных нор. Они знали, что им нужно, но не могли даже представить себе, как выудить людей из их убежища. У них поврежден мозг, следовательно, они не способны уже мыслить разумно и логично. Да, некоторые из рефлексов у них все же остались, но только самые примитивные, с помощью которых им никогда не разработать правильной стратегии. Именно поэтому во время первой вахты произошел всего лишь один несчастный случай — были застрелены лошади. И теперь Андри пыталась уверить себя, что за время ее дежурства ничего хуже этого произойти уже не может.

Внизу, в подвале, Марк Пирсон развивал примерно такую же мысль:

— Я понимаю так: самое главное — выстоять ночь. А с восходом солнца здесь уже будет не меньше тысячи полицейских. Если мы продержимся до рассвета, как у нас это выходило до сих пор,— то считайте, что мы спасены.

— Неужели? — скептически усмехнулся Сэнфорд Берман.— Если уж власти так расторопны, то что же они до сих пор ничего не знают о самолете? Я им не очень-то доверяю. Почему, интересно, нас еще не нашли? Я думаю, нам лучше рассчитывать только на свои силы. Я за то, чтобы выбраться отсюда к чертовой матери, как только у нас появится хоть какая-нибудь возможность.

— Я тоже,— поддержал его Бен Харрис.— По-моему, у нас неплохие шансы. У некоторых террористов уже кончились патроны.

— У некоторых, но не у всех,— подчеркнул Марк.— К сожалению, не все из них стреляли, так что кое-кто еще по-прежнему опасен.

— Я говорю вам: они подобны ящерам,— повторил Чарльз Уолш.— Они не нападут на нас первыми, а будут стоять и ждать, пока мы сами выйдем к ним из усадьбы. Если мы начнем паниковать, а тем более пытаться убежать отсюда, то сразу же привлечем их внимание и попадемся, как мышь на приманку.

— Чушь собачья! — закричал Сэнфорд Берман.— Ерунда это, а не теория, хотя на первый взгляд все звучит весьма убедительно. Вы просто самый обыкновенный умник, пытающийся везде и во всем найти причину и обстоятельно ее изучить. Вот вы тут рассуждаете о мотивах, психологии и прочей чепухе. Но пока вы тратите время на свои размышления, мир не стоит на месте. И эти твари во дворе меньше всего будут действовать, подчиняясь законам логики. Скажите на милость, по какой такой причине им взбрело в голову пристрелить ваших лошадей, а?

— Это верно,— согласился Бен Харрис.— Мы даже и предположить не можем, что им приспичит сделать через минуту. И теперь, когда я знаю, что у них не все в порядке с мозгами, мне становится только еще страшнее. Поначалу я даже лелеял надежду, что если мы выдадим им назад их любимого вождя Кинтея, они оставят нас в покое. Но теперь я уверен в одном: даже если дело дойдет до самого худшего— их ничем не остановить.

— Черт! Мне просто необходимо выпить,— простонал Сэнфорд Берман, потирая заплывшие красные глаза.— Теперь, когда я полон решимости, я запросто могу позволить себе немного.— Он умоляюще посмотрел на Чарльза.— Всего одну рюмочку. Чтобы взбодриться. Потому что кофе не очень-то мне помогает.

— Ничего не осталось,— развел руками Чарльз.— Сервант, где хранилось спиртное, полностью уничтожен.

— А я думал, Джоан наврала мне насчет этого,— с надеждой в голосе произнес Сэнфорд.

— Нет, она сказала правду,— подтвердил Чарльз.— И вам надо бы радоваться этому. В такой сложной обстановке лучше оставаться трезвым.

— Это спорный вопрос,— недовольно пробурчал Берман.— Если хотите знать, то я могу совсем бросить пить, если только переживу эту ночь, но именно сейчас мне как никогда необходимо хлебнуть чего-нибудь покрепче, а то нервы что-то совсем разгулялись.

Под этими словами храбрящегося пьяницы скрывалось нечто другое. На самом деле Сэнфорд с ужасом думал о том, что даже страх воспоминаний о неудавшемся самоубийстве в нашвиллской полицейской камере не остановил

его. Несмотря на то, что дом обстреливали со всех сторон, он умудрился добраться до бутылки и вылакал ее почти всю. Страх перед тем, что попытка самоубийства может повториться, держал его в трезвости почти целый год. Почему же инстинкт самосохранения не сработал и он все-таки напился? Наверное, оттого, что умереть от рук этих чудовищ, разгуливающих с оружием по двору, было для него намного отвратительнее, чем погибнуть от своей собственной руки. Он даже подумал, что столь интересный вывод мог бы быть полезен для Чарльза в его работе, но черта с два он когда-нибудь расскажет этому докторишке о своих страхах и сомнениях.

Неожиданно до Андри донесся какой-то тихий шаркающий звук со стороны заднего крыльца. У нее перехватило дыхание. Сердце бешено заколотилось. Она крепко сжала в руке старинный револьвер. Немного изогнувшись, Андри попыталась рассмотреть, что же находится в той стороне, откуда слышались эти странные шаркающие шаги, но ничего не увидела. Но вот снова раздались те же самые звуки, и она с замиранием сердца подумала, что, наверное, кто-то, прижавшись к стене, идет вдоль дома, чтобы бросить в окно гранату. Андри задрожала, представив, как усадьба разлетается на куски вместе со всеми ее обитателями, и с надеждой посмотрела на люк подвала. Конечно, можно прямо сейчас постучать в него, но к тому времени, как кто-то придет ей на помощь, воображаемая граната уже успеет ее убить.

И снова те же шаги заставили ее вздрогнуть. Уже в третий раз.

А может, это просто какие-то ночные зверьки вышли на охоту? Например, сурок или ласка. Вполне вероятно. И не стоит из-за этого так волноваться.

Андри замерла и затаила дыхание, ощущая в руке свинцовую тяжесть револьвера. Казалось, что секунды тянутся бесконечно долго, но ничего не происходило. А вдруг ей все это просто почудилось? Ведь нервы у нее уже на пределе, и вполне возможно, что она сама придумала этого несуществующего террориста с гранатой. А может быть, ветер принес на порог какие-нибудь сухие листья и теперь шелестит ими. Но скорее всего, это, конечно, ночной зверек. Здесь их должно быть полным-полно.

Но после очередного шороха нервы Андри не выдержали. Она не могла больше ждать, а ведь ей предстояло пробыть на посту еще целый час. И если в течение всего

этого времени звуки не прекратятся, она просто может сойти с ума от страха и неизвестности.

И тогда Андри решилась всего на одну секунду высунуться из своего убежища, чтобы только удостовериться, что никакого террориста с гранатой на заднем крыльце нет и ничто не угрожает ее жизни.

Но едва она успела высунуть голову, как ремень от винтовки легко был наброшен на ее шею, а потом повернут несколько раз, лишая ее возможности закричать и позвать на помощь. Андри почувствовала возле самого лица холодный ствол и грубый ремень, впивающийся в нежную кожу шеи, но уже ничего не могла сделать. С невероятной силой, которой иногда обладают люди с поврежденной центральной нервной системой, крашенный парень выволок Андри наружу через разбитое окно, царапая ее тело об оставшиеся в раме осколки стекла и разрывая об них одежду. Револьвер выпал из ее руки и со звоном ударился о чугунную раковину. Андри задыхалась и пыталась кричать, но из горла вырывался лишь сдавленный хрип, а рыжий заложник продолжал тащить ее во двор через перила крыльца, потом вниз по ступенькам и теперь волочил уже по земле.

Услышав хрип Андри, Софи Харрис сразу же выбежала из столовой и с отобранным у Кинтея автоматическим пистолетом бросилась ей на помощь. Она позабыла об осторожности и не стала прятаться в тень, не очень представляя себе, как этим пистолетом надо пользоваться. В темноте двора она все же разглядела, как отчаянно сопротивляется Андри, как она размахивает руками и лягается, а голый парень крепко удерживает ее на земле и пытается раздвинуть ей ноги, одновременно срывая с нее остатки одежды. В лунном свете было хорошо видно, как торчит его член. Перед Софи встал вопрос: стрелять или не стрелять? Спасти Андри, по всей вероятности, было уже невозможно. И еще она очень боялась, что, заслышав выстрелы, другие террористы перейдут в наступление.

Пока Софи в нерешительности стояла на крыльце, Андри из последних сил дернулась и впилась ногтями в мошонку голого парня. Тот взвыл от боли и отпрянул назад, но при этом его палец совершенно случайно лег на спусковой крючок и винтовка выстрелила несколько раз подряд, превратив лицо Андри в кровавое месиво.

Группа террористов, стоявших возле загона, незамедлительно ответила шквальным огнем. До этого они тупо смотрели на расстрелянных животных уже около часа, не двигаясь с места. Бывший заложник, только что пытав-

шийся изнасиловать Андри, взвился, как ужаленный, хватаясь за простреленные места, будто пытался вытащить из тела пули, и тут же рухнул на землю, почти перерезанный пополам автоматной очередью.

Софи Харрис бросилась назад, забарабанила по люку и изо всех сил закричала:

— Впустите меня! Это я — Софи! Пожалуйста! Быстрее!

Террористы беспорядочно обстреливали усадьбу со всех сторон.

Когда Марк Пирсон открыл люк, Софи чуть не сбила его с ног и кубарем скатилась вниз по ступенькам. Она прижалась к мужу и, всхлипывая, рассказала о том, что случилось с Андри.

Марк Пирсон сразу же предложил отозвать с постов двух других часовых — Джоан и Аниту.

— Лучше поскорее закройте эту дверь на засов! — закричал Бен Харрис. — Ни Джоан, ни Анита уже сюда не вернутся. Их наверняка там убили.

— Откуда вам это известно? — взревел Чарльз Уолш.

— Но нам нельзя всем вместе сидеть в этом подвале, — пытался перекричать их Марк. — Мы должны знать, что творится там, наверху!

Он подошел к выходящей в кухню отдушине, подпрыгнул и подтянулся на руках, пытаясь заглянуть через решетку в дом. В то же мгновение где-то рядом взвизгнула пуля и с грохотом разбила часть решетки. Лицо Марка засыпало облетевшей известкой. Он тут же пригнулся и спрыгнул на пол, но и этого мига ему хватило, чтобы составить впечатление о происходящем вокруг усадьбы. Террористы не собирались подходить близко к дому, они по-прежнему держались в отдалении и наобум палили со всех сторон по усадьбе. Однако было похоже, что их энтузиазм и запал постепенно угасают. Марк пришел к выводу, что период активности мозга у этих людей незначителен — так же, как, например, у младенцев или идиотов.

Через некоторое время ему удалось забрать старинный револьвер, который Андри перед смертью уронила в раковину на кухне. Стрельба потихоньку начинала стихать, и Марк осторожно выполз из подвала наружу и пробрался через столовую в кабинет. Джоан Берман находилась на своем посту и никаких ранений не имела, а просто лежала плашмя на полу, прижимаясь к стене под разбитым окном. Марк шепотом рассказал ей о том, что случилось.

— Надо убираться отсюда,— зашептала в ответ Джоан.— Иначе они просто перебьют нас поодиночке — всех, одного за другим.

— Я проверю, как дела у Аниты,— сказал Марк.— Не паникуйте, Джоан, у вас здесь все в полном порядке. Я поставлю кого-нибудь наблюдать из кухни, а потом переговорю с остальными. Может быть, нам и стоит изменить как-то нашу тактику.

— Только не надо держать меня в подвешенном состоянии,— попросила Джоан.— Как только что-нибудь будет решено, немедленно дайте мне знать.

— Не волнуйтесь, я не забуду,— пообещал Марк.

К тому времени, как он дополз до гостиной, стрельба уже полностью прекратилась. К своему удовольствию Марк обнаружил, что Анита не оставила свой пост, а только спряталась в углу, выставив перед собой старый ричмондский мушкет с таким расчетом, чтобы он поразил каждого, кто попытается залезть в дом через окно в гостиной.

Марк рассказал Аните о последних событиях, а потом сообщил, что, возможно, скоро наступит время для их выхода из этого дома. Поэтому необходимо было придумать детальный план отступления.

— По радио о Зеленой бригаде ничего больше не общали,— сказала Анита. У нее был с собой портативный приемник Чарльза с крошечным наушником, который надо было вставлять в слуховой проход. Она даже несколько раз покрутила его и поглубже засунула в ушную раковину, как будто это повышало шансы услышать добрые вести или какие-нибудь новые полезные сведения.

— А мы, конечно, узнаем обо всем в последнюю очередь,— посетовала Анита.— Марк, послушайте, когда вы будете разрабатывать план побега, если возникнут сомнения и потребуется принимать совместное решение, то имейте в виду, что я в любом случае стою на стороне Чарльза.

— Я обязательно передам это ему,— улыбнулся Марк.

Через несколько минут после того, как стрельба прекратилась, Джоан Берман решила приподнять слегка голову и оглядеться. Делала она это крайне медленно и при этом с такой силой сжимала ручку револьвера, что костяшки пальцев у нее побелели. Но к ее огромному удивлению, когда она подняла голову над подоконником, все вокруг было спокойно и тихо, и никто не целился ей

между глаз. Никогда в жизни ей не приходилось еще испытывать такого страха и находиться в подобном напряжении. Зато теперь она чувствовала себя, как самая храбрая в мире женщина. Но на самом деле, размышляла она, на этом месте должен был сейчас находиться ее муж, а не она сама. Джоан не хотела быть героем в одиночку. Она, может быть, оставалась на таком опасном посту только ради того, чтобы пятно позора не покрыло их семью целиком — достаточно было одного Сэнфорда.

Но сквозь все эти годы их непростого супружества Джоан пронесла в глубине души уважение к своему мужу. Вплоть до сегодняшнего дня она никогда не считала его слабовольным, а наоборот, только удивлялась той настойчивости, решительности и упорству, с которыми он стремился заработать на жизнь и боролся с многочисленными конкурентами в своем нелегком страховом бизнесе.

Она всегда свято верила в его выносливость, особенно когда он стал членом Общества Анонимных Алкоголиков. И сам Сэнфорд, казалось, с завидной легкостью держался до сих пор. Но за эти несколько последних часов внутри Джоан что-то произошло, и она изменила свое мнение относительно мужа. И теперь в ее голову закралась мысль, что, возможно, он не такой уж и хороший, а сама она, безусловно, заслуживает лучшей доли.

Но у нее не возникло ни малейшего желания бросить супруга. Даже несмотря на его недостатки, а может быть, именно из-за них, она лишь еще сильнее любила его. И теперь она намеревалась сделать все возможное, чтобы выпутаться самой и вытащить его из этой страшной усадьбы. Она прекрасно понимала, что сделает это не из-за какой-то там небывалой храбрости, а только из-за чувства первобытного, самого что ни на есть примитивного страха. Она просто боялась смерти, но еще страшнее казалось ей жить без Сэнфорда. При этом было неважно, умрет ли он от пули или его окончательно погубит алкоголь.

— Вы среди нас единственный, кто еще не стоял на посту, — заявил Сэнфорду Марк Пирсон. — Поэтому я хочу попросить вас подняться на кухню и подежурить возле окна. Я буду охранять столовую. По-моему, это будет честному.

— При чем здесь честность? Надо же иметь хоть немного мозгов в голове! Ведь там, наверху, одного из наших уже только что подстрелили, и я не настолько глуп, чтобы быть следующей жертвой, — отпаривал Берман.

— Если мы дадим им приблизиться к дому, то они убьют нас всех прямо в этом подвале,—терпеливо объяснил Марк. С этими словами он посмотрел на ведущую вверх лестницу, будто хотел убедиться, что самое страшное все-таки не произошло. Сейчас люк был открыт, чтобы снизу лучше слышать, что происходит в доме. Тогда, если там начнется что-нибудь непредвиденное, можно будет быстро прийти на помощь Джоан и Аните. Но когда он разберется с Сэнфордом и все посты будут расставлены, люк закроют и запрут на засов.

— Кстати, это одно из самых безопасных мест во всей нашей обороне,—добавил Марк, обращаясь к Берману.

— Я думаю, что после всего, что случилось с Андри, можно сделать как раз обратный вывод,—неожиданно вмешался Бен Харрис.— Все, что мы тут пытаемся предпринять для своего спасения — просто бессмысленно. И я не хочу, чтобы моя жена снова поднималась вверх. Лучше давайте подумаем, нельзя ли как-нибудь убежать отсюда?

— Если мы продержимся в усадьбе еще несколько часов, то полицейские наверняка явятся сюда за этими террористами,—ответил Чарльз.

— Да он просто дрожит за свое антикварное барахло,—презрительно фыркнул Сэнфорд.— И не понимает, что лучший способ сохранить его — это убраться отсюда как можно дальше. Никому и в голову не придет стрелять по пустым комнатам. Ради всего святого, неужели до вас еще не дошло, что их цель — это мы сами?

— Даже если полицейские найдут останки самолета, как они догадаются, в каком направлении пошли террористы? — снова вмешался Бен Харрис.— В этих горах и лесах может заблудиться не один десяток человек.

— Они будут искать с вертолетов,—предположил Марк Пирсон.

— Да, но им придется прочесать таким образом не меньше сотни квадратных миль,—усмехнулся Сэнфорд.— А с этих вертолетов будут видны только ветки и верхушки деревьев. Да они просто не успеют найти нас! Лично я хоть сейчас согласен валить отсюда. Во дворе у меня стоит машина. Если эти ваши люди-змеи так глупы и повреждены мозгами, то, возможно, мы сумеем перехитрить их — просто сядем в машины и поедем сквозь них напролом. Вдруг они не сообразят, как в таких случаях надо реагировать?

— Сомневаюсь, чтобы это оказалось таким простым делом,—ответил Чарльз Уолш.

— Но во всяком случае, можно попробовать. Пора,— заявил Бен Харрис.— Я человек немолодой, но на это у меня еще смелости хватит, даже если все вы останетесь здесь.

— Я думаю, дело здесь не в наличии храбрости. Нужно сперва продумать как следует весь порядок действий,— заметил Чарльз.

— Точно,— подтвердил Марк.— Если мы будем просто стрелять по ним, то никак не пробьемся. Что у нас имеется? Пистолет Кинтея, два старинных револьвера и мушкет времен Гражданской войны. А если Берманы и Харрисы от нас откальваются, то у нас не хватит и людей, чтобы обеспечить оборону дома.

— Ну так присоединяйтесь к нам,— предложил Бен Харрис.— Мы никому не запрещаем уйти вместе с нами, наоборот, это будет для всех более безопасно.

— А что нам делать с Кинтеем? — спросил Чарльз.

— А чего о нем думать! — заорал вдруг разъяренный Сэнфорд.— Бросим его здесь, и дело с концом.

— И Джорджа Стоуна тоже? — добавил Чарльз.

— Не бросайте моего папочку! — заплакала Джейни.

— Не волнуйся, никто его бросать не собирается,— успокоил девочку Чарльз — Но дело в том, что твой отец сейчас бегать не может, а если мы понесем его на руках, то не сможем прорваться сквозь толпу обезумевших террористов. Поэтому никакого выбора у меня нет — я должен остаться с ним здесь и ждать помощи.

— Подождите-ка! — перебил его Бен Харрис.— А кто вам сказал, что мы не понесем его на руках? Ему как раз в первую очередь нужно отсюда выбраться, чтобы попасть в больницу.

— Послушайте,— сказал наконец Марк, обращаясь к обоим Харрисам и Сэнфорду Берману.— Нельзя спорить без конца об одном и том же, в то время как наверху у нас половина постов не прикрыта. Давайте принимать какое-нибудь решение. Итак, вы все-таки уходите?

— Если бы можно было разработать какой-то разумный план...— уклончиво ответил Сэнфорд после своего решительного монолога,— то, наверное, следовало бы посоветоваться и со всеми остальными. Но вы можете спросить у моей жены, что она думает по этому поводу. И я убежден, что она во всем согласится со мной.

— Мы с Софи тоже проголосуем за побег, если это, конечно, возможно,— сказал Бен Харрис.

— Ну хорошо,— подытожил Марк и набрал в грудь побольше воздуха.— У меня есть одна идея, воплотить

которую будет, правда, не очень-то просто, но зато, если все у нас получится именно так, как я думаю, то наши шансы значительно возрастут. Надо взять несколько человек, выйти на разведку и уничтожить как можно больше террористов, застав их врасплох — например, перерезать им горло. Тогда мы сможем захватить их оружие и боеприпасы. В этом случае те, кто останется в поместье, будут иметь гораздо больше шансов защитить себя до прихода полиции. И кроме того, мы сможем прикрыть огнем тех, кто решится уехать на машине.

— Это сумасшествие! — коротко высказался Сэнфорд Берман.

— Марк! — испуганно вскрикнула Хитэр, схватив мужа за руку. — Я тебя никуда не пушу. Ты не можешь так рисковать собой!

Харрисы молчали, пораженные таким неожиданным предложением.

И тут заговорил Чарльз Уолш. Сперва он и сам не узнал своего голоса, ему казалось, что слова доносятся до него откуда-то со стороны:

— Я думаю, что соглашусь пойти вместе с Марком. По-моему, эта идея не такая уж и безрассудная, если вдуматься. Эти люди, которые бродят сейчас вокруг дома, соображают медленно и так же медленно передвигаются. Их сила — в их количестве и в том, что у них много огнестрельного оружия. И если мы уберем несколько террористов, то этим только увеличим свои шансы на выживание.

— А если у вас ничего не выйдет, то вы лишь разозлите их до такой степени, что они, окончательно обезумев, уничтожат нас всех до единого, — заявил Сэнфорд Берман.

— Не думаю, — спокойно сказал Марк. — Надо только очень аккуратно выбирать отдельно стоящих и правильно определять момент для удара. Иначе, в случае ошибки, мы действительно выведем их из себя и тем самым подпишем себе приговор. — При тусклом мерцающем свете лампы он пристально посмотрел в глаза Чарльзу. — Если я вас правильно понял, мы идем туда вместе?

— Да, — мрачно подтвердил Чарльз, а потом посмотрел на часы. Было около полуночи. За последние четыре часа так много всего изменилось в его жизни! Он потерял людей, которых знал и любил, почти вся усадьба была разрушена. Он никогда не сможет до конца пережить эти потери. И моральные, и материальные.

И сейчас из-за горя, страха и поднимающегося в душе гнева он из человека мысли превращался в человека действия. И это превращение происходило намного легче, чем

он мог себе раньше представить. Словно по иронии судьбы сейчас в нем просыпались те самые змеинные инстинкты, что сидели где-то в самой глубине его мозга. Просыпались и брали верх над разумом жестокость, агрессивность и ненависть — все это должно было дать ему возможность спасти себя, свою жену и свои земли от захватчиков.

Глава двадцать третья

Сэнфорд Берман и Бен Харрис договорились занять посты на кухне и в столовой, пока Марк Пирсон и Чарльз Уолш будут совершать свою вылазку. Чтобы уговорить Сэнфорда и Бена, Марку пришлось долго убеждать их, что все это делается для их же собственного блага. Ведь если террористов удастся лишить оружия, то их шансы на спасение значительно возрастут.

В подвале Софи, Хитэр и Джейни с тревогой наблюдали за тем, как Чарльз и Марк готовятся к вылазке. Они решили не брать с собой никакого огнестрельного оружия, а взять лишь кухонные ножи. Бен и Сэнфорд настояли на том, чтобы все оружие осталось у них на наблюдательных пунктах, говоря в свое оправдание следующее:

— А что, ребята, если вы оба не вернетесь? Тогда мы останемся сразу и без оружия и без двух бойцов.

Они, казалось, не принимали в расчет тот факт, что Марк и Чарльз идут на серьезный риск только ради всеобщей пользы.

Чтобы не быть легко обнаруженными на местности, Чарльз и Марк переоделись в довольно темную одежду. Теперь же, перед самой вылазкой, они приняли еще кое-какие меры предосторожности. Размочив засохшую утопанную глину на полу подвала, они намазали ею лица.

— Вам когда-нибудь уже приходилось заниматься чем-то подобным? — спросил Марк.

— Нет, это впервые, — отвечал Чарльз, растирая глину по щекам. — Чтобы воевать в Корее, я был слишком молод, а для Вьетнама — слишком стар. В промежутке между этими войнами меня чуть было не призвали, но я получил отсрочку, чтобы закончить образование.

— Я тоже не особый специалист по рукопашному бою, — признался Марк. — Я ведь не был «зеленым беретом», хоть и проходил кое-какое обучение в Форт-Брагге. Но мне еще ни разу не приходилось применять эти навыки на практике.

Марк объяснил, что нельзя полагаться на один только нож, поскольку даже если перерезать человеку горло или

нанести удар прямо в сердце, тот сможет еще закричать. Поэтому Марк смастерил что-то вроде удавки, воспользовавшись проволокой, на которой раньше висела картина. Занятие это было не из самых приятных, и, заметив выражение испуга на лицах Чарльза и Хитэра, Марк попытался пошутить:

— Я думаю, что, может быть, есть какой-то потайной подземный ход из этого подвала? Какой-нибудь тоннель, ведущий к ручью? Или заброшенная шахта старого рудника, а? Недавно я смотрел по телевизору фильм, где на одной из старых плантаций был как раз такой тайный ход. По замыслу, он был прорыт еще в давние времена, чтобы спастись от налетов индейцев, но в фильме им воспользовались женщины и рабы с той плантации, чтобы скрыться от местных разбойников.

— Подземный ход — какая романтика! — с грустью покачал головой Чарльз. — Но боюсь, что его здесь нет. По крайней мере мне о нем ничего не известно. Конечно, если бы я знал, что нам понадобится такой тоннель, я бы обязательно прорыл его, — с горьким сарказмом добавил он. — Но, видите ли, я был настолько глуп и непрактичен, что вообразил, будто времена сражений с вооруженными налетчиками давно уже миновали. К несчастью же...

Он оборвал себя на полуслове, поскольку внезапно ему в голову пришла идея. Намазывая лицо грязью, Чарльз подумал, что сажа для этого подошла бы гораздо лучше, и это навело его на интересную мысль.

— Угольный люк! Я не пользовался им с тех пор, как мы перешли на газ. — Он взглянул на Марка. — Может, он нам как-нибудь пригодится?

— Не знаю. Вероятно, он послужит запасным выходом отсюда. А где он находится?

— Вот здесь. — Чарльз зажег карманный фонарь и повел Марка в самый темный угол подвала позади газового котла отопления. Там он направил луч фонаря на массивную чугунную дверцу в каменной стене, подвешенную на ржавых петлях за верхний край под самым потолком.

— Она достаточно велика, чтобы в нее смог пролезть человек, — заметил Марк. — Пожалуй, этим люком можно воспользоваться, если как следует смазать петли. А что там снаружи?

— Кустарник. Дверца обсажена плотным кустарником. Мы не хотели, чтобы эта штукавина все время мозолила нам глаза.

— Прекрасно! Это послужит нам маскировкой. Имен-

но здесь мы и сможем незаметно выбраться наружу, чтобы исполнить то, что задумали.

Они принесли стремянку, а Чарльз разыскал банку машинного масла и масленку. Марк отпер угольный люк и, обильно поливая петли смазкой, стал осторожно открывать его, стараясь по возможности не скрипеть. Затем он несколько раз медленно открыл и закрыл дверцу, пока петли не стали работать практически бесшумно. Наверху в доме все двери были заперты и забаррикадированы различными тяжелыми предметами. И теперь, чтобы выйти наружу, им пришлось бы разбирать все эти укрепления. К тому же этот новый выход обеспечивал гораздо лучшую маскировку. Кроме того, его будет намного легче защищать. Если за смельчаками начнется погоня, то преследователи не смогут так просто ворваться за ними в дом. А попытка выйти из дома или войти обратно будет представлять опасность лишь для них двоих.

Когда все приготовления были закончены, Марк поднялся на первый этаж и, осторожно перебираясь от окна к окну, оценил окружающую обстановку. Затем, спустившись обратно в подвал, он вручил Хитэр большой мясной нож и подвел ее к чугунной дверце.

— Когда мы выйдем, ты поднимешься по лестнице и заперешь этот люк, — сказал он. — Затем стой, не шевелясь: жди и прислушивайся. Не отлучайся ни на секунду! Когда мы вернемся, я тихо постучу три раза, чтобы ты могла нас узнать — если, конечно, не случится ничего такого, что у нас просто не будет времени стучать. Но в этом случае мы, наверное, закричим изо всех сил.

— Марк, будь осторожен. Я люблю тебя. — Хитэр нежно обняла мужа.

Марк полез по стремянке первым. Он открыл дверцу и прислушался к ночным звукам. Из-за густых кустов, окружающих этот выход, почти ничего нельзя было разглядеть. Только стволы и ветви ближайших к дому деревьев, корни которых тянулись на несколько футов во все стороны. Марк выполз из подземелья с длинным ножом в руке и через несколько секунд уже удобно устроился, прижавшись спиной к стене дома. Густой кустарник скрывал его от посторонних глаз. Потом появился Чарльз и устроился точно так же, только по другую сторону от люка. Затем они проползли немного вперед, где, раздвинув ветки, смогли спокойно осмотреть двор и увидеть, что там происходит.

Сейчас они находились почти под самым окном столовой, возле которого дежурил Сэнфорд Берман.

Но Сэнфорд не замечал их до тех пор, пока они не стали ползти. Сперва он не на шутку перепугался, приняв их за террористов, которым удалось успешно подложить в дом гранату. Но потом он все же узнал Марка и Чарльза и про себя выругал их за то, что его не предупредили, куда выходит этот угольный люк.

Он с интересом наблюдал за тем, как отважные разведчики медленными зигзагами подобрались к поленнице, где совсем недавно пряталась Джейни, пока отец не вытащил ее оттуда. Сейчас в этом месте никого не было, и Марк с Чарльзом могли надежно спрятаться за дровами, но еще пару минут назад здесь прохаживалась целая группа террористов, и от этого Сэнфорд чувствовал себя весьма неуютно.

Теперь он молча наблюдал за тем, как Марк и Чарльз отползают от дома, но никак не мог догадаться, что они замышляют на этот раз. Наверняка, думал Берман, эти умники выкинут сейчас какой-нибудь номер, и ему, Сэнфорду, придется стрелять и таким образом обнаружить себя и привлечь внимание террористов. И что это им вздумалось выползти именно с его стороны дома?

Долгое время ничего не происходило. Везде было тихо. Сэнфорд, не переставая нервно дрожать, не сводил глаз с поленницы. Ему уже начинало казаться, что он разгадал их замысел: теперь Марк и Чарльз ждали, когда один или два террориста подойдут к ним поближе, чтобы можно было напасть на них.

Ночной ветерок свободно гулял по дому, проникая сквозь разбитые окна, и наполнял комнаты всевозможными запахами. Именно в этой проклятой кухне застрелили Бренду и Мередит, и теперь Сэнфорд мучился оттого, что был вынужден постоянно ощущать запах густеющей крови, пропитавшей толстый шерстяной половик. Кроме того, до него доносились ароматы всевозможных вин и ликеров из разбитых в гостиной бутылок, но они перемешивались с запахом его собственной рвоты, лежащей там же на полу. Он еще раз проклял свой пост и теперь злился на то, что ночной ветерок дует именно в его сторону, а не куда-нибудь еще. Если бы сюда откуда-нибудь проник еще запах прокисшей мочи и кала, то он чувствовал бы себя точно так же, как в той проклятой камере в Нашвилле.

Вдруг к своему ужасу Сэнфорд заметил, что те три террориста, которые недавно прогуливались рядом с кипой дров, снова возвращаются к этому месту. Он был вне себя от страха и напряжения. Неужели эти двое умников полезут сразу против троих? Хватит ли у них мозгов за-

тихнуть и не высовываться? Если нет, то их наверняка тут же уложат. И тогда уж отовсюду вылезут остальные бандиты и поднимут такую стрельбу, что не успокоятся, пока не разнесут этот дом на кусочки. И им будет уже наплевать, что кто-то может подстрелить их изнутри, потому что они — как те ублюдки в Корее или Вьетнаме, которые шли на цель, словно самоубийцы, предварительно накачавшись наркотиками. И если они с Джоан или кто-то другой выживут в результате такой перестрелки и сами предпримут попытку спастись, то им уже не придется надеяться на прикрытие, обещанное этими двумя умниками.

Напряжение продолжало нарастать. Сэнфорду казалось, что он готов уже просто взорваться от этого ожидания. Трое террористов бродили вокруг дров, как заводные игрушки. Но никто не выпрыгивал на них из засады. Сэнфорд Берман передернул затвор пистолета Кинтея и почувствовал, как пот струйками побежал по его лбу. Когда же? Когда, наконец, это произойдет?

Он не знал того, что Марк с Чарльзом уже минут десять как выбрались из-за поленицы — это укрытие показалось им недостаточно надежным, и теперь, проползая по опушке густого леса, они направлялись в сторону конюшен.

Возле загона прогуливались Микки Хольц и Жанет Фейган. Час назад они безжалостно расстреляли заложника с крашеными оранжевыми волосами, который пытался изнасиловать Андри Уорнак и в конце концов просто убил ее. Микки и Жанет были женихом и невестой и, пока еще могли соображать, мечтали о том, как они поженятся в Гаване, соблюдая все обычаи и церемонии коммунистического бракосочетания. Но теперь их мозги уже мало что воспринимали, и вид обнаженного заложника только пробудил их половую страсть. Постепенно желание овладеть друг другом достигло у них такой силы, что победило страх перед возможной опасностью быть застигнутыми врасплох, и, отыскав себе местечко поуютней возле самой конюшни, они побросали на землю оружие и начали быстро раздеваться.

Из-за угла сеновала Марк Пирсон и Чарльз Уолш с отвращением наблюдали за тем, с какой жадностью совокупляется эта пара, больше напоминающая обезумевших животных, нежели, пусть даже диких, людей. Микки и Жанет безо всяких прелюдий накинулись друг на друга и захрипели, брыкаясь и катаясь по грязной земле. Но они не орали во весь голос не из-за того, что боялись

нападения, а чтобы другие звери не присоединились к ним, услышав их крики. На этот случай они держали поблизости оружие.

Но их хрипы и стоны вскоре были прекращены— Марк Пирсон воспользовался своей удавкой, сдавив ей шею Микки, а Чарльз Уолш, подкравшись сзади, схватил Жанет за голову, откинул ее назад и мощным движением руки перерезал ей горло. С Хольцем пришлось повозиться подольше— он брыкался и отчаянно размахивал руками, но крикнуть о помощи уже не мог, потому что лежал на животе, уткнувшись лицом в землю. Сверху его надежно придавливал Марк.

— Помоги мне! — громким шепотом позвал Марк, и Чарльз тут же ударил своим кровавым ножом между лопаток Микки, пронзив ему сердце.

Потом они оттащили обнаженные трупы террористов за конюшню, подобрали два «Узи», зачехленные штык-ножи и ремни с подсумками, полными ручных гранат и запасных магазинов. Сделав это, они медленно пошли к лесу и, углубившись в него, так же осторожно, стремясь не наделать лишнего шума, обогнули дом и вновь оказались возле дровяного склада.

Здесь они остановились, чтобы немного передохнуть.

— С тобой все в порядке? — прошептал Марк. Он опасался, что первое в жизни убийство может сильно потрясти его напарника. Сам же Марк оставался абсолютно спокойным, и это даже немного удивило его. Он только радовался тому, что пока все у них выходило по плану.

— Да, я уже могу идти дальше,— тоже шепотом ответил Чарльз. Ему показалось, что Марк волнуется за его физическое состояние. Чарльз хоть и держался в спортивной форме, но все же был старше по возрасту и казался слишком уж «домашним» для подобных прогулок. Но так же, как и Марк, он не испытывал никаких угрызений совести по поводу того, что им пришлось сделать. Возможно, что из-за повреждения мозга этих террористов уже нельзя было считать людьми в полном смысле этого слова. Они походили скорее на опасных ядовитых насекомых. Находясь в засаде и нападая на них, Чарльз испытывал только чувство глубокой ненависти и первобытного страха перед сильным и опасным врагом. Скорее всего точно так же чувствовали себя его предки, когда в каменном веке охотились на саблезубых тигров. А теперь он испытывал облегчение и даже какую-то радость победы, ведь раньше ему просто не верилось, что у них с Марком пройдет все так гладко.

Однако дело не было еще доведено до конца. Оставалось преодолеть последние пятьдесят футов до угольного люка. Они выглянули из-за поленницы и убедились, что тот участок, который им предстояло пересечь, совершенно пуст.

Сэнфорд Берман продолжал свое наблюдение и заметил, как Марк и Чарльз осторожно выглянули из-за дров. Он хотел предупредить их, но боялся голосом выдать себя. Пока разведчики добывали оружие, трое террористов, разгуливавших перед домом, укрылись в высоких кустах возле самой стены. Их не было видно, но кто знает, может, как раз сейчас они находятся на таком расстоянии, что способны в любую секунду напасть на Марка и Чарльза.

Когда двое «умников» скрылись, Сэнфорд немного успокоился. Видимо, они сообразили, что нападать на бандитов рядом с домом было крайне опасно. Но раз теперь они возвращаются назад, у них должно быть с собой много оружия, и Сэнфорд решил, что они справятся и без него.

Да и как бы он смог предупредить их об этой опасности? Тем более что он совсем не был уверен в ней. Если он крикнет, чтобы они были осторожней, то в тот же самый момент его самого могут запросто пристрелить.

Марк и Чарльз зигзагами поползли к спасительному люку, волоча за собою всю грудку оружия.

И тут одна из гранат задела ствол автомата, и раздался громкий металлический звон.

Трое террористов вышли из кустов. Один снял с плеча арбалет, зарядил его новой стрелой и прицелился в ползущих. Двое других приготовились стрелять из своих карабинов.

Сэнфорд Берман взял на мушку террориста с арбалетом. Во-первых, он знал, насколько опасны эти стрелы с ядом, и они пугали его гораздо сильнее обычных пуль. К тому же получилось так, что именно этот бандит первым попался ему на глаза. Но Сэнфорд так и не выстрелил. Вместо этого его прошиб холодный пот — до него дошло, что если он не уложит всех троих, то оставшиеся обязательно доберутся до него самого. Хотя, с другой стороны, он мог бы выстрелить и сразу же упасть на пол, а в это время Марк и Чарльз смогли бы использовать свое захваченное у убитых оружие. Но вдруг этот план не сработает? Что, если он промахнется? Тогда за чем ему вообще рисковать своей головой?

Пока Сэнфорд размышлял таким образом, Марк и Чарльз проползли уже половину пути. Потом раздался громкий звук спущенной тетивы, и стрела от арбалета

вонзилась в землю всего в нескольких дюймах от головы Чарльза. Он сразу же откатился в сторону, и в ту же секунду двое других террористов открыли огонь, вновь и вновь нажимая на спусковые крючки своих винтовок. Марку удалось спрятаться за стволом ближайшего дерева, и вскоре он понял, что винтовки террористов уже не смогут причинить им никакого вреда: магазины были разряжены и слышались только глухие щелчки курков. Марк схватил один из трофейных «Узи» и взял на мушку террориста с арбалетом, который брел куда-то наугад и сейчас напоминал больше зомби, чем нормального человека. В это время Чарльз схватил уже второй автомат и тоже начал прицеливаться, одновременно пытаясь отыскать на нем предохранитель.

— Не стреляй, Чарльз! — прошептал Марк. Он решил, что лучше отпустить этого негодяя с арбалетом, иначе толпы остальных роботов тут же придут на это место, привлеченные звуком стрельбы и, безусловно, сполна отомстят за своего убитого товарища.

— Что же нам делать? — тихо спросил Чарльз. Он припал к стволу дерева, за которым прятался Марк, так, что его почти было невозможно заметить со стороны.

— Надо подождать! — шепнул Марк. — Посмотрим, что будет дальше.

— Они придут сюда с ножами.

— На это я и рассчитываю.

Снова послышались сухие щелчки пустых винтовок. Двое террористов, как дети, развлекающиеся игрушечными ружьями, продолжали «стрелять», не обращая никакого внимания на то, что у них давно уже кончились патроны. Они и не пытались что-либо предпринять, увлеченные одним-единственным занятием — нажимать пальцем на спуск. Теперь они были похожи на идиотов, которым дали задание поместить кубик в замочную скважину, и они усердно и старательно выполняли эту бессмысленную процедуру, не видя и не слыша вокруг себя ничего. Они не стали двигаться дальше. И не взялись за ножи. И даже не попытались использовать свои винтовки в качестве дубинок. Через две минуты, которые показались Марку и Чарльзу вечностью, они уже позабыли про добычу, повесили винтовки за плечи и как ни в чем не бывало удалились прочь.

— Черт побери! — только и смог выговорить Сэнфорд Берман. Теперь он пытался доказать себе, что вел себя не как последний трус, а поступил очень мудро и правильно, не став стрелять по террористам. И поэтому все обошлось

благополучно. Эти бандиты настолько медлительны, глупы и беспамятны, что теперь вполне можно будет предпринять попытку к бегству.

Развивая эту мысль, Сэнфорд еще некоторое время последил за Марком и Чарльзом, надеясь, что на остатке пути к заветной двери у них не возникнет больше никаких проблем.

А когда двое смельчаков спустились в подвал, то нашли там уже и Сэнфорда Бермана, и Бена Харриса. Марк был этим весьма недоволен:

— Как же вам не терпелось покинуть свои посты, ребята! Вы же оставили без присмотра половину подступов к дому!

— Ну, в любом случае нам придется расходиться в разные стороны,— уверенно сказал Берман, даже не пытаясь хоть как-то оправдаться.— Я видел, как вы с Чарльзом возвращались сюда с оружием, и пришел к выводу, что больше ждать не имеет смысла. Кстати, у вас и у самих неплохо все получилось.— Сэнфорд подмигнул.— Вы, наверное, даже не предполагаете, сколько мне пришлось здесь перетерпеть. Ведь когда тот ублюдок с арбалетом заметил вас, я уже держал его на мушке своего пистолета.

— Так почему же ты не пристрелил его? — гневно спросил Марк, потом немного успокоился и продолжил: — Теперь я предлагаю тебе подняться наверх и постараться пересчитать всех оставшихся террористов. А потом подумай, скольких из них тебе придется обойти, чтобы выбраться отсюда.

— Это верно,— согласился Бен, пытаясь успокоить вспыхившего Пирсона.

Пока Чарльз с Марком осматривали добытое оружие, заряжали «Узи» и проверяли, исправно ли все остальное, постовые с четырех точек тщательно подсчитывали оставшихся террористов. Марк потребовал от каждого из наблюдателей зарисовать обстановку, чтобы не было никаких накладок, и ни одного противника по ошибке не посчитали бы дважды. Выяснилось, что в обозримом пространстве находится примерно тридцать один бандит, со скидкой на то, что кого-то не заметили, а кого-то, наоборот, случайно посчитали два раза.

— По сообщению в новостях, которые я смотрел вчера днем, на борту самолета в тот момент, когда он взлетел из аэропорта Ла-Гуардия, находилось сорок три члена Зеленой бригады и двенадцать заложников,— сказал Чарльз.— Ну и еще, естественно, экипаж. Если вычесть тех, кто уже точно погиб, и еще Кинтея, то остается сорок

семь. А мы насчитали только тридцать одного. Значит, еще шестнадцать человек могут бродить по окрестностям группами или поодиночке.

— Ну и что вы хотите этим сказать? — спросил Бен Харрис.

— А вот что, — пояснил Чарльз. — Даже если вы выберетесь с территории поместья без особых потерь, то где гарантии, что вас тут же не подстрелят на дороге те оставшиеся шестнадцать человек?

— Не пытайтесь запугать нас. Мы здесь все равно не останемся! — зло рявкнул Сэнфорд Берман. — У меня верное предчувствие, что если мы застрянем в этой дыре, то нам крышка. Поэтому я и вас всех приглашаю последовать нашему примеру.

— Нет уж, спасибо, — возразил Марк Пирсон. — Примерно часов через пять уже рассветет. До сих пор мы вполне благополучно укрывались здесь. И я не вижу причины, по которой мы не сможем продержаться еще несколько часов, пока не прибудет помощь.

— Если она, конечно, прибудет, — с сомнением покачал головой Бен Харрис.

— Иначе и быть не может! — убежденно кивнул Марк.

Чарльз Уолш не счел нужным вмешиваться в этот спор. Ему надо было защищать собственное жилище. Конечно, в поместье Карсон произошли действительно страшные события, однако все равно его еще можно спасти. Но только если они останутся здесь. Иначе террористы, предоставленные самим себе, разнесут здесь все до самого основания.

Втайне Сэнфорд Берман даже радовался, что кто-то все же останется в доме. Во всяком случае, считал он, его будут прикрывать при отходе. Но Марк Пирсон имел на этот счет совсем другую точку зрения.

— Мы не собираемся стрелять из окон и привлекать лишнее внимание к усадьбе, — объяснил он. — Мы с Чарльзом снова выйдем наружу и займем позицию у поленницы. Вы же рванете прямо к стоянке, заберетесь в машину и сразу жмите на газ. Вот тут-то мы вас и прикроем, но только до тех пор, пока автомобиль не тронется с места. Как только вы выедете на дорогу, рассчитывайте дальше на самих себя.

— Вот дерьмо собачье! И это называется помощь? — возмутился Берман.

— Или так, или действуйте сами, — отрезал Марк. — Вы оставляете нас здесь связанными по рукам и ногам —

у нас ведь раненый, который не может самостоятельно передвигаться.

— Ладно, пойдет,— примирительно ответил Бен Харрис, похлопав Бермана по плечу.— Пошли. Пора собираться.

Харрисы, Берманы, Марк Пирсон и Чарльз Уолш один за другим выбрались наружу через угольный люк и поползли к поленнице. На стоянке было семь автомобилей — Джорджа Стоуна, негритянок Мичам, Уолшей и четыре машины, принадлежавшие приехавшим пациентам. Они аккуратно выстроились в ряд, сверкая решетками радиаторов. Решено было ехать на голубом «додже» Бермана. Этот вместительный и мощный «универсал» стоял третьим по счету между «пикапом» Стоуна и красным «камаро» Пирсонов.

На лужайке перед домом примерно десять—пятнадцать человек — террористов и бывших заложников — бродили взад-вперед без определенной цели. Точное количество, однако, трудно было определить, поскольку кто-то из них то и дело скрывался в тени деревьев. Через несколько минут участок между поленницей и автомобилями полностью опустел.

Чарльз с Марком заняли боевые позиции с трофейными «Узи» наготове. Потом по совету Марка, Харрисы и Берманы начали не спеша ковылять по направлению к «доджу», чтобы быстрым передвижением не привлечь внимания террористов. Они брели в открытую, слегка пошатываясь, и со стороны их легко можно было принять за заложников, находившихся после катастрофы в полубессознательном состоянии. Все шло по плану до тех пор, пока Сэнфорд не открыл дверцу машины. Как только в салоне «доджа» зажегся свет, раздались выстрелы. Услышав их, все беглецы разом кинулись к машине, стараясь побыстрее занять места.

Террористы неумолимо приближались к «доджу», не прекращая стрельбы. Тогда открыли огонь и Марк с Чарльзом.

Сэнфорд завел машину и в панике случайно включил фары. Марк предупреждал его, что делать это крайне опасно, и они должны ехать при лунном свете. Выстрелы сразу же участились, и одна фара моментально была разбита. Сэнфорд попытался в спешке вырулить на дорогу, но даже не посмотрел, куда едет, и в результате вместо

шюссе оказался на вспаханной лужайке и забуксовал в рыхлом грунте.

Один из террористов рванулся наперерез «доджу», и тут же очутился под колесами. Чарльзу удалось подстрелить еще двоих. Некоторые уже перестали обращать внимание на машину и стреляли теперь исключительно в сторону пленницы. Наконец мощный «додж» выбрался с лужайки на дорогу, ведущую прочь от этого страшного места.

Но в этот момент один из нападавших вставил в винтовку запасной магазин и через лобовое стекло в упор застрелил жену Сэнфорда. Берман в ужасе закричал и пригнулся. Сидевшие сзади Софи и Бен Харрис тоже в страхе согнулись, закрыв лица руками, и прижались друг к другу.

Сэнфорд подумал, что все же сумеет выбраться. Он почти уже доехал до мостика через ручей Карсон, как вдруг из густого кустарника навстречу ему вышла целая группа бандитов во главе с полковником Мао. Они сразу же открыли огонь, и через считанные секунды тела Сэнфорда и всех его пассажиров превратились в сущее решето. Машина потеряла управление, на скорости врезалась в перила моста и от удара взорвалась. Автомобиль горел, пламя лизало трупы Берманов, Софи и Бена, а террористы все продолжали стрелять.

Взрыв и пламя отвлекли внимание тех, кто обстреливал сейчас Марка и Чарльза. Они сразу же потеряли всякий интерес к своим жертвам и медленно побрели в сторону огромного ярко-желтого костра, который интересовал их гораздо сильнее, чем ведущийся из-за дров автоматный огонь по их головам.

Оставшиеся на лужайке террористы начали палить по автомобилям на стоянке. Может быть, чтобы отомстить тем, кто успел все-таки уехать, а может, им просто хотелось иметь под боком такой же красивый и яркий костер, как тот, у моста. Этим и воспользовались Марк с Чарльзом, тихо скрывшись в угольном люке.

Глава двадцать четвертая

После неудачной попытки бегства двух супружеских пар Уолшам и Пирсонам предстояло решить, каким образом теперь лучше всего спастись. Смерть Харрисов и Берманов повергла их почти в полное отчаяние. Они были шокированы и не знали, что предпринять в следующую минуту. Маленькая Джейни ни о чем их не расспраши-

вала: ей было страшно узнавать подробности этой трагедии. Она, как кукла, сидела возле своего отца и даже не шевелилась.

Чарльз еще раз осмотрел Джорджа Стоуна. Тот все еще был без сознания, его сильно лихорадило, а на лбу выступали крупные капли пота. Припухлость и синева вокруг ранки не проходили, а, наоборот, расплзались дальше по телу. Ведь змеиный яд обладает способностью не только убивать жертву. Как известно, змеи заглатывают свою добычу целиком, вместе с костями, и для того чтобы помочь процессу пищеварения, в состав их яда входят специальные мощные ферменты, которые размягчают съеденную плоть и делают ее удобоваримой. И с этим тоже борется противоядие, защищая внутренние органы и кровеносные сосуды пораженного от своеобразного «переваривания» под действием попавшего в его организм яда.

— С папой все будет в порядке? — дрожащим голосом спросила Джейни.

— Да, я думаю, все обойдется, — ответил Чарльз. — Он у тебя сильный и крепкий. Если бы противоядие не действовало, то он... его бы уже не было в живых. Я думаю, он поправится, но точно мы это узнаем только завтра.

И снова Чарльз про себя подумал, что Джордж просто чудом остался жив: отравленная стрела прошла через мышцы, ударилась в кость и не проникла дальше. А если бы яд из нее попал в какой-нибудь крупный сосуд, то смерть наступила бы почти мгновенно. Сразу бы произошел разрыв сердца от попадания в него сгустков свернувшейся под действием яда крови.

Джейни Стоун продолжала молиться за отца. А еще она молилась за души своей матери и бабушки, и за душу несчастного Блэки, хотя в церкви ей говорили, что у собак нет бессмертной души. Но она хотела, чтобы это оказалось неправдой, и на том свете, в другой жизни, она снова была бы вместе со своей семьей и любимой собакой. Трагедия, которую ей пришлось пережить, привела к тому, что Джейни стала даже сильнее, чем раньше, надеяться на Бога и на молитву, хотя это и не приблизило ее к церкви. Теперь она серьезно сомневалась, что когда-нибудь в дальнейшем будет относиться с уважением ко всяким церемониям со змеями и тем более верить в то, что эти обряды завещаны Всевышним.

С помощью фонендоскопа и прибора для измерения давления крови Чарльз обследовал и генерала Кинтея.

Чтобы измерить давление, Уолшу пришлось закатать рукав его гимнастерки, на котором была эмблема с изображением змеи. Он хотел это сделать и раньше, но считал малодушным стремление избавиться от какой-то картинки. Теперь же у него был вполне обоснованный предлог сделать это. Руководитель террористов находился в состоянии комы, вызванной обширным поражением мозга в результате кислородного голодания и, возможно, удара, который он получил при падении самолета. Когда Чарльз вынул кляп изо рта Кинтея, тот начал бормотать что-то о фашистских свиньях, об огне свободы и о глубокой любви ко всем угнетенным народам. Чарльз мог бы сделать ему укол морфия, чтобы заставить его замолчать, а не затыкать рот кляпом; однако любое успокоительное средство, вводимое человеку в состоянии комы, могло легко привести к его смерти. Вместо этого Чарльз снова вставил Кинтею кляп, но на этот раз не совсем плотно. Теперь он мог свободно дышать, но бормотать был уже не в состоянии.

— Почему мы так стараемся сохранить ему жизнь? — удивлялся Марк. — Нам ведь нет от него ни малейшей пользы, да и сам себе он уже не нужен.

— Я не могу дать ему умереть, — ответил Чарльз. — Одно дело — убивать в целях самозащиты или для того, чтобы выжить самим, но совсем другое — умерщвление человека, который совершенно беспомощен и ни для кого не представляет опасности.

— А-а-а, понимаю... Клятва Гиппократа и все такое, — тихо проворчал Марк. — Но я не так уж уверен, что этот Кинтей сейчас не представляет опасности даже в своем теперешнем состоянии. В каком-то смысле он обладает даже большей силой... как святой великомученик.

— Может быть, ты и прав, — согласился Чарльз. — Ведь, кроме проявлений ярости и агрессивности, комплекс рептилии управляет также и ритуальным поведением. Вот почему террористы действуют, как роботы, автоматически выполняя заложенные в них рефлексy. Такие, как бесконечная перезарядка оружия и стрельба.

— При чем стрельба именно по нам, потому что мы отобрали у них главаря, — заметил Марк. — А если бы мы вернули им их Кинтея, они, возможно, и оставили бы нас в покое.

— Сомневаюсь, — покачал головой Чарльз. — Я все размышляю о том, как ведут себя пресмыкающиеся. Как только они выбрали себе жертву, они как бы приковываются к ней. Они должны довести до конца то, что на-

чали, и не уйдут до тех пор, пока их цель не будет достигнута. Получается так, что они как бы забывают истинную причину своего враждебного чувства, она для них становится уже несущественной. Главное — это ярость и ее утоление.

Хитэр, сидящую рядом с Марком на ступеньках подвальной лестницы, всю передернуло.

— Значит, по-вашему выходит, что наше положение уже безнадежно? — спросила она. — Раз эти животные не остановятся, пока всех нас не перебьют...

— Но мы можем применить нашу прежнюю тактику выживания, — предложил Марк. — И мы должны вернуться к ней до того, как им надоест смотреть на наши горящие машины, и они начнут врываться сюда через окна. Солнце взойдет уже часа через три. Это не так уж и много. И я все же верю, что рано или поздно помощь придет. К тому же сейчас мы вооружены гораздо лучше, чем раньше. И у нас достаточно людей, чтобы выставить охрану у тех же четырех окон, а в случае крайней необходимости мы всегда можем уйти в подвал.

— Ты хочешь оставить Джейни внизу одну с отцом и этим Кинтеем? — с неодобрением спросила Хитэр.

— Но ведь люк в подвал будет открыт, — ответил Марк. — Таким образом, если что-то случится, она в любой момент сможет позвать на помощь. Мы все сразу прибежим сюда и быстро закроем люк, если так будет нужно.

Анита в отчаянии покачала головой. Она все думала о передаче последних известий по радио в три часа утра. Из окна гостиной ей было видно, как взрываются и горят машины, и уже стало казаться, что они никогда не смогут выбраться из этого дома.

— Простите меня, — произнесла она. — Но я начинаю думать, что помощь все-таки не придет. По радио ничего даже не сообщили об этом. Передавали то же самое, что и раньше, ничего дополнительного.

— Полиция никогда не сообщает всего, что ей известно, — заметил Марк. — Когда они расследуют что-нибудь или пытаются кого-то поймать, то считают, что средствам массовой информации совсем необязательно точно знать обо всем, что ими предпринимается.

— Но сейчас власти не имеют никакого права поступать таким образом, — возразила Хитэр. — Им ведь известно, что у террористов поражен мозг, и они не способны поступать разумно. И в этих условиях полиция как никогда обязана заботиться о безопасности населения. А мы

даже не знаем, предпринимают ли они хоть что-нибудь для защиты невинных людей. Остается только надеяться, что о нас не забыли, и ждать помощи, как у моря погоды.

— Мне кажется, я уже начинаю терять всякую веру,— грустно сказала Анита.— Я слышала о многих случаях, когда полиция делала либо неправильные шаги, либо вообще бездействовала. И думаю, что в нынешних обстоятельствах нам надо полагаться исключительно на себя и не рассчитывать ни на кого другого.

— И все же мы должны верить, что помощь придет,— настаивал Марк.— Ведь если она не придет, мы же не сможем оставаться здесь бесконечно...

Чарльзу Уолшу претила мысль оставлять поместье на милость террористов. Он слишком любил это место. Хотя имение и было уже сильно разрушено, его все же можно еще было восстановить. Стены легко оштукатурить заново, старинную мебель тоже можно постепенно собрать, не смотря ни на какие расходы. Но если в отсутствие защитников в дом полетят десятки гранат и бутылок с зажигательной смесью...

Однако Чарльз не хотел жертвовать новыми человеческими жизнями ради сохранения своей недвижимости. К тому же он уже не был уверен, что в дальнейшем они будут здесь в безопасности. А человеческую жизнь он ценил все-таки выше любого дома или усадьбы, как бы они ни были ему дороги и милы. И если бы он думал иначе, то ничем не отличался бы от этих существ с поврежденным мозгом и животным стремлением сражаться насмерть за захват чужой территории.

— А что, если нам уйти куда-нибудь в другое место? — задумчиво произнес Чарльз.— Если бы нам удалось найти себе другое убежище, где было бы легче защищаться...

— Куда там! — с горечью воскликнул Марк. В его голосе звучало явное неверие в возможность такой операции.

— Мне и самому хотелось знать, куда,— упавшим голосом произнес Чарльз. Подобрал свой автомат и закинув его за плечо, он продолжал рассуждать вслух.— Можно сделать попытку выбраться отсюда... Мы ведь уже пробовали, и все проходило удачно. Только теперь надо сделать иначе. Нам придется пройти через их расположение, Марк. Примерно так же, как мы с тобой делали это, чтобы захватить оружие... — Он оборвал свою речь и покачал головой.— Но всем нам придется идти пешком... И к тому

же на этот раз нас в стане врага будет уже гораздо больше... И куда же мы побежим?..

— Джордж Стоун не может идти. Тем более бежать,— напомнила им Анита.— Даже если бы у нас было, где спрятаться, нам пришлось бы нести его туда на себе, а это нам не под силу.

— Мы можем уйти в пещеру на вершине скалы,— вмешалась в разговор Джейни Стоун.

Четверо взрослых повернулись к девочке и внимательно посмотрели на нее.

— Вы же помните эту пещеру, доктор Чак, доктор Анита. Я вас водила туда два года назад... Помните, мы ходили гулять и устраивали там пикник?..

Глава двадцать пятая

Пригнувшись возле штабеля дров, Марк и Чарльз держали наготове свои автоматы, а Анита, Хитэр и Джейни, выбравшись из дома через угольный люк, осторожно ползли к ним. Большая часть террористов, ранее находившаяся по эту сторону дома, теперь перекочевала на лужайку перед верандой, привлеченная ярким светом пылающих машин. Казалось, все шло хорошо, но в этот самый момент из темноты вынырнула высокая фигура бандита и, пошатываясь, направилась к ползущим женщинам. Чарльз готов уже был открыть огонь, но Марк остановил его, потянув за рукав. Почуввав опасность, женщины замерли, прижавшись к земле. Им было видно, как Марк осторожно подкрался к террористу сзади и ударом приклада по голове сбил его с ног. Затем в руках Марка блеснула сталь штык-ножа и раздались булькающие звуки: он перерезал противнику горло. Хитэр чуть не стошнило от этого зрелища. Но она совладала с собой и медленно поползла вслед за Анитой и Джейни вперед к пленнице.

После коротких объятий, последовавших за благополучным прибытием женщин в это относительно безопасное место, мужчины передали женам свои автоматы. Теперь уже Анита и Хитэр прикрывали Марка и Чарльза, пока те ползли к дому, чтобы принести оттуда Джорджа Стоуна и генерала Кинтея. Из двух обнаруженных в подвале легких алюминиевых кресел были сооружены некие подобия носилок. Однако не было никакой возможности протащить их вместе с ношей через узкое отверстие угольного люка. Поэтому Марку и Чарльзу пришлось выносить по одному Стоуна и Кинтея через кухонную дверь. Но для этого надо было тихо и осторожно отодвинуть в сторону

огромный холодильник, которым она была забаррикадирована. Однако, как они ни старались, сделать это совсем бесшумно им не удавалось. Из-за штабеля дров Анита, Хитэр и Джейни с тревогой прислушивались к тому, что творилось на кухне. Каждый стук или скрип, доносившийся оттуда, заставлял их испуганно вздрагивать. Наконец двери кухни широко распахнулись. Из нее показались Марк и Чарльз. Бесшумными шагами, пригнувшись, они направились к поленнице с Джорджем Стоуном на носилках.

— Оставьте Кинтея там,— шепнула мужу Хитэр.— Не ходите за ним, это слишком опасно.

— Нет, мы должны идти,— возразил Марк.— Не забывай, что у нас в отношении него есть особые планы... Теперь он на нашей стороне, хотя и сам еще не знает об этом.

Не обращая внимания на опасения женщин, Марк и Чарльз снова отправились в дом. К счастью, им не встретился ни один террорист, и они смогли благополучно доставить на вторых носилках Кинтея. После небольшой передышки все кратчайшим путем направились к лесу. Анита и Хитэр несли Джорджа Стоуна, а Марк с Чарльзом — более тяжелого Кинтея. Скрываясь в тени деревьев, они без приключений обошли открытое место, на котором стояла усадьба. Затем под прикрытием автоматов, которые держали Анита и Хитэр, мужчины волоком оттащили самодельные носилки с телом Кинтея к развесистой плакучей иве, растущей на полпути между складом дров и мостом, возле которого еще дымилась машина Берманов. Густая листва дерева давала непроницаемо-плотную тень.

— Пора заставить генерала работать на нас,— прошептал Марк.— Пусть он передаст нам важное сообщение.

Чарльзу эта грубая шутка не показалась смешной. «Сообщение», о котором говорил Марк, означало смерть. Чарльз с тревогой смотрел на Пирсона, который закладывал под неподвижное тело Кинтея пять мощных осколочных гранат.

— Я думаю, они передадут сигнал громко и четко,— произнес наконец Марк, покончив с минированием.

Затем мужчины отползли назад в лес и там присоединились к своим женам.

Но они не заметили по дороге притаившегося за деревом террориста с арбалетом. Его оружие было заряжено новой стрелой, начиненной змеиным ядом. Ведомый охот-

ничьим инстинктом, он ничем пока не выдавал своего присутствия и терпеливо ждал, когда Чарльз, Марк, Анита и Хитэр скроются в густой листве и там почувствуют себя в сравнительной безопасности. Затем он стал осторожно красться за ними, пока беглецы не достигли того места, где их ждала Джейни со своим раненым отцом. Здесь, спрятавшись за кустом, террорист натянул тетиву и прицелился в одного из мужчин. Раздался звенящий звук лопнувшей струны и вслед за ним — громкий стук. Металлическая стрела воткнулась в дерево как раз в тот момент, когда Марк наклонился, чтобы поднять с земли носилки.

Хитэр быстро обернулась и уже готова была открыть огонь по бандиту, который, не торопясь, доставал очередную стрелу, чтобы перезарядить арбалет.

— Нет! Не надо! — зашипел Чарльз.

Опасаясь, что выстрелы привлекут сюда других убийц, он бросился вперед, стараясь быстро и бесшумно покрыть те двадцать футов, которые отделяли его от стрелка.

Террорист в это время уже зарядил арбалет, и теперь все его внимание было приковано к цели. Чарльз набросился на него, как защитник в регби на нападающего. Он часто видел такую сценку по телевизору, когда смотрел спортивные передачи, хотя сам играл только в обычный футбол. Террорист застонал и, с шумом выпустив воздух, тяжело грохнулся на землю. Чарльз уже сидел на нем верхом. Издавая громкие стоны, арбалетчик пытался защититься от нападающего руками, но Чарльз сильным ударом локтя сломал ему переносицу. Затем он сдавил пальцами горло бандита и начал душить его. Он сообразил, что разбитый нос террориста облегчит ему эту задачу. Тем временем Марк нашел крупный булыжник и ударил им бандита по голове. Теперь тот лежал без движения, его голова и лицо представляли собой сплошное кровавое месиво, но Чарльз еще некоторое время продолжал сдавливать горло.

— Хватит, — прошептал Марк, оттаскивая Чарльза. — Надо быстрее убираться отсюда, пока не подоспели другие.

Марк и Чарльз поудобнее уложили Джорджа Стоуна на импровизированные носилки, стараясь не причинять ему издишнего беспокойства, чтобы тот не стонал.

Впереди всех шла Анита со своим «Узи», за ней — Джейни, а Хитэр со вторым автоматом замыкала шествие. Группа отошла уже от усадьбы на довольно значительное расстояние, когда путники решили наконец приблизиться

к ручью Карсон и при ярком свете луны перейти его вброд. На другой стороне ручья они сделали короткий привал в тени высоких старых деревьев. Мужчины порядком устали от тяжести Джорджа Стоуна, который был крупным и грузным. Женщинам, включая Джейни, пришлось нести всю взятую с собой утварь, съестные припасы и оружие.

Но террорист с арбалетом не умер. От удара по голове он получил лишь сотрясение мозга, однако этот удар не оказался для него смертельным. Чарльз тоже душил его недостаточно долго. Получилось так, что тем частям его мозга, которые все еще функционировали, не требовалось большого количества кислорода, так как главные группы клеток, потребляющие его, давно уже не работали. Когда сознание вернулось к нему, несмотря на сильную боль, в нем возродился реликтовый инстинкт преследователя, жажда мести вспыхнула с новой силой. Он подобрал свой арбалет и, оставляя на земле кровавые пятна, двинулся по лесу вслед за группой людей, внимательно приглядываясь к их следам и прислушиваясь к звукам голосов.

Однако те, кого он преследовал, боялись делать длинные передышки. Немного отдохнув, они каждый раз быстро брали свою ношу и шли дальше, с трудом поднимаясь по крутой каменистой тропе. Наконец они подошли к подножию скалы. Здесь надо было отдохнуть уже как следует, чтобы набраться сил для последнего, самого трудного подъема.

— Это отличное место,— заметил Марк.— Никто и на выстрел не сможет подойти к нам, если мы сами этого не захотим. А достать нас можно будет разве что с помощью пушек или вертолетов, а их у бандитов нет.

Новое убежище состояло из скалистого утеса высотой около восьмидесяти метров, небольшой площадки и пещеры. К пещере по правому склону горы вела узкая тропка, извивающаяся между огромными валунами и отколовшимися глыбами известняка. Местами она была настолько узкой, что для того, чтобы пройти дальше, носилки приходилось сильно наклонять, причиняя этим большие неудобства Джорджу Стоуну. Добравшись до вершины, измученные путники расположились в пещере и приготовились к обороне. Наступало утро.

Террорист с арбалетом упорно шел по их следу. На какое-то время, у речки, он сбился с пути, но, перейдя ее вброд, через несколько минут вновь обнаружил на другом берегу следы беглецов.

С наступлением рассвета четыре вертолета Спенсера сделали несколько кругов над покрытыми густым лесом горами. Затем они приземлились неподалеку от разбитого бескрылого Боинга, напоминавшего теперь своей формой алюминиевый футляр от сигары.

Одетые в камуфляжи, бойцы ФБР из группы захвата вышли из вертолетов и в полной боевой готовности приблизились к самолету. Эти меры предосторожности были приняты на тот случай, если некоторые террористы вернутся ночью к месту крушения. Спенсер очень надеялся, что так все и будет. С этой целью он умышленно не оставил у разбитого самолета охраны, сделав из него капкан для бандитов. Он считал, что кое-кто из «змеенышей» обязательно вернется ночью в свою нору.

Однако ничего подобного не произошло, самолет был по-прежнему пуст. Об этом Джиму Спенсеру и Сэму Бернарди сообщил командир одной из четырех ударных групп.

Спенсер отдал приказ командирам остальных групп вывести своих людей из укрытий и начать прочесывание окружающего леса и полосы отчуждения в поисках следов террористов и их заложников, выпрыгнувших из самолета. Бойцы из группы захвата знали, что им надо искать: пятна засохшей крови, клочки ткани и предметы одежды, брошенное оружие, боеприпасы, человеческие следы и экспременты, сломанные ветки, а также погибших или раненых, которые были не в состоянии далеко уйти от самолета.

У Сэма Бернарди не было в этой операции определенных задач, поскольку его официальным заданием было управление транспортным самолетом, который находился сейчас на аэродроме в Шарлотсвилле. Но для пользы самого же Спенсера Бернарди притворился его союзником, готовым активно поддерживать все начинания Джима. Он не хотел, чтобы Спенсер запретил ему участие в операции, но одновременно отклонил его предложение вооружиться автоматом и имел при себе только табельный пистолет.

Спенсер, как всегда, курил одну сигарету за другой. Глаза его блеснули от усталости и злости в ожидании новых событий. Он имел при себе пистолет, автомат, карманную рацию, противогаз и четыре гранаты. Накануне вечером Спенсер попытался из Ричмонда дозвониться до дочери. Ответа не было. В четыре утра он снова набрал номер и выслушал двадцать гудков. Но трубку так никто и не поднял. Джим с негодованием думал, чем же, черт

возьми, может заниматься Кэролайн в такой час. И вдруг он спросил себя: а не плюнуть ли ему на все это прямо сейчас? Какое, к дьяволу, это имеет теперь значение?

Бернарди искренне пытался успокоить его. Ведь Сэму и раньше уже приходилось видеть в глазах людей жажду крови. Такое нередко случалось в бою во время войны. А Спенсер уже один раз сорвался, когда пристрелил в самолете больного заложника, занимавшегося мастурбацией. И кто после этого мог сказать, как далеко еще он способен зайти. Казалось, что Спенсер готов стрелять в каждого, кто встанет на его пути.

— Нам нужно всего лишь взять их в плен,— убеждал его Бернарди.— Переловить всех террористов и их заложников. Нашу версию о том, что случилось, никто не станет оспаривать.

— Если только у кого-нибудь из них мозги не окажутся не совсем поврежденными,— сухо ответил Спенсер.

— Это каким же образом? — удивленно спросил Сэм, надеясь, что Спенсер не сможет логично ответить на этот вопрос.

— Не знаю. Может, кому-то повезло, и он нашел в самолете воздух. Какой-нибудь запасной баллон с кислородом...

— Джим, я в этом очень сомневаюсь,— скептически скривился Бернарди.

— Посмотрим. Но я не хочу оставлять ни одного свидетеля, который может связно рассказать о том, что произошло на борту. И директор ФБР согласен со мной. Я разговаривал с ним вчера вечером. Он желает, чтобы крышка на этом деле закрылась как можно плотнее.

В поместье Карсон несколько террористов обнаружили удивительную вещь: генерал Кинтей снова оказался в их рядах. Поднимающееся над горизонтом солнце ярко осветило его. Он с закрытыми глазами лежал на спине под деревом. Преданные своему вождю, они собрались вокруг его тела, которое покоилось на земле со связанными руками и ногами. Террористы о чем-то бормотали между собой, издавая негромкие булькающие звуки. Их подходило все больше и больше.

Наконец к телу своего любовника подошла и полковник Мао. Стоявшие рядом расступились и дали ей дорогу. Она опустилась на колени рядом с Кинтеем, раздумывая о том, мертв он или нет. Но ее поврежденный мозг отказывался верить в возможность смерти такого великого человека.

Остальные лишь бормотали и вздыхали, ожидая, что она первая что-то предпримет.

Мао решила, что надо положить генерала так, чтобы он выглядел более живым и не таким уж беспомощным. Этим она пыталась вновь придать ему ту притягательную силу, о которой сама теперь вспоминала лишь смутно.

Она наклонилась к нему, чтобы развязать его руки, и приподняла за плечо. И тут увидела гранаты, от которых сразу же отскочили детонационные планки, которые до этого удерживались телом Кинтея.

Мао так и не смогла до конца осознать, какую злую шутку сыграли с ней, однако инстинктивно почувствовала, что ей что-то угрожает.

Но в этот момент гранаты взорвались, и вся ее напряженная умственная работа окончилась.

Из пещеры на скале доктор Чарльз Уолш услышал отдаленный взрыв и, понимая, что произошло, устыдился своего поступка. Он ведь сделал Кинтею укол морфия с тем, чтобы тот лежал тихо и его тело можно было превратить в эту мину-ловушку. Таким образом он, врач, лишил жизни беспомощного человека.

— Итак, послание нами получено, — с удовольствием отметил Марк Пирсон. — Я надеюсь, что большинство своих товарищей по борьбе Кинтей только что унес с собой в вечность или куда там уходят эти атеисты-коммунисты. Теперь противников у нас осталось гораздо меньше.

И это на самом деле было так. Однако Чарльз все равно чувствовал себя виноватым в том, что согласился с предложением Марка использовать находящегося в бессознательном состоянии Кинтея в качестве бомбы замедленного действия.

Ведь он был врач и он давал клятву, что будет только лечить больных и раненых, а не убивать их, когда они не смогут защитить себя, независимо от того, какие преступления они совершили, будучи здоровыми.

Когда они приняли решение попытаться уйти в пещеру на вершине скалы, Марк сказал:

— Мы не сможем нести через лес двоих. И на Кинтея и на Джорджа Стоуна у нас просто не хватит физических сил. Так почему бы нам в таком случае не заставить Кинтея перейти, так сказать, на нашу сторону? Я думаю, мы сумеем «убедить» его разыграть для нас самопожертвование.

Слушая, как Марк излагал свою идею, Чарльз вовсе не был этим шокирован — в тот момент он не был так реши-

тельно предан своим врачебным принципам, как теперь. Выразив лишь формальный протест, он капитулировал перед железным доводом Марка, что им еще придется вести борьбу за то, чтобы выбраться из пещеры, даже если удастся благополучно добраться туда. Ведь помощь может и не прийти. И тогда террористы начнут подкрадываться к осажденным, как змеи, ползущие за своей добычей. И если сейчас появилась хоть какая-то возможность уничтожить некоторых из них, то это будет для спасающихся только на пользу.

Чарльз сделал тогда Кинтею щедрую инъекцию морфия и тем самым способствовал созданию смертельной ловушки с живым человеком в качестве приманки. Нет, он вовсе не был уверен в том, что его самым истинным и искренним побуждением является чувство самосохранения или мести. Возможно, он просто хотел, чтобы Кинтей заплатил своей жизнью за разрушение поместья Карсон, и таким образом без суда и следствия приговорил его к смерти. Однако Чарльза сильно удивило, что последователям Кинтея потребовалось так много времени, чтобы обнаружить его тело и привести приговор в исполнение. Хотя именно в этом и заключалась вся суть плана: его специально положили в тени дерева, чтобы террористы могли обнаружить его только тогда, когда лучи солнца пробьются сквозь густую листву этой старой плакучей ивы.

Сначала Чарльз и все остальные, находившиеся с ним на скале, слышали звук вертолетов, доносившийся откуда-то с запада. А после этого раздался обвалный грохот взорвавшихся гранат.

— А что случилось с вертолетами? — встревоженно спросила через минуту Хитэр. — Почему их больше не слышно? Они что, улетели?

В ее голосе звучало отчаяние. Она так не хотела терять надежду на спасение.

— Нет, они, должно быть, совершили где-то посадку, — сказал Марк, успокаивая ее. — Я думаю, что они сейчас проверяют то место, где упал самолет. А потом начнут прочесывать окрестности в поисках террористов.

— А что, если они примут нас за террористов, когда найдут здесь? — спросила Анита. — Если, конечно, найдут. Они ведь могут и не долететь до этих мест.

— Рано или поздно обязательно долетят, — уверенно произнес Марк. — Но тем не менее вы совершенно правы. Мы должны быть крайне осторожными. Ни в коем случае не следует выскакивать им навстречу, размахивая оружием.

— Надо выставить белый флаг,—предложил Чарльз.— Я сниму свою рубашку и привяжу ее к палке.

Пока они тихо переговаривались в надежде вновь услышать шум вертолетов, террористу с арбалетом удалось найти дорогу к скале. Он слышал голоса, раздававшиеся откуда-то сверху. Но, выглянув из своего укрытия, никого не увидел. С того места, где он находился, был очень плохой обзор, поэтому он ничего и не смог заметить. Не обращая внимания на кровь, капающую из разбитого носа и раны на голове, он, крадучись, обошел открытое место, стараясь не попасть в поле зрения людей, затем приблизился к горной тропе и начал медленно подниматься по ней.

Едва Джим Спенсер услышал взрыв заложенных под Кинтея гранат, как тут же отдал бойцам группы захвата приказ срочно грузиться в вертолеты и начинать поиск с воздуха в направлении услышанного взрыва. В командирском вертолете Спенсер сел рядом с Сэмом Бернарди и стал с интересом изучать карту этого лесистого района. Судя по карте, старое поместье Карсон находилось всего лишь в трех милях от места крушения Боинга-747, и путь по воздуху туда не занял у них много времени.

— Вон они! — закричал вдруг пилот вертолета.— Похоже, их там человек двадцать пять или тридцать.

— Похоже,—с удовольствием отметил Спенсер.— Судя по карте, это самое поместье Карсон — единственное место в округе, которое может привлечь чье-то внимание.

Спенсер отдал по радио приказ трем остальным вертолетам отлететь назад и зависнуть над лесом, чтобы не привлечь раньше времени внимание террористов. Он все еще считал, что они способны мыслить достаточно ясно и испугаются внезапного появления боевых машин. Тем временем командирский вертолет описал плавный круг над территорией поместья. Спенсер и Бернарди увидели внизу сожженные машины, мертвые тела и убитых лошадей. Они обратили также внимание на странное поведение людей, окруживших полуразрушенное здание усадьбы. Эти люди были похожи на безмозглых роботов, некоторые имели при себе оружие, другие — нет. Кое-кто из них с явным безразличием посмотрел на вертолет, когда тот медленно пролетал над их головами, но большинство по-прежнему не отрывало взглядов от дома, словно эта усадьба гипнотизировала их.

— Похоже, там кто-то очень умело держит их на расстоянии,— заметил Сэм Бернарди.

Но Спенсер даже не обратил внимания на эти слова. И тогда Бернарди понял, что ему вовсе не хочется, чтобы кто-нибудь из владельцев усадьбы еще остался в живых. Вот если бы все до одного погибли, то никто бы уже не стал ставить под сомнение отчет ФБР о проведенной им операции.

Из своего вертолета Спенсер по радиации отдал остальным экипажам приказ, чтобы те заняли позиции на трех других сторонах поместья, еще не прикрытых с воздуха. Таким образом вся зона атаки была разбита на четыре квадрата. Но вертолеты не приземлялись. Вместо этого они по сигналу Спенсера приблизились к усадьбе и с бреющего полета открыли пулеметный огонь, причем каждый вертолет вел сосредоточенный обстрел своего квадрата.

Некоторые из солдат Зеленой бригады пытались стрелять в ответ, но их вялая, беспомощная реакция не шла ни в какое сравнение с массированным методичным обстрелом из крупнокалиберных пулеметов, установленных на мощных боевых машинах. Вертолеты продолжали кружить над поместьем, поливая его свинцовым дождем и превращая свои живые мишени в бесформенные куски мяса.

Сверху воздушные стрелки не могли отличить террористов от их бывших заложников. Они просто беспрестанно нажимали на гашетки своих пулеметов.

У Сэма Бернарди эта бойня вызвала резкое отвращение и даже тошноту. Он чувствовал, насколько она безнравственна, и понимал, что в ней не было никакой необходимости. Он согласился принять участие в этой операции, так как думал, что она будет проходить на земле, где он сможет оказать свою посильную помощь в спасении невинных людей. Но здесь, в воздухе, он ничем не мог им помочь. И от этого ощущал такую же гнетущую безысходность, как и тогда, во Вьетнаме, когда перед его глазами расстреливали в упор беззащитных детей и женщин. Он не видел причин, мешающих захватить этих людей в плен. Достаточно было сбросить на землю несколько емкостей со слезоточивым газом, нейтрализовать этим террористов, а потом приземлиться и подобрать их и бывших заложников. Но, очевидно, Джим Спенсер не хотел этим заниматься.

Когда три бывших заложника забежали в конюшню, ища там спасения, Спенсер приказал накрыть ее зажигательными бомбами. Такая же участь постигла и двух одетых в форму Зеленой бригады мужчин, которые пытались

спрятаться в старом домике, где когда-то давно находилась кухня. Оба эти здания были полностью уничтожены огнем, а выскочившие из них объятые пламенем люди были тут же расстреляны из пулеметов.

Но несмотря на обрушившийся на территорию усадьбы ураганный огонь, дюжине людей из числа террористов и бывших заложников все же удалось уйти в лес. Заметив это, Спенсер приказал всем вертолетам срочно сесть, чтобы бойцы смогли догнать и пристрелить убежавших.

Как только вертолеты опустились на землю, а их винты еще не успели остановиться, из-за груды рассыпавшихся дров выскочили двое безоружных. Казалось, что шум авиационных двигателей в такой близости испугал их сильнее, чем пули. Они быстро подбежали к заднему крыльцу и скрылись в двери, ведущей на кухню. Никто из бойцов не успел даже как следует прицелиться в них. Спенсер отправил группу солдат на преследование убежавших в лес, а сам с оставшимися тридцатью бойцами окружил здание усадьбы, в котором было, на удивление, спокойно и тихо.

— Всем выходить! — рявкнул Спенсер. — Здесь ФБР. Бросьте оружие и выходите с поднятыми руками!

Сэм Бернарди обратил внимание на то, как нервно тот сжимает свой автомат.

— Джим, — предупредил он Спенсера, — мы же не знаем, кто может быть в этом доме. Может быть, там находятся вполне нормальные люди.

Но Спенсер снова закричал:

— Здесь ФБР! Всем бросить оружие и выходить с поднятыми руками!

Ответа не последовало. Стояла мертвая тишина.

— Джим, дайте мне пару своих ребят, и я войду с ними в дом, — предложил Бернарди. — Доверьте это мне. Обещаю вам вернуться сюда с головами мертвых преступников.

— Там их может быть больше, чем вы думаете, — угрюмо отрезал Спенсер.

Из леса неслись автоматные очереди. Очевидно, бойцам удалось настичь беглецов. Но казалось, что это лишь подстегнуло Спенсера.

— Я уничтожу этот дом, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Слишком опасно заходить внутрь, чтобы выкурить их оттуда. Мы просто откроем по дому огонь из всех средств, которые у нас есть, и сровняем его с землей!

— А что, если там прячутся невинные люди? — снова спросил Бернарди. — Может быть, там есть раненые, например, в бессознательном состоянии, или те, кто под дулом оружия просто боится попросить о помощи?

— Я же кричал им, чтобы они выходили! — взорвался Спенсер. — Я дал им шанс. Даже два шанса.

Бернарди, память которого живо хранила еще картины заживо сожженных в соломенных хижинах Южного Вьетнама, теперь с ужасом видел, что Спенсер так и горит желанием открыть по усадьбе Карсон огонь из пулеметов, гранатометов и минометов. После такой атаки в доме в живых не останется ни одного человека, а само это поместье превратится в груды руин, объятых пламенем и дымом.

— А почему бы нам не попробовать слезоточивый газ? — предложил он Спенсеру. — Если с ним ничего не получится, тогда можно будет открыть по зданию огонь.

Спенсер смерил Сэма пристальным взглядом и криво ухмыльнулся. В глазах его блеснул огонек презрения, будто такая щепетильность Бернарди только забавляла его.

— Хорошо, — ответил он, — давайте устроим там суматоху. Попробуем выкурить тараканов.

Он отдал приказ гранатометчикам дать по окнам дома залп гранатами со слезоточивым газом. Разбив остатки стекол, чудом уцелевших после нашествия террористов, гранаты с шипением и хлопками рвались в комнатах, выпуская едкий и удушливый газ. Затем послышалась возня и звуки громкого кашля и рвоты.

Солдаты, окружившие дом, направили оружие на входные двери. Нерешительно сжимая свой пистолет, Бернарди посмотрел на Спенсера. Глаза командира превратились в две узкие щелки. Взгляд его был прикован к кухонной двери, руки крепко сжимали автомат. Он был готов в любой момент открыть огонь.

Из здания послышался душераздирающий вопль. Затем из заднего окна вылетел деревянный стул, а вслед за ним на траву упало человеческое тело. Это был пожилой мужчина в гражданской одежде, лицо и руки его были изрезаны, по белой рубашке струилась кровь. Он с трудом поднялся на ноги и, продолжая кашлять, вытянул вперед перед собой руки, так как был ослеплен слезоточивым газом. В тот же момент из двери, ведущей на кухню, вышла, пошатываясь, молодая женщина и оперлась о перила

заднего крыльца. Она стонала. Вся ее кофточка была покрыта рвотной массой.

— Подожди! — закричал Бернарди.

Но Джим Спенсер уже нажал на курок. Силой автоматного огня мужчину и женщину на какой-то момент подбросило в воздух, после чего они тяжело рухнули на землю.

— Боже мой! — прокричал Бернарди, глядя на изрешеченные пулями окровавленные тела. — Боже мой, Спенсер! Ты даже не пытался узнать, в кого стреляешь!

Находившиеся на скале возле входа в пещеру беглецы из усадьбы Карсон напряженно прислушивались к пулеметной стрельбе, которую вели окружившие дом солдаты Спенсера, и эта стрельба казалась им музыкой спасения.

Джейни Стоун свернулась в комочек и вся дрожала, прижавшись к Аните Уолш.

— Не надо больше бояться, милая, — успокаивала ее Анита. — Ты слышишь? Сюда идут люди, чтобы спасти нас. Скоро мы сможем отвезти твоего папу в больницу.

Накрытый одеялом Джордж Стоун спал тяжелым сном после укола морфия, который сделала ему Анита, чтобы облегчить острую боль.

Чарльз Уолш осматривал окрестности, направив бинокль в сторону усадьбы, но за высокими деревьями не смог разглядеть возле дома никакого движения. Единственное, что он заметил — это поднимающиеся над лесом клубы черного дыма. Но он все же надеялся, что там не происходит именно того, чего он так боялся. Однако Чарльз попытался все же мысленно поставить крест на своей усадьбе. Он твердо сказал себе, что потеря собственности не так важна, как то, что удалось спасти хоть несколько человеческих жизней.

Марк и Хитэр Пирсон вели наблюдение из-за валуна, лежавшего на самом верху горной тропы, ведущей к пещере. Марк обнял жену за плечи, и они обменялись долгими взглядами, в которых выразилось все — и предельная усталость, и надежда, и нежность, а потом продолжили внимательно смотреть вперед, сжимая в руках свои автоматы.

Тем временем террорист с арбалетом, о котором находящиеся на скале даже не подозревали, медленно и бесшумно карабкался вверх по извилистой крутой тропинке.

Спенсер посмотрел на Бернарди поверх своего еще дымящегося автомата и улыбнулся. Это была очень неприятная улыбка, граничащая с презрением, а возможно, и с безумием.

— Я не мог не заметить,— начал он, обращаясь к Бернарди,— что ты не стрелял, Сэм. В чем дело? Ты не одобряешь мою тактику?

— Нет, не одобряю,— ответил Бернарди сухим и резким тоном, бросая тем самым открытый вызов всякому бессмысленному убийству, который он сдерживал в себе уже много лет.

— Что же, ты или со мной, или против меня,— холодно произнес Джим Спенсер.— То, что ты добровольно присоединился к нам, еще не дает тебе права уклоняться от грязной работы. Мне не нравится, что твой пистолет — это единственное оружие, которое в нашей операции не стреляет, будто бы ты вообще против ее проведения. Мы все замешаны в этом деле, и каждый должен нести свою долю ответственности. Понятно, Сэм?

Бернарди кивнул, проглатывая подступающую к горлу рвоту. Он понимал, что если открыто откажется выполнить хоть один приказ Спенсера, то ему не выбраться отсюда живым. На деле Спенсер мог даже выстрелить ему в спину, а потом заявить, что Сэм погиб, выполняя служебный долг.

На губах Джима вновь заиграла эта странная злоеющая улыбка. Бернарди готов был поклясться, что ему уже приходилось раньше видеть такой же полуотсутствующий взгляд на лицах командиров, которых не интересовало ничего, кроме количества убитых противников.

— Пойдем со мной, Сэм,— произнес Спенсер со странной веселостью в голосе.— Операция еще не закончена. У тебя еще есть шанс принять в ней участие. И запомни: все, что нам приходится здесь делать,— это не по нашей вине. Все это затеяла Зеленая бригада. Она и виновна во всех убийствах.

Бернарди против воли заставил себя пойти вслед за Спенсером в том направлении, куда скрылись несчастные беглецы с пораженным мозгом. По дороге Спенсер остановил радиста и велел ему передать приказ первой и второй группам погрузиться в вертолеты и продолжить осмотр леса с воздуха. Он также приказал третьей ударной группе вернуться к Боингу и выставить там охрану.

В это время из леса вышел командир четвертой группы и доложил Спенсеру:

— Мы уничтожили всех, сэр. Их было четырнадцать человек, некоторые из них оказались вооружены, другие — нет. Мои люди сейчас тащат сюда их тела. Однако...

— Что — однако?

— Мы обнаружили следы борьбы, которая произошла здесь несколько часов назад. На земле видны пятна засохшей крови. В стволе дерева торчит металлическая стрела от арбалета. Похоже, что кто-то был ранен, но на месте не остался. Я не знаю, есть ли смысл посылать за ним всю мою группу. Он, должно быть, уже чертовски далеко отсюда. И если он выйдет на открытое место, то его гораздо легче будет заметить с воздуха.

— Все равно кто-то должен проверить это, — ответил Спенсер. — Даже если он и погиб в лесу, мы должны знать это наверняка. — Тут он повернулся к Бернарди и посмотрел на него пронизывающим взглядом. — Верно, Сэм?

Бернарди не ответил. Спенсер засмеялся, как будто только что услышал веселую шутку.

— Что я должен делать, сэр? — спросил командир группы.

— Дайте мне вашу рацию. Мы с Сэмом отправимся по следам крови. А вы с вашими людьми заканчивайте подсчет убитых и обеспечьте охрану этого места. Мы не хотим, чтобы гражданские лица и местная полиция совали сюда свой нос.

* * *

Люди, находящиеся на скале, слышали доносившийся с разных сторон гуд вертолетов. Они внимательно следили за просветлевшим утренним небом, но ни одного вертолета не видели.

— Теперь это вопрос времени, — объяснил Марк же-не. — Я уверен, что они ведут систематический поиск. Когда они заканчивают облет одного участка, то переходят к следующему. И в конце концов они обязательно нас найдут.

Чарльз Уолш обнял Аниту и Джейни.

— Теперь все у нас будет в порядке, — с уверенностью сказал он. — Все кончится хорошо.

В правой руке он держал флаг на палке, который сделал, разорвав свою белую рубашку. Как только покажется вертолет, он начнет что есть силы размахивать этим флагом.

Террорист с арбалетом был почти уже на половине пути. Но на этом крутом и трудном подъеме ему едва хватало воздуха, так как спекшаяся в ноздрах кровь мешала нормальному дыханию. Он терял последние остатки рассудка. Но инстинктивно все же чувствовал, что должен двигаться скрытно и осторожно. И поэтому его продвижение вперед к своей жертве было очень и очень медленным.

От того места, где командир четвертой группы показал Спенсеру и Бернарди торчащую из дерева металлическую стрелу и камень с засохшей кровью, они направились по следам к ручью Карсон, перешли его вброд и обнаружили такие же следы на другом берегу.

Теперь можно было точно сказать, что совсем недавно ручей здесь переходил не один человек. Эти люди не разувались перед тем, как войти в воду, поэтому на противоположном берегу можно было различить множество разных отпечатков, оставленных их обувью. Мокрые подошвы оставляли четкие следы на каменной тропе. Пятна засохшей крови не всегда в точности совпадали с основным направлением большинства следов. Поэтому было вполне логично предположить, что тот, кто оставлял эти кровавые следы, сам шел за кем-то другим и, иногда теряя его из виду, отклонялся немного в сторону, но потом опять находил и шел точно за ним.

— Я думаю, их было человек пять или шесть,— сказал Спенсер.

— Это могут быть люди из поместья Карсон,— заметил Бернарди.— И если это так, то их явно кто-то преследует. Возможно, один из террористов.

— Надеюсь, что это террорист с арбалетом,— высказал свое предположение Спенсер.

Бернарди задумался о том, что же именно он имел при этом в виду. Хотел ли он поскорее уничтожить арбалетчика или же надеялся, что тот сам первый расправится с преследуемыми им людьми?

Внезапно они услышали шум приближающегося вертолета, который завис прямо над их головами. Однако из-за густой листвы они едва видели его. Спенсер связался по радио с пилотом и спросил, что тот видит.

— Там белый флаг,— был ответ.— На площадке на вершине скалы кто-то размахивает белым флагом.

— Отлетите назад и зависните на одном месте,— приказал Спенсер.— И не делайте ничего, пока я вам не прикажу. Мы с Сэмом находимся на земле прямо под вами. Сейчас мы пойдем туда и сами все выясним.

Через минуту Бернарди и Спенсер добрались до края небольшой площадки у подножья скалы. Выглянув из-за укрытия, они увидели, что наверху кто-то отчаянно размахивает белым флагом, стараясь привлечь внимание вертолета, но с вертолета не отвечали.

— Эй, наверху! Кто вы такие? — прокричал Спенсер, стараясь перебить шум мотора.

Белый флаг тут же убрали. Ответа не последовало.

— Здесь ФБР! — снова закричал он.— Кто вы?

На этот раз со скалы ответили:

— Я Чарльз Уолш из поместья Карсон, со мной моя жена и несколько друзей! Не стреляйте! Мы не террористы!

— Отлично,— тихо сказал Спенсер Сэму Бернарди, едва сдерживая улыбку. Затем произнес в рацию:

— Командиру третьего вертолета. Говорит командир операции. Обстановка находится под нашим контролем. Отправляйтесь назад в поместье и ждите дальнейших указаний.

Вертолет сделал круг и удалился в восточном направлении, быстро скрывшись за вершинами деревьев. Люди на скале наблюдали, как он улетел, и не могли понять почему.

— Зачем вы отослали вертолет?—спросил Бернарди.— А вдруг он понадобится нам, чтобы спустить этих людей со скалы?

— Нам не понадобится вертолет, Сэм,— ответил Спенсер.— Мы сами управимся с этим, без свидетелей.

— Что ты имеешь в виду? — выпалил Бернарди, забыв о субординации. Хотя он отлично понимал, что имел в виду Спенсер, и от одной этой мысли его зашеломило.

— Мистер Уолш! — скомандовал Джим.— Вы и ваши друзья должны бросить на землю свое оружие! Потом выходите сюда с поднятыми руками, чтобы я мог вас видеть!

— Я говорю вам, мы не террористы,— в отчаянии кричал Чарльз.— У нас здесь больной человек! Его надо немедленно доставить в больницу!

— Я верю вам,— отвечал Спенсер.— Это просто меры предосторожности! Небольшая формальность, стандартная

процедура при таких операциях. Вы должны сдать свое оружие до того, как я смогу вам помочь!

После долгой паузы из-за края скалы полетели на землю два автомата «Узи», несколько штыков, гранат и старинных пистолетов. Но люди, находившиеся наверху, казалось, все еще испытывали какое-то недоверие и не спешили выйти из укрытия. Пока что они находились за пределами зоны поражения с земли.

— А теперь выходите с поднятыми руками! — рявкнул Спенсер.

Затем, направив свой автомат на вход в пещеру, он прошептал Сэму Бернарди:

— Они даже не узнают, кто в них стрелял. Для них все кончится очень быстро. Так будет лучше всего.

— Я не буду этого делать! — прохрипел Бернарди.

— Не будь дураком, Сэм, — произнес Спенсер. — Вполне возможно, что эти люди — последние живые свидетели нашей работы. Я говорил тебе, что директор ФБР хочет, чтобы крышка на этом деле была плотно закрыта. И ты должен помочь мне выполнить его желание.

— Я не собираюсь убивать гражданское население! — отрезал Бернарди. Он сложил ладони рупором и крикнул в сторону пещеры: — Оставайтесь на месте! Не выходите наружу, или вас убьют! Здесь сумасшедший...

Спенсер резко обернулся и направил ствол своего автомата прямо Сэму в лицо. Бернарди уже хотел было пустить в ход свой пистолет, но Спенсер резким ударом вышиб оружие из его рук. С перекошенным от ярости лицом Спенсер не своим голосом прорывал:

— Ты этого хотел, Сэм? Хорошо, я уважаю тебя. Ты умрешь, как последний предатель. — Его палец лег на спусковой крючок автомата.

Но в этот момент в воздухе раздался легкий звон, словно кто-то задел струну.

В грудь Спенсера вонзилась металлическая стрела, отбросив его назад. Автомат выпал из его рук, а Бернарди нагнулся и подобрал свой пистолет. Теперь он мог сам пристрелить Джима, но в этом уже не было необходимости. Стальная стрела попала ему в самое сердце. И смертельный яд, находившийся в ней, оказался даже лишним: командир операции умер мгновенно. Он был уже мертв, когда падал на землю.

Бернарди отскочил от трупа и быстро пересек открытую площадку, стараясь укрыться за большим валуном,

который находился возле самого начала тропы, ведущей вверх по краю скалы. Лишь на мгновение он увидел окровавленного мужчину с арбалетом и едва успел пригнуться, как стрела просвистела над его головой. Бернарди с ужасом думал, что ему придется сейчас взобраться наверх по этой узкой крутой тропке и вступить с ним в борьбу, имея только пистолет против снайперского арбалета с ядовитыми стрелами. Он почти уже заставил себя сделать это, как вдруг чудовищной силы взрыв отбросил его назад, распластав на земле. Но едва придя в чувство, Бернарди решительно пополз вперед, надеясь, что его все же не настигнет отравленная стрела.

— Эй, я уничтожил его! — раздался сверху крик Марка Пирсона. — Я бросил в него гранату!

— Ну, черт возьми, — только и смог пробормотать Сэм, понимая, что на скале нашелся какой-то умный человек, который догадался не сдать Спенсеру все свое оружие.

Марк и Хитэр выскочили из-за камня, схватили свои «Узи», которые перед этим бросили на землю, и направили их на Бернарди. У Сэма не было оружия: пистолет выпал из его рук во время взрыва гранаты. В ушах у него все еще нестерпимо звенело. Он прислонился к большому камню, слишком устав от всего, чтобы поднимать руки вверх.

— Начинайте говорить, мистер! — резко потребовал Марк. — Объясните нам толково, почему нам не следует сразу же вас застрелить!

Бернарди медленно покачал головой, пытаясь полностью прийти в себя.

— Это я хотел предупредить вас, — сказал он. — Человек, который намеревался вас убить, уже мертв. Но нам надо быстро выбираться отсюда, потому что кроме него есть другие, которые рассуждают точно так же, как он.

— Пешком мы далеко не уйдем, — сказал Марк, который понемногу начинал проникаться доверием к Сэму. — Один из нас серьезно болен. Он отравлен змеиным ядом.

— Возможно, есть один способ, — сказал Бернарди. — Я сейчас плохо соображаю... Но думаю, что он сгодится. Но вы должны полностью довериться мне.

Марк посмотрел на Хитэр. Та кивнула.

— Хорошо, парень. Выкладывай! — произнес Марк.

Они внимательно выслушали план Бернарди, немного

успокоились и разрешили ему сходить за рацией Спенсера. Через минуту Сэм уже вышел на связь с вертолетами.

— Джим Спенсер серьезно ранен,— сообщил он по радио.— Я боюсь, что он долго не протянет — его необходимо срочно доставить вертолетом в больницу. Нам нужен пилот и врач. Спенсер хочет, чтобы все остальные находились на местах и обеспечивали безопасность района.

Когда вертолет приземлился, Бернарди подвел пилота и врача к труп Спенсера.

— Что, черт побери, здесь происходит? — закричал врач, увидев, что человеку, которого они собирались эвакуировать, никакая помощь уже не нужна.

— Стоять на месте! — рявкнул Марк, выскакивая из-за дерева. Он и Хитэр направили на пилота и врача свои автоматы, а Бернарди тем временем разоружил их, связал и вставил им в рты по кляпу.

Когда вертолет снова поднялся в воздух, за штурвалом сидел Сэм Бернарди. На борту находились Джордж и Джейни Стоун, Марк и Хитэр Пирсон, Чарльз и Анита Уолш. Спасая их, Бернарди надеялся хоть частично загладить свою вину. Может быть, ему это как-то зачтется, и он наконец перестанет страдать, вспоминая все ужасы войны, которые он был не в силах предотвратить. Но теперь ему нужно было как можно быстрее доставить их в Ричмонд. Ведь в любой момент их могли сбить с другого вертолета или отдать приказ уничтожить с земли. После приземления первым делом необходимо добраться до какой-нибудь центральной газеты или прорваться на телевидение. Пока они не расскажут всему народу, что в действительности произошло, нельзя быть уверенным, что их не убьют в любую минуту. Только тогда, когда люди узнают всю правду, те, кто несет за все это ответственность, может быть, побоятся отомстить выжившим. Когда мир поймет, откуда появляются люди со «змеиным комплексом».

Марк и Хитэр сидели у окна, держась за руки, и с тревогой всматривались в утреннее небо — не появится ли где-нибудь вражеский вертолет?

— Я уверен, мы долетим,— прошептал Марк.

Хитэр нежно сжала его руку. Она поняла, что он хочет сказать. Теперь они в безопасности, и не только удачно долетят до города, но в мире и согласии проживут весь остаток своих дней.

Сидя в задней части салона, Джейни Стоун с озабоченностью посматривала на отца — его устроили на военных носилках, специально приспособленных для перевозки по воздуху раненых. Теперь он уже не так сильно потел, как прежде. Он спал, и лицо его было спокойным. Джейни не переставала молиться и благодарить Бога за их спасение. Теперь она твердо верила, что отец обязательно выздоровеет. Может быть, в этом помогло не только лекарство, но и милость Всемогущего Господа. Может быть, мать и бабушка не зря учили ее всегда верить в Бога и молиться ему.

Чарльз крепко обнял Аниту. Они молча смотрели в иллюминатор.

— Мы должны будем вернуться назад,— вдруг с жаром произнес он.— Когда все будет закончено, мы не должны позволить нашему поместью навеки погибнуть. Джордж и Джейни останутся с нами и помогут восстановить все так, как это было раньше. Мы просто обязаны это сделать. Те, кто разрушил наш дом, не должны чувствовать себя победителями. Нельзя позволять потерявшим память убивать прошлое!

Анита увидела, как засветились глаза Чарльза гневом и уверенностью в своей правоте, и обещала поддерживать его в любом деле, потому что верила: он обязательно сделает то, что задумал. Лишь бы не иссякли его силы. Ведь даже если они полностью восстановят усадьбу, борьба на этом не кончится. В течение многих месяцев к ним невозможно будет пробиться: с ними начнут искать встречи десятки репортеров, адвокатов, страховых агентов, следователей, толпы всяких правительственных чиновников... Может быть, всю оставшуюся жизнь им будут постоянно угрожать неизвестные люди. И каждый раз, завидев незнакомца, идущего следом, они будут думать: а не шпион ли это из ЦРУ или ФБР?

Чарльз тяжело вздохнул, будто он уже представил себе все трудности такой жизни. Хоть он и дал себе обещание полностью восстановить усадьбу, но в душе понимал, что никогда уже не вернуть ему прежней ностальгии по давно ушедшим временам. В душе его что-то сломалось и исчезло навсегда. Никогда уже не полюбить ему эту роскошную и беспечную жизнь викторианского аристократа.

Но, несмотря на все это, в сердце его рождалась новая гордость за себя. Он понял, что в момент трудных испытаний способен превращаться в человека действия, и не только на словах, но и на деле доказать, на что он спо-

собен. Он сумел проявить свою храбрость и мужество в самых трудных условиях. Да, ему многое пришлось пережить. И он понес немало потерь. Но только теперь он понял, что и сам обладает всеми лучшими качествами людей прошлых веков — людей, историю жизни которых он так долго изучал по книгам, которыми восторгался и которых боготворил. Эти герои сражались против индейцев и не отчаивались, не падали духом даже тогда, когда убивали их любимых, а дома превращали в пепелища. Но теперь и он сам пережил такое же страшное сражение. И не сдался, не отчаялся. Он обязательно вернется назад и потребует то, что по праву принадлежит ему, чтобы с новой надеждой начать все сначала.

МАРК СОНДЕРС

Бегство

Джон Стоул сделал еще несколько шагов, поставил ногу на старое истлевшее бревно и осмотрел свою маленькую империю. Пятнадцать тысяч акров буйных девственных лесов. Лучи солнца пробивались сквозь кроны старых горделивых сосен и берез и рассыпались резной тенью по папоротникам, освещая маленьких оранжевых саламандр, бегающих по влажным листьям и опавшей хвое. Запах коры, травы и земли был настолько острым и насыщенным, что Стоулу стало трудно дышать. Но скоро этот запах исчезнет, как только сюда приедут строительные машины. Стоул улыбнулся, представив, как здесь появятся здания, дороги, магазины, клубы, искусственные водоемы — сотни семей приедут сюда и заплатят ему немалые деньги за этот исключительный район. Нужны были только средства, а у Джона Стоула денег было так много, что он уже и не знал, куда их девать. Вполне хватало у него и власти, чтобы изменить эти места, выстроив дома, целые районы и даже города там, где раньше стоял только дикий лес.

С этим участком земли у него поначалу были проблемы, с которыми он раньше не сталкивался: в свое время здесь находился заповедник. Но если вовремя кое-кого подмазать, то кому какое дело станет до бабочек, которые тут когда-то обитали. Здесь они всегда кормились. Ну и что? Найдут себе другое место. Это стоило ему кругленькой суммы, но все же он добился своего, ведь он всегда всего добивался. «Неплохо для двадцатисемилетнего юноши», — подумал Джон. Деньги у него были отцовские — так почему бы не найти им достойного применения?

Шум приближающегося самолета вывел Стоула из размышлений. Это был биплан, который он нанял, чтобы распылять дефолиант и инсектициды — довольно эффективную смесь химикатов, разработанную в одной из его мелких компаний. Сейчас представлялся прекрасный случай проверить новый препарат на деле. Но даже если дефолиант и не сработает, это не будет иметь большого значения. Самое главное — очистить район от насекомых. Ведь он строил дома из дерева и хотел сэкономить на покупке обработанной и пропитанной древесины. Джона не очень волновало, что произойдет, если термиты и муравьи через несколько лет опять появятся здесь в больших количествах. К этому времени район будет заселен, а он придумает что-нибудь еще. Может быть, даже какое-то более прибыльное дело, чем это.

Звук самолета нарастал, и Стоул повернул назад к опушке, где в машине его ждал шофер. Он сел на заднее сиденье, не обращая на водителя никакого внимания, и автомобиль медленно покатил по направлению к шоссе. Шофер молчал. Они отъезжали от леса по узкой асфальтированной дороге. Включенный кондиционер поддерживал в машине прохладу, но не заглушал нарастающий гул приближающегося самолета.

На мгновение Стоул услышал рев мотора над головой, потом самолет подлетел к девственному лесу и взмыл вверх.

Так все началось.

Билл Магар возвышался на огромном сиденье, и все его тело вибрировало в такт включенному мотору бульдозера. Бульдозер двигался на север, отвал был опущен, чтобы расчищать землю от поваленных стволов.

Биллу не хотелось думать о том, что деревья рубят именно здесь, где он, бывало, охотился, рыбачил и отдыхал со своей семьей. Но такая уж у него работа, а работа — это то, что вы делаете из-за денег, на которые потом сможете содержать детей, покупать продукты и иметь свой дом. У него были жена, трое сыновей и кое-какое имущество, и если бы он не сидел за рычагами и педалями железного зверя, то это сделал бы за него кто-нибудь другой. Ему платили хорошие деньги, и от этого он как-то иначе смотрел на то, что с детства знакомые ему деревья падают одно за другим.

Теперь это место уже мало походило на лес. Еще три бульдозера двигались в других направлениях, вгрызаясь

в голые ветви и стволы поваленных берез и сосен. Была весна, но деревья выглядели так, словно зима еще не прошла. «Странная зима,— подумал Билл.— Ведь сосны должны быть всегда зелеными». Он спрашивал Тома, своего бригадира, зачем надо было распылять дефолиант, но Том только пожал плечами.

— Потому что владелец участка захотел, чтобы его распыляли. Вот почему,— сказал тогда Том.

На самом деле Биллу это было безразлично — просто делай свою работу и получай бабки. Таков его девиз. И этот девиз никогда еще его не подводил.

Там, где раньше стоял густой лес, теперь местность проглядывалась на тысячи ярдов вокруг. Деревья с треском валились одно за другим как огромные игрушечные солдатики с вытянутыми руками. Билл переключил скорость, и бульдозер тронулся вперед.

Яркое солнце согревало Билла во время работы. В свежем воздухе едва заметно чувствовался неестественный запах, который он не мог не заметить. С каждым вдохом Билл ощущал присутствие химикатов, и запах этот напоминал ему тот, который он помнил еще с детства — когда отец опрыскивал район вокруг озера от комаров. Запах раздражал Билла, и через несколько часов у него заболело горло, как тогда, когда он выкурил две сигары подряд на свадьбе у своей сестры.

Небо стало темнеть, и сквозь рев дизеля он услышал сигнал сирены. Неужели пора возвращаться? Билл посмотрел на часы. Одиннадцать. До обеда еще полчаса. Но, взглянув вверх, сквозь голые ветви деревьев он увидел, что с севера в его направлении движутся тучи. Вот в чем дело! Работа на сегодня закончилась или будет перерыв, пока не пройдет дождь. Он поднял отвал бульдозера и, поставив рычаги так, чтобы никто не смог его завести, выключил мотор.

«Оставляю машину здесь и пройду немного пешком,— подумал Магар.— Пока тучи доберутся сюда, времени пройдет немало. А если я и не успею до дождя, что из того, что придется слегка промокнуть? Ничего страшного».

Он спрыгнул на землю и потянулся. Тело еще гудело от вибрации. «Прогулка сейчас будет очень кстати,— отметил про себя Билл.— Надо посмотреть, насколько наши ушли вглубь». Вырубка тянулась на несколько миль к югу. Оказалось, что он продвинулся гораздо дальше, чем предполагал. «Все дело в технологии,— подумал Ма-

гар.— Продвинулся настолько, насколько сможешь, а потом еще на немного».

По дороге Билл еще раз услышал сирену. Он повернулся и посмотрел на север. Тучи расползались по всему небу, и он подумал, что они движутся гораздо быстрее, чем ему показалось сначала. Билл нахмурился: «Пожалуй, я еще вымокну, надо спешить!»

Передвигаться по следам бульдозера было неудобно. Он прошел всего около ста футов, как вдруг услышал какой-то звук, не похожий ни на что: будто в воздухе, шелестя от сильного ветра, витали миллионы крошечных клочков бумаги. Внезапно стало совсем темно, и звук усилился. Магар остановился, повернулся и застыл, пораженный неожиданным зрелищем.

От земли до высоты примерно ста футов по всему небу, насколько он мог видеть, с огромной скоростью мчалось густое облако. Ему стало страшно, он никак не мог понять, не мог поверить в то, что видел перед собой,— это было не облако...

За секунду до того, как на него напали, Билл вспомнил урок в школе, когда учитель показывал им фильм с нашествием саранчи. Но это была не саранча — это были **БАБОЧКИ!**

Миллионы бабочек!

Они уже налетали на него, заполняя воздух вокруг, как снежные хлопья. Когда он сообразил, что надо бежать по вырубке на юг, было уже слишком поздно. Билл оторвал ноги от липкой земли и быстро двинулся назад. Но, повернувшись, увидел, что снегопад из бабочек превратился вокруг него в настоящую метель. Он не видел ничего дальше фута или двух перед собой и, споткнувшись о вывороченный корень, упал. Когда он поднялся, то понял, что потерял направление и теперь не знает, куда идти.

«Спокойно! — сказал он себе.— Главное — не волнуйся, и ты легко найдешь дорогу назад к лагерю. Только спокойно!»

Рой становился гуще с каждой секундой. Билл ничего не мог понять — ведь бабочки не летают роем, и не должно их быть здесь сразу так много.

Он чувствовал, как они садятся ему на спину, цепляются лапками за рубашку. Билл стряхнул несколько насекомых рукой, но когда опустил руку, они уже сотнями pokrывали всю его кожу. Они садились ему на голову, залетали в лицо, и тогда он закрыл лицо руками, упал на

колени, согнулся, отворачиваясь от приближающегося роя. Тысячи бабочек ударились в его руки, спину, бока.

Внезапно Билл почувствовал слабую боль в спине, будто его укололи булавкой, потом такой же укол в ногу, потом сотни укусов в спине и ногах, затем в руках. Тогда он отнял руки от лица, встряхнул и потерял их, и тут только осознал свою ошибку — насекомые мгновенно облепили лицо. Билл сметал их с себя прочь, но как только он сбрасывал одну бабочку, две других сразу же занимали ее место.

Он открыл рот чтобы закричать, и плотная волна бабочек тут же залетела вовнутрь. Когда он закрыл рот, несколько насекомых уже попали в горло, и, задыхаясь, Билл закашлялся. Обезумев от панического страха, он начал бессмысленно размахивать руками, будто испорченная мельница при штормовом ветре. У него появилась одна-единственная мысль — скрыться, исчезнуть.

Билл резко вскочил на ноги, чувствуя на себе массу мохнатых существ, а жалающие уколы по всему телу продолжали усиливаться.

И тогда Билл бросился бежать. Бежать слепо, безумно, пока не наткнулся на что-то твердое и острое. Но эта боль, как он успел осознать, была совсем не такой уж страшной и невыносимой.

Потом ему показалось, что тысячи иголок, вонзившихся в него, увеличились в размерах, разбухли и разрывают его кожу в местах укусов. Боль была такой сильной, что он снова открыл рот, чтобы закричать, ни о чем уже больше не думая.

И тогда острые жала вонзились ему в веки. Когда они впились в глаза, Билл почувствовал, что теряет сознание. Они забивались в уши, хлопая крыльями в ушных проходах и сводя его с ума еще больше, чем когда он просто стоял, ничего не соображая и не веря в то, что с ним происходит — с Биллом Магаром, честным рабочим, отцом троих детей.

Бабочки десятками заползали в ноздри, и рассудок покинул его. Их жала были словно полые трубочки, как соломинки, пробивавшие каждый дюйм его кожи. Колени у Билла подогнулись, и, издав последний, уже беззвучный, вопль, он свалился на землю без чувств.

Том Кэмпбелл стоял у окна во времянке с мертвенно-бледным лицом. Он молча наблюдал невероятную картину, открывшуюся перед ним. Всего в пятидесяти футах

к северу беспорядочно двигалась серовато-коричневая стена из мотыльков. Никому не было известно, почему они не продвинулись дальше на юг, но Том был этому очень рад, потому что все рабочие успели спрятаться во времянке, прежде чем появились бабочки. Все, кроме Билла Магара.

— Боже мой! — произнес сзади Джонсон.

— А Магар там, на улице, — отозвался Гендерсон.

— С ним будет все в порядке, — успокоил их Кэмпбелл, но голос его прозвучал откуда-то издалека, будто из какого-то страшного бездонного колодца.

— Конечно, — съязвил Джонсон. — А скоро сюда прилетит спасатель в зеленом вертолете и всех нас выручит!..

— Замолчи! — отрезал Кэмпбелл. Он отвернулся от окна, смахнул со лба прядь рыжих волос и посмотрел на лица рабочих. Никто из них не верил, что Магар жив, не верил и он сам.

— Это же бабочки, это просто бабочки. У них даже зубов нет, парни, — попытался примирительно объяснить Кэмпбелл.

— У муравьев тоже нет, — мрачно откликнулся Джонсон. — Но они прекрасно обходятся и без них.

Худой высокий рабочий уперся руками в бедра. Кэмпбелл увидел, что в его черных глазах светится страх.

— Но ведь это даже не муравьи, — сказал Кэмпбелл. — Мы просто переждем немного, а когда они улетят, пойдем за Биллом.

— Конечно, — ответил Джонсон. — Пойдем и найдем его останки.

Кэмпбелл снова повернулся к окну.

Через три часа, за час до захода солнца, количество бабочек стало уменьшаться, они постепенно перемещались на север. Наблюдая за ними, Кэмпбелл выждал еще несколько минут, чтобы убедиться в полной безопасности. Когда он удостоверился, что бабочки больше не вернутся, он подошел к двери и положил руку на сирену.

— Ну? Кто со мной? — спросил он, оглядев бригаду.

Никто не ответил. Гендерсон смотрел на двух рабочих, стоящих рядом с ним, те с опаской глядели в окно. Джонсон уставился в пол. Трое остальных промямлили что-то невнятное. Что — Кэмпбелл не смог разобрать.

— Послушайте, если мы все разойдемся в разные стороны, то найдем его гораздо быстрее. Или он нас. Здесь же повсюду леса, и неизвестно, в каком направлении он пошел. Он наверняка потеряется, пытаюсь отыскать дорогу назад.

— Да, думаю трудновато будет мертвецу искать дорогу,— сказал Джонсон.

Кэмпбелл окинул его долгим пристальным взглядом.

— А если бы там был ты? Что бы ты подумал о нас, если бы мы начали сомневаться? А вдруг ты был бы еще живой?

Джонсон пожал плечами и пошел к двери. Когда Кэмпбелл вышел из временки с сиреней в руке, все рабочие были уже рядом с ним, устремив взгляд на север, в сторону преобразившегося горизонта.

— Значит, так,— сказал Кэмпбелл.— Мы выстраиваемся в длинную цепь, выдерживая расстояние между собой примерно в пятьдесят футов. Только не зовите его, а то мы не поймем, кто зовет, а кто отзывается.

Подойдя к деревьям, они остановились, пораженные увиденным.

— Посмотрите сюда,— сказал Гендерсон, дотронувшись до ствола сосны.

Кора была содрана, и древесину сплошь покрывали отверстия диаметром около одной восьмой дюйма.

— А здесь все деревья, как отполированные,— раздался голос справа.

— С дырочками, как от дятла? — крикнул Гендерсон.

— Да.

— И здесь тоже,— отозвался другой рабочий.

Кэмпбелл понял, что у Магара не оставалось ни единого шанса. Пожалуй, Джонсон был прав. «Едят ли бабочки людей? — подумал он.— Может быть, они питаются только растениями?»

— Я не пойду дальше,— крикнул кто-то.

— Но их же здесь нет! — закричал Кэмпбелл.— Они улетели. Их осталось совсем немного,— добавил он.— Давайте двигаться дальше. Может быть, ему плохо.

С этими словами Кэмпбелл шагнул в темнеющий лес. С каждым шагом он давил сапогом несколько насекомых. Через двадцать или тридцать ярдов его резиновые подошвы были сплошь покрыты отвратительной слизью, а в щели забились раздавленные тельца. Они шли уже сорок пять минут мимо голых деревьев, испещренных мелкими отверстиями, и наконец Кэмпбелл подошел к месту,

где еще недавно работал бульдозер Билла. В ста ярдах впереди он увидел и саму машину.

— Теперь внимание! — закричал он. — Мы пришли.

Все замедлили шаг, и Джонсон поднял руки ко рту, сложил их рупором и стал звать Магара. Они остановились, подождали немного, но ответа не последовало.

Тогда Кэмпбелл поднял сирену и включил ее. Звук эхом пронесся по причудливому мертвому лесу. Все замерли в ожидании каких-нибудь признаков жизни. Но вокруг стояла зловещая тишина.

Прошла долгая минута, прежде чем они продолжили поиски. Когда Кэмпбелл подошел к бульдозеру, он остолбенел, побледнел и открыл рот.

— Боже мой! — тихо произнес он, а потом отвернулся, и его вырвало.

Джонсон услышал, что Тома рвет, остановился, повернулся к нему и крикнул:

— Кэмпбелл! Что случилось?

Не получив ответа, он подбежал к бригадиру. Тот еще тужился и никак не мог совладать с собой. Постепенно подошли остальные. Гендерсону стало плохо. Широко раскрытыми от ужаса глазами Джонсон с отвращением смотрел на открывшееся зрелище, его трясло, и он не мог заставить себя пошевелиться.

Остальные только вздыхали и стонали, некоторых рвало.

То, что когда-то было Биллом Магаром, теперь представляло собой кусок мяса, растерзанный какой-то безумной, сокрушительной силой. Кожа была содрана, половина мяса съедена, из пустых глазниц вытекала мутная желтоватая жидкость, волос не было совсем, кости обнажены, никакого намека на лицо, живот разворочен, часть кишок отсутствовала, другая часть свисала наружу и расстилалась по земле, как отвратительные сосиски.

— Похоже, что им и не нужны зубы, — сказал Джонсон и отвернулся. Его стошнило.

2

Джону Стоулу настолько понравилась эта местность, что он купил еще тысячу акров на ближайшей горе, обнес участок колючей проволокой под напряжением и построил там себе летний дом — небольшой скромный домик на семнадцать комнат. Он выстроил его прямо на горе. Панорамное окно, занимающее большую часть фасада, выходило на поместье Стоул, так что он мог все время наблю-

дать за своим маленьким королевством, постоянно растущим и развивающимся.

С начала освоения этих земель прошло почти четыре года, и десять тысяч семей уже въехали и расположились в этом «исключительном районе». Торговый центр еще только строился, но небольшие магазинчики пока вполне справлялись со своей задачей. Наконец-то все пошло гладко, как по нотам.

Та самая небольшая «производственная авария» была забыта — вдова бульдозериста жила теперь с детьми на Ривьере (или в Акапулько?), не были обижены и другие рабочие, находившиеся на вахте в тот день. Им хорошо платили, работали они теперь в отдаленном месте и почти ничего не делали, но были счастливы тем, что получают свои деньги и навсегда избавлены от погони за состоянием.

Когда-то отец говорил ему, и Стоул запомнил это навсегда: «У каждого человека есть своя цена». Некоторые просили многого, но были довольны и малым, одним вместо денег нужна была власть, другим — спокойная, тихая жизнь. Стоулу было все равно. Главное, что у каждого есть своя цена, и он может ее заплатить.

Чтобы избежать впредь подобных инцидентов, Стоул нанял опытного энтомолога, показал ему труп Магара и несколько бабочек, которых рабочие поймали и посадили в проволочные клетки. Энтомолог никогда раньше ничего подобного не видел: и труп, и бабочка были уникальны. Стоул спросил у него, как подобное могло случиться, но тот лишь удивленно развел руками.

— Это не простые бабочки, — сказал он. — Бабочки — строгие вегетарианцы, а многие из них кормятся только нектаром.

— Вы называете то, что они сделали с этим человеком, строгим вегетарианством? — насмешливо спросил Стоул.

— Это не просто бабочки, — повторил энтомолог. — У бабочек нет челюстей, у них хоботок — полое ротовое приспособление, по строению очень похожее на хоботок комара. У этих же бабочек весьма сильные хоботки, и вдобавок они могут значительно расширяться, вытягивая из человека плоть и кровь. Единственное, чего я не могу понять, зачем бабочкам протыкать человеческую плоть. Наверное, источник их естественного питания был уничтожен, и они кормились тем, что могли найти. Вы знаете, как трудно предугадать поведение мутантов?

— Все равно я ничего не понимаю,— ответил Стоул.— Моль может портить шерстяные вещи, лететь на электрический свет. Но она не в состоянии пожирать людей!

— Да, но эти, видимо, пожирают,— сказал тогда энтомолог.— И по всему видно, что это мутанты.

— Я хотел бы, чтобы вы тщательно исследовали этих носителей смерти, и как можно быстрее. Я больше не могу задерживать строительство. Каждая минута простоя, знаете ли, стоит мне небольшого состояния,— сказал Стоул.

— Мне очень жаль, но больше я пока ничего не могу сделать. Детальное исследование требует времени: мы должны изучить их поведение во время спаривания, циклы кормления, продолжительность жизни. А это потребует нескольких недель, а то и месяцев.

— Не надо,— ответил Стоул.— Я проведу повторное опыление.

— Я бы вам этого не советовал.

— В самом деле?

— Возможно, что радикальные изменения в этих безобидных насекомых как раз и произошли в результате распыления ядохимикатов.

— Что ж, вы имеете право на свое собственное мнение.

— Но за это вы мне и платите. На вашем месте я перенес бы строительство в другой район или хотя бы задержал его до тех пор, пока мы окончательно не выясним, что еще можно ожидать от этих мотыльков.

— Спасибо. Я буду иметь это в виду,— закончил разговор Стоул.

Он хорошо заплатил энтомологу и отпустил его. А затем еще раз распылил над лесом те же самые химикаты. Его химики уверяли, что на сей раз они обязательно должны подействовать. Потом он провел еще одно распыление, и еще одно. После этого в лесах не осталось ни единого живого существа. Это немного замедлило строительство, но вопрос стоял так: или распыление, или никакого строительства вообще. Энтомолог обнаружил кое-что еще, и поэтому Стоул был вдвойне доволен тем, что провел повторное распыление: дело в том, что бабочки выделяли кислоту — не сильную, не в больших количествах, но тем не менее КИСЛОТУ.

Это был дом их мечты. Джэкоб «Джек» Вайнер и его жена Кэти усердно трудились, чтобы выплатить его

стоимость; она воспитывала их первенца Алана, а он работал шесть дней в неделю по восемь-десять часов в день. Они ждали второго ребенка, и Джек старался проводить на работе как можно больше времени.

Когда супруги Вайнер впервые услышали о новом районе, они были настроены скептически. Они и раньше слышали о таких поселениях, самостоятельно обеспечивающих себя всем необходимым, но ни одно из них себя не оправдало.

Однако поместье Стоул казалось исключением из всех правил. Все здесь было продумано до мелочей.

Чем бы вы ни занимались, какой бы специальностью ни владели, вы могли найти себе работу прямо рядом с домом и не тратить несколько часов в день на дорогу в город и обратно. Когда Джек подумал об этом, он был вынужден признать, что организатор строительства Джон Стоул поступил очень мудро, расположив поблизости некоторые из своих предприятий.

Но по воскресеньям Джек не любил думать ни о чем, кроме своей семьи. В тот день он пошел со своим двухлетним сыном Аланом к искусственным озерам. Алан любил кормить уток, а Джеку нравилось наблюдать за ним. Он был рад, что у них с Кэти сразу родился сын — он внес так много радости в их жизнь.

Джек посмотрел на озеро — наверное, потребовалось много работать, чтобы создать такой водоем и соединить его с рекой посредством трехмильных извилистых каналов. Как-то раз они с Кэти взяли напрокат в клубе лодку и исследовали эти протоки, а потом снова вернулись в озеро. Только один небольшой канал соединялся с рекой, и они обнаружили это по чистой случайности.

— Эй, кроха, не подходи слишком близко к воде! — сказал Джек.

— Хорошо, — ответил Алан.

Джек улыбнулся, глядя, как Алан отступил на несколько шагов назад, чтобы не свалиться к дружелюбным уткам.

Три супружеские пары плавали по озеру на парусных катамаранах, наслаждаясь свежим северным бризом. Надо будет как-нибудь тоже попробовать. Они с Кэти еще ни разу так не плавали, но этими яхтами было легко управлять. Однажды он купил себе водолазный костюм с аквалангом для ныряния в озере. Это была мечта его детства — подплыть к рыбам, помахать им рукой, они махнут тебе плавниками в ответ, поплыть с ними и стать частью их стаи.

Кэти смеялась над ним.

— Джек, это же озеро! Это не океан,— говорила она.— Вся рыба, которая сюда запущена, предназначена для ловли.

— Ну и что, теперь мне и поплавать с ними нельзя? — спросил он.

Как-то в воскресенье он притащил все свое снаряжение на берег, надел гидрокостюм, прикрепил акваланг и бросился в темную воду. Но то, что он испытал под водой, совсем не оправдало его ожиданий — тут не было ни коралловых рифов с крошечными полосатыми рыбками, плавающими вокруг, ни кристально чистой воды, приятно омывающей тело. Он оставался в мутной холодной воде несколько минут, а потом вернулся на берег. В тот же день акваланг и водолазный костюм поместили в подвал, где были похоронены и другие его мечты и фантазии. Здесь лежал небольшой мопед, который он купил, чтобы исследовать окрестности. Это развлечение длилось всего два уик-энда, пока он не опрокинулся на нем и не повредил себе ногу глушителем. Затем Джек решил заняться виноделием, и в кладовке теперь плесневели две пластиковые бочки для вина, здесь же располагался небольшой цех для обработки дерева со сверлильным и токарным станками, радиальной пилой, и недостроенные шкафы, которые он пообещал сделать для той же кладовки... Но ни один из его замыслов так и не был доведен до конца. Впрочем, Кэти никогда не ворчала на него за эти увлечения. Главное, что он был счастлив, а этого вполне достаточно.

— Корм кончился, пап,— сказал маленький Алан.

— Ну и ладно, крошка. Пойдем-ка назад домой и посмотрим, что там мама делает.

— Хорошо,— сказал Алан.

«Боже мой, какой воспитанный малыш! — подумал Джек.— Не то что некоторые соседские дети».

Дорога домой была длинной и шла через все поместье. Джек рассматривал соседские дома, расположенные за сотню футов от проходящей по холмам извилистой дороги; некоторые из них уже скрывались в гуще кустов и деревьев. Во Флориде такие дома стоили бы около четверти миллиона. В Калифорнии и вовсе вдвое дороже. А исключительность поместья Стоул лишний раз подтверждалась именно здешними вполне сходными ценами.

В дневном воздухе сильно и приятно пахло соснами. Через каждые несколько шагов Алан останавливался, нагибался и рассматривал прутьики, опавшие листья и хвою,

лежавшую на земле. Джек посмотрел наверх, увидел надвигающиеся тучи и решил, что лучше будет взять Алана на руки, иначе им не успеть к дому до начала дождя.

«Однако это забавно,— подумал Джек.— Что-то я не припомню, чтобы на сегодня обещали дождь».

Он поднял сына, подумав при этом, что тот удивительно быстро растет и становится тяжелым, и посадил его на плечи. Алан смеялся, устраиваясь верхом.

Через полмили Джек понял, что он находится в худшей форме, чем предполагал. Когда он взбирался с Аланом на плечах по холмам, ноги у него устали. Хорошо еще, что было не слишком жарко и дул приятный ветерок. А после дождя станет еще прохладнее.

Он свернул налево в небольшую улочку и по ней продолжил свой путь домой. На этой улице стояло только шесть домов, перед каждым — большая лужайка, кое-где бассейн, места между домами было не меньше двух акров и столько же площади — за каждым домом. Конечно, не все жители в поместье Стоул имели такие большие участки, только семьи с доходами выше среднего могли позволить себе такие дома.

«Черт возьми,— подумал Джек.— А вот и она».

Это была Кэрол Баннер — бич всей окрестности. Одинокая, привлекательная, с такой фигурой, будто сошла с картины Рубенса, и кокетка номер один во всем мире.

— Привет, Джек,— сказала она, затаив дыхание, и двинулась к нему со своего участка.

Джек замедлил шаг и натянуто улыбнулся.

— Привет, Кэрол. У меня нет времени на разговоры. Надо доставить Алана домой, пока не начался дождь.

— Дождь? — удивленно спросила она, посмотрев на небо. Повернувшись на север, Кэрол недовольно нахмурилась по поводу приближающегося ненастья. — Что же мне делать? У меня наверху вода протекает через жалюзи, а рабочие до сих пор не пришли их починить.

— Просто закрой окна,— сказал Джек, отлично понимая, на что она намекает. Но больше к ней в дом он не пойдет.

Кэрол придвинулась ближе, и ее грудь уперлась в его руки.

— Может быть, ты их посмотришь ради меня? Я совсем одна в доме, а он такой огромный, что мне одной никак не управиться.

— Возможно, мы с Кэти выберем один из ближайших вечеров и зайдем к тебе, тогда я их и посмотрю,— ответил Джек.

Она медленно раскачивалась из стороны в сторону и терлась грудью о его руки.

— А, может быть, ты прямо сейчас на них взглянешь? Пока дождь не начался?

— Нет, сейчас не получится.

Она недовольно надула губы, и ее худое лицо, принадлежавшее другому столетию, выразило крайнюю досаду. Когда она строила из себя маленькую беззащитную девочку, Джеку хотелось ее задушить. Внутри у него все переворачивалось. Он просто не мог ее понять. Она была популярной певицей и записала уже двенадцать пластинок, два раза снималась в кино и участвовала в спектаклях на Бродвее. И до него никак не доходило, почему она кидается на каждого встречного мужчину.

Джеку было неприятно стоять рядом с ней у дороги.

— Послушай, мне пора домой. Кэти ждет.

Кэрол томно посмотрела на него.

— Мы потом встретимся?

— Конечно,— сказал он.— Только мне в самом деле надо идти.

Он отступил назад, отстранился от нее и зашагал к своему дому.

— До свидания, Алан,— крикнула она вслед.

— До свидания,— сказал Алан, сидя на плечах у Джека.

Джек шел вперед. Не надо оглядываться: он знал, что она сейчас идет к дому, как всегда, покачивая бедрами. «Неужели это все, что ей нужно? — подумал он.— Нет, лучше уйти поскорей. Но ведь это и все, что нужно мне. Бог мой! Кэрол Баннер в моей жизни! — удивлялся он.— Ведь она, как змея, будет извиваться и пролезать между мной и моей семьей. Какого черта она приперлась сюда, и живет здесь, на этой улице? Почему она не осталась в Нью-Йорке?»

Они подошли к дому.

— Ну вот и все, кроха,— сказал Джек, снимая с плеч Алана. На улице становилось темно.— Иди домой и пощи маму.

— Хорошо,— ответил Алан.

Джек открыл дверь и пропустил сына в дом. Сам он остался на пороге, наблюдая за надвигающейся грозой. Да, зрелище будет прекрасным. Он никогда еще не видел, чтобы тучи сгушались так быстро. Только один раз он

наблюдал что-то похожее, когда они с Кэти отдыхали во Флориде. Алана тогда еще не было.

В тот день они сидели у пруда и загорали, а потом вдруг увидели тучи, идущие с юго-востока. Тучи двигались с невероятной скоростью. Один из местных жителей объяснил им, что во Флориде всегда так — дождь начинается неожиданно и так же неожиданно кончается.

— Джек! Шел бы ты лучше в дом! — позвала Кэти, стоя в дверях.

Он повернулся и посмотрел на нее через стеклянную дверь. Его жена была еще красива, хотя и поправилась на лишних пять фунтов. У нее сохранились великолепные длинные черные волосы, да и эти лишние фунты были не слишком заметны при ее округлых формах.

До шестнадцати лет Кэти жила в Европе, училась в лучших школах, но потом очутилась в Бостоне, где работала танцовщицей в баре, выступая в полуобнаженном виде, чем очень расстроила своих родителей. Через несколько месяцев такой работы она уехала домой в Де Мойне, а еще через несколько месяцев оказалась в Нью-Йорке, где они и встретились.

— Выйди сюда и посмотри, что делается, — позвал Джек.

Кэти открыла дверь и шагнула на улицу.

— Я уже видела позади дома.

— В жизни не видал такого.

— Поживи подольше и еще не то увидишь!

Он улыбнулся и обнял ее за плечи.

— Иди в дом, — сказала она, — а мне нужно снять белье Алана. Я еще не все закончила. Он там за домом, в песочнице.

— Ладно. Пока вы занимаетесь делами, я приготовлю свой всемирно известный салат из тунца.

— Ты очень заботливый, — сказала она и открыла дверь.

Джек вошел в дом.

Внутри было прохладно, хотя сквозняков не чувствовалось. Ему нравилось, как Кэти ведет хозяйство: все в доме было из настоящего дерева, на прекрасном паркетном полу лежали натуральные ковры. Мебели было ровно столько, сколько нужно, чтобы жилище не походило на антикварный магазин.

Проходя в кухню, он увидел, как Кэти пошла за Аланом. Она была очень динамичной женщиной, таких он никогда не встречал. Джек открыл холодильник и вынул от-

туда две банки консервированного тунца. Напевая привязавшуюся популярную песенку, он начал доставать другие необходимые продукты.

«Как все хорошо, лучше и быть не может», — подумал он.

В кухне стало темно, тучи закрыли солнце. Джек посмотрел на часы, висевшие на стене — было только четыре часа.

«Интересно, однако, холодно до сих пор не становится», — подумал он.

Тут он выглянул в окошко над раковиной и увидел, что пошел снег. СНЕГ?! Какого черта! Банка с майонезом выпала у него из рук.

Как накатывающая приливная волна, плотная стена белого, коричневого и серого цвета пронеслась позади дома и ударилась в дверь. Он услышал, как заплакал Алан, как вскрикнула Кэти, и кинулся к задней двери. Кэти снова закричала, и от этого безумного дикого крика кровь отхлынула от его лица, застыла в жилах, и он замер, содрогнувшись.

«Господи, — подумал Джек. — Что это? Что происходит?»

— Кэти! — крикнул он изо всех сил.

Он уже не видел ее, не мог он разглядеть и Алана. Они были там, на улице, захваченные этим безумием.

Надо выбираться отсюда и помочь им войти в дом!

Он почувствовал укус насекомого на шее, потом такой же на спине. Тогда он оглянулся и увидел их — это были маленькие бабочки, не больше его ногтя, они летали по холлу, залетали в кухню. Он подумал, что их здесь, наверное, уже несколько сотен.

Тут он услышал, как Кэти закричала снова — это был истерический вопль ужаса, который замер, оборвавшись на самой высокой ноте, и потом наступила тишина. Все было тихо, кроме хлопанья крыльев миллионов бабочек, которое доносилось до его ушей через открытое окно, и еще он слышал страшные крики людей отовсюду. Джеком овладел страх, но он еще раз подумал, что надо выйти на улицу. Он пойдет за ними и спасет их. Но он знал, что, выйдя из дома, будет тут же подвергнут жуткой пытке. Он повторял себе снова и снова, что это дело одной секунды, надо только угадать, в какой они части двора, и сразу же броситься к ним.

Наступившая тишина была неожиданной и оглушающей, как страшный рев. Стоя у двери и ухватившись

вспотевшей рукой за дверную ручку, он понял, что никогда больше не увидит их. Крик прекратился, а вместе с ним пропало и направление, куда ему надо было бежать. В исступлении и отчаянии он звал ее бесконечное число раз, все еще надеясь, что Кэти услышит его и найдет дорогу к дому. Но надежды уже не было. Она никогда не найдет его, и он боялся подумать о том, что же тогда найдет ОН. Джек отбросил эту мысль, отложив ее на более позднее время, когда он начнет хоть что-то понимать в происходящем, когда это дикое безумие перестанет жалить его сердце и мозг.

Он чувствовал укусы снова и снова, они участились и стали более болезненными, и тогда он осознал, что его собственная жизнь находится в опасности. Изо всей силы он ударил спиной в дверь черного хода, и она захлопнулась. Теперь его начали кусать в ноги, и он почувствовал сильное жжение на шее, там, где был первый укус.

Смахивая насекомых с одежды, он закрыл оба окна на кухне. Затем побежал к раковине, нагнулся и раскрыл маленький шкафчик, найдя там то, что ему было нужно — распылитель с ядом от насекомых.

Он лег на пол и стал кататься, будто на нем горела одежда, давя при этом десятки бабочек, сидевших у него на спине и ногах.

Потом он затаил дыхание и нажал на колпачок распылителя, а они в это время продолжали опускаться на него как крошечные крылатые акулы.

Однако яд на них не действовал.

И вот тогда Джек испугался по-настоящему.

Он вскочил на ноги и бросился в холл. Здесь было немного лучше — не так много проклятых мотыльков, хотя летали они довольно плотной массой. Сколько же окон в этом доме и сколько из них Кэти (Кэти, милая Кэти, была ли она... могла ли она быть еще... живой?) оставила открытыми? Окна, окна, окна!

В гостиной — три открытых окна. Он бил бабочек на ходу, стараясь раздавить как можно больше крошечных телец. Еще несколько шагов — и окна закрыты, несколько бабочек билось о мелкую решетку, пытаясь прорваться внутрь. «Теперь в столовую», — подумал он.

Укусы в спину возобновились, и Джек понял, что ему нужно будет найти в доме безопасное место после того, как он закроет все окна. Но это потом. А пока он должен закрывать окна и постараться остановить их нападение, насколько это возможно.

Он взбежал вверх по лестнице к спальням, не обращая внимания на старинную вазу, которую случайно разбил по дороге, не замечая вырванной с корнем от резкого движения дверной ручки в спальне Алана. Бабочки роем летали в его спальне, а Алан... Боже! АЛАН!

«Сейчас нет времени думать об этом,— решил Джек.— Сначала надо сделать дом безопасным, а думать обо всем после. Работай, чтобы выжить, а потом уж будешь жалеть себя».

Выйдя из комнаты, он закрыл за собой дверь. Надо закрывать все двери! Закрывать спальни — более простое решение и гораздо более безопасное.

Двери захлопывались в коридоре одна за другой. Глупо! Это не сделает дом безопасным — останется общий холл. Он понял, что ему все же придется заходить в комнаты.

— Что вы за чудовища?! — закричал он на летающих насекомых.

Они стали садиться на его лицо.

Джек давил их быстрыми движениями, но они садились снова и снова! Они кусали его и в ноги, и, когда он посмотрел на свои брюки, ему стало дурно: там, где сидела каждая из сотен бабочек, была выжжена маленькая дырочка в ткани и через нее просвечивало голое тело.

Он иступленно давил пушистые тельца ладонями, размазывая их в липкую кашу на икрах и бедрах. Потом снова лег на пол, надеясь раздавить тех, которые сидели у него на спине, катаясь по персидскому ковру, чем испортил его навсегда. Кэти бы ничего ему за это не сделала...

Он катался из стороны в сторону, чувствуя своим телом ворсистый ковер и на нем скользких раздавленных мотыльков. Они опускались на него сверху, как бумажные пикирующие бомбардировщики, как камикадзе, которых он видел в кино, поражая его во все доступные им места.

Джек яростно отмахивался от них, как только они садились на него. Но они продолжали нападать с боков, сверху и со стороны ног.

Пол уже не спасал его. Надо вставать и убегать, но куда? Боль пульсировала во всем теле, как удары электрического тока, колола и жалила его, и он больше не мог ее выдерживать.

Насекомые явно собирались гнездиться на нем, он был в этом уверен. Ни в одном месте дома их не было

так много, как здесь. С ужасом Джек вспомнил те несколько последних минут перед самым нападением бабочек. Откуда они взялись? Как это могло случиться?

Ему становилось хуже. Нужно было срочно что-то предпринимать, но только что?

Одна комната! Он закроется в какой-нибудь одной комнате, и там спасется. Телефон стоял в их спальне, но там он не закрыл окна. Не успел.

Однако, ему показалось, что это будет лучшим выходом.

Джек повернулся налево, схватил край коврика, потом перекатился на правую сторону и взялся второй рукой за другой край. Это было защитой — не очень хорошей, но все же лучше, чем ничего. В таком положении ему было чертовски трудно вставать, но все же ему это удалось. У него не оставалось выбора. Накрывшись ковром, он побежал в спальню, наклонив голову, чтобы хоть немного защитить этим свое лицо.

Перед дверью в комнату стоял небольшой книжный шкаф, на котором лежала запечатанная пластинка, только что присланная из музыкального клуба. Вот это подойдет. Он сбросил коврик, тут же почувствовал, как они снова вцепились в обнажающуюся спину, схватил пластинку и распахнул дверь.

Казалось, что воздух двинулся ему навстречу, когда он вошел в заполненную мотыльками спальню. Размахивая пластинкой из стороны в сторону, он прошел к окнам. Оба окна были широко раскрыты, но, к счастью, на них были жалюзи. Джек захлопнул окна. Потом побежал назад и закрыл дверь.

Бросившись к огромной кровати, он сорвал с нее покрывало и подоткнул его под дверь, мучаясь от постоянных укулов в руки, ноги, спину и лицо. Когда покрывало закрыло щель под дверью, он начал давить бабочек, сидевших на нем.

Он сильно ослаб, но не мог понять, почему.

Когда же он увидел красные пятна от раздавленных коричнево-белых тел с серыми крыльями, то понял, что от укусов теряет много крови.

Надо покончить с ними сейчас же, пока у него есть еще силы, а потом вызвать помощь.

Если, конечно, помощь вообще можно будет вызвать.

Дырочки на пластмассовых жалюзи, которых раньше не было, сильно обеспокоили его. Если они могли прорваться сквозь них, то, может быть, они справятся и со

стеклом? Хотя их тела были не настолько сильными, чтобы пробить его.

Схватив пластинку, которую он бросил на пол, Джек стал яростно давить бабочек, сидевших на стенах, на полу, на кровати и на нем самом. Он все больше уставал и не знал, сколько времени еще сможет сопротивляться.

Внезапно он вспомнил о наборе гантелей и книжке с инструкциями по занятиям с ними, которые теперь лежали в подвале. Он бросил заниматься через три недели и теперь пожалел, что перестал соблюдать режим и забросил тренировки.

И все же, он замечал, их стало меньше — всего несколько тысяч или несколько сотен. Он не мог сказать точнее, сколько этих проклятых тварей находится с ним в комнате.

Одна из бабочек залетела ему в ухо, и он сильно перепугался, не ожидая такого нападения. Невольно вскрикнув от боли и страха, он на секунду открыл рот, и несколько бабочек залетели ему в горло, и он чуть не задохнулся, пока выплевывал их.

Забыв обо всем на свете, Джек бросился очищать комнату. Ему показалось, что прошло уже несколько часов, но зато их стало значительно меньше. Он осознал это, когда заметил, что теперь ему приходится гоняться за каждой оставшейся. Наконец он тяжело опустился на кровать, вдыхая отвратительный запах мертвых мотыльков, и стал ждать, когда последние оставшиеся в живых сядут на него.

«Пока я жду, можно позвонить», — подумал он, снял трубку, поднес ее к уху, но гудков не было.

Телефон молчал.

3

По длинной тропинке Кэрол Баннер пошла вверх к своему дому. Некоторое время она стояла перед входом, держась рукой за огромную медную ручку и чувствуя, что ее грубо отвергли. Она повернулась назад, наблюдая, как Джек направляется домой с Аланом на плечах. Она горестно вздохнула, подумав о том, как приятно было бы иметь такого ребенка, как Алан, и такого мужа, как Джек. Кэти была счастливой, и Кэрол спросила себя, осознает ли Кэти, насколько она счастлива? Но Кэрол сделала свой выбор много лет назад — либо карьера, либо семья, и только теперь подумала, что, может быть, она смогла бы иметь и то и другое.

Да, она ошиблась, послушавшись Макса, своего менеджера. Он говорил так гладко, так убедительно, что она отвергла предложение молодого человека, которого действительно любила и который сделал бы все, чтобы не помешать ее карьере. Но с тех пор прошли годы, и Крэг нашел кого-то еще, женился, и теперь у него была своя семья.

А ведь она могла бы поступить по-своему и прислушаться к голосу своего сердца, а не своего менеджера.

Кэрол открыла дверь и вошла в дом.

У нее было много чего показать в доме: дорогие вещи, ценные картины и скульптуры — обстановка стояла почти столько же, сколько и сам дом. Но в нем не было теплоты, и она не чувствовала, что это был действительно ДОМ. Войдя через центральный вход, Кэрол подумала, что сможет переждать бурю в комфорте, в комнате с кондиционерами и при этом включить отопление.

Она поднялась по лестнице, покрытой роскошными коврами, скользя рукой по гладкой поверхности тяжелых махогоновых поручней и бросая взгляды на громадные картины, развешанные по обе стороны лестницы. Сначала эти шедевры заставляли ее чувствовать, что она живет в музее, но постепенно она привыкла к ним и просто перестала их замечать.

Кэрол закрыла окна в бывшем кабинете, превращенном теперь в спальню, в двух других никому не нужных спальнях, в своей спальне и в комнате для шитья. Стоя в этой комнате и глядя на швейную машинку в углу, которую так ни разу и не использовали, она подумала, как это было наивно, когда она сообщила художнику по интерьерам, что хочет иметь в своем доме комнату для шитья. Что она собиралась шить? Одежду для себя? Платья, которые надевала бы в Лас-Вегасе? Или, может быть, вечернее платье, в котором она появится на телевидении? Кэрол улыбнулась и представила себе такую сцену: «Какое прекрасное платье, Кэрол». — «Спасибо, Джонни. Я сшила его сама вот по этой выкройке»... — И миллионы телезрителей смотрят на нее с восхищением и недоверием.

Она спустилась вниз, чтобы закрыть окна и там. Когда с этим было покончено, Кэрол вернулась в гостиную и нажала кнопку на краю стола. Мягкая тихая музыка полилась и заполнила комнату, вытесняя из головы ненужные грустные мысли. Она сняла туфли и на минуту расслабилась в кресле, приготавливаясь переждать ненастье.

В понедельник ей нужно было лететь в Нью-Йорк для очередной поездки по стране, чтобы сделать рекламу своей новой пластинки. Как будто она нуждалась в рекламе! Неделя на прилавках магазинов — и диск станет почти золотым. Макс хотел, чтобы она выехала в пятницу, но Кэрол уговорила его отложить ее первое выступление до понедельника, чтобы пару дней отдохнуть на севере от назойливых репортеров, фотографов и поклонников.

Кэрол ненавидела бури, а та, которая надвигалась сейчас, похоже, должна была быть очень сильной. Небо стало совсем черным — гораздо темнее, чем при обычной грозе в этой местности. Обычно, когда Кэрол была одна и начиналась гроза, она звонила кому-нибудь по телефону, чаще всего Максу, и разговаривала до тех пор, пока дождь не пройдет. Этот непонятный страх у нее был с детства: однажды родители оставили ее одну, уехав по какому-то срочному и неотложному делу, и в это время пошел дождь. Ей стало страшно, и она позвонила матери своей подруги, плача в телефон и боясь даже услышать слова с другого конца провода. Но она слышала голос, успокаивающий ее, и этого оказалось достаточно. Когда ее родители вернулись домой, они еле отыскивали свою дочь. Чисто случайно они заметили телефонный провод, который тянулся в туалет. Кэрол сидела там, сжавшись в комок от страха, дрожала и прижимала к себе телефонную трубку.

Снаружи стало еще темнее, и она подумала, что сейчас самое время кому-нибудь позвонить. Ей нужно было обсудить с Максом последние детали, и это было вполне достаточным поводом для звонка. Кэрол дотянулась до телефона и набрала номер.

Рабочий, который приходил устанавливать телефон, удивился, когда узнал, что аппараты должны быть поставлены во всех комнатах. Он даже спросил, не произошла ли здесь какая-нибудь ошибка. Когда Кэрол ответила, что никакой ошибки нет, он сделал свою работу быстро и тихо, и ей показалось, что он хочет как можно скорее выбраться из этого дома.

Телефон прозвонил несколько раз, а потом затих. Кэрол подумала, что она просто не слышит гудки, и сильнее прижала трубку к уху, но трубка молчала. Она повесила ее (пусть повисит немного на своем месте), а потом подняла опять. Но поднеся ее к уху, она сразу же поняла, что что-то случилось. Телефон не работал.

Проклятье! Именно этого ей сейчас и не хватало!

А темнота все сгущалась, тени от деревьев в саду ис-

чезли. Кэрол увидела, как что-то метнулось за окнами, а потом пошел снег — совершенно горизонтально. Горизонтально? Это еще что такое? Это же невозможно!

Она встала и подошла к окну. За то время, которое понадобилось ей, чтобы вылезти из глубокого кресла и подойти к окнам, воздух на улице наполнился хлопьями — белыми, коричневыми, серыми — так густо, что она уже не могла разглядеть своего двора. И эти хлопья двигались. Когда они приблизились к стеклу, Кэрол увидела, что это были бабочки. Бабочки?! Хотя это было совершенно нелепо, но все же более вероятно, чем горизонтальный снегопад. «Горизонтальный снегопад», — подумала она и постаралась представить его себе. Может быть, в бурю, при очень сильном ветре может показаться, что снег падает сбоку, хотя всегда должен быть хоть небольшой наклон вниз.

Но что бы там ни было, внутри она по крайней мере была в безопасности, не то, что ее машина во дворе. Ведь они покроют ее полностью и могут повредить лак. Конечно, она может купить себе новую машину или отремонтировать эту, но все равно это было непростительно. Она должна была поставить ее в гараж, когда вернулась после дел вчера вечером. Но представив, как эти бабочки забираются ей в волосы, ползают по ее одежде, Кэрол подумала, что уж лучше пусть пропадает лак на машине. Пусть лучше пострадает машина, чем она сама.

Отчаянный крик донесся до ее ушей, и дрожь пробежала по спине. Крик шел со стороны соседнего дома, в котором жили Кэти и Джек, точнее, с их двора. Кэрол с трудом сглотнула и, глубоко дыша, вышла из гостиной. Она быстро вернулась в кухню, утопая босыми ногами в пушистых шерстяных коврах. Никогда в жизни она не слышала ничего подобного — такого жуткого, истощающего и надрывного крика.

Но не успела она дойти до черного хода, как услышала громкий плач ребенка, а потом то, что показалось ей совсем уж невероятным — дикий вопль, еще более иступленный и страшный, чем первый, который оборвался посередине.

Кэрол побледнела, представив себе, что могло произойти. И все же она знала, что даже самое страшное, что она могла вообразить себе, было только наполовину так жутко, как то, что случилось на самом деле там, снаружи. Она знала это, ощущала всем своим существом, хотя и не могла разглядеть ничего снаружи. Никто еще не выживал после такого крика.

И ребенок Джека и Кэти тоже был там.

А Джек? Может быть, он тоже с ними на улице. Она надеялась и молилась, чтобы его там не было. В конце концов неважно, что произошло с ними, подумала она. Главное, что Я в доме, в безопасности и уюте.

Она не была близка с Джеком, хотя давно уже делала отчаянные попытки сблизиться с ним. Но при этом она никогда не желала зла Кэти.

Внезапно Кэрол почувствовала, что вся дрожит, и зябко поежилась. Снаружи ничего не было видно, кроме плотной стены трепещущих крыльев и телец, пытающихся пробиться через мелкую сетку на окнах. «Слава Богу, что я закрыла окна и включила кондиционер», — подумала Кэрол, и вдруг заметила, что звук работающего кондиционера изменился. Ровное гудение сменилось на напряженное рычание. Она посмотрела вверх на отдушины и увидела, что мелкие хлопья спускаются через металлическую решетку в потолок. С ужасом Кэрол осознала, что это были за хлопья. Но тут напряженное рычание прекратилось, и дом погрузился в полную тишину.

Она знала, что случилось — бабочки попали во входной клапан кондиционера и забили его. Знала она также и то, что через несколько мгновений по воздуховодам они проникнут в дом. Ей надо было закрыть отдушины, но они были слишком высоко и слишком во многих комнатах. Может быть, если она просто отключит систему, входные отдушины закроются автоматически?

Бросившись в переднюю, Кэрол заметила, что несколько бабочек уже внутри и порхают по холлу, подбираясь к ней. Она вскрикнула и в ужасе замахала руками. Потом добралась до кнопки выключателя, нажала ее и повернулась к холлу. Бабочки были уже в доме, хотя и не в таком количестве, как на улице.

Но все же они летали сотнями, и каждая из них пыталась сесть на нее. Привычно набрав в тренированные легкие побольше воздуха, она изо всех сил закричала.

Бабочки стали садиться на ее руки и грудь, она брезгливо стряхивала их, с отвращением чувствуя под пальцами смятые тельца. Потом бросилась к двери, ведущей в подвал, в надежде убежать от ужаса, преследующего ее в холле. Внизу был запас еды, телефон и небольшая кухня — она смогла бы оставаться в подвале до тех пор, пока они не покинут дом, а когда станет безопасно выходить на улицу, она наконец сможет выбраться из этого Богом забытого поместья Стоул.

Кэрол рывком открыла дверь и сбежала вниз по лестнице, не забыв закрыть дверь за собой. Внизу их было меньше, и она подумала, что здесь ей будет намного легче.

Она посмотрела на свои руки, на нежную, почти прозрачную кожу, которую любила даже больше, чем Крэга: руки занимали в ее карьере такое же место, как и голос. К своему ужасу Кэрол обнаружила, что руки ее исколоты и кровоточат. Пройдет несколько недель, прежде чем она снова сможет появиться на сцене.

Появиться на сцене? О чем она думает — появиться на сцене! Ей еще повезет, если она вообще выберется отсюда живой.

Нет. Она выберется отсюда. Она должна выбраться. В конце концов, ее обязывало уже то, что она была Кэрол Баннер — знаменитая певица, звезда экрана и сцены.

У нее были поклонники, обожатели и люди, которым она давала работу и платила.

Она подождет, пока стемнеет, пока бабочки улетят или заснут (а спят ли вообще бабочки?), а потом сядет в машину и уедет из этого проклятого места. Да. Это она и сделает: дождется темноты и уедет.

Кэрол беззвучно засмеялась и слегка притронулась к своей кровоточащей коже краями кофточки.

Но тут же перестала смеяться и тихо заплакала.

4

Гарри Мейер положил маленькую карточку на свой игровой лист и стал ждать, когда выкрикнут следующий номер. В клубе было мало народу, потому что в воскресенье должен был состояться дневной футбольный матч, и Гарри это нравилось. Он не любил толпу, она раздражала его, и он не мог полностью наслаждаться игрой.

— У тебя уже партия, — сказала его жена.

— Да, уже, — ответил Гарри и улыбнулся.

— Так выкрикни и объяви всем, — сказала она.

— Пусть какой-нибудь бедолага выиграет. Мне не нужны пятьдесят долларов.

— Но это нечестно. Это же обман! — не унималась она.

— Филлис, будь серьезной. Если я хочу обманывать их и при этом проигрывать, то кто же будет жаловаться?

Выкрикнули следующий номер, и жена Гарри повернулась к своему листку. Гарри снова надвинул на нос огромные очки в черной роговой оправе и посмотрел на свои номера. И этот номер у него тоже был, но он не удивился. Так шла вся его жизнь — одна удача за другой. «Как и та удачная сделка, благодаря которой мы смогли переехать в поместье Стоул», — подумал он. Покупка конгломерата обошлась его компании в сумму чуть больше шести миллионов долларов, зато он смог укрыться от налога и обладать при этом завидным состоянием. В возрасте пятидесяти двух лет он собирался прожить остаток дней в роскоши, а его дом в поместье должен был служить ему центром для всякого рода сделок и развлечений. Он купил себе новый «Пайпер Каб» вместо старого одномоторного самолета и часто летал на нем, стартуя с частного аэродрома. Иногда он просто летал вместе с женой, осматривая окрестности и не имея в голове никакого определенного плана. Он любил приятно проводить время в воздухе, описывая огромные ленивые круги над поместьем.

Несмотря на все его богатства, подстригала его только Филлис, каждые две недели подравнивая прилизанные волосы своего мужа на моряцкий манер. Коротенькие щетинистые бачки у Гарри уже начинали седеть, но это его не беспокоило. Филлис же выглядела молодо, будто ей только что исполнилось сорок лет.

— Партия! — выкрикнул кто-то.

«Ну и слава Богу», — подумал Гарри.

Филлис смахнула карточки с листа и посмотрела на него. Он видел, что она расстроена, поэтому улыбнулся и взял ее за руку.

— Неважно, дорогая. Мы ведь выигрываем покрупнее, мы с тобой вместе.

Она улыбнулась, и Гарри заметил, что напряжение исчезает с ее лица. Она вздохнула и нагнулась, чтобы поцеловать его в щеку.

— Сыграем еще разок? — спросила Филлис.

— Нет. Сыграй одна, а я посмотрю. Мне больше по душе наблюдать, чем играть самому.

— Ладно. Все равно, когда ты покупаешь игровые листы, это то же самое, что выбрасывать деньги.

Она сказала это беззлобно, и он знал, откуда исходят эти слова. Практичная, несдающаяся Филлис — ей удавалось сводить концы с концами даже с помощью той мизерной зарплаты, которую он приносил лет двадцать то-

му назад. Но она никогда не жаловалась. И с годами это стало частью ее — бережное, аккуратное отношение к деньгам. Даже когда он продал свою компанию и объявил ей, сколько теперь у них стало денег, и что им не придется больше думать о деньгах никогда в жизни, она, казалось, не поверила, вообразив себе, что если начнет брать деньги из банка и распоряжаться ими по своему усмотрению, то вдруг раздастся телефонный звонок, и ей сообщат, что тут произошла ошибка, и она тратит чьи-то чужие деньги.

Возможно, он торопил события, желая, чтобы Филлис побыстрее привыкла сознавать, что они наконец-то действительно разбогатели. Гарри настаивал, чтобы она носила драгоценности всегда и везде — даже когда они ходили к пруду загорать, — причем драгоценности эти были настолько дорогие и красивые, что она чувствовала себя в них неловко.

— Привет, Гарри.

Гарри обернулся и поднял голову. Пришел Фред Тревер, один из первых его друзей, которых они с Филлис приобрели, переселившись сюда.

— Привет, — ответил Гарри. — Присаживайся. Хочешь выпить со мной?

— Не думаю, что мы уместимся здесь вдвоем, — улыбнулся Фред и выдвинул для себя стул.

Гарри стало неприятно, но он все-таки тоже улыбнулся в ответ. Прежде всего Фред был торговцем, и только зная это, можно было правильно понимать его поступки.

Гарри нажал кнопку на крышке стола, и они стали ждать вызванного официанта.

— Тебе везет сегодня? — спросил Фред.

— Как всегда, прекрасно. Не жалуюсь.

— Жаль, что не могу сказать о себе того же.

— В самом деле?

— Возможно, нам придется переехать. Дела идут плохо, и у меня не хватает средств.

— Это весьма неприятно. Ведь Филлис и я очень любим тебя и Лиз. Если я чем-нибудь могу помочь, то я всегда готов...

— Спасибо. Нам с Лиз здесь очень нравится.

Гарри знал, что Фреду приходится много работать и заниматься очень трудными сделками по продаже имущества, чтобы платить за дом в поместье Стоул. У Фреда был один недостаток — физический, который при его профессии мешал бы ему очень сильно, если не его опыт

и необычайные способности,— у него были глаза, напоминавшие бусинки.

— Не волнуйся, Фред. Бывает, что все меняется именно тогда, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Появилась официантка, и Гарри заказал вина.

— А где Лиз?

— Где-то здесь. Но только одному Богу известно, где именно.

— Филлис наверняка найдет ее. Она пошла за новыми картами для бинго, и, вероятно, ее кто-то отвлек. Ты видел Джима?

— Да, он тоже тут. Наверное, как всегда смотрит, как другие играют и развлекаются.

— Послушай, давай-ка его отыщем и сыграем в карты,— предложил Гарри.

— Неплохо бы.

Принесли вина, и Гарри сказал, чтобы официантка записала все на его счет. Держа в руках стаканы, они отправились разыскивать Джима, худощавого блондина, специалиста по компьютерам. Гарри не боялся оставлять Филлис одну в этом огромном шумном месте: когда ему захочется поехать домой, она быстро найдется.

Пробираясь к игровым столикам, они слышали объявление, переданное через все громкоговорители клуба: «Внимание! Приближается довольно сильная буря. Всех, кто оставил окна своих машин открытыми, предупреждаем об опасности. Спасибо за внимание».

Гарри посмотрел в левое окно веранды, но ничего не увидел, потом посмотрел направо. Да, с севера действительно надвигались черные тучи. Наверное, будет очень сильная гроза.

— Хорошо, что мы закрыли все в доме, когда собирались сюда,— сказал Гарри.

— Да. И мы, слава Богу, тоже.

Дойдя до игровых столов и площадок, они увидели там Джима: тот перегнулся через бортик для наблюдателей и внимательно следил за двумя игроками.

Джим был примерно одного роста с Гарри и Фредом, но самым худым из них. Разговаривал он всегда тихо и медленно, и это вводило собеседников в заблуждение, потому что в нужный момент он всегда мог вставить остроумную и мудрую фразу.

— Эй, Джимбо! — сказал Фред, когда они подошли поближе. — Как насчет того, чтобы перекинуться с нами в карты?

Джим с улыбкой повернулся в их сторону:

— Я так и знал, что рано или поздно вы попросите меня об этом.

— Если это правда, то почему же ты сам нас не нашел? — дружелюбно смеясь, спросил Гарри.

Джим пожал плечами и улыбнулся.

— Знаете, я как раз только успел об этом подумать, когда вы подошли.

— Давайте лучше поищем свободный столик, — предложил Фред.

— Это не составит особого труда. Похоже, что народ отсюда валит стаями, как саранча, — сказал Джим.

— Конечно. Если один решит, что надо закрыть окна машины, то за ним уж точно последуют и все остальные. Дождь собирается, ты слышал?

— Боюсь, что нет. У меня от голода временами пропадает слух.

Джим указал пальцем на выпяченный живот Гарри.

— Тебе-то хорошо. Так можно дольше прожить.

— Дольше чего? — поинтересовался Фред.

Джим покачал головой и горько вздохнул:

— Не обращай на нас внимания, Фред. Мы все равно не сможем состязаться с твоим остроумием.

Все трое рассмеялись. Когда они вернулись в главный зал клуба, у них создалось впечатление, что во всем здании остались только они одни. За столиками сидело от силы пять — десять парочек, и несколько человек шатались по залу, не обращая внимания на выкрикиваемые номера бинго.

— Похоже, что мы можем выбрать себе любое место, какое захотим, — прокомментировал Фред.

— Ну и прекрасно! — подытожил Гарри. — А вот и наши дамы. Вон там, видите, за столиком. Давайте предупредим их, где нас искать в случае чего.

Джим удивленно поднял брови.

— Парень, а ты, я вижу, большой оптимист.

Гарри хохотнул.

— О нет, просто Филлис иногда во мне нуждается. Не часто, правда, но все же...

Они подошли к столику.

Небо в огромных окнах, из которых полностью состояли две стены зала, потемнело. Гарри взглянул в сторону приближающейся бури и нахмурил свое круглое лицо. Он редко видел подобное в своей жизни, но об этом всегда предупреждали не меньше, чем за двадцать четыре часа. Странно, подумал он, что такая сильная буря появилась

ниоткуда и так внезапно, стремительно надвигаясь с севера.

— В чем дело, дорогой? — спросила Филлис.

— Я просто смотрю на приближение урагана, и что-то он мне не нравится, — сказал он.

— Не волнуйся, Гарри, — успокоил его Фред, похлопывая по плечу. — Я защищу тебя от противных мокрых капель.

Гарри улыбнулся.

— Обещаешь?

— Я дам тебе письменное заверение.

Еще несколько человек вышли из зала, посматривая на приближающиеся тучи. Гарри увидел, как группа теннисистов, еще в шортах и тапочках, с накинутыми на плечи полотенцами, не переодеваясь, направилась к стоянке автомобилей.

— Мы собирались поиграть в карты, — сказал Гарри.

— Прекрасно, — ответила Филлис. — Только не теряйтесь.

— А ты не против? — спросил Фред у Лиз. Она была немного толстоватой и самой непривлекательной из всех друзей.

Лиз наморщила лицо, но по его выражению ничего нельзя было определить.

— Только поосторожней, особенно с этими двумя акулами, — напутствовала она мужа.

Фред обиженно нахмурился.

— Я смогу за себя постоять, — холодно заверил он.

Гарри чувствовал, что между ними что-то происходит, поэтому сейчас лучше всего было просто промолчать, и тогда есть надежда, что напряжение рассосется само собой.

— Похоже, начинается буря, — объявил Джим.

Все посмотрели в окна.

— Снег? — удивленно спросила Филлис.

— Нет. Больше похоже на насекомых. Бабочки! — сказал Джим.

— Ну, конечно, — скучно пояснил Фред. — Ведь в это время года частенько идет дождь из бабочек.

Все засмеялись, кроме Лиз, хотя на самом деле смеяться никому не хотелось. Гарри снова почувствовал, как нарастает напряжение, но в этот раз оно уже смешивалось со страхом. Он видел фильмы о нападении саранчи, и сейчас происходило что-то, очень сильно напоминающее эти кадры. Небо продолжало темнеть, и с каждой секундой бабочек становилось все больше и больше.

— Ничего не понимаю,— тихо сказал он.

Тут они увидели, как люди на стоянке хлопают себя по рукам и ногам, куда садятся эти странные мотыльки.

Вдруг раздался отчаянный женский крик, прорезавшийся через толстые стекла огромных окон. Люди снаружи оживились и принялись убивать бабочек, нападающих на них. Еще один крик, полный ужаса, донесся с улицы. Гарри побледнел, кровь разом отхлынула от его лица.

— Боже мой,— сказал он.— Вы только посмотрите сюда!

Бабочки садились на каждого, кто был снаружи, и казалось, что люди исполняют какой-то дикий танец, подпрыгивают, машут руками, бьют себя по ногам и груди. Гарри ошеломленно смотрел на это и не верил своим глазам.

А бабочек становилось все больше, они заполняли собой весь воздух, и теперь Гарри почти уже ничего не видел. Многие бросились к машинам и к дверям клуба. Все были в крови, и эти окровавленные тела кричали и визжали. Гарри увидел, как одна женщина кинулась вперед и упала, и ее моментально покрыли коричневые, серые и белые тельца насекомых.

— Что за чертовщина здесь происходит? — со страхом спросил Фред.

— Не знаю,— сказал Гарри.— Но лучше, по-моему, их сюда не впускать.

С этими словами он бросился ко входным дверям. Джим и Фред последовали за ним.

Гарри был рад, что многие уже успели покинуть клуб. Он понимал, что им было бы не выстоять против нападения сразу с двух сторон — тех, кто пытался бы вырваться наружу, и тех, кто, наоборот, рвался бы внутрь. Его тело ныло от усталости и боли, он думал, навалившись на большие стеклянные двери. Фред сидел на полу, упершись спиной во вторую дверь. Джим стоя охранял тылы.

Внутри у Гарри все замирало от каждого нового крика, доносившегося с той стороны дверей, но он знал, что впускать нельзя никого. Это бы означало самоубийство и смерть всех тех, кто еще оставался в клубе. Стоя возле дверей, они имели возможность наблюдать, что делали эти бабочки, и они видели это очень близко и отчетливо, отделенные от улицы стеклами толщиной в четверть дюйма.

ма. Те, кто находился на улице, были уже не людьми. И, разумеется, они не были живыми.

Гарри подумал о том, как же себя сейчас чувствуют их жены. Женщины охраняли второй вход в клуб, несмотря на то, что Фред пытался отговорить их делать это. Он объяснял им, что если несколько мужчин попытаются ворваться вовнутрь, то двоим женщинам все равно будет не под силу их остановить. Гарри согласился с этим, но решил, что дверь, охраняемая хотя бы наполовину, все же лучше, чем дверь, вообще никем не охраняемая. Джим тоже поддержал это мнение, и сопротивление Фреда было подавлено. К счастью, остальные члены клуба тут же перешли на их сторону, видя очевидную опасность, но еще не понимая полностью ее сущности; они без лишних вопросов перекрыли все входы, как указал им Гарри.

«Ну, а что дальше? — подумал Гарри. — Сидеть у дверей и стеречь их — это только полдела, это, конечно, отвлекает от жутких размышлений о происходящем, но, однако, и не подсказывает, что же делать дальше».

— Они внутри! Они внутри! — закричал вдруг какой-то мужчина, с огромной скоростью сбегая вниз к тому месту, где сидел Гарри.

Бегущего преследовал рой бабочек.

— Ну-ка пошли! — мгновенно отреагировал Гарри, поднявшись с пола одним движением, неожиданно быстрым и ловким при его тучной фигуре.

Они бросились от мужчины прочь, надеясь попасть в танцевальный зал прежде, чем туда долетят бабочки. Это был единственный путь к спасению. Первым, задыхаясь, изо всех сил бежал Гарри. Сердце громко стучало в его груди.

Гарри свернул в танцзал, Джим и Фред бежали за ним. Захлопнув за собой двойные двери, Джим прижался к ним спиной, думая, что тот мужчина попытается вслед за ними ворваться в зал. Но через несколько секунд они услышали звон разбитого стекла и истошный предсмертный крик — исступленный вопль, полный боли и отчаяния.

Гарри знал, что бабочки уже были в здании, и теперь единственным шансом было, выбравшись из танцзала, найти безопасную комнату и надежно укрыться в ней.

Женщины находились в кухне, их разделяли двойные металлические двери в дальнем конце танцзала. Если бы им удалось продержаться эти стальные двери закрытыми, то это было бы самым подходящим местом.

— А вот и они,— удивительно хладнокровно сказал Джим.

Гарри посмотрел вверх, туда, куда указывал Джимми. Мотыльки тучами пробивались через отдушины воздушных кондиционеров.

— Давай попробуем пробраться в кухню. Это наша единственная надежда,— предложил Гарри.

Еще один пронзительный крик донесся до них из зала, и у Гарри мурашки пробежали по спине.

— Эту битву мы, вероятно, проиграем,— тихо сказал Фред.

— Заткнись,— огрызнулся Гарри.

Не сговариваясь, они рванулись к дверям, ведущим в кухню. Крики, доносившиеся оттуда, заставили их бежать еще быстрее.

Распахнув толстые двойные двери, они увидели своих жен, отчаянно отбивавшихся от бабочек, которые сотнями проникали через отдушины. Но наружные двери здесь были закрыты, и Гарри понял, что у них есть шанс. Он был слишком мал, но все же это лучше, чем то другое, неизбежное.

— Фред! Ты помогаешь женщинам убивать как можно больше этих маленьких сволочей. Джим — ты помогаешь мне заткнуть отдушины,— скомандовал Гарри и с трудом забрался на стальную стойку. Он схватил несколько посудных полотенец и, размахивая ими, чтобы отогнать бабочек от лица, заткнул одну отдушину. Посмотрев в другой конец кухни, он увидел, что Джим делает там то же самое.

Через секунду он уже спустился со стола, дотянулся до другой отдушины и тоже заткнул ее. Фред увидел, что некоторые бабочки проникают через щели между двойными дверями. И уже в следующее мгновение Гарри с удовольствием отметил, что Фред моментально среагировал и заткнул эти последние входы оставшимися полотенцами и тряпками.

Женщины держались стойко, хотя обе были белые от страха, кроме тех мест, которые кровоточили от укусов. На секунду расслабившись, Гарри почувствовал десятки укусов, похожих на пчелиные. Он посмотрел на свои брюки и увидел, что они сплошь усеяны бабочками.

Не обращая внимания на боль, он как можно быстрее спустился со стола и поспешил на помощь женщинам. Джим уже расставил всех в круг так, что у каждого незащищенной оставалась только одна сторона. Они оставили место для Гарри, и, как только он встал в круг и их пле-

чи сомкнулись, ему сразу же стало легче, словно появилась новая надежда, будто был шанс выжить.

Битый час они методично давили бабочек, пока руки у них не изнемогли, пока силы не иссякли, пока они не свалились на пол от усталости. Все были изранены, тела их кровоточили, но все же они выжили.

Теперь они были погружены в тяжелую тишину, которая означала, что кондиционеры перестали работать,—эти проклятые насекомые забили собой входные клапаны.

«Хорошо, мы выждем, пока они уберутся отсюда, а потом и сами уйдем из этого ада»,—подумал Гарри.

5

Конни Руди наблюдала, как ее муж сворачивает палатку. Он работал быстро и ловко, будто продельывал эту работу уже тысячу раз. Брэдли, их сын, «помогал» отцу, минутно спрашивая, что тот делает и почему он это делает. Конни улыбнулась, видя, что Роджер терпеливо объясняет мальчику назначение колышков и веревок и рассказывает, как они удерживают нейлоновое покрытие. Брэдли складывал колышки кучкой около рюкзаков, как просил его отец. Он был послушным шестилетним мальчиком.

Когда Конни увидела вдалеке надвигающийся дождь, она посмотрела на Роджера так, что он оробел и улыбнулся, как маленький мальчик, спрашивающий: «Кто, я?» Ведь он долго убеждал ее, что на этот уик-энд прогнозы были самые благоприятные. Если бы Конни знала, что пойдет дождь, она никогда бы не покинула свой уютный домик, чтобы отправиться в поход по диким лесам вокруг поместья и мокнуть там в палатке.

Конни не по своей воле стала туристкой. Первый раз, когда они путешествовали с рюкзаками на плечах по лесам в окрестностях Белых Гор, Роджер всегда шел впереди шагов на пять—десять, быстро продвигаясь сквозь чащу! Через каждую минуту она просила его идти немного помедленней и подождать ее, так как боялась сильно отстать. Когда он входил в лес, с ним происходили какие-то странные изменения — он превращался из талантливого художника в настоящего дикаря,—и ее всегда удивляло это. «Но на этот раз все будет по-другому»,—подумала она. Теперь с ними был их маленький Брэдли, и Роджер вел себя более цивилизованно и прилично. Этот поход ей почти что понравился.

Идея похода принадлежала, конечно, Роджеру, и она молча согласилась только ради Брэдли. Роджер сказал, что им уже пора выходить вместе всей семьей. Без телевизора, без посторонних — никаких отвлечений, кроме природы и ее красоты. Конни вынуждена была согласиться с ним. Они достали для Брэдли маленький спальный мешок и рюкзак, который он, играя, часто носил в доме, и отправились в путь.

Тут Конни увидела, что Брэдли стал играть с острыми колышками, и едва удержалась, чтобы не прикрикнуть на него. Она всегда останавливала себя, когда ей хотелось повысить на него голос. «Не лезь на скалу, не подходи близко к речке, не играй в грязи».

— Готово? — спросил Роджер.

— Да, — ответил Брэдли.

Рюкзак висел у него сбоку, а ремни перепутались так, что распутать их было почти невозможно.

Роджер улыбнулся и взъерошил сыну волосы.

— Конечно, ты готэв. Только давай я тебе немножко помогу. — Он поправил ремни и рюкзак Брэдли так, что тот теперь выглядел заправским туристом.

— А как ты, Конни?

— Прекрасно, прекрасно. — Она снова посмотрела на тучи и нахмурилась. — Кажется, будет сильная гроза.

Роджер улыбнулся, пытаясь успокоить ее.

— Мы можем немного вымокнуть, но мы ведь крепкие, мы не растаем, верно?

— Верно! — весело крикнул Брэдли.

Конни ничего не ответила. «Отец и сын», — подумала она.

Она вспомнила, как впервые встретила Роджера в колледже. Тогда она никак не могла понять, чем же он занимается. Минуту он был увлечен искусством, тем, что он делает, что хочет выразить своей работой, а в следующий момент он уже носился по корту, играя в теннис или в гандбол, или уходил на охоту на все выходные дни.

— Мама, что с тобой?

— Что? А, нет, все в порядке. Все прекрасно. Просто я думала...

— О чем?

— О папе, и о том, какой он хороший художник.

— Это хорошо, мама, но давай лучше пойдем, пока не начался дождь, — сказал Брэдли.

Конни нежно улыбнулась.

— Как скажешь, дорогой.

Подошел Роджер, помог ей надеть рюкзак, и они двину-

лись на север, к поместью, и к своему дому. Дорога из леса будет приятной и недлинной. Это было одной из причин, которые привлекли внимание Роджера к поместью Стоул. Оно располагалось в глуши лесов, и строители сделали для Роджера громадную студию прямо в доме. Впрочем, Конни здесь тоже нравилось.

Они шли по тропинке вдоль реки, которая вытекала из искусственного озера, ощущая прелесть теплого ветерка, дующего в лицо. Медленное, ленивое движение воды расслабляло Конни, она была почти рада, что согласилась на этот поход. Ей нравилось слушать нежное журчание воды и смотреть на причудливые изгибы реки у скал. На засохшем дереве появилась белка, серая, как старый ствол. Она встала на задние лапки, понюхала воздух и замерла, слившись с деревом.

Вдали через стволы деревьев Конни уже могла разглядеть дома. На окраине поместья дома стояли далеко друг от друга, не так, как в центре, и между ними были промежутки в несколько акров.

Она посмотрела вверх — солнце скрылось. В самом деле, небо темнело очень быстро. Конни вздохнула и поняла, что им не успеть домой, как бы быстро они ни продвигались вперед. Несколько бабочек появилось возле ее лица, и она с удовольствием разглядывала их, любуясь тем, как их маленькие тельца забавно прыгают в воздухе. Потом она снова вгляделась в лес, чтобы определить, сколько им еще осталось идти до дома.

— Проклятье! — проворчал Роджер, хлопнув себя по шее.

— Что случилось, дорогой? — спросила она.

— Кто-то меня укусил. Пчела, наверное.

— Я ничего не видела. Только несколько бабочек. Дай, я взгляну.

— Не надо. Все в порядке. Пошли дальше.

Они снова тронулись в путь. Но не успели они сделать и двух шагов, как Роджер хлопнул себя уже по щеке.

— Ой!

— Еще одна пчела?

— Нет, — сказал он. — Бабочка.

— Бабочки не кусаются.

— Да, но эта кусается.

Конни подошла к Роджеру и посмотрела на его щеку. Там выступила капелька крови. Тут они услышали слабый отдаленный звук, и Конни поняла, что где-то вдали кто-то пронзительно кричит. А через мгновение Роджер,

Конни и маленький Брэдли увидели, как на них надвигается шевелящаяся стена, которая движется, переливаясь коричневым, белым и серым.

— Какого черта?.. — тихо сказал Роджер.

Брэдли заплакал.

В следующее мгновение они были окружены бабочками. Конни тут же вцепилась в руку Роджера, не видя ничего в плотном облаке из мотыльков. Казалось, что они находятся под водой, где каждая капля — бабочка. И она тонула, задыхалась в этом плотном воздухе, беспомощно царапая руками свое лицо. Конни почувствовала, как две руки обхватили ее ноги — это были руки Брэдли, и тут она потеряла равновесие. Падая, она услышала, как плач Брэдли перешел в испуганный крик.

Она смутно видела над собой Роджера, который изо всех сил размахивал руками. Он сыпал проклятиями и бил бабочек насмерть, размазывая их раздавленные тела по своему лицу. Конни осознала, что они обречены. Слишком много было здесь этих маленьких тварей. А потом она почувствовала жгучую боль во всем теле.

Неожиданно Брэдли отпустил ее колени и начал лягаться и беспорядочно бить руками, но большинство ударов доставалось ей. Его голос был полон страдания, и от этого сердце ее сжималось — слышать этот голос было гораздо больней, чем ощущать укусы бабочек. Конни чувствовала, как маленькие ножки бьют по ее лицу, по рукам, по шее, чувствовала она и жалящие укусы бабочек, которые ползли у нее по спине под кофточкой, заползали в рукава, двигались по голым ногам, кусали и жалили, нападая на каждый дюйм ее кожи. Она отчаянно давила их, катаясь по земле, но на место одной убитой тут же садились две живые.

Обжигающие укусы покрыли ее тело, как одеяло из шипов. Ее руки уже не принадлежали ей — кожа стала будто живая, состоящая из коричневых, белых и серых пятнышек, движущихся в разные стороны, а под ними образовался кровавый багровый фон. Ее кожа ползла, трепеща крыльями, и эта жуткая масса заполняла собой все тело, как пламя, попадая под одежду, на лицо, волосы, спину и ноги.

Роджер взревел от боли и упал на землю рядом с ней. Брэдли внезапно затих, его удары тоже неожиданно прекратились. И тут она как бы со стороны услышала дикий крик, исходящий из нее самой, с ее покрытых бабочками изуродованных губ. Так кричат лишь смертельно раненные звери; это был мученический, гортанный вой, и она даже

подумала, что это вопит кто-то другой, какое-то несчастное, беззащитное существо, чья-то чужая замученная душа.

А потом до нее дошло. Что-то на мгновение взметнулось в ее мозгу, и ушло навсегда, ее больше не было. Она слышала свой крик, видела, как движутся ее руки, давя одну чудовищную бабочку за другой. Но это была уже не она. Она смотрела на них, опускающихся на ее тело, как густой мокрый снег, но внутри была совершенно спокойна, ожидая своего конца. Больше они были не способны причинить ей боли. Они уже сделали самое худшее, что могли.

По крайней мере так ей казалось. Но тут она почувствовала такую боль, которую ей никогда еще не приходилось испытывать. Тело Конни дернулось в воздухе, и она села — бабочки добрались до самых чувствительных и нежных мест. Она вскочила на ноги, уже не осознавая того, что делает. Бабочки же роем летели перед ее лицом, кусая в глаза, уши, губы и язык. Крича от страшных мук последней агонии, Конни побежала вперед, но через несколько футов земля ушла у нее из-под ног и она с воем свалилась с крутого обрыва прямо в объятия смерти.

6

Джек очнулся и медленно открыл глаза. Веки ныли от боли, и он потер их руками — но это не помогло, боль только усилилась. Уронив руки назад на кровать, он подумал о том, чтобы не задеть Кэти. Инстинктивно желая придвинуться к ее теплоте, он вдруг понял, что ее здесь нет, и удивился: где же она могла быть? В комнате тихо и совсем темно; наверное, она в кровати, где-то рядом, но еще спит. А может быть, что-то случилось с Аланом...

И тут он вспомнил бабочек, ее оборвавшийся крик и страшную действительность. Джек сел и тупо уставился перед собой. Глаза постепенно привыкли к темноте, а он напряженно пытался вспомнить, что же было на самом деле, а что — только страшным сном. Но как только он смог различить смутные силуэты мебели, то сразу осознал, что весь этот кошмар был действительностью.

Спальня напоминала место сражения: лампы разбиты, картины валялись на полу среди осколков стекла. Покрывалом с кровати была заткнута щель под дверью, а на полу он заметил конверт от пластинки — свое оружие, которым он припечатывал бабочек к стенам, создавая

в комнате страшное украшение из их мертвых смердящих тел.

Джек знал, откуда у него эта боль в груди, откуда эта страшная опустошенность. Алан и Кэти были мертвы. Они умерли сразу же, как только налетела первая волна мотыльков, и теперь в груди у него будто лежал огромный холодный камень, что-то мертвое и ледяное, чего никогда уже не оживить.

Он лег на кровать, скорбно закрыл лицо руками и попытался сдерживать слезы, крепко сжав веки. Они погибли оба — Кэти и Алан, — погибли ни за что. Это совсем не было похоже на войну, когда там, в джунглях, люди гибли у него на глазах. Тогда они могли врать друг другу и самим себе, говоря, что их присутствие в Азии могло кому-то помочь. И если они врали долго, то могли уже почти поверить в эту ложь. А теперь все было не так: неважно, что думал об этом Джек, но Кэти и Алан погибли ни за что, просто так, без всяких причин. И не было такой лжи, которую он мог бы повторять себе, чтобы хоть немного уменьшить свою боль.

Он со всей ясностью представил себе кухню, увидел, как Кэти выходит через черный ход на задний двор. Услышал, как Алан что-то весело выкрикивает во дворе, придумав какую-то забавную игру в песочнице. А потом он снова увидел волну бабочек, снова услышал крики и, открыв глаза, рывком сел на кровати, будто в него выстрелили и он услышал свой собственный крик боли.

Джек вытер холодный пот со лба и верхней губы, повторяя себе снова и снова, что он все сделал правильно, что спасти их было уже невозможно, что он поступил верно, пытаюсь спасти себя. Да, подумал он, это единственное, что еще можно было сделать. А они ведь умерли почти мгновенно. И если бы он вышел во двор, то тоже был бы уже мертв.

Этому он научился еще во Вьетнаме — одному из нелепых ужасов войны, к которым со временем удается привыкнуть. Он помнил, как это случилось с Ньюбурном. Бедный парень... Ему хотелось воевать не больше, чем всем остальным в роте. А когда пришел приказ об отступлении, Ньюбурна как назло ранило в ногу. Он не мог передвигаться вместе со всеми, и его оставили лежать в лесу. Здесь не рассказывали славных историй о том, как во время отступления кто-то спасает своего раненого товарища, вынося его из пекла на собственных плечах. Когда приходилось уходить, каждый молился только о се-

бе. Не было времени останавливаться и подбирать раненых.

Но все равно мысль о том, что он поступил правильно, была для Джека слабым утешением. Он знал, что это не война и не джунгли, а его задний двор, и что его жена и ребенок — не товарищи по роте. Он все еще чувствовал, что должен был что-нибудь сделать, хотя, возможно, сделать уже ничего было нельзя. И его страх выбежать во двор на помощь, его инстинкт самосохранения теперь заставлял его думать, что он предал их, забыв о своих обязанностях перед семьей. Он был им нужен тогда, но он не помог.

Да, это было так. Конечно, он старался все разумно обдумать, сравнивая с другими случаями, но все было не то, и он врал себе самым жутким образом. Он поступил как последний трус, и понимал это. Они умерли из-за него, из-за того, что он остался на кухне, окаменевший от ужаса.

Его собственный страх, из-за которого он остался жить, стоил ему двух жизней.

Если бы он действовал без промедления, если бы сразу же бросился на крики, как только услышал их, то, может быть, еще был бы шанс их спасти.

Джек медленно встал с кровати, каждый дюйм его тела горел от боли, каждый мускул ныл от чудовищного изнеможения. «Ладно,— подумал он,— нужно посмотреть, в каком состоянии я нахожусь, и решить, что можно сделать, чтобы выбраться отсюда».

Он подошел к окну, но не увидел ничего. Стекло с внешней стороны было полностью покрыто бабочками. Не очень приятное зрелище и, уж конечно, не дающее каких-либо надежд. Некоторые насекомые уже пробрались через защитные сетки.

Это было невозможно. Какое-то безумие. Такого не бывает. Это просто не представлялось возможным. Но, увы, это было. И отвратительная мохнатая масса шевелилась всего в нескольких дюймах от его лица. Джек потряс головой и отошел от окна. Он должен что-нибудь сделать, и что бы это ни было, ему надо действовать быстро. Казалось, бабочки заснули или, во всяком случае, успокоились, и он по крайней мере в доме был в относительной безопасности. «Интересно, сколько я смогу продержаться?» — подумал он.

Количество воды и пищи не имело большого значения, эти припасы не очень-то помогут, когда встанет солнце

и бабочки вновь начнут свое нападение. Он должен выбраться отсюда, пока еще темно, и найти помощь. Надо во что бы то ни стало вырваться из этого кошмара и добраться до безопасного места. Но первое, что он должен сделать,— это проверить, как обстоят дела в доме.

Трудность была только вот в чем: если он выйдет из спальни, а дом переполнен бабочками, которые не столь спокойны, как их сородичи на улице, то он вряд ли сможет войти снова в спальню живым.

Лучше будет сейчас же переодеться и заняться ранами. Уж если они нападают таким жутким образом, то несколько лишних слоев одежды ему никак не повредят.

Джек включил свет и тут же краем глаза заметил беспорядочное движение у окна — бабочки проснулись и начали безумно биться в стекло. Он быстро выключил свет и посмотрел на окно. Насекомые постепенно успокаивались, садясь на свои места. «Так, со светом все ясно,— подумал он.— Зажигать ничего в доме нельзя».

На ощупь добравшись до раковины, он как мог умылся, ничего не видя в крошечной тьме, потом подошел к шкафу, чтобы достать одежду. Одеваясь, он старался не думать ни о том, что произошло, ни о том, что происходит сейчас. Все это было так невероятно и невозможно, что он физически не мог заставить себя размышлять об этом. Но ведь кто-то должен знать, что здесь происходит. Кто-то должен был знать, что так может случиться. Эта мысль не давала ему покоя. Чертовы бабочки не могли появиться из ниоткуда. Если, конечно, это были бабочки...

Но какие, скажите на милость, бабочки едят человеческую плоть? Какая бабочка может проесть насквозь металлическую решетку? И откуда, черт возьми, они явились в таком количестве? Во всей этой истории было очень много вопросов и слишком мало ответов на них.

Джек знал, что у кого-то есть ответы на все эти вопросы, и этот кто-то должен будет ответить сполна за все, что здесь произошло. Природа не могла сама создать этих тварей. Наверняка какой-то человек, какой-то безумец помог ей сделать это — в этом он был убежден,— и этот мерзавец должен поплатиться за все. Он расплатится и за смерть, и за боль, и за безумие. Если только Джеку удастся выжить, то он сделает все, чтобы убедиться, что кто-то заплатит за тех, кто был ему так дорог. Его жена и ребенок лежали где-то на заднем дворе, и этот человек рано

или поздно должен будет ответить перед Джеком за все.

Злобная улыбка скользнула по губам Джека, когда он представил себе, как схватит этого неизвестного за горло, и тот будет вертеться, стонать от боли и молить его о пощаде. Ради этого стоит постараться выжить.

Он осторожно подошел к двери в спальне, приближаясь к ней так медленно, словно она могла взорваться от прикосновения его руки. Нельзя было предсказать, что ждет его с той стороны двери, но если он хочет увидеть, как восторжествует справедливость, если он хочет быть уверенным в том, что неизвестный сполна заплатил за смерть и кровь, он должен выбраться отсюда живым. Поэтому сейчас ему нельзя ошибаться, нельзя строить сомнительные догадки. Все, что он будет делать, должно быть тщательно продумано до последних мелочей.

Он медленно опустился на одно колено и схватился рукой за покрывало, начав осторожно вытаскивать его из щели под дверью, готовый в любую секунду заткнуть ткань назад, если бабочки вдруг станут роем залетать в образовавшуюся щель. Покрываясь липким потом, медленно, дюйм за дюймом он вытаскивал покрывало. Руки его стали холодными и влажными, сердце отчаянно стучало в груди. Открылся уже почти целый фут щели, но все пока казалось спокойным. Постепенно он стал вытягивать покрывало все более уверенно и чуть-чуть побыстрее. Делая это, Джек разговаривал сам с собою, уверяя себя, что пока все получается хорошо, он просил себя быть поспокойнее и принимать этот кошмар хладнокровно, продвигаясь вперед шаг за шагом и оставаясь спокойным, чтобы не позволять страху вкрасться в него и уничтожить все то, что он уже сделал.

Впервые Джек подумал о других людях, живущих по соседству. А что случилось с ними? Остался ли кто-нибудь в живых? Кто-то ведь должен остаться — не все же были на улице, когда первая волна бабочек захлестнула поместье. Возможно, он сможет найти еще кого-нибудь, чтобы идти за помощью вместе, когда на улице станет не так опасно. Кто-то же должен знать, как можно справиться с этими проклятыми тварями. Кто-то обязательно должен знать, из-за чего они нападают на людей. Наверняка должен быть способ защиты от их нападения. Все это вполне возможно. Раз они не могут пробиться через стекло, то должны быть и другие предметы, которые выдержат их натиск.

И постепенно Джек почувствовал, что в нем загорается луч надежды. Вытащив последний дюйм покрывала, он приготовился к нападению налетающей волны крылатой смерти, но ничего подобного не произошло. Тогда он слегка воспрянул духом, ободренный этой маленькой победой в открывании двери. Теперь оставалось только толкнуть ее, и она распахнется.

Джек схватился за медную ручку, почувствовав ладонью холодный металл, и осторожно повернул ее. Он открыл дверь медленно и осторожно, стараясь не допускать рывков и пытаясь успокоить сердце, отчаянно бившееся в его груди. Наконец проем стал достаточно широким, и Джек, сглотив густую слюну, шагнул в холл.

В холле было темно, и хотя глаза его уже привыкли к темноте, поначалу он ничего не видел. Так он стоял некоторое время, стараясь дышать как можно ровнее, сердце все еще бешено колотилось, и он напрягал зрение и слух, пытаясь уловить хоть какую-то информацию, чтобы узнать, что происходит в доме.

Казалось, что время остановилось, минуты растягивались до бесконечности. Наконец он увидел смутные очертания стола в гостиной и неясный контур картины, висевшей на стене всего в нескольких футах от него.

Переведя дыхание, Джек сделал несколько осторожных шагов и остановился. Вокруг стояла гробовая тишина. «Теперь надо двигаться по несколько шагов,— подумал он.— Нет смысла бегом врываться в лапы смерти. Если я хочу выжить, то надо свести любой риск до минимума». Еще несколько шагов — и он подошел к лестнице. Наткнувшись на смятый коврик, Джек на секунду потерял равновесие. Рукой он автоматически уперся в стену, чтобы не упасть, и почувствовал, что раздавил ладонью несколько бабочек.

Душа ушла у него в пятки, когда он осознал свое положение — бабочки покрывали все стены в доме. И в тот же момент, будто поняв, что происходит, они зашевелились и окружили его. Правда, сейчас их было значительно меньше, чем днем, и он смог в несколько шагов вырваться из их роя. Они тут же снова уселись на стене. Джек вытер трясущиеся руки о свитер, стирая с ладоней скользкие раздавленные тельца, и прерывисто вздохнул. Он с отвращением наблюдал, как волна активности прошла по всей стене и затихла. Хорошо еще, что возбуждение не охватило их всех. И, по крайней мере, их почти совсем не было на полу. Благодаря этому он хотя бы мог пере-

двигаться в относительной безопасности — но только не дотрагиваться до стен, вот что.

«Какого черта? — подумал он. — Я смогу, наверное, идти и побыстрее».

Сделав несколько быстрых шагов, он очутился в самом начале лестницы. Воздух вокруг был настолько неподвижным, что Джек чувствовал колебания, вызванные его передвижением вперед.

Когда он оглянулся и посмотрел в холл, то заметил, что бабочки снова начали проявлять активность. Он застыл как вкопанный, и страх медленно, но верно пополз по нему. Джек старался не суетиться и не двигаться, изо всех сил пытаясь не впасть в панику и не броситься с криком вниз по лестнице. Несколько тварей уже уселись на его шее, и он почувствовал, как они кусают его. Медленно поднеся руку к горлу, стараясь не делать резких движений, он раздавил с десятков пушистых тел и плавно опустил руку, стараясь оставаться неподвижным. «Эта боль еще сносная, — подумал он. — А скоро я выберусь отсюда, из этого кошмара, и отомщу сполна тому, кто явился всему причиной».

Эта мысль и удерживала его на месте, хотя тело приказывало ему бежать. Холодная жажда мести помогла ему справиться с приливом адреналина в кровь.

Джеку казалось, что он ждет уже несколько часов, пока бабочки успокоятся. Теперь нужно быть осторожной, не спешить и контролировать каждое свое движение. Из своего жуткого, но не очень богатого опыта общения с ними он понял, что это единственный возможный шанс, чтобы скрыться от них, и сделать это нужно ночью, когда бабочки относительно спокойны. Если он вернется в спальню и дождется утра, то неизвестно, чем все это может кончиться. Джек чувствовал, что вместе со светом начнется новое нападение. Единственный шанс можно было использовать только сейчас.

Он медленно переступал со ступеньки на ступеньку, словно боясь, что они могут оказаться гнилыми и рухнуть под его тяжестью. Твердо установив правую ногу, он переносил весь свой вес на нее и только потом делал осторожный шаг на ступеньку вниз, ставя левую ногу рядом с правой. Такое медленное движение раздражало его, но главное, что он был жив и продвигался вперед. И хотя ему приходилось выносить крайнее напряжение, он знал, что это гораздо лучше того другого, второго варианта.

Наконец он спустился на первый этаж. Здесь было светлее, потому что некоторые окна не полностью скрывались под слоем бабочек. Бледные лучи уличных фонарей проникали в гостиную, освещая жуткое зрелище. Стены казались живыми. Бабочки медленно передвигались, постоянно меняя положение, а некоторые просто шевелили крылышками. Джек медленно покачал головой, не веря своим глазам, он отказывался понимать и осознавать то, что здесь происходит. Даже потолок был покрыт ими. Откуда, черт возьми, взялись эти чудовища? И какого черта им от него нужно?

Он оглядел гостиную. Стулья, кресла — все было покрыто бабочками. В доме не было ни единого места, куда можно было бы сесть и остаться в безопасности. Он повернулся и пошел по коридору в кухню. Он шагал, как на торжественной церемонии венчания: шаг — отдых — шаг — отдых.

На столе лежали две так и не открытые банки с тунцом, и их вид вызвал у него острое чувство голода. У Джека даже забурчало в животе, и он выругался сам на себя. Вот он стоит, живой и невредимый, и думает о еде, а Кэти и Алан лежат в нескольких ярдах, там, на заднем дворе, мертвые.

Здесь же стояла и баночка с майонезом, молчаливо напоминая ему о прошлом, о том времени, которое ушло навсегда всего несколько часов назад. Тогда все было спокойно, все было на своих местах. Тогда у него была семья, а самой большой проблемой ему казалась ежемесячная выплата ссуды за дом.

Он приблизился к черному ходу, подошел как можно ближе к окну и напряженно вглядывался в даль, пытаясь увидеть там хоть что-нибудь. И тут же горько пожалел об этом.

Взору его открылись две лежащие на земле фигуры, хотя теперь уже они были мало похожи на человеческие. Он увидел обнаженные белые кости, которые призрачно светились в мертвенном сиянии луны. Внутри у него все сжалось, и острая боль пронзила сердце. Шатаясь, он нетвердой походкой отошел от двери.

Вдруг длинный и хриплый вопль донесся до его ушей. Звук шел со стороны парадного входа. Ему захотелось тут же вбежать в гостиную и выглянуть в окно, чтобы увидеть, что там происходит. Но теперь ему многое стало ясно. Он повернулся и медленно пошел в холл. Даже еще медленнее, чем прежде. Если крик прекратится к тому вре-

мени, как он подойдет к двери, значит, так тому и быть. Но по крайней мере он доберется туда живым.

Ему страстно хотелось увидеть, что там случилось, ведь это было важно для его собственной жизни. Но что бы тот человек ни сделал, нужно помнить, что ему этого делать ни в коем случае не следует.

Беда в том, что у него было очень мало информации, и любая новость о бабочках ценилась сейчас очень дорого. Даже если получить ее можно было только ценой человеческой жизни.

Джек отчаянно пытался стереть из памяти образ Кэти, точнее то, что он увидел сейчас на заднем дворе. Он видел ее неясно, но знал, что его воображение нарисует ему даже худшую картину, чем та, что была на самом деле. Но Кэти была мертва, а остальное уже не так важно. Ничто теперь не вернет назад ни ее, ни Алана. Он бы с радостью отдал сейчас все, что у него осталось, лишь бы она была с ним. Да, он отдал бы все, чтобы она была здесь, рядом, и они бы боролись со смертью вдвоем.

Крики на улице становились все отчаяннее, и Джек подумал, что можно немного и увеличить скорость. Бабочки сидели пока спокойно, и у него еще было достаточно времени до рассвета. Он подошел к окну в гостиной, на котором было меньше всего бабочек, и через кусочек чистого стекла выглянул наружу.

То, что он там увидел, потрясло его. Это был Микаэль Армстронг, один из его соседей. Все его тело было облеплено мотыльками. Через каждые несколько секунд, когда тот дергался в агонии, Джек видел его светлые волосы и бороду. Вдруг Армстронг бросился бежать, но чем быстрее он бежал, тем больше бабочек нападало на него. Вопли несчастного были очень хорошо слышны Джеку. «Перестань бежать! — мысленно кричал ему Джек. — Остановись!»

Ему хотелось распахнуть входную дверь и крикнуть Армстронгу, чтобы тот застыл, а потом медленно шел к дому. Джек поможет, Джек убьет тех бабочек, которых не может уже достать Армстронг. Джек окажет ему первую помощь. Конечно, он так и сделает. Но то, что сделал Джек, было тем, что он мог сделать: НИЧЕГО. Армстронг остановился у фонаря как раз напротив дома Джека, и бабочки мгновенно покончили с ним. Их становилось все больше, они тучей кружились возле него, точнее, того, что когда-то было Микаэлем Армстронгом.

Джек закрыл глаза и отвернулся, он больше не мог смотреть. Наконец-то он увидел это, узнал кое-что о ба-

бочках, но от этого легче ему не стало. Он только что видел кошмар, которого ему уже никогда не забыть, и теперь он знал, ЧТО случилось с Кэти и Аланом.

Но он знал также и то, что если он, подобно Армстронгу, выйдет из дома неподготовленным и незащищенным,— то же самое случится и с ним.

7

Кэрол Баннер хорошо отдохнула, поела и теперь, сидя на стуле в подвале своего дома, пыталась решить, какое же время будет самым подходящим, чтобы уехать из этого треклятого поместья. В подвале она чувствовала себя в безопасности и не собиралась спешить, безрассудно рискуя своей жизнью.

Снаружи до нее доносились страшные крики, и она каждый раз вздрагивала, благодаря судьбу, что не находится наверху. Пока она дождалась темноты, у нее уже не осталось никакого терпения, лицо Кэрол сморщилось в недовольной гримасе, и в гневе и напряжении она сжала свои маленькие кулачки. Телефоны не работали, и она чувствовала себя отрезанной от всего мира. Ей было страшно, но она уже не чувствовала себя маленькой девочкой, как все эти годы.

Пройдет несколько недель, прежде чем ее кожа заживет окончательно и она сможет выступать перед аудиторией, и Макс наверняка рассердится на нее за то, что она не смогла как следует позаботиться о себе. В этом она была уверена.

Солнце садилось, и Кэрол надеялась, что бабочки заснут или, во всяком случае, оставят ее в покое, что позволит ей уехать наконец из этого места. Она не могла только вспомнить, где оставила ключи. Они были где-то там, наверху. А где она оставила кошелек? Наверное, он лежит там же вместе с кредитными карточками и деньгами. Через час будет уже достаточно темно, и тогда она попробует их найти. Кэрол не собирается сидеть здесь вечно, как напуганная девочка, под властью этих ненормальных насекомых. Она не позволит им вмешиваться в ее жизнь и разрушать то, ради чего она столько работала. Слишком уж многим ей пришлось пожертвовать, пробираясь наверх, к славе. Они что, не понимают, кто она такая? Или не соображают, что им не положено есть людей? Что она, шерстяной свитер в конце концов?

Кэрол засмеялась, подумав об этом, и почувствовала себя в большой безопасности, ощутив новый прилив на-

дежды. Пусть бабочки узнают, кто здесь настоящий хозяин. Им придется выпустить ее. И что они от нее хотят, кстати?

Темнота снаружи сгущалась, и маленькие окошки под потолком постепенно покрывались телами бабочек. Она видела их омерзительные лохматые ножки, коричневые тельца, находящиеся в постоянном движении, ползающие по стеклам и наползающие друг на друга. Ее затошнило — мало того, что они злили ее, они еще и вызывали тошноту.

Почему они не полетели в какое-нибудь другое место, в другой город? Ведь южнее, в часе езды отсюда, был еще один город! Они легко могли туда перелететь — им бы это не составило труда. Что их так привлекло в поместье Стоул? Что здесь такого вкусного, чего нет в других местах?

Кэрол встала и зашагала кругами, высоко подняв голову и все еще сжимая кулаки. Она стиснула зубы, вспомнив о том, что говорил ей Макс: «Не живи в деревне,— говорил он.— Живи в городе, как тебе и полагается. В деревне для тебя нет ничего,— повторял Макс.— Ничего».

Теперь она начинала ему верить. Если ей удастся выбраться отсюда живой, а ей это обязательно удастся, она снимет себе чудесную квартиру в Манхэттене, прямо на крыше небоскреба, и прекратит это наивное подражание «одной из тех самых», кто имеет простые вкусы и ни в чем не нуждается. Хватит, уже попробовала.

— Хватит, попробовала! — закричала она изо всех сил. — Вы это слышали, бабочки? Оставьте меня в покое!

Кэрол тяжело дышала, наконец-то ее злоба и гнев вылились куда-то хоть таким образом. Какая же это была глупая затея — жить в этой идиотской глуши и быть полностью отрезанной от настоящего мира, изолировавшись в искусственной местности, которая сама себя всем обеспечивает. Успокоительные таблетки лежали наверху в ванной комнате, или в кошельке, или еще где-нибудь. Но где бы они ни были, их не было рядом, а сейчас они пришли бы очень кстати. Кэрол вздохнула.

Снаружи становилось все темнее, и ей показалось, что сейчас уже можно сделать попытку выбраться наверх, пока еще остались силы. Она знала, что если будет продолжать ходить так взад-вперед, волнуясь и сердясь, ходить и опять садиться, вскакивать и кричать, то через несколько часов она уже будет настолько измучена, что у нее не

останется сил ни на какие действия, кроме как просто взять и выйти наружу к этим ужасным тварям.

Нет, она совсем не боялась потерять голову. Она жила в напряжении многие годы: слава всегда находит тех, кто может выдерживать напряжение, и отворачивается от тех, кто не может. Что значили несколько бабочек по сравнению с озверевшей толпой в Карнеги Холл? Или по сравнению с выступлениями для верхушки общества? Со всем ничего. Вот именно!

Тихо и осторожно Кэрол поднялась по лестнице. Не было смысла безрассудно рисковать. Она открыла дверь из подвала и выглянула наружу, проверяя коридоры. Все казалось спокойным. Бабочки отдыхали на стенах. Наверное, у них был дикий праздник: они пожирали обои — семьдесят пять долларов за рулон! «Ладно, пусть жрут, что хотят, — подумала она. — С этим домом я уже все решила. Если я его продам, то, возможно, новым владельцам и не понравятся эти обои. Так что пусть хоть кто-то ими насладится».

Она заметила кошелек на журнальном столике у входной двери. Он весь был покрыт бабочками. Оглянувшись вокруг, она увидела, что не только кошелек, но и ВСЕ остальные вещи покрыты ими. Как же она достанет ключи, не дотрагиваясь до кошелька? Никак. Ей придется схватить кошелек, отбиваясь от кусающихся, противных тварей, и вынуть оттуда ключи. Потом ей надо будет открыть входную дверь (Боже мой! Она тоже была полностью облепдена ими!) и бежать к машине.

А вдруг она оставила окна машины открытыми? «Нет, — подумала она. — Прекрати. Прекрати немедленно! Ты закрыла окна в машине, когда увидела, что собирается дождь. Ты их закрыла. С машиной все в порядке».

Кэрол сделала глубокий вдох, успокаивая себя как только можно перед тем, как совершить невероятное. Она ЗАКРЫЛА окна в машине. Она была уверена в этом. Но ведь можно безо всякого вреда для себя выглянуть в окно и проверить, правда ли? «Лучше убедиться лишний раз и не рисковать, — подумала она. — Не надо риска, когда в этом нет необходимости».

Но через свободное место в окне, откуда была видна машина, она не смогла разобрать, были ли стекла подняты или опущены. Она напрягала зрение, но было уже слишком темно, и машина стояла под таким углом к окну, что разглядеть было трудно. Кэрол с трудом сглотнула, чувствуя в горле горький привкус желчи. Она шагнула в фойе и остановилась в фюте от кошелька. А что, если

ключи не в нем? Тогда что? Придется отбиваться от бабочек и искать их в каждом углу? Тогда уже будет слишком поздно!

Она чувствовала, что больше не может оставаться в этом доме. У нее просто не выдержат нервы, а ее шанс заключается в том, чтобы попасть в машину и выехать из поместья. Она протянула руку к кошельку. Рука дрожала.

Стоп! Она может защитить руку, надев на нее пару перчаток. Нет необходимости хватать кошелек голой рукой. Она отвела руку в сторону и отступила на несколько шагов назад. Перчатки были наверху в спальне, в одном из ящиков в шкафу. А что, если шкаф тоже покрыт бабочками? Что тогда? Неизбежное все равно произойдет, можно только оттянуть это.

И тут по какому-то наитию она схватила кошелек.

Бабочки взметнулись в воздух и окружили ее густым роем, летая вокруг груди и головы. Вскрикивая, она отмахивалась от них свободной рукой, а другой рукой открывала кошелек. Ключи были на месте. Теперь нельзя терять времени. Кэрол повернулась, сделала два быстрых шага к двери, рывком открыла ее и выскочила наружу. Машина стояла во дворе.

Она бежала и чувствовала знакомую боль, ту самую, которую испытывала по пути к подвалу. Бабочки протыкали ее нежную кожу, делая ей больно, она вздрагивала, и с ее губ слетали проклятья. Казалось, что чем быстрее она бежит, тем сильнее они жалят ее. Тогда Кэрол рванула по лестнице вниз, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и тут же пожалела о своей ошибке. Она споткнулась и упала на колени. Боль от удара о бетонную дорожку была ерундой по сравнению с пульсирующей, невыносимой болью во всем теле.

— Нет! — закричала она, вскакивая и бросаясь к машине.

Ей было уже трудно видеть, так как бабочки летали плотным облаком у самого ее лица. Машина — где же она? «Теперь налево, — говорила она себе. — Соберись с силами, не впадай в панику. Не паникуй!»

Наконец Кэрол нащупала стальную ручку дверцы и рванула ее на себя. В машине зажегся свет, и сквозь рой бабочек она увидела, что машина была переполнена ими. Они сидели на дверцах, на сиденьях и даже на руле. Она отпрянула и споткнулась.

Через секунду боль стала невыносимой и захватила ее полностью. Кэрол упала на землю и потеряла сознание.

Они смертельно устали, тела их ныли от боли, кожа была изуродована и покрыта болячками — будто на ней происходило какое-то сражение. Гарри подумал, что они выглядят так, словно переболели каким-то ужасным видом оспы в очень тяжелой форме. Они молча сидели на полу, прижавшись спинами к кухонным стойкам и шкафам, и ожидали кого-нибудь или чего-нибудь, любого ответа или сигнала, который, как они понимали, никогда не придет. Нависший страх был почти осязаем: он, как электрический ток, проходил через воздух от одного к другому, увеличиваясь и разрастаясь.

Гарри знал, что им нужно что-то предпринимать, что нельзя делать то, что предложил Фред — просто сидеть и ждать. Ведь совершенно невозможно сказать, сколько еще времени кухня будет оставаться безопасным местом, и неизвестно, сколько еще будет продолжаться это нападение бабочек. Было бы неплохо узнать, что происходит снаружи или по крайней мере в остальной части здания. Но они заплатили своей безопасностью за невозможность узнать это — в кухне не было окон, а открывать двойные стальные двери было слишком рискованно.

— Привет, мистер Мейер, — сказала Филлис, нежно трогая его за руку и улыбаясь.

Гарри улыбнулся в ответ.

— Привет, миссис Мейер.

— Как это остроумно! — съязвила Лиз. — Надо же, молодые возлюбленные! Или к вам вернулось детство?

Гарри мельком взглянул на Лиз. Единственной причиной ее высказывания было то, что она сама была несчастлива, ее отношения с Фредом складывались непросто. А Гарри был рад, что женился на Филлис, она всегда думала о нем так же, как и он часто думал о ней, и часто говорил ей об этом.

— Перестань, Лиз. Не надо так говорить, — прошептал Фред.

— Я ждала, что ты сам скажешь что-нибудь подобное, — ответила Лиз. — Но твои действия подтверждают твои слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Фред, и его глаза сузились в две жесткие коричневые щелочки.

— Эй, вы двое, кончайте! — перебил его Гарри. — Дела у нас и без того неважные.

— Не твоя забота, толстяк,— огрызнулась Лиз.

Гарри сжал кулаки и стиснул зубы.

— Хватит, Лиз. Мы это выясним с тобой потом,— сказал Фред.

— Если это «потом» когда-нибудь настанет.

— Оно настанет,— уверенно сказал Гарри.— Я вам обещаю. Только давайте не раздражать друг друга. В этом нет необходимости. У нас большая беда, и уже поэтому мы должны быть вместе.

Лиз с усмешкой поклонилась:

— Как прикажете, великий вождь.

Филлис крепко сжала его руку, и Гарри не сказал ничего, о чем мог бы впоследствии пожалеть. Да, он на самом деле взял на себя роль вождя, но это не было запланировано. Просто, когда они ворвались в комнату, чтобы помочь женщинам справиться с насекомыми, он первым сообразил, что нужно делать. Лиз же выставила все так, будто это он устроил нападение бабочек, чтобы иметь возможность командовать всеми.

— Ты можешь что-нибудь придумать? — спросил Джим у Гарри.

Гарри покачал головой.

— Пока нет. У меня недостаточно информации, чтобы продумать какой-то лучший способ действий.

— Нужно выйти на разведку,— предложил Джим.

— Нет, не думаю,— ответил Гарри.

— А почему нет? Ведь мы не знаем, что нам делать, потому что нам неизвестно, с чем мы там можем столкнуться.

— Нет, это слишком опасно. Забудь об этом.

— Мы не можем позволить себе забыть об этом, Гарри. Один из нас должен выйти туда и посмотреть, что там творится.

— Правильно,— поддержал его Фред.— И пойду я.— Он тяжело поднялся, отряхивая одежду руками.

Гарри посмотрел на него, заглянул ему в глаза, но не увидел там ничего, что могло бы заставить его ответить Фреда от этого мероприятия. У Фреда был решительный взгляд.

— Хорошо, Фред. Но, ради Бога, будь осторожен.

Лиз забеспокоилась.

— Подожди минутку. Почему пойдешь ты? Пусть идут Гарри или Джим.

Фред отрицательно покачал головой и пошел к дверям.

— Фред! Будь осторожен, дорогой. Я люблю тебя,— сказала Лиз ему вслед.

Фред повернулся к ним, его лицо уже не было таким жестоким, глаза наполнились любовью и жизнью.

— Я тоже люблю тебя. Не волнуйся. Я не герой.

«Да, если нам только удастся выжить...» — подумал Гарри. Может быть, чтобы сблизиться, именно этого им всегда и не хватало.

Фред нагнулся и начал вытаскивать тряпки из-под дверей. Не успел он освободить пару дюймов щели от тряпок и полотенец, как бабочки начали роем залетать в кухню. Не обращая внимания на боль, на укусы в голову, лицо и спину, он спокойно заткнул щель опять, а потом уже принялся давить на себе жалящих насекомых.

Когда он вернулся к товарищам, кровь капала у него из свежих ран, выступая алым бисером на лбу и щеках. Казалось, что кто-то метал в него стрелы.

— Ну, этот путь пока отпадает,— спокойно сказал он.— Теперь я проверю черный ход. А вы все пока что отойдите отсюда. Я посмотрю, что там творится с этой стороны.

— Женщины пусть идут в этот угол,— сказал Гарри.— Джим, ты пойдешь со мной. Если там есть бабочки и они начнут проникать в щель, мы поможем Фреду справиться с ними.

— Нет,— сказала Филлис.— Мы тоже можем помочь, так же, как и ты с Джимом.

Гарри кивнул.

— Хорошо. Ты согласен? — спросил он Фреда.

Фред не возражал.

— Почему нет? Пошли,— сказал он, нагибаясь и помогая Лиз встать.

Гарри с удовольствием наблюдал, как они улыбаются друг другу. Все пятеро двинулись к стальным дверям. Гарри схватился за ручку и приготовился толкнуть дверь.

— Скажи, когда открывать,— обернулся он к Фреду.

— Ладно,— ответил Фред.— Приготовились? Давай!

Дверь распахнулась на фут, Фред высунул голову в образовавшийся проем и тут же в ужасе закричал. Джим схватил его за рукав, резко втащил назад, и оба они свалились на пол. Гарри захлопнул дверь, а женщины бросились к Фреду, хлопая по его лицу, будто оно было объято пламенем. Лиз плакала, звала его по имени и винила себя за то, что позволила мужу пойти на этот безумный поступок.

Через минуту отчаянных движений тело Фреда было освобождено от бабочек, и теперь они смогли приняться за тысячи других, которые успели залететь в кухню. Гарри горько жалел, что он так широко распахнул дверь,—слишком уж много этих крошечных мотыльков успело залететь вовнутрь.

Фред лежал на полу, стонал и, закрывая лицо руками, катался из стороны в сторону. Джим опять вскочил на стальную стойку и давил бабочек, которые садились на потолок, а остальные бегали по кухне и убивали сидящих на стенах. В помещении появился противный, омерзительный запах, и Гарри понял, что в мертвых насекомых происходят какие-то химические изменения. Пройдет еще несколько часов, и эта новая партия трупов начнет страшно вонять. Да и они не смогут вечно находиться в кухне. Он знал, что нужно что-то придумывать, причем очень быстро. Пока каждый из них еще отвечал за свои поступки, но Гарри понимал, что рано или поздно они потеряют контроль над собой.

Им нужно было либо оружие, либо защита. Но было бы глупо надеяться раздобыть как то, так и другое.

Через несколько минут кухня была приведена в относительный порядок. Фред чувствовал себя все еще плохо, но они ничем больше не могли ему помочь. У них, правда, была аптечка, но они уже использовали все мази, а бинты были размотаны по всему полу, чтобы впитать слезы от раздавленных мотыльков. Лиз делала единственное, что могла, и делала это лучше, чем мог кто-нибудь другой: она просто успокаивала его, гладила по голове, разговаривала с ним, утешала, пытаясь своим присутствием хоть как-нибудь смягчить его боль.

«Если бы мы находились в аэропорту, когда все это началось,—подумал Гарри,—мы могли бы попробовать улететь отсюда. Минуточку! Это, кажется, неплохая мысль. И хотя аэропорт находится сравнительно далеко, зато самолет заправлен полностью. Да. Это возможно. Во всяком случае, это лучше, чем пытаться уехать на машине». Гарри уже видел, что случилось с теми, кто был на стоянке в тот момент, когда налетели бабочки. Некоторые забрались в машины и пытались уехать. Он отчетливо слышал скрип шин и звон бьющегося стекла — бабочки полностью залепляли окна. Но если было бы можно подняться над ними, взлететь и набрать достаточную высоту, то больше не было бы никаких проблем. Это был единственный реальный шанс, и стоило попытаться использовать его. Уже через несколько часов оставаться здесь бу-

дет бессмысленно, потому что, когда остальные четверо осознают весь ужас их положения, за их поведение уже никто не сможет поручиться.

Самолет. Вот где их цель. Добраться до аэропорта и вылететь в ближайший город — все равно какой. На самом деле, это не так уж важно — куда именно. Если, конечно, в других городах не происходит то же самое.

«Нет, это невозможно, — подумал он. — В мире не существует так много бабочек. По крайней мере таких бабочек, или кто там они на самом деле».

Гарри сидел на полу, погруженный в свои размышления, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. Оставалось только придумать, как им добраться до аэропорта. Он был уверен, что, разрешив эту проблему, все остальное они сделают довольно легко.

— Гарри, — позвала Филлис.

— Гм-м-м?

— В чем дело, дорогой?

— О, ничего особенного. Я просто кое-что обдумываю. Кажется, у меня есть план, как нам всем выбраться отсюда.

— Какой же?

— Позволь, я подумаю еще несколько минут, — попросил он.

— К черту, — вмешался Джим. — Расскажи нам прямо сейчас. Если мы начнем думать все вместе, мы сможем найти выход быстрее.

«Он что-то задумал, — решил Гарри. — Но действительно не стоит пытаться сделать все в одиночку».

— Ну вот что. Если бы нам удалось добраться до аэропорта, а я знаю, что здесь, к сожалению, есть большое «если», но все же, если нам это удастся, то я смогу на самолете вывезти вас отсюда.

— Боже правый, верно! — обрадовался Джим. — Я совсем позабыл о твоём самолете.

— Он должен быть заправлен и готов к полету. В этот уик-энд я еще никуда не летал, и если команда обслуживания не поленилась, а я думаю, что нет, потому что они получают за это хорошие деньги, — то самолет должен быть готов к взлету.

— Отлично, — уже не так радостно сказал Джим. — Но, как, черт побери, мы туда доберемся?

— Вот в этом-то все и дело, — задумчиво ответил Гарри.

— А я ничуть не волнуюсь,— улыбнулась Филлис, глядя Гарри по руке.— Кто-то из нас наверняка что-нибудь придумает. Здесь должен быть выход.

«Может быть,— подумал Гарри.— А может быть, и нет. Все-таки не всегда можно найти ответ на любой вопрос!»

Фред сидел на полу, а Лиз ухаживала за ним так, словно у них был второй медовый месяц и Фред сильно поранился, стараясь спасти ее жизнь.

Филлис решила приготовить для всех еду — в этом было еще одно преимущество их убежища — кухни. Джим и Гарри подытоживали те немногие сведения, которые они имели о бабочках, стараясь найти способ, чтобы добраться в аэропорт.

У них было несколько неудачных обстоятельств. Первое и, по мнению Гарри, самое худшее — это то, что им придется добираться туда пешком. Даже при нормальных условиях это был довольно долгий путь, к тому же и дорога была плохая, а принимая во внимание активность бабочек, это означало бы верную смерть.

Второе — это то, что в самолете всего четыре места, а их было пятеро. Но Гарри ни в коем случае не хотел оставлять на земле кого-либо из них — слишком долго они были вместе. Вопрос стоял так: или они спасаются все, или не спасется никто. Только самолет может не взлететь, имея на борту лишнего пассажира. Во всяком случае, заранее трудно было предсказать поведение самолета. В принципе он был достаточно хорошо оснащен для того, чтобы выдерживать лишний груз,— в этом проблемы не было. При нормальных условиях полета он спокойно бы выдержал такой вес в багажном отделении. Но Гарри был обеспокоен тем, что загрузка располагалась неравномерно,— явный перевес в кабине и ничего в багажном отсеке.

И тем не менее он очень хотел использовать этот шанс — может быть, именно потому, что пока они не знали, как смогут добраться до самолета.

Были и другие факты и заключения, более мелкие — они не могли выйти наружу без защиты, но не имели понятия, в чем эта защита должна выражаться; Фред не сможет долго идти без посторонней помощи, и так далее — много чего всплыло, когда они начали обсуждать план все вместе. Нужно было решать эти проблемы более продуктивно, а именно — пытаться решить их по очереди одну за другой.

— Давайте исследуем кухню, вдруг мы найдем здесь что-нибудь такое, что послужит нам защитой во время пути,— предложил Джим.

— Мне эта идея нравится,— поддержал его Гарри.

Они начали с дальних полок и методично перерыли всю кухню. В первых ящиках были обнаружены запасы еды, консервы и тому подобное — короче то, что никак не могло являться защитой. Когда Гарри открывал ящики, он исследовал каждую вещь, которую там находил, и думал о том, как ее можно использовать при переходе. Пакеты из полиэтилена для сэндвичей. Алюминиевая фольга. Пластиковые обертки. Салфетки. Бумажные полотенца. Моющие средства. Пустые пластмассовые бачки. Минуточку!..

— Джим?

Джим прекратил поиски и подошел к Гарри.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Гарри, указывая на полку, где лежали алюминиевая фольга, полиэтиленовые пакеты и пластиковая оберточная ткань.

— Что ты имеешь в виду?

— Что если замотаться в эту ерунду, закрыв каждую часть тела, и так попытаться дойти до аэродрома?

Джим с сомнением покачал головой.

— Не знаю, Гарри. Возможно, они через это проберутся.

— Как, через металл? Через алюминиевую фольгу? Каким образом они проберутся через нее? А пластик — никак они через него не проскочат!

— Возможно. Надо попробовать — проделать что-то вроде испытания.

— Чертовски верно,— сказал Гарри.— Помоги-ка мне.

Они сняли ящики с полок и поставили их на стойку.

— Вот ваша еда,— сказала Филлис, подходя к ним с двумя сэндвичами на подносе.

Они поблагодарили ее, сели на стойку и начали есть, а Филлис пошла раздавать сэндвичи остальным. Фред понемногу приходил с себя, он выглядел уже немного лучше после своей недавней схватки со смертью. Он молча сидел и ел сэндвич, будто ничего не произошло, лицо его ровным счетом ничего не выражало. Лиз сидела рядом, вытянув ноги, и держала свой сэндвич на коленях. Она не ела, и лицо ее выражало крайнюю озабоченность.

— Что-нибудь не то с сэндвичем? — спросил Гарри.

Лиз взглянула на него.

— Что?

— Я спрашиваю, что-то не то с сэндвичем?

— Нет. Но мне кажется, что я не голодна.

— Голодна или нет, а лучше его съесть. Нам предстоит долгий путь, и нужно запастись силами. Возможно, нам долго не представится возможность поесть.

— Он прав,— подтвердил Фред.— Давай-ка, ешь!

— Хорошо.

Фред нежно похлопал ее по руке и улыбнулся. При этом открылись свежие ранки и крошечные капельки крови выступили у него на щеках.

— Ты правда считаешь, что это сработает? — спросила Филлис у Джима.

Он пожал плечами.

— Нельзя ничего сказать, не попробовав. Та дверь все-таки лучше, поскольку, кажется, внутри здания их все же меньше, чем снаружи,— сказал он, указывая на дверь, ведущую в клуб.

Они молча доели сэндвичи, Филлис села и, казалось, чувствовала себя превосходно. Гарри знал, что время от времени ей необходимо было немного походить, размяться или побыть одной,— он чувствовал то же самое. Им не нужно было быть рядом друг с другом постоянно. Он посмотрел на нее и подумал: увидят ли они когда-нибудь снова своих детей? У них было трое замечательных ребятшек — два мальчика и девочка. Девочка, Мэри Луиза, была точь-в-точь копия Филлис. И он надеялся, что и мальчики не будут слишком похожими на него.

— Готов? — спросил Джим.

— Думаю, что да,— ответил Гарри, дожевывая сэндвич.— Как у тебя дела, Фред?

— Нормально. Лицо жутко болит, но я считаю, что мне еще повезло,— они не успели добраться до глаз.

Гарри кивнул.

— Ты одобряешь план? Поможешь?

— Конечно.

Ему нужно было не одобрение. Требовалось всего два человека — один заворачивает другого. Но ему не хотелось смотреть, как Фред сидит без дела, и он подумал, что если он чем-нибудь займется, то, возможно, перестанет думать о боли и бабочках.

— С чего, ты думаешь, надо начать? — спросил Джим.

Гарри пожал плечами.

— Не имею ни малейшего представления. Давай попробуем надеть пакеты на руки и на ноги, а потом замотаем тебя оберткой. Сколько у нас этих ящиков?

Фред осмотрел шкаф.

— Можно обмотать весь Нью-Йорк,— уверенно сказал он.

— Прекрасно. Тогда давай положим как можно больше разных слоев.

Они начали обматывать Джиму руки. Почему выбор пал именно на него, как-то не приходило никому в голову до тех пор, пока его не начали обматывать. Но тогда уже не было смысла задавать лишние вопросы. Это нужно было сделать, кто-то должен был испытать первым такую защиту, и как-то случилось, что этим испытателем оказался Джим. Ему обмотали руки тонким липким пластиком, начиная от запястий и переходя к плечам. Пока дошли до плеч, руки у Джима уже вспотели. То же повторили с ногами.

— Попробуй немного подвигаться,— предложил Гарри. Джим описал по кухне небольшой круг.

— Все в порядке. Конечно, не самая удобная одежда, но все же лучше, чем бегать голому.

— Голому, да? Это было бы зрелище! — улыбнулся Фред.— Не думаю, что мое сердце смогло бы его выдержать.

Все засмеялись.

— Это именно та одежда, которую надевают все самые изысканные модники в этом сезоне,— сконфуженно сказал Джим.

Потом ему замотали туловище. Когда Гарри приблизился к шее, возникла первая проблема.

— А как ты собираешься дышать? — спросил он.

— А я и не собираюсь. Я думаю задержать дыхание.

— Остроумно, Джим. Но если серьезно, что нам делать?

— Вот,— сказала Филлис, поднимаясь со своего места.— Возьмите махровое полотенце и оберните его вокруг носа и рта. Потом, когда замотаете всю голову пластиком, можно будет проделать в нем несколько дырочек для воздуха. Возможно, это не лучший вариант, но он должен сработать.

— Мне он нравится,— сказал Гарри, гордясь находчивостью своей жены.

— Да если при этом воздух будет проходить, а бабочки — нет, то мне он тоже нравится,— ответил Джим.

Они сделали так, как предложила Филлис. Через пять минут Джим стал похож на человека, подготовленного к путешествию в космос. Во время ходьбы он весь шуршал

и движения его казались до предела стесненными, но зато он мог дышать и был надежно защищен. Он помахал всем рукой, и группа забила в самый дальний угол. Нагнувшись, Джим вытащил несколько тряпок и полотенце из-под двери. Бабочки тут же начали стаями залетать вовнутрь, нападая на него и летая вокруг плотным роем. Он прекратил открывать щель дальше, потом спокойно повернулся и сел на пол, глядя на остальных, которые наблюдали за ним с широко раскрытыми глазами.

Несколько бабочек пролетели через кухню к другим. Казалось, они и не собирались нападать на Джима. Они ползали по нему, окружали его, как мухи навозную кучу, как ревностные поклонники окружают улыбающуюся статую Будды. Спустя некоторое время Джим начал бить бабочек руками, защищенными пакетами, раздавливая их на гладкой поверхности пластика. Гарри видел, что это не очень легко ему удастся, но Джим делал все очень спокойно, и было похоже, что он не страдает от боли. «Может быть, эти маленькие сволочи в самом деле не могут прогрызть пластик,— подумал Гарри.— Тогда, пожалуй, мы выстоим».

Через несколько минут Джим перебил всех бабочек, круживших возле него. Гарри, Фред и Филлис уничтожили тех, которые отделились от сидящей фигуры Джима. Когда все было закончено, Джим встал и подошел к товарищам, глаза его улыбались сквозь толстый слой пластика.

— Боже, как смешно ты выглядишь!— сказал Фред.— Но тем не менее совсем неплохо.

Заглушенный ответ послышался изнутри «скафандра», и все дружно рассмеялись. Напряжение спало, наконец-то настоящая надежда на спасение сверкнула в их мозгу.

Филлис подошла к нему, чтобы помочь раздеться, и отпрянула назад. Джим весь был покрыт мертвыми, раздавленными бабочками. Он уже разматывал голову, сваливая обертки в кучу. Но вдруг острый глаз Гарри обнаружил что-то на одной из оберток правой руки, и он тут же схватил Джима за плечо.

— Что такое?— удивился Джим.— В чем дело?

— Спокойно. Я хочу кое на что посмотреть.

Гарри подошел к раковине и слегка смочил посудное полотенце, потом вернулся к Джиму и протер пластиковое покрытие на его руке.

— Что там такое?

— ...Каким-то образом, только не спрашивайте меня, каким именно, они прогрызают пластик.

— Что?! Как они могут это сделать?

— Я, правда, не знаю, но нам лучше удвоить слой фольги. Тогда, думаю, если мы будем все время двигаться и постараемся держаться подальше от них, то сможем выстоять. Только я беспокоюсь за лицо. Мы же не можем наложить перед глазами слой фольги, а если мы сделаем здесь несколько слоев пластика, то не сможем через него ничего разглядеть.

— Я думаю, это не такая уж проблема,— ответил Джим.— В конце концов, если они будут налетать сверху, их можно смахнуть руками, прежде чем они успеют сесть.

— Да,— поддержала Филлис.— По-моему, это разумно. «Пожалуй, что так,— подумал Гарри.— Во всяком случае, это наш единственный шанс».

9

Джек уже почти привык к страшным крикам и кровавым сценам, происходящим с теми из его соседей, кто пытался выбраться из дома. Он был уверен, что большинство домов по соседству уже либо пусты, либо в них лежат трупы, что бабочки проникли в эти дома и сделали свое грязное дело. Но ведь должны же быть и такие счастливицы, как он сам, которым удалось найти в доме небольшое убежище, где можно спрятаться и переждать страшное нападение. Джек наблюдал, как те, кто не смог больше ждать, то ли по собственной инициативе, то ли по необходимости выходили на улицу и там встречали свою лютую смерть.

Весь дом был покрыт бабочками, будто какой-то сумасшедший декоратор оформил его таким жутким образом. Пока они были относительно спокойны, но кто знает, сколько спят эти исчадия ада? А если они не спят, то что они сейчас делают? Находиться внутри дома, когда бабочки активны только на улице, было достаточно безопасно. «Но что случится, если бабочки и в доме снова станут активными?» — думал он.

Да, скоро придет и его черед сделать безумный рывок к свободе. Он чувствовал, что бабочки каким-то образом знают об этом, что они только и ждут, когда он начнет двигаться, как ждет тюремная стража подходящего повода выстрелить. «Может быть, именно это и произошло с теми, кто выбежал на улицу? — подумал он.— Может быть,

они были вынуждены идти на улицу из-за бабочек, которые проснулись внутри дома?»

Еще один вопль заставил его снова прильнуть к окну. Фигура человека вдалеке остановилась около фонаря, и это была последняя остановка, после которой рой бабочек тут же покрыл человека полностью. Но этот человек по крайней мере попытался хоть как-то защититься от них, хотя защита его оказалась совсем ненадежной. На голове у него был надет пластиковый мешок для мусора, а еще два мешка закрывали ноги. Видимо, бабочкам удалось проникнуть в мешки, и Джек благодарил небо за то, что фигура была слишком далеко, так что ему не удалось рассмотреть все детально.

Может быть, его идея будет лучше, а может быть, и нет. Он знал, что ему надо что-нибудь предпринять, чтобы исполнить свой план мести, но для этого требуется время, много времени, а нужно делать все быстро. Темнота была очень важным фактором, потому что в темноте бабочки вели себя относительно спокойно. До восхода солнца оставалось восемь или девять часов, потом свет снова вдохновит бабочек на поиски корма, и он должен использовать это отведенное природой время как можно лучше. Джек подумал, что, может быть, удастся применить против них какое-нибудь оружие, например, огнетушитель, который лежал на кухне, но было в этих бабочках что-то такое, чего он никак не мог понять; сперва он должен узнать о них как можно больше, а потом уже решать, как защищаться от них. Он знал, что у него есть только один шанс, и он должен использовать его наилучшим образом. В случае неудачи он заплатит очень дорого, как и все остальные,— это будет стоить ему жизни.

Джек видел из окна достаточно убийств, видел, как оборвалось уже несколько жизней. И больше он ничего не сможет узнать, наблюдая, как они нападают и как умирают от этого люди. Оставалось проделать только еще одну вещь, и тогда настанет его черед.

Он медленно поднялся по лестнице, стараясь не касаться перил. Останавливаясь на каждой ступеньке, он выжидал, пока улягутся легкие потоки воздуха, а потом поднимался на следующую ступеньку. Джек никогда и не думал, что здесь так много ступенек. На мгновение он представил себе, что ждет его наверху, и мурашки побежали у него по спине; он надеялся, что ему больше не придется подниматься наверх, но увеличительное стекло было у Алана в комнате, а оно было очень нужно Джеку.

Забавно получилось с этим увеличительным стеклом: Алану так нравилось разглядывать в него жучков и муравьев. Оно стало его любимой игрушкой — и еще призма. А сейчас Джек надеялся, что оно поможет ему узнать кое-что о бабочках, кое-что необходимое, прежде чем он попытается выбраться из этого ада.

Он был уверен, что стекло зарыто где-то среди игрушек и книжек в комнате Алана. Но найти стекло было только началом. Имея его в руках, ему предстояло поймать бабочку и организовать достаточно света, чтобы суметь хорошенько ее рассмотреть. Джек уже видел последствия необдуманного включения света — над этой проблемой еще надо будет подумать. «Но сначала сделаем то, что возможно, — думал он. — Сначала достанем стекло, а дальше посмотрим...»

Дверь в комнату Алана была закрыта, он сам сделал это еще днем, во время первого нападения. На дверной ручке они тоже сидели. Но у Джека не было другого выхода. Он затаил дыхание и обеими руками изо всех сил схватился за ручку, расплющив несколько насекомых ладонями. Только двум или трем из них удалось подняться в воздух. Он не обратил внимания на жгучую боль в плече и повернул ручку вправо. Затем медленно открыл дверь, боясь, что на встречу ему может вылететь целый рой. Сердце учащенно билось в груди, во рту пересохло. Но внутри комнаты они тоже были достаточно спокойны. Джек осторожно вошел в спальню сына.

В комнате было темно — гораздо темнее, чем в коридоре. Но он подумал, что сможет разглядеть гору игрушек, одежды и книг в углу — гору, которую Кэти разбирала каждый вечер. Каждый вечер, кроме этого. Он вытер ладони и брюки и подошел к куче разного хлама. Куча эта шевелилась и ползала, и он понял, что она полностью покрыта ими.

Ему нужно было достать увеличительное стекло, а это значило, что он должен разворошить кучу. Без сомнения, бабочки тут же взлетят, и он снова будет подвергнут нападению. А что, если там вообще нет этого стекла? Что, если Алан положил его в другое место? В любом случае Джек должен попытаться. Ему надо было хорошенько рассмотреть этих маленьких тварей, и это был единственный способ. Он глубоко вздохнул и, закрыв глаза, погрузил руки в шевелящуюся массу. Как можно быстрее он ощупывал пластинки, коробочки, плюшевые игрушки и одежду. Нападение началось не сразу, и от этого ему было немного легче.

Наконец он нащупал ручку стекла, и в это время они уселись у него на спине и плечах и начали прокалывать его уже и без того израненную кожу. Он крепко ухватился за ручку лупы и стоял так, стиснув зубы, чтобы не закричать от боли, его тело содрогалось от укусов и неимоверной усталости. Джек медленно повернулся и вышел из комнаты, ноги его задеревенели от напряжения, и он едва сдерживался, чтобы не броситься бежать.

Выйдя в коридор, он встал на колени, и, положив рядом увеличительное стекло, прокатился на спине, давя сидящих на ней мотыльков. Он лежал так довольно долго, думая о невыносимой боли, о крови, которую он терял, и о злобе на того человека, который должен был за все ответить. На спине и на плечах у него почти не осталось живого места — так часто их кусали, столько нападений он выдержал. Джек прислушался к своему неровному дыханию, к сердцебиению, которое постепенно начало приходить в норму, и к своему внутреннему голосу, который кричал от боли и мучений.

Боль не утихала, и он боялся, что на этот раз они причинили ему какой-то особый вред. Или, может быть, все из-за того, что на эти места уже пришлось слишком много укусов. Он попытался двигаться, и тут же ему показалось, что к его спине крепко прижали раскаленную кочергу. Джек знал, что плоть его была открыта, что кожу они уже давно съели полностью, и теперь его спина представляла собой сплошное кровавое месиво.

Он понимал, что надо действовать быстро, пока не стало еще хуже, и попробовал подняться на ноги, кусая губы, чтобы не заорать от боли. Он так и не смог полностью выпрямиться и пошел вперед, сгорбленный от ран и страшной боли, но все же ему удалось добраться до умывальника.

Джек намочил полотенце и, не обращая внимания на боль, положил его на плечи. Потом схватил полотенце за края и протатил его по спине, стирая с нее страшную смесь из крови, мяса и бабочек. От этого ему стало еще хуже, но он повторил процедуру еще раз, потом сполоснул полотенце и проделал это опять. Когда он закончил, в некоторых местах боль стала стихать.

Он достал свежую рубашку из платяного шкафа в спальне и с трудом надел ее на больное, израненное тело. Продевая в рукава истерзанные руки, Джек ощутил невыносимую боль, но все же он достал еще одну рубашку, немного подумал, взвешивая предстоящую боль и ту защиту, которую она ему принесет, и только после этого надел

ее. Два слоя одежды — все же лучше, чем один. Чем больше расстояние между ним и бабочками, тем лучше

А какое расстояние требуется, станет ясно, когда он исследует одну из этих тварей. Он оглядел ванную комнату, в ней не было окон и было очень темно. Тогда он понял, что сможет зажечь свет. Правда, потребуется немного поработать, чтобы все приготовить, но если получится, то игра стоит свеч

Джек поднял в коридоре стекло, потом вернулся в спальню. Медленно и аккуратно он закрыл за собой дверь. Потом взял покрывало и одежду, лежащие у двери, и начал затыкать ими щели. Теперь бабочки не смогут залететь сюда. Свет тоже не будет проникать в коридор, и бабочки не поднимутся в воздух.

Он схватил еще кое-какую одежду и простыни с кровати, взял с собой стекло, вошел в ванную и увидел, что там полно мертвых бабочек, большинство из которых раздавлено, но некоторых все же можно было рассмотреть, потом повторил ту же процедуру затыкания щелей в ванной комнате. Когда это было сделано, Джек включил свет.

То, что он увидел, сильно напугало его.

В зеркале отражалось лицо человека, которого он раньше никогда не видел, и все же что-то знакомое угадывалось в нем. Неужели это он сам?

Лицо его было совершенно белым и испещренным крошечными ранками, будто он переболел тяжелой оспой. Темные круги под глазами делали его еще более мрачным и изможденным. Раздавленные тела бабочек прилипли к волосам и размазанными коричнево-серыми пятнами облепили его щеки и лоб. Губы были покрыты маленькими черными шрамами, и засохшая струйка крови пролегла от левого глаза к подбородку. У него было жестокое выражение, к которому еще можно добавить впалые щеки, тусклые глаза и решительную линию губ.

Джек в ужасе устоял на искаженное изображение в зеркале.

Потом он заметил сзади движение — мелькание крохотных крылышек над головой, безумный полет существа, которое не имело право на жизнь. Он обернулся и увидел ее — единственную живую бабочку в этой комнате. Джек вытянул руку и позволил ей сесть на нее, прекрасно сознавая, что сейчас она проткнет его кожу и ему будет очень больно. Свободной рукой он схватил увеличительное стекло и приготовился наблюдать нападение бабочки при большем увеличении.

Ничего подобного он никогда раньше не наблюдал. Это было ужасней самых страшных ночных кошмаров, хуже, чем могло придумать самое больное воображение.

Бабочка проползла несколько дюймов по тыльной стороне кисти, будто выискивая самое нежное, самое уязвимое место. Он видел, как лапки крепко вцепились в волосок, потом в кожу. Затем головка существа наклонилась под другим углом. Если все это не было так омерзительно, в других условиях это могло бы даже показаться Джеку занятым. Усики постоянно шевелились, бабочка поворачивала свою мохнатую, мерзкую головку из стороны в сторону, и в какое-то мгновение Джек увидел, как она выпустила свой хоботок, похожий на пружинку от наручных часов. Вот что прокалывало кожу и вызывало такую боль! «Эта тоненькая трубочка, которой бабочка должна пить нектар. Нектар,— подумал он,— но не кровь!»

Джек увидел, как хоботок разворачивается, словно детская игрушка, в которую надо подуть. Он был недлинным — в четверть или даже в одну восьмую дюйма. А потом он почувствовал и увидел, как была проткнута его кожа — необычное дело для простой бабочки. Джек стиснул зубы и стал вглядываться еще внимательнее, пытаясь выяснить для себя как можно больше перед тем, как с удовольствием убить эту тварь.

Пока боль была вполне терпимой, может быть, оттого, что он сам позволил укусить себя, или потому, что он уже больше ничего не боялся. Бабочка кормилась, как комар, стоя на его руке и проткнув хоботком кожу. И вдруг боль усилилась. Он непроизвольно дернул рукой, но затем снова спокойно положил ее под увеличительное стекло. То, что он увидел, превзошло все его ожидания. Хоботок то ли изменился, то ли раздулся, или появился еще один хоботок — трудно было сказать. Но он стал в два раза больше в размерах, и Джек больше не мог этого выдержать. Он уронил увеличительное стекло на ковер и с наслаждением раздавил проклятое существо.

Теперь он понимал, как они нападают и почему боль потом резко усиливается. Он знал, на какое расстояние вытягивается хоботок и сколько слоев одежды надо иметь, чтобы они не смогли до него добраться. Он отвел левую руку в сторону и увидел раздавленную бабочку, потом подставил руку под кран, а затем снова взял стекло и исследовал ранку.

Вокруг места прокола был замечен небольшой след ожога. Ожог? Но как они могут жечь кожу? Видимо, ба-

бочки выделяют какую-то кислоту, и достаточно сильную, если могут разрушать плоть.

Джек покачал головой, и руки у него безвольно повисли. Одежда — неважно, сколько слоев ее будет, в любом случае недостаточно защитит его. Надо искать что-то другое, что-то достаточно крепкое, чтобы хоботки бабочек не смогли проколоть этот материал, и чтобы он выдерживал кислоту. Рыцарские доспехи.

Он засмеялся над своей мыслью, представив себе, как он выходит из дома и идет по улицам в утренние часы, облаченный в доспехи средневекового рыцаря.

Броня. Вот что ему нужно! Никаких сомнений не оставалось. Бабочки через нее не смогут пробиться, и он спокойно выйдет из города. Все было так просто, что он чуть было снова не рассмеялся. Просто надо обратиться в ближайший магазин, и вам выдадут рыцарские доспехи на любой размер.

Он сидел на краю туалетного столика и удрученно качал головой, устало осознавая, что он проиграл. Наконец, он глубоко вздохнул и понял, что отступил. С ним все уже кончено. Скоро придет его черед, а он не будет к этому готов. Пробыет его час, и он сделает свою глупую и безнадежную попытку спастись — побежит по улице, как человек, облитый бензином и подожженный, размахивая руками, будто сломанная мельница. Именно так и придет его черед умереть мучительной, бессмысленной и страшной смертью.

Если он срочно не придумает чего-нибудь достойного внимания, ему уже не выжить. Как оказалось, его план исследовать насекомых и решить, как ему от них защититься, имел одно слабое место: теперь он знал, что ему нужно, но понятия не имел, где это можно достать. Доспехов у него не было, и, пока он не найдет им достойной замены, никакой надежды на спасение нет.

Джек слез со столика и выключил свет. Вытащив одежду из-под двери, он вошел в спальню. Хорошо, хоть здесь он все продумал правильно. По крайней мере они не залезли в ванную и в спальню.

Он вытащил покрывало из-под двери и медленно открыл ее. В коридоре бабочки сидели на стенах и вели себя довольно спокойно. Но все равно картина была ужасной: казалось, что коридор живой, он был похож на ползающий, шевелящийся туннель, на горло огромного зверя.

Все это было безумием, настоящим безумием. Может быть, все это ему только снится, весь этот кошмар? А Кэти и Алан живы и здоровы, и сам он сейчас проснется в

холодном поту? Ну да, конечно!.. Думать так было столь же нелепо, как и искать рыцарские доспехи.

«Держись! — приказал он себе. — Нельзя позволить этим вонючкам захватить тебя врасплох. Соберись с мыслями, и тебе удастся что-нибудь придумать. Потеряешь голову — потеряешь и жизнь. Сейчас нужна какая-то защита, надежнее, чем одежда. Что-то, что покрывало бы целиком все тело, что-то вроде... водолазного костюма! В подвале!!! Боже мой, почему же я раньше не подумал об этом?»

Сдерживая себя, чтобы не ринуться вниз бегом, Джек медленно и осторожно спустился по лестнице, не касаясь стен и перил. Очутившись на первом этаже, он прошел в коридор, ведущий к подвалу. Там он еще не был, потому что не мог себе представить, что ему там может понадобиться. Нижняя часть дома запросто могла кишеть ими, как муравейник. Хотя он в этом и сомневался. Большинство бабочек находилось наверху — там, где у него было первое убежище, будто они искали его, используя свои органы чувств или радары.

Возможно, что в подвале их и вообще нет ни одной. Внизу ведь не было кондиционеров. А может, и были — он уже не мог вспомнить. Там было четыре или пять маленьких окошек под потолком, на уровне земли, но они наверняка закрыты. Он не помнил, чтобы их когда-нибудь открывали. Да, наверное, в подвале относительно безопасно. В любом случае выбора у него не было. Ему надо спуститься вниз, чтобы достать водолазный костюм.

«Да, — подумал он. — Именно водолазный костюм. Вот где выход из этого безумия!» Не считая доспехов, это самая надежная защита, полностью закрывающая его, и с собственным аппаратом для дыхания. Конечно, он был не лучшим водолазом и далеко не самым опытным, но все же это было куда лучше, чем выйти на улицу, надев на себя пятьдесят рубашек.

Тень улыбки скользнула по его губам. И это была улыбка надежды. Он вновь осознал, что, когда настанет его черед, он, возможно, использует свой шанс.

10

Гарри обматывал Филлис алюминиевой фольгой, перекрывая одни и те же места по нескольку раз. Он знал, что фольга будет трескаться в местах сгиба локтей и колен, и поэтому здесь защита окажется наименьшей, но даже если это и так, то частичная защита все же лучше никакой. И в

втих местах пластиковые обертки должны будут играть двойную роль. Им просто придется ее сыграть.

К счастью, у платья Филлис был такой покррой, что он мог обмотать каждую ногу в отдельности, хотя для этого ему пришлось применить нож, а ведь это было одно из его самых любимых платьев!

Фред в это время был занят тем же, обматывая ноги Лиз в пластик и фольгу и пытаясь наложить как можно больше слоев, в то же время оставляя возможность двигаться. В конце концов им предстояло долгое время идти пешком. Он делал это медленно и аккуратно, будто она была драгоценнейшей фарфоровой вазой, которую предстояло транспортировать через всю страну.

— Готова для жаркого? — спросил Фред жену. — Надеюсь, духовка уже подогрета?

Лиз улыбнулась и взъерошила ему волосы, тут же пожалев об этом. Мертвые бабочки прилипли к ее рукам, и она с омерзением смотрела на их смятые тела. Лиз хотела, чтобы это движение вышло у нее дружелюбно, чтобы они смогли снова сблизиться, а не наоборот, и Фред понял это, он посмотрел на жену, заметив через пластик выражение ее глаз, и крепко обнял ее через фольгу. Раздался хруст.

— Не волнуйся, крошка. Теперь мы отсюда запросто выберемся. У нас есть шанс.

— Конечно, — тихо сказала она. — А когда все будет позади, мы пойдем в долгий увлекательный поход. Только вдвоем — ты и я, как это бывало раньше, одни на каком-нибудь красивом песчаном пляже, и теплый ветерок будет дуть на нас с океана.

— Конечно, — сказал он, — это будет так здорово.

— Я бы тоже хотел присоединиться к вам, — улыбнулся Джим. — Но, увы, «нас, кажется, не пригласили»...

Фред улыбнулся.

— Иногда, Джимбо, ты попадаешь прямо в глаз.

Джим засмеялся и продолжал свои приготовления.

Тем временем Гарри приступил к рукам Филлис, заставив ее вытянуть их в стороны. Пока он занимался фольгой, в голове его в то же время складывался наиболее удобный маршрут к аэродрому. Он решил, что лучше будет держаться подальше от основных магистралей с их огромными фонарями, особенно в том случае, если эти бабочки ведут себя как обычные. Им придется идти в обход, через жилые районы, но это показалось ему не таким уж плохим планом, потому что время у них пока было. Кроме того, может быть, те, кто остался в живых, увидят их из окон домов и поймут, как можно защититься от бабочек.

Конечно, это путь немного длиннее, но зато он гораздо надежней, и, возможно, так они смогут помочь и кому-нибудь еще.

Гарри закончил с руками и перешел к талии. Он сделал всего несколько оборотов, и уже пришлось открывать новую коробку. Но остаться без фольги они не боялись — в шкафу было очень много нераспечатанных пакетов.

Он спросил себя, летают ли бабочки сейчас, когда наступила ночь? По часам выходило, что солнце уже село, и если память ему не изменяет, то луны сегодня не будет еще несколько часов. По крайней мере сейчас было не полнолуние, подумал он. И это тоже немного помогло им.

— Оставь на себя побольше фольги, — посоветовал Джим. Чтобы обернуть твой живот, ее потребуется довольно много.

— Смешно, Джим. Очень смешно, — проворчал Гарри. — Скажи еще спасибо, что я сейчас на диете. А то фольги на вас и вовсе не хватило бы.

— Да, это верно, — заметил Фред.

— Не стоило соглашаться, — сказал Гарри. — Ведь это просто шутка.

— Ах, вот как, а я и не понял, — сказал Фред и рассмеялся. — Ладно тебе, Гарри, не обращай внимания.

Гарри улыбнулся и покачал головой. Он отступил на шаг назад, чтобы полюбоваться на свою работу. Филлис походила на астронавта, готового отправиться на Луну.

— Ты никогда так прелестно не выглядела, дорогая, — сказал он. — Я буду надеяться, что это не последний наш полет.

— Не волнуйся, все будет хорошо, — сказала она.

— Перейдем к пластику? — предложил Гарри.

Наматывать пластик было гораздо проще, чем фольгу, и дело пошло быстрее. Уже не надо было быть таким осторожным на сгибах рук и ног, так как пластик не разорвется, как фольга. Гарри продолжал тщательно обматывать ее, как ребенок, который заворачивает рождественский подарок, считая, что он обязательно должен использовать весь рулон полностью.

Потом они вырезали небольшие махровые маски для ртов, и Филлис руками, заключенными в пластиковые мешки, обмотанная и перемотанная фольгой и пластиком, помогла Гарри примотать свою маску к лицу. С каждым витком он протыкал пластик в одном и том же месте, чтобы она могла дышать.

— Ну, как ты там? — спросил он.

Филлис кивнула ему, и он понял, что она чувствует себя хорошо. Гарри продолжил работу. Если бы они не находились на грани жизни и смерти, он подумал бы, что этот костюм она выбрала себе для карнавала на День Всех Святых. Но, как бы то ни было, он был рад за нее — она наверняка выдержит поход до аэродрома.

Когда Гарри закончил оборачивать ее, она больше не походила на Филлис. Она вообще напоминала человека только тем, что у нее было две руки и две ноги. Но по общим очертаниям ее скорее можно было бы принять за существо с другой планеты.

— Ты похожа на что-то ненастоящее. На что-то сюрреалистическое, — сказал Гарри.

— Теперь твоя очередь, — услышался приглушенный ответ. Она добавила еще что-то, что он не смог разобрать, что именно, и попросил ее повторить еще раз. После двух раз он сообразил, что она сказала: «Мне очень жарко».

Медленно и очень неловко она нагнулась и начала оборачивать его ноги так же, как это делал он. Она проделывала все очень аккуратно, боясь пропустить хоть один дюйм его тела, так как это могло бы означать для него верную смерть. А Филлис была счастлива с ним, была рада, что вышла за него замуж, и хотела быть вместе с ним еще много-много лет.

Фред тоже завершил свою работу, и они с Лиз поменялись местами. Через несколько минут Филлис закончила «упаковывать» Гарри и вместе с мужем помогла Джиму облачиться в фантастический костюм из фольги и пластика. В кухне было тихо. Отвратительный запах и раздавленные бабочки на стенах постоянно напоминали им, в каком положении они находятся. Они ни на секунду не забывали, что они делают и зачем они это делают, они не забывали о важности каждого витка фольги и пластика, не забывали о предстоящем длинном и опасном походе. Они работали очень внимательно и серьезно, в настроении, порожденном отчаянием, которое они никогда не испытывали раньше и надеялись больше никогда не испытать.

Гарри сделал глубокий вдох и внутренне собрался. Рука его легла на ручку двери: он собирался впустить бабочек внутрь и выпустить товарищей наружу. Казалось, что это был выгодный обмен — по крайней мере чем больше бабочек будет находиться внутри здания, тем меньше их окажется снаружи. Они уже обсудили в деталях маршрут — приглушенные голоса все же можно было расслы-

шать через слой ткани и пластика возле рта. Фред стоял за то, чтобы идти к аэродрому по прямой и как можно быстрее, но Джим выступил на стороне Гарри, поддержав его предложение пойти в обход, по пути, который был гораздо безопасней.

Гарри оглядел товарищей, и они кивнули ему в ответ, что означало, что все были готовы. Гарри глубоко вздохнул и сделал то, чего он не делал уже несколько лет, — пробормотал короткую молитву, прося Бога помочь им в их опасном начинании. Он сомневался, что это всерьез поможет, но сомнение не остановило его. Им нужна была любая помощь, и Гарри было безразлично, откуда эта помощь идет.

Когда он толкнул дверь и она открылась, он был рад тому, что успел помолиться. Шаг вперед означал то же самое, что и шаг в улей с пчелами — огромный, живой и полный миллионами насекомых улей. Первым его желанием было броситься на них, начать бить, сбрасывая с тела и головы. Но он стоял совершенно неподвижно, ошеломленный, и боялся пошевелиться. Он почувствовал, что в животе у него стало нехорошо, а по спине побежали мурашки. Пот градом катился с Гарри, заливая глаза и ноздри. Он явно не представлял себе этого кошмара и недооценивал его, сидя в кухне. Миллионы и миллионы бабочек крутились в безумном вихре, летая зигзагами, прыгая в воздухе и натываясь друг на друга, закрывая от него все, что находилось впереди. Он не мог видеть дальше, чем на пять футов перед собой. Это было уже слишком.

Насекомые садились ему на туловище, на грудь, на лицо, и Гарри едва сдерживался, чтобы не закричать. Он упустил из виду свой собственный страх перед ними, когда обсуждал план перехода из поместья в аэропорт. Когда они сидели там, в кухне, несколько бабочек, порхающих вокруг них, никак не связывались в его мозгу с миллионами этих тварей, сидящих здесь, на улице.

Кто-то толкнул его сзади, и он, моргая в непонимании, вступил в ледяющий душу ужас. Он двигался медленно, шаг за шагом, ежесекундно вытирая руки и лицо и вспоминая, что говорил ему когда-то один альпинист: «Чтобы добраться до вершины, нужно двигаться очень медленно — шаг за шагом». Гарри оглянулся и увидел ужас, застывший в глазах у Филлис, хоть ее лицо и трудно было разглядеть через несколько слоев пластика. Он видел, что вся ее голова облеплена бабочками, они ползали по ней своими маленькими ножками, постоянно передвигаясь с места на место. Филлис непрерывно сметала их с лица, но они

тут же садились обратно, как только она убирала руку. «Ну ладно, хватит,— подумал он.— Надо двигаться вперед»

Осторожными шагами Гарри шел к автомобильной стоянке, боясь оступиться и упасть. Он понимал, что, если защита хоть немного будет нарушена, бабочки тут же набросятся на него и уничтожат немедленно. Но чем дальше они отходили от здания, тем меньше бабочек становилось в воздухе. Казалось уже, что они собираются только вокруг них, и Гарри подумал, что, куда бы он ни пошел, они всегда будут рядом.

Они уже порядочно отошли от ярких огней у дверей кухни, здесь было темнее. Когда Гарри оглянулся и посмотрел на здание, он понял, что именно свет возбуждает их активность, что в неосвещенной зоне их количество гораздо меньше. Возможно, что, когда им придется проходить затемненные участки, будет гораздо легче.

Направо от него, в десяти футах, лежало тело. Вернее, то, что от него осталось. Гарри подавил в себе тошноту и отвернулся, опасаясь того, что может произойти с маской из махрового полотенца, если его вырвет. Ведь выживет он или нет — зависело также и от того, сможет ли он дышать через ткань, а испортить ее собственной блевотиной означало бы немедленную смерть

Когда он сделал еще несколько шагов по стоянке, то почувствовал, что его страх перед тварями-мутантами перерастает в жгучую ненависть, в жажду уничтожения, но он не мог опровергнуть тот факт, что их все-таки слишком много, чтобы пытаться с ними справиться, и они постоянно нападают и обладают большой разрушительной силой. А кроме того, за ним шли четыре человека, которые доверились ему, и он должен вывести их в аэропорт. Поэтому он не позволит своему чувству ненависти развиваться дальше, он осознавал свою ответственность перед ними. Он должен идти.

Добравшись до конца стоянки, Гарри увидел траву — большую лужайку между стоянкой и улицей. Он замедлил шаг и подошел к краю тротуара. Он видел все достаточно отчетливо и понимал, чем им грозит переход через эту лужайку. Она была полностью покрыта бабочками, которые, правда, вели себя пока спокойно. «Нет смысла беспокоить их, шагая прямо по их телам,— подумал Гарри.— Хоть это и еще немного увеличит наш путь в аэропорт, но мы по крайней мере не полезем прямо на рожон».

Не останавливаясь, он круто повернул направо и зашагал к выезду для автомобилей. Это был не самый безопас-

ный путь, потому что проходил он через места, освещенные фонарями, но все же более надежный, чем по траве. Во всяком случае, пока была возможность выбора из двух зол меньшего. Он повел группу по правой стороне выезда, по возможности огибая освещенные места и не задевая при этом бабочек, сидящих на траве рядом с дорогой. Это было похоже на хождение по канату. «Один неверный шаг — и тут же результат... — подумал он. — И результат довольно неприятный. Пока все чувствуют себя хорошо, и это уже кое-что. Мы прошли всего каких-то пятьдесят футов, но все это лучше, чем сидеть запертыми в кухне и ожидать своего конца».

Когда они проходили под фонарями, бабочки, до того летавшие вокруг освещенных шаров, будто увидели приближение группы людей и теперь старались сделать все, чтобы задержать их продвижение. Но они упорно шли вперед. У головы Гарри становилось все больше и больше насекомых, они снижали видимость, и он боялся, что в любую секунду может оступиться и попасть ногой в траву. Гарри все время махал руками перед лицом, чтобы не дать облепить голову. Он знал, что если на лицо сядет достаточное количество бабочек, то ему придется давить их, а это значит, что он будет видеть еще хуже, а может быть, вообще не сможет ничего увидеть перед собой. Трудно все-таки смотреть через раздавленные трупы бабочек. Он потряс головой в надежде, что они разлетятся в стороны. В глубине души Гарри уповал на то, что остальные чувствуют себя все же лучше.

Вдруг он почувствовал, как чья-то рука дотронулась до его плеча, и понял, что это Филлис. Сначала он хотел обернуться, чтобы проверить, все ли в порядке, но затем решил сначала выйти из освещенного места в конец проезда. А там посмотреть, что у нее случилось. Она не стучала рукой, не требовала немедленного внимания, значит, ничего особенного не произошло. Она просто положила ему руку на плечо. Возможно, он ей служит поводырем. Может быть, она раздавила бабочек перед глазами и теперь не очень хорошо видит. Да, скорее всего, так оно и есть.

Он зашагал чуть-чуть побыстрее, стремясь скорее выбраться из переполненного бабочками места. Подойдя к концу проезда, он повернул налево, направляясь от центра поместья к аэропорту. Дорога впереди была темной, неосвещенной, и он решил не останавливаться, пока они не войдут в эту темноту достаточно глубоко, чтобы удалиться от роя, окружающего освещенный клуб.

Впереди справа лежал изуродованный труп. Гарри взглянул на него мимоходом и тут же пожалел об этом. Никогда в своей жизни, даже на войне, не видел он подобного зрелища, такого кошмара. В животе у него заурчало, и он ускорил шаги, отвернувшись в левую сторону.

«Сколько еще трупов встретится нам на пути? — думал он. — Сколько еще мертвых друзей и соседей, ни в чем не повинных людей — мужчин, женщин, детей и их животных? Сколько их выжило после нашествия бабочек?..» Он покачал головой и продолжал идти, выбирая спокойное место, чтобы сделать остановку.

Ему казалось, что каждый шаг занимает целую минуту. Он делал всего одно движение, а мозг его в это время лихорадочно работал, в нем проносились десятки мыслей, тысячи страхов, сотни картин о том, что может с ними случиться, если бабочки прогрызут фольгу и пластик, если он повернет не там, где надо, если группа войдет в рой настолько густой и плотный, что им не удастся выбраться. Жуткие картины сменяли одна другую, медленно убивая его уверенность, силы и здравый смысл. Он шел как во сне. Медленно, будто под водой. Но реальность напознала на него снова и снова, сменяя жуткие видения своими не менее отвратительными сценами. Наконец они дошли до того места, где Гарри хотел передохнуть, но и тут обнаружили труп; он лежал на спине, кожа на лице полностью съедена, кости и мышцы обнажены. Они увидели черные пустые глазницы и чудовищную ухмылку на лице без губ.

И Гарри решил идти дальше до тех пор, пока не найдет более спокойного места для отдыха.

11

Джек шел по ступенькам в подвал так же медленно, как спускался со второго этажа на первый. Он пытался дышать равномерно, стараясь сдержать свои эмоции и обуздать прилив адреналина, который мог подействовать на его мозг. На лестнице было темно, очень темно, а ему необходимо оставаться совершенно хладнокровным, не спешить, иначе он кубарем скатится вниз. Но Джеку было трудно сдерживать себя. Он знал, что там, внизу, лежит его водолазный костюм — единственный шанс на спасение. Он мог бы пройти по этим ступенькам даже с закрытыми глазами, так что темнота была не таким уж большим неудобством.

Пока он шел, он пытался мысленно представить себе подвальное помещение и все, что там находилось — сверт-

ки, ящики, груды неиспользованного хлама. Он ясно видел свой рабочий стол, нераспечатанные коробки с инструментами и скобяными изделиями. Он не мог только вспомнить, чем может быть завален сам стол сверху. Ему казалось, что в последний раз он видел водолазный костюм в дальнем углу, он лежал там поверх набора гантелей. «Акваланг должен быть рядом, — подумал он. — Надеюсь, мне удастся добраться туда, не сломав себе шеи».

Темнота была похожа на дымку. Она, как туман, окутывала его, и он даже стал лучше видеть боковым зрением. Ему приходилось часто моргать, чтобы видеть то малое, что позволяло его положение.

Джек перегнулся через перила и, уставившись на них с расстояния дюйма, увидел, что на них нет бабочек. Похоже, что ему начало везти: если их нет в подвале, значит, ему удастся взять водолазный костюм без особых сложностей. Еще несколько шагов — и он уже на бетонном полу.

Джек сделал последний шаг, почувствовав разницу между этим полом и полом на этажах, и с облегчением вздохнул. Он поставил на бетон вторую ногу и простоял так, отдыхая, несколько секунд, собираясь с мыслями и вспоминая, когда же он в последний раз был здесь и как можно пройти к подвалу с наименьшим риском. Потом он искоса осмотрелся, пытаясь различить очертания предметов в темноте. Все здесь казалось покрытым пухом: столбы, идущие от пола до потолка, напоминали мягкие вибрирующие вертикальные линии. Казалось, что они шевелятся. Джек поймал себя на мысли, что он страшно боится этого движения. Возможно, оно было простым обманом зрения, а может быть, столбы сплошь покрыты бабочками. «Здесь есть только один способ проверки», — подумал он и закрыл глаза, надеясь, что когда откроет их снова, то сможет увидеть в темноте побольше. Он облизал пересохшие губы и потер нос тыльной стороной ладони.

Когда он открыл глаза, то первым делом увидел на своем пути большой ящик, который стоял в середине подвала. Это позволило ему сориентироваться, и он начал передвигаться к углу, туда, где лежал водолазный костюм, его мини-броня. Подойдя к одному из столбов, Джек увидел, что там никого не было, и понял, что в подвале бабочек нет. «Странно, — подумал он. — Они должны быть и здесь. Хотя, может, и не так странно, ведь дверь в коридор была закрыта и все окна — тоже». Как только страх начал пропадать, он позволил себе немного ускорить шаг.

В углу он увидел кучу всякого барахла — туда сваливали неиспользованные и ненужные вещи. И поверх этой ку-

чи, похожей на распродажу старья, лежал он — тот самый водолазный костюм.

Джек еще больше ускорил шаг: по мере приближения к куче его волнение возрастало. Вдруг острая боль пронзила его ногу возле лодыжки и он вскрикнул — в темноте он ударился об одну из гантелей. Джек нагнулся и потер ушибленное место, ругая себя за то, что не смог сдержаться. Но это было неважно. Сейчас все уже было неважно. Костюм здесь, на месте, до него можно дотянуться рукой; и здесь же, прислоненный к стене, стоит акваланг. Он потянулся к куче хлама, вынул из нее прочный резиновый костюм и положил его на пол сзади себя. Да-да, все было на месте, даже маска для лица!

Джек взял акваланг, взгляделся в манометр, но в темноте не смог ничего разобрать. Он молился, чтобы баллоны были наполнены воздухом. Но не мог вспомнить, заряжал ли он их после своего последнего подводного путешествия. Он напряг память, но на ум приходили только картины, изображающие озеро, да еще неприятное ощущение, что он плывет в темной, холодной воде. Все это было так давно, что детали ему сейчас никак не припомнить. Он озабоченно покачал головой. Наверное, воздух все-таки есть. Но больше над этим ломать голову нечего!

Джек взял набор составных частей и, удовлетворенный тем, что все было на месте, поднялся на ноги. Он решил перенести снаряжение наверх и там надеть. Не было смысла подниматься по ступенькам в полном обмундировании. Если он оступится и упадет, то может повредить костюм, а то еще и сам ушибется. «Не стоит так рисковать, когда я почти на свободе», — подумал он.

Перекинув акваланг через плечо, он сразу вспомнил, каким тяжелым он ему и раньше казался на суше и каким легким становится, когда полностью погружаешься в воду. А ему ведь предстоит долго идти с ним, и, подумав об этом, Джек немного изменил положение ремней, чтобы легче привыкнуть к весу снаряжения. Затем он осторожно нагнулся, опасаясь, что под тяжестью акваланга может потерять равновесие, и забрал остальные части костюма. На секунду он задумался, стоит ли ему брать ласты и смогут ли они как-нибудь пригодиться, и, решив, что стоит, повесил их на шею, как шарф. После этого Джек надел маску на голову и потянул ее вниз, стащив за шею. Потом взял костюм под мышку и направился к лестнице.

Он смело опирался о поручни, так как знал, что здесь бабочек нет, и поэтому смог легко и быстро преодолеть эту лестницу. Стоя на последней ступеньке перед закры-

той дверью, он глубоко вздохнул и приготовился еще раз увидеть то безумие, в которое ему суждено было окунуться. Через мгновение он медленно открыл дверь и вышел в коридор, назад в этот кошмар.

За эти несколько минут, проведенных в подвале, он уже начал забывать о том, как жутко было в остальной части дома. Потолок и стены казались живыми, они шевелились и ползли. Джек сразу представил себе, что сидит внутри какого-то огромного существа. Его передернуло, и он застыл, ожидая, когда уляжется поток воздуха, который может потревожить бабочек, и тогда они взлетят и снова начнется нападение.

Акваланг своим весом тянул Джека назад, и он заметил, что ему приходится немного нагибаться, чтобы уравновесить груз спиной. Выждав минуту, он очень медленно направился на кухню, где ему предстояло надеть костюм.

Кухня. «Здесь все и началось,— подумал он.— Назад к началу. Назад к ужасу».

Злой и разбитый, он попытался успокоиться, смягчить тупую ноющую боль в пустой груди и подготовиться к собственному спасению. Он снял акваланг и аккуратно поставил его на пол, рядом положил костюм, потом снял с себя остальное оборудование. Расправляя плечи, он услышал хруст в руках и позвоночнике — и тут же по спине прокатилась волна облегчения, груз больше на нее не давил. Джек сделал несколько наклонов из стороны в сторону, снимая остатки напряжения, а потом несколько раз нагнулся вперед и коснулся руками пальцев ног.

Он отметил, что находится еще в приличной форме, и был этому рад. Хотя он так и не смог остановиться на чем-то одном — на плавании, беге, велосипеде или тяжелой атлетике,— он постоянно находился в движении, все время что-то делал, и поэтому тело его не совсем еще потеряло прежние качества. Он был в таком возрасте, в том промежутке жизни, когда большинство мужчин предпочитают сидеть в удобных креслах и наблюдать, как другие стараются сохранить форму, тренируют свое тело, вместо того, чтобы заняться этим самим. Возможно, у него уже и нет той силы и выносливости, как несколько лет назад, но все же он еще не задыхается после перехода по ступенькам с аквалангом за плечами. Маленький Алан, царство ему небесное, никогда не давал ему покоя, он вечно чем-нибудь занимался. И Кэти тоже. Бедная Кэти!..

Джек прижал кулаки к глазам, чтобы сдержать нахлынувший поток слез и жалости к самому себе. И пустота в

грудь обернулась чувством мести, он задыхался от горя. Джек с трудом сглотнул, пытаясь сдерживать свои эмоции и контролировать чувства, переполняющие его. Но он не мог больше сопротивляться натиску страшной действительности.

Он встал на колени и, уткнувшись лицом в ладони, громко и безудержно зарыдал.

После всех испытаний он был очень слаб, но, поплавав, почувствовал в груди некоторое облегчение. Джек сидел на полу в кухне, усталый и опустошенный, и даже не старался ничего предпринять. Что же ему было нужно? Ах, да! Он собирался вырваться из поместья. Ну и что? Это же не вернет к жизни Алана и Кэти. Что из того, что ему удастся выбраться отсюда живым? Что у него будет? Пустое сердце и пустая жизнь.

И хотя он ясно осознавал это, хотя прекрасно понимал, что за жизнь ждет его впереди, он знал, что жизнь — любимая жизнь — все же лучше, чем никакой. По крайней мере это все, что у него осталось. Его жизнь и то будущее, которое она ему принесет.

Да. Неважно, как он себя чувствует, неважно, как бы поступили на его месте другие, он твердо знал, что ему надо делать. Он выживет, он вообще живучий. Он не сдавался во Вьетнаме, когда им приходилось туго, и он не собирается сдаваться и здесь. Джек посмотрел на водолазный костюм, на акваланг, лежащий рядом на полу, и покачал головой. Хрен с ним, он наденет всю эту маскарадную дребедень и выберется к черту из этого кошмара.

Убедив себя в этом, Джек почувствовал, как силы возвращаются к нему. Но пустота внутри оставалась, и ему показалось, что она останется там навсегда. Она постоянно будет напоминать ему о том, чем он когда-то владел, о любви и нежности, которые он разделял, и об их безвозвратной потере. И он никогда не забудет, что где-то есть некто, кто должен за это ответить. Он выяснит, кто это, и заставит его заплатить полностью.

Джек вытер руками щеки, натянувшиеся от засохших слез, и встал. Снял с себя одежду, сложил ее и нагнулся за гидрокостюмом. Осторожно вступил внутрь, просунул руки, застегнул молнию. Костюм был не таким уж и толстым, как ему казалось раньше, но Джек считал, что он будет достаточной защитой от прокалывающих хоботков этих дявольских бабочек. Джек вспомнил, как смотрел на него продавец в магазине, когда он покупал себе все это оборудование. Он так тщательно подбирал костюм, будто нырять

под воду было для него главной задачей в жизни, будто больше для него ничего в этом мире не существовало. Про-давец с удовольствием показал ему все второстепенные принадлежности, без которых Джек мог бы запросто обойтись при его способностях к нырянию. Он показал ему роскошные подводные перчатки и тапочки, шапочку, которая полностью закрывала голову, и много чего еще. На все это нужны были деньги и деньги, ведь это были специальные принадлежности для опытных профессионалов, но Джек все-таки купил их, потому что они заставляли новичка чувствовать себя увереннее и держаться с достоинством.

Когда он вернулся домой со всеми этими вещами, Кэти посмотрела на него, словно говоря: «Опять я тебе потворствую!» Но сейчас это не имело значения. Он радовался, что купил себе все эти дополнительные приспособления, которые теперь представляли собой дополнительную защиту. Джек надел их все, а потом нагнулся, чтобы проверить акваланг.

Слава Богу, он был полностью заправлен! Воздуха хватит часа на четыре. При движении по выбранному маршруту акваланг был просто необходим, и наконец Джек вздохнул с облегчением.

Закончив экипировку, он надел огромные походные ботинки, которые должны были защитить неопределенные подошвы тапочек. Но лицо у него оставалось открытым, и Джек понял, что потребуются найти еще что-нибудь достаточно толстое или прочное, чтобы закрыть незащищенные части. Он теперь пожалел, что не купил тогда скафандр для глубоководного погружения со старомодным шлемом и маленькими иллюминаторами. Это бы его здорово выручило сейчас. Но, увы, придется прикрывать чем-нибудь другим части лица, которые не закрывались маской.

Потом он вспомнил человека на улице, того, который вышел после Армстронга. У него руки, ноги и голова были закрыты пластиковыми пакетами для мусора. По всей видимости, он не бежал бы так долго, если бы эти пакеты не представляли собой хоть какую-то защиту.

Конечно, этого было явно недостаточно, но при данных обстоятельствах что-то было лучше, чем ничего. А больше у него ничего не было. Джек попытался придумать еще что-нибудь, но не смог. Он подошел к кухонным ящикам и выдвинул тот, где хранились пакеты.

На коробке он увидел надпись, что толщина пластика была всего полтора мила¹. «А сколько это — один

¹ 1 мил = 0,001 дюйма = 0,025 мм (Примеч. пер.).

мил?» — подумал он. Он вынул пакет, осмотрел его и пришел к заключению, что это немноговато. Может быть, только сорок или пятьдесят таких штук создадут нужное расстояние, которое защитит его кожу от бабочек, но у него их не было столько, и это создавало дополнительные неудобства. Джек посмотрел на другие пакеты, лежавшие рядом.

Надпись сообщала, что они были толщиной в 1,75 мила. Это уже лучше. Он вынул один и потрогал его. Пакет оказался намного толще и прочнее первого. Это был герметичный пакет на один галлон, и Джек попробовал надеть его на голову. Бесполезно. Он был слишком мал для этого, а если продолжать его натягивать, то он порвется. Остальные пакеты были еще меньше, годные только для бутербродов. Ничего здесь не выручало.

Придется использовать пакеты для мусора. Сколько их в коробке? Написано, что двадцать, но он был уверен, что несколько штук уже были использованы. Он взял коробку и вернулся туда, где оставил акваланг. Нужно будет проделать дырочки для глаз и отверстие для дыхания, но это уже не проблема. Оставшиеся концы можно заткнуть под костюм, чтобы бабочки не смогли подлезть под них и попасть на кожу. Когда все было закончено, он почувствовал себя в относительной безопасности. Пусть бабочки летают вокруг него, они не смогут прорваться через водолазный костюм. По крайней мере он на это надеялся.

Нагнувшись, он надел на спину акваланг и перекинул шланг через голову. Конечно, он мог бы подождать, пока ему понадобится воздух из баллона, и только тогда засовывать трубку в рот, но ему хотелось проверить все прямо сейчас.

Джек открыл клапан, услышал шипение воздуха и взял трубку в зубы. Вдохнув и выдохнув несколько раз, он удовлетворился работой своей системы, после этого выплюнул трубку и закрыл кран. Все в порядке. Он почти готов.

Немного подумав, Джек решил, что пояс, создающий лишнюю тяжесть, можно не брать. Он будет лишь дополнительным грузом по дороге к озеру и, хотя он, возможно, понадобится при погружении в воду, именно из-за него Джек мог просто не дойти до воды. Приходилось выбирать.

Еще раз мысленно проверив, не забыл ли он что-нибудь важное. Джек отругал себя за то, что успел уже порядком подзабыть систему проверки водолазов, которая предусматривала все возможные оплошности перед погружени-

ем в потенциально опасный подводный мир. Он ничего не смог больше припомнить, и постепенно до него дошло, что он просто подсознательно оттягивает неизбежное. Он должен прямо сейчас выйти туда, к ним, на свой страх и риск. И делать это надо немедленно, пока еще не слишком поздно. Последний раз оглядев кухню, он попрощался с ней и со всеми своими воспоминаниями, которые она навевала, и на секунду замешкался, уставившись на дверь черного хода.

— Прощай, Кэти. Прощай, Алан,— тихо сказал он.

А потом повернулся и зашагал по коридору к парадной двери.

12

Гарри с трудом прошел еще несколько ярдов, стараясь побыстрее миновать это место, не оглядываясь и не проверяя, как там остальные. Ему казалось уже, что везде, где он только хотел сделать привал, лежали изуродованные трупы. Последнее тело выглядело так, будто оно взорвалось, разбросав во внешний мир все скрытые органы и ткани. И это жуткое зрелище подтолкнуло Гарри вперед еще на несколько шагов.

Наконец, он остановился и оглянулся на товарищей. Лица Филлис почти не было видно — весь пластик был покрыт раздавленными бабочками. Только у Джима лицо было чистым.

— Надо прекратить давить их,— прокричал Гарри сквозь матерчатую маску.

Все согласно кивнули.

— Над было что-нибудь захватить, чтобы вытереть это,— сказала Лиз.

Гарри кивнул. В самом деле, надо было взять что-нибудь. Но этих «надо было» уже накопилось так много, и он с тоской подумал о том, сколько их еще будет впереди. Гарри начал вытирать лицо Филлис руками. Сначала он просто размазывал трупы насекомых по пластику, и этим ухудшил положение, но потом поверхность перед глазами жены начала расчищаться. Теперь стало гораздо лучше, чем раньше.

Они стояли в безопасном месте, где почти не было бабочек, и вытирали друг другу лица. Гарри надеялся, что им не придется слишком часто останавливаться для очистки, ему хотелось как можно быстрее добраться до аэродрома. Он пожалел, что здесь было так мало света,— ему хотелось посмотреть, как держится защитная броня на

Филлис. Но останавливаться в свете фонаря означало войти в рой обезумевших насекомых. Больше стоять не было смысла, и Гарри жестом позвал всех дальше за собой.

«Пока идет все очень хорошо,— подумал он.— Если и дальше все пойдет так же, без приключений, то, мы, пожалуй, доберемся до места. Все это лишний раз доказывает, чего можно добиться, если не паниковать и не терять голову. И слушаться разума, а не эмоций. Конечно, нам здорово повезло, что мы сидели в укрытии, где и смогли разработать план действий, но, если бы и все остальные в клубе не потеряли головы, они тоже нашли бы свой выход».

Он удивился своим мыслям. «Где же мое чувство жалости? — думал он.— Почему я не жалею остальных? Возможно, это будет потом. Потом, когда мы с Филлис окажемся в безопасности, в другом месте. Когда у нас будут время и расстояние, тогда мы еще не раз оглянемся на все это». А сейчас Гарри только радовался, что это не они распластаны здесь на асфальте и наполовину съедены чудовищными мотыльками.

Впереди он увидел сквозь пластик фонарь — расплывчатое пятно желтоватого света, бесформенное и неясное. Он знал, что их ждет через несколько шагов впереди, и надеялся, что защитный покров поможет им пережить атаку. Фонарь нельзя было обойти, у них не было выбора — приходилось идти через свет и надеяться на лучшее.

Пока он еще не видел страшного оживления у фонаря, но хорошо знал о том, что свет будоражит бабочек на многие ярды во всех направлениях. Знал он также и то, что когда они войдут в круг света, все бабочки начнут действовать, как единое целое, словно объединенные общим сознанием.

«Ничего не поделаешь, надо идти»,— подумал Гарри.

Он решил двигаться как можно быстрее. Яркой границы между светом и тьмой не было, и бабочки слетались к нему постепенно, уже скоро сгустившись так, что он почти ничего не видел перед собой. Гарри бешено махал руками, отметая бабочек от глаз,— и надеялся, что все остальные делают то же самое. Но даже при всех его резких движениях некоторым мотылькам удавалось сесть на лицо. Просто их было слишком много.

Гарри продолжал шагать, думая, что идет по прямой. Он не видел ничего дальше нескольких футов. Пот катился по его лицу и всему телу, но он уверенно шел вперед, продвигаясь шаг за шагом, как учил его альпинист. После нескольких минут, показавшихся ему вечностью, проклятые создания стали наконец редеть в воздухе. Гарри взглянул

вниз и, как и полагалось, увидел, что все его тело полностью покрыто ими, неутомимо ползающими в поисках открытой плоти. «Наверное, пластик все-таки сдерживает их,— подумал он.— Если их вообще можно сдержать».

Фонарь остался позади, но Гарри решил не останавливаться и не проверять, как там дела у других. Он не мог делать остановки после каждого прохода под фонарем. Им предстоит еще очень долгий путь, а они, можно сказать, только выбрались из клуба. Ведь они прошли в лучшем случае полмили, и впереди у них еще немало этих миль.

Постепенно он отряхивал тело и руки во время ходьбы, давая сотни бабочек или заставляя их слетать. «Лучше пусть они будут в воздухе, чем на мне»,— думал Гарри.

Впереди он увидел еще один фонарь. Да, возможно, это и не самый лучший маршрут, но другого у них нет. Возвращаться нельзя. Потерять все, что они уже прошли, означало потерять уверенность в своих действиях. И тогда он не сможет поручиться, что Филлис выдержит. Конечно, она была стойкой, но всему есть предел. И, едва подумав об этом, Гарри осознал, что собственная выдержка беспокоит его не меньше, чем стойкость Филлис. Он не был уверен, что сам сможет вернуться и начать путь сначала.

Внутри «надежного укрытия» было нестерпимо душно. Все его тело взмокло. Конечно, он страдал от бабочек, это понятно, но также он страдал и от спертого воздуха. Плотные слои фольги буквально поджаривали его. Лишний жир и избыток влаги теперь приносили Гарри страшные мучения и неудобства. «Если жара будет продолжаться, то у меня скоро все захлопает здесь от пота»,— подумал он.

Незаметно они подошли к следующему фонарю, который, казалось, стоял в нескольких футах от первого. Гарри показалось удивительным, что темные участки они проходят почти мгновенно, а через освещенные движутся по несколько минут.

Через это освещенное место пройти оказалось не так-то легко. Видимость была значительно хуже, и Гарри ступал наудачу. Вдруг он споткнулся обо что-то и неловко осел на асфальт. Кто-то наскочил на него сзади и тоже упал, а потом ему показалось, что он ослеп.

Спину его сразу же освободили, он поднялся на четвереньки и почувствовал пару сильных рук на плече и еще одну пару на талии — руки помогали ему встать. Гарри отер лицо, и видимость улучшилась. Верхний слой бабочек взлетел в воздух. Он осмотрелся, а потом через крошечные промежутки пластика, не занятые ползущими насекомыми, увидел, что произошло, и ему стало дурно.

Оказывается, он распластался на трупе. И теперь весь был покрыт чужой кровью.

Сильный толчок в спину заставил его двигаться вперед, и он зашагал как во сне.

Хуже всего было то, что он узнал изуродованное лицо того, кто раньше был его другом. А теперь он лежал здесь с истерзанной плотью, расплюснутым телом, как кусок перезрелого фрукта, и бабочки ползали сверху и внутри него, пожирая... пожирая! — его друга, с которым он играл в карты, шутил, проводил свободное время... Труп — это не что-то безличное, труп — это личность, кто-то, имеющий свое имя, кто-то, кого не спутаешь ни с кем другим. В животе у Гарри все переворачивалось, и ему приходилось сдерживаться изо всех сил. Ему было невыносимо жарко. и в то же время лицо его стало совершенно холодным, ни кровинки не было в нем. Ноги несли его сами, автоматически, словно они существовали отдельно от всего остального.

«На его месте мог бы быть и я,— обливаясь холодным потом, думал Гарри.— Мог бы быть и я...»

Вдруг земля ушла у него из-под ног, он покачнулся, теряя равновесие. Все поплыло перед глазами, и его чуть не вырвало. Собрав остатки сил, чтобы сохранить ясность ума, Гарри удержался и не упал, отчаянно сражаясь с приступом тошноты, так как знал, что если его вырвет, то это будет его смертью.

Две ладони взяли его за руку, он повернулся и увидел Филлис, в ее глазах светились забота и волнение.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

Он покачал головой.

— Держись! — прокричал Джим.— Ты нам нужен!

Разум Гарри начал успокаиваться, но тело еще дрожало. Он не мог больше сдерживать его, прекратить эту дрожь, вновь чувствовать себя сильным и крепким.

— В чем дело? — спросил Фред.— Что с тобой?

«Нет,— подумал Гарри.— Я не должен говорить им. Какой толк в том, что я поделюсь с ними своим кошмаром. Чем лучше им, тем надежнее путь. Нет смысла запугивать их еще больше».

— Ничего,— тихо сказал он.

— Что? — не расслышала Филлис.

— Ничего,— повторил он, на этот раз громче и уверенней.— Я просто не могу еще оправиться после падения.

Они кивнули, давая понять, что ответ их удовлетворил.

Постепенно тело начинало его слушаться, желудок успокаивался. Гарри снова мог идти вперед, но он знал, что внутри у него что-то изменилось. Конечно, теперь он может идти. А то, что когда-то было его другом, человеком, думающим, заботящимся, личностью со своими надеждами и мечтами, как и все они, уже не может идти и никуда больше не пойдет.

И только теперь он осознал, понял по-настоящему, что, если бы не случайность, не особые обстоятельства и не милость Божия, этим трупом мог бы оказаться и он сам.

Гарри двинулся вперед по дороге, понимая, что все это не игра, и не проверка на выживаемость, что это не проверка теорий и не просто опасное приключение.

Это была реальность. На карту поставлена жизнь. И он сейчас шел на границе жизни и смерти.

Своей смерти.

Каждый фонарь нес с собой новый ужас, а каждая полоска тьмы — новые скрытые страхи. Но он шел вперед, а позади шли его друзья, с которыми его и Филлис столкнула судьба, и их крошечный шанс выжить был похож на тонкую нить случайных событий, ни одно из которых они не могли предвидеть заранее. Да никто бы из них и не захотел предвидеть такое.

Движение вперед сопровождалось непрерывными нападениями, сменой темных полос и освещенных участков и частыми встречами с людьми, которые оказались в этот вечер менее удачливыми, чем они. Их существование стало зависеть от света и темноты, казалось, что они сидят в крошечной лодочке, брошенной в бушующее море. Каждый фонарь походил на гребень волны, а темный участок — на провал между волнами, который тут же сменялся следующим гребнем, — они подходили к очередному столбу.

Это сводило их с ума, но вносило в путешествие некий ритм. Они научились уже подготавливать себя к очередному нападению при появлении света, а потом, войдя в темноту, немного отдыхать и расслабляться. Так они и шли вперед, сопротивляясь безумию.

Гарри уже не смотрел на дома, мимо которых они проходили. Трудно было сказать, остался ли там кто-нибудь живой. Признаков жизни в них не было, никто не кричал и не звал на помощь, и Гарри был этому даже рад. Что он мог сделать, чтобы помочь им? Замотать человека так, как были замотаны они сами? А что потом? Оставить их самих выбираться отсюда? Самолет ведь рассчитан только на его товарищей, и больше он поднять в воздух никого не

сможет. Он и так будет здорово рисковать. Если, конечно, они доберутся.

«Не думай об этом. Мы доберемся. Нам надо добраться. И выбора у нас нет».

Но из того, что он видел, он знал, что выбор есть, есть реальная, страшная альтернатива, которую он никак не мог выкинуть из головы. Она жгла его сознание своей отвратительной четкостью, перед глазами стоял кошмарный образ его бывшего друга, который теперь представлял собой место для пиршества этих отвратительных, адских насекомых.

И реальность эта все время приближалась к нему, как бы напоминая о тщетности его попыток и надежды, — время от времени через слой пластика до него доносились приглушенные крики. От этого по спине бежали мурашки, он весь сжимался от страха и ясно представлял себе картину развернувшегося кошмара. Результаты нападений он уже имел случай разглядеть довольно близко — даже слишком близко! — и поэтому не составляло особого труда представить себе, что происходит при каждом крике. Гарри был рад, что в домах так тихо, но еще больше он радовался тому, что не видел тех людей, чьи крики доносились до него. Уже увидеть то, что было результатом нападения, казалось невероятным, но видеть само нападение — такого ужаса он не смог бы пережить.

Ночь принесла с собой новые звуки — скрип шин и столкновения автомобилей. Когда был слышен звук бьющегося стекла и сминаемого металла, сомнений не оставалось. Они уже миновали одну аварию, и причина ее была очевидной. Ветровое стекло автомашины было полностью залеплено бабочками, привлеченными светом фар, тела их были смяты и раздавлены дворниками. Гарри был рад, что они решили идти пешком, оставив машины Фреда и Джима на стоянке у клуба. Он также надеялся, что ему удастся поднять самолет, не зажигая огней. Он не собирался повторять ошибки несчастных водителей.

Долгое путешествие не замедлило сказаться на его полном теле. Он знал, что общая слабость вместе со страшной жарой от фольги будут быстро истощать его силы. Но выбора не оставалось, он должен идти вперед, пока не свалится от изнеможения. Это единственное, что еще можно сделать. К тому же, если другие могут идти дальше, значит, может и он.

«Забавно, — подумал он. — Сейчас ты борешься с непомерной скукой, играешь в карточки с цифрами, а через минуту уже отбиваешься от бабочек-убийц, борясь за собст-

венную жизнь и играя в игру, где понятие скуки просто не существует, и уже кажется, что ее вообще не может быть на свете».

13

Джек стоял на пороге дома, надев на лицо маску, с шеи свисали лапы, акваланг был у него за спиной, и он был закрыт от окружающего мира полностью, если не считать рта. Пластиковые мешки плотно облегали шею и уходили под водолазный костюм, и ему казалось, что у него появились реальные шансы. Если он наткнется на рой, то сможет взять трубку в рот и дышать через акваланг. Одно беспокоило Джека — ему не хотелось оставлять Алана и Кэти на задворках. Он достаточно хорошо видел, что от них осталось, и смутное чувство ненависти уже давно переросло в нем в безумное желание заставить человека, виновного в этом, расплатиться за все самой ужасной смертью. Но ему все же не хотелось просто так оставлять их на улице, неважно, что осталось от их тел. Их надо похоронить, чтобы останки не были съедены и защищались слоем земли.

Он чувствовал, что это его долг, его последняя обязанность перед ними.

Но, взглянув на лужайку, он понял, что с этим придется повременить. Не было смысла идти по сидящим бабочкам и провоцировать их на очередное нападение.

Разрываясь между желанием сделать необходимое и сознанием, что он не может этого сделать, Джек спустился по ступенькам к бетонной дорожке. Двигаться с аквалангом было трудно, но он знал, что если не будет спешить и делать ненужных движений, то все будет хорошо. Пейзаж вокруг был просто невероятным. Стены домов и все остальное казалось живым, шевелящимся, ползающим, трепещущим, живущим своей собственной жизнью. Слева и справа от него через несколько футов начиналось сплошное покрывало из бабочек. Через дорогу, у поворота, стоял фонарь, и вокруг него в неистовой сумасшедшей пляске вились тучи мотыльков. А под фонарем лежало два тела — Армстронг и тот, второй, легкомысленно укрывшийся от бабочек пакетами для мусора.

Тишина и безветрие делали пейзаж еще более неправдоподобным, пугающим и нереальным. Холодная искорка страха зажглась у него внутри и начала разгораться, набирать силу, и вот сковывающий леденящий душу ужас ярко вспыхнул в его мозгу. Джек почувствовал себя последним

человеком на Земле. Он остановился и несколько секунд не мог пошевелиться, прислушиваясь к тишине, шуму в голове, к собственному дыханию и тяжело бьющемуся в груди сердцу. Последний из живых. Один против бабочек. Последний, кто остался живым здесь, а может быть, и во всем мире.

В мире? Это было смешно, и он сразу откинул эту мысль. Столько бабочек просто не может существовать. Такого не могло произойти. В этой местности, пожалуй, он и правда один, ну и что? Вот раньше здесь были одни только леса. Одни леса?..

«Минуточку,—подумал Джек.— Вот оно что!» Наверное, он прав. Человек, виновный во всем, должен был знать о бабочках, если они водились раньше в этих местах. А значит, это не кто иной, как Джон Стоул. Если только он знал о них, а он должен был знать, не так ли?

Ладно, еще будет время разузнать, что знал Стоул обо всем этом. Время еще будет, если только Джек уйдет отсюда живым. Люди, которые построили все это и которые здесь жили раньше,—они-то должны знать, были тут эти бабочки прежде, или нет.

Все, что нужно,—это встретиться с одним из них и хорошенько его расспросить.

Он не собирается стоять здесь вечно и размышлять, один он остался в живых или нет.

И, собравшись с силами, Джек тронулся в путь.

Неуклюже и медленно продвигаясь вперед, он решил первым делом направиться в дом Стоула. Тот жил неподалеку, на склоне возвышающейся над поместьем горы. На другом берегу озера. Но дом его был похож на военное поселение, защищенное колючей проволокой. И если догадка Джека оправдается, то проволока эта должна быть под напряжением. Хотя наверняка можно найти способ пробраться через нее. Нашел же он способ защититься от прокалывающих хоботков.

Да. Именно так он и сделает: переплывет озеро, взберется по тропинке к дому Стоула и предстанет перед ним. И там-то он уж все выяснит, узнает, что тому было известно. Он расскажет этому негодяю, чем закончились его опыты для семьи Джека и для многих других, лежащих на улицах, как Армстронг. А что ему оставалось делать? Только мстить.

Теперь, сдерживая эмоции, Джек ясно представил себе цель. Он сделает то, что должен сделать, и к черту все остальное. Он достанет этого Стоула, и пусть тот распла-

чивается сполна. Да. Теперь все казалось просто и ясно.

Джек вышел на улицу, и несколько бабочек направились в его сторону. Но он не обратил на них никакого внимания, уставившись на два изуродованных тела. Он никогда раньше не видел ничего подобного. И очень надеялся, что больше ничего такого в жизни не увидит. И еще ему очень хотелось, чтобы Стоул оказался дома и смог сам увидеть все это собственными глазами.

Единственное, что оставалось узнаваемым от Армстронга,— это его белокурые волосы. Все остальное представляло собой сплошное кровавое месиво. Человек в пакетах был объеден точно так же. Создавалось впечатление, будто какие-то дикие звери разгрызали людей, съедая только самые вкусные части, а затем подлетали стервятники и пожирали остальное.

Во Вьетнаме Джеку приходилось уже видеть настоящие кошмары — головы, отрывающиеся от тел, руки и ноги без туловищ, вывороченные взрывом кишки, но ничего подобного он там ни разу не видел. Джек медленно покачал головой и отвернулся.

Точно. Первое, что он сделает,— это нанесет визит Стоулу.

С этой мыслью он двинулся вниз по улице, полностью отдавая себе отчет в собственных поступках и трезво оценивая окружающую действительность. Казалось, что аква-ланг стал немного полегче, а сил заметно прибавилось. Теперь, когда он стал лучше разбираться в происходящем, бабочки пугали его меньше, и он уже почти не боялся за собственную жизнь. Мостовая быстро проплывала у него под ногами.

Внезапно свет по правую сторону привлек его внимание. Когда он посмотрел, что там такое, сердце у него забилось так сильно, что готово было выпрыгнуть из груди. Даже на расстоянии через защитную маску он увидел что-то настолько необычное, что им сразу же завладело любопытство. Если сравнить бабочек и их поведение с нервным возбуждением, то все, что он видел сейчас, равнялось настоящему психическому расстройству. «Интересно, как называется что-то из ряда вон выходящее в уже и без того неправдоподобной ситуации?» — подумал он.

Вдалеке, у выездной дорожки у дома Кэрл Баннор происходил какой-то безумный ритуал. Тучи бабочек летали, подобно тысячам крошечных самолетиков, делая снова

и снова замысловатые круги над землей. Внизу стояла машина Кэрол, внутри горела лампочка, и луч света выделял очертания самой Кэрол. Она лежала на сиденье и, похоже, спала. С расстояния, разделявшего их, казалось, что бабочки ее не тронули. Видимо, не нашли ее вкусной.

Джек ничего не мог понять. То, что случилось раньше и происходило теперь, никак не вязалось между собой, но он понял одно: возможно, Кэрол еще жива. Вполне возможно. Скорее всего они кружили в воздухе, собираясь спуститься на нее, когда будет подходящий момент. Но она лежала так неподвижно...

Он не мог поверить в то, что видел, и не мог окончательно решить, что ему делать. Нужно было подойти поближе и осмотреть ее. Ведь была возможность того, что Кэрол еще жива, и это следовало проверить. Но входить в обзумевший рой было опасно.

«К черту! — подумал он. — Нужно просто идти и все. Вдруг ей нужна моя помощь. Иного выхода нет. Надо убедиться, что она мертва, иначе я сам не смогу спать спокойно».

Что он будет с ней делать, если она еще жива, он пока не знал и не думал об этом. «Сначала сделаем то, что в наших силах, — решил Джек. — Сперва выясним, в каком она состоянии, а потом будем думать, что делать дальше».

Он медленно вышел на дорожку, ведущую к ее дому, не выпуская из виду бабочек, совершающих фигурный полет над машиной. Через каждые два-три шага Джек внимательно смотрел на Кэрол в надежде, что она изменит позу, пошевелится, или проявит хоть какие-нибудь признаки жизни. Наконец он остановился в нескольких ярдах от беснующихся бабочек, раздумывая, что делать дальше. Ему не хотелось тратить драгоценный воздух в акваланге, но делать было нечего.

Он взял трубку в зубы, поправил пластиковый пакет на шее и открыл клапан.

«Все отлично, — подумал он. — Теперь надо действовать в темпе».

Джек быстро зашагал к ней, почти побежал, не подходя, однако, вплотную. Рой бабочек врезался в него с яростью и страстью, которые показались ему чересчур уж отчаянными. Они разбивались об него вдребезги. Мотыльки, как маленькие ракеты, пытались пробить его костюм, ползали по маске, полностью закрывая весь внешний мир. Но он не чувствовал их, и был этому рад. Джек резко встряхнул головой, смахнул насевших на лицо и маску насеко-

мых, потом приблизился к Кэрол и перевернул ее на спину.

И тут его отдернуло назад, будто выстрелом из дустволки в упор.

Он качнулся на полусогнутых ногах и получил от организма ударную дозу адреналина, с трудом оправляясь от шока. Кэрол была мертва. Сомневаться в этом не приходилось. Но ее тело... ее тело! — это было омерзительно!!!

Бабочки не стали пожирать ее. Нет. Они использовали ее для куда более мерзких и страшных дел.

Лучше бы они ее сожрали.

Несколько бабочек насели на него, когда он, шатаясь, отошел в сторону от того, что стало с Кэрол. Остальные снова принялись за свои дикие танцы, описывая над ней круги. Даже на таком расстоянии он хорошо видел, что с ней произошло, моля и желая не видеть этого. Лучше бы он прошел прямо к озеру и поскорее вырвался из этого чертова места!

Лицо Кэрол было в тени, а все остальное тело ярко освещалось автомобильной лампочкой. Но при этом казалось, что ее лицо светилось изнутри каким-то жутким люминисцентным светом. Свет этот шел непосредственно изпод кожи, и от этого кожа выглядела будто сделанная из тонкого фарфора. И через нее было видно, что находится там, под ней.

Миллиарды крошечных яиц.

Яйца.

Они использовали ее для выкармливания следующего поколения.

Их яйца были мельче, чем зерна граната, и уложены гораздо плотнее. Они светились, как драгоценные камни под водой, и каждое из них — это будущая бабочка, которая сможет убить человека.

Джек отошел еще на один шаг, как будто расстояние между ним и ужасом, который он только что увидел в машине, делает этот ужас менее реальным, словно от этого он исчезнет. Он закрыл глаза, сжал веки изо всех сил, пытаясь выкинуть страшный образ из головы, но получилось еще хуже — он видел ее как наяву — кожа Кэрол казалась окном, через которое ясно проглядывалось будущее поколение разрушителей.

Яйца созреют, и ее тело заполнится личинками, голодными и движущимися. Они начнут проедать ее до костей, а потом станут превращаться в обезумевших бабочек, и появится новое поколение плотоядных тварей. Джек ясно

видел, как это происходит, он представлял себе, как из яиц медленно выходят мерзкие липкие личинки.

Он должен остановить это!

Он обязан попытаться.

Он должен сжечь ее тело.

Она — человек. Вернее, когда-то была человеком. И он не мог позволить, чтобы бабочки использовали ее тело в качестве кокона. Она, конечно, была ему не самым близким человеком, но все равно она заслужила далеко не такую смерть, не такой жуткий конец — стать пищей для тварей, которые и погубили ее...

Дверь в гараж была широко раскрыта. Наверное, у нее там есть канистра с бензином.

Прекрасно зная, что могут сделать с ним бабочки, Джек спокойно прошел сквозь их рой, мимо ее тела и вошел в гараж. Бабочки реагировали на это именно так, как он и полагал — остервенело нападали на него, когда он оказывался на угрожающе близком расстоянии, а затем снова оставляли в покое, когда он немного удалялся.

Все это время ему приходилось использовать кислород, но он не видел другого выхода. Ничто в мире уже не могло его остановить. Ни за что на свете он не позволит этим тварям вывести новое поколение, если у него есть хоть шанс остановить их. Он увидел канистру с бензином у стены и быстро пошел к ней. Емкость была наполовину пуста, но и этого вполне хватало для осуществления того, что он задумал.

«Конечно. Достаточно. Умно, Джек, очень умно придумано,— пронеслось у него в голове.— Но как ты собираешься зажечь огонь?»

Он поискал в гараже спички, но ничего не нашел. Ужасно. Может быть, у нее в кошельке были спички? Вот он лежит здесь, рядом с машиной. Курила ли Кэрл? Певица? Вряд ли.

Хорошо, но должны же быть спички в доме, зажигалка для гостей или хоть что-нибудь, чем он сможет поджечь бензин. Храбро пройдя через беснующийся рой еще раз, он обошел машину и поднялся по ступенькам к парадной двери. Джек дернул ручку и, убедившись, что дверь не заперта, вошел в дом. Он удивился, что и стены и потолок в ее доме были точно так же облеплены бабочками, как и в его собственном. Почему-то он думал, что здесь их не должно быть.

Вот она. На кофейном столике. Зажигалка.

Назад он пошел уже более спокойно и уверенно. Водолазный костюм отлично предохранял его от укусов. Зажи-

галка была зажата в руке, Джек прошел к гаражу, взял канистру и приблизился к телу, сразу же подвергнув себя нападению бабочек. Он хладнокровно открыл крышку и тщательно смочил труп жидкостью. Как только он начал делать это, бабочки, ошеломленные запахом, взбесились окончательно. А может быть, их взволновало то, что кто-то трогает кокон, кто не имеет права этого делать.

Он последний раз прошел по дорожке, поливая ее горячим и сделав тем самым что-то вроде жидкого фитиля. Дойдя до конца проезда, он отбросил канистру в сторону и быстро поджег бензинный след.

Огонь побежал по асфальту гораздо проворней, чем Джек предполагал, и через мгновение все тело Кэрол было охвачено пламенем, при этом раздался глухой неприятный звук. Огонь затрещал, захрустел, и тысячи и тысячи бабочек, которые до этого мирно сидели на лужайке, взвились в воздух и ринулись к костру. Когда они подлетали слишком близко, раздавалось шипение и дьявольский треск.

А потом до Джека донесся чудовищный запах горящего мяса.

Он кинулся бегом по дороге, стараясь как можно быстрее скрыться от этого запаха. Через несколько секунд он был уже достаточно далеко и смог спокойно дышать, не опасаясь тошноты.

Джек стоял в отдалении, задыхаясь и изнемогая под тяжестью акваланга. Зря он бежал с ним. Потом он вынул изо рта трубку, завернул кран, перекрыв путь драгоценному кислороду, и задумался над тем, сколько же он его уже успел израсходовать.

Он был рад тому, что успел выдернуть трубку изо рта, потому что когда он оглянулся на полыхающий костер, то тут же согнулся от приступа тошноты и его долго рвало.

14

Шаг за шагом Гарри продвигался вперед. Его ноги уже стали резиновыми от усталости, а тяжелое дыхание со свистом прорывалось через взмокшую матерчатую маску. Он знал, что потерял очень много влаги, вспотев под слоем фольги, и теперь его кожа начинала зудеть. Это сводило его с ума, отвлекало внимание, но как он ни пытался смягчить неприятные ощущения, ничего не получалось. Он сжимал предплечья и плечи ладонями, тер руками туловище, прижимал пальцы ко лбу и щекам, но зуд

продолжался. Больше всего его мучили ноги. Но сделать что-то с ногами означало остановку. А он боялся останавливаться.

Каждый шаг вперед приближал их к аэропорту, к свободе и избавлению от проклятой фольги и пластика. Он представлял себя уже в кабине самолета, рядом с Филлис, и все они снимают удушливое покрытие. Иногда мимо пронеслся свежий ветерок, принося его телу небольшое облегчение.

Каждое мгновение задержки, каждая секунда остановки и передышки отдаляли их свободу и облегчение, и он не мог этого себе позволить. Ногам придется потерпеть, а ему остается чесаться и похлопывать себя прямо на ходу. Они прошли уже полпути и были теперь на вершине холма, остальную часть дороги им надо будет идти вниз, и это было довольно приятно. Он и раньше ходил в походы, и все у него получалось, но при этом он не был завернут в фольгу, как тарелка с объедками.

И он мужественно продолжал идти вперед мимо трупов, лежащих поблизости на тротуаре, на траве, у дверей домов, возле автомобилей, врезавшихся в деревья, фонари или столбы пожарных кранов и почтовых ящиков. Местность выглядела так, будто в городе шла война, которую жители успешно проиграли. Численность убитых была очень велика. Гарри сильно сомневался в том, что хоть кто-нибудь выжил. Да и мог ли хоть кто-то остаться в живых? Было слишком много бабочек, слишком много взбесившихся кровопийц. Их покрытие пока выдерживало, но, кто знает, сколько других, подобных ему, пытались сделать то же самое? Очевидно, не очень много. Те же, кто пробовал использовать другие средства защиты в надежде избавиться от смертельных укусов, сейчас были разбросаны тут и там, постоянно напоминая им, что означает потерпеть поражение.

Через каждые несколько ярдов мысли его возвращались к самолету, к тем операциям, которые надо будет проделать перед взлетом, к приборам, которые он увидит, но эти мысли он старался сразу же выкинуть из головы. Он боялся сглазить, не хотел слишком надеяться на то, чего, может быть, никогда не произойдет. Он прекрасно знал, ЧТО надо будет делать, когда они доберутся до аэродрома, но сейчас не было смысла думать об этом.

Теперь он был рад, что они выбрали именно этот маршрут, несмотря на многочисленные трупы на пути. Другая дорога проходила через лес, и Гарри не был уверен, что они смогли бы преодолеть этот участок невриди-

мыми. Там они запросто могли напороться на ветку или куст и обнажить часть тела, нарушив защиту, а это было бы верной смертью. Кроме того, очевидно, что в лесу на ветвях деревьев бабочек гораздо больше, чем в жилом районе. Фонари, конечно, представляли определенную опасность, но все же это было лучше, чем идти по лесу в кромешной темноте.

Они прошли полностью освещенный дом. Он был рядом с дорогой, и путь их стал довольно опасен из-за бабочек, прилетевших на свет. Перед домом лежали останки домашнего животного, похожего на бывшую собаку — наполовину на дорожке, наполовину в траве. Рядом лежала перевернутая детская коляска. Два окна в доме были разбиты, у правого лежало тело. Ноги и руки были раскинуты в таком неудобном положении, в котором могут лежать только мертвые. Гарри почувствовал, что ему хочется подойти туда, сделать что-нибудь, помочь, но он знал, что уже не в силах что-нибудь изменить. И эта мысль приносила ему небольшое облегчение. Его чувство вины и стремление прийти на помощь растворялись сами собой — он понимал, что мертвые уже пребывают в вечном покое.

Слишком мало оставалось в живых, и слишком много было трупов, чтобы кому-нибудь помогать.

Сейчас ему надо было думать прежде всего о себе. О себе и тех, кто шел с ним рядом. А этого было больше чем достаточно.

— Что-то там произошло с оборудованием, — проворчал Коллинс. — Может, сами исправят...

— А кого ты хочешь послать? — спросил Салливан.

— Кто на вызове?

Салливан протянул руку к журналу и перевернул первую страницу. Он пробежал глазами список несколько раз, читая фамилии и вспоминая, что он знал о каждом. Потом посмотрел на Коллинса, подумав, что его борода, безусловно, представляет собой шедевр того, что можно вырастить на лице, и пожал плечами.

— Как насчет Нейлсона?

— Думаешь, можно ему поручить? Ведь это не одна телефонная линия. Похоже, у них отключился целый район.

— Если он сам не справится, то попросит прислать подмогу.

— Ладно. Посылай его.

Салливан потянулся к селектору и нажал кнопку ремонтного отдела. Телефон прозвенел два раза, потом трубку подняли, и он велел послать Нейлсона в поместье Стоул, чтобы выяснить там обстановку и помочь местной ремонтной группе, которая никак не могла управиться сама. Дежурный задал несколько вопросов, затем, узнав, сколько времени не работают телефоны, спросил, что задержало вызов ремонтников.

Салливан пожал плечами, как будто его могли видеть на другом конце провода.

— Видимо, там перегрузки. У них это иногда случается.— И повесил трубку, понимая, что надо было действовать гораздо раньше.

Но в глубине души он ничуть не жалел, что они прождали столько времени. В конце концов люди, живущие там, не относятся к его участку. Они выстроили себе поместье в красивом лесу и считают, наверное, будто за деньги можно приобрести все. Большинство друзей Салливана разделяли его мнение относительно поместья и беззаботных людей, обитающих в нем. И поэтому ему было особенно приятно, что они там злятся на телефонную компанию, которая не торопится с помощью. Он знал, что у толстосумов из поместья полно денег, на которые можно закупить кучу разных вещей, но вместе с этими деньгами у них должно быть, по мнению Салливана, и некое чувство, что они не могут купить все на свете. И это чувство должно как можно прочнее укрепиться в них.

«Пускай подождут»,— подумал он.

Нейлсону нравилось работать в телефонной компании, особенно в ночную смену. Работы было немного, но если что-нибудь требовало его внимания, то он исполнял все очень старательно и ни на что не жалуясь.

Он имел избыточный вес в десять фунтов и щеголял черной козлиной бородкой. У него была такая жизнь, что работа по вечерам его вполне устраивала. По крайней мере он никому не мог помешать. На свидания ходили другие (он слышал об этом что-то в ремонтном отделе), а сам он на эту тему иногда только мечтал и пытался скрыть свое одиночество от товарищей по работе, от родителей, от младшего брата. Хуже всего было с матерью — она видела его насквозь и просила ходить на свидания, почаще выбираться из дома, встретить, наконец, симпатичную девушку и жениться на ней.

Но он никогда не рассказывал ей о своих чувствах, о том, что он назначал свидания, но в ответ получал извинения, за которыми слышался отказ. «Почему так? — думал он, залезая в грузовик. — Она меня просто не понимает...»

Нейлсон включил мотор и передачу и повел грузовик на север, к поместью Стоул. Зияющая дыра на приборной доске, в том месте, где должно быть радио, раздражала его. «Давно уж должны были починить, — подумал он. — Чего они тянут?»

Ехать предстояло около часа, он понял, что ему придется порядочно поскучать все это время. Во время езды он пытался представить себе, что там могло произойти с оборудованием. Ведь они установили лучшие аппараты и проложили кабели под землей. Может, какой-нибудь шалопай повредил кабель, занимаясь раскопками? Но он знал, что это практически невозможно — строительство в основном закончено и до кабеля так просто не доберешься без нужного инструмента.

«Кто знает? — подумал он. — Там так много мелочей, всего не упомнишь».

Потом он начал думать, почему именно его выбрали для ремонта. Наверное, Салливан и Коллинс специально оставили этот вызов для него. А почему не для Стивенса? Или Уилера? Видимо, он самый лучший работник. Да, именно так. У него наивысшая квалификация. Видно, они не доверяют Стивену и Уилеру такую ответственную работу.

В поместье жило много людей, и от телефона зависел их контакт с внешним миром.

«Наверное, там неплохо живется», — подумал он.

Нейлсон без труда представил себя живущим в одном из таких громадных современных домов — сплошное стекло и дерево — такие есть и в Калифорнии. Он представил себя в горячей ванне, наслаждающегося теплом в холодную зиму, а летом он терял бы лишний вес в бассейне или на спортплощадке. У него были бы гости на обед, который готовила бы... готовила бы... — И тут его фантазии пришел конец.

Он продолжал ехать, пытаясь представить себе женщину, леди его мечты, человека, от которого зависело бы его счастье. Но ни один образ не появлялся у него в голове. Может быть, ему и не нужна никакая женщина? Пусть обеды готовит кухарка. Конечно же. Почему бы и нет? Если он сможет позволить себе жить там, значит, денег

хватит и на кухарку. И на экономку. Чтобы убирала после гостей.

Все верно. И через мгновение мысли снова перенесли его в дом, где он сидел на почетном месте за банкетным столом, освещаемым серебряными подсвечниками. Нежная ненавязчивая музыка неслась из соседней комнаты через дорогие замаскированные колонки. «Конечно, через дорогие,— сказал он себе.— Все в доме очень дорогое». На обед была... была... утка! Утка и апельсиновый соус, приготовленный его французской кухаркой. Они попивали ароматное пиво, отобранное для стола лично им самим из тысячи бутылок, которые хранятся у него в винном погребе.

После такого великолепного обеда они перейдут в гостиную (ведь там, наверное, много комнат, в таких огромных домах?). И там выпьют кофе, а потом — восхитительного портвейна. Он передаст мужчинам коробку с сигарями, и они поведут приятную послеобеденную беседу.

Он уже слышал, как гости осыпают его комплиментами, а он снисходительно кивает в ответ. Все было так хорошо, по-домашнему, и дополнялось рычащим огнем в камине высотой чуть не до потолка.

Все это Нейлсон видел очень ясно, неясно было другое — откуда он возьмет столько денег? Он же не биржевой маклер. А они столько могут иметь, интересно? Или банкиры? Этаким деятелем, имеющим долю везде — на рынке, в золоте и серебре, в бумагах, да к тому же еще и президент или председатель какой-нибудь компании.

Конечно. Почему нет? Он ведь фантазировал и мог позволить себе быть кем угодно.

К тому же это помогало ему ехать быстрее.

Нейлсон остановился у южной станции. Маленький металлический ящик кабельных соединений высовывался из-под земли. Он осветил его фонариком и вылез из грузовика. Привычно взял инструмент и подошел к ящику, надеясь, что поломка окажется простой и очевидной. Нейлсон неторопливо снял крышку и углубился в сплетение проводов, и тут до него дошло, что по дороге он не видел ни одной машины, идущей навстречу. И это было странно. Он вспомнил, что недавно было принято решение о расширении дороги с целью облегчить движение транспорта.

Достав наушники, он подключил провода и приготовился услышать разные голоса и телефонные гудки — показатель того, что линия сильно перегружена. Но все линии, в

которые он включался, молчали, показывая, что в городке не работали даже местные соединения.

Он замотал провод назад на наушники, прикрепил их к поясу и повернулся к дороге, надеясь увидеть фары встречной машины, прорезающие темноту.

Но машин не было.

Это и в самом деле было очень странно — даже более странно, чем то, что все телефонные линии не работали.

Он видел отсюда огни городка, освещенное небо над ним.

И у Нейлсона появилось такое чувство, будто там что-то случилось, что-то куда более страшное, чем неработающие телефоны, но он не видел ничего, что подтверждало бы его догадки.

Может быть, он просто вообразил себе это?

Конечно. У него ведь такое богатое воображение!

Но если это воображение, то где же все машины? Где же грузовики, которые должны делать поставки? Где транспорт? КАКОЙ-НИБУДЬ транспорт? Где дети на велосипедах? Хоть что-нибудь или кто-нибудь.

Он поднялся, отряхнул колени, все еще надеясь увидеть признаки жизни на широкой дороге. Он был уверен, что если подождет еще немного, то точно кого-нибудь увидит. Еще ведь не слишком поздно.

В задумчивости он пошел назад к грузовику, взобрался на сиденье и хотел соединиться со своими по радио. но радиосвязи тоже не было. И по телефону связи не было — телефон молчал.

Вот ведь в чем дело...

Теперь все решено. Он поедет назад и расскажет, что с ним случилось, возьмет кого-нибудь с собой — полицию или дорожный патруль. Да. Это умно. Конечно, можно еще подождать, пока кто-нибудь появится из поместья, а потом уж поехать в город.

Но, сидя в кабине, он представил себе, как он возвращается в контору, как смеются над ним Салливан и Коллинс, как они поддразнивают его и он чувствует себя еще большим болваном, чем обычно.

Подумав об этом, он завел мотор и поехал в поместье.

Джек выпрямился, чувствуя себя слабым и изможденным. Все-таки не только долгая рвота так ослабила его, хотя это, конечно, тоже подействовало. Пламя трещало и бушевало в ночи, бабочки стремительно летели на огонь,

будто на встречу со своим богом, и Джек постоянно думал о том, что они собирались сделать с Кэрол и что бы произошло, если бы он не поджег тело. Одна мысль приводила его в ужас.

Казалось, бабочки обезумели — они слетались к огню несметными полчищами со всех сторон, бешено плясали в воздухе и уже скрывали от него машину Кэрол. Джек был рад, что сразу же убежал оттуда подальше, а не стал наблюдать, как она горит.

Больше ждать не было смысла. Озеро ждало, ждал и Стоул. Джек собрал остатки сил и пошел по улице. Шел он медленно, тщательно обдумывая, что ему делать при встрече с тем, кто должен за все ему ответить, — со Стоулом. Джек не был с ним лично знаком, но один раз видел — через несколько дней после окончания строительства, когда большинство людей въехало в городок. Стоул был очень молод, и Джек еще удивился, откуда у такого молодого человека столько денег на это дорогое строительство.

«Хорошо, сейчас неважно, откуда у него эти деньги, — подумал Джек. — Во всяком случае, он больше никогда не сможет ими воспользоваться. Уж я-то об этом позабочусь!..»

Водолазный костюм прекрасно предохранял его, и Джек был очень доволен. Он считал себя счастливым уже потому, что в голову ему пришла замечательная мысль о костюме, и вдвойне счастливым оттого, что костюм оказался на месте. С таким костюмом и с аквалангом у него был реальный шанс остаться в живых. Если он будет экономить воздух в баллонах и не испортит костюм, то все будет хорошо.

Он подошел к концу улицы и повернул вниз по холму налево, начав спускаться к озеру мимо темных и тихих домов, мимо останков людей, с которыми он еще недавно здоровался, которые еще вчера наслаждались весной. Дикое пиршество смерти захватило все вокруг — ничего подобного он во Вьетнаме не видел. Наверное, это потому, что жертвы гибли не от бомб, пуль и шрапнели, а от крошечных насекомых, не крупнее ногтя на его большом пальце. В это трудно было поверить, а еще труднее понять. Просто ему так хотелось, чтобы Кэти и Алан были с ним в доме, когда началось нападение...

«А если бы они были в доме? — спросил он сам себя. — Что бы ты для них сделал? Как бы вы все вместе выбрались отсюда? У тебя ведь только один костюм, одна маска, один акваланг. Что бы ты делал с ними? Ждал бы, по-

ка придет помощь? Молился бы, чтобы она пришла до рассвета, прежде чем бабочки начнут новое наступление?»

«Да,— подумал он.— Я бы ждал, и ждал с радостью. И это гораздо проще, чем пытаться выбраться отсюда самому в одиночку».

Бессознательно он посмотрел налево, проходя мимо дома их знакомых, Монро. Он вспоминал, как часто они ходили друг к другу в гости, играли в карты и говорили о всяких делах в мире, смотрели телевизор и, не давая передаче закончиться, опять заводили долгий разговор. У них было двое детей — Робби и Диана, двое симпатичных умных детей, которые с удовольствием играли с Аланом во время таких визитов. И тоскливое чувство пустоты и одиночества вновь заполнило его грудь, напомнив, что эти времена безвозвратно ушли. Кэти и Алан погибли, и Монро тоже. Никогда больше прежнего не вернуть.

Джек остановился, скорбно уставившись на их темный дом. В нем еще жили теплые чувства, он представлял себе, что все сейчас по-другому: Алан сидит у него на плечах, Кэти идет рядом, и они медленно бредут по улице в гости к своим друзьям.

Мертвы. Все они мертвы. Съедены, растерзаны бабочками. Его разум не мог выдержать того, что он видел, того, что, он знал, было правдой.

Едва заметное движение в верхнем окне привлекло его внимание. Он пристально пригляделся к окну. Оно выходило с правой стороны, из детской спальни, если он не забыл.

«Просто показалось,— подумал он.— У них не было ни одного шанса выжить».

Окно почти полностью было покрыто бабочками, и он засомневался, видел ли он вообще что-нибудь. Возможно, это просто переместилась группа бабочек, подыскивая себе более удобное место или что-то еще. Они ведь всегда куда-нибудь двигаются.

Но вот еще! Снова! На этот раз он видел все точно, ошибки быть не могло. Белое пятно шевельнулось там, где бабочек не было. Сомнений не оставалось. Кто-то внутри остался живой.

Все еще стоя на месте, он удивился тому, что это показалось ему странным. Почему больше никто не мог выжить? Почему все дома обязательно должны были превратиться в могилы? Может быть, некоторым удалось спастись, когда все это началось? Может быть, они сидят там внутри испуганные и ждут помощи?

Не задумываясь, он двинулся к парадной двери, решив оказать живым любую возможную помощь. Если кто-то есть в доме, он обязательно поможет. И больше тут думать не о чем.

Джек взялся за ручку и повернул ее. Дверь была незаперта. Он открыл клапан акваланга и услышал, как в трубку начал поступать драгоценный кислород.

«Вот и мы,— подумал он.— Идем назад в пасть к зверю».

Он потянул на себя тяжелую дверь, и она потихоньку открылась. Из собственного недавнего опыта он уже научился мерам предосторожности. Сейчас все было не так, как в доме Кэрол, где он искал зажигалку и ему было наплевать, взлетят бабочки или нет. Если в доме остались живые люди, то за каждым движением надо было следить, чтобы не вызвать ненужного нападения на беззащитных.

Он вступил в фойе и осторожно закрыл за собой дверь. Здесь все было так же, как и у него. На потолке и стенах сидели бабочки, и он был доволен, что принял правильное решение о повышенной осторожности. Но была и существенная разница между этим домом, домом Кэрол и его собственным: на лестнице лицом вниз лежала распростертая женщина, Джулия Монро.

Бабочки расселись на ней, как муравьи на пикнике, они поползали одна на другую, быстро пожирая то, что осталось. Время от времени несколько бабочек улетало прочь и садилось на стены, а со стены снималась точно такая же группа и присоединялась к кровавому празднику. Разорванные клочья одежды прилипали к телу Джулии, пропитываясь кровью. Но в основном человеческие очертания были уже потеряны — огромные куски кожи, мышц и органов были выедены, будто здесь кто-то поработал когтистыми лапами и разворотил все туловище.

«О боже! — подумал он.— Ведь то же самое случилось и с Кэти, и с Аланом!»

Джек стоял, и его трясло, он не мог совладать с собой. Желудок опять начал сжиматься, хотя после встречи с Кэрол он был уже совершенно пустой. Начались позывы к рвоте. Он отвернулся, и его сильно передернуло, будто его тело наполнилось быстродействующим ядом. Джек зашатался и почувствовал, что теряет сознание. Он отчаянно пытался овладеть собой, страшно боясь упасть на стену. Он плотно закрыл глаза и попытался вычеркнуть из памяти растерзанное тело, уговаривая себя оставаться спокойным и преодолеть головокружение, от которого пол начал вертеться, а в глазах потемнело.

Джек стал дышать глубже и спокойнее, да и кислородная смесь из баллонов помогла ему сдержать надвигавшийся обморок. Он стоял неподвижно, стараясь думать о чем угодно, только не о теле Джулии — о том, что все в порядке, и он просто пришел в гости. Постепенно он пришел в себя.

Его еще немного трясло и подташнивало, но он уже полностью восстановил контроль над собой, и это было главное. Головокружение прошло, и Джек открыл глаза, осматривая мебель, темные углы комнаты и светлые пятна на ковре, образованные лучами света, пробившимися сквозь насиженные бабочками участки стекла на окнах.

Ну вот и все. Он уже готов. Он уже видел тело, видел, что с ним сделали бабочки, и теперь может действовать.

Придется.

Кто-то в доме был жив и находился на верхнем этаже. А наверх был только один путь — через тело Джулии.

«А где Генри? — подумал Джек. — Может быть, он там, в спальне, живой?»

Боже! А вдруг он ЖИВ? Генри был покрупнее Джека и в гораздо лучшей форме, а это могло вызвать неприятности, к которым Джек совершенно не был готов. Что если Генри набросится на него, сойдет с ног и отберет костюм и акваланг? Что тогда будет с Джеком?

Удачи на этом кончатся. Он погибнет.

Нет. Генри этого не сделает. Он был его другом, он знал, что Джек придет на помощь. «Он не набросится на меня», — подумал Джек.

Но время было отчаянное, и действия могли быть такими же. Жена его лежит мертвая, и неизвестно еще, в каком состоянии ума находится теперь сам Генри. А под тяжестью акваланга Джек был совсем не борец. У него легко будет все отнять.

И все же Джек знал, что надо идти наверх. По какой-то неизвестной ему самому причине он понимал, что обязан прийти на помощь, независимо от того, есть ли там Генри или его нет. Будет ли драка или ее не будет.

Он должен идти.

Конечно, он был дурак и знал это, но идти все равно было надо. «Но почему бы заранее не подготовиться к худшему? — подумал он. — Не будет ведь ничего плохого, если я вооружусь чем-нибудь. Например, возьму на кухне нож». Минуточку, о чем это он? Нож?! Зачем — чтобы убить Генри? Чтобы убить того, к кому он идет на помощь? Кого же тогда он хочет спасти?

Да. Если будет необходимо, если Генри накинется на него, он воспользуется ножом.

Джек медленно пошел по коридору, стараясь идти посередине, подальше от бабочек, и остановился в дверях кухни. И вдруг он застыл — наверное, это осталось у него от многочисленных неожиданных встреч во Вьетнаме. Но что бы то ни было, он остановился и, затаив дыхание, крепко зажал пластиковую трубку в зубах.

Что если Генри стоит за дверью кухни и только и ждет, когда Джек зайдет туда? Где он вообще, черт возьми? Наверху? Джеку безумно захотелось быть уверенным в местонахождении Генри. Он опять ощутил предчувствие борьбы — чувство охотника и дичи, жертвы и хищника.

«Возьми себя в руки! Это не Вьетнам, и тут тебе не джунгли. Это дом, и один из твоих друзей, возможно, жив и ждет твоей помощи. Боже, какая паранойя!..»

Он возобновил дыхание.

Сердце громко стучало, видимо, оно получило от организма новую порцию адреналина. Мозг его был ясным, и мышцы приготовились слушаться каждой команды. Сейчас он чувствовал себя намного лучше, даже несмотря на темноту коридора. Он мог разглядеть все до мелочей, хотя не совсем был уверен, было ли все это правдой или только игрой его воображения.

Собравшись с духом, он смело вышел в кухню, готовый встретить удар ножа или прыжок сзади.

Но ничего не произошло.

Паранойя. Чистейшая паранойя.

Он оглянулся и посмотрел на нишу в стене — на то место, где мог бы спрятаться Генри, единственное место, и увидел, что кроме бабочек там никого нет. «Бойся лучше их, а не Генри,— подумал он.— Вот где главная угроза».

Он не знал, что с оружием будет чувствовать себя намного спокойнее — тогда паранойя утихнет и исчезнут ненужные мысли.

Их кухня была расположена немного по-другому, чем в доме у Джека, и он не имел представления, в каком ящике искать нож. Но тут он увидел в углу то, что как раз могло бы ему пригодиться и послужить оружием в трудной ситуации,— огнетушитель.

Он медленно подошел к нему, опасаясь сидящих бабочек, и в тусклом свете посмотрел на ярлык. Двуокись углерода. Как раз то, что надо. Маленький индикатор показывал, что огнетушитель был полностью заряжен. Джек с трудом выпрямился. Казалось, акваланг стал тяжелее. «Лучше проверить эту штуку здесь же, чтобы не тащить ее

зря наверх,— подумал он.— Неизвестно еще, с чем я встречу там, наверху. Неплохо бы убедиться, что она работает, и работает хорошо».

Он снял предохранитель и направил сопло на ближайшую стену. «Сейчас я дам по ним залп и посмотрим, что будет».

Он нажал на гашетку, и сильная струя двуокиси углерода рванула из сопла, накрыв группу бабочек, сидящих на стене. Они тут же попадали на пол, как бумажные обрывки, оставив на стене пустое место. «Прекрасно, он действует и против бабочек,— подумал Джек.— Наверное, он поможет и против всякого, кто захочет на меня напасть. Но огнетушитель все-таки не такой вечный, как кухонный нож. »

Немного успокоившись, Джек потащил огнетушитель по коридору назад к лестнице. Теперь он мог уже более хладнокровно смотреть на тело Джулии, тошнота не возвращалась, хотя зрелище было не из приятных. Отнюдь.

Он шел по ступенькам не спеша, и когда добрался до тела, то увидел, что оно было в еще худшем состоянии, чем он предполагал. На расстоянии Джек не мог рассмотреть всех ужасов, совершенных бабочками,— пустые глазницы, огромная дыра в голове, там, где когда-то было ухо.

Машинально он нацелил на тело огнетушитель и обдал его ледяной смесью. Но новые бабочки тут же слетели со стен и закружились над трупом. Джек знал, что он не сможет остановить их всех, но все же почувствовал себя лучше, хоть немного приостановив это кровавое пиршество.

И, отвернувшись, двинулся дальше вверх по лестнице.

Джек шел очень медленно и осторожно, и вот, поднявшись на последнюю ступеньку, наконец-то увидел коридор. Здесь он сразу же понял, что его параноический страх насчет Генри не имел под собой никаких оснований — его тело лежало на боку и было так же изуродовано, как и тело Джулии.

Однако Джек не почувствовал облегчения, увидев труп. Он предпочел бы видеть Генри живым, даже если бы это означало возможную схватку. Генри был хорошим человеком и хорошим другом. Джек готов был на все что угодно, лишь бы не видеть, что его любимые и друзья так мучительно и страшно погибли.

Он повернулся направо, к комнате, в которой заметил движение. Больше он не думал о Генри. Теперь он уже ничем не мог ему помочь, а то, что становится с телом после нападения бабочек, было ему хорошо известно. Оставалось

только предположить, что дети еще живы, а все остальное уже не имело значения.

Джек остановился у двери, надеясь, что правильно вычислил ее, вынул трубку изо рта и закрыл вентиль. Затаив дыхание, он стал обрабатывать дверь огнетушителем. Бабочки попадали на пол. «Жаль, что у меня не было такого же сегодня днем, тогда бы я так сильно не страдал от боли», — подумал он.

Наконец дверь была очищена. Джек взялся за ручку, но дверь была заперта. Чуть пониже он увидел задвижку замка и повернул ее. Дети, наверное, внутри. Видимо, Генри или Джулия заперли их.

— Робби! — выкрикнул он.

Ответа не последовало.

— Диана! Робби!

Тишина.

Он повернул дверную ручку и вдруг испугался того, что он мог увидеть внутри. Но кто-то же двигался в окне — в этом он был абсолютно уверен. И кто бы то ни был, он должен находиться в этой комнате. Но если это кто-то из детей, то почему не отвечает?

Дверь распахнулась, он вошел в комнату и сразу же услышал тихие всхлипывания, доносившиеся из-под кучи одеял на кровати.

— Это Джек Вайнер. С вами все в порядке? — спросил он.

Дети все еще не отвечали, и он подошел к кровати. Стены в комнате были чистые, и если это были дети, то с ними, наверное, все в порядке. Что значит, ЕСЛИ это дети? Конечно, это они.

— Вылезайте оттуда. Здесь безопасно.

Из-под вороха одеял высунулась голова. Это была Диана с красными и распухшими глазами, в которых застыл мучительный страх. Джек подумал о том, сколько же она успела всего пережить.

— Где папа? — спросила она.

— Робби там с тобой? — ответил вопросом Джек.

Она кивнула.

— Папа сказал нам сидеть здесь, пока он не вернется за нами. Он сказал, что нам здесь будет хорошо. Где мой папа?

— Его здесь нет, — тихо сказал Джек и отвернулся. Он совершенно не знал, что ему сейчас говорить и что он должен им говорить. Вместо этого он сел на край кровати и снял маску.

Рядом с девочкой показалась голова Робби.

— Вы собрались плавать, да? — спросил Робби.

— Да. В скором времени.

— А где наш отец? — спросил Робби.

Джек глубоко задышал. Кто-то же должен рассказать все этим детям, и он был единственным, кто мог это сделать. Лучше будет сказать им все сейчас, чем если они обнаружат это потом сами.

— Ваш отец не вернется, — глухо сказал Джек.

— Он умер, — Робби как будто выплевывал слова, с обидой глядя на сестру.

— Нет! — закричала она. — Он сказал, что придет за нами, значит, придет!

Джек положил руку ей на плечо.

— Нет, Диана. Он не придет за вами. Он не справился с ними. Бабочки — они убили его.

— Нет!!

— И маму тоже.

— Мы знали это, — прошептал Робби. — Я же говорил тебе, что они умерли, — сказал он сестре.

Девочка снова расплакалась.

— Вы возьмете нас с собой? — угрюмо спросил Робби.

Хорошенький вопрос. А как? Хотя он и сказал, что здесь безопасно, выводить их наружу было бы равносильно убийству. Одного роя бабочек хватит на них обоих.

— Снаружи очень страшно, — ответил Джек. — Вам туда нельзя выходить.

— Но ВЫ же пришли сюда, — удивился Робби.

— Да, Робби, но я дышал вот через это, — он показал на трубку. — И на мне водолазный костюм.

Диана перестала плакать и посмотрела Джеку прямо в глаза. И глаза ее прожигали его душу насквозь, возвращая к ужасу действительности.

— Я боюсь, — сказала она.

Он протянул руку и обнял ее, притягивая к себе. Она вся тряслась и время от времени всхлипывала.

— Вы тут не волнуйтесь. Ваш папа велел мне приглядывать за вами, что я и собираюсь сделать.

— А бабочки еще на улице? — спросил Робби.

— Да, — сказал Джек.

— Их было ТАК МНОГО, — покачала головой Диана.

— Да. Поэтому я не могу вас забрать. Снаружи еще очень опасно для вас.

С каждой минутой он чувствовал, что сердце его все больше страдает от жалости и отчаяния. Так мало он мог для них сделать. Однако он не жалел, что зашел в дом. И никогда не будет жалеть об этом.

Его мысли шли по кругу, возвращаясь опять и опять к прошлому, он пытался придумать хоть что-нибудь полезное, хорошее, что-нибудь такое, что могло бы помочь ему забрать этих детей, вытащить их из поместья. Должно же быть что-то такое, обязательно должно быть!

Диана заплакала, и на этот раз к ней присоединился Робби.

— Эй вы, двое! Вы должны быть храбрыми. Все будет хорошо, я вам обещаю,— принялся убеждать их Джек.

Но они не переставали плакать.

Может быть, снарядить их чем-нибудь, через что бабочки не смогут пробраться к коже? Это было возможно, но что он станет делать, когда они дойдут до озера? Как они поплывут? Умеют ли они плавать? А если даже и умеют, они будут отставать от него. А путь был далекий — слишком далекий для маленьких пловцов.

Он знал и раньше, что не мог себе позволить взять с собой кого-нибудь, знал он это и вступая в их дом. Ему самому надо было выбираться из поместья И он понял, что находится в таком же положении, как если бы Кэти и Алан были живы. Нет, все-таки это было не одно и то же. Тогда было бы еще хуже.

— Мне надо идти,— тихо сказал он.

Они укоряюще посмотрели на него, страх и обвинение смешались в их глазах.

— Но я скоро вернусь за вами, я обещаю.

Робби молча смотрел на пол, боясь встретиться с ним глазами.

— Папа тоже обещал. А он не вернулся,— наконец прошептал он.

— Я не знаю, как вам это объяснить, чтоб вы поняли. Но, Робби, это очень важно! Эти бабочки не простые. И их так много снаружи, что иногда не видно, куда идти.

— Я знаю,— сказал он.— Они заполнили весь дом.

— Да, а в некоторых местах они точно так же заполняют целые улицы.

В глазах детей блеснуло удивление.

— Да их там, наверное, тысячи!

— Больше, чем миллиарды, Робби. Ваш отец хотел помочь вам и поэтому запер вас здесь. И он поступил правильно. Если бы он попытался взять вас на улицу, бабочки напали бы и на вас. Но здесь вы в безопасности. Здесь нет бабочек. А когда я уйду, ты должен будешь помогать сестре и себе. Я скажу тебе, как сделать, чтобы бабочки не попали в комнату. Если ты все сделаешь правильно, вы будете тут в безопасности до утра, пока я не вернусь.

— Вы не можете нас тут бросить! — закричала Диана, так крепко вцепившись в его руку, что Джек невольно поразился ее силе.

— У меня нет выбора, крошка. Я бы с радостью взял вас с собой, но никак не могу.

— Оставайтесь с нами! — взмолилась она.

— Давай будем серьезными, — сказал Робби. — Если он останется с нами, то кто же тогда пойдет за помощью?

«В самом деле, — подумал Джек. — Ты прав, Робби. Я рад, что ты понимаешь».

— Когда я уйду, ты возьмешь вон тот стул, — сказал он, указывая на стул в углу, — встанешь на него и будешь затыкать тряпки в щели вокруг двери так, чтобы бабочки не смогли залететь. Понятно?

— Понятно.

— А потом снова идите в кровать и накрывайтесь одеялами, как раньше.

— Ладно.

— Теперь ты должен пообещать мне заботиться о сестре. Я уйду, но я обязательно вернусь. Я вернусь утром.

Робби не ответил. Джек надеялся, что он все понял. Но когда он встал и посмотрел на детей, на ручки слез, на испуганные маленькие личики, он уже не был уверен, что сам все хорошо понимает.

16

Через несколько минут после въезда в поместье Нейлсон почувствовал, что совершил ужасную ошибку. Было темно и страшно, и он так и не встретил ни одной машины на дороге, которая обычно бывает до отказа запружена транспортом. Но он не мог сейчас вернуться назад по той же причине, по которой не мог вернуться и раньше. Если он приедет в контору и расскажет начальнику о своем страхе, над ним будут смеяться и подшучивать всю оставшуюся жизнь. Дела на работе и так шли не блестяще, и он не мог подвергнуть себя подобной пытке.

Нейлсон увидел впереди огни городка и успокоился. По крайней мере он стоял на прежнем месте и не был стерт с лица земли. Он вспомнил, как однажды смотрел кино. Там целый город перенесли в другое место и время. Такие сцены больше всего разжигали его воображение.

Но поместье лежало перед ним, и это было так же очевидно, как и то, что он к нему подъезжает. Возможно, полиция перекрыла дорогу — разыскивают преступника или

что-нибудь в этом роде. Наверняка. Да, скорее всего так оно и есть.

Нейлсон улыбнулся, осознавая, что он сам выдумал все эти страшные подозрения, которые оказались совершенно беспочвенными. Конечно, дорога перекрыта. Но потом он подумал, что если даже дорогу перекрывают, машины все равно должны ехать дальше. Их осматривают, проверяют, нет ли внутри преступника, а потом они едут дальше. Так далеко от перекрытого участка машины должны уже ехать нормально.

«Да, это не перекрытая дорога. Тогда что же? — размышлял он. — Может, мне все-таки не надо туда ехать? Может, правда, что-то случилось? Может, если я туда въеду, то уже не смогу выехать обратно?..»

Но смех начальника, такой ясный и отчетливый, почти слышимый, подтолкнул Нейлсона вперед, и он поехал в поместье.

Он ехал в полной тишине и проклинал слесарей, обслуживающих грузовики телефонной компании. Один из них стоял на капитальном ремонте, другому меняли шины, а у этого, единственного на ходу, не было радио! Так обычно у них и бывает — вечно что-нибудь испорчено или не так. «А что мы станем делать, если сегодня будет еще один серьезный вызов? — удивлялся он. — Чем они заменят грузовик?»

Но он знал, что местность эта еще недостаточно развита, и два грузовика никогда не бывают нужны одновременно. А тем более — три. Большую часть времени они простаивали во дворе. Да и второй-то грузовик они получили только тогда, когда было выстроено поместье.

Фары осветили группу бабочек, типичных для этой местности в такое время года. Нейлсон знал, что летом их станет больше. Он любил ездить сквозь группы бабочек, они напоминали ему снегопад. Конечно, пока не начинали разбиваться о ветровое стекло. Но сейчас их казалось слишком много, и они стали врезаться в грузовик. Он сбавил скорость и уже медленнее поехал дальше.

Бабочки все сильнее заполняли воздух вокруг. Такого он раньше никогда не видел. Даже когда ему приходилось ездить летом по пустынным дорогам в полях, где они обычно водились, он ни разу не видел такого количества бабочек. Их расплюснутые тела залепляли ветровое стекло и постепенно снижали видимость.

Нейлсон включил дворники и нажал на кнопку, подающую воду. Дворники заработали, а воды не было.

«Проклятье,— подумал он.— Опять не заполнили омыватель, а теперь из-за них бабочки закрыли все стекло».

Он снизил скорость, всматриваясь в свободные места стекла, и стал ехать еще медленнее. Через минуту чистых мест на стекле не осталось. Нейлсон посмотрел на спидометр — пятнадцать миль в час. Потом на секунду глянул в боковое стекло.

Боже! Откуда они взялись?

Ладно, неважно. Через несколько секунд он выедет из этого места, а потом остановится и протрет стекло, чтобы можно было ехать дальше.

Но он уже не мог вести машину — через их тельца ничего не было видно. Нейлсон открыл окно и высунулся из кабины, чтобы посмотреть, куда его несет.

Он не мог даже представить себе, что их здесь окажется так много. Они стали попадать ему прямо в лицо. И хоть они и были маленькими, но удары получались довольно болезненные. Откуда, черт возьми, они появились?

Он притормозил, закрыл окно и решил переждать, пока они улетят. Но, выглянув в окно еще раз, он просто поразился тому, что увидел. Тысячи крошечных насекомых ползали по стеклу, и больше ничего не было видно. И так было повсюду вокруг. Он даже не мог разглядеть бокового зеркала.

Вдруг резкая боль, как от укуса, обожгла его ногу, и Нейлсон вскрикнул от неожиданности. Он машинально хлопнул себя по ноге, а когда убрал руку, то увидел на ней раздавленную бабочку. «Но бабочки не кусаются!» — подумал он.

Еще укус, теперь в руку. Нейлсон удивился еще больше. Он хлопнул себя по руке, и боль стихла. Тогда он понял, что бабочки проникли в грузовик. Наверное, они залезли, когда он открыл окно, чтобы посмотреть, куда ехать.

Он повернулся спиной к дверце и осмотрел кабину. Их было не так уж и много. Еще укус, опять в ногу. Он раздавил и эту тоже, но в тот же момент почувствовал новый укус на шее.

Казалось, что бабочек стало больше. Но каким образом? Ведь все окна были закрыты! Вдруг он ощутил сразу несколько укусов, на щиколотках и лодыжках. Нейлсон нагнулся, и тогда они напали на его шею и лопатки. Он начал вертеться, впадая в панику и пытаясь раздавить их всех сразу. Но они уже кусали его и в поясницу, и в ноги, и в плечи, и он увидел даже несколько штук, направляющихся к лицу.

— Нет! — закричал он.

Но если даже бабочки слышали его и понимали, они все равно не послушались. Количество их постоянно увеличивалось, и он начал махать руками, беспорядочно хлопая ладонями по рукам, щитку и потолку кабины. Он боролся с ними изо всех сил, пытаясь понять, в чем дело, и не мог поверить, что все это происходит наяву.

Он был как во сне, в своих фантазиях, но теперь это был уже кошмар, который он никогда бы не смог себе вообразить. Боль заставляла его подпрыгивать на сиденье и кричать о помощи, о жалости и милосердии. Но бабочки не обращали на это внимания. Нейлсон перекатился на соседнее сиденье, потом опять на свое, топча их ногами.

А потом боль резко усилилась. Это было невыносимо. Она началась в одной точке и разлилась по всему телу, будто его подожгли и огонь побежал во все стороны. Он не мог вынести, не мог выдержать такого!

Нейлсон распахнул дверцу машины и понял, что все кончено.

В кабине бабочек было так мало по сравнению с той волной, которая ударилась об него, когда он открыл дверь. И он просто застыл на месте, потрясенный, не веря своим глазам и стараясь хоть что-нибудь понять. Он говорил им какие-то слова, затем в агонии стал кричать о своей боли, пока они плотным слоем обсаживали его лицо. Он инстинктивно подался назад, ретируясь вовнутрь машины и уперся спиной в противоположную дверь. А они продолжали влетать...

Они стояли у ворот, усталые и голодные, но все еще живые. Гарри был сказочно рад тому, что все они дошли до аэропорта. Ведь это было путешествием из сущего ада, поход, который он больше всего хотел поскорее забыть, настоящий подвиг, которого ему уже никогда больше не повторить. Он знал, что выглядит сейчас так же ужасно, как и все остальные, и был счастлив, что поблизости нет зеркала. Под смятыми бабочками на лицах друзей он не мог разглядеть их выражения, но знал, что они улыбаются. Хотя улыбки эти были преждевременными.

Он чувствовал гордость так же, как и все, и ничуть этого не стеснялся. Пройти такое расстояние через столько преград было очень непросто. Даже при лучших условиях пройти столько мог только сильный и здоровый человек, особенно по тому маршруту, который выбрали они, а они прошли его. Гарри знал, что он не один ощущает сейчас

приятное чувство безопасности и свободы. Они выбрались оттуда живыми.

Все это, конечно, приятно, но знал Гарри и другое — он с самого начала говорил себе, что добраться до аэропорта живыми, проделав такой долгий путь, будет трудно. И очень опасно. И все же самая опасная часть путешествия еще впереди. И удача или провал зависели теперь только от него одного. Он был пилотом, это был ЕГО самолет, и по этим причинам все напряжение, которое несла в себе последняя часть похода, целиком ложилось на его плечи. И никто не мог разделить его с ним, как и не мог понять полностью всю меру опасности и ответственности. Но он и не обижался. Он ведь положился на их помощь по дороге в аэропорт, а теперь пусть они полностью доверятся ему как пилоту. И его способности и искусство должны их вызволить отсюда. В конце концов лететь на самолете предложил он сам.

Но насколько хороша была эта мысль?

Хороша или плоха, но все они уже были готовы к полету. И нравится это ему или нет, теперь он должен будет лететь с ними отсюда, и он поступит именно так.

Кивком головы Гарри указал, чтобы все следовали за ним и по бетонной дорожке пошел вперед к своему самолету. Постойте-ка! А почему к СВОЕМУ? Почему не к другому, побольше и помощнее, который без напряжения сможет поднять всю группу? Конечно, это будет воровством — в этом нет сомнения, — но заявит ли об этом владелец? Да и жив ли он сейчас? Жив ли ХОТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК, кроме них?

А полиции он все объяснит потом. Даже если его обвинят в краже, ни один суд не признает его виновным при таких обстоятельствах. В некоторых случаях и при некоторых обстоятельствах почти все становится возможным. Вы же не называете убийцей человека, который убивает в целях самозащиты. Не накажете же вы женщину, которая своровала еду для своих детей, умирающих от голода. Так или нет?

И Гарри зашагал к ангару, где держали более крупные самолеты. С тех пор как они вышли из опасной зоны, Филлис все время шла рядом с ним, бок о бок.

В ангаре было темно, значит, внутри мало активных бабочек. Следовательно, входить в самолет будет безопасно. Гарри подошел к служебному входу и открыл его, потом выждал, пока подойдут остальные. С Фредом что-то случилось, видимо, он изнемог от усталости, и теперь тащился позади всех.

— Что с тобой? — спросил Гарри, когда Фред наконец подошел.

— Все в порядке.

Гарри кивнул. Хорошо, если у них все в порядке, следующий шаг — выбрать самолет. Они вошли в темный ангар.

Даже при тусклом свете взошедшей луны Гарри отчетливо различал контуры самолетов. Он подошел к самому первому из них и, увидев, что тот с легкостью поднимет всех пятерых, вскарабкался по крылу и открыл кабину. Включив приборную доску, он убедился в том, что самолет заправлен и все остальное у него тоже в порядке. Ну хорошо, тогда почему бы не выбрать его?

Гарри высунулся из кабины и сказал Джиму, чтобы тот открыл ворота, а потом велел всем влезать в самолет. Пока Джим распахивал тяжелые створки ворот и все занимали места в салоне, Гарри еще раз проверил приборы и стал готовить самолет к взлету. Так много всяких мелочей надо было проверить и перепроверить еще раз!.. Раньше он никогда не летал на таких самолетах. Но самолет есть самолет, думал он, неважно, два у него двигателя или один. Конечно же, все будет хорошо, уверял он себя. Но только все было не так-то просто. Была все-таки очень существенная разница между одномоторными и двухмоторными самолетами. Но, невзирая на это, был ли у него опыт полетов на двухмоторных машинах или нет, Гарри твердо решил лететь и вывезти их отсюда.

Джим забрался в кабину и нашел свободное место. Гарри закрыл за ним дверь и теперь, когда они уже были отрезаны от внешнего мира, начал яростно срывать обертку, покрывающую его голову.

— Что ты делаешь?! — закричал Джим.

— Снимаю этот проклятый скафандр, — спокойно ответил Гарри.

— Я вижу. Но почему?

— Послушай, Джим, мы уже в безопасности. Сейчас мы вырулим и взлетим. Нет больше смысла находиться в этом барахле.

— А ведь ты прав!

И все начали снимать с себя предохранительные оболочки. Гарри вздохнул с огромным облегчением, когда голова его очутилась на свежем воздухе. Наконец-то маска была снята и он мог нормально дышать! Остальную часть покрытия снимать было труднее, но он накинудся на нее с таким рвением, что через несколько минут уже полностью был свободен.

Вся его одежда насквозь промокла от пота, и от прохладного ночного воздуха он покрылся мурашками, но сейчас все это было очень даже приятно. Гарри ослепительно улыбнулся и повернулся к друзьям.

— Какое облегчение!

— И не говори. Я уж думала, что никогда больше не выберусь из обертки. Весь последний час я только и мечтала об этом,— ответила Филлис.

— Оо-оо! — простонал Фред. — Слушайте, как это все-таки здорово.

— А все же обертки нам помогли, не так ли? — гордо спросила Лиз.

— Конечно, дорогая, как ничто другое в мире не смогло бы помочь,— обнял ее Фред.

— Мы выбрались! — радостно воскликнул Джим.

— Придержи свое восхищение,— заворчал Гарри. — Мы еще далеко не выбрались. Мы выбрались только к самолету, а теперь он нас повезет дальше.

— Это ты нас повезешь,— сказал Джим, продолжая улыбаться.

— Надеюсь на это.

— Ты же частенько летал на этой штуковине и знаешь, как это делается. В чем сомнения? — удивился Фред.

Гарри посмотрел на Филлис.

— Это не наш самолет,— сказала она.

— Чей? — не понял Фред.

— Это не наш самолет,— повторила она. — И Гарри на таком раньше не летал.

— Это правда? — спросил Джим.

— Правда,— ответил Гарри.

— Но почему? Почему же мы сели не в твой самолет? — не унимался Джим.

— Особенно в такое время... — пробурчал Фред.

— Спокойно,— сказала Лиз. — У него наверняка есть причины. Гарри не делает глупостей, раз он так поступает, значит, у него есть на это серьезные причины. Правда, Гарри?

— И самая серьезная из них,— угрюмо ответил Гарри,— это то, что мой самолет не взлетит со столькими пассажирами на борту. Если бы мы сели в мой, то скорее всего вообще не долетели бы. А в этом самолете у нас куда больше шансов.

— Что ты имеешь в виду? — настороженно спросила Лиз.

— А вот что: выбор такой — или сесть в этот самолет, или оставить кого-то из вас здесь. Мой самолет слишком

маленький, он не вместит пятерых. А этот может вместить и поднять гораздо больше людей, он более мощный,— сказал Гарри.

— Вот видите? Я же говорила, что он знает, что делает,— успокоилась Лиз.

— Поэтому я и вышла за него замуж,— улыбнулась Филлис.

— Хорошо, тогда давайте поскорее выберемся отсюда,— предложил Фред,— и у нас с Гарри будет по второму медовому месяцу.

Все рассмеялись, и Гарри завел моторы. Сначала они никак не хотели включаться, чихали и кашляли, но потом разошлись и заработали так громко, что у них чуть не лопнули барабанные перепонки. Гарри знал, что когда они выедут из ангара на открытую местность, шуму поубавится. А когда поднимутся в воздух, рев двигателей покажется и вовсе приятным бархатным рокотом, напоминающим о постоянном приближении к безопасности и свободе.

Он прибавил газу, чтобы самолет прогрелся, проверил руль направления, элероны, рули высоты, а затем снял тормоз, и они легко выкатились из ангара на бетонное поле.

— Не могу поверить, что сделали эти бабочки с бедными людьми,— вздохнула Лиз.

— Лучше уж с ними, чем с нами,— ответил Фред.

Никто не стал продолжать разговор. Об этом было страшно вспоминать, хоть все это и было правдой, и все они еще чувствовали этот страх, думали об этом и надеялись на скорое избавление.

Гарри вырулил к началу взлетной полосы. Бетонка была прямая и чистая, никаких помех на ней не было видно. Он поставил самолет на тормоз и еще раз проверил моторы, убеждаясь, что они исправны, прежде чем доверить им свою жизнь и жизнь своих товарищей. Гарри внимательно изучил показания приборов — все казалось нормальным. Все, кроме давления в левом масляном коллекторе. Оно было низковато, но все же в пределах нормы. Гарри посмотрел из окна на крылья, на вращающиеся винты, улыбнулся, мысленно перекрестился и снял тормоз. Все затаили дыхание.

Самолет быстро набирал скорость, и прежде чем они успели опомниться, Гарри потянул штурвал на себя, и колеса оторвались от бетона. Машина мягко поднялась в воздух — легко, плавно и величественно.

Он развернул самолет и полетел на юг, к маленькому городку, где им могли оказать помощь. И тут стрелка манометра, указывающая давление в левом коллекторе, стала дергаться и вертеться.

Почувствовались рывки, и самолет начал нырять, уставившись носом в землю. Гарри делал все, чтобы выровнять машину. Ему удалось немного приподнять нос, но тут он услышал, как левый мотор чихнул и стал затихать.

Скорость резко упала. Самолет уже не слушался рулей как полагается. Гарри знал, что у него нет опыта полетов на двухмоторных самолетах с одним работающим двигателем. Ну почему из всех машин он выбрал именно эту? Почему именно с испорченным мотором?

Он взялся за сектор газа, надеясь, что большая мощность справа компенсирует недостаточную тягу левого двигателя, и попытался выровнять самолет.

Но все было безуспешно.

Они были уже слишком низко и продолжали терять высоту.

Казалось, все в самолете поняли свою судьбу.

Гарри увидел, как навстречу стремительно несется река, и в этот момент он думал только об одном: «Все мы прошли долгий путь. И пришли в никуда...»

17

Джек вышел на улицу, но горькие всхлипывания детей продолжали эхом доноситься до него. С каждым шагом, отделяющим его от Дианы и Робби, он все больше чувствовал, что предает их, оставляя одних встречать страшную смерть. В голове у него звучали их умоляющие голоса. Робби говорил ему, что он не вернется, что их отец тоже обещал вернуться, но так и не пришел. Обвинения, шедшие из уст детей, были куда страшнее тех, которые могли бы представить взрослые. В них была только правда, чистая правда без всякого сочувствия, прикрас и мнимого понимания, которые приходят с возрастом.

И все же он знал, что у него нет выбора. Он ничего не мог придумать, чтобы взять их с собой. Если бы он их забрал, то они наверняка погибли бы. Сейчас же по крайней мере у него была возможность пойти за помощью и привести сюда спасателей, которые помогут немногим выжившим, догадавшимся спрятаться в укромном месте и ждать.

По крайней мере это что-то реальное.

Хорошо уже, что он попытался помочь.

Стоул подождет. Визит к нему теперь откладывался, в этом не было сомнений. Зато люди, которые ждали Джека с помощью, стали уже не абстрактными понятиями — это были живые люди из плоти и крови, такие же, как Робби и Диана.

Неважно, как сильно хотелось ему сжать пальцы на горле Стоула, Стоулу придется подождать. «Сначала самое главное,— подумал Джек.— Да поможет мне Бог спасти этих людей, а удовольствия будут потом».

Иметь дело со Стоулом представлялось ему крайне неприятным.

Шагая вперед, он встречал на пути тело за телом, аварию за аварией, и все это постоянно напоминало ему об ужасной реальности, о жестокости происходящего, и его решимость росла вместе с ненавистью. Ничто теперь уже не могло остановить, никакие нападения бабочек не были ему страшны. Он был защищен и знал кое-что о них. Джек чувствовал, как что-то подталкивает его вперед, но он еще не осознал полностью того, что его толкала необходимость вернуться, помочь, спасти людей, которые физически были не в состоянии спастись сами.

Когда он покинул дом Монро, ему показалось, что ночь стала не такой уж страшной и таинственной. Светила луна, бабочки порхали на лужайках возле мертвых тел вокруг фонарей, но это больше не казалось ему сверхъестественным и невозможным. Просто на город напали насекомые в огромном, неисчислимом количестве. Это страшно, это ужасно, но в этом нет ничего колдовского и ничего сверхъестественного.

Он понимал, что стоит не против неведомой силы. Он стоял против насекомых, против бабочек. Против созданий, которых можно убивать и нужно убивать. Он видел, что они могут умирать, а поведение их можно предугадать. Насекомые — вот кто они. Ни больше ни меньше.

Эти размышления, конечно, не делали бабочек менее опасными, но они развеивали зловещее впечатление от происходящего, сложившееся в его голове. Теперь они не были больше таинственными и неземными существами — это просто голодные плотоядные насекомые, активно питающиеся и размножающиеся.

Наверное, найдутся способы остановить их, хотя ему лично эти способы были неведомы. Должны же быть какие-то химикаты, безопасные для людей, но смертельные для бабочек, которые можно распылять с вертолета. Можно привлечь и национальную гвардию, и тогда солдаты,

полностью защищенные, войдут в поместье и произведут очистку. Но никто не придет, если он не выберется отсюда и не попадет в город.

С этими мыслями Джек направился к озеру. Акваланг сейчас казался ему еще тяжелее, чем когда-либо раньше. Он шел, немного согнувшись, продев большие пальцы под ремни на груди. До озера уже было недалеко, а он знал, что в воде акваланг станет невесомым, и это придавало ему сил.

Вдруг шум самолета прорезался в ночи, и Джек остановился как вкопанный. Он прислушивался к мотору, будто это был самый сладкий звук, и широко улыбался. Надежда вспыхнула в его груди. Ведь это могло быть ответом на все вопросы! Кто бы там ни был, в этом самолете, он прилетит в ближайший город и расскажет там обо всем, что случилось, и пришлет сюда помощь. И тогда ему не придется совершать такое далекое путешествие самому, не придется рисковать своей жизнью в воде и лесах.

Для самолета город, находящийся к югу от поместья, был всего в нескольких минутах лета, а значит, через час или два помощь придет. До восхода пока далеко, и бабочки еще долго будут спокойными. Он может вернуться в дом Монро к детям и пробыть с ними всю ночь, успокаивая их и ухаживая за ними. Если он поможет им хотя бы так, ему уже станет легче, и он не будет чувствовать себя виноватым, бросив их одних.

Звук мотора нарастал, и Джек понял, что самолет сейчас взлетит. Он повернулся к югу, надеясь увидеть, как тот поднимается из аэропорта, а потом вдруг по непонятному импульсу закрыл глаза и начал молиться. Но долго он не мог стоять с закрытыми глазами. Самолет взревел, и Джек открыл глаза — он должен был видеть самолет в его нормальном состоянии — уже в полете.

Вот он!

В призрачном лунном свете Джек разглядел, как самолет быстро поднялся над землей и взял курс на юг, по направлению к городу. Сердце его запело от радости, и он почувствовал, как усталость в мышцах на глазах исчезает. Он стоял и улыбался вовсю, как мальчишка, наблюдающий за взлетом ракеты. Он почувствовал себя молодым и возбужденным, будто это он был сейчас в самолете рядом с летчиком. Желание полета, желание находиться в воздухе вспыхнуло в его мозгу... и тут же погасло — Джек с ужасом увидел крошечный взрыв на левом крыле.

Все возбуждение, энергию и надежду будто смыло волной. «Этого не может быть,— подумал он.— Этого просто не может быть!..»

Но самолет начал падать, направив нос в землю. Услышав грохот упавшего самолета, Джек почувствовал, что часть его самого умерла вместе с пилотом.

А потом его разочарование переросло в страшный гнев, в абстрактный гнев, ни на кого не направленный.

— Проклятье!! — закричал он.

Почему пилот не смог долететь? Почему?

Он почувствовал себя, как футбольный защитник, которого на несколько минут сняли с поля в самом разгаре игры. Напряжение покинуло его, но только на несколько коротких минут. Но вот его опять посылают играть.

На самом же деле он сейчас сам был целой командой, он — единственный оставшийся защитник. Джек вздохнул, ощутив, что напряжение снова охватывает его. Опять он стал единственным, кто может привести помощь. Его собственная судьба и судьба всех выживших снова были в его руках, и только в его. И никто не появится, как в сказке, чтобы спасти их. Он сам должен спасти себя, а сделав это, спасет и остальных. Джек понял теперь, что сколько бы самолетов он ни увидел, сколько бы других спасшихся ни встретилось ему на пути и сколько бы автомобилей ни ехало по дороге, его жизнь зависела только от одного-единственного человека — от него самого.

Он поправил акваланг и направился к озеру, немного постаревший и еще более уставший.

Увидев перед собой озеро у подножия холма, он немного воспрянул духом. Только сейчас озеро выглядело совсем не так, как он предполагал. Видны были лишь маленькие лоскутки воды, сверкающие в лунном свете, там, где над водой не зависали стаи бабочек. Бабочки закрывали собой всю поверхность озера, словно живые льдины, плотными слоями летая в нескольких дюймах над самой водой.

Не меньше их плавало и в воде. Джек еще раз порадовался, что взял с собой акваланг, а воздуха в нем было пока достаточно.

«Но что так привлекло их к воде? — удивился он.— Зачем насекомым летать в таких количествах у самой поверхности озера? Они же не едят рыб...» Наверное, поверхностное натяжение воды не давало им погрузиться. Он сам не раз видел, как комары сидят на воде, но ведь рыбу они так и не смогут достать.

Хотя было совсем неважно, что они там делают. Абсолютно неважно. У него была другая цель — добраться до

города и вызвать помощь — вот и все. А об этом пусть думают ученые. Пускай они потом раздумывают над поведением этих жутких тварей. Он ясно представил себе одного из них, какого-нибудь профессора из университета, держащего пинцетом бабочку. Брови у него поднимутся от удивления, когда он рассмотрит бабочку под лупой, как это делал Джек, и через каждую минуту с его губ будут срываться возгласы крайнего удивления и сильного беспокойства. И он долго еще будет переворачивать бабочку в разные стороны, не веря своим глазам.

Джек спустился по холму, наслаждаясь картинами, встающими перед его мысленным взором. Репортеры обступают профессора, как рой бабочек, забрасывают его вопросами, но профессор не обращает на них внимания, и это вызывает все новые и новые вопросы...

Приблизившись к воде, Джек остановился, чтобы снять ботинки, защищающие резиновые тапочки — часть его водолазного костюма. Однако когда он нагнулся, бабочки рванулись в его сторону, и он тут же понял, что сможет снять их, только когда полностью погрузится в воду.

Джек быстро вошел в воду. Бабочки тут же окружили его ноги и туловище, потом голову, маску и даже акваланг. Он заторопился и вот уже был в воде, полностью защищенный от нападения бабочек.

Шнурки ботинок намокли и разбухли, и развязать их было нелегко, но он возился с ними до тех пор, пока не справился. Акваланг обеспечивал его воздухом, и он не спешил, не паниковал, наконец ботинки соскользнули с ног и погрузились в темную воду. Надеть ласты на резиновые тапочки было уже пустяком.

Он не ожидал, что вода окажется такой мутной и темной. Мысленно он представлял себе, что его путешествие будет похоже на то, как он раньше нырял в озеро. Но тут он понял, что тогда дело было днем и солнечные лучи глубоко проникали под воду. А лунный свет помогал очень слабо да еще бабочки зависли над водой, преграждая путь даже этому тусклому свету.

Джек проклинал себя за то, что не догадался захватить с собой подводный фонарь. В подвале у него лежал такой — он отчетливо представил себе фонарь в пластиковом корпусе, который спокойно лежит на деревянной лавке с новенькими батарейками. Сейчас бы он ему здорово пригодился. Но ни за что на свете он не вернулся бы за ним. Лучше уж он поплывет в крошечной тьме, в этой страшной чернильной воде, чем выберется на свет и пойдет за фонарем.

Он опробовал ласты — сначала тихо, потом более уверенно. Вытянув руки по швам, Джек решил продвигаться вперед, работая одними ногами. Эту технику он долго не мог освоить, что и явилось одной из причин того, что он забросил подводное плавание. Сейчас он презирал себя за то, что бросил заниматься, за то, что сдался: и эту технику, и многое другое можно освоить, если тренироваться немножко упорнее. И Джек решил для себя, что если он выберется отсюда живым, то все в его жизни в корне изменится. Он никогда больше не будет бросать начатое дело только потому, что оно покажется ему трудным. Он будет продолжать его до тех пор, пока не освоит как следует.

А пока ему придется работать руками и ногами, чтобы продвигаться вперед.

Вода оказалась холодной, он ощущал это теми частями лица, которые были защищены только пластиковыми пакетами. Однако под гидрокостюмом было тепло. Наконец-то акваланг потерял свой вес и стал как бы естественным продолжением его тела, поддерживаемого водой.

Джек плыл вперед и не чувствовал, как движется время. Под водой он окончательно потерял ему счет. Казалось, оно остановилось для него, и было трудно ощутить разницу между половиной минуты и десятью минутами. Расстояние тоже было трудно определить, и он не знал, сколько успел проплыть. И когда он понял, ЧТО ему придется сделать, чтобы определять расстояние, он содрогнулся. Но нравилось ему это или нет, другого способа не было.

Он вынырнул на поверхность.

Как только его голова показалась над водой, ее тут же облепили бабочки. Он взмахнул руками, чтобы отогнать назойливых насекомых, затем сильно оттолкнулся ногами в ластах и прорвался сквозь нависший над ним рой. Прием сработал. За короткую секунду он успел увидеть, что движется в правильном направлении. Горизонт впереди был темным, а это означало, что он плывет прочь от освещенного поместья.

Сейчас бы ему очень пригодился подводный компас.

«Да-да,— подумал он.— И чуть побольше опыта в плавании...»

Джек сильно отталкивался ногами и взмахивал руками, почти как при стиле кроль, переваливаясь из стороны в сторону, но при этом верно двигался вперед в темной воде. Со всеми своими недостатками, не будучи хорошим пловцом, не имея при себе ни фонаря, ни компаса, он тем не ме-

нее успешно продвигался вперед и был этим страшно доволен. Он **УЖЕ** сделал гораздо больше того, на что смел надеяться, особенно после всего, что он видел на улицах городка.

Вода была тихой, и когда он останавливался передохнуть и переставал работать руками и ногами, он не мог определить течения. Джек был уверен, что оно должно быть, ведь из озера выходила протока, соединяющая его с рекой, но как он ни прислушивался, так ничего и не почувствовал. Возможно, он уловит течение, когда проплывет еще немного и приблизится к системе отводящих каналов.

Ему нужно было обязательно найти нужный канал. Если он поплывет по другому, то просто потратит несколько часов впустую, делая полукруг и возвращаясь обратно в озеро, вместо того чтобы попасть в реку. Он медленно старался представить себе схему каналов, но они все перемешались у него в голове, и, казалось, все вели назад к озеру. Как-то они ездили на каноэ с Кэти и Аланом, но беда в том, что тогда они не обращали внимания на то, куда плывут. Он просто наслаждался отдыхом в кругу семьи и не очень-то запоминал схему каналов. А Кэти была так красива в тот день — в облегающем костюме, загорелая, совсем бронзовая. Ее длинные волосы сверкали в солнечном свете, и она не переставала улыбаться. Когда Алан хохотал, она тоже хохотала вместе с ним, щекотала его, весело с ним играла и этим делала тот счастливый день еще счастливее. Алан вел себя очень хорошо, он гладил ладонью поверхность воды и кричал «Акула!», а потом, заливаясь смехом, выдергивал руку из воды, будто какая-то таинственная рыба успела откусить от нее кусок. У них не было тогда забот, и Джек, казалось, сросся с этим озером, со своей семьей, а каналы просто существовали рядом, вот и все. Они были одни во всем мире и еще каноэ, которое помогало им путешествовать.

Если бы Кэти сейчас плыла рядом с ним!.. Она, наверное, помнила, какой из каналов ведет в реку. Он почти что видел ее стройное тело рядом с собой в темной воде, чувствовал, как развеваются под водой ее длинные волосы. А Алан бы поплыл между ними, и они бы надели на него маленький водолазный костюмчик или скафандр. Но у Алана не было ни водолазного костюма, ни скафандра, а даже если бы и были, он все равно не смог бы уже их надеть.

«Господи! Когда же прекратятся эти фантазии? Когда же до меня дойдет, что они умерли, разодраны безумными

бабочками? Когда же я наконец поверю в то, что они лежат на задворках, и теперь уже от них остались лишь небольшие куски плоти и обнаженные скелеты?» — думал Джек.

Когда?

Чтобы оборвать этот поток мыслей, он еще раз поднялся наверх и убедился, что плывет в правильном направлении. Погрузившись опять, Джек стал прислушиваться к шуму воды, проносившейся мимо. Она успокаивала его и стирала из памяти звуки, которые он слышал сегодня днем, которые доносились до него по дороге ночью, — адские крики людей, шум сталкивающихся автомобилей и звон бьющегося стекла.

18

Салливан сидел за столом и играл карандашом, постукивая им о кофейную чашку, чем постепенно доводил Коллинса до точки. Он знал, что это раздражает Коллинса, и когда тот просил его прекратить, он останавливался. Но не раньше. Это было похоже на некую игру, где Коллинс был в роли подчиненного, а Салливан — начальника.

Такими были их отношения, так распределялась власть и обязанности в компании. Коллинс сам не был уверен, хотел бы он оказаться на месте Салливана, чья работа требовала постоянного внимания и большей ответственности за все принимаемые решения. У Коллинса была семья — небольшая, но все же семья. Одно неправильное решение, одна невыполненная обязанность — и его вышвырнут с работы. А кто тогда будет содержать семью? «Нет, — подумал Коллинс. — Пусть стучит на здоровье своим проклятым карандашом. Если это ему помогает. Мне все равно».

Коллинс знал, как заставить Салливана прекратить это постукивание.

— Интересно, что это там Нейлсон так задерживается? — ехидно спросил он.

Поддействовало. Стук прекратился.

— Наверное, он уже все починил, как ты думаешь? — снова спросил он.

Салливан пожал плечами.

— Совсем не обязательно. Ты не забывай, кого мы послали. Он ведь наверняка попытается сделать больше, чем в его силах. Может, захочет перепроверить весь городок. Ты же знаешь Нейлсона. Он на это способен.

— Похоже на то, — процедил Коллинс.

Они замолчали, и Салливан снова начал стучать карандашом.

— А может быть, он попал в аварию,— задумчиво сказал Коллинс.

Стук прекратился.

— Нет, вряд ли.

— Но у него нет в грузовике радио. И мы ни о чем не сможем узнать. А дорожный патруль там не стоит, это частная собственность.

— Нет, мы бы узнали. Встречная машина остановилась бы и помогла ему.

— Да, наверное.

Опять помолчали.

— Что с тобой? — наконец спросил Салливан.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Коллинс.

— Я имею в виду, не стряслось ли что с тобой? Нейлсон ведь не так давно уехал. Тебя что-нибудь раздражает?

Коллинс покачал головой.

— Нет, меня ничего не раздражает. Ну, разве что этот идиотский карандаш, которым ты все время стучишь.

Салливан посмотрел на карандаш так, будто он только что возник у него в руках неизвестно откуда.

— О, извини.— Он отложил карандаш в сторону, и Коллинс с облегчением вздохнул.

— Я действительно немного беспокоюсь за Нейлсона. Может быть, надо послать кого-нибудь к нему на помощь?

— Нет необходимости.

— Откуда ты знаешь? Мы же понятия не имеем о том, что там произошло. Может быть, Нейлсону одному никак не справиться.

— Если так, то он придет назад и сам попросит о помощи.

— Если сможет.

— Сможет,— уверенно сказал Салливан.— Я, по-моему, уже говорил, что если бы с ним что-нибудь случилось, то мы бы уже знали. Скоро утро, и на дороге уже полно машин. Там постоянно кто-нибудь ездит. Люди там совсем не то что мы, городские. Мы-то живем здесь давно. А их все время куда-то носит.

— Ну да. Мы местные.

— Это с одной стороны. А с другой — мы что, просили их сюда переезжать? Просили портить наши леса?

— Откуда в тебе это? — удивился Коллинс.— Я ничего подобного от тебя раньше не слышал.

— Ты просто раньше не слушал. Вот и все. Там постоянно кто-нибудь да катается по округе. Не удивлюсь, если у них есть своя собственная служба безопасности. Или частная полиция.

— Да ну?

— Наверняка. Это чтобы типы вроде нас с тобой туда не лезли.

— Да ты что? Что же они, по-твоему, ненавидят нас?

— Может, и нет. Но это не значит, что я должен к ним хорошо относиться.

И тут только Коллинс начал понимать о Салливане такое, о чем раньше и не догадывался. Так вот почему он столько раз раньше не спешил выполнять заказы помещстья, все находил отговорки, откладывал, создавая им лишние неудобства. Эти отговорки всегда казались Коллинсу необоснованными, но это его не касалось. Решал здесь Салливан — что делать и когда делать, кого, куда и когда посылать.

— Они богатые, Коллинс. Они привыкли получать все сразу, даже вчерашним днем. Так что не повредит им научиться ждать.

— Но все же,— неуверенно сказал Коллинс,— было бы лучше послать кого-нибудь туда на помощь.

— В этом нет никакой необходимости. Вот если от него не будет вестей до рассвета, тогда и пошлем. А до тех пор пусть Нейлсон разбирается во всем сам, если ему так нравится.

Салливан в рассеянности опять взялся за карандаш и принялся стучать им. Коллинс вздохнул и покачал головой.

Крэг Уэйр был хлипкого телосложения, с редкими светлыми волосами и модной бородкой. Он был очень педантичным, и его жена Бетси обожала его за это. Это сильно облегчало ее ежедневные хлопоты по дому и делало жизнь намного проще. Сейчас они были заключены, как в ловушке, в своей спальне, и страшно этому рады. Они уже догадывались, ЧТО сделали бабочки с остальной частью дома, и были счастливы оттого, что ничего этого не видят.

— Ты думаешь, это был он? — спросил Крэг, а в ушах у него все еще стоял звук разбивающегося самолета.

— Может, и не он,— с сомнением сказала Бетси.

— Наверняка он.

— Нет, не он. Я уверена.

— Как ты можешь быть в этом уверена? — спросил он с ноткой отчаяния.

— Ты прав. Я не могу быть уверена полностью. Но человек шел в направлении, противоположном аэропорту, правильно? И у него был плавательный костюм...

— Водолазный костюм.

— Прекрасно, — сказала она, поправляясь. — Водолазный костюм. Из этого следует, что он шел к озеру. Тем более что озеро как раз в той стороне.

Крэг покачал головой, и на лице его выразилось недоумение.

— Но почему к озеру? Это же бессмысленно. Он шел на север, а город находится на юге.

Бетси вздохнула.

— Конечно. Он, наверное, попытается выплыть. Попробует по каналам выйти к реке, приплывет в город и вызовет помощь.

Крэг шаркнул ногами.

— Ты права. Но самолет упал...

— Наверное, еще одна несчастная душа.

— Прибереги жалость для себя, — сухо сказал он.

— Да ладно тебе. Нам здесь хорошо. Лучше, чем многим другим. Нам не нужна жалость. Мы выберемся, дорогой. Мы обязательно должны выбраться. Ты же видел — люди пытаются оказать помощь. Как тот, в плавательном... в водолажном костюме.

— Много же у него шансов, однако, — саркастически заметил Крэг.

— Если ему не удастся, то есть еще и другие люди. Другие ведь тоже пытаются.

Он посмотрел на жену, пронзив ее взглядом, как бы мысленно спрашивая, откуда она взяла, что есть еще и другие. Крэг знал, что они выжили по чистой случайности и только благодаря его скорости, и сомневался, что кто-то другой в городке смог так же быстро сделать то же самое. Каждый раз, выглядывая из окна спальни, он убеждался, насколько им повезло. Внизу на улице бабочки роями носились у фонарей, объедая изуродованные трупы людей — тех самых, которые еще недавно были их соседями и друзьями.

— ЕСТЬ другие, — твердо сказала Бетси. — Нам надо верить в это.

— Верить? Верить во что? — истерично взвизгнул Крэг. — Верить в Бога? Или в бабочек? Или в того человека, который направился к озеру в водолажном костюме? Или в того летчика, который разбился несколько секунд назад? В бабочек, которые затихли до завтрашнего утра а там...

Она заплакала, и Крэг понял, что зашел слишком далеко. Они и так уже пережили очень многое, не надо наполнять ее сердце новыми страхами.

— Извини, дорогая, — сказал он, обнимая ее. А потом нагнулся и поцеловал ее в щеку, ощутив на губах соленый привкус слез. — Ты права. Кто-нибудь наверняка выберется отсюда и позовет помощь.

«И действительно, — подумал он. — Кому-то ведь надо же выбраться отсюда!»

Просто ему очень хотелось увидеть, что кто-то еще пытается прийти на помощь.

«Но скольким еще людям повезло так же, как нам? — размышлял он. — Если бы мы оба не были в этой спальне, когда налетели бабочки, то наверняка бы уже оказались тоже среди мертвых».

Когда все это началось, он смотрел из окна на озеро, наслаждаясь пейзажем, и вдруг заметил тучу бабочек, скатывающуюся с горы к воде. Какую-то долю секунды он оставался неподвижным, а затем стал молниеносно действовать. Он приказал Бетси оставаться на месте, вскочил на ноги и бросился вон из комнаты, велел ей закрыть все окна. Неизвестное предчувствие готовило его к худшему.

Бетси выглянула из окна, увидела их и, поняв, что нельзя терять ни секунды, кинулась выполнять его приказ.

В это время Крэг сбегал вниз и отключил кондиционеры. Когда он вернулся в спальню, Бетси уже готовилась затыкать щели вокруг двери и окна простынями. Они готовили комнату, как хорошо слаженная команда, и к тому времени, как туча налетела и раздались страшные крики людей с улицы, они уже были в спальне в полной безопасности.

Крэга поразили его собственная скорость и та быстрота, с которой Бетси уяснила ситуацию. Это спасло их жизнь, и этим он гордился. Он знал, что другие просто не видели приближающихся бабочек или же приняли их за что-то другое и не поняли всей опасности.

Крэг и сам не думал сначала, что их жизнь может оказаться под угрозой, но он успел подумать о доме и вещах — о материальных ценностях, которые необходимо спасти. Он почему-то решил, что они могут пострадать, и ринулся действовать.

— Мы здесь в безопасности,— сказала Бетси,— и лучше будет дождаться помощи, не выходя отсюда.

— Ты права,— согласился Крэг.— Просто мне хотелось бы узнать, как тот парень в плавательном костюме...

— Это был водолазный костюм, дорогой,— поправила его Бетси и улыбнулась, довольная тем, что может с ним похвастаться.

— Ну да, интересно, как тот парень в водолажном костюме сейчас себя чувствует?

— Наверное, неплохо,— сказала она.— А теперь иди сюда и посиди рядом со мной. Ты слишком взволнован.

«Слишком взволнован? — подумал он.— Волнение сейчас так же естественно, как и дыхание».

19

Он проплыл уже пол-озера, когда ноги дали о себе знать. Джек не привык к подводному плаванию, и от долгих однообразных движений у него заболели мышцы. Он знал, что ему следует остановиться и отдохнуть, чтобы ноги набрались свежих сил, но не хотел этого делать. Ему еще слишком долго предстояло плыть — несколько миль лежало впереди. Но и не хотелось, чтобы в ногах начались судороги — тогда бы ему пришлось останавливаться уже надолго. Поэтому он расслабил мышцы и застыл в воде, ожидая, когда к нему вернутся силы.

Джек не удивился, что так быстро устал. Все-таки он много прошел пешком с аквалангом, его ноги не привыкли к таким нагрузкам, а уж от плавания он отвык так, что можно было считать этот заплыв его первой пробой ласт.

Он остановился, и ему стало отчетливо слышно собственное дыхание, шум воздуха, поступающего из акваланга, и бульканье поднимающихся к поверхности пузырей от выдоха — все это создавало довольно странный, но успокаивающий набор звуков. Он прислушался к шипению аппарата, который спас ему жизнь, и мысленно поблагодарил его изобретателя, а также себя за то, что сохранил водолазный костюм и держал акваланг заправленным.

Пока Джек отдыхал, он решил получше продумать план своих дальнейших действий. Теперь шансов выжить

у него становилось все больше и больше. Но он не знал, сколько ему придется плыть, так как ни разу еще не добирался до города по воде. К тому же он не мог сказать, будет ли виден город с реки, но знал, что лишнего он не проплывет. Скорее всего ему придется вылезти из воды намного раньше и остаток пути идти пешком.

Вот тогда он и пожалел о том, что потопил свои ботинки.

О чем он тогда думал? Ему и в голову не пришло, что он долго не сможет идти в ластах или резиновых тапочках. Джек удивился своей глупости и неспособности планировать будущее. Но он вовремя остановил поток досадных мыслей, пока они не успели расстроить его окончательно. В конце концов его можно было понять: когда он вошел в воду, то почувствовал такое облегчение, что все остальное показалось ему сущей чепухой — он не беспокоился тогда о предстоящей пешей прогулке и не задумывался даже о ботинках. «Ладно, что сделано, то сделано», — подумал он. — Надо еще удивляться, как я до сих пор жив. Не многим это удалось».

Джек подумал о летчике и вдруг испугался: а не может ли это случиться и с ним — пройти так много и потерпеть крушение. Он надеялся и молился, чтобы все кончилось хорошо. Джек чувствовал, что не сможет бороться дальше, если начнет думать, что ему не выбраться. Он не был прагматиком, но даже прагматики знают, что иногда лучше обмануть себя, дабы вселить веру и оптимизм, и не обращать внимания на то, каковы реальные шансы в данном деле.

Но он видел, что силы его иссякают, притом довольно быстро. Слишком многое было против него. В любой момент у него могут начаться такие сильные судороги в ногах, что он не сможет плыть дальше. Да и воздух в акваланге может кончиться раньше, чем он выйдет из зоны обитания бабочек. Ведь он может просто недооценивать размеры площади, занятой бабочками. Что если они успеют разлететься по всей реке и занять город?

«Нет, — дошло до него. — Все это пустая болтовня, а не голос разума. Бабочки не могут занять такую огромную площадь. Для этого их потребовалось бы такое количество, которое невозможно себе даже представить; вряд ли на свете живет столько бабочек, всех, вместе взятых, а не только этой разновидности».

Наконец он решил, что уже достаточно отдохнул и пора двигаться дальше. Недалеко же он уйдет, если будет просто лежать под водой. Джек нырнул поглубже, оттолк-

нулся от дна ногами, прорезал руками поверхность и поднялся над водой выше зависших туч мотыльков. Успев разглядеть нужное направление, он отправился дальше.

Плыл он легко, не торопясь, пытаясь совершать все движения ритмично, чтобы не так быстро уставать. И, к его удивлению, все начало выходить ловко и изящно, он аккуратно перекачивался со стороны на сторону, слышал, как работает акваланг и как несется мимо вода.

Джек приближался к правому каналу и решил испытать его. Он вспомнил, что чуть подальше, за левым поворотом, должна быть развилка, от которой правое ответвление, кажется, выходит к реке. Но сперва он должен был почувствовать течение воды, нельзя было слепо надеяться на везение.

Вскоре станет ясно, насколько правилен его выбор.

Мысли потекли ровнее. Он не старался думать о многом и почти ни о чем уже не беспокоился, просто наслаждался производимыми движениями рук и ног, расслаблялся и постепенно привыкал к воде. Он был доволен собой, у него все хорошо получалось, и плыл он легко и свободно. Надо только остерегаться, чтобы не начались судороги, и стараться не уставать слишком быстро. Уж этого-то ему совсем не нужно; если это произойдет, то путешествие станет практически невозможным.

Но мысли эти недолго занимали Джека — он вспомнил детей, которых оставил в поместье, трупы своих жены и сына, пронзительные крики, прорезавшие ночь, и страшный звук падающего самолета. Когда ему удавалось справиться с этими воспоминаниями и немного успокоиться, он опять расслаблялся, и уже ничего больше не имело для него значения, кроме равномерных движений рук и ног. Страх перед судорогами и усталостью неумолимо толкал его вперед, а спокойное течение мыслей помогало делать ровные, мерные движения. Когда он начинал особенно сильно волноваться, то выныривал на поверхность, чтобы убедиться, что плывет в правильном направлении.

Джек знал, что через несколько минут ему придется принимать еще одно решение, и не такое простое, как показалось сначала. Как только он приблизится к правому каналу, то окажется совсем рядом с домом Стоула — только взойти на гору. Все знали, что весной он живет здесь, наблюдая сверху за своим маленьким миром, который он сам построил. «Тут не так уж много любви между мной и поселенцами», — говорил он журналистам, де-

лая небрежные оговорки в духе Фрейда, и это отталкивало жителей городка от него еще дальше. Стоул никогда не общался с ними, и они никогда не общались с ним и не чувствовали в этом необходимости. Он просто существовал там, на горе, как что-то незыблемое, и о нем не надо было ни думать, ни заботиться — он был такой же каменный и холодный, как и его крепость. Все в городке это прекрасно знали и принимали за естественный ход событий, будто так и должно быть.

Джеку стоило только выйти из воды в этом месте, где начиналась сеть каналов, снять ласты, перекрыть воздух и подняться на гору. Он даже может оставить ласты и акваланг у подножия холма, чтобы легче было выбираться по дороге, ведущей к дому Стоула.

Он не потеряет при этом ни капли кислорода — только время, которое понадобится ему для того, чтобы Стоул успел понять, что зря родился на этот свет.

«А дело стоит того!» — подумал Джек.

Но его ждали дети, ждали его возвращения. Что же будет, если произойдет непредвиденное? Вдруг Стоул попробует застрелить его или еще что-нибудь в этом роде? Что тогда станет с детьми? Если бы он не обещал детям вернуться с подмогой, тогда совсем другое дело. Тогда он бы не берег свою жизнь при встрече со Стоулом. А теперь перед ним стояла трудная задача. Стоул наверняка попытается что-нибудь предпринять — возможно, убить его или просто как-то остановить, и может случиться так, что он окажется не в состоянии привести помощь.

Если бы он не был единственным, имеющим реальные шансы дойти за подмогой, то решение пришло бы само по себе. Но после крушения самолета у него возникло чувство, что он — единственный, кто имеет возможность добраться до города. Если бы самолет долетел удачно до ближайшего аэропорта, то Джек не побоялся бы встретиться со Стоулом, но теперь он знал, что чудом выжившие рассчитывают только на него одного.

Чем больше он об этом думал, тем больше сомнений закрадывалось в его душу. Там, где раньше все было ясно, появлялись неожиданные препятствия. Да и его собственная жизнь тоже для него кое-что значила, и он не хотел представлять перед Стоулом невооруженным. А если к этому прибавить время и энергию, которые он потеряет, то его шансы на выживание резко уменьшались. Это было бы неплохое дельце, если бы он твердо знал, что из города кому-то точно удалось выбраться, и этот спасшийся идет за помощью. Но думать о том, что, может быть,

кому-нибудь что-то удалось, и представлять себе, что это так и есть,— этого ему было явно недостаточно.

Джек еще раз вынырнул на поверхность и посмотрел, где он находится — оставалось несколько сот ярдов, и придется принимать решение. Так ничего и не придумав, он продолжил свой путь.

Он знал, что никогда не придет к определенному выбору, если будет снова и снова взвешивать все «за» и «против». А ему надо твердо определиться, и делать это придется в самом скором времени. Когда он вышел от детей и стоял на улице, ему все было предельно ясно. Стоул подождет, решил он тогда. Но теперь он уже не был уверен, что сможет позволить ему ждать — всеми фибрами души Джек жаждал этой встречи.

Однако на карте стояло все — либо рисковать жизнью и, видимо, потерять последний шанс на спасение оставшихся в поместье, либо продолжать путь дальше по реке.

Плыть к городу?

Конечно же, да!

Он просто не мог поступить иначе при таких обстоятельствах. Приняв решение, Джек почувствовал себя более спокойным и уверенным. Еще будет время рассчитать со Стоулом за все, что он сделал с тысячами ни в чем не повинных людей.

Он продолжал плыть, надеясь вскоре почувствовать течение воды из каналов. Для него это будет чем-то вроде маяка, указывающего путь надежней, чем любые знаки на карте. Скорее всего плыть нужно в самый правый канал. Если бы там не было реки, то никто бы не стал облагораживать его естественное русло, которое и так портило весь дизайн канальной системы. Не будь этого природного соединения, пришлось бы потратить еще кучу денег на дополнительное строительство, а Джек чувствовал, что Стоул был из тех, кто при случае пользовался самыми дешевыми методами.

Джеку очень хотелось видеть дно. По его форме он мог бы определять, сколько еще осталось до берега. Он надеялся, что река не будет так сильно покрыта бабочками, как озеро. Иначе продвижение его станет слишком медленным. «Ну,— подумал он,— пора еще раз проверить, где я нахожусь и когда надо поворачивать направо».

Он увидел, что подплыл к нужному месту гораздо ближе, чем предполагал, и начал разворот. Если он не почувствует сейчас течения, то придется возвращаться назад

и искать другой канал. А это будут уже незапланированные действия.

Плыть стало немного труднее. Джек заметил, что ему приходится все сильнее напрягать руки для гребка, и понял, что встретился с течением. Он вздохнул с облегчением, даже несмотря на то, что теперь ему пришлось тратить значительно больше сил. Плыть становилось все труднее. Он не мог позволить себе расслабляться, как делал это в озере. Нужно было силой пробивать путь в воде, отталкиваясь резче, чаще работать руками и ногами и таким образом тащить себя в этой темной, как чернила, воде.

Как бы сильно он ни устал, он знал, что надо найти в себе силы и продолжать путь — выплыть из канала и попасть в реку. А уже добравшись до реки, он сможет практически ничего не делать и просто плыть по течению, так как река текла на юг, в сторону города.

Каждый гребок, каждое движение были для него страшным усилием, мучительной борьбой, но он знал, что не может остановиться. «Сейчас нельзя отдыхать, нужно продолжать двигаться дальше. Канал — это не бурная река, и вода в нем течет медленно», — думал Джек. Но в его состоянии любое движение даже против слабого течения было немыслимо трудным, он продвигался медленно, ярд за ярдом, но был доволен даже такой черепашей скоростью. «Главное — вперед, — думал он. — Медленно, но верно».

Сейчас он как никогда боялся судороги в ногах, но ничего поделать не мог. «Если начнется судорога, — рассуждал он, — придется выплывать на берег. Надеюсь, на это у меня еще хватит сил. Надо будет выползти на берег, хоть это и не так-то просто с аквалангом на спине и судорогой в ногах». Руки у него уже ослабли, поэтому на берегу он вынужден будет отдохнуть, сделать массаж ног и ждать, пока они снова не смогут работать нормально.

Жаль, что он в такой плохой форме. И опять старые мысли начали назойливо преследовать его — что плохое состояние у него из-за того, что он никогда ничем серьезно не занимался, все бросал, когда становилось трудно. «Ну уж только не в этот раз, — подумал Джек. — Сейчас я не сдамся. Да и выбора у меня особого нет. Я не могу позволить себе сдаваться. Только не теперь, когда на карту поставлена жизнь».

«Продолжай плыть, и выплывешь. Не думай о судороге, и ее не будет. Думай о городе, о том, что ты скоро

будешь в безопасности, о том, что уходишь на юг от бабочек. Думай о хорошем, забудь о плохом, и все будет в порядке».

«Да, легко так говорить,— думал он.— Особенно, когда плохое так сильно перевешивает все хорошее. Просто с невероятной силой».

Джек почувствовал, что замечает изменения в температуре воды. Наверное, это вода из реки, встречное течение. Он понял, что движется быстрее, чем полагал, и скоро окажется у ответвления. Ну вот, наконец, и приток.

Он начал бороться с течением с удвоенной силой, перестав думать обо всем, кроме необходимости продвигаться вперед сквозь невидимую преграду воды. Мышцы плеч у него заныли, и он понял, что скоро силы его иссякнут. Движения стали автоматическими и резкими, он греб, как машина. Возможно, ноги работали уже не так сильно и слаженно, но все же они двигались, и он продолжал перемещаться вперед, а остальное не имело значения.

Сейчас он расходовал значительно больше кислорода — ему приходилось глубоко дышать, и от этого заболела грудь. Он все сильнее перекачивался с боку на бок, все его движения были направлены на борьбу с течением. Неважно, как он теперь выглядит, как он устал и как болят его мышцы. Джек знал, что он уже близко к реке, и вдруг ощутил новый прилив сил — экстренный запас энергии, о наличии которого он и не подозревал. Ему оставалось проплыть совсем немного, и он ни на что уже не обращал внимания.

Джек плыл как робот, забыв о своем теле. Последние ярды показались ему самыми трудными из всего путешествия. Ему казалось, что с каждым гребком он продвигается вперед всего на несколько дюймов. Течение было сильным и холодным — поток воды, питающий всю систему искусственных каналов, набирал здесь наибольшую силу. И он отчаянно боролся, не желая сдаваться, не слушая воплей своих ноющих рук и ног. И вдруг он представил себе Стоула, с улыбкой сидящего на дне реки. И решил во что бы то ни стало доплыть до него, чтобы отомстить этому подонку, который сделал дичайший кошмар живой реальностью.

Это было все, о чем он мечтал. Как пробка, отпущенная из-под воды, как стрела, брошенная тугой тетивой, Джек рванулся вперед к реке.

И радость наполняла его, вытесняя все остальные чувства. Он вырвался! Он захотел прыгать, кричать, улы-

баться и делиться своим счастьем с бегущей водой. Он хотел глубоко вздохнуть с облегчением, но с трубкой в зубах это было, увы, невозможно.

Течение понесло его вниз по реке быстрее, чем он думал. Теперь Джек передвигался примерно с такой же скоростью, с какой он плыл по озеру, но при этом почти ничего не делал, а только следил за тем, чтобы быть примерно на середине реки, между двух ее берегов.

Впервые за последние несколько часов, впервые с тех пор, как налетели бабочки, он почувствовал, что у него **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕСТЬ** шансы выжить. Теперь ему уже не надо было лгать себе. Теперь он не должен был держаться только на вере и надежде. Он почти вырвался, а остальное — это уже вопрос времени. В конце концов он все равно будет в городе, будет разговаривать с живыми, дышащими людьми, для которых бабочки покажутся волшебной сказкой, галлюцинацией изможденного человека, стоящего посреди северного города в водолажном костюме.

Джек плыл и ясно представлял себе выражение лиц людей, меняющееся от жалостливого к испуганному, а потом и полностью недоумевающему.

Он знал, что надо будет тщательно подобрать слова, иначе ему никто не поверит. Конечно, лучше всего уговорить кого-нибудь поехать вместе с ним в поместье, и тогда все сомнения рассеются. Но делать все надо разумно, не теряя контроля над собой, иначе они подумают, что он слетел с катушек.

Река несла его вперед, навстречу спасению и безопасности, и он продумывал, что будет говорить и как станет это делать. Джек хотел от них помощи, но если ему не удастся сразу кого-нибудь убедить, то он знал, какая помощь ему будет оказана, — та, которую обычно здоровый человек может предложить ненормальному — отдых в белой, обитой мягким материалом палате.

А это не совсем то, что ему нужно. И все же теперь, когда он был уже так далеко от поместья и находился в безопасности под водой, даже ему было трудно поверить в то, что произошло наяву. Что же ОНИ могут еще подумать, кроме того, что он сошел с ума? «Человек помешался — подсознание теперь платит ему за долгие годы мучительной жизни...»

«Ну конечно же, — размышлял он. — Доплыть сюда было делом только физической выносливости и силы воли. Но чтобы достать помощь, придется встретиться еще с одним зверем».

Бабочки не покрывали реку так густо, как озеро, и Джек был очень этим доволен. Возможно, их смущало течение, но что бы там ни было, он был рад, что их нет рядом в таких количествах. Он то и дело выныривал на поверхность и плыл неглубоко, наблюдая, как мимо проносятся берега. Двигался он не очень быстро, но уверенно, стараясь не затрачивать много сил на то, чтобы перегнать течение. Когда ему надоело плыть у поверхности, он нырнул на несколько футов в глубину и плыл там опять, пока не испытал желания подняться повыше. Плыть по реке было одним удовольствием по сравнению с тем, что он ощущал во время путешествия по озеру и каналу.

Сражение с тем течением не прошло даром. Теперь он все чаще отдыхал, используя для продвижения лишь течение реки. Все, что ему требовалось, — это быть внимательным и следить за рекой, особенно в местах поворотов. Если бы он полностью отдался во власть реки, то при повороте мог бы сильно ушибиться о берег.

При тусклом свете луны Джек видел, что берега по-прежнему покрыты бабочками, и по ним мог определить, когда же наконец начнется безопасная зона и он сможет идти пешком. Он рассчитывал на то, что далеко на юг они не могли распространиться и в городе их нет. Сейчас для него это была единственная проблема: если бабочки заняли район на несколько миль вниз по течению, ему придется искать другой выход из положения.

Но если город тоже разрушен ими, то об этом уже должны узнать и прислать помощь.

Плывя у поверхности, Джек вдруг заметил, что небо и лес осветились яркой вспышкой, будто кто-то выстрелил сразу несколькими ракетами. Он стал ждать, думая, что это, возможно, спасательная команда, но тут же понял, что то, что он видел, было не светом ракет, а настоящим пламенем. Это был огромный пожар где-то на реке, чуть дальше вниз по течению. Все бабочки, летающие рядом, устремлялись в сторону огня.

Джек удивился, откуда мог взяться такой огонь, но раздумывал лишь мгновение, а потом понял, что это был упавший самолет. Он загорелся, и от этого взорвались топливные баки. Река сделала поворот, и Джек убедился в своем предположении — огромные облака черного дыма поднимались на сотни футов вверх, и пламя достигало почти такой же высоты.

Самолет лежал носом в воде и был охвачен неистовым огнем.

«Трудно будет проплыть мимо него»,— подумал Джек. Чем ближе он подплывал к нему, тем опаснее становилась ситуация. Казалось, что даже вода загорелась, хотя он знал, что это горит разлитое по реке топливо.

Течение уносило пролитое горячее вниз, а из отверстия рядом с баками рвался огонь. Сквозь пламя Джек не мог разглядеть кабину, но был уверен, что летчик погиб. Если в самолете были пассажиры, то и они скорее всего тоже погибли. Даже если они и выжили при ударе о землю, то сейчас наверняка уже умерли.

Он видел только один путь — нырнуть как можно глубже и проплыть под самолетом. При этом надо держаться ближе к левому берегу, если, конечно, там не слишком мелко. Джек хорошо знал реки — они обычно мелководны у берегов и глубоки только посередине. Но он все же надеялся, что ему не придется подплывать к самолету близко.

Бабочки слетались к огню, закрывая собой весь пожар. Подлетая ближе, чем положено, они потрескивали и шипели, будто здесь происходило приготовление какого-то безумного кушанья. Джек был рад, что не может чувствовать запахи и дышит кислородом из акваланга. Мысль о том, что он учует запах их поджаренных тел, была ему отвратительна.

Подплыв к самолету на допустимое расстояние, он нырнул на самое дно и, потрогав его руками, решил, что глубина здесь не меньше, чем десять футов. «Не плохо для такой маленькой речки»,— подумал он. Но, плывя дальше, Джек заметил, что по мере приближения к самолету река становится все мельче и мельче. И это было сущей правдой. «Мне только показалось, что там глубоко»,— решил он.— И я даже знаю почему».

Впереди над собой он отчетливо видел горящий самолет, отблески огня проникали под воду и освещали все вокруг. Джек старался держаться как можно глубже и левей. Проплывая мимо, он был рад, что не оказался в этом самолете, а выбрался сам, своими силами. «Конечно,— сказал он сам себе,— это был их единственный шанс». Если бы он захотел улететь и у него был этот самый самолет, он тоже наверняка бы использовал эту возможность.

Джек как раз проплывал мимо носа самолета, когда вдруг почувствовал, что плыть ему стало гораздо труднее. Кто-то крепко схватился за него, и от этого он ощутил дикий страх. Мурашки побежали по спине, кровь отхлынула от лица, и в животе все опустилось.

Он оглянулся и увидел женщину. Длинные волосы скрывали ее лицо, которое было не далее чем в футах от его собственного. И это испугало его еще больше.

Джек в ужасе поплыл прочь от самолета и этой женщины, пытаясь делать все как можно быстрее и не теряя присутствия духа.

Но она не отставала от него, вцепившись, как утопающий. Когда он еще раз оглянулся, то совсем рядом увидел ее искалеченное, бледное лицо. Она была мертва.

Ее волосы — наверное, они зацепились за акваланг — вот в чем дело. Джек попытался распутать их, отплывая по течению все дальше от самолета. Тело женщины существенно замедляло его продвижение.

Он неуклюже возился с аквалангом, пытаясь освободить его от волос, но добился только одного — перекрылся воздушный клапан.

Страх его усилился — теперь он не мог дышать, а лицо женщины плыло совсем рядом, постоянно ударяясь об его маску своей чудовищной гримасой с открытыми глазами, глядящими в никуда.

Он почувствовал, что ему просто необходимо закричать, заорать и вырвать эти волосы из акваланга!

Изогнувшись, Джек повернул вентиль и услышал звук поступающей смеси. Он был рад этому и глубоко задышал.

Тело женщины билось об его собственное, и он мучительно желал побыстрее уплыть от нее, хотя знал, что это невозможно — она потащится вслед за ним.

Было только один способ избавиться от нее. Но одна мысль об этом повергала его в ужас. Однако выбора не было. Он схватил длинные пряди волос, спадавшие с ее головы на его плечи и акваланг, и, упершись в безжизненное тело ногами, что было сил рванул волосы со скальпа.

Наконец-то он был свободен!

Со всей скоростью, на какую он был только способен, со всей силой, какую еще можно было выжать из болевших конечностей, Джек устремился вперед, обгоняя ее мертвое тело.

Он старался не думать о куске кожи с головы, которую вырвал вместе с волосами и которая теперь плыла позади него. Он стремился забыть безжизненное выражение ее бледного, бескровного лица, фосфорический блеск мертвых открытых глаз. Он хотел только как можно быстрее выбраться из этого ада. Остальное не имело значения. Все прочее исчезло из его мозга, будто ни бабо-

чек, ни города, ни детей, оставшихся одних, не существовало.

Река сделала несколько поворотов, и Джек подумал, что тело женщины уже, наверное, прибило к берегу и запуталось в водорослях и камышах. Наконец-то он освободился от нее! А когда станет безопасно подниматься на поверхность, он постарается избавиться и от ее волос; как он это будет делать, Джек себе еще не представлял, как и то, куда он их денет.

«Скорее всего, выкину на берег»,— подумал он.

Он плыл, но его сильно трясло, и ноги резко ослабли после такого происшествия. Ему казалось, что безжизненное лицо женщины все еще плывет рядом с ним — открытые глаза, рот, бледная кожа, и кажется, что вся она вылеплена из воска. Его передернуло, когда он представил себе, ЧТО она чувствовала в момент падения — неминуемая смерть безудержно рвалась навстречу, и ничего нельзя было поделать — самолет упадет через несколько мгновений.

Интересно, кричали ли они от страха и от того, что уже ничего нельзя изменить и гибель неизбежна?

Наконец дрожь унялась, и он смог осмысленно продолжать путь. Джек всплыл ближе к поверхности и, управляя ластами, пытался не шевелиться. Его понесло по течению, а он тем временем обернулся и постарался вытащить из механизма акваланга застрявшие в нем волосы с куском скальпа. Ему показалось, что прошло довольно много времени, прежде чем ему это удалось. Затем он вынырнул, размахнулся и изо всех сил зашвырнул безжизненную ткань на правый берег.

Освободив себя физически от последствий страшной катастрофы в виде мертвецов в реке, Джек почувствовал, что может продолжать путь дальше, но при этом ему не следует забывать, что он все-таки не полностью еще оторван от жуткой реальности. Там, в городке, его ждали люди, они рассчитывали на него, и он не мог их подвести, как подвел Алана и Кэти. Почувствовав новый прилив сил, он рванулся вперед, уносимый течением. Свет горящего самолета пропал за спиной, и он снова оказался в темной ночи, плывя навстречу своему спасению.

«В город,— подумал он.— Быстрее в город. Но что я буду делать, что скажу, когда там появлюсь? Что я могу сказать, чтобы убедить их, что я серьезный человек, а не сумасшедший?» Не найдя ответа на данный вопрос, Джек решил, что ему легче подготавливаться к этому пря-

мо сейчас. Уйти от бабочек было делом физической силы и выносливости, а чтобы убедить людей в своей правоте, требовались совсем другие силы. Эти задачи нельзя было даже сравнить.

Джек представил себе, как он стоит в городе, в оживленном месте, прислонившись к фонарю, и ожидает автобуса или кого-то, с кем он договорился о встрече, или просто убивает время, разглядывая пешеходов. И в этот момент на улице появляется человек в водолазном костюме. Он легко представил себе свою собственную реакцию: маскарад, публичный протест или побег из сумасшедшего дома — кем же еще может быть этот человек? Даже без костюма. Представьте себе, что кто-то начинает неистово кричать: «Бабочки!» Нет. Это невозможно. Джек понял, что самая трудная задача, пожалуй, еще впереди. Он мог удачно проплыть реку, дойти пешком до города и войти в него относительно неповрежденным. Но все будет напрасно, если его запрут в камеру и потребуют психиатрического обследования.

«Да уж,— подумал он.— Нелегкая задача у меня впереди».

Усталость нарастала. Если бы он не плыл в холодной воде, а занимался любым другим делом, он знал, что непременно остановился бы и отдохнул. поспав несколько часов. Желание сделать привал, отдохнуть всего на пару минут, постепенно росло, овладевало им, захватывало его полностью и стало уже не меньшим врагом, чем сами бабочки. Веки тяжелели, и он постоянно давил в себе желание зевнуть, боясь выронить изо рта трубку. Он больше не смотрел на берега в ожидании, когда бабочки полностью исчезнут с травы. Он пытался не заснуть, остаться в трезвом уме и полностью контролировать свои действия.

Единственное, что заставляло его двигаться, это тусклые огни слева, вдали от реки — огни города. Воочию увидев свою цель, Джек собрал остатки сил и энергии и продолжал плыть вперед.

«Может быть, я уже достаточно близок к городу и могу несколько минут отдохнуть? — подумал он.— Ведь никакого вреда не будет, если я выберусь на берег и на пару минут прилягу». Ему надо отдохнуть. Он почувствовал, что не доберется до города — через лес или по дороге,— если сейчас же не отдохнет. Нет, он не будет засыпать — он просто не позволит себе этого. Но внутренний голос подсказывал ему совсем другое. Он уверял, что если Джек выйдет на берег отдохнуть, то сразу же заснет,

несмотря на все свои благие намерения. А если он заснет, то до утра не доберется до города, а это значит, что бабочки в поместье снова начнут нападение, и тогда уже от туда никто живым не выберется. Те несколько выживших людей не переживут еще одного дня. «Нет,— подумал он.— Об отдыхе нечего мечтать». И поплыл дальше.

Руки у Джека едва шевелились, а движения, которые он делал ногами, вообще было трудно различить. Он просто поддерживал себя в центре реки и направлялся по течению к цели.

«Может быть, все это напрасно? — думал он.— Может быть, я зря изнуряю себя, и кто-то из города уже успел все сделать?» Это вполне возможно. Не был ли он слишком эгоцентричен, когда решил, что он — единственный, кто может помочь? Конечно, и другие тоже могли выбраться. Ведь из того, что он видел несколько автомобильных аварий и катастрофу с самолетом, вовсе не следует, что все бремя должно ложиться на его плечи. Но если кто-то уже успел сообщить, то почему он не может выйти на берег и немного передохнуть? Будет гораздо хуже, если он упадет от изнеможения по дороге в город. Кто тогда вызовет помощь, если это произойдет? Но даже задавая себе эти вопросы и уверяя себя в необходимости передышки, Джек знал, что это за него говорит его слабость, что он не может позволить себе ничего подобного, что от него зависят человеческие жизни — зависят от того, дойдет ли он до города и сумеет ли убедить людей в реальности происходящего в поместье кошмара.

Даже если от него это уже и не зависело, даже если кто-то уже успел сообщить обо всем, он не мог просто так взять и поверить в это. Он все равно должен думать, что он единственный, кому удалось пробраться так далеко. Хотя бы из-за Робби и Дианы, которые сидят там, в спальне, сжавшись в комочек под одеялами, и ждут его помощи, а трупы их родителей лежат рядом, в коридоре, всего в нескольких ярдах от них.

И когда Джек подумал о своих друзьях, которые лежат у себя дома, изуродованные бабочками, страшные картины снова вспыхнули в его мозгу, и время и расстояние не смогли их стереть. А ведь на улицах было гораздо больше трупов, чем он видел; и не все крики боли и ужаса он услышал. Но он у себя дома увидел ужаса и крови за один день больше, чем за все время своего пребывания во Вьетнаме! И он просто обманывал себя, говоря, что все не так-то и страшно, что кто-то наверняка

уже выбрался, успел обо всем сообщить и уже спешит назад с помощью. Страшная действительность всплыла в его памяти, подняв свою уродливую голову, и напомнила о правде — жестокой и голой правде, о том, что уже произошло и чего уже никак нельзя изменить.

Так что, устал он или нет, сейчас не время отдыхать.

21

Прибрежная грязь скользила под его пальцами, перемешиваясь со слизью и галькой, как бы не желая принять Джека на сушу. Течение тоже старалось отбросить его назад. Но он резкими, судорожными движениями впиался в землю, отчаянно пытаясь выбраться на берег. Ласты не слушались его и, как нарочно, то и дело ударялись о неровное каменистое дно.

«Город должен быть где-то здесь,— подумал он.— и плыть дальше было бы ошибкой».

«Ошибкой...» — эхом повторилось у него в мозгу, и он рассмеялся каким-то странным вымученным смехом. Вот то, что они уехали из города, действительно было ошибкой. Страшной ошибкой! От которой ему еще долго придется страдать, вскакивать по ночам с кровати и изо всех сил кричать: «Кэти!»

Деревянными ногами он, не нагибаясь, попробовал скинуть ласты и оставил их лежать на дне. Ноги были будто бы не настоящими, искусственными, а ласты — их частью. Берег не слишком крутой — почему бы не использовать и руки, и ноги, чтобы выбраться на него? Звезды загадочно светили в тишине, словно играя с ним, обещая раскрыть свои тайны, пусть только он выберется на берег и достанет до них. Он стоял замерзший, усталый, а они водили над ним свой медленный хоровод.

«Все кончено», — почему-то подумал он.

Джек потряс руками, как боксер, готовящийся к очередной схватке на ринге, и опять был готов к сражению.

Он увидел впереди выступающий корень, который можно было использовать в качестве ступеньки, и, собрав остатки сил, вытащил ногу из воды, хватаясь за пучок травы, растущей над головой. Вот. Он уже наполовину вылез. Теперь надо вытащить вторую ногу. «Вот так, Джек,— говорил он себе.— Надо только поставить ее поустойчивее».

Он перенес весь свой вес на левую ногу и почувствовал, как берег медленно оседает под ней, оползая под его

тяжестью. В отчаянии он начал карабкаться вверх, работая ногами и подтягиваясь на руках, и зарылся лицом в липкую грязь. Рот его был широко раскрыт, и когда он хотел вдохнуть, то почувствовал на губах горький привкус земли. Изогнувшись, как змея, Джек из последних сил вполз на валун и свалился в изнеможении. Но он был уже на земле, на одном уровне с городом, выброшенный из кошмара реки.

«Вот и хорошо,— подумал он.— Пусть все идет своим чередом, пусть согреются мои конечности, а я пока что закрою глаза. Мне ведь надо же отдохнуть».

— НЕТ! — закричал он.— НЕТ!!

С болью во всем теле, очень медленно Джек подтащил одну ногу к другой и встал на четвереньки. Потом усилием рук поднялся на колени и широко раскрыл глаза. У него была одна-единственная мысль — он закончил путь, достиг нужного места, и теперь начинается заключительный этап — город. Больше его ничего не волновало — ни голод, ни усталость, ни царапины и ссадины на теле. И еще было что-то, что превращало город в яркий маяк, перед светом которого тускнели дразнящие звезды. Это была боль, постоянно гнетущее состояние в груди, напоминающее ему, что Кэти и Алан погибли. Ушли безвозвратно.

В сотне футов впереди стоял, качаясь в такт уставшему разбитому телу, темный дремучий лес. Земля вокруг была ровная и гладкая. По ней, наверное, легко идти. Темная дорога, параллельная реке, отделяла ее от леса. Джек с трудом поднялся на ноги и в отчаянии посмотрел в сторону города, туда, где должны были быть огни. Ведь он же видел их из реки! Он посмотрел направо, налево, затем повернулся назад, чтобы убедиться, тот ли берег он выбрал.

Вон там? Может, и там — немного подальше на юг и правее. Но он хотел бы быть более уверенным — ему едва ли будет под силу испробовать несколько разных направлений. Об этом нечего и мечтать. «Или все, или ничего», — решил он. Небо начинало постепенно светлеть, возле горизонта появлялась светло-синяя полоса, окаймляющая восток надеждой о скором дне, которого многим уже не придется увидеть. А сколько их, запертых, как в ловушках и тюрьмах, в своих собственных домах, мечтают, чтобы этот день никогда не настал.

Джек направился к городу, решив срезать путь по полю, пролегающим между рекой и дорогой. Он шел, согнув-

шись, и время от времени вздрагивал, когда камни и галька попадали под его ноги, обутые в тонкие резиновые тапочки.

В целом он был доволен пешей прогулкой, она нравилась ему куда больше, чем длительное плавание под водой.

Теперь все было легко и просто — шаг за шагом, одна нога становится впереди другой. Ничего страшного. И конечностями управлять легко. Никаких тебе течений, которые пришлось бы преодолевать.

«О, Иисус! О мой Бог! Я не могу поверить в это», — подумал он и сказал вслух:

— Ну ты и дурак!..

Он снял акваланг и опустил его на землю, почувствовав, что становится лет на десять моложе. Баллоны глухо ударились, и это был самый приятный звук, который он слышал за последние сутки.

«Так и нес его, как идиот, — подумал он. — Привык, придурок, что он там висит...»

За аквалангом последовал водолазный костюм. Снимая защитную кожуру, он почувствовал себя птицей, только что вылупившейся из яйца. Джек выполз из него, как кобра, которая выросла из своей шкуры, и теперь меняет ее на новую, потому что старая стала тесновата, да и дышать в ней трудно.

Приток свежих сил, новый заряд энергии, вошедший в его тело, совсем не был похож на второе или даже третье дыхание, это было, как удар молнии, взбудораживший все его надежды, желания и стремления. «Ну да», — подумал он, и грудь его вздымалась, свободная от тяжких лат... «Но сперва — люди в поместье. А там уже настанет и моя очередь, разберусь и со Стоулом».

Джек шел по извилистой дороге, тянувшейся через лес. Но детские страхи, связанные с темной чащей, заслонялись теперь ужасом реальности. Он с улыбкой вспомнил, как когда-то давно, когда он был совсем еще маленький, он бежал поздним вечером через лес из кинотеатра и не знал, что чудища на самом деле не существуют, что страшные существа, которых он видел на экране, не таятся в переплетении стволов, готовые в любую минуту прыгнуть с дерева на голову. Но если бы он знал тогда то, что узнал о жизни сейчас, он забился бы в теплое плюшевое кресло и сидел бы там, пока за ним не придет отец и не выведет его за руку из этого страшного темного леса.

А сейчас его ничто уже не пугало в лесу. После всего, что он видел и пережил. «Да,— подумал Джек, покачив головой,— трудно напугать человека сказками после того, как он увидит ад рядом с собой, да еще через увеличительное стекло».

Дорога петляла между деревьями, но все же вела в сторону города каким-то запутанным и странным маршрутом. Джек был уверен, что это не естественные повороты. Видимо, они здесь для того, чтобы строители, водители бульдозеров, могли объезжать деревья. Нет. Это глупость. Тут, наверное, другая причина. Кто-то направлял эти бульдозеры направо и налево, как ему вздумается, а иногда просто вел их напролом — в любом направлении, как захочется левой ногой.

«Любая дорога,— подумал Джек,— любая дорога всегда была открыта для меня: хочешь — следи за поворотами, хочешь — иди вниз по холмам, хочешь — вверх, а потом петляй кругами. Вверх и вниз, прямо и вокруг — а все идет к одному концу, в одно и то же место. Помогли ты им или нет, спаси несколько жизней тут или там, застрели сколько угодно человек во Вьетнаме, потеряй жену и ребенка, сожги человеческое тело, распусти слюни над неотомщенными убитыми или застрели деревенскую женщину с автоматом, хоть эта деревня в сто раз беднее, чем наши леса... Леса... Поля... Город!»

Город.

Он стоял и восхищался им, как редкой драгоценностью, рассматривая переходящие одна в другую крыши домов, и все не мог наглядеться. Каждая крыша имела свой цвет, свой собственный оттенок на фоне постепенно светлеющего неба. И каким бы сонным и спокойным ни казался ему этот город, он дышал и бурлил своей обычной, здоровой жизнью. Он словно вышел из волшебной сказки — позолоченные и разукрашенные крыши, сады из леденцовых деревьев, маленькие собачонки носятся по улицам и лают, улыбаясь прохожим, а люди никогда не ссорятся, и папы с мамами никогда не наказывают своих очень послушных детей.

Этот город купался в своей невинности.

Бедствие обошло этот город, и он собирался проснуться и начать новый день.

Этот город делил свою безмятежность с остальными городами во всей этой сказочной стране. Со всеми, кроме одного, который не был избавлен от кровопролитий, от смерти, от нашествия бабочек

Даже если этот город поймет или скажет, что понял, даже если он честно постарается все понять, он никогда полностью не узнает и не прочувствует весь страх и ужас кровавой бойни.

Он будет вечно, как репортер, наблюдающий с борта спасательного вертолета за тремя людьми, дрейфующими на льдине уже в течение трех недель в бушующем океане, задавать почти один и тот же вопрос: «Что же вы ощущали?»

Этот вопрос будут задавать потом многие люди. И даже если постараться им все хорошенько объяснить, они все равно никогда не почувствуют того, что пережили сумевшие выстоять. Они сидят сейчас перед телевизорами, погруженные в фантазии своей сказочной страны, и такие далекие от действительности — эти изолированные от людей и от всего мира наблюдатели.

А самое плохое, как он понял, — это то, что не было у него ни камер, ни вертолетов, которые засвидетельствовали бы: «Да, народ, это действительно случилось, парень не врет». По крайней мере, не **СЛИШКОМ** врет.

Джек двинулся вперед и решил остановиться у первого дома. Он будет убеждать их. Если они спят, то разбудит и будет говорить до тех пор, пока они не поверят, пока не выйдут из своего маленького уютного мирка и не посмотрят на то, что творится вокруг.

По тропинке Джек подошел к дому. Милые собачки не носились по улицам с добродушными улыбками, они отчаянно лаяли и обнажая свои клыки, по размерам превосходящие проклятых бабочек. «Ну и хорошо, — подумал он. — Если в доме все спали, то теперь уж наверняка проснулись».

К счастью, собаки держались на почтительном расстоянии, даже когда Джек по ступенькам взобрался на крыльцо. Это его взбодрило. Теперь если хозяин не выскочит ему навстречу с обрезами, шансы его еще больше возрастут.

Он постучался в дверь. Но звук был слишком слабый, чтобы разбудить спящих наверху, если, конечно, они еще не проснулись от собачьего лая. На долю секунды Джек забылся — что он здесь делает? Почему он тут? — и подумал, стоит ли ему стучать сильнее? А вдруг люди уже проснулись от лая и спускаются вниз, и, если после его повторного стука они сразу же откроют дверь, то не будет ли он выглядеть слишком глупо?

Но он тут же сообразил, что совершенно неважно, что подумают эти люди. Ему срочно нужен их телефон.

Он распахнул первую стеклянную дверь и кулаком начал стучать в основную, парадную. Потом выждал несколько секунд и принялся колотить снова.

Джек не помнил уже, сколько он так стучался, но вот наконец голос, далекий и раздраженный, крикнул:

— Эй, там! Иду!

Дверь открылась, и появился человек в банном халате, сонный и очень злой. Рядом Джек увидел и его жену, выражение ее лица менялось—она выглядела озабоченной и удивленной, а потом пробормотала:

— Господи! Что с вами случилось? Да проходите же, проходите...

Мужчина посторонился, и Джек вошел в дом. Женщина тоже была одета в халат, но на ее лице читалось гораздо больше сочувствия, чем на лице ее мужа.

— Мне надо позвонить,— сказал Джек.

Мужчина посмотрел на женщину, как бы раздумывая, что делать дальше, затем указал на маленький столик в коридоре.

— Что случилось? — спросил он.

— Если я вам скажу, вы мне не поверите.— Джек прошел мимо мужчины к телефону и поднял трубку.— Хотя, я думаю, что и другие тоже. Если вы мне подскажете номер полиции, то мы, возможно, спасем несколько человеческих жизней.

— О чем, черт возьми, вы говорите? — сурово спросил мужчина.

— Четыре два один, семь один один один,— сказала женщина с лестницы.

Джек нажал кнопки и повернулся к женщине.

— Спасибо,— сказал он.— Постойте здесь и вы услышите такое, чего вы не захотели бы услышать никогда в своей жизни.

— Он ненормальный,— сказал мужчина своей жене.

— Хотелось бы мне быть ненормальным,— ответил Джек.— Но когда я договорю, вы все поймете.

— Эйлин, тебе бы лучше уйти наверх,— посоветовал мужчина.

— И все пропустить? Ни за что.

— Алло,— сказал Джек в трубку.— Да, у меня срочное, но это не преступление.

— Подождите,— ответил голос на другом конце про-

вода, после чего раздался короткий сигнал. Почти сразу же гудок прекратился.

— Сержант Моррис,— послышался ответ.

— Алло, сержант! Это Джек Вайнер. Я из поместья на севере.

— Чем могу помочь?

— Вы выслушайте меня, и можете не верить ни единому моему слову. Я только прошу вас проверить все самому.

— В чем дело?

«В самом деле,— подумал Джек.— В чем именно дело?» Он посмотрел на хозяев, будто собирался сказать такое, что моментально подействует на них, и реакция будет очень отрицательной.

— Почти все люди в поместье погибли, сержант,— сказал Джек.

— Да, правда? И как же это произошло?

— Я вижу, вы мне не верите. Я ожидал этого. Проверьте сами — позвоните кому-нибудь из поместья. Когда вы обнаружите, что все телефоны там не работают, позвоните в телефонную компанию. А после этого перезвоните мне. Мой номер...— Он замолчал и посмотрел на телефон.— Четыре два один, один четыре один три.— Джек взглянул на мужа с женой, растерянно сидящих на ступеньках.— Какой у вас адрес? — спросил он.

Мужчина назвал свое имя и адрес, и Джек повторил это в трубку.

— И еще одно, сержант. Так, ради меня, если вы считаете меня ненормальным. Не посылайте туда никого, прежде чем еще раз не позвоните мне.

— Вот что я вам скажу, мистер Вайнер. Не говорите мне, что я должен делать, и тогда я не скажу, что вы чокнулись.

Джек повесил трубку.

— Вы это серьезно говорили? — спросил Эд, хозяин дома.

— К сожалению, да.

— Но как? Как это произошло? Почему мы ничего не знаем? — спросила Эйлин.

— Послушайте. Я вам очень благодарен за то, что вы позволили мне воспользоваться вашим телефоном. И я думаю, вы не возражаете, если я скажу ему, что пробуду здесь еще некоторое время. Если честно, то когда вы выкинете меня из дома, я лягу спать прямо тут же, перед дверью,

я не могу больше сделать ни шагу. Извините, что я так поступаю, но у меня просто нет другого выхода.

Эд удивленно поднял брови.

— В самом деле. Я не приехал сюда. И даже не пришел пешком. Я шел только от реки, понимаете? А от поместья я мог добраться только одним способом — вплавь по озеру, а потом по реке.

Когда Джек объяснял все это, рты у обоих открылись.

— Выплыли? — недоверчиво спросил Эд. — Да вы и в самом деле сумасшедший. Или врете.

«Все, что угодно, но они не верят в действительность, — подумал Джек. — Да, Эд, это, конечно, прекрасно. Оправдай только мои надежды, и ты увидишь, какие они — ваши расписные фантазии...»

Джек прислонился к стене и медленно сполз вниз. Эйлин и Эд вскочили, но никто из них не бросился ему на помощь. Однако Джек увидел кое-что в их лицах, выражение их менялось. В них появлялся СТРАХ. Как будто перед этими людьми возникала какая-то реальная угроза.

— Думайте, что хотите, — сказал Джек. — Но я скажу кое-что, о чем вы призадумаетесь. Вы хотите узнать, что убило всех этих людей?

Они не ответили на его вопрос, но он видел, как страх растет в их глазах. Из-за какого-то ненормального любопытства они хотели услышать обо всем из первых рук. Они хотели услышать о трех бедных душах, оказавшихся в открытом океане без средств к существованию, после того, как затонул корабль, на борту которого было двести человек: о самолете, который потерпел крушение прямо на взлете, и все сразу же погибли. Они были напуганы, и страх был изображен на их лицах так же ясно, как клыки собаки, загнанной в угол. Они пытались скрыть свой страх за оконным стеклом. Они ждали — вот сейчас Джек расскажет, что это он убил всех тех людей, зарезал их, пока они мирно спали в своих кроватях...

— Я расскажу вам все, когда позвонят из полиции.

«А они позвонят», — подумал Джек.

Все сидели в напряженном молчании. Джеку было уже все равно, чего нельзя было сказать об Эде. Он занервничал и стал теревить пояс своего халата.

— Иди наверх и оденься, — сказал он Эйлин.

— Я подожду, — ответила она.

Они сидели и ждали звонка, смотрели друг на друга, потом на стены, на пол, а потом опять друг на друга. Ко-

нечности у Джека затекли, и он переменял позу, пытаясь как можно больше расслабить ноющие мышцы.

— Может быть, вы пересядете на стул? — спросила Эйлин.

— Да, пожалуй, — согласился Джек. — Я понимаю, я вам кажусь странным. Но я никого не убивал в поместье. Мне чертовски повезло, что я выбрался оттуда живым. Моя жена и сын... они... они погибли.

Зазвонил телефон.

Эд встал со ступенек, подошел к столику и поднял трубку.

— Да, он здесь, — сказал Эд. — Да, я понимаю. Да-да, можно. Да, вот он здесь. Передаю. — И передал трубку Джеку. — Полиция, — шепотом сказал он.

— Спасибо, — ответил Джек. — Алло?

— Мистер Вайнер? Говорит сержант Моррис.

— Да, сержант.

— Я уже послал за вами машину. Мне бы хотелось с вами переговорить.

— Прекрасно. Мне трудно идти пешком, так что сейчас я подъеду. Скажите, а вы послали уже туда машину на проверку? — спросил Джек, надеясь на невозможное.

— Да.

— Отзовите ее. Ради всего святого. Пожалуйста. Пусть остановится на обочине или еще где-нибудь. Сейчас несколько минут уже не сыграют роли. Поверьте, я не собираюсь указывать вам, что надо делать. Я просто прошу вас ради жизни того полицейского и кто там еще с ним в машине, подождите! Он сам ничего не сделает. Разве что погибнет.

— Поговорим об этом, когда вы приедете сюда, — сказал сержант и повесил трубку.

Джек сделал то же самое.

— Ну? — спросил Эд.

— Они послали за мной машину, поэтому мне придется пробыть здесь еще немного. Если вы хотите узнать, что там случилось — а другой возможности у вас не будет, — то я могу рассказать.

— Пожалуйста, — попросила Эйлин. Глаза у нее загорелись.

— Бабочки. Плотоядные. Миллиарды. Миллиарды бабочек налетели тучей, как пурга, нападая на всех и вся.

Эд хотел рассмеяться, но испугался, что он один попался на удочку. Но шутка ли это?..

«Нет,— подумал Джек.— Он даже не понимает, черт возьми, что произошло, будто кто-то неожиданно вытащил коврик у него из-под ног». Но глаза Эйлин подсказали ему, что он хотел узнать. Она ему почему-то поверила.

— Эй, парень. За кого ты меня принимаешь? Бабочки, да?

Джек кивнул.

Эд покачал головой.

— Ты просто рехнулся.

Джек вздохнул.

— Возможно.— Он подался вперед и заглянул Эду в глаза.— А, может быть, и нет.

22

Джек повис на полицейском всей своей массой, тот почти тащил его на себе. Патрульный помог ему пройти по коридорам мимо дверей и полицейских, которые, сидя за своими столами, провожали их скучающими взглядами. Пробираясь к столу сержанта, Джек почти что слышал, как они говорят ему вслед: «Еще один надрался». Он не винил их — да и не имел права винить. Вид у него был такой, будто он где-то вывалился, откуда-то удрал или упал с забора. К тому же все его тело покрывали свежие царапины, ссадины и синяки.

Наконец он остановился у какого-то стола. За этим серым столом с металлической обивкой сидел самый обычный человек, разве что в форме, который ничего и не слышал о кошмаре и бедствии, случившихся в поместье, и никогда бы не услышал, если бы не решился поверить его сумасшедшему звонку. Лицо у сержанта было жестоким и морщинистым, как будто годы стерли с него все эмоции и надежды, оставив на их месте только складки и черточки, отчего он казался вдвое старше.

— Мистер Вайнер?

— Да,— ответил Джек.

— Садитесь. Хотите кофе или чего-нибудь еще?

— Да. Кофе, если можно,— сказал Джек, присаживаясь, и заметил, как сержант кивнул полицейскому, который привел его сюда.

— Почему, черт возьми, вы не рассказываете мне, что там произошло?

— Пожалуйста,— с готовностью ответил Джек.— Бабочки.

— Бабочки...— задумчиво повторил сержант, как будто в этом слове не было никакого смысла.

— Да. Но не простые бабочки.— Он закатал рукав и показал ему свои раны.

— И это сделали бабочки?..— как-то уклончиво спросил сержант, так же, как он произнес слово «бабочки».

— Да.

— Понятно. Но бабочки обычно не нападают на людей. И на животных тоже.

— Верно,— сказал Джек.— До сих пор не нападали. Но я сам видел, что они делали с людьми на улице и что потом оставалось от этих людей. Они нападают.

Сержант откинулся на спинку стула с таким видом, будто Джек должен был под его взглядом сознаться во всем.

— Вот что, мистер Вайнер. Я интеллигентный человек, и вы, по-видимому, тоже. Почему вы мне не расскажете все по порядку? Ведь вы уже выросли из того возраста, в котором можно так глупо шутить.

Джек покачал головой.

— А вот что я ВАМ скажу, сержант. У вас есть вертолеты, так? Пошлите один туда, в поместье, и пусть вам сообщат, что они увидят сверху.

— Вертолет уже в пути.

«Слава Богу»,—подумал Джек.

Появился полицейский с чашкой кофе и поставил ее на стол рядом с Джеком. Джек взглянул на него.

— Спасибо,— сказал он.

— Не за что,— ответил полицейский.— Я еще нужен, сержант?

— Будь рядом. А пока займись вон тем делом.

— Понял.

— Итак, мистер Вайнер, вы говорите — бабочки? Ну и на что они похожи? Громадные чудовища, а с клыков кровь капает?

Джек вздохнул и приподнял чашечку кофе. Отхлебнул немного, обжег язык и поставил чашку на место.

— Послушайте. Это бабочки. Маленькие бабочки. Вы таких каждый день видите. Они летают вокруг фонарей. А когда наткнутся на фонарь, то сгорают. Это **БАБОЧКИ**.

— В этой местности с некоторых пор больше нет бабочек.

Это было уже интересно.

— Как это «больше нет»?

— Когда строили поместье, то вырубili лес, где они жили, питались и размножались.

— О Боже... — в ужасе пробормотал Джек.

— Что? — строго спросил сержант.

— Ничего. Просто я начинаю понимать — вот и все. Послушайте, я не хочу ни обидеть вас, ни насмеяться над вами. Я очень устал. Я хочу помочь тем, кто остался в живых и еще дышит, понимаете? Я очень многое пережил и видел, и если вы меня начнете расспрашивать, то я вам скажу, что моя жена и ребенок погибли, как и многие другие. Они стали едой для бабочек. И вот что, сержант, пока мы тут с вами рассуждаем, эти твари там продолжают убивать и пожирать ни в чем не повинных людей. Это очень печальная игра. Вы можете мне верить, а можете и не верить. Мне уже все равно. Оставьте меня в покое.

— Итак, вы готовы мне все рассказать?

— Что рассказать?!

— Что там на самом деле произошло.

— Конечно, — рассеянно сказал Джек. Он отхлебнул еще кофе и откинулся на спинку стула. — Это началось вчера днем...

И он рассказал все о нападении, о водолазном костюме, о детях — Робби и Диане, о теле Кэрол в машине, о долгом плавании под водой и дороге в город, о крушении самолета. Он рассказал ему даже больше, чем собирался. Просто когда он начал, то уже не мог остановиться.

Сержант оставался безучастным на протяжении всего рассказа. Но когда Джек закончил, он вдруг поднялся со стула и вышел.

— Куда вы? — вдогонку спросил Джек.

— Я передам пилоту вертолета, чтобы держался немного повыше.

Джек не совсем понял его.

— Вы что, правда поверили?

Сержант пожал плечами.

— Видите ли, мистер Вайнер. Я верю вам ничуть не больше, чем парню, который приходит сюда и заявляет, что он убил топором пятьдесят человек. Но, опять же, не верить вам я тоже не могу.

Джек повернулся и принялся за кофе. После этого все было как в тумане, и он до того устал, что уже ни на что не обращал внимания. Он слышал какой-то взволнованный телефонный разговор с Управлением национальной гвардии, потом еще один — сержант звонил своему шефу. А потом губернатору штата.

Джек и не знал, что в участок уже набилось полным-полно людей, суетящихся, как рой бабочек, и пытающихся

разузнать, что же произошло. Он положил голову на стол, закрыл глаза и расслабился. Расслабился в первый раз со вчерашнего дня, в первый раз с того времени, когда его жена и ребенок еще не стали жертвами катастрофы. Он расслабился.

Кто-то разбудил его, аккуратно похлопывая по ноющему плечу.

— Мистер Вайнер?

— Да,— пробурчал Джек в крышку стола.

— Я подумал, может, вам будет интересно узнать, мы спасли тех двоих детей. И еще много других людей. Забавно, но тот парень, который выстроил поместье, Стоул... Короче, мы нашли его мертвым,— бабочки.

Джек слабо кивнул.

— Ну да. Бабочки...

Содержание

Джон Руссо

НОЧЬ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

6

НЕЛЮДИ

126

Марк Сондерс

БЕДСТВИЕ

322

Руссо Д. Ночь живых мертвецов. Нелюди. Сон-
Р 89 дерс **М.** Бедствие. («Библиотека остросюжетной ми-
стики»). Вып. 2: Пер. с англ. С. Алукард и В. Те-
рещенко / Сост. Т. Чичиной; Ил. Б. Сопина, Т. Сопи-
ной.— М.: 1992.— 480 с., ил.

ISBN 5—253—00633—8

Настоящее издание продолжает серию: «Библиотека ост-
росюжетной мистики».

Роман Джона Руссо «Ночь живых мертвецов», увидевший
свет в 1974 году, открыл в литературе ужасов тему зомби —
кроважанных мертвецов, поднявшихся из могил, чтобы уни-
тожить все живое на земле.

В романе «Нелюди» автор продолжает эту драматическую
тему: самолет терпит бедствие, его пассажиры чудом спаса-
ются; однако у них нарушена функция головного мозга; люди
теряют не только человеческий облик, но и своими поступками
напоминают хищников.

В романе Марка Сондерса «Бедствие» слишком жестокая
оказывается месть природы за экологическую неряшливость
людей. Безобидные бабочки под действием химикатов превра-
щаются в кроважанных людоедов. Только одному свидетелю
этого кошмара ценой огромных усилий удается остаться в жи-
вых.

Р 4703040100—2806
И 38(03)—92 2806—92

84.7 США

Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики.

В ы п у с к 2.

Джон Руссо
НОЧЬ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

●
НЕЛЮДИ

Марк Сондерс
БЕДСТВО

Составитель
Чичина Тамара Васильевна

Редактор
Н. А. Преснова

Оформление художника
Л. В. Брылева

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

Младший редактор
Т. А. Мосиевич

ИБ 2806

Сдано в набор 20.02.92. Подписано к печати 18.03.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,20.
Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 28,55. Тираж 200 000 экз. Заказ 1476.
Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса». 125865,
ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

